

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КУРЬЯНОВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНЫ СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА

ВСЯ ПРАВДА О СЕБЕ
СВОИХ РОДНЫХ
И СОБЫТИЯХ

2014

Галина Александровна Курьянова

Воспоминания жены советского разведчика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66184820

SelfPub; 2021

Аннотация

От Ростова-на-Дону до Рио-де-Жанейро (так фишка легла). Вся правда о себе, своих родных и событиях в СССР и за рубежом. Девушка и юноша, два десятиклассника, встретились, сразу подружились, будто ждали друг друга, и начали планировать свою совместную жизнь: смешно, жизнерадостно и чётко – учимся, женимся, а там видно будет. Однако все сложилось довольно неожиданно: молодая семья, детишки, служба в глубинке, в гарнизоне, а потом... Рио-де-Жанейро, Нью-Йорк, Сальвадор Дали и другие события из жизни советского шпиона.

Содержит нецензурную брань.

Галина Курьянова

Воспоминания жены советского разведчика

Мои друзья не раз уверяли меня, что я пишу интересные и забавные письма и не менее интересно рассказываю. Настойчиво убеждали записывать все эти рассказы, упорядочить письменные опусы, т.е. практически написать мемуары. Я сначала решительно отвергала такого рода лестные заигрывания насчёт моих писательских талантов, потому что дружескую лесть нужно делить в несколько раз. Но чем чаще я слышала подобные советы, тем больше стала не сомневаться в их искренности. Решила так уж сильно не скромничать – а вдруг они всё-таки не ошибаются – поверить им, и кое-что записать на память. Ведь жизнь – это всего-навсего не очень длинная история, вот я и опишу свои маленькие истории. Наверное, это будет интересно вспомнить и перечитать самой, детям, друзьям-приятелям. И потом какой-то умный человек сказал, что если в голову постучалась хорошая мысль, надо впустить её, иначе она уйдет и постучится к кому-нибудь другому.

Думаю, что тяга к графоманству заложена в самой сущности человека. Люди уверены в своей гениальности и захламляют издательства бумажной литературой. Поду-у-у-

умаешь, писать! Никаких проблем! Чем я хуже?! Хочу тоже присоединиться к обществу графоманов!

Но я нисколько не считаю, что мои скромные воспоминания о моей же жизни должны заинтересовать посторонних людей (очень хотелось вставить клише «широкий круг читателей»). Я действительно хочу освежить их в своей памяти, оставить на память своим родственникам, дать почитать друзьям, надеясь, что они меня не будут судить строго, тем более как настоящего писателя.

Мои воспоминания назвать и мемуарами будет неправильно, потому что писать мемуары «всё равно как показывать свои вставные челюсти», как сказал Гейне, а я, слава Богу, вставными челюстями ещё не обзавелась. Просто жизнь была интересная, разнообразная... Сколько людей, образов, событий... Логично всё это записать, пока есть возможность и память.

Кстати, лучше не обращаться к логике, потому что она наука странная, непредсказуемая, и может путем своих логических умозаключений прийти к совершенно абсурдному выводу: самолет имеет крылья, нос, хвост, следовательно, самолет – птица; пингвин не умеет летать, следовательно, пингвин – не птица. Недавно, мой знакомый приятель-врач сказал, что у маньяков самая непредсказуемая, но железная логика. Далее: творческим натурам: художникам, писателям, актерам, философам присущи метания, стрессы, комплексы... Качества же моего характера напрочь исключают

меланхолию, депрессию и гиперчувствительность. Следовательно, я – не творческая личность... Ми-и-и-нуточку!... Несмотря на явные признаки отсутствия у меня тонкой душевной организации, присущей творческой личности, я с юности тяготела ко всякого рода непрактичным и ненужным занятиям: рисованию, сцене, путешествиям, изготовлению всякого рода забавных и милых вещиц, писанию стихов и прозы. Вещей, которые при нашем урбанистическом существовании не дают вроде бы никакой сиюминутной выгоды и уж тем более пользы, но приятны для души. Но неужели все, что мы делаем, должно обязательно иметь практическую цель? Неужели вся наша жизнь – всего лишь цепь обыденных унылых обязанностей? Нет, я не согласна! Мои занятия в изостудиях, драматических же студиях, сочинение сценариев к проведению праздников как дома так и на работе (да еще в стихах!), встречи с интересными людьми приносили мне огромную радость, удовольствие и даже гордость... Наконец-то! Выбралась! Всю эту логическую цепочку выстраивала, чтобы доказать, что, вполне возможно, я являюсь творческой личностью и имею моральное право написать подобные воспоминания – мемуарную прозу. Ура!

Однако сразу предупреждаю: особой сюжетной линии, строгих канонических писательских законов ее построения не будет. Я ведь не училась в литературном институте и правил написания литературных опусов не ведаю. Скорее – это описание того, что сохранила моя душа, если хотите, моя

эмоциональная память. Описание такое, как если бы я все рассказывала устно.

Надеюсь, что это как раз и будет интересно всем читающим, а не только близким, которые знают мою, иногда не к месту, восторженную и непредсказуемо разбросанную манеру изложения, вдруг неожиданно далекие отступления от темы. Никаких претензий на душевно-стилистические порывы не обещаю: пишу, как говорю, что помню и как помню, просто личные наблюдения и мнения, не претендующие на непогрешимость выводов.

Когда же я стала излагать свои воспоминания на бумаге, вдруг поняла, что рассказывать гораздо проще, чем описать то же событие. Писательство, оказывается, довольно трудоемкое дело. Вот уж правда – мыслям просторно, словам тесно – хочешь написать одно, другое, третье, а эти самые мысли разбегаются, торопятся вперед и вперед раньше написанного. Еще раз подтвердилась банальная истина,веряемая на практике самими пишущими: речь – сын мысли, а уж письменная речь – это нелюбимый пасынок устной речи, где интонация, жестикуляция так разнообразят и дополняют речь, что иногда можно обойтись без слов, многое можно понять от интонации, усмешки, полунамек. Словом, иногда можно отпустить эмоциональные тормоза. Письменная же речь, особенно печатная, более осторожна и сдержанна. Впрочем, мне кажется, что некоторые современные писатели-профессионалы иногда пишут вообще без тормозов и

«без башни».

Так что, если хочешь донести до читателя свои опусы и интересную мысль, ищи нужные слова, образы, выражения, не пиши сразу первое попавшееся слово, вдруг придет более интересное, ёмкое. Правда, при этом можно впасть в красоту, прилаженность фразы, но мне такая вещь не грозит: частенько я говорила то, о чем можно было бы промолчать или сказать более мягко, не иронизируя, чем я частенько грешу, не так безапелляционно, хотя, видит Бог, я никогда не старалась навязать кому-то свое мнение. Видимо, в моей устной речи иногда наблюдались форсирование голоса и оттенок поучительной интонации педагога, которые я упорно старалась искоренить, но так до конца и не преуспела в этом. Как хорошо, что в письменном виде таких недостатков учительской категоричности заметно не будет!

Странная штука память – по непонятной причине вдруг точным образом представляется, вспоминается давным-давно забытое. В детстве нас очень многое впечатляет, тем более что детская память цепкая. Взрослые, разговаривая, не обращают внимания на вертящегося рядом ребенка – что он поймет и тем более запомнит! Ан, нет... запоминают, а потом и понимают. Что-то даже случайно увиденное и услышанное западает, остается на подкорке или в подсознании, не знаю, как это определяют психологи. И вот даже через десятки лет это мимолетное впечатление может проявиться самым ярким и непредсказуемым образом.

Взрослым людям со взглядом в обратную перспективу детство, юность кажутся более романтичными и счастливыми. Какое странное и хитрое свойство человеческой памяти: невинно забывать, отфильтровывать все неприятности и оставлять лишь розовые тона! В прошлом всё кажется прекрасным, а обиды и неприятности незначительны и исчезают до полного растворения. Конечно, я не идеализирую прошлое, но все равно вырабатывается подсознательная амнезия ко всякого рода неприятным воспоминаниям военных и послевоенных лет: ржавые селедочные головы и отношение к ним как к пикантным соленостям; молодые цветы акации, поедавшиеся в виде сладостей каждую весну; первые листочки щавеля на любых солнечных пригорочках, тоже съедавшиеся, как только-только они проклюнутся летом (детский организм требовал витаминов!). Или нательное белье, носившееся месяцами, т.к. для стирки не было ни мыла, ни самих сменных трусиков и маек. Что касается подножной растительной пищи, которую мы, дети, находили даже в городских условиях, то они были такими витаминизированными чистыми добавками, что укрепляли иммунитет, устраняли необходимость посещать стоматолога до зрелого возраста. Правда, и травки были чистые, непропитанные отходами промышленных предприятий.

Буквально с 16-17 лет я уже была самостоятельным человеком и более 2-4 лет на одном месте не жила и не работала: Ростов, Азов, Новочеркасск, Москва, Белоруссия (Щу-

чин, Гродно, Минск), Бразилия (Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло, Бразилиа и др.), Перу (Лима и др.), Гавана и опять Москва. И потом деревни в глубинке Рязанской и Владимирской областей, где я с интересом и, удивившим меня саму, азартом приобщалась на даче к жизни в сельской местности, к жизни ее обитателей, их отношению к «городским» и вообще «не нашим».

Итак, РОСТОВ-город – Ростов-ДОН синие звёзды-небосклон... , город моей юности и детства.

Датой основания Ростова считается 15 декабря 1749 г. Еще Петр I во времена азовских походов обратил свое царственное око на урочище «Богатый колодезь» в устье реки Темерник. Это было стратегически очень удобное место для постройки форштадта – заградительной крепости от враждебных соседей.

Так вот, как раз в 1749 г. повелением государыни Елизаветы Петровны в устье р.Темерник – потом уже уничтожительное ныне несуществующее Темерничка, а ныне вообще несуществующее, т.к. остатки этой речушки заключены в бетонную трубу – учреждена Государственная Таможня. А в 1761-1762 гг. на нагорном берегу Дона, почти у впадения его в Азовское море, заложили военную крепость им.Св Митрополита Дмитрия Ростовского и Ярославского, о чем большинство юных ростовчан уже возможно и не знает. Рядом с крепостью и двумя слободами вокруг нее, как обычно возникали поселения – пришлый люд тянулся под защиту силь-

ных хозяев. Здесь впоследствии и вырос большой торговый город Ростов-на-Дону. Даже граф А.В.Суворов был однажды комендантом этого города-крепости.

Через 8-9 лет после закладки крепости и уже четко вы-
раставшего города восстановились и отстроились гг.Азов и Таганрог.

Непосредственно как город, Ростов стал строиться на правом берегу реки Дон, и по указу Александра I в 1807 г. был включен в состав Области войска Донского и стал называться «воротами Северного Кавказа».

С одной стороны в город потекли люди с севера, из средней полосы России, с другой, с юга, подтягивались коренные, но неудачливые жители Кавказа. Как обычно, кавказский люд искал более обеспеченной и спокойной жизни среди невраждебного и простодушного славянского населения. Оба потока сталкивались в Ростове, оседали там и ассимилировали. Особенно много было притесняемых местным населением переселенцев-армян с Крымского полуострова. Они основали рядом с городом поселение Нор-Нахичевань. Царица Елизавета официально закрепила его за армянским населением. За этот жест великодушия армяне очень чтили и уважали матушку-Елизавету.

Потом поселок официально стал одним из районов города и до сих пор гордо именуется Нахичевань.

Река Дон медленна и плавна в своем течении. Иногда кажется, что вода вообще не движется и на своих длинных пе-

рекатах тягуче-медвяна. Недаром Дон называют «Тихим». Здесь действительно почти не бывает грозных ураганных ветров и высоких волн – спокойно, уверенно, с достоинством катит свои воды Тихий «Дон-батюшка». Только иногда чуть заволнуется река, чуть заплещется, а там, глядишь, опять безмятежен Дон.

При раскопках у донских станиц, там-сям, археологи находят золотые подвески, серьги, гривны, бусы, монеты. Ученые определяют эти вещи как греческие. В Приазовье тоже находят плитки с греческими письменами, а на глиняных и золотых сосудах – изображения из греческой мифологии. Дон был известен грекам задолго до Рождества Христова. Здесь, в его степях, жили тогда полудикие люди (полудикие, конечно, для греков) – скифы и сарматы. Вот с ними-то, «полудикими», и не гнушались вести торговлю «цивилизованные» греки. Они называли Дон Танаисом. В низовьях его, недалеко от устья речушки Мертвый Донец, был г.Танаид. Бескрайние донские степи назывались в те давние времена просто Поле. Духмяное высокое разнотравье пронзительно пахло донником, чабрецом, полынью и могло укрыть коня вместе с всадником.

Такие завидные земли не могли оставаться без завидующих глаз и загребущих рук: скифов вытеснили хазары, пришедшие из Азии, хазар – печенеги, печенегов – половцы. Никогда-никогда, наверное, людское завистливое племя не сможет не пытаться захватить у своего собрата землю, руду,

нефть, удобное жилище, красивую женщину! Вся история человечества – это состояние страсти, подпитываемое желанием приобретения, присвоения, захвата, в общем «прихватизации».

Во время этих набегов людей славянского племени стали называть Русью, которые тоже были непромах что-нибудь прихватить. Они стали строить в Поле свои поселения или города (город – заградить, огородить, утвердить (твердыня), защитить в конце концов) к западу от Дона. Однако не скоро славяне попали непосредственно на Дон. Страшные татарские орды заполонили донские степи. До настоящего времени сохранились развалины татарских становищ и мечетей, например, у Глазуновской и Каменской станиц Донского округа. Двести лет тянулась татарская неволя. И вот за эти 200 лет на севере Дона зарождалось и крепло сильное русское княжество Московское.

А во время владычества татар бесшабашные смелые одинокие люди бежали на Дон, терять им нечего. Они сбивались в гурты-ватаги, силою удерживали свои поселения, удачно обороняясь от татар, а то и сами на них нападая. Словом, заявляли о себе. Их называли казаками. Об этимологии этого слово позже.

Только в 1811 г. началась плановая застройка города Ростова, но почти до 1900 г. он был уездным и упоминался в современных документах того времени как «город небольшой». В это время у ростовчан появился и свой герб, на

первый взгляд очень своеобразный... Тогда Ростов был под эгидой Войска Донского: боевой щит разделен вертикальной полосой на синее и красное поля. На синем поле сама старинная крепость, а на красном фоне казачий кафтан с «шишаком», с копьями и булавами, причем эти копья расположены таким образом, что на первый беглый взгляд кажется, будто на гербе изображен подгулявший казачок на заплетающихся кривоватых ногах. Ну, в геральдике я не разбираюсь, судить старинные гербовые рисунки не могу, однако честно: сразу не разберешь, что же или кто изображен на гербе моего родного города...

Один из форштадтов крепости города – Долмановская слободка. Её название уходит во времена турок: «doloma», «dolma» – конная одежда янычар, крымских татар «dola» – окружать, закутывать. Потом уже доломан стал изысканной гусарской курткой. Долмановская Слободка тоже стала одним из самостоятельных поселений бедных крестьян и искателей приключений, как раз то место, где 8 февраля, а вернее в ночь с 7 на 8 (в метрике написано «сдьмое», а в паспорте «восьмое») 1937 г. я и родилась. Это произошло в роддоме, находящемся на пересечении Долмановского переулка и Сдьмой улицы, впоследствии улицы Катаева. Вообще этот район именовался Нахаловкой, а потом же, после войны, его переименовали в благообразное чинное название Новое Поселение. Нахаловками, в принципе, всегда в России назывались земли в черте городов, занятые самозахватом: за ночь

возводилась самостроем часть дома, но непременно с печью и трубой под крышу. Это уже был «очаг», который полиция не имела права разрушать. Вот так и в Ростове появилось свое Новое Поселение, место моего рождения. И как раз в этот год, 1937, город стал центром Ростовской области, так что я родилась пусть и в небольшой, но все же столице. Полноценный же статус города Ростов получил еще в 1806 г. и к середине XIX в. «город» стал насчитывать аж 14 улиц!!! Но был в основном одноэтажным и только где-то в 1906 г. было разрешено строительство 3-4 этажных домов. Получается, что сам по себе Ростов еще молод как город (в настоящее время уже двухмиллионный). Города с таким населением в России считаются небольшими.

На постоянное место жительства прибывали люди самых разных национальностей: русские, армяне, греки, грузины, евреи, татары, украинцы и даже монголы. Сформировался особый менталитет, характер ростовчан или, более правильно, ростовцев – предприимчивость, граничащий с жуликоватостью, демократизм, отсутствие национализма и местный квасной патриотизм – «мы де ростовчане!!!».

Я иногда посещаю свою историческую родину и с ностальгией замечаю, что город становится «как все»: исчезает провинциальный налёт и особая милая самобытность «ростовцев». Что касается первой важной особенности характера, предприимчивости, то ко мне она, увы!, никакого отношения не имеет, особенно в денежных делах – обычно они за-

канчиваются полным фиаско. Другие же свои начинания я стараюсь упорно, если не сказать упрямо, доводить до логического конца. Вот если уж упрусь головой в стену и твердо убеждаюсь – дальше никак не пройдешь, тогда и оставляю задумку. Или эта задумка надоеет, станет явно не нужной и уже неинтересной... А насчет денежных вопросов, то к самим деньгам у меня двойственное отношение: если они есть – их можно и нужно тратить, если нет – тоже особенно не переживаю или, как говорят в Ростове, «не переживаю».

Ворота Северного Кавказа, Ростов-купец, Ростов-Папа, Ростов-Хитров... Как только не называют мой город и под какими только названиями его не знают! Но я, как уроженка Ростова, не могу согласиться с его последними названиями. Понятие «Хитров» можно отнести точно также и к Москве, и к Харькову, и к Лиме, и к Нью-Йорку, да вообще к любому мегаполису или просто большому городу.

Ростов в 1918-1920 гг. хоть и был одним из центров белогвардейского движения на Северном Кавказе (знаменитый «ледяной» поход Добровольческой Армии в сторону Кубани, Студенческий Полк), в 30-е годы стал совсем «красным». В январе 1920 его заняла 1-я Конная Армия С.М.Будённого. Начался советский период истории города. С 1920 по 1924 гг. здесь находился штаб армии Будённого и его знаменитого соратника Клина Ворошилова. Командарм, лидер по характеру и опытный и везучий вояка, южанин Семен Михайлович тут же и проживал, пока его тихой сапой не заменил

революционный «друг» Клим, непонятно почему впоследствии присвоивший себе славу организатора Первой Конной.

Город активно строился. Появились революционные названия: Красный Аксай, Красный Ростсельмаш, Труболит, завод шампанских вин (знаменитое «Советское шампанское»), Мясокомбинат, обувная фабрика им.А.Микояна или попросту «Микоян», хлебозавод.

Кстати, зерноуборочные комбайны производства завода «Ростсельмаш» – такой же символ Ростова-на-Дону, как донская рыба или театр-трактор. Этот колоссальный завод для сборки сельскохозяйственной техники был задуман в 1924 г., и через 5 лет с конвейеров сошла первая продукция. Надо сказать, инженеры не подкачали. В 1937 на крупнейшей промышленной выставке в Париже ростовский комбайн «Сталинец» (как же без имени Сталина?!) взял Гран-при и долгое время оставался самой высокопроизводительной машиной на планете. После Великой Отечественной войны завод развил рекордные мощности. За всю историю на заводе «Ростсельмаш» собрали миллионы комбайнов. Долгое время предприятие лидировало в мире по числу выпускаемой техники. В настоящее время на долю «Ростсельмаша» приходится 17% международного и 65% российского рынков сельхозтехники.

Вообще город рос: Парк им.Горького, ул.Горького (сначала Садовая, потом Энгельса, в настоящее время опять

Б.Садовая). В моей юности мы ее называли, как нам казалось, очень остроумно и оригинально, Бродвей. Запоминается уникальной архитектурой здание, самого крупного в стране, драматического театра им.Горького в виде огромного трактора. Даже в настоящее время оно естественно вписывается в архитектуру города и, слава Богу! пока его не собираются преобразовывать на современные лады.

Много строили, особенно после войны, но много и сносили: Александро-Невской собор, собор Григория Просветителя в Нахичевани – один из больших районов города, где селилось преимущественно, как я уже упоминала, армянское население, не забывающее, что это их историческое место проживания. Впрочем, такие «мелочи», как разрушение церквей и соборов, руководителей города особенно не волновали. Хорошо, что сохранился собор XVIII в.!

Политика ничем неоправданного атеизма была в разгаре, но люди всё равно справляли церковные праздники. Из детских впечатлений мне до сих пор помнятся Рождество Христово, Крещение, Вербное воскресенье, Пасха. Ритуалы Прощенного Воскресенья и Чистого четверга, печение весной пряников в виде птичек-жаворонков и выпускания на волю живых птиц, которых покупали специально для этой цели. Всё это было в самом раннем детстве, до войны

Особенно мне запомнились освящение вербы и Пасха. Специально шли святить в нашу ближайшую церковь пучок вербы-ивы, несли уже оттуда сами веточки и святой огонек в

бумажном гофрированном «китайском» фонарике, чтобы от этой свечечки зажечь лампадку перед иконами дома. Сразу в доме становилось уютно, спокойно, на душе предвкушение праздника. Пасха – Воскрешение Христово – был праздник из праздников: в церкви торжественно, пахнет теплым воском и ладаном, хор ликующе выводит: «Христос воскрес, смертью смерть поправ...», внутри что-то мелко-мелко дрожит, и на глаза навертываются слезы. Куличи и пасхи мы печём и до сих пор, но уже традиционно, а святить их в церковь никто не носит. Все равно желтый сдобный кулич и груда разноцветных яиц на столе поднимают настроение и создают праздник в доме.

Отправление религиозных праздников тогда не то чтобы скрывали, но и не афишировали, особенно, если был пионером, комсомольцем или тем более членом ВКП(б). Мои родители не были, разумеется, ни первым, ни вторым, ни третьим, моя сестра впоследствии – тоже, а я была твёрдым последователем верной линии пионерии, комсомола и партии. Но крестная мама-Клава или бабушка по праздникам водили меня в церковь на Базарной (Соборной) площади в конце Доломановского переулка. Там же около церкви было и кладбище, где похоронили моих бабушек Ефимию и Елизавету. Потом, уже далеко потом, после моего отъезда из родного города, эту милую церковь XV в. и старое кладбище снесли и построили Дворец спорта с бассейном. Представляете!? На бывшем кладбище бассейн! Полная параллель с

храмом Христа Спасителя в Москве, там ведь тоже на месте взорванной церкви построили открытый бассейн... ни разу его не посетила, необъяснимое чувство протеста отталкивало меня от этого бассейна.

Так ясно помню, как я, маленькая, вхожу в храм: тишина, запах ладана и седенький батюшка, сажающий меня на колени и угощающий пресными, сухими, но почему-то очень вкусными просфорками. Церковь в детстве казалась, огромной, таинственной и ароматной. Самое запоминающееся – икона Николая Чудотворца, непостижимым образом сливавшаяся с ликом этого седенького батюшки. Иногда я молилась в душе абсолютно вольным пересказыванием молитв, но в детской непосредственности звучавшими еще более одухотворенными, обращаясь именно к Николаю Чудотворцу: «Николай Угодничек! Великий Чудотворничек!»...

Впоследствии, несмотря на активное промывание мозгов, все эти детские воспоминания, видимо, и не позволяли мне быть воинствующим атеистом, трибунно отрицать Бога, кощунствовать. Скорее всего, мы были атеистами не по убеждению, а по теологической безграмотности. Выросло новое поколение, которое еще воспитывалось бабушками-богомолками, но и они понимали, что внукам уже не нужно выпячивать свои религиозные убеждения, а придерживаться политики помалкивания. Многие крестили своих детей, ходили в церковь, держали в доме иконы, справляли религиозные праздники, но уже вроде по привычке, вроде бы пона-

рошку «вот-де – это старые люди, не хотим их обижать». У нас были бабушкины три очень красивые старые иконы: Николай Угодник, Божья Матерь и Рождество Христово. Первые две в объемных жестяных позолоченных ризах, только лики икон и их руки виднелись из-под оклада. Их нужно было начищать мелом или зубным порошком перед праздниками. Но особенно красивой была икона Рождества: примерно 50 на 80 см, шириной около 20 см – она была с позолоченным гофрированным окладом, тонко выписана свежими яркими красками, не потускневшими со временем. По углам находились по три трогательно-прозрачных «райских» восковых яблочка в обрамлении тонких позолоченных жестяных листочков. Меня, ребенка, очень интересовали эти украшения, частенько одолевала греховная крамольная мысль – хотелось открыть раму и поиграть с волшебными и притягательными яблочками, попробовать их на вкус. Но даже протирать иконы детям было не позволено: это делала бабушка чистой полотняной тряпочкой с конопляным или льняным маслом, бормоча вполголоса молитву. Мне очень хотелось чистить и протирать самой, но доверили мне это уже после войны, когда умерла бабушка в возрасте 94-х лет, пережив первую мировую войну, революцию, гражданскую войну, различные революционные становления советской власти, вторую мировую войну, все голодные годы, как в революцию, так и после и во время войн! Да, были люди в наше время!

Бабушка по вечерам тихо молилась, а у меня где-то в мозжечке подспудно билась мысль: кощунствовать грешно, вдруг Боженька там наверху все видит и накажет. Вот такая двойная мораль: в школе слушаешь одно, а дома идешь с бабушкой в церковь святить пасху и уже автоматически не рассказываешь об этом даже подружкам. Так же вели себя и взрослые. Был очень, по нынешним понятиям, смешной случай из такой двойственной морали: я, четырехлетний ребенок, слышу, как моя крестная тетя Клава шепотом выговаривает маме: «Фаня, ты уж запрети Галочке ТАК говорить или научи ее как «следоват». Ведь она говорит «Иосиф Скорпионович!!», – ужасалась соседка. И правильно ужасалась – из детских невинных слов соответствующие службы могли раздуть дело, и пострадали бы взрослые: значит, в доме ведутся антигосударственные разговоры! Пожалуйте объясниться!

А в старших классах наша добрейшая и, как я сейчас понимаю, романтическая по характеру, классная руководительница Галина Филипповна, которая вела нас со второго по десятый класс, в смятении втолковывала великовозрастным девицам, что не следует («Нет, это уму непостижимо!», – закатывала она глаза) обертывать учебники газетами с портретом вождя на лицевой стороне да еще на ЕГО лбу писать: «Алгебра», «История», «Физика» и т.д. А мы-то, здоровые дурочки, по простоте душевной и наивности считали, что портрет вождя на обложке учебника – это признак нашей любви и уважения к нему и, как сейчас бы сказали,

что это «круто».

Всеобщее обожание и почти обожествление Иосифа Виссарионовича, именно Виссарионовича, а не Скорпионовича – Сохрани Боже! – насаждалось навязчиво и систематически. Доходило иногда до заклинивания в наших мозгах, до абсурда: например, мы, дети, задавались вопросом, посещает ли тов. Сталин туалет. Когда меня спрашивали о заветном желании,

то я не просила себе горы конфет, шоколада и мармелада, игрушек, наконец, или здоровья своим родителям, как это предполагалось бы по логике вещей для ребенка, а на полном серьезе, доходящем до абсурда, сообщала, что хотела бы увидеть дорогого Иосифа Виссарионовича «живым» на трибуне мавзолея. Впрочем, мое желание было почти удовлетворено: в седьмом классе, как поощрение, меня, отличницу! молодую комсомолку (какое счастье!) фотографируют у развернутого знамени пионерской дружины рядом с бюстом вождя, а потом эту фотографию помещают на стенд «Ими гордится школа». Вот так! Фото хранится в семейном альбоме до сих пор, вызывая у меня воспоминания по счастливому детству и, честное слово, без всяких иронических ухмылок.

У каждого времени свои герои, и уж поверьте, героями тогда были именно герои, особенно после окончания войны. Советский Союз был уникальной страной, где большинство людей свято верили в непогрешимость своего правительства, в правильность линии партии, в неподкупность депутатов, в

принципиальность и честность милиции и судей. В основном так оно все и было. В крайнем случае, чиновнику можно было сказать: «Ах, вот как! Вы не желаете вникнуть в существо моего вопроса (жалобы, заявления...), я обращусь в райком, горком, обком!» Уверяю вас, чиновник тут же закрутится, засуетится, замельтешит, вопрос сдвинется с мертвой точки, ответ по существу и с четкими разъяснениями дадут в течение месяца. И если человек имел хоть малейшее право на положительное решение своего дела, он решался положительно, так сказать «любое сомнение трактуется в пользу обвиняемого». Сверху вопрос ставили на контроль и местных «самоуправцев» приводили в должную форму. Постепенно такое положение медленно сходило на нет, пока в настоящее время не исчезло вообще. Конечно, чиновники ни в какое время себя не забывали, на то они и при власти, и с пальцами как у всех нормальных людей, гнущимися в одну сторону – к себе, но такого открытого, наглого эксгибиционизма богатства, прущего из всех щелей и ширинок у власть имущих, не наблюдалось. Сами жили, давали жить другим и вообще знали меру в «прихватывании» у просителя и у государства. Для нового поколения исчезнувший СССР совсем незнакомая страна, над которой не грех и посмеяться, и позубоскалить. Однако, скажу вам, что поломать дом, и неплохой, крепкий уважаемый дом, получилось легко, но построить новый оказалось намного сложнее. Вырастают какие-то или временные сооружения барачного типа, таких большин-

ство, или снобистские особняки с купечкой позолотой, их гораздо меньше. Всё это регулярно ломается, сносится, дополняется, как все думские постановления и указы, толку как не было, так и нет. Об образовании, медицине, науке, не говоря уже о морали, можно не упоминать.

В Ростове я родилась, училась и жила до 22 лет и никогда я не была объектом, как сейчас говорят, криминального внимания. Приятели шутят: «своя мол была...» Замечательный южный город, доброжелательные люди с большим и своеобразным чувством юмора, говор мягкий, плавный с придыхающим фрикативным «Г», даже больше «акающий», чем в Москве и неподражаемое «шо», конечно, не такое четкое как в Харькове, выражение удивления или несогласия «тю-у-у!», «та шо вы!» или «та вы шо!». У меня до 25 лет спрашивали не южанка ли я. Постепенно исчезли налет наивной провинциальности и ростовский «хэкающий» говорок. Я превращалась в «столичную штучку».

Судьба Ростова в годы Великой Отечественной войны оказалась достаточно трагической, собственно, не менее трагической, чем и у других городов во время оккупации: он был дважды захвачен германской армией, был сильно разрушен, окончательно освобожден в феврале (в месяце моего рождения) 1943 г. и впоследствии отнесен к числу 15 городов страны, наиболее пострадавших во время войны и нуждающихся в помощи.

Как ни странно, я запомнила еще довоенный эпизод: было

мне тогда почти 4 года, я на «Ёлке,» новогодний утренник у мамы на швейной фабрике, где она разрабатывала модели одежды. Кстати, под словом «модели» подразумевались простые, удобные, функциональные одежки, которые шли на «поток». Кто же не хотел одеваться с этого самого «потока», обращался по большому знакомству к хорошим портнихам. Вообще, приобретение обновки являлось событием – к нему готовились долго и скрупулезно: копили деньги всей семьей, благо, что цены не менялись. Из ТЕХ сумм нельзя было брать на домашние расходы, тщательно обдумывались фасоны блузки, платья, пальто, соображали, в какой магазин лучше пойти и к какому продавцу лучше подхалимски «подъехать», чтобы отрезал лучший кусок лоскута, советовались с близкими соседями, знакомыми, и все принимали в этом мероприятии самое живейшее участие.

А уж обувь! Обувь старались тоже заказывать, чтобы совсем уж не безобразить ногу. Мне заказали первые лакированные туфли в 17 лет у обувного мастера грузина. Это был довольно молодой мужчина, который с удовольствием снимал мерки с ножек симпатичных молодых заказчиц. Особенно тщательно он обмеривал ногу моей старшей сестры, которая отличалась не только миловидностью, но и действительно хорошенькими стройными ножками. Чаще всего хорошую обувь и из добротной кожи шили представители именно этой национальности. Чистильщиками же обуви и продажей аксессуаров к ней были армяне-«айсоры», сидевшие в

своих будочках, напоминавших телефонные, со множеством причиндалов: щетки разных размеров, разноцветные ваксы, шнурки, бархотки, стельки и т.д. Среди них были просто виртуозы чистки: какая щетка, крем, бархотка подойдет именно для ваших туфель – все знали... Айсор в будке, клиент – снаружи. «Чистим-блистим!» Считалось престижным и солидным чистить обувь именно у них.

Да. Что-то получилось длинное отступление от новогоднего праздника у мамы на работе...

Так вот...Тогда елочные утренники не были просто зрелищным и хорошо отрепетированным мероприятием с приглашенными артистами. Было много импровизации и места для участия в утреннике самих детей. Праздновались «Ёлки» – их опять признали как народный праздник – обычно на предприятиях, где работали родители. Деда Мороза и Снегурочку на общественных началах воспитывали в собственном коллективе, сценарий был свободный и создавался скромными усилиями молодых активных пап-мам. Подарки зависели от солидности предприятия (ну, например, мясокомбинат или табачная фабрика, тот же Ростсельмаш могли себе позволить более щедрые подарки), от финансовых возможностей профсоюза. Профсоюзные же работники, как правило, не скупились и выделяли достаточно денежек для сластей и игрушек, а не тратили их на свой отдых или престижные командировки. Сам утренник я помню смутно, но, во-первых, я почему-то испугалась Деда Мороза, который

звал бурю-пургу и, нагибаясь под круглый амфитеатр скамеек, дул под эти самые скамейки самым утробным воем: «Бу-у-у-ря-я-я-а-а-а! Пурга-а-а!» Во-вторых, слава Богу, это быстро прекратилось, потому что детишки ударились в панику, некоторые и в откровенный рёв – вот вам и издержки самодеятельных сценариев! Началось непосредственно само веселье: призывы Снегурочки вместе с детьми: «Ёлочка, зажгись!», «Приходи к нам веселиться и ворона и лисица!», хороводы, песни, пляски и, наконец, кульминация праздника – раздача подарков и игрушек. Дед Мороз предлагал желающим детям спеть песенку, станцевать, прочитать стишок и за это получить игрушечку из стоявших под ёлкой. Дети были активны и от желающих отбою не было. Я присмотрела себе под ёлкой очень симпатичное ведерочко. Но как я ни тянула ручонку и даже выкрикивала: «Я! Я! Я хочу!», противный Дед не замечал моих усилий. А игрушечек-то под ёлочкой становилось все меньше и меньше и вот, наконец, осталось, как ни странно, то самое деревянненькое ведерочко с таким же деревянненьким очаровательным совочком, сиротливо стоящее под ёлкой. А на скамеечку уже влезает какой-то отвратительный мальчишка в беленькой рубашечке и штанишках на помочах с явным намерением читать, петь и забрать себе моё! Моё! Ведёрочко!!! Я быстро выдираюсь из маминых рук, стремглав, подбегаю к мальчишечке, стаскиваю его за столь удобные для такого дела помочи, взбираюсь на стульчик и громко, отчетливо отбарабаниваю нужное

к моменту «Однажды в студеную зимнюю пору...». Бедный мальчик даже не вернулся на свое место, а снизу ошеломленно глядел на нахалку, явно не понимая, что же произошло. Получив, вернее схватив, вожделенные совочек и ведерочко, я под смех и аплодисменты участников мероприятия победоносно и гордо вернулась на свое место, принимая эти смех и аплодисменты зрителей как поощрение и заслугу своих артистических способностей. Мне был неинтересен даже кулечек с нехитрыми сладостями, а вот ведёрочко! Да! Ведёрочко я заработала сама! И ведь в последний момент! Еще бы немного и наглый соперник увел бы у меня такую замечательную и желанную игрушку! По-моему, «наглому сопернику» тоже что-то вручили, чтобы не создавать плаксивый прецедент, но мне это уже было неинтересно – понравившаяся игрушка уже у меня! Мне кажется, я тогда, хоть была и кроха, поняла: чтобы иметь результат, надо проявить какие-то действия.

Через полгода наступила война

Немецкие войска занимали Ростов дважды. Первый приход немцев в ноябре 1941 г. я не помню: наши отступали так стремительно, что боёв за город практически никто не заметил. Прикиньте, как теперь говорится, война началась в июне, а в ноябре этого же года немецкая армия было уже в «воротах Северного Кавказа»! Помню только холодную промозглую улицу, мы куда-то идем на окраину города к родственникам или знакомым, спрятаться от бомбежек, мама

крепко держит меня за руку, а я также крепко стискиваю в ручонках почему-то примус. Вокруг воронки от снарядов или бомб, некоторые еще дымятся, развалины, ямы... Все освещено каким-то призрачным синим светом, словом, декорации фильма ужасов. По закону подлости бомбы попали в центральную городскую канализацию и завоевателям пришлось-таки поваляться в грязи со снегом пополам с дерьмом. Да и пробывли оккупанты в этот период в городе всего неделю – «Драпают, драпают фрицы!», с насмешкой перекивались ростовчане – тихо они говорить не умеют – передавая эту новость от человека человеку, от улицы к улице. Первый захват продолжался всего неделю. Это было первая значительная победа Красной Армии в начальный период войны в южном направлении после сдачи Харькова и других городов. Ростов оставался советским до июля 1942 г. Потом начался резкий прорыв немецкой армии на Кубань и Кавказ опять же через «Ворота Северного Кавказа», т.е. через мой многострадальный город.

Летняя оккупация июля 1942 г. мне запомнилась более точно, возможно потому, что мне исполнилось аж пять лет.

Это было жаркое и засушливое лето: выцветшее от пекла серое небо, такая же серая тонко-пыльная земля и пожухлые от зноя деревья, даже птички прятались кто куда от такой изнуряющей жары. Словом погода, какая иногда случается на юге: сухость и ни капли дождинки.

Въезд немцев в захваченный город был обставлен очень

помпезно, почти театралью: по пыльной брусчатке мостовой 7-й улицы проезжали огромные открытые грузовики. В кузовах ровными рядами, плотно сидели солдаты в касках, в сапогах, в трусах и с автоматами наперевес на голой груди. Они смотрели прямо перед собой, и в их спокойных и самоуверенных позах было глубокое презрение к этому захудалому городишке и к этим ничтожным аборигенам. На улицах, у ворот, никого... Аборигены не встречали победителей, а с любопытством мосек перед слоном рассматривали их через щели и дырочки в заборах: какие же они такие страшные эти немцы?! Дело в том, что в ноябре 1941 г. захват города был такой стремительный и такой же стремительный пинок захватчикам, что выяснить, что же собой представляют гитлеровцы тогда, слава Богу!, не было возможности. Людей, наблюдавших за проезжающими в грузовиках «белокурыми bestиями», поразило и испугало прежде всего нескончаемое шествие этих грузовиков, непонятным видом автоматов и хамскими рожами немцев, не предвещающих ничего хорошего. Они не ошиблись.

Ну-у-у-у, ладно! Ростовчане не были бы ростовчанами, если бы не отреагировали на приход завоевателей весьма оригинальным образом, молчаливым, но очень выразительным.

На улицах, у ворот никого не было, т.к. повторяю: аборигены не встречали победителей. Но аборигены вдруг решили заняться чисткой туалетов, то бишь сортиров. А Ростов, хотя и имел уже давно статус города, но тогдашние туалеты

на пару улиц дальше от центра в большинстве своем представляли удобства во дворе и очищались специальными ассенизаторами на повозках с большой деревянной бочкой и обыкновенным ведерным ковшом на длинной жесткой рукоятке. Их называли «золотарями». Жители нанимали этих чистильщиков по мере необходимости и в период очистки удобств сидели дома с запечатанными окнами и дверями. А если жители одного двора не могли друг с другом договориться, и его обитателей душила жаба, то чистили они свои удобства сами по очереди и скандалили, соответственно, с шумом, криками и чисто южным темпераментом, выясняя, кто дольше, чаще и полновеснее посещает туалет и у кого в этот период было больше гостей и родственников. Но это было очень редко, таких действительно называли жлобами, не прятельствовали с ними и презрительно говорили, что они «записались в золотари».

Ну так вот... Когда завоеватели важно ехали в открытых грузовиках, ростовчанам вдруг срочно приспичило чистить туалеты. Здесь уж разногласий не было, южный темперамент заглох, и пока одни глазели на завоевателей, другие втихаря ведрами выливали содержимое «удобств» под ворота, а оно по специальному! углублению в булыжной мостовой медленно вытекало на дорогу, тоже вымощенную булыжниками, сделанную с небольшим наклоном к бордюру, чтобы вода, а заодно и содержимое сортиров и вообще помоев в период дождей смывалась в водостоки. Это уже было предусмотрено

тогдашним уровнем цивилизации в областном городе Ростове. Все эта гадость перманентно текла вдоль дороги, а между нею медленно проезжали грузовики с надменными заводителями. Учитывая жару, вонь стояла ужасная! После этой очистительной акции, моя бабушка-покойница произнесла простую, но гениальную фразу: «Ну, и дураки, прости Господи, и чего приперлись? С дерьмом провожали (это намек на взрыв канализации в ноябре), с дерьмом и встречаем!»

В Ростове во время оккупации действовали партизаны и даже юные партизаны. Например, небезызвестный Витя Черевичкин на самом деле уроженец Ростова, действительно помогал партизанам, пересылая с голубями какие-то депеши. Даже была послевоенная песня:

Жил в Ростове Витя Черевичкин,
на «отлично» в школе успевал
И в свободный час всегда, обычно,
голубей любимых выпускал.

Припев:

Голуби, вы мои милые! Улетели в облачную высь.
Голуби вы сизокрылые, в небо голубое унеслись!

Ну и дальше, на манер вагонных шлягеров, довольно подробно повествовалось о юном партизане. И это была очень милая, наивная, немного сентиментальная баллада, выбивающая слезу у слушателей: ведь все это было на самом деле и совсем недавно.

Как в любом городе Советского Союза, фашисты вели се-

бя неоправданно нагло и жестоко по отношению к мирному населению...

Например, когда на Доломановском переулке было найдено тело убитого немецкого солдата, то группа карателей шла вдоль всей улицы и с немецкой педантичной четкостью выхватывала каждого десятого будь то старый человек, ребенок, женщина, кто попадет под руку. Если людей не было на улице (естественно, все попрятались), заходили в дома. Всех заложников отвезли в Змеевскую балку и расстреляли.

Часто практиковались облавы на улицах: вдруг как-будто ниоткуда, появлялись огромные грузовые машины с противоположных концов улицы, она как бы запиралась с двух концов, немцы шли цепью и хватали людей подозрительных или просто не понравившимся им визуально, иногда началась стрельба, в это время много погибало просто от паники. Так погиб от случайной пули мой двоюродный брат-подросток.

Облавы преимущественно проводились на рынке, как на самом людном месте. Схема была такая же: входы-выходы запирались грузовиками, и люди оказывались как в мышеловке. Задержанных бросали в «душегубки» – наводящие ужас громадные закрытые машины, куда через специальную отводную трубу поступали выхлопные газы. Задохнувшихся отвозили в ту же Змеёвскую балку на окраине города. Груды уже мертвых тел с изодранными в кровь от удушья лицами и грудью, скрюченных и посиневших, сбрасывали валом, ино-

гда присыпали землей. Только в одном, чего там говорить, небольшом городе было убито около 30 000 человек.

Часто практиковали облавы с собаками-овчарками, которые были уже выдрессированы гнать толпу к «душегубке», причем они только чуть покусывали бегущих за ноги, но испуганные люди все бежали и бежали.

Здесь нужно было знать одну маленькую хитрость – отставать, бежать медленно или делать вид, что бежишь. Тогда был небольшой шанс не попасть в уже переполненную газовую машину. Только, не думаю, что в испуганной, паниковавшей толпе женщин и подростков было много людей, способных в этот момент трезво оценить ситуацию.

Осуществлялся планомерный геноцид советского народа. Особенно свирепствовали немцы, расправляясь с еврейским населением. Расстреливались целыми семьями, особенно зажиточные евреи, не щадились ни старики, ни дети. Однажды схватили дочку наших знакомых, как на грех, чернявую и курчавую девочку, Танечку Жукову. Она и бабушка шли по улице и девочку буквально вырвали из рук бабушки и бросили в толпу, направляющуюся известно куда. Старая женщина бежала за солдатами, кричала, что внучка: «Нихт юден! Нихт юден!» Наконец, когда людей уже построили к расстрелу, она выхватила фотографию, где Женечка была сфотографирована с семьей ну совершенно арийского вида, русоволосые и кудрявые. Бабушка на коленях стояла перед пожилым солдатом и повторяла со слезами на глазах: «Русская, рус-

ская!» Солдат оглянулся, вытащил Танюшку из строя и быстро махнул рукой, бегите, мол! Дважды объяснить не нужно было... Иногда таким образом, сказав, что это брат, сват, сестра, спасали людей уже прямо из колонны, направляющейся на расстрел. А были и такие подонки, что доносили в комендатуру: вот там-то и там-то укрывается еврейская семья, сводили довоенные счета или просто хотели попользоваться добром-барахлом. Расстреливались и еврейская семья, и та, что их приютила.

Говорили, что в этой страшной Змеёвской балке после расстрелов земля, которой засыпали людей еще долго шевелилась и из-под нее доносились стоны. Единицы раненных людей смогли выбраться на поверхность и спастись. В настоящее время на этом месте Мемориал погибшим.

Были, да уж были, и приверженцы прихода фашистов, встречали их хлебом и солью, особенно из богатеньких казаков. Напротив нашего дома тогда по улице Седьмой, нынче ул. Катаева, стоял очень большой собственный – мечта каждого ростовчанина – дом зажиточных украинцев Игнатенко. Хозяева этого особняка приветили немцев. Там расположился штаб, часто подъезжали машины с офицерами, стояли караульные, и мы поняли, что это очень неудобное соседство: наш район часто бомбили.

У хозяев было две дочери. Старшая откровенно флиртовала с немецкими офицерами, с младшей же двенадцатилетней девочкой, Любкой Игнатенко, давно дружила моя сест-

ра, иногда меня с собой брала к ним в гости, конечно, до войны. Помню, что меня больше всего поразило в этом богатом особняке, так это большая эмалированная ванна, случай на нашей Нахаловке уникальный. Так вот, если родители и старшая дочка благоволили к завоевателям, то младшая Любка, воспитываемая уже при Советской власти, их от души ненавидела. Однажды она, после того как ординарец наполнил ванну своему офицеру, вылила налитую воду и бухнула туда пару ведёр кипятка. Реакция офицера была понятна, а Любку высекли ремнем как сидорову козу. После ухода немцев из Ростова Игнатенки уезжали вместе с ними (еще бы! сам хозяин был старостой и приволок немало добра от репрессированных), а Любка пряталась и рыдала навзрыд, ехать не хотела, к машине её тащили за косы.

К сожалению, со временем даты, факты, люди стираются в памяти, даже пропадают вовсе, но всё же какие-то особенные, яркие события запомнились на всю жизнь.

Период первой летней оккупации я запомнила ещё и из-за происшествия с моим отцом. Папу не призвали в армию по состоянию здоровья. Отец всегда страдал, насколько я помню, жуткой экземой, какого-то аллергического характера, на ногах от ступней до паха, постоянно дающей рецидивы, мокрой и зудящей. При первом летнем наступлении он помог эвакуировать рыбзавод – (вот я сейчас думаю, какие такие ценности нужно было спасти на рыбзаводе, подвергать опасности людей?) – и при бомбёжке получил осколочное

ранение в предплечье. Рана загноилась, завоняла, полезли из нее белые черви. Оказывается, это было даже во благо, потому что вот эти червяки почему-то очищали рану от гноя и давали ей рубцеваться. Отец носил соответствующую повязку на ране и руку на черной перевязи через плечо. В сочетании со сравнительно молодым возрастом, черными густыми волосами, надвинутой на глаза кепке, угрюмым взглядом из-под нее и ранением в руку он, конечно, производил впечатление не очень мирного обывателя. А в это время до нас дошел слух, что в лагере для военнопленных на окраине города находится дядя Миша, его брат, и что можно военнопленных повидать, а при наличии взятки охраннику (вот ведь такое положение вещей было всегда и, наверное, будет до скончания веков) даже передать продуктовую посылочку. Под взяткой подразумевалось, как и во всё времена, что-нибудь золотенькое или тривиальные деньги-марки. Вот бабушка Лиза решила завязать в носовой платочек свое, еще девическое колечко с сапфиром чистой синевы, и пробраться к месту разбивки лагеря, попытаться счастья найти сыночка Мишу. К кому обратиться? Конечно, к другому сыночку, к старшему, т.е. к моему папе. На семейном совете решили, хотя мама была очень против, что мужчина, пожилая женщина, почти старуха, и маленький ребенок подозрений не вызовут. Маленький ребенок была я. И, как оказалось, взяли дочку не напрасно. Дорога была неблизкая, отец поднял меня на закорки, и мы отправились. Чтобы сократить путь,

решили пойти через рынок, самое многолюдное, как везде, место. И вот, когда мы шли через базар, какой-то недоумок (а может, и специально, кто его теперь знает?) закричал, указывая на отца: «Партизан! Партизан!». Это слово для немцев было жупелом!

Толпа сразу же рассеялась, отца вмиг скрутили, и тут бы ему и смерть пришла, внешность не арийская да еще партизан, а их сразу ставили к стенке, если бы это были немцы. Но оказалось, что в это время на рынке патрулировали румыны, нация вороватая, корыстолюбивая и пофигисткая. Что им до немцев? Их там самих держали за «унтерменшев» – полуарийцев. Бабушка упала на колени крича: «Нет, пан! Нет! Не партизан!» Я, как потом рассказывал отец, вцепилась ему в ногу и, зажмурившись, вопила-визжала благим матом на уровне ультразвука. Крики бабушки, мои вопли, хмурая толпа, постепенно подтягивающаяся к месту происшествия и так же хмуро повторяющая, что мол: «Нет, нет, это не партизан», и, самый решающий довод – колечко бабушки и комочек смятых денег, решили дело тем, что отцу вломили по шее и отпустили. Да и сам трусоватый румынский патруль еще не достаточно отоварился на рынке. Конечно, продолжать путь мы не стали, быстренько вернулись домой, мое детское восприятие уже приняло этот ужас как совсем далекий и даже интересный эпизод. А еще говорят, что детская психика ранимая, деликатная, чувствительная! Да у детей потрясающая способность к адаптации, вытесне-

нию из памяти неприятных воспоминаний, и дети, к счастью, не страдают из-за быстротечности времени. Наоборот, им оно кажется бесконечным, в сутки вмещается масса дел, это происходит очень долго, у меня, например, почти до 55 лет, потом вдруг замечаешь, что время бежит с калейдоскопической скоростью, как год за три: не успеешь оглянуться – хоп! день и прошел!

Когда же мы вернулись после случая «партизан, партизан!», и папа дома снял кепку, его волосы были уже не смоляными, а черно-бурыми, соль с перцем. Потом он начал быстро сесть, и я его помню уже только с голубовато-белой гривой на голове. Этакая снежная шапка, густая-густая и волнистая. А дядя Миша вернулся потом с войны, в плену он не был, а воевал все время кашеваром, недаром он ростовчанин. Но на войне как на войне – могут погибнуть и кашевары, он имел несколько ранений и умер от военных ран даже раньше своего старшего брата, т.е. моего отца.

Вот прошло более шестидесяти с лишним лет, а военные времена остались в голове. Помню, как к нам вломились паны-завоеватели – немецкие солдаты, бесцеремонно пооткрывали шкафы и комоды, выхватили супермодную в то время меховую горжетку из чернобурки. Она принадлежала моей тете Дусе, умершей до войны и оставившей эту горжетку своей сестре. Тетя была певица, пела она в Ростовской филармонии и, судя по единственной оставшейся фотографии, была красавицей. Вот, пожалуйста, по поводу генов, я имею

в виду способность к пению.

Кто-нибудь из нас поет? Правильно, не поет. С нашими вокальными данными предпочтительнее петь на именинах у ближайших родственников, да и то, чтобы гостям стало веселее. Где же гуляет тётиня певческая наследственность?! Хотя, спасибо тете, она была ещё и красавица, и, в основном, благодаря ей и моему папе, мы с сестрой были вовсе не дурнушки. Верно?

Что касается дальнейшей экспроприации, то, довольно похахатывая, солдаты вытащили и оценивающее встряхнули вышитые льняные скатерти и салфетки, шаль из вологодских кружев, просто полотняное постельное бельё. Спрятали все это в свои армейские сумки и небрежно стащили с пальцев мамы два недорогих колечка, одно обручальное и другое с маленьким, но пронзительной зелени изумрудом. И сделали они это так, мимоходом, как будто мама была просто манекеном. Потом окинули оценивающим взглядом небольшую комнату и вдруг заметили на трюмо (прекрасное зеркало, прекрасное! с серебряной амальгамой!) и шкатулочку на нем. Ага!!! Was ist das? И ловким наработанным движением выхватывают из шкатулки янтарное ожерелье, классические бусы, крупные, со сливу, благородного коньячного цвета янтаринки, длинная низка до 1,5 метров. Я так любила ими играть, обматываясь от шеи до колен и изображала артистку. Ну, так вот просто, нагло, обыденно прихватили они и эту низку бус и направились к двери, походя пнув сапогом в

мешок с сухофруктами, спросив: «Zucker»? Увидев выкатившиеся сухие яблоки и вишенки, презрительно засмеялись, и услышав подобострастное: «Нет, нет, пан!», – ушли.

Что ж, так ведут себя испокон веков все завоеватели, думаю, что так же вели себя и русские на немецких землях, а уж по тогдашним меркам в Германии было что взять. Учитывая неоправданную жестокость гитлеровцев на оккупированных территориях, их презрительное «Rusiche schweine, scheise», можно не осуждать советских солдат. А подонки найдутся в любой армии, в любой нации.

Запомнился эпизод, это тоже было в летний захват: я, пятилетний худющий-худющий ребенок, с втянутым до позвоночника животом, тонюсенькими замусоленными ручками-ножками и имеющая совершенно жалкий вид, несущая бабушке – она жила на соседней улочке, а взрослые старались на улицах не показываться – баночку с супом и вдруг, замороженная, останавливаюсь. Небрежно и этак вальяжно, прислонившись к мотоциклу с коляской, немецкий солдат тонким и на вид очень острым ножичком чистит яблоко. И чистит яблоко так серьезно, что кажется от этого непрерывного завитка яблочной кожицы, спиралью опускающегося вниз, зависит его жизнь. Но меня, ребенка, поразило не вид самого яблока, в то время недоступного для нас, а именно эта непрерывающаяся тонкая спиралевидная шкурка: во-первых, яблоки, помнившиеся мне, мы никогда не чистили (а дети наверняка и не мыли), во-вторых, если взрослые и решали их

почистить, чтобы побаловать детей яблочной мякотью, то никогда их так не облупливали, с такой педантичной тщательностью. Я стояла и, разинув рот, внимательно-тупо смотрела на процесс чистки яблока. Наконец, закончив этот ритуал, мотоциклист взялся двумя пальцами за кончик яблочной спирали, протянул ее мне и сказал коротко: «На!»

Я не менее коротко и высокомерно, если только высокомерие может быть присуще пятилетнему худющему ребенку, стоявшему перед завоевателем в грязных трусиках, ответила: «Сам ешь!», – и с достоинством удалилась.

О! С каким удовольствием я схрумкала бы эти восхитительные очистки, но, представьте себе, непонятно отчего, я решила ответить именно так: «Сам ешь»! Ведь я была одна, маленькая глупенькая девочка, в этом возрасте вряд ли ребенку доступны такие понятия, как гордость и достоинство. Возможно, глубоко в подсознании ощущалось нечто другое: принимать в подарок объедки оскорбительно, тем более от фрицев. Дома я рассказала об этом событии, все меня одобрили и похвалили, и я, гордая, до сих пор помню об этом.

14 февраля 1942 г. после победы под Сталинградом в ходе общего наступления был освобожден и Ростов.

Радость, ликование, беспредельное братание, через год появление детишек – солдатики и женщины отдавали должное основному инстинкту жизни.

Уже в последние годы войны, и уж, конечно, в послевоенные, началось бурное и поспешное восстановление города:

Ростсельмаш (70% комбайнов), Красный Аксай (80% культиваторов), Табачная фабрика «Ява» (бывшая Асмолова), Академический Театр Драмы, здание штаба Северо-Кавказского военного округа, Универмаг, Гостеатр Музкомедии, Академический ТЮЗ, Областной театр кукол, разные институты, университет, цирк, да и много другого. Параллельно шло восстановление и строительство жилого фонда. Еще с довоенных времен Ростов славился своими оркестрами, говорят, что именно в нашем городе, одном из первых стали играть джаз и появилась уникальная школа джазовой музыки, которой руководил известный Ким Назаретов, импозантный мужчина с восточной внешностью, тонкими чертами лица и неожиданно светлыми глазами. Я же говорю, что в Ростове смешались очень многие национальности, и подчас результат этого смешения рас выдавал удивительные по выразительной внешности и таланту личности. Назаретова приглашали в Киев, Москву, Глазго. Конечно, обо всем этом я просто читала и, как патриотка своего родного города, гордилась им, но фотографии красавца Кима производили на девушек и моего поколения ошеломляющее впечатление.

Сразу после войны, уже в 1945 г., в городе появился дансинг, это можно сравнить только с дорогим ночным клубом нашего времени. Посетить дансинг, где на небольшой эстраде играл джаз, стояли столики, продавались горячительные напитки, считалось шиком и определялось наличием в кармане приличной суммы. Но ... «только если пуст карман, не

заглянешь в ресторан...». Чаще всего это разгульное «злачное место», опять же так считалось, посещали старшие офицеры, прибывающие с трофеями, и деловые люди – спекулянты. Несмотря на то, что дансинг считался почти неприличным заведением, побывать там втихомолку мечтали все приличные девушки-ростовчанки, но, увы! ни денег, ни тем более таких платежеспособных кавалеров у них не было. Да и мама бы не разрешила. Не мне, конечно, а старшей сестре. Что уж там мечтать!

Мы переселились на Шестую улицу, д.89 (Варфаломеева, д.111), т.к. наш домишко на две семьи рухнул, когда рядом на больницу упала бомба.

Люди радовались жизни, радовались отмене карточек, радовались, что не умерли от голода, радовались любой обновке. Они перешивали старое как графский пиджак: «граф носил, его сын носил, мне достался – и все как новый». С восхищением и удивлением смотрели трофейные фильмы: «Девушка моей мечты», «Сестра его дворецкого», «Серенада солнечной долины», «Петер». Подростки заговорщицким шепотом возбужденно передавали друг другу, что в фильме «Девушка мой мечты» артистка «почти голая»! и ходили гурьбой на этот фильм по несколько раз, чтобы несколько секунд лицезреть героиню в коротенькой кокетливой шелковой комбинации. Женский пол не отставал от подростков: надо лбом сооружался кок под Дину Дурбин, плечики под все виды одежды. Получалось иногда карикатурно: ам-

балы-грузчики да и только. И рюши-рюши-оборочки-воланчики, где Бог на душу положит, плюс «волнующий (волнующийся) зад» – что-то в виде небольшого, чуть намечающегося турниора. Мужчины тоже были не чужды моде. Некоторые сооружали себе под пиджаком такие накладные борцовские плечи, что гнулись под ними, а их головы между гигантскими плечами напоминали головы сопливых микробов.

Старая истина: что-либо, доведенное до абсурда, становится ненормальностью, уродством или смешным. Но люди хотели забыть войну и тем более послевоенную разруху и голод. Появились «богатенькие»: трофейное барахло, мануфактура (особенно интересен был, так называемый «цельволь», эрзац-сукно из бумаги), лекарства – аспирин, стрептоцид белый и красный. Красным стрептоцидом модницы красили волосы, получался оттенок красного дерева у брюнеток, рыжий у шатенок, ярко-красный у блондинок, но блондинки не красились стрептоцидом, а вытраивали волосы гидропиритом, перекисью водорода, иногда да полного выпадения и пережога волос. И самое-самое последнее достижение в медицине – волшебные таблетки пенициллина. Меня им вылечили от скарлатины, когда я загибалась от многодневной сорокаградусной температуры, ослабленная плохим и недостаточным питанием.

Спекулировали трофейными иголками, нитками, мылом, продовольствием, консервами-тушёвкой. Ее долго называли «второй фронт», т.к. вместо совместных военных дей-

ствий и открытия второго фронта наши «союзники»-американцы ограничивались предоставлением военных и продовольственных товаров и вот этой необыкновенно вкусной тушенки. Говорят, она была из китового мяса, но тем не менее, неизбалованные русские «китятину» уплетали с большим удовольствием.

В городе появилась прослойка зажиточных людей и даже подпольных миллионеров. Это были обычно те, кто во время войны был связан с продовольствием, с теми же лекарствами, с предметами быта, мануфактурой. Происходило то, что бывает в смутное время: одни обогащаются, большая часть людей нищают. Отдавали за краюшку хлеба всё самое ценное, имевшееся дома. Нужно было кормить семью, одеваться во что-то, не дай Бог, заболит кто – лечиться.

Продавали, меняли, перепродавали что угодно. Процветали «мастырки» – теперь это называется контрафакт, подделка – замастырить могли что угодно: масло (трофейный маргарин, ужасная гадость!), обувь из картона, стрептоцид из мела, деньги (это и тогда называлось «куклой»), кошмарную боевую рану, документы к ней, просто документы, награды...

Да что хочешь!

Сразу же появились альтернативные «санитары леса» – крупное и мелкое жулье, коими никогда не был беден Ростов, что уж там говорить, и наводящая страх банда «Черная кошка». В каких только городах она не появлялась?! Как

современные музыкальные рок-группы «Стрелки», «Блестящие» или другие. Говорят, что они наводят Ches в городах под одним названием: имя одно, а участницы разные. Так и эта банда с разными, естественно, участниками вдруг объявлялась в различных крупных городах под одним названием и наводила ужас на мирное население.

Каждое утро обыватели рассказывали друг другу леденящие душу истории, обрастающие мельчайшими подробностями при каждом новом авторе, о том, как «Черная кошка» обчистила того или иного барыгу, «делового» человека-махинатора, и при этих рассказах в подтексте почему-то слышалось «вот удалцы!», капелька злорадства и облегчение от того, что это, слава Богу, тьфу-тьфу!, случилось не с ним, так как «джентльмены удачи» не брезговали не только богатенькими, но, не смущаясь, обчищали и жильё рядовых ростовчан. Думаю, что под эгидой матерых бандитов, а они точно были, работали обычные квартирные воры и гоп-стопники. Ведь после возгласа: «Ша! Черная кошка!» только лапки кверху и все, если жизнь дорога, а потом уж решай, кто сдохнет первым ишак или эмир.

Особенно часто и удачно уличное ворье охотилось за меховыми манто. Самыми модными считались каракулевые сакки из дымчатого и коричневого ягненка и мутоновые, эта облегченная цигейка появилась из Европы. Гопники не гнушались, если не стащить шубку с объекта, то просто вырезать острыми бритвами-писками из манто ленту меха. Это

обычно происходило в плотной толпе трамвая или при выходе из кинотеатра после просмотра очередного трофейного фильма. Вот такие умельцы, не хуже Кирпича из кинофильма «Место встречи изменить нельзя», там, кстати, и банда фигурирует под тем же именем.

Но эти перехлесты были уже позже, в то время, когда люди более-менее оперились, оделись, отъелись. А 1944-1946 гг. был голод-голод-голод и полное обнищание. Только мама, художник-модельер, во время войны научившаяся шить все: от армейского ватника до шифонового нижнего белья и кожано-меховых изделий, и все это шилось на бабушкиной швейной машинке «Зингер» с одной единственной иглой и лапкой, только мама и спасла нас от голода. Причем, в прямом смысле этого слова, мы уже стали пухнуть, наливаясь водой, кожа становилась глянцевой и приобретала голубовато-синюшный оттенок. Попытались однажды есть картофельные очистки, но нас так рвало и выворачивало, что в следующий раз ослабевший организм смог бы этого не выдержать. Отец буквально опустил руки, работы не было, он просто потерял волю. Мама же взяла в узелок нитки, ножницы, иголку и пошла по хуторам обшивать казачков и казачек.

Происхождение самого слова «козак», «казак», «кайсар» туманно. Некоторые исследователи связывают это понятие даже с дикими козами, на которых вольные обитатели степей когда-то особенно ловко охотились. Но слово «казак» непременно соединялось со словами «удалой, смелый».

Положили основание донскому казачеству беглые крепостные, свободолюбивые старообрядцы от Никона, те, что пострадали от татар. Такие вот, ищущие свободы люди, собирались в станицы или ватаги, шли искать себе счастья и доли на Тихий Дон.

Предполагают также, что это были потомки степняков-хазар или козар, т.к. по-татарски «гозак» или «гузак» – это легковооруженный конный воин без доспехов, без кольчуги, без шлема, в общем вей-ветер, добывает себе всё сам, предприимчивый и вороватый, но не лишенный смекалки, ловкости и смелости. Потом уж к козарским ватагам понемногу присоединялась «голота» или «голытьба», беглые крестьяне и всякая шваль, люди каким-то образом нарушившие закон и спасающиеся от наказания. Характерное выражение «кайсацкая морда» могло о многом рассказать исследователю, вдоволь поездившему по Великому Полю. Кайсаки – беднейшая и наиболее мобильная часть татарской орды, не обремененные имуществом всадники, в мирное время свободно перемещающиеся по степи в поисках добычи, беззастенчиво прихватывая все, что плохо лежит, у чужих и своих. Не брезговали кайсаки и мародерством. В тюркских языках это слово означало также – «вольный искатель приключений, бродяга».

Они постепенно оседали на границах Среднерусской возвышенности и южнее, строили небольшие хуторки-укрепления и, как неизбежное, первыми принимали на себя наскоки мелких татарских соединений, в принципе, уже не существу-

ющей Орды и вообще воинствующе настроенных отрядов, желающих поживиться за счет мирных землепашцев. Казаки добровольно взяли на себя сторожевую службу на границах Московии и уже тогда называли себя не «холопами», а «вольными казаками», служившими царям за «землю и волю». Выбирали себе атаманов, пиратствовали помаленьку и по-крупному в Азовском, Черном и Каспийском морях, разбойничали, одним словом. Такая песня-былина была «...у нас на Дону живут, не ткут, не прядут, не сеют, не жнут, а хорошо живут...». Даже сами песенники иногда называли своего прославленного атамана Ермака «воровским атаманом».

Именно в казачьей среде появлялись удалые атаманы-предводители страшных крестьянских бунтов: Ермак с гулящими людьми воевал Сибирь, Булавин, Пугачев – жестокие предводители восстаний, терять им было нечего. Не раз поднималось на кровавые расправы со своими же правителями, а в сообщниках недостатка не было. Постепенно казачьи хутора становились регулярными войсками. В случае войн их стали привлекать как достаточно грозную силу в действующую армию. Казачьи сотни или лавы, как они назывались, отличались не только умелой вольтижировкой, отвагой, но и особенно изощренной жестокостью и частенько (исторически сложившийся менталитет) мародерством. Таковы далекие корни чванливых казаков, как бы они не задирали нос и не «гутарили» о чести и вольности.

На Дону, как и на Днепре, Волге и Тереке, это была осо-

бая прослойка населения – не городские и, тем более, не деревенские. И тех и других казаки называли иногородними, кацапами, кугутами. Само слово «иногородний» на казацких хуторах считалось почти ругательным, по крайней мере, уничижительным. Обычно, унижая других, люди хотят забыть свои всамоделешные непотребные корни. Казаки имели гордыню сверх меры, уж, что они о себе напридумывали, неизвестно, но на «здравствуйте» могли не ответить. Обмануть, развести, надурить, как они выражались, «кацапа», т.е. не казачка, это было святое дело. Вот мама иногда после работы и получала прогорклое масло, старое свиное сало, сало подиспорченное неправильной засолкой или хранением, мороженую картошечку, а однажды в полмешка мучицы на дно насыпали песочку, могли вообще не заплатить, такое случилось однажды, но случилось. Такие вот добрые люди хуторяне-казачки... А ведь все это еще нужно донести домой и все пешочком, пешочком, а дома в один миг сметут-съедят и прогорклое масло, и старое сало. Значит, опять мамочке ноги в руки и шагать на хутора смотреть, как казацкие дети кушают белый хлеб с маслом, намазанным в палец толщиной, и с болью вспоминать своих голодных и совершенно прозрачных в голубизну детишек.

Наконец, и папа очнулся, решил заняться «предпринимательством» все в тех же областных городках по линии Северо-Кавказской железной дороги – Кущевка, Миллерово, Тихорецкая... Как тогда говорили, «ездил на менку» – бартер:

вам мануфактура – нам продукты или что-нибудь «дифцитное», чтобы опять-таки перепродать или поменять. Где и что он брал дефицитное – ума не приложу, наверное, что-то трофейное, и это трофейное явно где-то тырил. Выживать-то надо было, дети погибали, жена выбилась из сил. Отец стал кое-что зарабатывать, но и пить по-черному, а мы понемногу, потихоньку выходить из состояния постоянного голода.

Слово «трофейное» произносилось торжественно и с восхищенным придыханием, оно обозначало качественное, модное, современное, словом, то, что надо. Однако на самом деле, ничего такого «то, что надо» не было – просто другое и часто обыкновенная подделка, суррогат, туфта, та же самая мастырка, только в западном исполнении с иностранным названием «эрзац».

В общем, всеми правдами и неправдами мы как-то выжили. Когда 17 декабря 1946 г. (практически сразу после войны!) отменили карточки на продовольственные товары, стояло вселенское ликование. Но только к 1948-1949 гг. в магазинах стали появляться продукты в более-менее нужных количествах. Люди долго не могли наесться хлебом досыта (я и сейчас не могу выбросить хлебные корки), страдали несварением желудка, некоторые умирали, на всю жизнь зарабатывали колиты и гастриты. В любом магазине стояли очереди и хватали про запас все! Сначала занимали очередь, а потом уже спрашивали, что «дают». Впрочем, очереди на моей жизни были почти всегда, если не за тем, то за другим; по-

стоянно не покупали, а доставали.

Мы с сестрой продолжали учиться в школе, писали на оберточной бумаге, потом стали появляться и тетради из грубой серой бумаги и прочие школьные принадлежности: ручки-вставочки с перьями № 86, фарфоровые чернильницы-непроливайки, которые мы носили в специальных мешочках на веревочке, привязанными к портфелю. Настоящие портфели появились гораздо позже. У меня-то раньше, т.к. я все донашивала за сестрой, а у нее ещё был довоенный. Шили школьные сумки из дерматина или парусины. Особым шиком считалось носить военные планшеты, и у меня был такой планшет, благодаря стараниям папы; я лихо закидывала его за спину и неслась в школу. Правда, в него помещалось очень малое количество учебников, но мне он служил аж до пятого класса и портфелем, и орудием для драки с мальчишками: удобно! – раскручиваешь его на длинном ремешке, как пращу, и – бац!

Школы были разделены на женские и мужские, поэтому меж ними был такой антагонизм понарошку, мы якобы дрались, но на самом деле это была возможность пообщаться и познакомиться с противоположным полом, а потом, возможно, и подружиться.

Сестра училась отвратительно, и нельзя сказать, что она была тупая, просто ленивая до бесконечности, хотя, удивительно, писала грамотно, воспринимая на слух именно точное воспроизведение слов, и обладала острым, изворотли-

вым умом. Остальные предметы были в полном тумане, она с трудом окончила семилетку, что в дальнейшем совершенно не помешало ей работать в Райкоме в отделе партучёта (кто-то из клиенток мамы ее туда устроил), сделать впоследствии неплохую карьеру, став начальником агентства Аэрофлота в Перми, прекрасно составлять деловые бумаги, быть отличным руководителем и депутатом районного масштаба.

Особенно моей сестре не удавалось заучивать стихотворения. Это же неумение слышать ритм стиха перешло по наследству ее племяннице, моей младшей дочери, ее тезке, хотя тезка училась хорошо, но тоже подленивалась (а кто, скажите мне на милость, не подленивался?). Помню вечером я уже в кровати, папа-мама за столом, горит керосиновая лампа, Люся вымучивает наизусть «Бородино». Уже в который раз монотонным, безысходным голосом, поминутно заглядывая в книгу, она затягивает бесконечное «Скажи-ка, дядя...». Я верчусь в кровати от нетерпения и, дождавшись паузы, быстро-быстро, на одном дыхании, захлебываясь и тараторя, чтобы не остановили, отчебучиваю это стихотворение от начала до конца.

Не совсем понимаю, почему наступает долгая пауза, потом мамин вопрос к старшей дочери: «Ну что?» Многозначительное молчание и раздраженная реплика сестры в мою сторону: «Спи, давай, сопливка!» Если учитывать, что тогда я еще не училась в школе, ее раздражение было понятным.

С моей же учебной обстояло все прекрасно: во 2-м классе,

помню, от школы до дома рыдала в голос, потому что мне по чистописанию поставили тройку; да и плакала я только от несправедливости – меня подтолкнула соседка, когда я старательно высунув язык, выводила пером № 86 «нажим-волосяная, нажим-волосяная». В старших классах я училась играючи: запомнив объяснения учителя на уроке, быстренько выполняла письменные задания, причем аккуратным каллиграфическим почерком, подчеркиваниями под линейку. От этого мои тетрадки имели очень, ну о-о-о-ч-е-н-ь товарный вид, обычно такие фактурные тетрадки учителя просто просматривают. Я их помещала в ящик письменного стола, у меня тогда уже был письменный стол! и я этим очень гордилась, в этот же ящик закладывала библиотечную или выпрошенную у подруги на денечек книжку и с наслаждением проглатывала очередную, не рекомендованную к чтению молодой наивной девушке литературу типа «Нана», «Милый друг» или «Камо грядеши». Да, это считалось чтивом, возвращающим молодые умы.

А что запрещено, то интересно, но, честно говоря, при нашей почти пуританской жизни многое даже и не понималось. Честное слово, долго была уверена, как и Тося Кислицина из фильма «Девчата», что носы при поцелуях должны обязательно мешать, а остальное было настолько далеко и туманно, что и разбираться-то просто не имело смысла.

Запретный мир сладострастия был нам неведом уже хотя бы потому, что он так истерично не рекламировался и не на-

саждался, подобное в далеком будущем возьмет на себя телевидение. Фильмы создавались в основном на производственные темы с параллельными любовно-дружескими отношениями и с дозиметрически отмеренными по времени поцелуями, непременно укрыванием самого поцелуя затылками и плечами партнеров. Интимные отношения была «терра инкогнита», притом слишком жесткая и нелепая. Надо, надо, было давать в школе какие-то хотя бы начальные понятия о половых отношениях, тем более обучение было раздельное и никаких бы неловких моментов при беседах на эту щекотливую тему не возникало бы. Символ нелепости и предрассудков в то время: в Советском Союзе секса нет! Правда, эта цитата не совсем правильно воспроизведена. Полностью она звучала так: «В Советском Союзе секса нет, есть любовь!» Потом ретивые журналисты фразу обрезали, и она стала звучать совсем по-идиотски. Отрицание пола как такового (sex – пол), все друзья-товарищи-подруги, получается только наличие бесполой ангелов, создавало массу глупых поступков, комплексов и ошибок. Да, это было глупо...

Но ведь в нынешнее время еще глупее, вообще все перевернули с ног на голову, смотрят на отношения полов утилитарно и более чем просто. Тоже нелепо! Дашь уроки интима! Ура! Чуть ли не с первого класса объясняют, что к чему и показывают, как пользоваться презервативом, используя как наглядные пособия бананы и огурцы. И у некоторых детей, даже у большинства, появляется нездоровый и четко целе-

направленный интерес к противоположному полу, у других, наоборот, отвращение. Недаром появилось столько половых извращений и сексуальных расстройств.

Теперь-то я уверена, что курс, посвященный этой тонкой щекотливой теме, должен быть, но подобные семинары все-таки нужно проводить отдельно, потому что могут возникнуть множество деликатных вопросов, на которые и педагог не всегда ответит, а только специалисты – гинеколог и уролог. Идеальный вариант – хорошие учебники и уважаемый, чуткий педагог (соответственно, мужчина и женщина), который мог бы ненавязчиво и доходчиво объяснять возможные пагубные последствия случайных половых связей и пробуждать у подростков уважение и заботу о здоровье своего предполагаемого сексуального партнера и о своем.

Слышала, что в настоящее время создан, вроде бы, такой нужный учебничек «Основы жизнедеятельности». Его авторы советуют 12-ти летним мальчикам регулярно заниматься сексом, иначе, мол, будут проблемы со здоровьем. Точно!... Будут! И ещё какие проблемы! Поясняют, как удовлетворить женщину. Вот только интересненько, кто же согласится удовлетворяться с 12-ти летними пацанами. Может только извращенки или, что еще хуже, извращенцы. Далее глава посвящена оружию: как правильно и быстро убивать... Вот тебе и «Основы жизнедеятельности»!!! Учат, как правильно убивать! Ничего себе жизнедеятельность...

Не нужно доходить до ханжества, но все же я до сих пор

считаю, что природа разумно поступила, создав девушек с естественной защитой организма. Прекрасное слово и понятие «любовь» (его уже даже стесняются) заменили на нелепое «заниматься сексом» или еще попроще – «заниматься любовью». Заниматься любовью? Она или есть или ее нет, а заниматься ею...? Заниматься можно колкой дров, мытьем посуды, спортом... В конце концов, чем-то механическим, бездумным и неэмоциональным, но «заниматься любовью»...!?! А может действительно этот процесс лучше озвучивать именно так, а не вульгарно «трахаться» или еще что похуже... А как же «Божественная природа любви?» И это совсем не сарказм, уж лучше сказать нечто возвышенное, чем озвучивать приземленную химию.

Ранние и бездумные (а просто интересно попробовать!) половые связи опасны не только для тела, сколько опустошают душу и лишают самого милого и необходимого для юности чувства – романтических отношений, поэтической стороны бытия, ожидания неизвестного и прекрасного.

Что касается юношей, они созревают позже, опять же природа позаботилась, и воздержание еще никому не повредило – мозги чище, особенно если их направить на реальные дела: учебу, спорт, труд или на все вместе. Конечно, от природы-физиологии никуда не денешься, но именно в природе всему своя пора: весна, лето, осень и, к сожалению, зима... Такое изысканное и необъяснимое чувство как любовь присуще только человеку и совсем не похоже на обыкновен-

ное знакомство с биологическими предназначениями полов. Разве можно!?

Очень надеюсь, что нынешнюю эпоху радикализма и прагматизма сменит эпоха романтиков, т.к. человечество опомнится и после пережитых катаклизмов, неизбежно придет мода на первичные, нерациональные чувства.

А так называемые «гражданские браки»? Раньше они назывались сожителем и осуждались обществом. И эти гражданские браки выгодны только мужчинам: рядом постоянно безотказная женщина, не жена, прости Господи а, а временная подружка. Но!.. Уход, внимание, постель. Чем плохо-то? У временной жены та же работа, те же проблемы, что и у «невременной», иногда даже и материальное содержание муженька, беспокойство, заботы и ожидание возможности, в конце концов, родить ребенка при наличии законного отца. Потенциальный отец кайфует – никакой ответственности, никаких обязательств, никаких забот! А у женщины настоящей семьи нет, полный замот, время идет, глядишь и ребёночка уже поздно будет рожать или, как сейчас говорят, «заводить». Муженёк захочет второй гражданский брак с другой молоденькой дурочкой. Девочки!!!, «Гражданские браки» – это полный развод еще до его заключения!

Свое трудное, но счастливое детство, особенно школьные годы, я вспоминаю с огромным удовольствием в отличие от моих дочерей, особенно младшей, которые, за редким исключением, до сих пор ничего интересного, кроме занудства

и несправедливости учителей, вспомнить не могут и не хотят. Бывая на редких родительских собраниях в их школе и школе внука, я отчасти поняла и дочерей, и внука Алёшку, почему он так неохотно ходил на занятия да и учился через пень колоду (впрочем, он еще был феноменально ленив и не собран). Но многие учителя, как мне они показались при знакомстве на этих собраниях, были абсолютно безразличны к своим ученикам, а некоторые даже ненавидели их. Я, конечно, не обобщаю. Но мало того, иногда они оказывались просто некомпетентны в преподавании своих дисциплин. Ученики далеко не наивны, как считают учителя, видят это и чувствуют отношение к ним – отсюда и аналогичное отношение к своим наставникам.

Да и все эти непрекращающиеся новшества в системе образования пока еще к улучшению знаний не ведут. Я уже не говорю о звучных и громких названиях «Гуманитарный университет», «Академия», «Колледж», «Лицей», где, заплатив определенную, иногда запредельную сумму, можно получить диплом юриста, экономиста, менеджера, психолога (еще дань моде) и даже врача и учителя... Когда раболепный восторг перед «бакалаврами», «магистрами» исчезнет, то, отказавшись от хорошо налаженной и проверенной системы образования, трудно будет к ней вернуться. Мы останемся у разбитого корыта.

В настоящее время уже существуют обычные, теперь уже совсем средние-пресредние школы, где дети не любят чи-

тать, пишут до самого окончания школы с грубейшими ошибками, со 2 по 8 класс, т.е. за шесть лет обучения, узнают всего четыре басни «дедушки Крылова». Некоторые «золотые» медалисты уверены, что Пушкин написал «Войну и мир», что главное сражение на полях Второй мировой войны – Бородинское, а «Собор Парижской Богоматери» – мюзикл. На изучение же истории Великой Отечественной войны отведено всего восемь часов за 11 лет, т.е., если история Советского Союза передвинута куда-то на 8 год обучения, то на историю Отечественной войны конкретно где-то около 2,5 часа. За это время можно поднапрячься и запомнить даты начала и конца войны. Куда там до великих сражений, героев, полководцев! А сам подвиг советского народа, именно советского, т.к. защищали страну все национальности, вымарывается из сознания детей, будущих граждан или населения как нас теперь трактуют, но не патриотов. Отмахнуться же от прошлого – значит отмахнуться от своих корней. Но вычеркнуть из него нельзя даже то, что непонятно или враждебно нам, живущим в настоящем. Мы можем и должны из чуждого наследства выбрать то, что было хорошо, полезно и нужно. Если же перечеркивать историю, переделывать, подстраивать ее в угоду современным веяниям, значит наступать на те же самые грабли, но уже модернизированные. Интересно, а как выглядят модернизированные грабли? Кто-нибудь знает? Видел? А ведь наступаем и наступаем... Наверное, модернизация – это всегда модно. Эх, меня занес-

ло на философию... А мои воспоминания о войне? Это ведь тоже никогда не забудется. Вот тебе и философия!

Вернемся теперь к моему детству, юности, к школе. Детство проходило в основном дома, с подружками и друзьями во дворе, а потом в школе. В памяти уже никогда не отыщется ничего раздольнее двора детства – пыльного двора с дровяными сараями, веревками с подштанниками и простынями, за которыми было так ловко и уютно прятаться. Двор являлся основным местом для прогулок, игр и вообще времяпрепровождения. Родителям можно было не волноваться, только сказать: «Ни шагу со двора!» – и заниматься своими делами. Это была автономная отгороженная от улицы и достаточно просторная территория, где мы со своими сверстниками играли в салки-догонялки, в пряталки, в чилику (подобие лапты), в штандарт, просто разговаривали или придумывали разные истории типа «черная рука», «я – принцесса», а позднее уже «я и принц» или страшилки. Двор был важная часть детства: там были подружки и приятели, прыгалки-скакалки, мяч, лапта – летом; снежки, санки, снежные бабы и крепости – зимой. Там была особая аура справедливости: двор мог осудить твое поведение и даже подвергнуть тебя остракизму (никому бы не пожелала этого испытать), а мог одобрить твое поведение и сделать героем. Во дворе мы выросли, а улица была так: для пробежки в магазин, в аптеку, на рынок. Даже маленькие дети прекрасно могли выполнить поручение мам и разбирались в ценах, знали что и

почем стоит, как получить сдачу и как купить пучок спелой редиски или луку да «чтоб, смотри, тебя там не надурили!» Впрочем, детям вручали качественный товар и они, зажав в потной ладошке пяточек сдачи, бежали домой, страшно гордые, что могут уже помочь маме. Этот пяточок обычно получали в личное пользование и откладывали его на покупку мороженого на потом, когда к этой денежке прибавится еще одна.

В нашем дворе по Шестой улице были одиннадцать квартир самых разных национальностей и смешанных семей: украинец с русской, татарин Коля Гуреев с женой Катей-украинкой, еврейская семья, смешанная еврейская семья, молдаванка в русской семье, армянин с русской женой ну и остальные русские. Никогда в жизни не поднимался в ругательной форме национальный вопрос. Если вдруг кого-то называли «Марго-армянка», «Фира-еврейка» или «Колька-милиционер», то только как факт, для того чтобы уточнить, кто к кому пришел или кто что купил, или «к татарам опять родственники приехали». Дружили или ругались, невзирая на национальность и уж не пользуясь ею как дубинкой. Дети, естественно, тоже не выбирали себе друзей в зависимости от нации или состоятельности. Впрочем, о состоятельности как таковой можно было бы и не упоминать: все жили примерно одинаково, а кто был «богаче», как тогда говорили, не выставлял нагло свою более обеспеченную жизнь. И даже не потому, что соответствующие органы и тот

же простой «Колька-милиционер-татарин» мог в любое время поинтересоваться, на какие такие шиши ты покупаешь жене вторую шубу, а получаешь обычную среднюю зарплату. А?! Впрочем,

у большинства ни первой, ни второй шуб в наличии не просматривалось, а если и имелись, то их особенно не демонстрировали. Просто «выставляться» не считалось воспитанным и этичным.

Потом наступали школьные года, постепенно дворовые друзья, особенно не одноклассники, отступали на второй план и важность уже приобретали друзья в школе. Это уже совсем другой этап в жизни.

Школой детей не пугали (вот пойдешь в школу – там тебе покажут!), поступления в нее ждали с нетерпением и гордостью. Как же! Ты уже школьница, уже большой человек, уже ответственна! На дежурные вопросы взрослых: «Ну, как будешь учиться?», серьезно и с уверенностью отвечали: «Я буду отличница!» Ну «дай нашему теляти да вовка зысты», как говаривала моя бабушка. Я не хочу идеализировать ни школу, ни учителей, ни тем более их подопечных. Ученицы (ведь я училась в женской школе) были самые разные: прилежные и нет, скромницы и оторвы, хорошенькие и не очень. Впрочем, покажите мне не славненькую девочку в 16-17 лет! Учителя были любимые и нелюбимые, спокойные и раздражительные, вредные и нет, но безразличных среди них не было, отменные были учителя. Ведь прошло более полувека, а я и

моя соученица Валя Манило, с которой мы до сих пор дружим, помним имена своих учителей, их привычки, иногда чудаковатость и, конечно, любимчиков и остальных. А это что-то да значит! Вот наша «классная» – Галина Филипповна Рябцева. Вела нас со второго по десятый класс, училась вместе с нами, оканчивая математический факультет ростовского пединститута. Как насадка, она оберегала своих малышей, а потом великовозрастных дылд. «Галина» знала нас как свои пять пальцев, тем более считать она умела, преподавая нам сначала арифметику, а потом и математику. Мы же, мнящие себя взрослыми и умными и даже читающими, ведь можете себе представить, Мопассана!, с усмешечкой выслушивали ее наставления, предупреждения и заботливые советы. Постоянно посмеивались (какие хамки!) над ее густо напудренным белой пудрой, пятнами, лицом и видом всегда обеспокоенным и возбужденным.

Благодаря же нашей учительнице русского языка Войцюль мы уже к десятому классу почти перестали «хэкать», она привила нам правильную литературную речь и интонацию. Несмотря на царившую в стране комедию абсурда громких идей великих революционеров и их преемников, она осторожно и незаметно подводила нас к умению мыслить самостоятельно и не штампованно, открывала и другие миры в литературе, в которых даже Есенину было не место, а она отваживалась время от времени цитировать и его, и Мандельштама, и Цветаеву. Мы не знали, чьи это строки, но за-

мирали от их проникновенной красоты и духовности, от которой сладко замирало сердце. Не обрывала нас, когда кто-либо пытался коряво сформулировать свое мнение о прочитанном, даже подталкивала наши закоснелые от чтения «критической литературы» мыслишки к какому-то свежему и неординарному высказыванию. Правда, мы иногда совсем забывались в своем юношеском максимализме и несли полную и даже опасную по тем временам ахинею. Мы, и это было мнение большинства, называли рекомендованного для внеклассного чтения Достоевского скучным, а его героев ущербными. Дочитать до конца книги требовало больших усилий. Беспощадное самобичевание, самокопание, самоанализ – все это, что называлось тогда пренебрежительным словом «достоевщина» – вызывало у нас, вполне приземлённых подростков, занятых очень насущными проблемами (хотя бы досыта покушать, тепло одеться), всё вызывало чувство отторжения от этих театральных страданий и страстей. По сути дела, все его персонажи люди психически явно неуравновешенные, были от нас далеки и непонятны. На занятиях по внеклассному чтению (были и такие занятия, гораздо интереснее, чем нынешние) мы пытались осторожно сформулировать эти мысли и впечатления о великом писателе, и тогда нас просто журили, ведь Достоевский был не пролетарский писатель и вообще слегка рекомендован к чтению, чтобы уж школе совсем не прослыть ретроградной... А вот когда мы замахнулись на дорогого нашего «буревест-

ника революции», на Максимушку нашего, на Горького, на его чудных и тоже скучных героев, то даже почти полудемократичная «литераторша» сделала нам дружескую выволочку, т.к. сразу поняла, что в либерализме с нашими собственными мнениями зашла слишком далеко, и что мы можем подставить когда-нибудь не только себя, но и её. «Сначала поймите – потом судите», типа «малы ещё критиковать», т.е. придавила нас учительским авторитетом и добавила: «И не вздумайте где-нибудь брякнуть!» Так и сказала «брякнуть», несмотря на всю ее бонтонность и чистоту речи, чтобы до нас четко и резко дошло. «Не дураки – поняли!»

Войцюль, очень томная аристократичная дама с благородной осанкой, всегда с белоснежным жабо и розового коралла камеей, была для нас образцом для подражания. Пожилая и полная, она не казалась нам нудной и толстой старухой, когда на уроке вдруг возникала беседа, никакого отношения к теме урока не имеющая. Вот она бы очень тонко посвятила бы нас в такой деликатный вопрос как этика и эстетика полового воспитания. Но я говорю, что это была закрытая тема, ведь секса в Советском Союзе не было.

Помню, возник животрепещущий вопрос о женском белье. Представьте 1952-1954 гг. Так вот, она, женщина в возрасте, уже тогда с негодованием обличала и отвергала эти «невыразимые» с безумным фиолетовым или серо-голубым цветом и не менее безумным фасоном панталоны, а также жуткие закрытые лифчики из жесткого полотна похожие на

панцирь, уродующие фигуру и натирающие нежную девичью кожу.

Девочки буквально впитывали эти спокойные, не назидательные, а просто откровенные высказывания: «вашему будущему мужу не понравилось бы такое белье» (подозреваю, что наша училка имела дворянские корни), применяли их в повседневной жизни слишком буквально и даже в стужу носили трусики–самостроки с кружавчиками и вышивками. Многие простуживались. Но теплое белье не носили принципиально, ибо оно, еще раз повторяю, было ужасно. Кто помнит фильм «Окно в Париж» и сцену, когда актриса Нина Усатова поднимает подол, чтобы показать, куда должна пойти ее французская соседка, зрители видят невообразимые теплые штаны с начесом грязно-сиреневого цвета. Вот такие предлагалось носить и нам. Альтернативой были так называемые шаровары, прообраз современных брюк-бананов. Но на танцы в шароварах не пойдешь, чулки подвязывались завязками из тонкой резинки, которые оставляли глубокий красный след, уродуя ногу и сдавливая кровеносные сосуды, поэтому мерзли мы жутко. Потом стали появляться в продаже пояса для чулок из сатина или из того же льна – полотна соответствующего единственного фасона с железными застежками-крючками, ржавеющими после стирки. Мы стали их видоизменять или сами шить нечто более изящное. Мне-то было хорошо, мама могла сварганить очень миленькие пояски, трусики или, например, купальники из любого

подручного материала. Всегда получался эксклюзив, вызывающий завистливые взгляды у моих товарок, хотя мы и не могли себе представить, что подобные пояса станут считаться сексапильными и модными в настоящее время, хотя, отмечу, совсем другого фасона, действительно очень «секси».

Уже к 9 классу мы пытались в меру своих представлений о красоте изменить к лучшему и свою внешность: выщипать рейсфедером бровки, нарумянить чуточку щечки (для этого использовалась гофрированная красная бумага), подкрутить волосы. Кстати, с накрученными локонами школу посещать не разрешалось, по крайней мере, не рекомендовалось. Знаменитое выражение «вавилонны на голове крутить» пошло именно из 50-х, когда барышни старательно навивали свои волосишки на самодельные бигуди (обмотанные газетой веревочки). На подобного рода французские «папильотки» накручивали кудряшки девушки во все более-менее просвещенные века!

На замечания же учителей, особенно при невыученном уроке – «скирду на голове успела соорудить, а на задание времени не хватило» – ученицы на голубом глазу утверждали, что волосы выются от природы, больше упирая не на невыученный урок, а на сомнение в природе их кудрей. Учителя, тоже люди и женщины, делали вид, что они якобы верят, только иногда советовали вытащить из природных кудрей кусочки газеты. Мне-то не приходилось пользоваться папильотками, волосы были одним из моих больших досто-

инств, густые и выющиеся. Частенько я так небрежно говорила: «Ой, ну как можно спать в накрутках! Я бы не смогла!», и невзначай покручивала локон косы, которой можно было обернуть голову, а другую взгромоздить сверху. Моя голова напоминала шлем римского легионера и носить такую прическу было довольно тяжеловато, но, конечно, красиво. С одной стороны, я гордилась своими косами, а с другой – умилялась и чуть ли не завидовала своей соученице Лариске Скибенко, самой высокой девочке в классе, 170 см (я вторая стояла на уроке физкультуры – 167 см, мы считались неприлично длинными, и обе немного сутулились), тонкой и изящной шатенке. Ее короткие, вобщем-то реденькие волосики, ежевечерне накручивались, утром тщательно расчесывались и прическа, круглая как одуванчик, была готова. «Скиба» (мы почему-то звали друг друга кличками от сокращенных фамилий: я, например, была «Зёма») тоже доказывала учителям и даже нам, что де-да! такие волосы у нее от рождения. Ну и пожалуйста, пусть от рождения...

Жизнь в школе кипела! Было создано множество кружков: «Юный... математик, химик, биолог..., литературный, спортивный, драматический.

Кто хотел более углубленно развивать свои способности или склонности, мог совершенствоваться в Доме пионеров или городских кружках, секциях, клубах. Времяпрепровождение детей и подростков было под контролем пионерских и комсомольских организаций. И знаете! Это было неплохо!

Дети не болтались по улицам.

В городе также кипела культурная жизнь. Работали театры, филармония, цирк, приезжали московские артисты. В Ростове жил писатель К.М.Станюкович, когда-то работал в ростовском порту Горький, драмтеатр сначала возглавлял Ю.Завадский, здесь прошла студенческая жизнь Солженицына. Шолохов жил рядом с городом. Приезжал концертировать Ростропович. Ростовская оперетта всегда была переполнена.

Мы пересмотрели весь репертуар театра, и не один раз, т.к. там работала капельдинером бабушка нашей одноклассницы. Наш класс заучил все роли, и в школе на переменах мы их перепели и перетанцевали. Кроме того, нам иногда даже давали костюмы и парики из театра. Уж не знаю, что предпринимала бабушка-капельдинер, но парики и длинные на кринолине платья нам иногда перепали. Из чувства брезгливости чаще всего мы ими не могли пользоваться: «роскошные» платья при ближайшем рассмотрении оказывались из дешевого ситца или сатина, а парики напоминали паклю (видимо, из нее и были изготовлены), были замусолены и пахли состарившимся прогорклым салом. Мы перестали озадачивать родственницу одноклассницы и обходились тем, что имели сами, наши подруги, свои и их знакомые. Если для спектакля было что-нибудь надо, то все выпрашивалось, вымаливалось, вытребывалось у своих близких и даже учителей. Некоторые костюмы сооружали сами, часто нам помо-

гала моя мама.

Мне доставались мужские роли – ведь я была высокого(!) роста – Эдвина, князя Данилу, Янко и кого там еще и была основным «мужским» кадром в драмкружке. Мне это очень нравилось, мысленно видела себя артисткой, но мне казалось, что артистами бывают какие-то особые люди, куда уж мне! В моем девчачьем менталитете актриса – это существо, каковым я себя не считала, выдающееся, необыкновенное, нечто эфирное. Однако в кружке играла с удовольствием, раскрепощалась, легко вживалась в образ, начинала верить в того, кого изображаю (а ведь это как раз то, что и необходимо актеру!), имела успех сначала в школьной самодеятельности, потом в Доме учителя в народном театре, потом в драмколлективе Дома офицеров, коллективу которого присвоили звание «Народный театр».

В школе ставили одноактные пьесы Чехова: «Предложение», «Медведь», «Юбилей», отрывки из Гоголевского «Ревизора», «Вечера на хуторе близ Диканьки», скетчи, юморески, декламация. Ставили все подходящие пьески с малым количеством действующих лиц. Сами были и сценаристы, режиссеры, декораторы, костюмеры, актеры, суфлеры и т.д.

В школьном кружке играть мужские роли мне мешали косы и приходилось их прятать, даже не по тексту, под шляпы, папахи, кепи. Сейчас я понимаю, что, одев кепи, я с высоко поднятой тульей мужского головного убора, становилась похожей на дауна, но т.к. мальчиков в кружке, естественно, не

было, то я самозабвенно изображала на сцене мужчин, даже могла изменить голос, этакий с хрипотцой.

Но в 9-10 классах, неожиданно, как-то вдруг, поняла, что мужские роли мне играть не хочется и даже совестно – ведь я с четвертого класса была постоянным участником театрального кружка – а хочется мне появляться на сцене в длинном платье, предпочтительно декольте, а если повезет, то и с турнюром, с красивой взрослой прической, в шляпе с перьями и исполнять роли роскошных дам как то: «бальное платье, голые плечи, вся я в брильянтах, каблук высокий! Ля-ля-ля!»... Еще не понимая того, что становлюсь женщиной.

В 14-15 лет я выглядела очень милой и кокетливой девушкой, причем старше своего возраста. Критерий миловидности был совсем иной, чем сейчас: девушки должны быть невысокого роста, где-то 1,50 м или чуть-чуть выше, пышненькие, курносенькие с маленьким «губки бантиком» ротиком.

Мой «деликатный» младший ребенок, глядя на мои девчачьи фотографии, заявила, что я была просто толстой тёлкой. По тем же временным понятиям я была худой и длинной. Если учитывать, что длинная не значит высокая, мой «грецкий» с горбинкой длинноватый нос (дома ко мне прилепилась кличка Буратино), ноги, растущие гораздо быстрее туловища («как под дурным старцем» выговаривали мне мои «добрые» родственники, не успевая покупать мне обувь), я

должна была бы комплексовать, и, действительно, в дальнейшем я все-таки явно себя недооценивала, благодаря такому воспитанию, но слишком уж закомплексованной, слава Богу, не стала. Возможно, родители воспитывали меня от противного: они видели, что я быстро тянусь вверх, взрослею, хорошею, и таким образом пытались отвлечь мое внимание как можно дольше и дальше от противоположного пола. Впрочем, на этом воспитание и заканчивалось: хотя бы накормить, обуть, одеть, обязательно проверить часы прихода домой с гулянья (особенно это ужесточилось с возрастом; куда денешься, приходила в указанное время, иначе другой раз будешь сидеть дома) – и достаточно. Остальное, учеба и мораль, возлагались на школу, а уж школа старалась!!!

Что касается жестких часов возвращения домой, то время прибытия с гулянья считалось, когда ты появлялась с ухажером у дома, там можно было еще полчаса добавит на прощальные ужимки, ведь по моим понятиям я уже была дома. Но здесь наблюдались тонкие нюансы: окна нашей квартиры выходили как раз на улицу, куда я и подходила с кавалером, причем это место всегда освещалось ярким фонарем. К назначенному часу моя мама, а то и сестричка уже торчали у окна на втором этаже и с любопытством рассматривали парочку. Иногда, для того чтобы не только видеть, но и слышать, о чём воркуют голубки, мама становилась на широкий подоконник и высовывала голову в форточку. Небольшого росточка, полненькая и в коротенькой ночной руба-

шечке с тоненькими бретельками (сшитое из белого ситчика, это прямоугольное изделие именовалось роскошным словом «комбинация»), она при электрическом освещении очень хорошо просматривалась в высоком окне. Однажды зимой она привычно взгромоздилась на подоконник и просунула голову в форточку. Видимо, ничего интересного и тем более предосудительного не увидев и не услышав, мама хотела ретироваться по-английски, но ее голова вдруг застряла в узком отверстии форточки. Так иногда бывает, когда неудачно повернешься и потянешь туловище чуть в другом направлении. Вот тут-то и случился конфуз: голову она сама не повернет, вытащить не может, позвать кого-нибудь находящегося внутри дома невозможно, мне тоже ничего крикнуть нельзя – зрелая женщина находится совершенно в безвыходном и смешном положении: полуголая, а голова на улице! Как черепашка головой крутит-крутит, а под панцирь никак не спрячется и потом почти раздетая, морозный воздух окончательно пробирает под «комбинацией»! На улице-то зима, холодно! Меня смех душил, я фыркаю невпопад, ухажер ничего не понимает, он-то спиной стоит к этой уморительной живой картине.

Ну, я быстренько свидание свернула, побежала домой вызволять не в меру любопытную мамашу. Мне еще за мое доброе и попало под горячую руку, «ничего, мол, прощаться по полчаса, тебе сказано в десять приходиться, так изволь уже дома быть в должное время!». Правда, этот опыт пошел ма-

ме впрок, а мне на пользу: мама свои бдения у окна не прекратила, но в форточку уже не высовывалась. Кстати, ее привычка и мне была отчасти выгодна: если ухажер мне не нравился, то я скромненько ставила его в освещенный электричеством круг и говорила, что мне-де домой быстренько надо, мама заругает, вон она уже в окне маячит, «за спиною ножик прячет». Мальчик ошеломленно поворачивался и действительно – живописное зрелище – мама в окне. Ему ничего не оставалось делать, как скромно попрощаться и уйти восвояси. Если же кавалер был мне не безразличен, то я прощалась с ним несколько дальше от фонаря и ближе к стене.

Так что напрасно родители думают, что они полностью контролируют поведение своих детей. Они очень заблуждаются, очень. Правда, скрывать дома особенно было нечего, но и поцеловаться с мальчиком под неусыпным оком родственников было неудобно.

Никаких комплексов я вроде не испытывала, т.к., не смотря на «длинная, Буратино, ноги как под дурным старцем» и другие «милые» домашние прозвища, мальчики на меня стали обращать внимание рано и, как я таинственно и горделиво ведала своим подружкам, «ухаживать». Подружки умирали от зависти и заинтересованно выясняли подробности ухаживания: как он на тебя посмотрел? а как ты посмотрела? он взял тебя за руку? а ты не отняла? и т.д., дегустируя капельные подробности. Но через год-другой уже интересовались «не лез ли он целоваться в первый вечер» и, если «да»,

и именно в первый, а ты, какой ужас! позволила, то ты становилась уже кем-то вроде распутницы.

Тогда случилось повальное увлечение спортом, и мы с моей подругой Лидой записались, чего там мелочиться!, в секцию фехтования. Заниматься спортом можно было в каком угодно обществе и абсолютно бесплатно. Почему фехтования? Да Бог его знает почему! ума не приложу: заниматься спортом было принято! и все! – гимнастику переросли, для любой атлетики, легкой или тяжелой, не нарастили мышц, и потом нам показалось, что это будет красиво – белый костюм, маска, рапира и другие элегантные атрибуты, вот и понесло нас в секцию фехтования. Фехтовальщицы, блин! Конечно, долго мы там не задержались: освоили «Стойка! Выпад! Укол!», а при дальнейшем обучении непосредственно приемов боя нелепо размахивали рапирами, как палками, сразу забывая все наставления тренера и немилосердно потеть под своими масками и нагрудниками. Оказалось, что это довольно утомительно, отнимало много времени, а нужно еще уроки успеть сделать, в художественную школу утром два-три раза в неделю сбегать. В девятом классе я уже занималась в этой школе при художественном училище им. Веры Мухиной. Да, знаменитая скульптор тоже уроженка Ростова. На тренировки поэтому мы являлись редко, но т.к. секция фехтования находилась в спортивном комплексе Дома офицеров, то сразу и заколовращались вокруг нас мальчишки-спортсмены. Видимо, судьба уже тогда вела меня по пу-

ти к супругу-военному. Так вот, нас сразу заметили спортивные мальчишки, причем где-то 20-21 году. Мне и Лидке ужасно льстило, что за нами ухаживают «взрослые». В свои 16 лет мы выглядели на все 18 и не разубеждали своих кавалеров, что мы не взрослые девушки, а подростки-писклюшки, и нас это ухаживание страшно забавляло. В чём же тогда заключалось ухаживание: очень чинные приглашения в кино с робким держанием за руку, на танцы (ты должна танцевать только с ним, что довольно скучно), в театр и даже в кафе. Самым престижным было приглашение в кафе «Колос», где были необыкновенно вкусные пирожные, конфеты, кофе, душистые ростовские бублики с маком. «Золотой Колос» до сих пор существует в Ростове и держит свою марку – крепкий ароматный кофе, нежные и разнообразные пирожные плюс замечательные ростовские бублики, горячие и мягкие. В ресторан молоденьких девушек приглашать было не принято, «иззя»!, нельзя и все! – неприлично. Но приглашение в кафе мог себе позволить все-таки денежный кавалер, это был уже пик ухаживания и надежда на поцелуи. Тогда в моем окружении очутились такие знаменитости, как Лев Мухин, Виктор Понедельник, какой-то 22-летний боксер, молодой мастер спорта. Меня-то забавляло и льстило внимание юношей, но их подобные бесплодные ухаживания быстро расхолаживали. Эти дети-мужчины не понимали, что мы, девчонки-подростки, только прикидываемся взрослыми, и пытались увлечь нас более-менее взрослыми отноше-

ниями, которые мы еще не воспринимали, просто не доросли до них. Сами же эти 20-летние мальчики были очень инфантильны и многие имели средний уровень интеллекта. Виктор Понедельник, замечательный футболист, быстро отшился – какая-то странная девчонка, видно решил он, тем более девиц возле него было видимо-невидимо разных возрастов и вкусов. Но скорее всего это произошло после признания, как я ему нравлюсь; если хотите, это было завуалированное объяснение в любви. Объяснялся он, примерно, таким образом (кстати, голос у него был монотонный, медленный лишенный какой-либо эмоциональной окраски, словом, занудный): «Знаешь, Гала, ты мне очень нравишься»... Пауза...

На что Гала заинтересованно и быстро спросила: «А как? Как?» Надо же было что-то рассказать подружкам. Он стал так же монотонно перечислять, как я ему нравлюсь: «Ну, вот ложусь спать – о тебе думаю (теперь-то я представляю эти думы, а тогда сама подумала, а чего думать-то во сне?); встаю, надеваю (нет, я точно помню, он сказал «одеваю», по этим глаголам нас здорово гоняла русистка) носки! – о тебе думаю, ем суп – о тебе думаю...», – и замолчал, других слов о любви он не знал, мысль его ворочалась туго. «Я старый солдат и не знаю слов любви!» Он, правда, трудился головой, часто ею очень красиво забивал мячи, но все же чаще работал ногами. Рассказывать подружкам было нечего. На следующее свидание я не пошла. Впрочем, я думаю, он и не переживал по этому поводу; он был лет на 5-7 старше своей но-

вой знакомой, ему было с ней не менее скучно – о футболе я ничего не знала и даже не делала вид, что мне интересны там всякие пасы, угловые, подножки, подкаты, офсайды и горделивые сообщения, как он кому-то сунул под ребра или по щиколотке. Или ему сунули...

Вообще-то туповатый народ были эти спортсмены, хоть и старше меня. Вот боксер, например: гуляем по парку – прогуливаться с ними было удобно, даже поздними вечерами, их или узнавали, или боялись – он молчит...

Я пытаюсь заполнить паузу и так, и этак – молчит. Болтаю что-то о книгах, о кино, о поэзии, чего могла нахвататься из классной и внеклассной литературы, – молчит. «Ну что же ты ни одного стихотворения не помнишь?»

Он мрачно в ответ: «Тебя бы с пятнадцати лет били по голове, и ты бы не помнила».

А-а, да ну тебя! Тебя били по голове, а я причем? Меня и по другому месту не били. Да, действительно, мама иногда шлепала по попе и то в шутку. Один раз она действительно хотела меня отшлепать ремешком (то-о-о-еньким!), решила ударить по рукам, наверное, я этими руками что-то нашкодила. Замахнулась, а я – руки вверх!, замахнулась верхним ударом, а я – руки вниз! Замахнулась, а я: вверх-вниз, вверх-вниз! А т.к. на мне была стеганная безрукавочка, сшитая самой же мамой, и все удары только сотрясали воздух, а цели не достигали, то, в конце концов, мама рассмеялась и бросила ремешок. Этим мое наказание и закончилось.

Имя Лев Мухин. О! это было имя! Молодой борец. Скорее это Я на него глаз положила, чем он. Знакомство было шапочное, такие малолетки как мы, его явно не интересовали. Однако, когда он мимоходом предложил мне и Лидке билеты на соревнование борцов, мы всем девочкам в классе так небрежно, тоже мимоходом, сообщили, что, мол, вечером решили в цирк пойти, надо бы поскорее уроки сделать, вот билеты Лева достал, первый ряд.

Этот Лева был просто идиот! Можно ли приглашать девушек, да еще как он нас величал, малолеток, на борьбу да еще сажать в первый ряд? Господи ты Боже мой! Когда мы в оборочках-сборочках, бантиках и складочках, я в косах, а Лидка с аккуратно накрученной головкой появились в этом несчастном первом ряду, то: во-первых, на нас стали пялиться какие-то мужские тупые рожи, нагло ухмыляться, глуповато хихикать, а то и откровенно ржать, во-вторых, мы сами себя сразу почувствовали явно не в своей тарелке. Но высокомерно задрав носы, мы якобы свободно и даже развязно уселись на свои привилегированные места и с независимым видом завсегдатаев борцовских баталий стали демонстративно просматривать программку. Чаще всего под такой вот развязной миной самоуверенности скрывается застенчивость и тогда развязность становится заметнее.

В-третьих, началась сама борьба...

Буквально перед нашими носами стали враскорячку кружить и ворочаться на ковре голые потные мужики, пыхтеть,

сопеть и даже время от времени, мягко выражаясь, пукать. Вообще, вести себя как черти в аду и эпатировать публику. Публика же, практически все мужчины, вовсе не смущалась, а подбадривала волосатых, потных и жирных борцов воплями, в основном: «Харю, харю тяни! Яйца дави! Жми повидло! Откуси на х... нос! Пусти юшку!» И это еще более-менее цензурные. Мы сидели, закаменев. Выбраться оттуда во время соревнования было невозможно. «Девушки с оборками», по-моему, даже забывали дышать, с обмиранием ожидая перерыва.

Кое-как мы все-таки улизнули с этой кошмарной презентации силы и мужества, никому об унизительности в этот момент нашего положения (нам так казалось) не рассказывали. Единодушно решили приглашения от спортивных мальчиков не принимать и знакомства с ними сворачивать. Впрочем, напрасно, наверное, я говорю, что они были тупые, глупые и т.д. Просто совсем еще молодые ребята были очень увлечены своим делом, что остальное их просто не интересовало. Тем более спорт настолько выматывал их физически, что до остальных программных дисциплин у них элементарно не хватало времени. Но общаться с ними все-таки было скучновато.

Наступал период танцев и вечеров в школе военно-воздушных сил.

Там были наши сверстники, плюс-минус один год, там был хороший танцевальный зал с паркетными полами, там

были дежурные с красными повязками, в конце концов, это было недалеко от дома. Мы повзрослели на год и чуть поумнели. Там я познакомилась со своим будущим мужем, хотя, конечно, ничего подобного тогда мне не приходило в голову.

Зимой, редкими субботними вечерами молодёжь танцевала в школе ВВС, а весной и летом на танцевальной площадке в парке им.Горького. Танцплощадка была обнесена высоким кованым забором копиями вверх и в просторечии называлась «обезьянником». Сколько ключев от штанов оставили на этих кольях мальчишки! И еще эти решетки для вящей остротки смазывали дегтем или смолой. Вход – рубль. Карманных денег практически ни у кого не водилось, но 17-ти летние кавалеры каким-то необыкновенным свойством бережливости и даже скопидомства – у моего супруга эта категория характера осталась на всю жизнь накапливали к субботе или воскресенью необходимую сумму и важно покупали билет – один.

Этот билет они торжественно вручали «своей» девочке, а сами корябались через кованый забор со штырями и дегтем. Замечу – это никогда не делалось на глазах у девушек. Видимо, где-то таилось понятие, что это унижительно и недостойно. Все делалось втихаря и, когда подружка уже была в «обезьяннике», тут, как чертик из коробочки, выскакивал и дружок. Позволялось танцевать вальс, бальные и народные танцы. «Линда», «Фокстрот», даже вначале и танго, как западные и растлевающие танцы, были в опале. Здесь можно

вспомнить, что почему-то все новые танцы – вальс, шимми, фокстрот, твист и др. сначала встречались в штыки и считались неприличными. Но только не у молодежи! Когда какая-нибудь отчаянная пара начинала под «краковяк» или «польку» зашибать невообразимую смесь фокса и рока, то к ним подбегал дежурный комсомолец с красной повязкой и грозно требовал: «Прекратите линдачить (т.е. не танцуйте «линду», растлевающий западный танец!)? Ведите себя прилично!» И прекращали, а то, если дежурный был слишком уж принципиальный или просто вредный «ботаник», могли и вывести с танцплощадки, и тогда прощай выстрадавший билетик за рублик. Однако даже эти приколы не мешали нашему удовольствию повеселиться, попрыгать, поскакать среди сверстников, познакомиться с понравившимся пареньком. Из развлечений в парке были такие неприятельные забавы: карусель, комната смеха с кривыми зеркалами, автоматы с газированной водой – три копейки без сиропа, пять с сиропом, качели-лодочки. Я была рьяной любительницей раскачиваться на «лодочках» и, т.к. на них не было никаких ограничителей, взлетала почти горизонтально. Некоторые любители рисковали даже крутить на этих качелях «солнышко», делать полный оборот. Я же говорю, что ограничителей не ставили. Были и несчастные случаи. Конечно, я до такого заклинивания не доходила, т.е. до «солнышка», но, имея всегда в характере что-то рискованное и авантюрное, раскачивала своих партнеров до одурения. Пощады во время

катания ребята старались не просить, но у многих из них лица приобретали нежный зеленоватый оттенок слоновой кости. При выходе с этого аттракциона их пошатывало, и они предлагали где-нибудь посидеть, предпочтительно тут же на травке.

А я веселила-а-а-ась. Ну а Виктор, мой будущий супруг, был смолоду предусмотрительный человек и на мое невинное предложение покачаться на лодочках так же невинно заметил: «Ты в платье – неудобно». Вот так номер! И ответить нечего. Мое платье еще никому не мешало, даже сначала ребята не без удовольствия посматривали на взмахи подола все выше, и выше, и выше... А потом им уж было не до платья и не до того, что под ним. А Витя, видите ли, сам скромный и мою скромность блюдет. Так он и отвертелся. Не пришлось мне повеселиться и похихикать на этот раз. Видимо, уже то, что «девчонка Курьяна закатывает» было обсуждением в среде «спецухи», так мы называли школьников ВВС, так же, как и наша дружба с Витьком. Во время одного совместного литературного вечера, когда объявили, что стихотворение Маяковского «Блэк энд уайт» прочитает ученица 10 класса Галина Иноземцева, вдруг из последних рядов чей-то противный гнусавый фальцет крикнул по-петушиному: «Курьянова!». К моему счастью, эта инсинуация не выбила меня из образа, стихотворение я прочитала с должным патристическим пафосом, но потом бурно выясняла отношения с Витьком: что за дурацкие шутки! И что «ходить» (сегодняш-

нее «встречаться», «тусить») я с ним больше не буду, и что за друзья-дураки!

И что... и т.д. Но потом все обошлось, тем более бедному Вите приходилось безропотно проводить на танцевальные вечера целую ватагу моих подружек, у которых не было постоянных кавалеров. Время от времени мой друг осторожно протестовал против такого положения дел, количество подружек временно сокращалось, а потом все возвращалось на круги своя.

Ходили на танцульки, в кино, гуляли по улицам, очень редко собирались компанией у кого-нибудь дома: танцевали опять же под патефон или тогдашнюю новинку – магнито-лу, ребята в танцах старались поприжать партнершу, прощупывая ее на податливость. Делали это так робко, что только раздражали визави своими дрожащими, неумелыми руками, потому что девчонки и сами не знали, что им хочется: не прижимает – значит, я ему не нравлюсь, прижимает – нахал. У мужчин, кстати, те же самые прибабахи: не идет на контакт – фригидна, соглашается – развратная.

Однажды у Вали Манило собралась такая гоп-компания и сожрала чуть ли не половину запасов из погреба: огурчики, помидорчики, грибочки, маринованные «синенькие» (так на юге называются баклажаны, а помидоры – «красненькие»), да Валентина еще наварила огромную «кастрюлю» картошки, а мальчишки принесли спиртное – бутылку знаменитого у молодежи портвейна. Мы устроили прямо-таки кутёж!

Вечно хотящие есть подростки, смели со стола все, забыв о танцах с прижиманиями. Как Валюха объясняла маме отсутствие многих «закруток», она не рассказывала. Пиком таких вечеринок становилась игра в бутылочку. Мы постепенно осваивались в будущих взрослых отношениях, но в принципе, развлечения, как и отношения, были довольно невинные. Что касается Валентины, то у нее была своеобразная манера рассказа событий. А сейчас эта манера стала ещё своеобразнее... Недавно я была у нее в гостях в Ростове, городе моей юности. Вот хочу воспроизвести её монолог. Речь пойдет об эпизоде, когда на плите стала пригорать алюминиевая кастрюлька...

– Валюха, у тебя там ничего не горит?

– Ой! Б... Да это мои яйца горят! У-у-у, ты посмотри что с кастрюлей! Как пригорела! Да ты шо! Разве это сгорела! Так вот она таки раз горела!!! Она у меня горела до сих пор! (показывает до каких) Эта падла у меня с 1960 г. Проснусь ночью, думаю: «Вот какая-то б... горит! Ах ты, ё... мать! Так это же я б...! Вот это ж таки качество: ототрешь – и всё. А эти... Аньку Мякотных знаешь?

– Нет...

– Ну как нет! Ну, на слуху фамилия! Да она все время в 10 «А» училась, еще Светка Светличная у нее подруга была; Светка – председатель комсомольской организации. Отец у неё проводником работал тогда «Ростов-Тбилиси».

– У кого? У Светки?

– Да у Аньки же! Так идем через балку (это овраг), знаешь?

По Зеленоградской, так она стоит в калошах из шин сваренных или в мужских рваных, в куфайке (ватные простеганные куртки) обтрепанной... Одна зеленая сопля из ноздри висит, другая на подходе. Проводит та-а-а-ким взглядом тех, кто почище одет, да и плюнет вслед, зельма! А всего четыре года! («Зельма» – ростовское слово, обозначающее вредная, хитрая, злая (в четыре года-то!) А я брала себе так... на потом, про запас... (Валя окончила Институт народного хозяйства и работала товароведом в самом крупном универмаге Ростова). Я ж уже была заведующей отделом. Ну и девочки попросят: «Ой, Валентина Митрофановна, возьмите и нам!»).

Ну а я что?! Конечно, возьму... Приду, положу в стол. А Зотова, такая зараза, и где только такие отмычки доставала... Ну обязательно все рассмотрит-пересмотрит!

– Кто? Мякотных?

– Да какая Мякотных! Я же говорю – Зотова, бухгалтерша. И если у неё, не дай Бог, нет такого, что у меня, побежит, собака, в ту секцию и пока не заберет, не успокоится... Это еще в бухгалтерии. А уж в юротделе – это Анька. Я взяла себе три чайника.

– А зачем три?

– Как зачем? Один Ирине (дочка), другой себе, третий про запас или кому-нибудь подарить. (Кстати, Валя – добрейший

души человек, а уж в пору повального дефицита красный чайник в крупный белый горох был бы царским подарком). Прихожу – один чайник! Отполовинила! «Анька! Когда ж это кончится?» «А что? А что? Мне тоже нужно!» Ей ну-у-ужно! А на какой хер мне нужно, что ей нужно! А у Ирины три чайника. При всех этих строительствах два чайника изуродовали. Она потом купила еще один. А я разбирала сарай и еще нашла – вот он мой дорогой! А этот (кивает на свой чайник) и горел, и плавился, и эмаль отскакивала внутри и снаружи. Во! Советское – значит качественное! Нет. Отечественное – отличное! (задумалась, пауза) Или наоборот... За бугор делали – вот это качество,

вот это отличное. Дуршлаг у меня и шумовка. Видишь? У дуршлага только кусочек отвалился. А шумовка? Отечественная! Вот то-то и оно. Лёнька привез машину советскую, друг Виктора. Он ему оформлял «Волгу» списанную. Лёнька с ним в Германии служил ещё тогда. Так у неё чуть борта внизу подржавели. А сейчас? Ткнешь пальцем – всё... А ты говоришь...

(Тут я попросила листок бумаги, чтобы записать этот монолог, очень милый и действительно своеобразный. Именно так часто говорят в Ростове.)

Впрочем, есть ещё один разговор...

Мы едем в автобусе. Валя здороваётся с женщиной сидящей напротив. Выходим.

– Видела её? Вот эту женщину, с которой я поздоровалась в автобусе? Это она жила в том доме напротив, что горел, рядом с Женькой. Ну, Женька, что была у Наташки на свадьбе, ты на фотографии видела, такая темненькая, по-моему, татарочка. Такая симпатичная, маленькая. Подружкой была, голубое еще платье у неё. Она ещё вышла за этого сыночка, который подсел на наркоту, Колька. Не побоялась... Так это Танька, её свекровь.

– Кто?

– Ну, Танька, Колькина мать. Она теперь переехала в другой дом, кирпичный, а этот сгорел... Я тебе показывала. Два раза горел»... – сказала она многозначительно.

Бабушка же и дед Валентины выходцы из украинских земель. Бабушка «з мещанских» очень гордилась тем, что её муж был, как она не раз повторяла, «з паньских» и, что он был «дюже» грамотный, т.к. окончил церковно-приходскую школу, газеты «чітав і, удолю і у попережк». Однажды, читая газету, он медленно произносит: «У Києве Його Імператорське Величність зустрічали з хлібом, з сіллю, з гім...? З гім...! З гімОм?!

Отож доїздився!!!», – и недоуменно отложил газету. В их семье эта фраза стала классической.

У своей школьной подружки я увидела и настоящий снимок НЛО.

Этот снимок сделал её брат, живущий в Новороссийске: на фоне тёмного неба над городом парит предмет в виде пе-

сочных часов с прямыми, но не яркими лучами-стрелками вдоль обеих колб «часов». Сам предмет окружён рассеянным ореолом, но его контуры выявлены очень чётко. Слева от «часов» парит «тарелка», тоже хорошо просматриваемая. Фотографию отправляли в какой-то институт, занимающийся такими проблемами.

Им ответили, что снимок не сфальсифицирован. Ну и всё... А что, собственно, ответить? Сейчас сами учёные никак не разберутся, что же за предметы летают в нашем небе: внеземного разума или созданные руками земных конструкторов. Ну, да Бог с ними!

Вернемся всё-таки к нашим с Валеё школьным годам, когда мы если что-то и рассказывали, то более ёмко и без отступлений. А сейчас у всех издержки возраста, и говорим мы с мельчайшими подробностями.

Уже тогда, где-то в 9 классе, мы осторожно и неумело начинали пользоваться так называемой косметикой. Тушь для подчёрнения ресниц: поплевав на мыло, частым гребешком соскрести с него тонкий слой и натереть этот слой обычным черным рисовальным карандашом. Потом этой вязкой субстанцией чуть-чуть провести по ресницам или бровям, кому что надо. Румяна – гофрированная мягкая бумага. Из неё делали искусственные цветы, а девушки-подростки румяна и прекрасно освежали цвет лица. Рассыпная пудра «Кармен» в картонных круглых коробочках и с нарисованной головкой типа Кармен, что подтверждалось крутым завитком на ще-

ке и алой розой в причёске. Эта пудра была двух типов: цвета загара и светлая, мертвенно-белого с голубоватым оттенком. Чаще всего мы покупали «загар», а потом смешивали этот загар с зубным порошком до нужного нам цвета. Кстати, такая смесь чуть-чуть подсушивала подростковую жирную кожу и сдерживала появление юношеских прыщей. Жуткие крема со стойким запахом застарелого бараньего жира (мне не приходилось ими пользоваться, но аромат помню), лосьон «Огуречная вода», а для мужского парфюма «Тройной одеколон», считался моветон, его употребляли алкаши и уж, конечно, не для парфюма, и стоил он копейки. Одеколон «Шипр» – уже почти роскошь и комильфо.

Ни о каких средствах для снятия продукции парфюмерного ширпотреба слыхом не слыхивали. Этот «макияж» смывался обыкновенным мылом, «Семейным» или «Земляничным», со стойким химическим ароматом, однако на натуральной основе, жире и ланолине, а уж ароматизаторы добавляли от души – запах был стойкий и прогонял любую мошкарку. Ленивые девки, приходя поздно домой, иногда и не смывали красоту, она забивала поры, (еще бы! такое издевательство!), появлялись угри, у кого меньше, у кого больше, воспалялась и портили кожу. Я тоже этой антисанитарией грешила, но редко, когда уже совсем позднее время и просто лень одолевала: «ну, не хочу и всё!». Но всё же заставляла себя и, возвращаясь с танцулек, летом раздевалась до пояса (все равно темно!) и полоскалась на общем длинном бал-

коне, где напротив каждой квартиры висел оловянный умывальник с «крантиком»-гвоздиком. Это в теплое время года гигиенические процедуры проводить было проще, а зимой приходилось совершать сложное действие: достать таз, поставить его на бабушкин сундук, налить воды и приступить непосредственно к туалету и все это в темноте, т.к. родители якобы уже спали. Ночью в полной тишине и темноте я плескалась в тазике, по возможности тихонько, но звуки почему-то разносились громкие и через некоторое время раздавался недовольный голос отца: «И чего мыться-размыться! Смотри! Верба вырастет!» Я молчала, быстро закруглялась. Вот зимой-то и приходилось нарушать режим помывочных процедур.

Чтобы пользоваться выше описанной косметикой требовались великая сноровка и осторожность. Употребляли мы ее, конечно, не каждый день (в школу ни Боже мой!), а только на танцы или на свидания. Но даже в такие редкие моменты нужно было быть очень-очень внимательной: тушь, по сути черное мыло, могла попасть в глаза, и тогда прости-прощай выразительность и загадочность, как мы были уверены, взгляда. Приходилось срочно искать воду и промывать слезящиеся глаза, куда уж тут до выразительности и загадочности! Краснота и припухлость век объяснялись соринкой. Да неискушенные мальчишки просто не замечали наших ухищрений, будь ты накрашенная или не накрашенная!

Бумажные румяна, подлость такая, имели свойство вдруг

проявляться и проступать сизоватым пятнами на девичьих щеках. Это зависело от качества химической краски и от количества нанесенного цвета. Поэтому мы вскоре забраковали гофрированную бумагу и стали пользоваться остатками помады мам и старших сестер. Пудра же «Кармен» вдруг начинала собираться в комочки, если чуть вспотеешь на танцах, или, наоборот, осыпаться на платье в виде перхоти! Иногда мы наспех подкрашивались где-нибудь в укромном уголке, потому что если, не дай Бог! родители увидят наши упражнения с внешностью, то обязательно заставят умыться, а то и вообще не пустят на гулянку. Да и результат таких спешных украшений бывал отрицательным, поэтому чаще всего, плюнув на всю красоту, уходили без макияжа. Но право делать настоящий маникюр, правда, с бесцветным лаком и в настоящей парикмахерской, я выторговала себе дома, хоть и с некоторым скандалом.

Курьяновой же меня нарекли в 17 лет, о чём я тогда и не помышляла.

Итак, школа окончена. Что делать с аттестатом? Кто не знал, шли либо в строительный, либо в экономический. В оба нужно было сдавать математику и физику. Но я не хотела быть ни строителем, ни бухгалтером (вот уж заблуждение!) и поэтому решила подать документы в пединститут на филологический факультет. У моего друга проблем с поиском профессии не было. Что ожидает учащихся специальной школы ВВС, они знали ещё три года назад при поступ-

лении: летное училище – и вот ты молодой лётчик! Ребята очень гордились этим, со знанием дела щеголяли авиационными терминами, рассуждали о преимуществах того или иного училища, в отличие от нас, девушек, полных исканий и смятения.

А в 1954 г., в год окончания школы, какому-то военному министру видимо было необходимо пристроить своего сына в военное заведение (ну, не в училище же бедному дитятке идти учиться!), поэтому по военному ведомству был издан приказ, разрешающий школьникам, имеющим золотую медаль, без экзаменов, только с собеседованием, поступать в институты Министерства обороны. Собеседования типа: кто секретари Коммунистической партии в странах социалистического содружества, да какие столицы стран этих содружеств. Такие вопросы и у не медалистов от зубов отскакивали. Да какой моральный облик у самих поступающих – какой мог быть неморальный облик у этих пацанов? – «нет, не был, не судим, не привлекался, родился между молотом и наковальней», все поголовно из рабоче-крестьянско-служащих семей. А характеристики нам всем писали чуть ли не под копирку. Ребятам просто повезло: вот и мой Витёк со своей золотой медалью попал под этот расклад, должен был ехать в Москву и учиться в Военно-воздушной инженерной академии им. Жуковского. Ребятам-то повезло, а вот офицеры, прослужившие в частях и собирающиеся поступать в академию на общих основаниях с сумасшедшим конкурсом, бы-

ли очень недовольны. Какие-то мальчишки 17-18 лет будут поступать, видите ли, на основании «собеседований», а они, служилые офицеры, должны сдавать школьную программу, которую благополучно забыли ещё несколько лет назад! Вот поэтому на курсе вместе с мальчишками учились взрослые люди, и, конечно, им было трудно угнаться за нахальными школьниками в теории. Вместе с Витей, например, учился будущий космонавт Владимир Комаров, на курс старше – будущий чемпион мира тяжелолюбес Юрий Власов, красавец и умница.

Конечно, это была редкостная везуха для Курьянова В.И. Но тут его подружка Галочка, т.е. я, вдруг заявляет с полупрезрительной усмешечкой:

«Фи! Так ты не лётчиком будешь?» – и Витя после моего уничижительного вопроса мчится к начальнику школы и требует, чтобы его вместо Москвы и Высшей военной академии им. Жуковского направили в лётное училище в Тьму-Таракань осваивать так необходимую ему и его придурашной подружке Галюне профессию лётчика. Начальник школы вправил будущему инженеру мозги, и вот Витя едет в Москву, предварительно спланировав свои будущие отношения со мной: берёт с меня слово, что я его буду ждать, и на третьем курсе, когда им присвоят офицерские звания, мы поженимся. Четко и ясно.

«Ждать? Ха-ха! Ну, ладно!» А мои планы? Как и где Я буду учиться (или не буду?) Витя почему-то о них не спро-

сил. Вот, действительно, почему? И почему, делая такое серьезное заявление, не сказал, что любит меня? Правда, я его сама настырно выпытала: «А ты любишь меня?» На что Витя смущенно пробормотал: «Ну, люблю!» Видимо, он считал, что если предлагаешь пожениться, то автоматически признаешься и в любви. А, может, высоких слов стеснялся. Сейчас прямо не верится, что это было так давно, 50 с лишним лет, когда я решила начать полегоньку записывать свои воспоминания, по крайней мере, наиболее яркие из них, так, небольшой дневничок. Но слово дадено – я его и сдержала, хотя офицерские звания курсантам, а им обещали сделать это на третьем курсе, не присвоили.

Им и так сделали большую скидку, приняв в высшее учебное заведение без экзаменов. Ожидание замужества затянулось на пять лет.

Я же собиралась в пединститут на филологический факультет. Ведь вот мы какие умные в 17 лет! В художественной школе мне предлагали поступить в их же художественное училище, даже без специальных профилирующих предметов, т.е. сдать там обычную школьную программу, чтобы художник был не совсем безграмотным что ли? Сказали, что у меня способности и их надо развивать, на что я высокомерно (вот дурочка!) ответствовала: «Чем быть посредственным художником, лучше быть хорошим учителем». Сейчас я как раз думаю, что лучше быть хорошим дилетантом, чем плохим профессионалом. Но это сейчас! Тогда же я считала, что

способности у меня средние, хотя всегда с удовольствием рисовала, лепила, мастерила из подручного материала разную и довольно оригинальную бижутерию, впоследствии постоянно что-то оформляла на общественных началах, тоже с удовольствием. Думала, что по сравнению с остальными студентами буду бледно выглядеть, а я всегда хотела быть только в первых рядах. Но эти-то ученики проучились в художественной школе по 5-6 лет, знали теорию, технику рисунка, технику смешивания красок, «свет-тень-полутень» и вообще набивали руку, а я, кроме того что проучилась всего полтора года, прогуливала занятия, так и к совету педагогов отнеслась несерьезно. Здесь-то, видимо, и сказалось моё воспитание от противного – неуверенность в себе, в своих способностях.

Мало того, я и в институт не попала в том году. Сестра решила сделать мне подарок по случаю окончания школы и взяла меня с собой на юг, в Сочи, где я так перегрелась на солнышке, что попала на операцию аппендицита прямо там, на юге. И в больнице тоже проявила свою обычную активность: встала на следующий день после операции (это еще ничего, это даже приветствовалось), гуляла по коридору и черти меня понесли в ванную мыть голову, где я благополучно проехала на скользкой решетке-доске и ахнулась животом о края чугунной ванны; итог понятен: шов лопнул и загноился (жара) – на экзамен я не попала.

АЗОВ – прекрасный южный город.

Чтобы не пропускать год, решила пойти в педучилище в г.Азове.

Этот старинный, но небольшой город-спутник расположен всего в 40 км от Ростова. На самом деле историческое название Азова – Танаис и получил он его скорее всего от греков, а может быть от скифов-сарматов-половцев, в принципе, наших далеких предков.

Азов компактен и тих, ведет свое официальное летоисчисление с 1067 года, выглядит умиротворенным и даже расслабленным, будто отдыхает после 18 веков шумной и, порой, кровавой истории. И действительно, пожалуй, ни один российский город не пережил столько разных хозяев, не сменил столько государств и не был так часто буквально стерт с лица земли и отстроен заново.

Русичи, знаете ли, тоже спорят, где их корни: то ли на Севере, то ли в Индии, то ли они – эти самые и есть «скифы с раскосыми и жадными глазами». История утверждает, что в устье Дона-Танаиса всё-таки находилась греческая колония. На этот порт, через который проходил один из маршрутов великих шёлковых путей, претендовали сами скифы-половцы-сарматы, генуэзцы и венецианцы. Не чурались создавать здесь свои колонии казаки донские и запорожские, наконец, русские. Всем хотелось иметь в кредите этот лакомый кусочек земли у «гирла» Чёрного моря. В 1471 г. этим стратегически важным портом завладела Османская империя, закрыв доступ к торговле с Азией всем европейским купцам.

Турки называли его Азаф (Азов). Монголы, включив город в состав Золотой Орды, именовали Азуп. Первые поселения на месте нынешнего Азова датируются I-III вв. н.э. Вся эта суэта более чем объяснима – место, кроме шелкового пути, позволяло контролировать морскую торговлю. Длительное время турок «бороли» казаки (им тоже надо было попирагтствовать в морях) и даже обращались за помощью в этом упорном противостоянии к русскому царю Михаилу Федоровичу. Московия отказалась от несвоевременной войны с турками. В конце концов, из-за недалъновидности турецких хозяев (постоянных военных действий или ожидания таких) купцы перестали строить свои фактории, торговля упала, люди покидали форпост. Азов превратился в небольшую, но все же еще хорошо укрепленную крепость. Турки всегда умели воевать и защищаться. Город оставался основной точкой работорговли, «рыбным двором» турецкого султана, а главное – сохранил свое стратегическое положение, отрезая выход к морю.

Решительными действиями царя Петра I и его молодого морского флота и Войска Донского в 1736 г. город был взят и навсегда присоединен к России. Выход к южным морям был освобожден.

Вот в таком древнем интересном городе мне предстояло учиться. Этот статус он получил лишь в 1926 г. До присоединения к России Крыма и Кубани Азов городом не считался.

В педучилище же принимали без экзаменов, только по

конкурсу аттестатов. Нельзя сказать, что аттестат мой был усыпан одними пятерками, нет, «50 на 50» но трояков не было. Послала документы просто так, наудачу и вдруг – я уже и подзабыла, что и документы отослала – получаю вызов: «Вы приняты». Еще бы! Увидели, что я обучалась в художественной школе! Два года я, как папа Карло, пахала на училище – оформляла дневники, лозунги, кабинеты и, самое главное, занималась стенгазетой, где была за редактора, оформителя, корректора и корреспондента. Наша газета все два года занимала первые и призовые места на конкурсе городских и даже областных стенгазет высших и средних учебных заведений, и руководство училища меня полюбило. А за что им меня было не любить? Во все подшефные колхозы мы выезжали с самодеятельностью, причём, Иноземцева в этой самодеятельности играла ключевую роль. А как же?!

Да мне просто нравилось представляться на сцене! Вот тут мой муж был прав, когда говорил с неудовольствием, нет, с раздражением: «Театр одного актёра!», т.к. наши вообще-то немногочисленные ссоры и споры я обставляла артистично, очень эмоционально и с большим вкусом, практически шутливо, но Витя-то принимал все эти ужимки всерьёз!

В училище мы переиграли маленькие пьесы Чехова, разные комедийные скетчи, поучительные агитки на тему морали «молодого строителя коммунизма» (их поменьше), весь репертуар Мироновой-Менакера. Я так копировала голос и манеры Мироновой, что наша учительница анатомии и био-

логии ребенка, пожилая и полная, добрейшая и всегда в хорошем настроении старая дева, на внутриучилищных вечерах с умилением и восторгом произносила: «Миронова вы наша!» – всегда устраивалась в первом ряду, а потом, обращаясь к соседке, тоже преподавательнице, недоуменно спрашивала: «И откуда они только костюмы берут?» А брала я их у своей сестры Люси, которая привезла платье из Германии, работая там в канцелярии при группе советских войск. Конечно, в г.Азове, да в 1954 г. европейские платья и материя выглядели необычными и сверхэлегантными. Мне, правда, приходилось их на живую нитку стягивать по швам, но со сцены был виден только сияющий атлас, креп-сатэн, декольте и «брильянты» из зеркальной бижутерии тоже из ГДР.

Учеба давалась мне легко, на общественную жизнь и на личную времени хватало. Кстати, по поводу конкурса аттестатов: мой-то был абсолютно не на первом месте. Девушки приехали из окрестных сел с гораздо лучшими аттестатами. У некоторых не хватало лишь одной пятерки до серебряной медали, а у меня было аж пять или шесть четверок. Когда же нам предложили диктант, чтобы проверить грамотность, оказалось: из 35 человек трое получили тройки и один четверку, остальные – двойки и единицы. Я осрамилась менее других – написала на тройку. Вот так конкурс аттестатов!!! А что бы, интересно, получил Витя-медалист, если учесть, что однажды в 10 классе мне было лень писать сочинение по Маяковскому, и я просто скатала пятерочное сочинение у

своего друга. Мне поставили тройку да еще пристыдили, что, мол вы, Иноземцева?

Ни одной своей мысли нет, одна компиляция да еще ошибок насажали. Списать как следует не можете? Мы долго смеялись по этому поводу, но Витя, по-моему, смеялся несколько принужденно.

Вот так оконфузились будущие учителя с прекрасными аттестатами.

В училище нам нужно было учиться после десяти классов всего два года.

На нашем учительском курсе были только два человека из города, и на 35 девчат всего два мальчика. Существовал еще курс для учителей физкультуры, там было мальчиков побольше. Количество девушек преваляло, и на волне отсутствия мужского пола развивались всякого рода интриги и сплетни.

В литературе деревенских жителей обычно описывают несколько пасторально: и добрые они, и радушные, и сердечные, и девушки деревенские целомудренные, а юноши непременно трудолюбивые, скромные и работающие. Столкнувшись с сельскими девушками, я убедилась, что «всё врут календари». Большинство моих соучениц были хитрые, завистливые и жадные, не то что в моей родной городской школе.

Они постоянно старались подставить друг друга, перессорить, пустить какой-нибудь нелепый слух. Что касается их

целомудрия, то у многих этого целомудрия уже давно касались. Кроме того, они, знали массу вещей, «того самого», чего городским их возраста еще в голову не приходило: как можно самой сделать аборт – бутонем фикуса, горчишники и ванна или горячие кирпичи в бане, а после этих процедур прыгнуть пару раз с сеновала (кто тебя, дуру, туда тащил?!) Как заставить парня жениться?

Ну, это оказалось совсем нетрудно: просто переспать с ним, а потом пригрозить комсомольской разборкой. Такой способ женитьбы мог быть в то время весьма действенным, только почему-то он приходил в голову не распушенным городским девицам, а скромным деревенским. Я не считала себя старомодной, но к числу слишком раскованных девушек тоже не принадлежала: мои вытаращенные от любопытства глаза, иногда и наивные вопросы «об этом» принимались за лживый ироничный цинизм «городской». За эти два года общения со своими однокурсницами я кое в чём стала разбираться, чисто теоретически, но детали все-таки познала после замужества и то на это понадобилось достаточно длительное время: «век живи – век учись – дураком помрешь» – но всё хорошо в своё время, иначе может стать неинтересно жить, философски заключаю я.

Что касается наших двух молодых людей на факультете педагогики и методики начального обучения, то это тоже интересно: я думаю, что их взяли «на ура», даже не посмотрев в аттестаты. Мужчина-учитель да ещё в начальной школе –

это же круто! Круто-то круто, но не совсем: один из них Толя Юрченко был неглупый мальчик, среднего роста, с правильными чертами лица, портило его бельмо на глазу и, конечно, это очень повлияло на его характер, раздражительный и даже несколько злобный. Я очень хорошо представляю положение этого ребенка в сельской школе, представляю, сколько насмешек и издевательств ему пришлось перенести. Ведь сельчане-хуторяне такие «добрые и радушные»!!! Станешь тут таким же добрым! В конце первого полугодия обучения он уже оттаял и смог даже участвовать в нашей самодеятельности. Я уговорила его играть счетовода в «Юбилее». Он сначала отнекивался, а потом так хорошо сыграл, создав образ смешного старого неудачника, очень стесняющегося и боящегося женщин (точно! так и было), этакую канцелярскую крысу, вечно мерзнущего, кутающегося в шарф брюзгу. Все хохотали до упаду, и сам Толя больше всех. А если человек сможет повеселить других и сам посмеяться над собой, то его комплексы со временем исчезают. Постепенно наш соученик стал смеяться, шутить и не пытался отвернуться от собеседника своим увечным глазом. Он, оказывается, отлично рисовал, стал помогать мне со стенгазетой и один раз очень по делу раскритиковал мой рисунок на уроке ИЗО: мы гипс штриховали, и он с иронией (какой прогресс! уже с иронией) заметил: «Иноземцева, ты что углем натюрморт рисуешь?» Мы почти все друг к другу обращались по фамилии. Логично, моя штриховка была слишком затенена и на

гипс уж точно не похожа.

А один раз язвительно усмехнулся, увидев, как я провела рукой в сетчатой модной перчаточке у себя под носом. Оказывается, соученик не был лишен понятия этикета поведения. Правда, мы потом оба захохотали. Словом, человек попал в среду более цивилизованную, чуть более доброжелательную, где над ним, по крайней мере, не издевались, и немного оттаял.

Другой же юноша, высокий, рослый, похожий на Есенина своей пышной золотой шевелюрой, был невероятно-невероятно глуп, такой тупой студент, что его отчислили из педучилища уже через месяц. Даже при острой нехватке учителей-мужчин этот золотоволосый мальчик оказался не нужен. Кроме тупости, был еще безмерно ленив, постоянно опаздывал на занятия, учебники забывал, на вопросы преподавателей не отвечал и смотрел на них ничего не соображающим бараньим взглядом. Такое впечатление, что он не понимал, о чем его спрашивают. Всем было ясно: никогда и ничему он не смог бы научиться, потому как полный кретин. Ну хорошо, его приняли в училище по аттестату, но вот как он мог окончить десятилетку и получить этот аттестат? Ведь тогда их не продавали в переходах метро. Скорее всего, сидел по два года в каждом классе, потому что на вид он был гораздо старше 17-18 лет, где-то уже за двадцать, или его мама преподавала в сельской школе. «Есенина» отчислили в армию. Мне казалось, что более легкого и приятного обучения, чем

в педучилище, не могло быть нигде, а парня отчислили и оттуда, до такой степени был глупый.

Учёба давалась нетрудно, но вот музыка – это было мне не под силу... Я ведь не унаследовала генов моей тёти – певицы и музыкантши.

А в программе училища считалось, что кроме общеобразовательных предметов, учитель начальной школы должен преподавать пение, физкультуру, труд. Нам за два года пытались вдолбить основы вокала, нотной грамоты и умения играть на каком-нибудь инструменте: фортепьяно, гармонь, мандолина, балалайка. Я выбрала самый лёгкий инструмент – мандолину. Правда, на балалайке научиться тренькать простейшие сопроводительные аккорды, как говорили, было ещё легче, но я как-то с этим инструментом не монтировалась. Итак, пришлось купить мандолину.

Да что мандолина! Это были ягодки, а вот цветочки появились в первую же субботу учебной недели – тогда учились полную неделю) на последнем уроке в лице преподавательницы пения. Лицо, явно относящееся к нам нелицеприятно, заявило, что будет проверять наши певческие способности. Учительница действительно произнесла это очень высокопарно, а оказалось, что нужно было каждому выйти к столу и пропеть гамму. «Ну-с, кто первый»? – почему-то грозно произнесла она, постукивая камертоном по краю стола.

Девчата смущенно хихикали, жались, перешептывались, но выяснять свои певческие способности никто не хотел.

Преподавательница, видя такой негативный настрой, заявила, что будет отпускать с урока только после прослушивания. Все равно никто не решается. Вот незадача – последняя электричка вот-вот уйдет в Ростов, а мне надо домой. Па-а-а-думаешь, гамму пропеть! Я пойду!!! Честно говоря, я даже не знала, что это такое гамма, но подняла руку (опаздываю на поезд!) и уверенно вышла к доске. «Вот и правильно, вот и молодец! Ничего страшного. Ну, и-и-и раз! Ля-а-а!..», – стукнула камертоном и затянула учительница. А-а-а! Вот оно что такое пропеть гамму... Ладно! Я старательно и, как мне казалось, совсем похоже тоже затянула за ней: «Ля-а-а-а!» В классе наступила тишина, а потом неуверенные приглушенные смешки. Что такое?! Я с энтузиазмом продолжаю свое соло: «Ля-а-а-а!» Вдруг учительница резко опустила камертон и возмущенно спросила: «Вы что, Иноземцева?! Нарочно?» Мои «милые» соученицы, не скрываясь, злорадно хохотали в голос. «Тихо!!! Нарочно?», – ещё раз переспросила училка. Я испуганно выпучила на неё глаза и пискнула: «Честное слово, нет!» Видимо, она поверила и более спокойно предложила: «Давайте еще попробуем». Я тупо закивала головой: «Ладно! Хорошо, хорошо! Попробуем!»

Это продолжалось несколько раз и напоминало экзекуцию, тем более, что класс уже веселился от души: ещё бы! хоть в чем-то «городская» прокололась. Наконец, преподавательница грустно вздохнула и отпустила меня восвояси. Пришлось ей принять очевидный факт: петь будущая учи-

тельница не умеет. Как остальные пролялякали, не знаю, но на электричку я не опоздала и даже не задумалась, что пение – это такой же предмет, как и другие, входящие в программу обучения, и мне таки придется учиться петь и получать за это соответствующие оценки.

Некоторые девушки в силу своих замечательных вокальных данных попали в хор и на уроках их даже не вызывали, просто у них была твердая пятерка. Потом «вокалистки» запоздало пожалели, что у них прорезался голос: хор выставлся на сцену и вне её по всякому удобному случаю.

А вот мне первый семестр больше тройки не ставили, и оказалось, что это очень плачевно, т.к. с первых недель обучения стало ясно, что мне светит красный диплом и без всякого усилия со стороны преподавателей и, чего греха таить, моего. А вот пение?! Учительница была принципиальной, на мое успешное освоение специальных предметов не обращала внимания, со вздохом, но постоянно ставила мне «удочку» – удовлетворительно, но постепенно оттаивала, особенно после того, как мы перешли к изучению сольфеджио.

Вдруг неожиданно я чисто интуитивно поняла, что совершенно нет необходимости мучительно высчитывать размер нот, когда по заданию учителя отстукиваешь ритм немудреной детской песенки типа «Ёлочка», «Сурук», «Гуси-гуси», «Маленькой ёлочке холодно зимой» и т.д. Теперь я мысленно напевала мотив и параллельно ему лихо стучала мелодию. Сначала учительница недоуменно посматривала на меня, а

потом всё-таки переспросила: «Вы что же? Раньше притворялись? Не хотели в хоре петь?» Опять мне пришлось оправдываться и объяснять, что мелодию я слышу, но спеть её не могу. «А-а, видимо, у вас внутренний слух!» Точно, дорогая, у меня, кроме внутреннего слуха, и та-а-а-акой внутренний голос есть, что никому мало не покажется! Учительница успокоилась. Стали у меня появляться четверки и постепенно даже пятерки. Наверное, еще и потому, что педагогиня прислушивались к руководству училища, а директор и завуч меня, как известно, любили: я хорошо училась, не отказывалась от любого общественного поручения будь то организация вечеров в училище, оформление наглядных пособий в базовой школе да мало ли что. Даже на экскурсию в Музей истории г. Азова, на археологические раскопки татарского поселения и то нужно было наших ленивых студенток уговорить пойти. И эти посещения входили в общеобразовательный план обучения.

А в музеях было очень интересно. На развалинах древней крепости на территории венецианской фактории Тана до сих пор находят предметы IV-VI вв. до н.э. еще скифско-сарматского периода, так называемое «Скифское золото». Сколько рефератов написано, степеней получено, научных открытий, докладов сделаны на этом скифском золоте! Уму не постижимо!

Вот на такие экскурсии мы ходили... Тоже нужно организовать, предупредить, проверить.

Или, например, поездка в подшефный колхоз с самодеятельным концертом... Кстати, по поводу этих шефских концертов: на них с удовольствием присутствовали старые и малые жители сельской местности, развлечений-то не было никаких, тарасились на «городских», многих знали в лицо, лузгали семечки (на юге это повальное увлечение, и я, не являясь исключением, тоже это дело очень любила), не стесняясь, громко обменивались впечатлениями по поводу нашей игры, манер или внешности:

«Гля-ка, Вань, ножки-то тоню-ю-юсенькие!»

«Во, выставляется, а!?»

«О, губы-то, губы накраше-е-ены-ы-ы!»

«Ты смотри, смотри – и не запнется, во чешет!»

Последняя реплика (и насчет ножек тоже) была непосредственно в мой адрес, когда я с пафосом читала стихотворение, обличающее стилияг, танцующих «не наш» танец фокстрот и имеющих татуировки (заметили, что новое название «тату» – хорошо забытое старое?). Там были, дай Бог памяти, такие строчки:

Боря Н. на пляже или в бане

Привлекает общее вниманье –

Все читают Борю, как альбом,

Замечая в нем, не без улыбок,

Ряд орфографических ошибок.

И далее еще много-много строк, оканчивающихся на «-ский»:

Нет, не вальс, то бурный, то лирический
И не краковяк лихой классический,
Под любой оттенок мелодический
Он фокстрот танцует механически»

Бедный обобщенный образ стилиста-Бори в этом стихотворении-агитке раскурочивался без сожаления: и такой он, и сякой он, и подражать ему нельзя, и «не ходите, дети, в Африку гулять...». Но слушателей больше поражало, как я могла так лихо расправиться с массой заковыристых рифмованных строчек и ни разу не сбиться. Смысл самого стишка не то, чтобы не дошел до них, а просто был неинтересен: какой-то там, блин, Боря, какие-то орфографические ошибки! – оно мне надо?! Но слушали с удовольствием, тем более, что после пафосного концерта в сельском клубе бывали танцы. А на танцах можно с городскими девчатами отчебучить тот же фокстрот-полечку и заставить ревновать своих «ухажёрок».

Из-за моей кипучей общественной деятельности мне часто приходилось непосредственно встречаться с директором нашего учебного заведения.

Вот говорят, что горбуны злобные люди... Наш директор, Густав Сергей Федорович, был очень добрый и внимательный человек, знал своих студентов и, по мере возможности, всегда был готов прийти им на помощь.

Мы просто не замечали горба, как, видимо, не замечала этого его жена, высокая красивая дородная женщина, и его

дети. Когда меня вызывал Сергей Федорович по вопросу каких-либо мероприятий (а они, как правило, происходили в выходные дни), я пользовалась случаем и «отпрашивала» от этого мероприятия Машку Алейникову, мою соученицу. Мы с ней жили на одной квартире, спали в одной кровати и сидели за одной партой. У Маши в Ростове в институте Сельхозмашиностроения учился её друг Вова,

они были из одной деревни, учились в одном классе и собирались поступать в один и тот же институт, но Машка срезалась на экзаменах в Ростове. Видимо и там предпочтение отдавалось будущим механизаторам мужчинам.

Учась отдельно, она была убеждена, что какая-нибудь предприимчивая городская девица непременно переманит её Вовочку и поэтому, как на работу, таскалась каждое воскресенье и любое свободное время в Ростов напоминать о себе и забивать внимание друга, стряпала там ему какую-то еду, стирала. Я мало вникала в их отношения, но однажды видела этого Вову и думаю, что он был абсолютно безопасен для ростовчанок да и таких усилий со стороны Машки не стоил. Есть такая злая поговорка: «Любовь зла...».

Когда этот её Вова уехал летом на целину на очередную помощь студентов в сельскохозяйственных работах, Маша очень переживала опять же по поводу измены. Вдруг по радио мы услышали песню о комсомольцах-целинниках и там были слова: «Ой, боюсь, боюсь, Володя в Барнауле влюбится!», а Машин друг как раз поехал в Барнаул, я и брякнула:

«Смотри, Машк, влюбится твой Вова в Барнауле!» Так она чуть ли ни с кулаками на меня кинулась. Больше я так глупо и неосмотрительно не шутила, продолжая отпрашивать её от субботников-воскресников, поездок в подшефные колхозы (она-то в силу своих вокальных данных как раз и была в хоре и в оркестре педучилища), утренников в базовой школе и других общественных мероприятий, которые лично сама выполняла в охотку, т.к. у меня-то никакого подобного «Вовы» в наличии не наблюдалось. Сначала она сама отпрашивалась у директора, а потом заступила на эту неблагодарную вахту я.

Директор объяснял мне, что, как и где нужно организовать, а я смотрела на него своим исключительно честным, прямым, голубым взглядом и объясняла очередную причину невозможного присутствия Алейниковой Маши на этом мероприятии. Надо заметить, что и Сергей Федорович, и я прекрасно понимали, что с моей стороны – это полуправда и чистой воды альтруизм и никакой выгоды от просьб я не имею и не буду иметь, даже наоборот, за себя при случае уже не смогу попросить. Обоснования отсутствия Машки по воскресеньям с каждым разом становилось все труднее объяснять, и однажды директор внимательно посмотрел на меня и сказал: «Я знаю, почему Алейникова так часто отсутствует по выходным (интересно, откуда? во стукачки!), но не кажется ли Вам, Галочка, что она просто использует Вас?» Галочка простодушно взирала на него, не совсем врубаясь в

суть вопроса-предупреждения, и он, видимо поняв мою ду-
рость, коротко сказал: «Пусть едет в свой Ростов к своему
студенту!»

И как, скажите, узнал про студента, про Ростов? Соб-
ственно, Ростов-то был не Машкин, а мой, но важен резуль-
тат: в город отправлялась Маша, а я опять проявляла себя в
самодеятельности, в организации вечера, конкурса стенгазет
или бала-маскарада. Совет умного директора пропал втуне.

В жизни мне ещё очень много встречалось таких «Ма-
шек».

Сергей Федорович тоже был когда-то молодым, еще воз-
можно помнил, что значат муки ревности поэтому и в даль-
нейшем не настаивал на обязательном присутствии Алейни-
ковой на мероприятиях, тем более толку на них от неё не бы-
ло никакого, в смысле активного участия. Просто тогда педа-
гоги считали себя ответственными за поведение учащихся,
особенно молодых девушек, которых родители доверили их
воспитанию, и предпочитали, чтобы они были у них в поле
зрения, примерно знали наши заморочки, наши любовные
увлечения и друзей.

Машка же со всей житейской хваткой сельской житель-
ницы и в дальнейшем старалась основательно использовать
свою соученицу: списывание диктантов и прочих контроль-
ных работ и заданий, оформление наглядных пособий для
открытых уроков в школе, работ по труду: «У тебя это лучше
получается!» (хитрая, зараза). А однажды попросила нари-

совать ей картинку к открытому уроку по чтению, тема народной сказки «Лиса и волк», ну там, где лиса заставила зимой волка опустить хвост в прорубь и приговаривать: «Ловись, рыбка, большая и маленькая!»

Я изобразила зиму, реку, ёлки, прорубь и глупого волка, опустившего хвост в полынью. Вся картинка была выписана яркой гуашью, а хвост волка, опущенный в воду, изображен простым карандашом, такими серыми линиями. Машка сказала мне спасибо, и наш курс с методистом отправился в базовую школу, где мы всегда проводили уроки, тренировались на бедных детях. Урок начался, и ничто не предвещало беды, а попросту смешного инцидента. Студентка, добросовестно следуя конспекту, вела урок, потом развернула мой шедевр и стала задавать вопросы по наглядному пособию типа: что за время года изображено, почему вы именно решили, что это зима, опишите признаки зимы, кто нарисован на картинке. Дети добросовестно и правильно отвечали на вопросы, развивая свое мышление и речь. Наконец, был задан ключевой вопрос: «Что делает волк?» Класс смущенно затих, а я только тут увидела ошибку при раскрашивании шедевра и почувствовала себя жутко неудобно, предполагая с уверенностью, какой ответ сейчас последует. Маха, недоумевая, почему дети не поднимают руки и не отвечают на такой, в общем-то, элементарный вопрос, с нажимом повторила: «Посмотрите, дети, что делает волк?», – и выжидающе посмотрела на малышей уже с оттенком требова-

тельности. Ученики, первый класс, безмолвствовали. Наконец, поднялся один мальчонка и неуверенно сказал-спросил: «Писает?!!» Наступила многозначительная пауза: и дети, и студенты, присутствовавшие на открытом уроке, и методисты заглушили смешки. Волк действительно расположился в позе «писающей девочки», даже лужа имелась в наличии...

Урок продолжался. Машка торопливо объяснила ученикам, что волк на самом деле «разве вы не видите?» ловит рыбу, и далее все покатило по накатанному руслу урочного плана. Бедная Маха за урок получила тройку и обвинила во всем меня. Я поразила человеческой неблагодарности, разозлилась и логично ответила, что рисунок она видела и одобрила, видел и учитель, а в дальнейшем, я пошла уже в разнос: может рисовать сама или обращаться за помощью к художнику училища. Конечно, к художнику студенты иногда обращались, но это не приветствовалось ни самим художником, ни администрацией училища, и Машка прекрасно об этом знала. Кстати, ни Машка, ни я не были виноваты за этот ляп на уроке. План и наглядные пособия должны были проверить те самые методисты училища и учительница класса, где студентка проводила урок.

У меня тоже первый урок на практике был комом: от излишнего рвения я написала настолько подробный конспект, что сама запуталась и поставила на полях вопросы красным карандашом, чтобы мудрые наставники обратили внимание на мои сомнения. И что же наставники? Сначала конспект

должна была проверить и завизировать учительница класса, где я провожу урок; потом подписанный конспект проверяет наша методист. Я с трудом нахожу учительницу у нее на огороде, и она, увидев пометки на полях красным, отдает мне конспект обратно, решив, что это уже сделала методист. Соответственно, так же поступила и та, считая, что план проверен учительницей. В результате я не уложились во время, урок пришлось скомкать самым неприглядным образом и получить за практику посредственную отметку, которую мне было никак нельзя получать, т.к. уроки практики давались редко, и с этим трояком можно было остаться по окончании семестра. Мало того и учительница, и методист обвинили меня в фальсификации конспекта и в обмане их, честных преподавателей. Мне же предложили перед ними извиниться, чтобы поддержать их репутацию.

Я чувствовала себя ужасно гадко и противно – так я на себе испытала выражение «вылить ушат грязи» -, но поняла, что плетью обуха не перешибешь: взвесила все «за» и «против» и, встретив нашу преподавательницу педагогики и методики обучения где-то в полутемном коридоре училища, опустив глаза от стыда на самое себя, пробормотала какие-то слова извинения. «Вот так-то лучше, Иноземцева! Я дам вам ещё один урок», – снисходительно произнесла она, сволочь такая! Мне это как раз и нужно было, но я опять почувствовала себя гадкой и беспринципной подхалимкой, чем, в сущности, в тот момент и была. Гипертрофия совести

– болезнь опасная и заразная. В тот раз её вирус едва коснулся меня, но не заразил, слава Богу, навсегда. А всего-навсего я не захотела сделать проблематичным получение красного диплом, вот и прогнулась.

Так постепенно жизнь начала протирать розовые очки юности.

«Жить захочешь – не так раскорячишься!» Золотые слова, только я их ещё тогда не знала, хотя уже начала интуитивно чувствовать, что придется, ох! придется, но раскорячиваться очень не хотелось и не умелось.

Еще нужно упомянуть о нашем музицировании. Училище было известно своим хорошим оркестром народных инструментов, его часто приглашали на различные городские, районные и даже областные мероприятия. Всех новеньких тоже проверяли на способность стать полезными оркестру, т.к. состав его частенько менялся. Вот и Машка проявила свои способности на прослушивании пения и слуха, поэтому ей и приходилось столь часто отпрашиваться. Руководителем этого оркестра был Александр Иванович, тезка моего папы, и не запомнить его было невозможно. Видный и достаточно молодой мужчина лет 45-ти (нам он казался достаточно пожилым человеком), на своей работе все время общался с молодыми девушками, просто находился в цветнике, и был явно сексуально озабочен. Возможно, это была его характерная особенность, а возможно, приобретенная именно в силу уже зрелого возраста, что часто бывает у мужчин да

и у женщин тоже. Неопытным молодым музыкантам надо было поставить пальцы, показать и закрепить аккорды, правильную посадку. Учитель обычно находился за спиной учениц, задерживал свои шаловливые ручки на плечах, предплечьях, пальцах юных дев, иногда невзначай скользил легким движением по талии или клал на колено, показывая, как отбивать ногой ритм. В цветнике он-то был, к цветочкам даже мог прикоснуться, а вот сорвать – извините!, с этим можно загреметь за совращение да и вообще строго. А девчата еще, дряни такие! и провоцировали его, во всю стреляя глазками, отставляя круглые локоточки и случайно приоткрывая такие же круглые коленочки. Наверное, поэтому Александр Иванович постоянно был в состоянии нервного возбуждения, суетлив и раздражен, сейчас я представляю, как он мог себя чувствовать после подобных занятий с тупыми ядреными тёлками. Лично меня чаша репетиций в оркестре миновала, я была еще тупее. Ноты и лады на мандолине выучила быстро и, закусив от напряжения губу, ожесточенно отбивая ногой счет нот так громко, что заглушала саму музыку, оттарабанивала немудрящие мелодии и сматывала удочки с урока.

На проверку домашнего задания обычно приходили сразу три-четыре ученицы, и часто мы играли уроки хором. Иногда поднималась такая какофония, тем более каждая из нас старалась как можно громче стучать ногами ритм, что бедный Александр Иванович затыкал уши (все же он был музы-

кант и на вечерах иногда очень проникновенно, заслушаешься! исполнял романсы на гитаре или на мандолине) и проверял нас строго индивидуально, кто же не выучил урок. Нормально!!! Я и выучивала, это же не петь, просто затвердить определенные движения пальцами и считать; когда же я поняла на уроках сольфеджио, что и считать не надо, а нужно напевать мелодию мысленно и следовать ей, то и отпала необходимость ожесточенно отстукивать ритм ногой. Поэтому за музыку я получала «пять», не была в оркестре по своей неспособности к музицированию хором и не парилась долго на самих уроках.

А в колхозы мы ездили не только для того, чтобы нести культуру в массы, но и на уборку сельскохозяйственной продукции: кукурузы, помидоров, арбузов, сопровождали машины с зерном на элеватор.

Эти подвижнические работы в июле, в августе, иногда захватывалась половина сентября, обычно были не долгими: примерно дней десять, две недели и не очень утомительными. Размещали нас обычно по усмотрению председателя колхоза как попало: где-нибудь на заброшенной ферме или у местных хозяев. Второе было менее предпочтительно. Хозяева очень подозрительно к нам относились, рылись в наших вещах и считали нас городскими лодырями, что само по себе являлось нелогичным: мы-то на работу выходили и выполняли всё, что нам поручали и даже городскими считались наполовину, т.к. практически 90% студентов были сельски-

ми жительницами. Нам было даже удобнее жить в неработающей чистой конюшне и спать на соломе, чем у хозяев, которые предлагали нам спать на сеновале или в сарае и тоже на соломе, хотя за постой сельсовет им начислял какую-то толику денежек или трудовней.

Кстати, квартируя на заброшенных фермах, мы не имели никаких сторожей, никаких запоров. Нам даже в голову не приходило, да и никому из взрослых руководителей тоже, что это может быть опасно для молодых девушек. Вот будете жить здесь! – ну и хорошо, здесь так здесь. Никто нас никогда не беспокоил и не тревожил даже в шутку.

В одном рыболовецком совхозе я поняла, что такое есть чёрную икру ложками. Деревенские парни очень увивались вокруг студенток, неуклюже навязывались в провожатые, неловко знакомились, типа: «Девушка, а, девушка, а как вас зовут?» И когда мы спокойно отвечали, как нас зовут, то ребята очень удивлялись такому легкому знакомству с городскими и потом придумывали на эту волнующую тему кучу всяких рассказов своим друзьям. Дело в том, что в селе при знакомстве было принято жеманно хихикать и на вопрос об имени не называть его сразу, а только после неоднократных просьб и то называть какое-нибудь выдуманное, красивое имя типа Маргарита, Жанна, Изольда, в крайнем случае, Валерия. Здесь поневоле вспомнишь повесть Джека Лондона «Белое безмолвие». Она начинается так: «... сколько я ни встречал собак с затейливыми кличками, все они никуда не

годились...»

А мы-то, простота! Как зовут? Маша, Даша, Глаша... Фу! Неоригинально!

Однажды нас, несколько девчонок, пригласили на ночную рыбалку, пообещав уху из осетров и чёрную икру. Одна из наших студенток была из этой деревни, мы и согласились. Хотя соглашаться можно было и без протекции, и без свидетеля: если приглашали потанцевать, то танцевали; если приглашали на уху, то уха и предполагалась и ничего более, разве что ничего не значащие, но многозначительные, пересмеивания и переглядывания. Так вот, впервые я попробовала настоящий рыбный суп и малосольную икру. Это такая вкуснятина, что описать просто невозможно: во-первых, у ребят уже были в садке ерши, плотва, лещи и осетры (чего отвлекаться на самую рыбалку, когда можно пофлиртовать с девицами!), во-вторых, сам костерчик и закипающая вода тоже были готовы, т.к. мы честно предупредили, что к двенадцати часам уйдем, в-третьих, чтобы поразить наше воображение, ребята сразу с шиком стали приготавливать самую икру при нас: вспороли брюхо осетрам, достали икряные белесые мешочки, так называемый «ястык». Это слово тюркского происхождения, их можно сразу засолить, провялить, подсушить, а потом брать в дорогу и резать ножом – калорийно и удобно в пути. Небрежно выдавили содержимое в эмалированный таз, потом все это дело залили рапой (густо насыщенным соляным раствором), перемешали и закрыли

дерюжкой. Самих осетров большими кусками побросали в котел, где уже варились лещи и мелкая рыбешка (их перед этим повыбрасывали, какие неэкономные!).

Эта была так называемая тройная уха. Потом туда же добавили немного пшена, луку и соли с перцем, укроп. Пока варилась уха, мы смеялись и разговаривали, а потом с шутками и прибаутками похлебали её, необыкновенно вкусно-щую, то оказалось, что уже была готова и осетровая икра. Наши благодетели процедили и откинули её через два сита-решета, крошили туда зелёного лучку, дали нам деревянные ложки и, пожалуйста: «Лопайте девчата!» И девчата стали лопать! Единственное, о чём мы тогда пожалели, что неосмотрительно съели по две миски ухи. Когда мы отвалились от тазика с деликатесом, время уже было около двенадцати. Отяжелев, как удавы, несколько раз от души поблагодарив гостеприимных хозяев, они смущенно отмахивались «да что там! да можно еще собраться! да завтра приходите!», мы поплелись на ночевку, т.к. с утра нам нужно было идти на полевой стан, возить зерно на элеватор.

Я попала в бригаду возчиков зерна и обрадовалась – все же не в поле вниз головой стоять, тогда мы убирали арбузы. А зря, оказалось, что это не так просто – возить зерно: пшеница сыпется в грузовик, а ты стоишь там подравливаешь её, чтобы зерно легло равномерно и его поместилось больше. Грузовик, вихляясь, подскакивает на ухабах, чтобы не вывалиться, нужно крепко держаться за борта, пшеница го-

рячая, колкая, солнце палит в макушку. Мы по неопытности явились на работу без головных уборов, а «добрые» сельчане никогда не подскажут городским «дармоедам»: «Пусть, пусть пожарятся на солнышке, узнают труд хлебороба!».

На элеваторе тоже не так просто: пока пшеница ссыпается в бункер, остатки зерна подгоняешь к отверстию и судорожно держишься за борт машины, смотришь, чтобы самой в это отверстие не съехать. Ни о какой безопасности трудового процесса мы и слыхом не слыхивали. Так и едешь целый день под горячим солнцем по колено в зерне: ноги воспаляются по самое «не могу», а когда засыпаешь с зудящей кожей, полное впечатление, что ты едешь-едешь-едешь, ноги у тебя погружены в пшеницу и чешутся жутко, перед закрытыми глазами зерно сыпется-сыпется-сыплется. Так что тяжел труд хлебороба и даже возчика зерна.

Обычно «возчики» просыпались с расчесанными в кровь ногами. Бригадир, видимо, знал особенности извоза и на следующий день назначал на перевозку другие пары. А ведь мог бы и предупредить, чтобы одели шаровары что ли! Тогда можно было бы и самому не возиться каждое утро с новыми назначениями-объяснениями.

На этих сельскохозяйственных работах я увидела, как приготавливается томатная паста: собираются в ящики крупные южные сахаристые помидоры без всякой генной модификации, их отвозят на телегах на стан, где на печке стоит огромный чугунный котел. В котел валяются гуртом невымытые

помидоры, время от времени туда же бухается пачка крупной соли, варщик длинной деревянной лопаткой-поварешкой размешивает эту массу. Масса пузырится и булькает. Перемешивать нужно постоянно, чтобы не пригорела. Потом её перекладывают черпаками в какое-то импровизированное четырехугольное деревянное сито, укрепленное рамой, с воронкой на конце, под которую ставятся трехлитровые банки. Коробчатое сито вибрирует, томатное варево тягучими густыми колбасками заполняет тару. Здесь же сидят укупорщики с закупорочными машинками, иногда потряхивая банки, чтобы не было «кузнецов»-пустот. Никакой тебе стерильности, летят соломинки и пух, ветром забрасываются в чан, а вместе с ними и вездесущие мухи тоже перевариваются в томате. Никакой тебе санинспекции – ничего. Ещё горячие закупоренные банки увозятся уж не знаю куда, наверное, на какой-нибудь склад или базу.

После увиденного я долго не ела купленную томатную пасту, но она все же была натуральным продуктом без всяких тебе консервантов, а веточки и соломинки оставались на днище сита. Про мух ничего не могу сказать, на днище их не оставалось! Потом вся эта картина подзабылась, а сейчас вспоминается про изготовление настоящей томатной пасты, когда открываешь стерильные (возможно!) жестянки непонятно с чем. Это может быть крахмал, мука, ещё что-нибудь вязкое красного цвета с неясным привкусом помидоров, но только не чудная колхозная томатная паста, густая и пахучая

из настоящих южных томатов.

На этих сельскохозяйственных работах мне однажды пришлось испытать ни с чем не сравнимое удовольствие ночевку в стогу. Присмотрели себе с девчатами огромную скирду, прямо с двухэтажный дом. Вечерком притащили втихаря лестницу, т.к. разорять утрамбованные стога не рекомендовалось, и взобрались на вожделенную травяную перину. Начали со смехом и шутками устраиваться, рыть себе норки и лежбища. Эйфория – «на воздухе, в стогу, без разрешения» – все не наступала. Наконец, устроились, угнездились, успокоились и... замолчали. По земле клубился густой туман, какой иногда бывает после жаркого летнего дня. Стог сена медленно плыл по его дымному морю. Вокруг нас вдруг поднялась теплая, запашистая травяная волна, духмяная и пьянящая. Звёзды мигали нам прямо в глаза, ослепительно и нахально, вот здесь, рядом. Девчачье чириканье замолкло – мы почувствовали себя, наверное, в первый раз, пылинками мироздания, хотя и не могли тогда понять этого ощущения. Лежали, молчали, смотрели в бархатное небо, каждая думала о своём, незаметно уснули. Утром выяснилось, что чьи-то добрые руки, и я подозреваю, что наших «милых друзей»-сельчан, убрали лестницу от стога. Подумаешь! С гиканьем и визгом мы съехали на «пятой точке», и это только прибавило удовольствия от ночевки в стогу.

Кормили нас на полевом стане от пуза: наваристый борщ со свиной, сметаной, с необыкновенно вкусным аромат-

ным и мягким хлебом, который пекли в колхозной пекарне, а на второе, третье и какое угодно блюдо был продукт самого сбора: помидоры, огурцы, вареная молодая кукуруза «молочно-восковой спелости», арбузы. Если я говорю, что кормили «от пуза», то это совсем не ради красного словца. Поправлялись мы все на этих сельскохозяйственных работах, как на дрожжах. Аппетит был после работы отменный. Да и кто в молодости страдал отсутствием оного?

Уборка арбузов сыграла с нами особенно злую шутку: ели, нет – хавали! мы арбузную продукцию прямо не в себя, да как хавали, да какие кавуны! Огромные, сладкие, сахаристые и, что их делало еще более сладкими, на халяву. Вот представьте: наработав на свежем воздухе приличный аппетит, умяв пару мисок борща с мясом, заедали его не менее чем половинкой арбуза с ломтем, а то и двумя, хлеба, который пекся в колхозной пекарне и пах одуряющее, заваливались на послеполуденный отдых. Мы не то что растолстели а, наоборот, при тонких ручках-ножках, арбузы-то мочегонное средство, заимели о-о-очень выпуклые животики и имели вид, причем все, слегка беременных. Кроме того, из средств гигиены имея только старую колоду для выпаивания лошадей, которая наполнялась водой каждое утро мальчишкой-водовозом, мылись ночью при свете луны, а т.к. многие засыпали до наступления ночи, то, чего греха таить, мылись мы редко, покрылись прыщами, какими-то лишайными белыми пятнами, красными пятнами от солнца, угрями и, как

результат, запаршивели.

А тут ещё у меня стибрили мою красивенькую мочалочку для лица, собачку из поролона нежно-розового цвета, заграничный подарок сеструхи! Ни у кого такой не было! Не смогла, видимо, удержаться какая-нибудь девчонка при виде такой роскоши, ну не смогла! И вот я, такая прыщавая и пузатая, возвращаюсь домой, должен приехать из Москвы Витя-жених, а тут, здравствуйте! – куршивая невеста на тоненьких ножках и с арбузным наполнителем животика. Пришлось назначать свидания на первые дни только вечером, надевать платья с оборочками и замазывать наиболее пламенеющие прыщи доморощенным тональным кремом – зубной пастой смешанной с незаменимой пудрой «Кармен» до естественного оттенка кожи.

Витя каждые каникулы, зимние и летние, приезжал непременно в Ростов на правах официального жениха. Уже через год выяснилось, что никакого звания им после третьего курса не присвоят, но я замуж не спешила, хотя многие мои подружки уже обзавелись супругами прямо в 18 лет. В мои 22 года я считалась почти старой девой, хотя все предрекали мне скорое замужество, особенно учителя в школе, слишком бойкой девушкой я им казалась. А я пообещала своему жениху, что дождусь его, вот и ждала. Витя познакомил меня со своими родителями как с невестой, я подружилась с его сестрой Валеёй, и иногда мы проводили несколько дней у него в гостях, ели огромные медовые абрикосы из их сада, ходили

в кино и на танцы.

Однажды на танцах, когда с нами были и два Витиных двоюродных брата, здоровые ребята, шахтёры, произошла неловкая ситуация: меня стал приглашать танцевать какой-то местный завсегдашай чуточку приبلатнённый и чуточку пьяноватый пацан. Конечно, я отказалась, вот ещё! Кавалер почувствовал себя оскорблённым и стал более настойчив, типа чего пришла тогда, и даже хватать за локти! Я посмотрела на Витю, а он отводит глаза и смущенно бормочет: «Галя, да не связывайся с ним!» Оп-па-па!

Тут его братья в один голос произнесли извечное: «Ты что? 0.....л?», – это прозвучало так уместно, что меня даже не шокировало. Они быстренько взяли малого под микитки, как-то ловко и незаметно сунули пару раз ему под дых для большего вразумления и отволокли так же незаметно в сторону. Набить морду и не получить в рыло самому – это тоже надо уметь. Потом они долго шептали традиционные слова, где самыми приличными были «бля» и «сучонок». Скандал затих, даже не успев разгореться. Мы ушли, а Витя, поняв, что оскорбил меня своим отрешённым поведением, стал извиняться, объяснять, что их в Академии не один раз предупреждали, чтобы на каникулах они ни в чем таком предосудительном, типа драки, не были замечены, иначе их просто отчислят. Я молчала, он извинялся и на другой день. Ну, что ж, я извинила его, но ма-а-а-ленькая первая царапка в душе осталась. Нет, я действительно знала драконовские правила

кодекса морального поведения комсомольца, тем более курсанта такого престижного Московского военного учебного заведения: вышибли бы, не разбираясь, он украл или у него украли, но все же хотелось, так хотелось бы почувствовать рядом крепкое плечо, быть защищенной. Ах! Душа просила романтики!

Нельзя сказать, что во время этого пятилетнего ожидания я действительно заперла себя, как царевна в башне, и кавалеров на дух не выносила. Девушка я была компанейская, веселая и жизнерадостная, всегда «Матильда в гуще событий»! Были, были кавалеры! Были просто друзья-приятели, как, например, Гришка и еще один Мишка с физкультурного отделения, мы с ним в паре проиграли в театральном кружке всё, что было возможно, а были и с серьезными намерениями.

Но пофлиртовать влѣгкую мне нравилось больше, т.к. не накладывало никаких обязательств и оставляло возможность, как мне казалось, такого же легкого и безболезненного отступления. Потом это «влѣгкую» сыграло со мной запоминающуюся историю, но это уж потом, а пока я наслаждалась студенческой насыщенной жизнью.

А в 18 лет чуть было тоже, как и мои подруги, не выскочила замуж. И слава Богу, что не выскочила! А впрочем, кто его знает, ведь судьбу не угадаешь. Вдруг появился сын квартирной хозяйки – вот уже тебе и романтика! – выпускник военного училища, молодой, только что испечѣнный офицер

(подумать только! опять офицер! Тогда это была уважаемая и престижная профессия), жизнерадостный Юра с золотыми погонами на широких плечах и тут же стал проявлять ко мне знаки внимания. Витя был где-то далеко в Москве, а Юра вот он тут, рядом и совершенно серьезно, прямо немедленно желает жениться. Возможно, что его серьёзные намерения были обоснованы и тем, что в воинскую часть лучше прибыть со своим самоваром и то, что его мама очень подготавливала меня к прибытию, по её мнению, красавца-сына и то, что он был старше меня на пять лет и просто, что там скрывать, влюбился в хорошенькую, но строптивую девчонку, я в него – тоже, и плюс зеленая-зеленая молодость.

У его мамы постоянно квартировали студентки педучилища – этот адрес нам с Машкой дали непосредственно в учебной части – и мальчик курсант, приезжая на побывку, всегда имел под рукой какую-никакую девочку. Юрина мама, милая и добрая женщина, мы её называли тётя Валя. Она научила меня вязать крючком очень простенькие узоры. Тётя Валя с удовольствием рассказывала об успехах сына в среде студенток и, честное слово, напрасно она это делала. Успехи? Хорошо же! Ладно, ладно, п-п-посмотрим на успехи твоего сыночка! Приехал молодец-удалец..., а тут облом: какая-то Галочка, видите ли, никак не желает проявить обожание к молодому офицеру, да что там обожание? Имеет дерзость просто внимания не обращать. Как это так?

У-у-у, если бы он знал, какое впечатление произвели на

меня его широкие плечи и рост, то вел бы себя по-другому. До обмирания, до сладкой истомы и дрожания в коленках мне нравилось, когда он на руках, поднимая как пушинку, переносил меня через осенние лужи и колдобины Азова. Я была высокая девушка (подумайте! Аж 167 см и совсем не субтильная!), но рядом с ним чувствовала себя маленькой, хрупкой и удивительно защищенной. И то ощущение радости, просто блаженства, когда тебя несут на руках, я не испытала больше никогда. Но вела я себя самым отвратным образом: своевольно и заносчиво, просто из тщеславия, из желания сделать его покорным. По крайней мере старалась так себя вести: все время хотела чем-то уколоть, съязвить, сделать вид, что такие ухаживания я уже видела-перевидела. А потом с интересом наблюдала:

«Так-так-так! Как он на это реагирует? Я ему нравлюсь или не нравлюсь? Пусть думает, что вот она какая! Бывалая девица! Полюбите меня черненькую, а беленькую меня всякий полюбит, и вообще у меня есть жених в Академии в Москве, не чета вам, из училища, милый!»

Зачем я это проделывала – не знаю. Скорее от того, что чувствовала себя стеснительно и неуверенно рядом со «взрослым» ухажером, не уверена в своем женском обаянии и была явно влюблена самым кошачьим образом. Почему-то стеснялась такого непонятного тогда мне чувства, старалась проявить себя высокомерной и опытной особой. Примерно так же вел себя и мой кавалер не привыкший к подобным

волеизъявлениям. Мимоходом подчеркивал свою востребованность у бывших постоялиц мамы, имел успех и вообще «не страдал по девицам». Несмотря на мою неопытность я видела, что, ох, как небезразлична ему. Мы были скорее всего одинаковы по характеру: два упрямых осла. Никто не хотел уступать, особенно усердствовала я: он – шутку, а я – иголку, он – слово, я – несколько. Постоянно соперничали, каждому нужно было признание другого хоть на йоту выше. Сосуществовать вместе мы бы не смогли никогда. Юра весь этот бред терпел, но на мои выходки заметно злился. А предложение все-таки сделал (а куда ты денешься, дорогой?), приехал неожиданно в Ростов к родителям официально просить моей руки. Мама прибалдела немного, но очень вежливо стала объяснять, что Галочка слишком молода для замужества, что ей надо получить специальность и хотя бы окончить училище, что нужно подождать, чувства проверить и т.д. и т.п., что обычно говорят в таких случаях родители. Что касается меня, то я-то была уже и согласна, но моего согласия и мнения никто и не спрашивал, а мама даже потом пристыдила, что нельзя крутить парню голову, если уже пообещала другому, уж больно ей нравился невероятно правильный и культурный мальчик Витя. Да и фамилия у новоявленного жениха была очень неприятной и немного смешной – Морковкин. Ну, меня дома и стали донимать: «Мадам Морковочка! Мадам Морковочка!» «Влюбилась что ли?», – почему-то с иронией и даже с издёвкой спрашивали

меня мама и сестра. Почему с иронией? Почему с издёвкой? Разве влюбиться это плохо?

Вот такое было странное воспитание.

Внешность Юрия была далеко не такая, какой тетя Валя представляла нам своего любимого и балованного сыночка, убежденного, как и его мама, в своей неотразимости для девушек. Девочки поступали в училище в основном из областных и районных деревень. Для них городской, пусть и гипотетический муж, да ещё будущий офицер, была одна единственная возможность поменять свой социальный статус, вот они и старались, бедные, как могли или хотели. Нет, я не хочу ничего такого утверждать, но что девчата набили мальчику спесь – это точно. Внешность же у него была, как я сейчас понимаю, абсолютно ordinaria: волосы, правда, густые и красивого «брунетистого» оттенка, чистая кожа, но лоб низковатый, зубы кривоватые, широкий толстовский нос, а вот при всем этом очень обаятельный и мужественный, габаритный парень с широкой добродушной улыбкой. Но мне никогда не нравилось быть на вторых ролях (эх, тетя Валя! её рассказы об успехах сыночка сыграли свою отрицательную роль), а вот «иду я, красивая, а парни вокруг меня так и падают, так и падают и сами себя в штабеля укладывают!» Вот это мне нравилось, ещё играли подростковые гормоны и та же самая спесь, что и у Юры.

Он уехал, слава Богу, в часть, писал очень милые любовные письма, приезжал ещё пару раз в отпуск, но уже той

непонятной вспышки обожания не проявлялось. Юра в гарнизоне уже явно выяснил для себя, что существуют более покладистые и стоворчивые девушки и женщины, чем Галочка. Я услышала его ироническую фразу: «Знаем мы этих офицерских жён!» и повела себя ещё хуже, как упрямая и заносчивая дурочка, в надежде переупрямить его. Вспоминаю, что заниженная самооценка у меня тогда явно наблюдалась: не ценила себя в том качестве существования и только при взгляде издалека, ретровзгляде, понимаю, что была умненькая и даже, теперь не побоюсь этого слова, красивая девушка. Почему-то мне казалось, что такой видный и красивый (?) молодой человек не может полюбить меня самозабвенно и на всю жизнь. Хотя я выглядела и старалась вести себя как очень продвинутая и современная девица, на самом деле была девушкой романтической, даже несколько старомодной, воспитанной на романах, плакала над романами «Айвенго», «Тристан и Изольда», «Камо грядеши». Хотелось рыцарского отношения, пылких признаний в любви, клятв, цветов, нежности, милых знаков внимания в виде подарков в конце концов, понимания... Романтические бредни 18-летней девочки: «безумная любовь до гробовой доски» – какая девушка не мечтала об этом! Всё я это хотела получить сразу и, как говорили между собой девчата, «покорить» Юрия, по моему тогдашнему убеждению, очень интересного молодого человека. Да какой там интересный! «Не по милу хорош, а по хорошу мил», – так говорила моя бабушка... Видный –

это имелось в наличии, ещё понятно, но интересный? Я же говорю, внешность была самая обыкновенная.

Моя невоздержанная на язык младшая доченька и меня назвавшая толстухой, а увидев любительскую фотографию Юрия, спросила с любопытством:

«А это что за бегемот?», – ну, неправда, и не бегемот вообще, просто видный чуть тяжеловатый мужчина.

Вся переписка постепенно сошла на нет и отношения тоже. Сыграли роль в моем противоречивом поведении также то, что дома у нас культивировались негативные позиции к мужчинам вообще и недоверие к ним в частности. Мое половое воспитание свелось к афоризму одной французской писательницы: «От собак бывают блохи, а от мужчин – дети». Мужчины – это нечто противоположное нам и опасное, их надо остерегаться (в принципе, правильно). Особенно устрашающим примером было поведение отца: после войны он совсем спился, матерился по-черному и вел себя безобразно, практически не выходя из запоя. Этот пример приводил к обобщению взглядов на мужчин. В мужья хотелось вменяемого персонажа. Сформировался гипотетический идеальный мужской образ : не пьет, не курит, не ругается, вежлив, любит жену безмерно, ну и, конечно, материально обеспечен. Да! Чуть не забыла, прости Господи! Предпочтительно красивый высокий брюнет, в крайнем случае, блондин.

Обычно подобного мужчину можно встретить в дамском романе, только в его образ еще вплетается необыкновенная

сексуальность, мужественность, умение найти все мыслимые и немыслимые эрогенные точки на теле женщины, а также и умение довести ее до эротического исступления несколько раз. До таких кардинальных мыслей я тогда еще не додумывалась, т.к. не знала, что такое эрогенные зоны... Если бы такой мужчина существовал в действительности, ему бы отгрохали памятник, да что памятник! – мемориал! И толпы фанатичных поклонниц стекались бы к своему кумиру отовсюду, устраивали бы парады, факельные шествия и прочие шоу, умирали от восторга у подножия памятника. Наблюдались же случаи самоубийств романтических женщин, например, на могиле Рудольфо Валентино.

В любом случае моя первая попытка связать себя узами брака потерпела фиаско. Не знаю, не знаю... Своего школьного друга Витю я любила первой трепетной юношеской любовью, но иногда, ещё и сейчас, мне снится большой мальчик из Азова, несущий меня на руках в сильных и тёплых объятиях. Это ощущение нежности и тщательно скрываемой страсти незабываемо остались в моей душе, в моей памяти. Прекрасная память!

В 19 лет было блестяще закончено мое среднее специальное образование, и вот тут-то мне бы и учиться сразу в институте, причем я могла бы поступить в любой ВУЗ уже без экзаменов, все же «красный диплом». Я тогда упустила свой шанс и опять-таки из-за своей заниженной самооценки и присутствия повышенного чувства долга: во-первых, мне

казалось, что я позабыла школьные дисциплины; во-вторых, нужно обязательно! – нам здорово промывали мозги и, как я убедилась, на всю жизнь – отработать потраченные на меня государством деньги, два года непременно. Невероятно, но после прочтения книги «Алитет уходит в горы» я даже подумывала проситься работать в Анадырь, чтобы нести свет знания чукчам. Вот только чукчам меня и не доставало! А мне – чукчей!!!

Администрация училища получила только одну единственную заявку на учителя начальных классов в город Новочеркасск, и она досталась... Кому? Конечно любимице директора и завуча, т.е. мне. Остальные заявки были в сельскую местность. Остается только представлять, что пожела-ли мне мои соученицы, которые тоже мечтали выбраться из глубинки в какой-никакой город. Итак, в Азове, тоже богатом историей (сколько царь-Петр сражался за него с турками? То-то!) я проучилась и очень интересно прожила два го-да.

НОВОЧЕРКАССК – столица казачества.

Сначала был просто Черкасск, располагался на острове реки Дон и ежегодно затапливался весенними паводками, а летом горела из-за скученности хаток-мазанок с соломенными или камышовыми крышами. По замыслу Войскового атамана впоследствии графа Платова столицу решили перенести на новое место в 20 верстах, которое называлось Бирючий Кут – «Волчье логово». Кут – угол, уголок (куточек), что-то

укромное и закрытое, чисто южное слово. В 1804 г. Александр I утвердил указ о закладке города – административно-го центра Войска Донского Нового Черкаска. Казаков царское правительство ценило и уважало, это было хорошо обученное, смелое регулярное войско. Казачьи лавы с гиканьем и свистом, пиками наперевес неслись на противника и обращали его в паническое бегство. Особенно их боялись французы в войне 1812 г.

Город строился сразу по генеральному плану военного инженера Франца Деволана (а может, де Волана) с просторными улицами и зелеными бульварами. Был заложен знаменитый Вознесенский кафедральный собор, занимающий почетное место среди самых знаменитых величественных соборов – Исаакиевского в Санкт-Петербурге и Храма Христа-Спасителя в Москве. Вообще город был больше и гораздо цивилизованнее, чем Азов. Там уже имелся театр Драмы, кино-театры, ресторан, музей виноградарства и виноделия, дом-музей художника Грекова и баснописца Крылова, памятники Платову и Ермаку, старейшее в стране Суворовское училище и знаменитый Новочеркасский электровозостроительный завод и не менее знаменитый Политехнический институт.

В этом городе мне предстояло начать свою трудовую деятельность.

Он находился на 60 км дальше от Ростова, чем Азов, но все равно достаточно близко от дома, чтобы в случае чего

можно было бы смотаться к маме под крыло и поплакаться в жилетку. Жаль только, что плакаться в нашей семье не было принято – «ты уже взрослая, решай свои проблемы самостоятельно и помогай родителям». Так я и поступила, чтобы не обременять свою вечно работающую маму. Она после войны стала известной портнихой, у нее был безупречный вкус, чувство нового и золотые руки, обшивала местный бомонд и продолжала кормить всю семью. Отец продолжал пить по-черному и болеть. Старшая сестра уже вышла замуж и жила с мужем в Германии, время от времени присылая нам посылки со шмотьем и модными журналами, так что мы уже не бедствовали, но и не роскошествовали, а я была одета очень неплохо и даже завидно. Мама могла сшить мне совершенно «западную» вещь, и поэтому я часто вызывала косые взгляды и даже неприязнь со стороны женского пола, но по молодости не замечала этого.

На место своей первой работы я, уложив свои нехитрые пожитки, в основном конспекты, методички, планы, поехала в конце августа, хотя оказывается, надо было сразу застолбить место и прибыть в ГОРОНО г.Новочеркаска после экзаменов. Это я поняла моментально, как только пришлось переступить порог городского отдела народного образования. Встретили меня, мягко выражаясь, недоуменно: «Кто? Откуда? Зачем?».

Все наробразовские работники уже давно забыли, что направили разрядку на молодого специалиста и долго ко-

пались в документах входящих-исходящих, подозрительно рассматривая мое направление, т.е. не мое, а их бумаженцию, словно я им подала заведомую фальшивку. Все это проделывала с раздражением пожилая и злющая секретарша с «халой» на голове, явно давая мне понять, что я отвлекаю ее от серьёзной работы своим нелепым появлением с их же нелепой заявкой... Конечно, заведующая не снизошла до беседы со мной, а секретарь, когда все-таки нашла, наконец, их аналог моего вызова на работу, выдала мне прочехвостку, обращаясь на «ты» в таком смысле: такая молодая и уже безответственная, только начинаешь работу, а рабочую дисциплину уже нарушаешь, что заявку нужно было представить чуть ли ни в день сдачи последнего экзамена и, как завершающее резюме: таким расфуфыренным девицам в школе, типа, нечего делать. Последнее, насчет «расфуфыренных девиц», было самым главным, что она хотела выразить, наверное, сразу же при первом моём появлении в кабинете и криком души бедной женщины. Опять не в мою пользу была молодость, симпатичная мордашка с оттенком превосходства на ней же – честное слово, никогда я этот оттенок не культивировала, но мне он частенько мешал – и элегантный костюмчик почти от кутюр. Моя мамочка опять постаралась приодеть свою младшенькую для начала рабочей деятельности: костюмчик был сшит из германского отреза, в нём я ещё ходила на занятия в училище, а вот блузочка из креп-де-шина с рюшами и жабо милого цвета чайной розы, видимо, при-

вели чиновницу в ярость.

На моё смущённое блеяние, что мол я не знала, мне не сказали», – было безапелляционно отрезано: «Надо знать!».

Потом началась унижительная процедура звонков в школы с вопросами, не нужна ли им, (вот навязалась!) учительница в начальные классы, времяот времени подавая реплики: «Да нет, какое там! Нет, только что из училища; только что явилась, представьте себе! Ну как вам сказать?... Мне так кажется ну о-о-о-чень современная! Не надо? Ну ладно, позвоню Марь Ванне» И все повторялось со следующим звонком. Все это говорилось громко, не стесняясь, при абсолютном игнорировании моего присутствия. Что было интересно? – корила в этом я себя (вот не узнала, не подумала, не спросила!) и чувствовала себя просительницей-нищенкой, была огорошена и ошеломлена такой встречей. Наконец, унижительные звонки привели к какому-то результату, и с оттенком презрительной усталости, мне было брошено: «Идите вот по этому адресу, может вам там чем-нибудь помогут. Идите, идите!» Обо мне тут же забыли. Совершенно деморализованная, с трусливыми мыслями, что, может, я выбрала не ту профессию, раз мой красный диплом с одними пятерками, видимо, никому не нужен, я поплелась «по этому адресу».

Встретившись с завучем школы, куда меня направили, я в своих мыслях утвердилась. Действительно, ни я, ни мое страстное желание работать с детишками, ни мой диплом,

которым в душе я гордилась, никому были не нужны. Разговаривали со мной, примерно так же, как и в приёмной отдела ГОРОНО: почти с подозрением вертя в руках диплом и направление, утомленно-снисходительно, неприязненно косясь лично на мою особу и приговаривая почему-то с раздражением, что диплом с отличием ещё не опыт и не знания. Меня начинало уже это злить, я очень устала, таскаясь с тяжёлым чемоданом по незнакомому городу, выискивая «этот адрес»,

и поэтому с некоторой долей, с очень малюсенькой, еле заметной, сарказма заметила, что корочки с отличием как раз и есть знания, а опыт я надеюсь приобрести в их школе и непосредственно под её, Елены Ивановны, руководством. Лучше бы я это не говорила: весь последующий год работы Елена Ивановна, я не забыла её имени отчества спустя многие года, стерегла меня, как ястреб, и раздувала малейшие промахи. Например, незаполненные графы в конце журнала, адреса детей, имена и фамилии их родителей (в училище на уроках методики обучения об этом просто не упоминалось) до ошибок вселенского масштаба, обязательно приговаривая при этом с язвительной усмешкой: «Вот вам и отличный диплом!» Дали мне четвертый класс, тоже не без помощи моего старшего наставника Елены Ивановны, хотя, как молодому начинающему специалисту, мне полагалось работать с первоклашками. Да это и не так важно: ужасно было то, что

Этот класс практически весь состоял из второгодников, причем им было по 13-14 лет, родившихся в военные и послевоенные голодные годы (а мне девятнадцать!), из неблагополучных или неполных семей. Вела их все три года старенькая-старенькая учительница, которая приходила на урок, садилась на стул и больше уже, до окончания занятий, с него не поднималась. Дети вставали из-за своих парт, ходили по классу, разговаривали, шумели, дрались, вели себя абсолютно свободно, совершенно не представляя себе, как должно вести себя на уроке. Конечно, о каком качестве знаний здесь можно было говорить? Это я уже узнала потом от своих молодых коллег, которые, кстати, приняли меня довольно доброжелательно и впоследствии даже подсказали пару приёмчиков против жабы-завуча. Класс, 42 человека (нужно было подклеивать страницы журнала для полного списка), постоянно в течение трех лет пополнялся второгодниками и третьгодниками, понятия о школьной дисциплине не имел, читал с трудом и не усвоил даже программу второго класса.

И вот мне, молоденькой девчонке, пришлось поднять этот груз, чтобы каким-то образом перетащить его в пятый класс, причем так, чтобы они могли нормально воспринимать учителей-предметников и иметь элементарные навыки обучения и дисциплины. Что бы там ни говорили о якобы лёгком труде учителей начальных классов, это совершенно не так. Именно на первых годах обучения формируется умение учиться и сама личность ученика. Это не просто «фу!

дважды два!»: семилетних малышей нужно научить учиться, приучить 45 минут сосредотачивать внимание на наиболее важных вещах, бегло читать и, главное, полюбить читать – визуальная грамотность, быстро писать, по возможности, красиво, правильно сидеть, ведь осанка – это последующее здоровье ребенка, и, наконец, изучить программу начальной школы. Для этого существуют специальная методика и педагогика обучения, которую не изучают преподаватели старших классов. Если учитель в первых четырех классах грамотен и любит свою работу и этот благодарный и благодатный материал – маленьких учеников, то: во-первых, ученики любят учителя и в школу будут бегать с радостью; во-вторых, никаких проблем с учебой в старших классах у них не будет, т.к. они уже имеют базовые знания и умеют работать с учебником; в-третьих, им понравится учиться.

Кстати, достаточно в первом полугодии учителю поднапрячься и научить своих малышей самым элементарным вещам в процессе обучения, то потом класс покатится как хорошо смазанная телега, все четыре года преподавателю будет легко и приятно общаться со своими подопечными, а дети будут с удовольствием учиться. Конечно, встречаются дети с разным уровнем развития и подготовки, в таких случаях и нужно применять другие способы обучения, дифференцированные, но ни в коем случае не за счет усреднения более развитого ребенка, наоборот, надо подтягивать более слабого. Так оно и было у меня потом. А в том злосчастном году,

в первом году своей учительской деятельности, получив по милости Елены Ивановны на руки 42 придурка, не умеющих в 13-14 лет нормально читать и писать, не знающих, что «жиши» пишется с буквой «и», я, девятнадцатилетняя девушка, в течение года только и тянула вверх этих оболтусов: ни разу не пошла ни в кино, ни в театр, ни просто погулять. На уроках я, как каторжная, все четыре учебных часа вдалбливала им огрехи программ 2-3 классов, попутно правила дисциплины и поведения в школе. После уроков оставляла весь класс еще на два часа и в спешном порядке, в зависимости от того, что они усвоили из учебников 2-3 классов, проходила с ними и программу 4-го. Потом нагружала их двойным заданием, а себя тетрадами, планами и поручениями со стороны администрации типа оформления стендов, дневников и наглядных пособий. Потом плелась в темпе усталой клячи домой и там до вечера проверяла тетради, составляла развернутые поурочные планы, ибо мою подготовку к уроку не только все время проверяли, но и критиковали, рисовала порученные наглядные пособия. Ночью мне снился класс в самых кошмарных вариантах.

Правда, к концу первого полугодия появился, если не свет, то какие-то проблески в конце туннеля – ребята стали собраннее, выравнивались и в учёбе, и в дисциплине. Это заметила и я сама, и директриса Нина Ивановна, и мои коллеги, молодые учителя, только завуч ничего не хотела видеть и продолжала политику давления: ни один педсовет не обхо-

дился без того, чтобы мой класс и мое имя критично не упомянулись. Чувствовала я себя хуже некуда и ниже плинтуса, а когда кошку давят, она начинает царапаться. Я набралась смелости и на одном очередном педсовете после очередного же разноса встала и, внутренне дрожа, сказала: «Елена Ивановна, ваша критика стала однообразна, субъективна и не подкреплена никакими доказательствами. Если я действительно работаю так плохо и непрофессионально, прошу создать комиссию из Отдела образования и проверить качество моей работы. Если выводы комиссии совпадут с вашими и мне предъявят профнепригодность, то, возможно, я тогда смогу преподавать рисунок и живопись вместо Вас, уже хотя бы потому, что Вы, географ и по совместительству учитель рисования в старших классов, пользуетесь моими наглядными пособиями и планами программы 4 класса для обучения рисованию старшеклассников».

Вот это было неожиданно: девочка для битья, великий немой заговорил. Свою реплику я заранее написала, вы зубрила, чтобы не заикаться от волнения, произнесла внешне совершенно спокойно, внутренне ужасаясь своего нахальства, и даже с некоторым достоинством. Это и был тот самый совет, который мне подсказали молодые учителя, что работали с Леной-жабой не первый год и иначе её и не называли; она, оказывается, всем осточертенела, и советчицы решили воспользоваться мной, как рупором правды, поймав «учителя рисования» на плагиате. Честно говоря, мне бы и в голову

не пришел такой ход. Просто один раз девчата поинтересовались, почему завуч зачастила ко мне на уроки ИЗО, и я по простоте душевной объяснила, что она берёт у меня наглядные пособия для своих уроков. Мало того, мне как раз импонировало, что я могу помочь «старшему товарищу» и хоть как-то от него откупиться. Ан нет! Другие старшие товарищи решили вставить хороший пистон руководителю и хоть на время приглушить её надоедливые указания и укоротить указующий перст. Момент оказался как нельзя подходящий, а я на подначки повелась и заодно возможно и решить свои проблемы, пан или пропал. Оказалось совсем «не пропал»: завучиха вдруг потеряла дар речи после моего заявления, забормотала что-то об «одном разе», «разве нельзя помочь коллеге» и заблеяла еще что-то маловразумительное, но по сути дела призналась голубушка, подтвердила, что пользуется программой начальной школы для обучения учеников 5-7 классов. Вот так бомба! Все головы учителей с удовольствием и выражением справедливого негодования повернулись в сторону руководителя, которая постоянно подвергала проверке и критике их поурочные планы вообще и наличие этих чертовых планов в частности, а сама! работает! по! чужим! планам! и! пособиям!!! Ситуацию несколько сгладила директор, которая уже ко мне присмотрелась и поняла, что я выкладываюсь до конца и в данном случае уже дошла до предела.

Да и вообще у неё был менее стержневой характер. Тем

более, что комиссия из ГОРОНО проверяла бы не так меня, как всю школу, и администрации бы не поздоровилось, что она вместо первого класса подсунула молодому специалисту заведомо провальный класс, да еще не оказала ему должную помощь, да еще и воспользовалась его неопытностью в своих корыстных целях. Дело в том, что завуча никто не любил, и дорогие коллеги с удовольствием воспользовались бы этим случаем, чтобы раз и навсегда от неё избавиться. Директорша была стреляный воробей, никаких впередсмотрящих в своих пенатах видеть не хотела, мало ли что они ещё нароют! Она стала всех успокаивать, меня в первую очередь, стала говорить, что Галина Александровна очень, очень подтянула класс, что никто не говорит о её непрофессионализме, что критику товарищей нельзя понимать так буквально, что всё в порядке, что-то о коллегиальности и прочую лабуду. В принципе, конечно и всё учителя никаких комиссий не хотели, конфликт спустили на тормозах, «жабу» проучили, но меня, слава Богу! практически оставили в покое хотя бы на четвертую четверть и дали спокойно довести почти до ума этот многострадальный класс, а Елена убавила свой пыл контролирования и к остальным учителям.

Пришлось перенести ещё одно унижение на последнем педсовете в конце года, когда никто из педагогов не хотел брать мой класс, уже пятый, пока директор с раздражением не спросила: «Что мне приказом оформлять руководство?» И самое интересное! Класс оказался вполне нормальным,

учился и шалил в меру, а вот параллельный, которым мне постоянно тыкали в нос и ставили в пример, оказался совершенно неуправляемым и дурным. Так, у меня почти отбили охоту работать в школе и научили не доверять «старшим товарищам».

Зато следующий первый класс был просто конфеткой: из 36 учеников у меня было больше половины абсолютно твердых отличников, остальные «хорошисты», как раньше говорили, и только один бедолага имел то ли одну, то ли две тройки. И это на фоне пристального внимания всего учительского коллектива, т.к. страсти ещё не улеглись, и проблема с необъяснимой неприязнью завуча к Галине Александровне частично наблюдалась. Можете себе представить, что на уроки ко мне стала приходить директриса с постоянством хронометра, и это в первый класс! Правда, после первого полугодия, когда мои детишки усвоили все премудрости поведения в классе и проявили себя прекрасно с проверкой беглости чтения, писали не раз в присутствии проверяющих контрольные работы (инспектирование в первом классе! жуть!) нас оставили в покое.

Я могла заняться личной жизнью: заниматься своим любимым лицедейством в Народном театре при Доме учителя, пойти в кино и театр и даже познакомиться с ухажером, к чему я, видит Бог!, особенно не стремилась и даже решительно отказывалась, когда дочка моей квартирной хозяйки таинственно сообщила, что со мной хочет встретиться обал-

денный парень, который где-то меня видел и горит желанием познакомиться. После года работы с переростками-недоучками я как-то отвыкла от общения с противоположным полом и честно! не загорелась идеей знакомства; но однажды, придя с работы домой, т.е. в комнатушку, которую снимала у своей же коллеги, увидела в общей «зале» молодого офицера (опять офицера!) действительно очень и очень заметного: высокий красивый юноша с широкими плечами, неправдоподобно тонкой талией, синими глазами и прекрасной кожей лица типа «входит Валентин – он бледен». Словом – красавец! Это и был тот самый таинственный поклонник, живший где-то через два-три дома и часто видевший меня по утрам идущей на работу в окружении толпы малышей – первоклассников, которые обожали свою молодую учительницу и встречали её каждое утро, а потом все вместе, гурьбой, тащились в школу.

Так вот, молодой человек тоже заприметил молодую же учительницу и тоже заобожал её. Звали его Виталий Шенгелия, папа грузин-мингрел, как часто подчеркивал Виталий, потому что имеретины и сваны, якобы, тупые и вообще недоумки, а вот мингрелы – очень древняя и породистая раса, чуть ли ни вся из княжеских родов. Имеретины и сваны, я уверена, думали иначе. Мама русская, сам служил где-то под Новочеркасском в артиллерийской части. Ну что ж, раз пришел – давайте познакомимся.

А почему собственно нет? Мне понравилась перспектива

пройтись под ручку с красивым и, главное, уже обожающим меня, без усилий с моей стороны, мужчиной.

Начались романтические встречи, свидания, походы в кино, на танцульки, вечерние поцелуи. Моему самолюбию льстило, что девчонки буквально выворачивают головы на 180 градусов, когда, поддерживая под локоток и преданно заглядывая в глаза – а это «лица кавказской национальности» (тогда так и не говорили) умеют делать – Виталий прогуливает меня по главной улице Новочеркасска. Льстило, что красивый и пользующийся успехом молодой мужчина оказывает мне самое наивнимательнейшее внимание. Из-за напряженной трудовой деятельности я пропустила почти полтора года «светской жизни» и не знала, что мой поклонник является чуть ли не первым сердцеедом в городе и поэтому все интересуются, что за новая девица заарканила «князя»; это была городская кликуха Виталия среди молодежной тусовки. А что? Получить в обожатели «князя» тоже, я вам скажу, очень престижно! Последнее слово, «тусовка», вообще тогда не существовало, были названия «компания», «компашка», но выразиться точнее просто невозможно. В принципе, если бы я и знала, что он сердцеед и, что я «отбила» его у кого-то, меня тоже бы это абсолютно не беспокоило, ибо я и не планировала заводить каких-то длительных и тем более серьёзных отношений. Сейчас я понимаю, что повела себя как эгоистка, да что там! как эгоистка и себялюбивая особа, и поступила с ним не совсем честно.

Мне казалось это милым развлечением не больше, без обязательств с обеих сторон. Но ирония ситуации заключалась в том, что, как выяснилось, Виталий думает иначе: он начал провожать меня на работу по утрам и встречать с моих репетиций из самодеятельного театра Дома учителя, выяснять, почему я приехала из Ростова не в воскресенье вечером, а в понедельник утром, почему на фотографии на море за моей спиной чьи-то руки, которые, как ему кажется, хотят меня заключить в объятия. Он очень чисто и старательно говорил по-русски, его обороты речи, слова, фразы были правильны, но иногда несколько высокопарны, цветисты и напыщенны, поэтому он и сказал не «обнять», а «заключить в объятия». Сначала мне это даже нравилось своей новизной, т.к. прежние мои кавалеры, а Витя тем более, никогда не выказывали признаков ревности. Но потом объяснения, почему я поздно возвратилась и где была тогда-то и тогда-то, почему автобус опоздал, что никто за моей спиной не стоит и тем более не собирается «заключать меня в объятия» поднадоели.

Уезжая на сборы, влюбленный юноша предложил мне каждый день ровно в 10 часов вечера смотреть на Луну и думать друг о друге. Возвратясь, первое, что он у меня спросил, так это насчет вечернего просмотра лунного светила. Каюсь, я об этом уговоре начисто забыла и пришлось банально соврать. Тут он начал мне рассказывать, как он тоже каждый вечер выползал из армейской палатки, чтобы посмотреть на небо и вспомнить обо мне (что без этих упражнений нельзя

что ли было подумать о человеке? («са-а-авсэм нэ раманты-чэская дэвушка!»), но на подобные прогулки обратил внимание его сосед, тоже молодой офицер, и, естественно, заинтересовался причиной лунатизма. Виталий, якобы, честно рассказал ему о нашем уговоре, на что прагматичный русский парень посоветовал ему дурью не маяться, спать самому и другим не мешать, т.к. побудка в армейском лагере чуть ли не в 6 часов, а своей девушке сказать, что на Луну, мол, любовался – и все! Но нет! «Я смотрел! А ты?» «А как же! Конечно!» Все довольны...

Честно говоря, я была согласна с тем незнакомым парнем, который предложил своему коллеге такой прозаический, но дельный совет. Он явно не был ни романтиком, ни влюбленным. Скорее всего, Виталий тоже не пялился на луну и придумал эту историю, чтобы произвести на меня впечатление. Добился он совершенно противоположного результата: я задумалась и поняла, что заигралась и решила тихонько-деликатно наши отношения сворачивать и для начала встречи свести к минимуму.

Но не тут-то было: парень предлагает мне совершенно серьезно руку и сердце, причем, как нечто решенное, не подлежащее обсуждению и само собой разумеющееся. Я обомлела от дурного предчувствия... Э-э-э! Начинаю мямлить что-то вроде как «это серьезное решение», «я не готова» и вообще, «чтобы выходить замуж, надо любить человека, а я некоторым образом ещё(!) не влюблена». Грубо говоря, кручу ди-

намо. «Как это не влюблена?», – взвивается предполагаемый жених. Тут же задается, по его мнению, вполне логичный вопрос: «Тогда почему встречалась со мной? Почему целовалась?» А по моему же мнению, вопрос совсем нелогичный и даже дурацкий: выходит, что с кем целовалась, за того и замуж идти! Почему, почему?...

Ну нравилось мне – вот и встречалась и поэтому же и целовалась. Но ведь так не ответишь... А Виталий очень напористо сообщает, что уже всё распланировал: как он уволится из армии: собирается притвориться больным, а все справочки сделают его друзья-грузины – мне почему-то больше всего это не понравилась: ах ты зараза! справочки ему сделают! из армии хочет сбежать! – служба в армии тогда была престижной и очень почетной, но умный кавказец, видимо, уже понял, что ничего хорошего эта служба ему не принесет, сообразил парень вовремя. Как мы поженимся, как поедем к нему домой, зимой будем жить в Тбилиси, а летом на даче у Черного моря в Зугдиди, где у его семейства имеется свой дом. Впоследствии, когда случайно зашел разговор о настырном претенденте на мою руку, мои дочери, уже не помню то ли Леночка, то ли Люка спросили: «Мама, и чего ты за него замуж не вышла? Мы бы к тебе с папой на дачу приезжали летом, в море бы купались!»

Но вот тогда-то я поняла, что все деликатные отговорки не помогут и решительно сказала, что замуж за него выходить не собираюсь и никуда не поеду. Вот, думаю, сообщи я

это русскому парню, он бы, может быть,

и огорчился и, может, даже выругался бы, может, и попреживал бы, но отвалил, даже сказав на прощанье для собственного престижа что-нибудь типа: «Нужна ты мне, подумашь!» или даже похуже. Но после моих слов Виталий вдруг бухается на колени, обхватывает мои коленки, начинает их обцеловывать, бормочет слова любви на русском и на грузинском, а ручки его уже начинают целенаправленно ползти мне под юбку. Я не то что испугалась – просто стало противно, но ясно: нужно по-быстрому сваливать отсюда самой. С чувством якобы справедливого негодования и возмущения (а чего возмущаться? все мои игрушки и дурацкое самолюбование – вот-де какой у меня кавалер! красивее всех в городе! – к этому и вели) я направилась домой, разговор происходил у ворот. Оказалось, что рановато: Виталий неожиданно ахается лбом о кованый болт калитки, мне приходится стать сестрой милосердия и вытирать ему кровь. Вот тут я пугаюсь по-настоящему: что за страсти-мордасти?! Это он себе лоб раскровянил, а если вздумает проделать такую штуку со мной? Учитывая национальный темперамент, такой вариант не казался невозможным. Ого! Ну круто я попала! Кое-как свернув ситуацию, в последующие дни старалась избегать встреч с таким эмоционально опасным типом, пробираясь на работу и с работы «огородами». Ан нет, он просто пас меня: «куда ни пойду, а к ней заверну на минутку!» Делал вид, что ничего не произошло, повторял, что мы

обязательно поженимся, стал дарить подарки (опомнился!): серебряный флакончик для духов – сейчас он у старшей дочери, и она его обязательно потеряет – приглашал в ресторан, преподнес картину «Незнакомка», которую я передарила сестре. Виталий решил, что я похожа на знаменитую очаровательницу. Я пыталась отнекиваться от подарков, мне казалось, и справедливо казалось!, что они меня к чему-то обязывают, но это вызывало бурю негодования. Это был как раз это тот случай, когда лучше согласиться, чем отказать.

Страсти накалялись.

Эти чисто шекспировские заморочки происходили поздней весной, заканчивался учебный год, мои первоклашки были замечательными, их родители довольны учительницей безмерно, в знак благодарности за своих детей по окончании учебного года преподнесли мне две лакированные, расписанные драконами китайские вазы, я их тоже подарила сестре, своего ведь дома не имелось. И все было бы вроде ничего. Но я чувствовала, что у Виталия просто крыша поехала от упрямства, заиграли амбиции – как это? Его! И вдруг отвергают!

Он явился к моим родителям и заявил, что я его обманула! – встречалась с ним, а теперь отказываюсь выйти замуж. Т.е. налицо классическое нарушение обещания жениться или выйти замуж, прямо как в английском романе! В качестве последнего аргумента он запальчиво крикнул: «Я колени целовал вашей дочери!» На что отец флегматично

произнес тривиальное: «Ну и дурак!» А мама-умница тут же и поймала его на этой несурянице, спокойно спросила: «А если бы наша дочь позволила вам больше, вы бы тоже об этом разглагольствовали? Как это некрасиво с вашей стороны! После этого нам вообще разговаривать не о чем. Теперь я понимаю, почему Галочка не хочет с вами встречаться – вы просто неблагородный человек!»

Все, стрелки были переведены: сам в шляпе, сам дурак. В это время все соседи по дому высыпали на балконы, с удовольствием и вниманием прислушивались к matrimониальным выяснениям: то ли Галка не хочет выходить замуж, то ли на ней не хотят жениться. На юге дома строились буквой «П», впереди ворота с достаточно длинным туннелеобразным подъездом, внутри дома большой четырехугольный двор, куда выходят двери квартир, второй этаж опоясывал длинный балкон. Все соседи знали подноготную друг друга, кто купил новые босоножки и какой суп сегодня у Марьванны. При открытых окнах, а на юге летом они всегда открыты, наши разборки были слышны всем любопытствующим соседям, даже тем, кто нахально не вышел на балкон. Неудивительно, что тут же прискакал мой двоюродный братец Валька (они жили под нашей квартирой на первом этаже) со своим хулиганистым дружкой из соседнего двора Борькой Рыжим и прямо предложил мне тут же легко разрулить ситуацию: спустить горе-жениха с лестницы. «Что вы! Что вы! Ради Бога! Не поднимайте скандала!», – взмолилась незадач-

ливая невеста. Мне казалось, что всё происходящее с этим дурацким сватовством меня жутко компрометирует.

А с чего бы? Может наоборот, говорит о моей востребованности как девушки-невесты?

Мне потом дома показали и востребованность, и невесту! Мало, прошу прощения за тавтологию, мне не показалось: «Не думаешь о своей репутации – раз (и чем, скажите пожалуйста, я подмочила свою репутацию?) А тем, что тебе колени целуют! – два. Встречаешься с кем попало – три (ну почему? вполне приличный и даже завидный кавалер!) А приличные кавалеры скандалов не устраивают! Вертишь хвостом, когда у тебя есть жених!»

И далее, и далее, и далее... Доказательства моей разболтанности продолжались: четыре, пять... Возможно, было и шесть, и семь, и больше, я уже не помню, но разборка моего поведения была долгая и скрупулезная.

«Все это чистая правда, только мне скучно было...» «Ах, скучно! Немедленно увольняйся, ты уже два года отработала по распределению, будешь теперь работать в Ростове!» Уф! Всё!

Ой, да ладно, конечно, виновата, виновата по всем пунктам, уволюсь, приеду, пойду работать дома и сидеть дома!

Я даже была довольна таким исходом дела, по крайней мере, мне больше не придется объясняться с милым Виталиком. Быстренько смоталась в Новочеркасск, утрясла свои дела с увольнением и с облегчением приступила к новой рабо-

те в своей же школе, где встретила с прежними учителями, которые были удивлены, что я стала учительницей, потому что многие прочили мне почему-то карьеру актрисы из-за моего увлечения драмкружком, и что до сих пор (21 год все-таки!) не замужем. Удивление было большим – девочка бойкая, всегда в окружении ухажеров, даже немного вольного поведения, а вот поди ж ты! Не замужем! Видно что-то не так!

Но я уже пообтесалась в женском коллективе и поняла, что нужно поменьше распространяться о своих планах.

Здесь у меня был милый второй класс, опыт тоже уже какой-никакой имелся, старательно работала, хвостом не крутила, как чётко обозначили мое разнузданное поведение родители, даже вечерами не выходила на улицу, боялась встретить настырного претендента на мою руку, который все-таки – вот ослиное упрямство! – несколько раз приезжал в Ростов и слонялся возле дома. Страшно! Честное слово было страшно! Заигралась! Я зареклась играть в игру под названием «флирт» и сдерживала своё слово. Но как будто всем окружающим было дело до того, замужем я или нет – Э! за сиделась в девках, Галина, завывбиралась! Смотри, можешь пробросаться!

И вот одна молодая мамаша моей ученицы, очень активно помогающая мне на уроках труда, ведь у младших классов своего кабинета по труду не было, все занятия проходили за теми же партами, а там и раздаточный материал, и пачка-

ющие краски, и пластилин, и ножницы, иголки-нитки – помощник был неоценим, тоже решила устроить мою судьбу. Она вскользь заговаривала, что прекрасный молодой человек, их знакомый, офицер (что за чёрт! опять офицер!), работает в штабе Северо-Кавказского военного округа, имеет квартиру, машину, РОДСТВЕННИКОВ НЕТ! подчеркивала мать Ларочки. Хочет жениться, но так и не может себе подобрать пару: молодую, умненькую, красивую и преданную спутницу жизни, девушку, именно девушку, в прямом физиологическом смысле этого слова, опять подчеркивала сваха. Я слушала, отделялась неопределенными местоимениями, косила под дурочку, делала вид, что не понимаю, к чему она клонит, уж больно мне не хотелось терять прекрасного помощника, а опять вляпаться в какую-нибудь историю вроде новочеркасской мне тоже не хотелось, хотя было до тошноты скучно: из дома на работу, с работы домой – и так каждый день.

Правда, Витя приезжал каждые каникулы, зимние и летние, были очень трогательные встречи и расставания, обещания ждать, любить, писать.

Хотя нет, о любви мы говорили очень мало, стеснялись высокопарных слов. Я ему кое-что рассказывала о поклонниках, чтобы не забывался, но выборочно, очень выборочно. Мы посмеивались, но планы свои не меняли, а даже наоборот, эти редкие встречи-расставания укрепляли нашу уверенность в правильности своих чувств и, главное, мы разде-

ляли взгляды на брак и семью.

Наконец, мамаша моей ученицы прямо сказала, что их друг наслышан обо мне и желает познакомиться. «Но у меня есть жених, – робко завякала я и раскрыла карты. Он учится в Москве, и мы в этом году поженимся».

«О! Ещё неизвестно, что из вашего жениха получится! И в какую дыру его направят после учебы тоже неизвестно! А тут готовый соискатель, с квартирой, машиной и дачей. Сирота!!! Родственников нет!», – запальчиво воскликнула она, как будто отсутствие родственников было решающим аргументом для замужества или женитьбы.

По молодости лет я посчитала сей довод слишком прагматичным, в высшей степени меркантильным и просто глупым, тем более что мамаша была всего на 5-6 лет старше меня. А вот поидишь ты! В родственниках уже разобралась! Сама видимо замуж рано выскочила...

Тут меня торкнуло: если свахе 27-28 лет, а предполагаемый соискатель их старый друг, то сколько же ему годков? «Ну, сколько-сколько... молодой еще, 38 лет. А уже полковник!» Сейчас мужчина в этом возрасте для меня мальчишка, а в тот момент, не подумав, я брякнула: «У-у-у! Какой старый!»

«Что вы, что вы, Галочка, какой же он старый! Это же замечательная разница в годах для супругов – (Ого! уже супругов!) всего 17 лет. Он же на руках Вас будет носить!» Я смущенно забормотала: «Конечно, конечно, это не возраст

для мужчины, извините, но я люблю своего жениха, мы так долго дружили, хорошо знаем друг друга!»

Вообще-то в понятие «хорошо знаем» я спроецировала только на общее время наших коротких встреч с Витей, а ведь узнать человека можно только в процессе совместной жизни, причем длительной жизни.

На этих словах мы вроде отказались от темы жениховства, но через некоторое время её дочка заболела, школу не посещала, а мама, придя за очередным заданием, попросила меня навестить их: «Ларочка так вас любит, так скучает по школе, пожалуйста, зайдите к нам сегодня!» Хорошо, думаю, зайду, порадую девочку, помощницу-мамочку и отмечу заодно в плане по воспитательной работе посещение учащихся на дому. Вот такие мысли промелькнули в моей голове, и, когда я после уроков явилась к Ларочке: дома у них сидел импозантный мужчина. Это уже дежа-вю, какое-то наваждение. Нас стали знакомить: «Валерий!» (хорошо не Виталий!) «А отчество?», – по учительской привычке, а получается неделикатно, спрашиваю я. «Просто Валерий!»

Ох ты, Господи, прости и сохрани! Валерий! Так может уж прямо Валерик или Валерка. Пацанчик! Меня эта процедура знакомства рассмешила и разозлила одновременно. Ах, Валерик, Валерка, вот ты какой! Не мальчик уже, в годах, явно прошел огонь, воду и медные трубы, а всё жену себе не нашел, девочку-целочку тебе подавай...

Конечно он, как джентльмен и воспитанный человек, что

по сути одно и то же, пошел меня провожать, нёс мою тяжеленную сумку с тетрадями и даже пытался назначить свидание.

Боже! Как это было тяжело и нелепо: придумывать тему для разговора, следить за тем, чтобы не ляпнуть что-нибудь глупое или не к месту.

Со своими-то сверстниками я говорила как угодно, что угодно и о чём угодно, не задумываясь, как я выгляжу в их глазах. Мы болтали, не закрывая рта, хихикали или откровенно «ржали». Здесь же меня замораживало сознание и убеждение, что это совсем взрослый и даже пожилой, по моим меркам, человек, что с ним нужно беседовать на какие-то особые серьезные темы, умные и интересные. Разговаривая с этим человеком, я всё время пыталась соответствовать, быть взрослой, умной, интересной – ведь он намного старше! Меня вполне можно было назвать девушкой компанейской, в общении лёгкой, но здесь я первый раз в жизни, беседуя с мужчиной, не находила подходящих слов. Мне было скучно, неинтересно – да и зачем мне эта головная боль!

Я приняла все меры предосторожности: во-первых, не дошла до своего дома, сказала, что нужно навестить ещё одного ученика, а на самом деле побоялась, что меня увидят опять с новым кавалером, опять с офицером да ещё таким «старым». Во-вторых, на просьбу встретиться честно ответила, что не хочу никого обнадеживать, жду своего жениха и привела другие, обычные в таких случаях отмазки.

Дядька же оказался нормальный и умный: сказал, что можно ждать сколько угодно своего ненаглядного жениха, но и запирать себя дома такой молодой и очаровательной девушке не годится, можно сходить в театр, в ресторан (ого! это уже считалось тогда обязательством!), в конце концов, можно прокатиться на машине за город, такие прекрасные погоды стоят, весна! Ну, нет! Не хочу! Я этот цветочек уже нюхала! Нет, нет! Спасибо!

До свидания!

Что интересно, моя старшая сестра, когда я ей рассказала об этом Валерии, точь-в-точь повторила слова Ларочкиной мамы: «Ну и дурочка! Действительно, еще неизвестно, что получится из твоего Вити, куда вас запихнут да и сколько его можно ждать?»

Честно говоря, насколько я не стремилась непременно и скоро выйти замуж, но и меня уже начала тоже тяготить роль соломенной невесты и это уже утомительное ожидание. Мой жених был твердо уверен в незыблемости моего и своего слова об ожидании, письма писал «никакие», без ласковых слов, умилительных нежностей, признаний в страстной любви или просто любви, писал словно доброй знакомой или подруге, иногда упоминая, что скучает и ждет с нетерпением очередных каникул. Правда, жениха и невесту не связывали «те» отношения, так что не приходилось ни сердиться, ни особенно тосковать, но время и возраст брали свое. В конце концов, мне теперь хотелось более тесных отношений с мужским по-

лом (наконец очухалась!), у многих моих сверстниц были уже детки, а я все в ожидании жениха. Быть девственницей к 22 годам стало уже утомительно и томительно, и если бы наши платонические отношения протянулись бы еще немного, то навряд бы я дождалась своего принца.

Но все состоялось по правилам: принц прислал маме официальное письмо – она его долго хранила, – я поехала в столицу, и там в ЗАГСе Ленинградского района г.Москвы 28 августа 1959 г. мы зарегистрировали свои пятилетние отношения. Витя ещё раз проявил свою предусмотрительность и обстоятельность: снял на месяц комнатку недалеко от Академии, купил продукты, словом повел себя как заботливый и любящий мужчина, что оно и было на самом деле. Отметим скромно свое бракосочетание с друзьями-свидетелями, Адольфом и его невестой Ирой и ещё двумя ребятами из Академии в ресторане «Прага». Мне очень хотелось надеть свое светло-светло-салатовое, почти белое, платье из тафты, но 28 августа был почему-то прохладный, пасмурный и к тому же дождливый день, и мне пришлось обойтись темной юбкой, свитером и курткой, так что прошло все довольно обыденно. Классической невесты, ожидавшей жениха далеко, и так долго и так верно, из меня не получилось, а очень хотелось покрасоваться в платье и фате.

В этот месяц, который в литературе называют медовым, к нам стали перманентно приезжать родственники: Валентина, Люся (сестры мужа и моя), свекор Иван Тимофеевич. Их

надо было встречать, провожать, устраивать на ночлег, кормить (а денег у нас было с гулькин нос) и развлекать. Вот подумали бы, до них ли двум молодым и здоровым молодожёнам?! Прорвало их просто на посещение. А молодожёны хоть действительно были молодые и в сексуальном плане неопытные, однако быстренько поняли, что к чему – природа научит – и хотели лишь одного: чтобы им дали возможность провести этот медовый месяц как положено и оставили их в покое.

Несмотря на наплыв родственников, Витя, уже почти как коренной москвич, с некоторой долей снисходительности показывал мне столицу, мы побывали практически во всех туристических точках для провинциалок – Третьяков-ка, некоторые театры, в том числе и Большой, на Ленинских горах, мне очень понравилась станция метро Маяковская (моя южная провинциальная непосредственность – метро понравилось!), естественно, ВДНХ, ГУМ, Пассаж. Туда же мне пришлось уже самостоятельно водить приезжающих родственников и получить на новоселье в подарок от свекра два подстаканника из скани. Другого имущества у нас не было. Подстаканники сохранились, наверное, потому, что мы ими не пользовались, они очень милые до сих пор, правда, от одного уже отваливается ручка. Считай, что это уже раритет, 50 лет с нами путешествовали, шутка ли! Хотела я вместо подстаканников попросить в подарок пару постельного белья, но постеснялась, а родственники не догадались.

Впрочем, правильно сделала – белье бы точно не сохранилось и раритетом тем более бы не стало. Моя мама была более догадлива и увязала нам на первое время хотя бы одеяло, пару простыней, пододеяльников и полотенце. А еще я взяла при отъезде по месту работы мужа и нового местожительства наш знаменитый, безумно модный и редкий тогда ковер «Мишки в лесу», подарок сестры из Германии, самую ценную вещь из нашего небогатого скарба.

Больше всего из моего сумбурного медового месяца в Москве мне запомнился концерт Райкина в саду Эрмитаж. Я, провинциалка-южанка, получала удовольствие на полную катушку: ни на кого не обращая внимания, хохотала так громко и заразительно, что на меня поглядывали с легкой добродушной усмешкой бывалых театралов окружающие зрители, слышал даже и сам Аркадий Исаакович, а Витя смущенно подталкивал меня локтем и говорил: «Галюня, ну тише, тише же!» – и пытался отодвинуться.

А Галюня, изнемогая от смеха, уже не смеялась, а тихо визжала и тянула: «И-и-и-и-и-и!» Очень мне понравились неприятязательные шутки, как я сейчас понимаю, талантливого известного юмориста!

Половину августа и сентябрь мы пробыли в Москве, ожидая направления в воинскую часть, получили направление в Белоруссию в какой-то Щучин и даже не знали, где это. Получив предписание и соответствующие дни отпуска, приехали в Ростов и в Шахты и тут выяснилось, что наша сексуаль-

ная неграмотность преподнесла нам, впрочем, не неожиданный, сюрприз. Меня начало колбасить с такой силой, что казалось сейчас выскочат внутренности. Никаких представлений о контрацептивах мы не то что не имели, а просто о них не знали. Мало того я, была уверена, что отравилась грибами-опятами или переела ананасов. Действительно в Москве я с жадностью набросилась на этот экзотический фрукт; потом очень долго не могла есть грибы, а ананасы до сих пор не уважаю. Вот до чего могут привести перегибы пуританской морали: не понять в 22 года, что ты беременна – это же нужно уметь! Мама быстро меня просветила насчет «отравления», тут же стала жалеть, уж больно зеленый неприглядный вид у меня был, и приговаривать: «Доченька, да как же ты так (будто не знаешь как), да зачем это вам, да не нужно, да вы ещё молодые, да неизвестно как вы там устроитесь, да будут ещё у вас дети. Надо сделать аборт!» Ой, ёлки-палки! А это больно? Да ну! Ничего страшного, все женщины проходят через это, ну немного потерпишь, а потом тошнить не будет. Кажется, тогда для меня последнее – «не будет тошнить» – стало самым главным, решающим аргументом, настолько вымотал меня жуткий, непрекращающийся токсикоз.

А молодой муж? А молодой муж согласился. Сейчас мне вся история кажется дикой: я не понимаю ни маму, ни любящего мужа. Я-то, дурёха, выросла в стеклянной банке девственности. Но мама, взрослая женщина, не могла не знать,

какими последствиями чреватые подобные манипуляции с молодым организмом, особенно в первый раз. А муж? Предположим, он тоже был также не сведущ, как и я, но то, что любимую жену положат под нож, на этот кошмарный стол... Понимал он это или нет... Вот бы мне задуматься хоть немного, да куда там – тошнить не будет! Как хорошо!

В общем, выпотрошили меня без наркоза, как курицу. Процедура эта не только жутко болезненна, но и унижительна, до сих пор помню оскорбительно-пренебрежительные слова и действия медперсонала, такое впечатление, что они специально все делают рывком-тычком и быстренько. По крайней мере, на Кубе при некоторых обследованиях я не почувствовала ни капельки дискомфорта: ни морального, ни болевого. Первым у меня был бы мальчик...

Вот так.

Поехали мы и к Витиным родителям на побывку перед самостоятельной жизнью, и тут наша совместная жизнь чуть не закончилась. Что мне ещё нравилось в моем молодом муже, так это полное безразличие к спиртному. Учитывая хорошо запомнившееся мне в детстве поведение моего папочки, я на дух не выносила и не выношу пьяных мужчин. Не могу понять и тех людей, которые приводят оправдательный аргумент какому-нибудь свинству или даже преступлению: «Да он же выпивши был!» Или сердобольных граждан, преимущественно пенсионеров, в общественном транспорте, например: «Ах, ах, уступите человеку место, вы же види-

те, он выпил!» Ах, вашу маму за ногу! Где вы видите человека?! Да он для меня хуже собаки! Хотя причем здесь собака? Ни одна собака не напьется и тем более не начнет материться или в пьяном виде кусать другую собаку. Ну, ладно!

Приехали мы в Шахты, с родителями Вити мы уже были давно знакомы, так что я никаких сюрпризов не ожидала, но тут мой молодой муж преподнес мне неожиданный «подарочек». Мы решили нанести визит его родственникам и, в частности, посетить его двоюродных братьев, тоже недавно женатых. Ребята были старше его и гораздо объемнее, корпулентнее, это как раз они были тогда с нами на танцплощадке, когда отвадили от меня подвыпившего танцора. Встретили нас радушно, накрыли, как принято, стол, поставили не одну бутылку, и мы начали общаться, потом говорить «за жизнь». Братья, здоровые быки, опрокидывали стопочки соколами, а мой молодой муж Витя, смотрю, не отстает от них и уже начинает хмелеть. Уж что-что, но такое я замечала быстро. Он был гораздо subtilнее своих братьев, моложе и наивнее. Ребята явно хотели подпоить молодого офицера. Было в этом желании и что-то чисто личное: все-таки он один из их семейного клана выдрался из шахтерского будущего. Я решила остановить возлияния и сказала новоиспеченному супругу, когда подняли рюмки в очередной раз: «Может, хватит, нам еще до дому добираться!», – и Витя спокойно опустил стопочку на стол. Вот тут ребята стали шутить, смеяться и подначивать моего супруга: «Быстро ты у жены под

каблуком очутился! А что дальше-то? Теперь так и будешь под её дудку плясать!» «Как это под каблуком?», – повелся муженек. «Под чьим таким каблуком? Под какую дудку?», – взвивался он дальше. И тут же стал доказывать, что ни под каким таким каблуком он не будет, что он вполне самостоятельный мужчина, сам себе режиссёр, господин и хозяин. В результате мой хозяин самым натуральным образом, как говорят, нажрался, надрался, назююкался, набубенился и пошел в совершеннейший разнос. Оказалось, что в таком виде он ещё старается показать, что он-де не пьяный, а просто прикидывается пьяным и уже тогда становится совсем неуправляемым и абсолютно неадекватным. Меня, якобы, не узнает, идет, куда тащит его левая, а потом правая нога, а потом назад, а потом в сторону и все время, якобы шутейно, прилюдно спрашивает меня: «Девушка, что вам от меня надо? Девушка, не приставайте ко мне!»

Правда, не ругается матерно, но доставить его домой в таком состоянии – это была целая проблема, особенно в таком городе как Шахты, где не было такси, а автобусы в поселок Артём, место жительства Витиных родителей, ходили очень редко. Вот и можно представить, каково мне пришлось на остановке с пьяненьким мужем, который время от времени выдирался-вырывался из моих рук и говорил шутливым, но заплетающимся языком: «Девушка, не приставайте ко мне!».

Я ловила на себе и усмешливые взгляды, и косые, и недоверчивые – а вдруг действительно пристаёт! – и сочувству-

ющие, это больше от женщин в возрасте. Всё это так меня взвинтило и испугало, что, доставив пьяное, буквально никакое, тело до дому, я оставила его на крылечке, вошла в комнату и сказала: «Ваш сын там, разбирайтесь с ним сами!» Родители уже стали волноваться, почему мы так долго задержались в гостях, выскочили – мать, маленькая и невообразимо трогательная в своем коротеньком ситцевом халатике, отец – так вообще в бязевых кальсонах с умильными завязочками, а когда увидели своего сыночка, то просто обалдели. Правда, отец тут же успокоился, эка невидаль! пьяный мужичок! и тут же ушел спать. Я сделала вид, что тоже отхожу ко сну. Бедная Варвара Николаевна, новоиспечённая свекровь-матушка, знала очень хорошо, что такое «нажраться», и было сунулась сказать мне, что сыночку плохо, что он зовёт меня, и что как же я могла допустить(!), чтобы Витенька был в таком состоянии... Но я сама была в та-а-аком состоянии, что довольно грубовато ответила: «Я ему не нянька! Витенька – мой муж всего три месяца, а ваш сын 23 года, вот и помогите ему, а я с пьяными не умею обращаться!»

Конечно, теперь я понимаю, что своей «жестокостью» и черствостью к её ненаглядному сыночку я навсегда отвратила от себя сердце свекрови.

А тут ещё сыночек взгромоздился на качели. С чего бы? От пьяного человека можно ожидать самых нелепых и непредсказуемых поступков, но стало ещё хуже, когда он стал раскачиваться, долго и нудно тянуть: «Галюня-я-я! Га-

люня-я-я!»». Потом всё-таки сам приволокся или его приволокли на диван, где он благополучно и заснул.

Утром за завтраком все стали прятать друг от друга глаза и пытались было сделать вид, что ничего такого особого экстраординарного не случилось. Э-э-э, нет! На Витю без слёз не взглянешь, но я очень хорошо помнила, что выходить замуж за пьяницу нельзя ни в коем случае или хотя бы за того, кто пить не умеет, поэтому твердо решила расставить точки над і: «Слушайте! Вот, говорю при родителях, Витя! Они сами видели, в каком состоянии ты явился... Мы только что поженились, детей нет, может быть, нам следует пока не поздно разойтись. С алкоголиком жить я не планировала и не намерена. Если ты не можешь отказаться от водки, скажи сразу, пока мы не уехали!».

Все онемели. У наших родителей, как моих, так и моего мужа, было викторианское представление о браке. Что значит разводиться? Женился, вышла замуж – живи. Поэтому родители, особенно отец, он ведь не слышал, как я бесцеременно отказалась ухаживать за сыночком, стали что-то говорить об обязательствах, о том, что это случайность, что никогда такого не было (правда, сынок, Витенька?), что нельзя рубить с кондачка, это уже ко мне, и т.д., почти оправдываться передо мной. Мне даже стало немного неудобно за резкость постановки вопроса перед пожилыми людьми. Чем они-то провинились? Они своего сыночка с 14-ти лет только на каникулах и видели, да и я, кстати, тоже. «Вот так сюр-

приз», – подумала я.

Витя сидел в похмельном синдроме, не соображал «ни гу-гу», глаза в кучку, вроде бы в полном раскаянии, но я решила довести дело до логического завершения. В принципе я не верила, что он пьёт в полном понимании этого слова, но чем чёрт не шутит! Вот подобные эксперименты уж точно не для меня! Никаких таких особо жестких требований я к мужу не собиралась предъявлять, но водка! Слишком ясное представление в лице папы я об этом имела и боялась до ужаса. А после происшедшего подумала, что мой муж безвольный человек, ведётся на подначки, насильно в глотку ему никто ничего не заливал и выпивал он, как мне показалось, даже с некоторым удовольствием. Так что встряска была нужна, и встряска по горячим следам. Родители тем временем взялись за Витю, т.к. на их робкие доводы я резко заявила: «Он сам взрослый человек, что вы за него говорите!».

Варвара Николаевна, учительница, разумная женщина, и тоже знавшая, что такое водка в доме, требовательно и в то же время просительно обратилась к сыну: «Сыночек, ну ты же этого больше себе не позволишь! Скажи! Попроси прощения у Гали!».

Перспектива видеть в сыночке потенциального алкоголика, видимо, тоже очень пугала её и перевесила недовольство задиристой и, как оказалось, очень вредной невесткой. Сыночек с прозрачными и бессмысленными после перепоя глазками, в голове бьют колокола! мутит! во рту чумаки но-

чевали (чумаки – гуртовщики-перегонщики скота, оставляющие после ночевки запах), т.е. гаже некуда!, стал натужно оправдываться и обещать, что больше он не будет (Ну, как ребенок, честное слово!), что это никогда не повторится, и вымучивать другие обычные, но часто не сдерживаемые обещания, на которые так щедры мужчины.

Подобное состояние, т.е. полдня отключки, все же повторилось за всю жизнь еще пару-тройку раз, и я опять вела себя прежним стервозным образом: на все стоны и тягомотные вопли типа «Галюня, ве-е-едро!» не реагировала. Даже моя мама, которая была у нас в Щучине в гостях под один Новый год и увидевшая своего зятя в таком непотребном виде, было меня укорила, мол, надо помочь бы муженьку, ему так плохо!

Нет, извините, он совершенно здоров, если может позволить себе быть в таком состоянии. Тем более именно моя мама утверждала, что Витя «хоро-о-оший мальчик», и что именно он ей нравился больше всего из всех моих поклонников-друзей-приятелей! Вот если он действительно болел, то предпринималось всё, чтобы Витеньку поднять на ноги, но уж если напился, то ещё раз «извините!». В принципе, он не доставлял мне хлопот и, хотя в компании мог выпить, лица не терял. Но я думаю, что всё-таки моя политика полного остракизма по вопросу пьянства и отношения к пьяному мужу сыграла свою положительную роль. Тогда же за круглым столом в Шахтах все успокоились, вроде бы договорились,

консенсус был достигнут: Витя, как бы, пообещал, а Галя, как бы, поверила, но решила держать ушки на макушке.

И поехали мы, рабы Божьи, с двумя чемоданами (один «мечта оккупанта» до сих пор стоит на антресолях) и узлом с одеялом, подушкой – мое приданое и зелёным тонким армейским одеялом, чёрным наматрасником и чёрной же наволочкой – Витино приданое, искать свою долю в город.

ЩУЧИН – западная граница БЕЛОРУССИИ

Приехали...

Конец ноября, глубокая осень, ночь, какой-то полустанок с деревянной платформой и керосиновой лампой. Приехали... Да... Тоскливо и, прямо сказать, жутковато. Вдруг выныривает откуда-то из темноты солдатик, выясняется, что нас всё-таки встречают на армейском газике, везут в, так называемую гостиницу, обшарпанное помещение, разделённое коридором на две половины, мужскую и женскую. Это две достаточно большие комнаты, в которых стоят по десять-пятнадцать кроватей, т.е. что-то вроде казармы, и уж-ж-жасно холодно, ужасно! Отопительный сезон ещё не начался, а на улице минусовая температура и ночные заморозки. Потом я ещё сначала перемерзла в Минске, сидя на чемоданах в скверике и ожидая Витю из штаба округа с окончательно подписанными бумагами, а потом в поезде было холодно, наверное, тоже отопительный сезон не начинался. Настроение упало совершенно до нулевой точки: темно, замерзла, голодная, муж в одной комнате, я в другой. Вместе,

может быть, мы хоть как-то согрелись, но «иззя» – мальчики отдельно, девочки отдельно.

Утром Витя отправился в штаб части и принес совсем неутешительные новости. Как меня не ждали на работу в Новочеркасске, так и здесь молодого инженера встретили довольно прохладно: конечно, нам специалисты из Высшей военной академии нужны, но по другому профилю – ракетчики.

А уж жилья мы вам, извините, не приготовили, у нас старослужащие офицеры по квартирам кантуются. Так что даем вам пару деньков на устройство, ищите пристанище, а там и подходите, потолкуем, что с вами делать. О как!

Чтобы как-нибудь меня отогреть, Витя напросился к одному офицеру с необычной фамилией Полюндра приютить молодую жену на время, пока он будет ходить по поселку и искать хоть какую-нибудь халупу. Мне жутко хотелось спать, но пришлось сидеть на колченогом табурете в крошечной комнатке, сонно кивать головой, вежливо поддерживать разговор с хозяйкой, стараться занять как можно меньше места и ждать результата поисков. Поиски ничего не дали. Вообще-то теперь я представляю, как Витя искал квартиру, шел по прямой – и все! Так мы после дембеля «искали» дачу – ехали по шоссе, читали названия населенных пунктов – все. Фиг так что-нибудь найдешь!

Пришел мой Витя, замерзший как цуцик, даже не шевелящий губами, с круглой шапкой снега на форменной офицер-

ской фуражке, продольными снежными валиками на погонах-плечах и с трудом произнес задубевшими губами: «Ничего!» Мне его стало так жалко-жалко да и себя тоже, что я просто заплакала. Витя стал меня утешать, но от этого становилось ещё горше, слезы становились обильнее, тем более в перспективе ожидалась очередная ночь в нетопленной гостинице. А тут я ещё не к месту вспомнила соболезнающий взгляд пожилой ростовской паспортистки, когда я выписывалась из Ростова, и её вопрос полный недоумения:

«А куда же ты, деточка, выписываешься? Ведь ты коренная ростовчанка, родилась здесь». В это время в городах начались очередные заморочки с пропиской – выписался и «чао»! Больше не пропишут. С оптимизмом и беспечностью юности я махнула рукой: «Ну, пропишемся там, где муж будет служить, подумаешь!» Вот и служить, вот и приехали, вот и прописка – в студёном бараке! Меня даже не так пугало слово «барак», как слово «студёный».

На следующий день вечером, совсем отчаявшись, везде слыша отказ и даже бурчание типа того, что понаприехали тут москаля-оккупанты, жильё им понаготовили, как же!, мы увидели на пустынной улице женщину и, совершенно ни на что не надеясь, тоскливо спросили, не знает ли она, кто бы мог нам сдать комнату. Она внимательно посмотрела на оконевшую и даже посиневшую парочку и коротко сказала: «Пойдемте!»

Пани Софа, так её звали, привела нас в небольшую ком-

натушку, низенькую, с двумя подслеповатыми оконцами, но с печкой! УРА!

С малюсенькой печечкой! Еще раз УРА!

«Подойдет?», – спросила она. Бож-ж-ж-ечка, ты мой! Да, конечно подойдет! Ещё бы не подошла! Чтобы хозяева, не дай Бог, не передумали, я осталась сторожить неожиданное счастье в виде комнатки, примерно 12 кв.м, а Витю отправила, и чтоб непременно бегом!, за чемоданами.

И правильно сделала, потому что её муж пан Михал, тоже, чёрт возьми, пан! стал за стенкой выговаривать своей пани, что он уже дал слово какому-то старшине, а вот теперь придется отказать. На что пани Софа ответила:

«Да ты бы посмотрел на них!», – и этого довода было достаточно, даже пан Михал проникся, разговор увял.

Нам разрешили воспользоваться хозяйскими дровами, и я так раскочегарила печурку, что искры из трубы вылетали снопом, подвергая опасности соломенную крышу нашей резиденции. Наконец-то можно согреться и помыться из тазика. Да что там! Хоть из ковшика!

Это было то, что называется счастьем. В комнатке имелись кровать, стол и две табуретки – да царская мебель! Софа принесла две вилки, ложки (у нас даже этого не было) и не менее царское угощение: несколько ломтей хлеба и огромную сковороду жареной на свином сале картошки, которую мы с завидной скоростью мясорубки умяли и запили несколькими стаканами сладкого чая. Уф! Отвалились.

Неужели наше неприкаянное мыкание по улицам закончилось?!

Прожили мы на этом месте два года, абсолютно не считая себя обделёнными: хозяева были спокойные, хотя в душе своеобразными сельскими снобами. «За польским часом», как они говорили, всё-таки назывались панами, хоть и жили под соломенной крышей. Я подружилась и с пани Софой, и с паном Михалом, и их дочерью Данутой, многому научилась у хозяйки: делать домашнюю колбасу, знаменитые белорусские драники, консервировать свинину. Училась таким премудростям я охотно, тем более, что почти сразу моего мужа отправили на три месяца на переподготовку, т.к. в части нужны были специалисты с высшим академическим образованием, но специалисты по ракетным установкам.

Вот его и законопатили на всю зиму в тёплый Крым, а я осталась одна в холодной Белоруссии в хатке под соломенной крышей.

Щучин был небольшой городишко, почти посёлок, с немудрящей инфраструктурой: магазин продовольственный, где ничего, кроме мыла-сахара-пшена-муки-керосина, не было; магазин хозяйственный тоже с довольно скудным выбором, уже вышеназванная гостиница, крошечный кино-театрик и такая же маленькая поликлиника, почта, воскресный рынок и скромненькое здание администрации.

Вся же культурная жизнь гарнизона сосредотачивалась в Доме офицеров, находящимся в красивом белом двухэтаж-

ном здании, несколько отдалённом от посёлка широкой дубовой аллеей и озером. Это здание местные жители с благоговейным трепетом называли замком, потому что опять же «за польским часом» оно принадлежало какому-то графу. Вид местности у «замка» был несколько пасторален, но глазу приятен в любое время года, кроме ранней весны и поздней осени, когда приходилось ходить только в высоких резиновых сапогах. Но как утешение природе – роскошной была ранняя осень: замечательная цветовая гамма из жёлто-красных листьев. В эту пору деревья прямо полыхали огненно-оранжевым цветом, блистали как купола церквей, особенно по утру в росе, под ногами мягкий, толстый, пружинящий и пряно пахнувший бурый ковер из листьев, чистый прозрачный воздух.

За бывшей графской резиденцией находился парк и жилые дома офицерского состава. Дальше казармы, штабы, ангары, аэродромы, а уж ракетные части далеко в лесу. Гарнизон-то был военно-воздушных сил, информация о ракетах должна была будто бы храниться в строжайшем секрете. Конечно, это был секрет Полишинеля, каждая собака в окрестных селах, не говоря уже о городке Щучин, знала, что в лесу сосредоточены ракетные установки. Ещё бы не знать! Вся обслуга в штабах (типа счетоводов, уборщиц и пр.) была из местных жителей. Обучение солдат воинским премудростям было поставлено серьёзно: никакого строительства дач для высшего армейского состава и никаких уборок, кроме как в

казармах, они не делали. Даже иногда, во время учений, для чистки картошки привлекали местных хуторских женщин, разрешая им вместо оплаты уносить мешки с очистками для откорма свиней. Моя хозяйка сама мне рассказывала, как далеко находятся ракетные части, не придавая, впрочем, этому особенно никакого значения, а больше акцентируя внимание на том, что бульбочку-то они срезали толстыми-толстыми ломтями, а то и целенькую кидали в мешок! Вот какие мы удалцы! Надуривали простодушных и доверчивых «советов».

Несмотря на настойчивую пропаганду прелестей советского строя и советского образа жизни, местные жители подозрительно относились к освободителям-завоевателям и в разговорах все время вспоминали, как они хорошо жили «за польским часом». И вот что удивительно: когда эта местность относилась к польской территории, поляки считали себя людьми высшей категории, к белорусам относились как к быдлу, серой массе, презирая их за мягкий цокающий говорок, за простодушие, за национальную одежду, вообще за то, что они белорусы. Тем не менее, белорусы благоговели перед поляками, т.к. из-за неграмотности и забитости не представляли, что можно жить как-то иначе. Поляки вели последовательную и жесткую идеологию внедрения в сознание «бульбашей» идеи избранности польского народа (как это знакомо). Эта же идеология звала к изоляции от соседних славянских, особенно русских, народов. Местечковый квасной пат-

риотизм расцветал махровым цветом. Нас же так и называли – «советы» – тогда, ещё в 1959 г.

В таких захудалых поселках, как Щучин, практически не было медицинского обслуживания, школ, не говоря уже о кинотеатрах. Казалось бы, нужно было радоваться, получив статус города и соответствующую новоиспеченному «городу» инфраструктуру. Ведь раньше люди лечились у знахарок, письма пересылали с оказией, о высшем образовании и мечтать было нечего! Теперь бы радоваться надо было бы. Нетушки! Я очень часто слышала, как собеседники в медленной и серьёзной беседе, кивая головами, убеждали друг друга как «лучше» – лучше жили они «за польским часом».

Однажды, когда наш квартиродатель, пан (уж всем панам – пан!) Михал в очередной раз произнес, что понаехали вот москальские машины. Ему же на своем «ровере»-велосипеде невозможно ехать там, где он хочет, т.е. посередине улицы. Я, якобы шутливо, сказала ему: «Пан Михал, у вас за польским часом и ровера-то, небось, не было?!». Пан промолчал на такой выпад, задумчиво почесал затылок, а его супруга, как ни странно, меня поддержала: «Вот именно, старый чёрт, места тебе не хватает!» «Старому чёрту», кстати, было где-то около сорока пяти лет.

В отсутствие моего командированного мужа я приобрела кое-какую немудреную домашнюю утварь – весь этот скарб ездил с нами, до сих пор прекрасно сохранился и служит теперь нам на даче, а механическая каслинская мясоруб-

ка даст сто очков вперед любому электрическому «Гефалю» жаль только, что её крутить надо! – шкаф, стол и зажила самостоятельной жизнью, привыкая к статусу жены офицера.

Записалась, как обычно, сначала в библиотеку, потом в драмкружок при Доме офицеров, зимними вечерами бегала на репетиции и даже на танцульки, что очень не поощрялось местным обществом: оказывается, замужним женщинам нечего делать на танцах – нужно сидеть дома, заниматься детьми, хозяйством и терпеливо ждать мужа. Детей у меня тогда, к сожалению, не было, хозяйства как такового тоже, а терпение – добродетель, которой я, увы! не обладаю. В городке электрические столбы с малюсенькими подслеповатыми лампочками располагались так редко, что напоминали звёздочки далеко-далеко в вышине, толку от них для пешехода не было никакого, освещался только трехметровый круг непосредственно возле самого столба. Они обозначали только направление по улице. Темнело рано и дорогу, в основном, освещали луна и яркий белый снег. Единственным хорошо освещенным местом был парчок, посреди которого стояла гипсовая фигура моего любимого Иосифа Виссарионовича на высоком и широком постаменте. Парк зимой засыпало снегом по самый штакетник, но жители протаптывали тропинки и, кому надо, срезали дорогу как раз мимо памятника вождю. Я как-то раз возвращалась вечерком с репетиции и, как обычно, шагала через парк, светила луна, сверкал снег, полная умиротворенность в природе и у меня на

душе: вдруг из-за постамента выскакивает солдат, распахивает шинель и трясет своими причиндалами. Понятие эксгибиционист тогда-то и в литературе не встречалось, а если и встречалось, то я и понятия не имела, что это обозначает, но как раз это оно и было в полном его объёме, да еще в каком объёме! Сказать, что я испугалась – не сказать ничего.

Как я рванула прямиком по сугробам и выше кенгуру перемахнула через штакетник, я не помнила. Учитывая длинную шубу из кролика под тигра, валенки, пуховый платок, наверное, я тогда установила рекорд по бегу с препятствиями по сугробам с полной выкладкой. Никто меня не преследовал. Наконец, я отдышалась, более спокойно пошла уже по своей улице, непрерывно оглядываясь и чувствуя струйки липкого горячего пота между лопатками. «Луна беззаботно и ярко освещала мой путь к дому, снежок звучно и вкусно похрустывал под моими торопливыми шагами», – такую вставочку обязательно бы сделал настоящий писатель после драматичности эпизода бега с препятствиями... Итак, коротко – «луна хорошо освещала дорогу»... Более-менее взяв себя в руки, чуть оклемавшись, я пошла медленнее и была уже близко от дома, как вдруг с ужасом услышала сзади скрип снега под чьими-то ногами. Рядом материализовалась совершенно невообразимо жуткая фигура в каком-то тряпье, рваном расстегнутом зипуне без рукавов на голое тело, с длинными нечёсаными и сальными лохмами, остатками соломы в них, такой же бородой и... босиком! Под стать

был и запах, источаемый жуткой личностью: густой и жаркий аромат козла, хотя мороз был около 30 градусов. Фигура тряслась, переступала синими огромными ножищами по снегу и что-то неразборчиво мемекала вроде: «Де-е-ешку м-м-мне, дю-ю-юшуньку, дешеньку д-д-дай!» Что? Что он говорит? Что он хочет? Девушку? Боже!!! Девушку??? Денежку?! Или что?

Будучи хоть и в полном оцепенении, я все-таки поняла, что просит он все-таки денежку. Сунула руку в карман (а вдруг там нет никакой мелочи!?!), нащупала монеты и высыпала всё, что было в огромную, как ковш, корявую ладонь этого «кошмара на улице Вязов». Стараясь не бежать, но как можно более быстрыми шагами, пошла-пошла дальше и с невыразимым облегчением увидела пани Софу, вышедшую за очередной охапкой дров. Заметив мой взъерошенный вид, вытаращенные, совершенно остекленевшие глаза и уяснив ситуацию (про эксгибициониста я ей не рассказала), она засмеялась и объяснила, что это никакой это не кошмар, а просто (просто!) безобидный городской сумасшедший, который летом и зимой ходит вот в таком виде, все, мол, его знают и бояться его совершенно нечего. Но я-то, я-то не имела чести знать шучинскую городскую достопримечательность и испугалась до обморока. Кстати, после встречи с юридивым я поняла суть выражения «нога как под дурным старцем»: без обуви ноги деформируются и становятся огромными и расплюснутыми. Точно такие же ноги я видела потом у бра-

зильских крестьян, шагавших по Амазонской автомагистрали.

После этих двух кошмарных моментов случившимися, страшно подумать, в один вечер и почти в один час, я стала реже посещать мероприятия в Доме офицеров, только кинофильмы в субботу-воскресенье

и возвращаться с попутчиками, с той же семьей Полюндра, и ещё были семьи, живущие на квартирах, или просто шла за какой-нибудь группой людей.

В конце марта возвратился из командировки мой молодой супруг теперь можно было бы ходить в кино. Я благоразумно промолчала о происшествиях с солдатом и сумасшедшим, потому что виновата бы всё равно оказалась я – «а не шатайся в одиночку по вечерам!», что вроде по существу было и правильным, но и немножко и нет: не могла же я все три месяца сидеть взаперти в каморке пана Михала. Но и с вновь обретенным мужем мы по вечерам тоже оставались дома – молодого специалиста грузили так же, как и меня в первые годы работы и также хотели подставить старшие офицеры, которых очень раздражал молодой «академик», что ему было и не до кино, и не до желаний молодой жены, хотя он и старался, бедный.

Оставались только библиотека, домашние дела, обучение премудростям белорусской кухни у пани Софы, я даже научилась вышивать крестиком. Но этого было недостаточно

для моей деятельной натуры.

Я стала искать работу. Сидеть в хатке, только готовить и вышивать мне уже было не под силу. Кроме того, выяснилось, что мой примерный Витя не такой «белый и пушистый», как мне казалось на расстоянии, а довольно требовательный супруг по выполнению режима дня и особенно по части питания, грубо говоря, по обслуживанию себя любимого.

Ранний завтрак, или как он смешно произносил «завтрик», обед точно с часу до двух, в это время их отпускали пообедать, ужин в семь часов – всё это вообще-то было нетрудно подготовить неработающей и бездетной женщине, но, учитывая отсутствие опыта и дефицит продуктов в магазине, иногда проблематично. Я, то не успевала к назначенному часу,

то переваривала или пережаривала свою незамысловатуюстряпню, то не могла купить что-либо подходящее для готовки. Эти проколы неумелой молодой хозяйки вызывали раздражение и нарекания со стороны мужа. Человек задавал вроде бы закономерный вопрос, почему другие женщины успевают, а ты нет. Вопрос действительно казался мне закономерен, хотя обиден, и я старалась изо всех сил. Дело в том, что готовить простые, но сытные блюда я умела уже с 12 лет, а т.к. мама была постоянно занята работой, то вся уборка и незамысловатая готовка типа борщей, котлет, каши, картош-

ки пареной-жареной лежала на мне, но слишком скрупулезный режим приема пищи у нас в семье не соблюдался. Витя же с 14-ти лет уже был на государственном обеспечении, а там четкий регламент: когда спать, когда вставать, когда работу начинать и, конечно, когда принимать пищу. Именно «принимать пищу», а не есть, «питаться», а не вкусно закусить, не машина, а «автотранспортное средство», не приходиться, а «являться». Вот и пошли

у нас казарменные недоразумения, хотя я очень хотела угодить своему мужу и, повторяю, очень старалась. В семье устанавливался как бы необременительный для мужа матриархат: всё, связанное с бытовыми проблемами, можно и нужно было решать мне и не беспокоить супруга подобными мелочами жизни – это уже в дальнейшем установилось навсегда, – как ремонт квартиры, покупка и расстановка мебели и связанное с этим общение с ханыгами-грузчиками, строителями-ремонтниками, с сантехниками, слесарями, РЭУ, КЭУ, ЖЭК, ДЭЗ и т.д. Ну, а ежедневные рутинные обязанности – уход за мужем и детьми, уборка квартиры, там какая-то стирка, готовка, уборка, параллельно работа, пять лет учебы – это такие пустяки, о которых и говорить нечего. Они вроде бы сами по себе и кажутся незначительными, но требуют времени и усилий.

Витя служил, работал и обеспечивал материально семью на 80% тоже он. Ведь женщинам, не смотря на истерич-

ные лицемерные лозунги о равноправии, всегда, как и сейчас, платили меньше, чем таким же специалистам-мужчинам. Так что моя зарплата была хотя и не лишним, но менее весомым вкладом в семейный бюджет, но именно мой, хоть и достаточно требовательный, муж и в дальнейшем обеспечивал достаток семьи, поэтому супруг по логике вещей и по моей логике мог получать кое-какие поблажки и получал их. Удивительно быстро приобретя небольшой опыт, я потом всегда успевала сделать домашние дела и ещё оставалось время и для мужа, и для себя, и для детей.

Быт постепенно налаживался. Моя инициатива переложить на себя всю бытовую сторону жизни не только приветствовалась, поощрялась, но принималась как должное. Я училась правильно и, главное, своевременно вести свое немудреное хозяйство. Мы купили «мебель» – круглый стол и шкаф, который в разобранном виде сопровождал нас везде. Витя феноменально быстро научился разбирать-собирать его, и сейчас этот шкаф стоит в урезанном виде у нас в прихожей как память о гарнизонном житье-бытье.

Итак, я решила устроиться на работу. Как я уже заметила, постоянно находиться в маленькой, темненькой комнатке, где по ночам за одной стеной громко ворочался храпящий пан Михал, а за другой – здоровенный боров, норовящий почесаться боком об переборку-стенку как раз выходящую в нашу комнату, было уже невозможным. Богатырский, с переливами и свистом, храп хозяина и предательский треск

перегородки, о которую терся огромный свин – и то, и другое пугали меня, особенно в первые месяцы отсутствия мужа, находящегося на очередной учебе.

В сёлах принято строить и дом, и хозяйственные пристройки под одной крышей. Все это сооружение как раз и называется двором, не как в городе, и позволяет хозяйке сократить время при уходе за домашними животными. Хорошо, если хозяйка чистоплотная, а если нет, то в доме стоит неистребимый запах коровника и хлева. Пани Софа, как истинная полька, была необыкновенной чистюлей и трудоголиком. В комнатах ничем не пахло, всегда было убрано, а пана-мужа поджидали щи и свиные шкварки. Белорусы (а пан Михал был белорус, и очень гордился тем, что женат на польке, потому что «за польским часом» им вдолбили второсортность), в отличие от поляков с удовольствием ели сплошной чистый холестерин в виде сала плюс бульбочку в разных вариантах, поэтому их и называли «бульбашами». Я уже говорила, что жили мы мирно и дружелюбно. Пани Софа учила меня готовить разные национальные блюда, я вышивала довольно долго и скрупулезно крестиком газетницу, но при моем активном характере все это было муторно, нестерпимо скучно и я, повторяю, хотела устроиться на работу. Хотеть-то я хотела, но по специальности работать не могла, маленькая школа под завязку была набита учителями, местными и жёнами офицеров. Никаких вариантов не было.

В этот нулевой цикл организации нашего быта происхо-

дили смешные казусы. Вот говорят, что анекдоты берутся из жизни, так правда, они берутся из жизни. Я уже говорила, что в районном магазине из продуктов были только крупы, хлеб, слава Богу, иногда мука и какие-то хозяйственные мелочи. Масло, яйца, мясо, овощи, молоко были только на рынке, который работал по воскресеньям. В этот день местные жители и народ из гарнизона гужевались на рынок и прикупали себе более весомые и калорийные продукты, чем крупы и хлеб, на всю неделю и про запас. Я никогда не видела на нашем ростовском базаре телег в виде арбы с ребристыми высокими стенками, в которых на рынок привозили бы мешки с мукой, яблоками, картофелем, живых гусей-поросей, кур. У нас, в Ростове, покупали, ну там, куриные потрошки, граммов 100-200 пахучего крестьянского сливочного масла, немного говядины на супчик (её в отличие от свинины называли просто «мясо»), никогда ничего оптом, понемногу. А здесь? Ну, где бы ещё я увидела бы такую, почти «сорочинскую ярмарку»? Только здесь, в районном городке Западной Белоруссии. Я ходила по ярмарке, тарасила глаза, с умным видом опытной хозяйки пробовала сметану, масло, крутила в руках яблоки, всё равно ничего в эти пробах не понимая – все продукты казались на один вкус, и я с трудом представляла себе, что бы такое-этакое купить на неделю. Пока я не умела планировать свое небольшое и несложное хозяйство и, если покупала одно, то обязательно забывала купить другое.

И вот в один прекрасный день я решила приобрести курицу, сварить лапшу, порадовать «питанием» своего пунктуального супруга. Хорошо. А куры-то живые! Ладно, купим живую... А как её доставить домой... Вот, незадача! Не в сумку же её заталкивать! Она же там всё... испачкает. И я делаю самую несуразную вещь, о которой долго и с наслаждением вспоминали в Щучине, а потом уже пересказывали МНЕ с красочными добавлениями, как некая фря-недотепа привязала курицу за ногу и вела её домой на потеху всему народу. Да, признаюсь, граждане судьи, я сделала это! Зрелище, конечно, было незабываемое: молодая симпатичная, но испуганная, предполагая, что она явно делает что-то не то, женщина в габардиновом макинтоше, в малюсенькой бархатной шляпке и перчатках-сеточках тянет по улице курицу, привязанную за ногу, затравленно озирается по сторонам, но пытается сохранить на физиономии безразличную мину – а что здесь такого?! Прогуливаю курочку и всё тут, никого не трогаю. Курица истерично кудахчет, подскакивает, подлетывает и создает на улице прецедент, падла такая. Чем дальше, тем больше я понимаю, что представляю самое нелепое и глупое зрелище вместе с этой дурацкой курицей, люди оглядываются, хохочут, а что делать – не знаю. Наконец, какой-то приезжий селянин сжалился то ли надо мной, то ли над бедной курицей. Укоризненно взглянув на меня (экая глупая «кобета» – женщина!), схватил бедную птицу за ноги, одним резким движением взмахнул ею вниз. Кура сразу затихла, он

всучил мне мою покупку и пошел дальше. Я даже не успела сказать сердобольному мужику «спасибо» за избавление от дальнейшего позора. А у курицы, наверное, после такого встряхивания случился инсульт... Все равно у меня с приготовлением лапши случилась неудача, я потратила уйму времени на общипку и потрошение этого несчастного куренка, но всё-таки сварила его вместе с зобом.

Впоследствии я уже научилась что-то выбирать на таком огромном рынке, мне в этом очень помог опыт Тони Гонтовой. С ней и её мужем Володей мы познакомились тоже при необычных обстоятельствах.

Только-только мы устроились у панов Софы и Михала, уже выпал снег,

а у нас тепло и есть крыша над головой, как днём во время работы вдруг домой заявляется мой Витя с молодой женщиной в очках и младенцем на руках и заявляет с порога: «Это Тоня, она у нас поживет немного!» Я сначала опешила, а потом сразу смекнула, что это такие же бедолаги, молодая офицерская пара, приехавшая на службу Родине и получившая, как и мы, ответ: «Устраивайтесь как хотите!», да еще с грудничком. Пока её бедный муж искал пристанища и жил в вышеупомянутой гостинице, такой же холодной, как и в ноябре, Тоня обреталась у нас в комнатушке, спала на раскладушке впритык к нашей кровати, а сынишка на полу в нашем «оккупационном» (название пошло из-за того, что моя сест-

ра привезлаемого из послевоенной Германии и из-за его вместимости) чемодане, куда мы настелили груды тряпья и подушек. Конечно, это было неудобно, колготно: ребеночек требовал внимания, чистых пеленок, плакал, марался. Витя ночами не высыпался и уже, видимо, жалел о своем альтруизме, а Вова всё никак не мог найти хоть какую-нибудь халупёнку и даже иногда оставался тоже ночевать у нас. Пан Михал тоже был недоволен – теперь не он не давал нам спать своим храпом, а грудничок его будил, и папа грудничка, который простудился при поисках жилья, и тоже храпел не хуже пана Михала. Хозяйка не выдержала и сделала нам такой лёгкий предупредительный выговор на предмет «ищите другую квартиру». Впрочем, это было вполне справедливо, т.к. мы по простоте душевной даже не спросили у них разрешения на вселение новых квартирантов, просто поставили перед фактом. Правда, я сказала, что это на пару деньков, ребеночек мол, холодно и всё такое, но денёчек затянулся, а пан Михал спал-то за стенкой. Но только, когда ОН нас будил храпом, то такой пустяк не считался нарушением личной свободы.

Но хорошо, что «всё проходит» – прошел и этот период. Гонтари, как их называли, нашли пристанище, и мы на весь Щучинский период остались хорошими друзьями. Ребята были украинцы, дольше женаты, уже с опытом устройства быта и сподвигли нас на следующую зиму «замутить» хорошее дельце: заквасить бочку капусты и приготовить мясо

кабана на две семьи.

О! Это ещё та была эпопея!

Если квашение капусты под руководством Тони прошло достаточно спокойно и безболезненно, но утомительно, то действо с живым кабаном было похлеще, чем та моя пробежка по улицам поселка с курицей на поводке. Кстати, именно Тоня мне рассказывала, всплескивая руками и смеясь, анекдотичный случай с женушкой одного офицера, которая водила курицу на верёвочке. «Нет, ты представляешь, курицу за ногу?!», – хохотала она... Да уж представляю, чего же не представить! «Ах! Да, да, я слышала об этом! Действительно, уму непостижимо!», – вторила я ей.

А почему, скажите пожалуйста, они, женушки, должны не в супермаркете покупать потрошенные и упакованные изделия, а по улице их водить? А? Полный абсурд! Мы и слова такого «супермаркет» тогда не слышали. Ну ладно, хотя бы просто в магазине!

Так вот, объяснив все положительные стороны оптовой закупки и приготовления из неё консервов и колбас впрок, её дешевизны и удобства – не надо каждый раз на рынок шалаться – молодая украинская семья убедила нас, что это есть хорошо! И мы пошли на базар. Ну, Гонтари, я понимаю, они с Украины, там умеют и выбирать, и делать разные заготовки, и торговаться, но чего я-то попёрлась с ними, и что Витя там не видел – вот что странно! Хотя ничего странного, мы же пополам хотели купить животину, нужно видеть товар и

одобрить. Мы озабоченно ходили вслед за Тоней и Вовой, с умным и понимающим видом рассматривая жирных ЖИ-ВЫХ свиней.

Я же ещё вдобавок торкала пальчиком в перчатке их бока, плавно переходящие в задницы, пока Тоня, смущаясь, мягко не подсказала мне, что этого не надо делать, т.к. продавцы втихомолку ухмыляются над такого рода покупателями. Наконец, Вова выбрал такую милую свинку среднего размера, поторговался и сказал: «Подойдет!» Нет, вы можете, например, представить американского кадрового офицера, окончившего Академию и покупающего на рынке США живую хрюшку для обеспечения питания семьи? Или французского, или, на худой конец, испанского? И их леди, мадам, сеньору, проверяющих упитанность свињи наманикюренными пальчиками? Нет? Вот то-то и оно!

Наши мужья стали думать, как же её забить (привезти-то нам её привезли продавцы, но они сразу же и уехали). Пригласили, конечно, соседа-белоруса. Вообще, на разделку туши ребята потратили столько времени, сколько можно было бы потратить на свежевание бегемота. Однако наши друзья оказались правы: зимой можно было пойти в хозяйский сарайчик (двор), открыть емкость в виде эмалированного бачка и в любой момент достать кусок свинины, залитой смальцем – растопленным свиным жиром – или домашнюю колбаску, которую была приготовлена по рецепту пани хозяйки. При наличии же ещё квашеной капусты и картошки, запа-

сённой тоже благодаря совету опытных и предприимчивых Гонтарей, можно было по-быстрому сварганить кислые щи или тушёную картошечку.

С Тоней у меня связано ещё одно весьма пикантное воспоминание.

Я никогда не верила, что пьяные люди потом, когда хмель пройдет, ничего не помнят. Оказалось, что правда. И я убедилась в этом на своем опыте.

В первый, единственный и последний раз в жизни я была в дребезину, в стельку, в доску, в хлам, в зюзю, в дрибадан и еще во что не знаю, опьяневшая. А! Ещё напиваются в грязь, в лоскуты и «как» – как свинья, как сапожник. Хотя свинья кажется не напивается... Ситуация была примерно такая же как и у Вити в Шахтах на посиделках у братьев-шахтеров, только с точностью до наоборот.

День рождения у Тони: в январе, кажется. Я запомнила потом заснеженную скрипящую дорогу, по которой меня волок муж и скачущую по небу вверх-вниз огромную луну. Так вот на этом самом празднике я очутилась между двумя зрелыми дамами, которые задались целью спить молоденькую дурочку, пошутить, таким образом, и в этом благородном начинании, собаки, очень преуспели. Они подливали мне понемногу, но часто и попеременно, то водочку, то коньячок, то, хуже всего, предлагали запить пивком, т.е. жуткую алкогольную гремучую смесь. Напротив меня сидел Витя и, видимо заметив, что благоверная женушка уже охмелела, ска-

зал моими же словами: «Галюня, может быть, хватит!», – и я тоже, как и он тогда, поставила очередную рюмку на стол.

Ситуация повторилась один к одному: тетки стали меня подначивать, что мол муж-то тебя в жёсткой уздечке держит, не забалуешься. Э! Что вы! Да я, да я, д-д-а я!

Очнулась «д-д-да я» уже почему-то вне дома, а во дворе. Витя держал меня за плечи, немилосердно тряс и приговаривал: «Открой глаза, слышишь, открой сейчас же глаза!», – и опять тряс за плечи. Я слышала его голос, и обеспокоенный голос стоявшей рядом Тони. Она была врач и понимала, что дело швах, поэтому уговаривала моего мужа: «Да не тряс её, не тряс! Ей плохо!» На что мой обозленный супруг свирепо огрызнулся: «Ну, придём домой, я ей покажу «плохо-хорошо!» На что я пыталась, честное слово, пыталась, не только открыть глаза, но даже сказать что-нибудь язвительное типа «Как же! Что это ты мне покажешь?!» или «Так я и позволю тебе показать!», но веки не поднимались, как у Вия, язык был чугунный, я мычала что-то невразумительное. Все это время меня качало-поднимало высоко-высоко, непостижимо высоко – вверх!, потом с уханьем и тошнотой швыряло – вниз! и повторялось снова.

Следующий этап помню – вот ту самую заснеженную улицу, по которой Витя, мой любимый муж, на плече просто волоком тащил меня, потом провал памяти, потом уже дома на кровати, с холодными каплями пота, скручивающимся желудком – Витя ничего мне «не показывает», а наоборот тро-

гательно успокаивает меня, ухаживает, прикладывает ко лбу мокрое полотенце.

Только к утру я, более-менее, оклемалась-очнулась тоже с холодным компрессом, стала что-то соображать и увидела не злое, а обеспокоенное лицо мужа, который хотел предложить мне рюмочку водки: «Выпей, выпей, Галюня, легче будет!» От этого сердобольного предложения меня тут же начало со страшной силой тошнить. «А-а-а-а!, – подумала я, – Анафема! Витя, значит, знал, как поправляться после перепоя! А я, значит, не даром в Шахтах такой бенц устроила!», – промелькнуло у меня в голове, и тут же меня от глубоких умозаключений-воспоминаний и от вида рюмки и вытошнило. Спасибо ему, что вытащил из этого жуткого состояния. Противные бабы просто отравили меня, есть такой диагноз – алкогольная интоксикация, вот такое было и со мной, можно даже умереть, вот дряни какие! И поделом таким придуркам, как я, впредь наука. Ведь женщины привыкают к алкоголю гораздо быстрее.

Отходила я от похмельного синдрома весь день, лежала влѐжку, ничего не могла есть, слабость была страшная – ни ногу, ни руку поднять невозможно, каждое движение вызывало тошноту, только пила клюквенный морс и капустный рассол, которого у нас при наличии бочки квашеной капусты было более чем достаточно.

Вот ведь какая история: муж-то помог мне выйти из похмелья, а я ему, вредина такая, не помогала! И, наверное, не

зря. Интуитивно понимала, что отвращение к водке в мужском организме надо закрепить ещё и ещё жутким, треско-раскалывающим похмельем. А у меня?

А что у меня! У меня получилось просто случайно, мило и смешно. Да? Конечно, мило и смешно, если не считать, что муж меня приволок домой в полной отключке, в бессознательном состоянии, большую часть ночи возился со мной, а утром отправился на работу, предварительно нацедив мне банку рассола. И еще хорошо, что я не дралась и не материлась.

Ведь это плюс? Ка-а-а-нечно, плюс! Судя по всему, свои ошибки и недостатки женщины считают изюминками, а у мужчин – пороками.

Да ладно, у нас, у женщин, так мало недостатков!

Так я на себе испытала, что такое алкоголь. А ведь у меня могло быть и предрасположение организма к нему, учитывая пристрастия папочки. Только вот я-то сразу сделала правильный практический вывод: водка для организма – яд, хотя теоретически знала об этом с малолетства. Почему же другие повторяют такое ужасное, жутко болезненное похмелье? Непонятно! По последствиям о-о-очень редких возлияний Вити, он испытывал именно нечто подобное, но ведь он повторял подобную ошибку ещё и раз, и два, и три. Непонятно!

При моём же озвучивании его состояния после опьянения муж мой заявлял, что это-де мои фантазии, а потом нелю-

гичное высказывание, что у женщин отвратительная память – всё помнят. Э, нет, милоч, никакие это не фантазии! Витя приходил в состояние сильного опьянения редко, но как-то внезапно: только-только был совершенно адекватный человек и вдруг раз! – моментальная отключка. Это иногда случалось на большие праздники: 1 Мая, 7 Ноября, т.е. для среднестатистического советского мужчины довольно редко.

НАЧАЛИСЬ БУДНИ АРМЕЙСКОГО БЫТА

Когда говорят «тяготы и лишения армейского быта», это вовсе не метафора. Уже ясно и по нам, и по нашим друзьям, как встречают прибывших в часть офицеров, как их мило устраивают с жильем, но больше всего достается их жёнам. Чаще всего они почему-то или педагоги, или врачи, вот как Тоня и я, или вовсе без специальности. Не успеет, не сможет жениться выпускник училища на месте, приезжает в гарнизон, в какую-нибудь глухомань и женится на местной девушке, обычно красивой, с восьмилетним или, в лучшем случае, со средним образованием сельской школы, т.е. без специальности. Имеющие же специальность супруги офицеров очень часто теряют свою квалификацию. Их образование, на которое они потратили время, ум, усердие, в гарнизонной глуши становится никому не нужным. Все подчиняется карьере, службе мужа. Жена должна всё время идти на большие и маленькие компромиссы, всё время кому-то обязана, обязана всем: мужу, детям, кошмарным чемоданам и ящикам, которые сопровождают её иногда всю жизнь. А между тем, с

её стороны это жертва и немалая, но часто принимаемая как должное и не заслуживающая благодарности. Мужчины же, по крайней мере, большинство из них, во всём мире считают, что, получив штамп в паспорте, женщины просто обязаны тут же перенять образ жизни и привычки облагодетельствовавшего её «мачо». Сейчас это понимание брака постепенно, медленными темпами уходит. Женщины очень приспособляемы ко всяким обстоятельствам, становятся самодостаточными гораздо быстрее. Такая «вумен» скорее захочет родить детей не в браке, жить самостоятельно и иметь необременительные отношения с противоположным полом, мухи и бульон отдельно, дружить организмами. Лучше не иметь официально никакого мужа, чем такого, какой её не устраивает. Недаром в настоящее время так распространены гражданские браки. По старым «совковым» убеждениям мне такие отношения не нравятся. Но есть в них и какая-то логика, особенно, когда женщина обеспечена и независима. Тогда она рассуждает так: «Хорошо? Прекрасно, будем вместе». Нет? Спокойно, без взаимных скандалов, упреков, деления чемоданов разбежались и остались, дай Бог, друзьями. У нас этот процесс замедляется отсутствием жилплощади и общей культуры, а уж тогда!... «Бачілы очі, шо купувалы? Йишьтэ, хочь повылазьтэ!» Причем это относилось как к женскому, так и к мужскому полу. Превалировал также Моральный кодекс молодого строителя коммунизма: семья – ячейка общества (вообще-то правильно, только хорошая се-

мья)! В гарнизонах работы офицерским жёнам, как правило, не находилось. Девушки, даже имея природный ум, интеллект, закидали дома с детьми, с соседскими дразгами, с перемалыванием одних и тех же новостей – все это приводило к душевному опустошению, к постепенной переоценке ценностей. Они начинали заикливаться только на служебном положении мужа, точно высчитывая, сколько монет отмерено супругу за должность, звание, за выслугу лет, за пайковые и вещевые добавки и еще за чёрт его знает за что, когда он должен получить очередное звание и получит ли его... И не дай Бог, если её подсчеты не совпадали с реальностью, мужу не позавидуешь. Хорошо ещё, если женщина по характеру своему активна, понимает и правильно оценивает ситуацию – «держишься на уровне, а то проиграешь», живи полноценной интересной жизнью сейчас – тогда она начинает много читать, идет заниматься не в кружок кройки и шитья, например, хотя и он мне в жизни очень пригодился, в кружки иностранных языков, в литературные, в изостудии. Организация таких семинаров, студий, кружков приветствовалась командованием, вездесущими замполитами, женсоветом. Работа некоторых руководителей подобных занятий и кружков иногда очень скудно оплачивались.

Зато некоторые жены офицеров не теряются в самых сложных житейских ситуациях, быстро приспособляются, многое умеют: белить, красить, клеить обои, забивать гвозди, чинить немудрящую электротехнику – утюги, электро-

плитки, фены, даже сколачивать и расколачивать ящики, сопровождающие военную семью иногда всю жизнь.

Приехав на новое место службы, офицер сбрасывал чемоданы, ящики, детей и уматывал докладываться начальству: «Служу Советскому Союзу!», а жена должна была быстро разобраться с этим скарбом, расставить убогую мебелишку, если таковая имелась, и если ещё было куда её расставить, навести какой-никакой уют, прилагодить своих отпрысков, хоть немного привести в пристойный вид и себя. Потом начинали осматриваться и убеждались, что ничего не изменилось: опять глушь, опять непролазная грязь весной и осенью, резиновые сапоги, опять отсутствие работы, а чаще всего квартиры и таких элементарных благ цивилизации, как воды и электричества.

Чему же удивляться, если, не выдержав этой монотонной серой жизни, многие женщины опускали руки, некоторые опускались сами и превращались в классических гарнизонных стерв, наблюдались даже случаи алкоголизма, а уж об адюльтерах и говорить нечего: от скуки перетрачивались с половиной гарнизона, а потом, сидя на лавочках, обсуждали эти волнующие события. В общем, зеленая тоска, сплетни, дефицит общения, остервенелое поведение в гарнизонных магазинах, т.к. и снабжение в частях не всегда блистало систематической доставкой продуктов, предметов быта и их качеством.

Но ни в коем случае нельзя стричь всех под одну гребен-

ку!

Большинство женщин прекрасно понимали, чем грозит обыденщина закрытой гарнизонной жизни и прилагали титанические усилия, чтобы не утонуть в её трясине. Я видела много хороших, умных, трудолюбивых женщин, только вот руки им некуда было приложить. Знала необыкновенно милую и привлекательную женщину из далекой глубинки, Машу Барлину. Она имела четыре класса образования, доброго и спокойного мужа подполковника, безмерно любившего свою Машеньку. Она рано вышла замуж, рано родила двух сорванцов, успела помыкаться по ещё более глухим гарнизонам, чем Щучинский, но не потеряла ни оптимизма, ни доброты, ни природной интеллигентности. Ведь интеллигентность, прошу прощения за банальность, это действительно состояние души, доброжелательное отношение к людям, умение видеть, найти в них и в их поступках что-то хорошее. Она самостоятельно занималась грамматикой русского языка, читала огромное количество книг и имела словарный запас гораздо больший, чем некоторые дамы с высшим образованием, которым было лень им пользоваться. Работать Маша даже не пыталась устроиться, не хотела лишний раз заполнять анкету, светиться своим четырехклассным образованием и становиться мишенью для остроумных шуток на тему «а читать-то она умеет», особенно когда несла очередную охапку книг из библиотеки.

Вот от неё я и узнала, что в бухгалтерии штаба освобо-

дилась вакансия счетовода у начпррода капитана Фёдорова. Ох, не хотел он меня, такую молодую фифочку, офицерскую жену, брать на работу, категорически не хотел. Прямо-таки клеймо! Вот тут поневоле вспомнишь азовского Юрия с его так возмутившей меня тогда фразой «Знаем мы этих офицерских жён!»! Бедный начпррод небезосновательно предполагал: «Будет тут, понимаете ли, выкаблучиваться, фокусы выкидывать и сбивать с толку молодых офицеров!»

Так мне передавали доброхоты, имеющиеся везде для сообщения неприятной новости, всегда готовые порадовать ближнего «хорошей» весточкой. «Не видать тебе работы, ох, не видать! Зря пойдешь, зря!», – с удовольствием «сочувствовали» они мне, утопая в сострадании и соплях.

И, правда, начпррод, смущенно отвернувшись в сторону, пряча глаза, бормоча нечто невразумительное, отказал мне в трудоустройстве. Видно у бедного капитана был опыт общения с жёнами сослуживцев. «Э, нет!», – сказала себе Галина Александровна. – «Вы меня не знаете!», – и потопала прямым ходом к командиру части. И потом, что я теряю? Это он своим подчиненным командир! А мне? Просто мужчина... Конечно, это было не совсем принято – жене офицера вламываться напролом со своими личными проблемами командир части. Да ну! Свинья не выдаст – волк не съест... Пойду!

Не знаю даже как назвать эту мою черту характера: целеустремленностью или упрямством. Не знаю... Все-таки я, действительно, привыкла доводить всё до логического кон-

ца. Если уж упрусь в стенку и не будет никаких возможностей её долбить ни головой, ни ломом, тогда другое дело.

Было это ранней-ранней весной, и полковник, дюжий украинец, этакий батька-комбат, встретил меня приветливо и почти игриво спросил: «А что это за веснянки к нам пожаловали?» Веснянка, скромно опустив глазки долу, сказала что-де вот слышала, что в хозчасти нужен счетовод и чётко объяснила свою просьбу. Подкрепила ее клятвенным обещанием, что никакого неблагоприятного поведения с моей стороны капитан не увидит, что я привыкла работать добросовестно и ответственно – а чего стесняться, этакое устное резюме! -, что вела бухгалтерские документы, работая в школе (поди, батяня-комбат, проверь!). В общем, умненько и скромно проведя пиар-акцию умильно попросила командира поговорить-попросить с предполагаемым боссом, не упоминая, что босс-то уже мне отказал. Памятуя, что мне с ним, возможно, придется работать, я всё-таки не заложила капитана... Что значит, когда в полку просит командир? – это надо выполнить и всё! Начальник встретил меня хмуро, почти зло, ещё бы! вот настырная зараза! И это ещё, наверное, не самое худшее, что он подумал обо мне, но не высказал вслух, я так справедливо предполагаю. Передал амбарную книгу, груду накладных, здоровенные счета и арифмометр. Да! Арифмометр! Вот вы знаете, что такое арифмометр? Вот! Не знаете! Уже никто не знает! Это первый более-менее усовершенствованный ручной механический калькулятор после абака

и бухгалтерских счет! Это такая объемная трапеция с одной выпуклой стороной в виде дамского бюста, на которой в про-резях находятся шпенёчки, вдоль шпенёчков цифирки и сбо-ку ручка. Арифмометр рассчитан на сложение и вычитание – переводишь шпёнечки на цифры, крутишь ручечку, и-и-и – раз! В окошке появляется результат. Красота! И ещё я научилась складывать и вычитать на счётах. Показал мне это действие сразу лично сам капитан и спросил: «Понятно?» Я кивнула головой и послушно, примерная девочка, ответила: «Понятно». «Понятно?!», – с недоверием переспросил на-чальник. «Да, понятно», – скромно подтвердила нежеланная работница. «Ну, ну!», – недовольно и недоверчиво буркнул работодатель и ушёл.

Ничего сложного в самих подсчётах продуктов, отпуска-емых для кухни, не было, просто надо быть внимательным Солдатик или сам начпрод приносят накладные, ты их раз-носишь в амбарную книгу по наименованиям: мясо, крупы, овощи, мука, потом подшиваешь накладную, а в учётной книге снимаешь количество отпущенных продуктов и пи-шешь остаток на такое-то число. Я была бы не я, если бы не привнесла в простейшие расчеты ноу-хау. Попросила солда-тика сделать мне угольник из широких планочек. С солдата-ми, что приносили мне накладные, я не сварилась, как это делала моя напарница, изображая из себя крутую штабную работницу. Если были какие-то неясности, разбирались спо-койно вместе. Поэтому они тут же принесли мне простейший

прибор, что я попросила, для аккуратного сшивания листов. Подшивая накладные, я равняла их этом угольнике – получалась аккуратная толстенькая книжица, вместо «капусты» или даже масляных блинов, бывших ранее. Остаточек в учётной книге писала остро отточенным красным карандашом, чтобы сразу было видно что, где и сколько. У капитана на складе тоже имелась такая же учётная тетрадь, и в каждые две недели необходимо было делать сверку с конкретными остатками на складе и записью в бухгалтерии. У меня – счетовода и у него – начальника, всё должно было совпадать. Кажется, ничего сложного, но, когда мы в первый раз начали проверять остатки, у капитана был какой-то безысходный и тоскливый взгляд. Уткнув нос в свои записи, он монотонно произносил позиции, а я называла количество остатка.

С каждым ответом он всё более удивленно поглядывал на меня, потом попросил мою книгу и сам стал сравнивать записи. Наконец, отодвинув обе книжки, откинулся на стул и с изумлением произнес: «Сошлось!» Ну и что? А почему бы не сойтись? Весь процесс занял всего 15 минут. Я, собственно, на большее и не рассчитывала, но для Николая Ивановича это было удивительно. Оказывается, даже в таком простейшем учете, как здесь, вольнонаёмные девчата из посёлка так неверно записывали цифры или путали накладные, что бедному руководителю нужно было каждый раз брать амбарные книги и бумаги домой и там разгребать эту писанину, по сути дела, выполнять работу за липового счетовода каждые

две недели.

Теперь он был приятно удивлен, а когда это повторилось дважды, трижды и т.д., он, уверовав в мои феноменальные способности, проникся уважением и предложил делать сверку не каждые две недели, а один раз в месяц. Да, пожалуйста! Хоть в два месяца!

Николай Иванович начинал потихоньку на свою помощницу молиться, у него освободились вечера для семьи и ушла заноза из головы, что при проверке склада комиссией из командира, начальника штаба и замполита что-нибудь не сойдется. Такие проверки изредка проводились. А рядом со мной в маленькой проходной комнате штаба, где мы вели эти подсчеты в накладных, сидела девушка из местных и вела вещевое довольствие у капитана же Кузнецова. Каждую сверку они сидели допоздна и выискивали в бумагах исчезнувшую пару сапог или портянок. Мой же начальник, плотно сбитый, почти толстый (всё-таки начальник продовольственного отдела!), краснолицый и высокий мужчина с широким и уплощенным задом, только довольно крякал, поглядывая теперь уже несколько снисходительно на своего коллегу. Вот только непонятно, почему бы начальству не предложить эту должность любой женщине, жене военнослужащего.

А кто предложит? Нужно самой подсуетиться!

И тут вдруг месяца через 3-4 выяснилось, что мне придется через положенное время отправляться в декретный отпуск. Конечно, я обрадовалась, потому что уже поняла, на

что я могла обречь себя, да и муж всё с большим недовольством интересовался моим состоянием, повторяя с недоумением: «Странно!» А что же странного – целый год организм перестраивался после такой встряски, какую мы с ним проделали.

Я не говорила на работе о моем состоянии, но когда мой животик уже заметно округлился, Николай Иванович стал сокрушаться, что теряет такой ценный кадр, хотя и поздравил меня. Он относился ко мне по-отечески, как к дочери, и, когда однажды я сказала, что окрошки очень «хоща», стал втихаря приносить для меня из теплицы части свежие огурчики для окрошки, которую я поглощала в таких количествах, что булькало в горле. В это время строители уже заканчивали дом для семей офицерского состава – ДОС – и нам пообещали в нем квартиру. Для этого были основания: долго ждали, офицер с высшим академическим образованием (вот именно, Витя в части был единственный с «поплавком» – ромбиком Академии), предстоящее рождение ребенка, опять же супруга работает в штабе воинской части и все такое.

«Милые» гарнизонные дамы, особенно те, кому ничего не светило и которые жили ещё на сельских квартирах, злопыхательствовали: «Подумать только, всего полтора года в гарнизоне, а им уже обещают квартиру! Неизвестно ещё, что у нее родится!» Это же надо, такие слова было говорить и, я уверена, желать беременной женщине, чтобы у неё родилось

«что-то»!

Опять же все эти сплетни передавались только исключительно из «любви» к ближнему и по мере приближения к адресату напитывались всё большим количеством яда.

Так, до меня дошли слухи, что я скопидомка, жмот, женщина хоть и молодая и даже внешне «ничего» (а?), но совершенно не «комильфо»...

Что же под этим подразумевалось? Дело в том, что, приехав на новое место жительства без плошки и ложки, я все наличествующие средства, т.е. зарплату мужа, пускала на минимализованное обустройство нашего быта. Кроме того, нам постоянно шли письма от родителей Вити с самыми различными просьбами: пришлите сахар, обои, мыло, утюг... В Шахтах были уверены, что их сыну-офицеру просто сыпятся банкноты на его лейтенантские погоны.

Когда мы уезжали, то сын предложил присылать им малую толику денег ежемесячно. «Нет, нам ничего от вас не надо!» Но просьбы о посылках съедали наш месячный бюджет почти на четверть. Я исправно покупала сахар, обои, утюг и т.д., паковала, отправляла по почте и даже считала это вполне нормальным – родители ведь. Тем более своей маме я сразу же стала переводить небольшую сумму, она ведь, спасая нас в голодные годы, даже не заработала пенсию. Посылки, переводы – все это превышало наши финансовые возможности... Виктора одевала армия, сама я ходила в своём «приданом», разнообразя его как могла: были длинные рукава –

станут короткие, закрытое платье – теперь открытое, а тут придумаем пикейный воротничок с кружавчиками и такие же манжеты. Вдруг старое пройдет за новое! Нет! Не пройдет, извините! Гарнизонные дамы были гораздо внимательнее, чем я думала. Вот мне и передали их общее мнение о моих потугах придать изысканность ветоши. Передали это в виде известной и злой русской пословицы – «...делает конфетку». Тогда я ещё не умела пресечь неприятный мне разговор или поставить сплетницу на место, или просто сделать вид, насколько меня это не волнует. Но мнение это было не в мою пользу и было в какой-то мере справедливо. Я огляделась и поняла, что действительно хожу в старье. А тут ещё пришло очередное письмо с предложением купить Юлечке (младшая сестра мужа) белого и тогда очень дефицитного капрона на выпускное платье. Это меня доконало. Я, только что выслушав соболезнующий рассказ о моих «нарядах» и какую «конфетку» я пытаюсь из них сделать, была не в очень приятном расположении духа и настроении. Задумалась и разлилась. По горячим следам написала ответ. Всю переписку со своими родственниками муж перепоручил мне, т.к. не любил и не умел писать письма, они получались у него слишком короткими и сухими: «Здравствуйте, как дела, у нас все хорошо, погода хорошая, до свидания». Мой ответ Керзону был лаконичен и, каюсь, может несколько грубоват, но четок – сначала «Здравствуйте, у нас всё хорошо и погода нормальная...», а потом «Когда у меня будет возможность купить се-

бе капрону хотя бы на блузку, тогда мы постараемся помочь и Юлечке». Письмо, как всегда, дала на цензуру Виктору. Прочитал, помолчал... и одобрил. «Отправлять?» «Отправляй!» Но виновата, конечно, осталась скупая невестка, письмо-отказ написала-то я. Переписка на время затихла, а потом возобновилась вновь, об этом инциденте даже не вспоминали, но просьбы прислать очередную посылку практически прекратились.

Я же, на освободившиеся деньги соорудила себе обновку: широкое лёгкое пальто-колокол из тонкого светло-сиреневого драпа. Довольна была безумно, как же! первый самостоятельно купленный наряд! У меня вообще было нечего надеть в том положении, в котором я находилась, а нужно было чуть прикрыть свой животик и ехать в обновке к мамочке.

Только вот мое удовольствие от обновки немного поубавилась, когда мой муж из очередной командировки в Ригу заботливо привез мне в подарок туфли-лодочки без каблука яркого, пронзительно голубого цвета. Виктор решил, что голубой цвет будет прекрасно сочетаться с сиреневым. Я была на самом деле очень благодарна ему за внимание, преувеличенно восторженно приняла подарок, чтобы не обидеть, восторгалась мягкостью кожи и отсутствием каблуков. У меня жутко отекали ноги, что, поверьте, не каждый муж запомнит! Вот он и присмотрел подходящие туфельки, не поленился потратить время в командировке. Я даже надела обновку в дорогу. Витя был очень доволен, что мог угодить беремен-

ной жёнушке своим подарком, но так и не узнал, что я в Ростове скоренько реализовала эти цирковые голубые тапочки. Он просто забыл о туфлях.

Рожать я уехала в Ростов, скорее всего потому, чтобы в метрике у ребенка не поставили «Место рождения г.Щучин». Глупо, может быть, такое непонятное эстетство, но я убедила себя, чтобы не казаться снобкой в собственных глазах, что просто хочу иметь с ребенком общее место рождения. А теперь даже и в масть – моя дочь не уроженка Белоруссии.

Алёнушка родилась большой девочкой, весом в 4100 г и ростом 52 см, для первенца слишком крупноватой. Все обошлось бы благополучно, если бы перед родами я не наелась (налопалась, нажралась) мороженого: вдруг молодая мамаша сразу затемпературила – 37.2 и опять на следующие дни 37,2. Что такое? И начали меня наши доблестные медики мытарить, таскать на разные обследования, анализы вплоть до туберкулезного, искать причины температуры, а пока не нашли, стали колоть (а почему и не поколоть?) антибиотики. Накололи мне их такое количество, самых разных и жестких, что хватило на всю оставшуюся жизнь – теперь мне болеть нельзя, т.к. лечиться нечем – аллергия на антибиотики, а потом уже по моей собственной дурости и на сульфамиды. Когда же они решили на всякий случай!? еще и почистить роженицу и сделали это по-живому, я опомнилась, поняла, что надо выбираться из этого «дома призрения» как можно

быстрее, пока мне ещё какую-нибудь операцию не сделали и что-нибудь не отрезали «на всякий случай», стала сбивать температуру. Через два дня нормальной температуры меня быстренько вытурили из лечебницы. Оказалось, что у меня была банальная ангина, вот в горло врачи и не посмотрели, а пробыла из-за этого я в роддоме почти месяц и настрада-лась ужасно. Антибиотики сыграли свою «положительную» роль в залечивании ангины: уже дома, гуляя с ребеночком, я вдруг закашлялась и выкашляла давно закапсулированные гнойные фолликулы. Это было ужасно!

И Алёнку я принесла из этого «богоугодного» заведения в жутком состоянии: за ушками, под мышками, в паху – везде гнойные пролежни, не мыли ребенка, собаки, и мне не разрешили посмотреть при выписке.

Я расплакалась, казалось, что эти болячки не у малышки, а у меня. Но мама меня успокоила и буквально за два дня привела все в норму, у нас был чистенький, розовенький и толстенький поросёночек. И никакой не «Джонсонс-бэби», а обыкновенное подсолнечное масло, стерилизованное в бутылочке на водяной бане. Да-а! Когда дома мы развернули Алёнку, мама воскликнула: «Вы посмотрите! У неё уже фигура!» И действительно, Алёнушка была удивительно склад-неньким младенчиком даже с наметившейся талией. Наверное, из-за этих проклятых уколов у меня было мало молока, Алёнка не наедалась и, буквально, как маленькая пьывочка, присасывалась к груди, молоко шло пополам с кровью,

девчушечка сама плакала и меня доводила до слёз. Было лето и прикармливать искусственно ребенка не рекомендовали. Совершенно случайно я встретила свою соученицу Валу Манило, у неё тоже была новорождённая дочка.

Мы обрадовались встрече, разговорились, и она стала молочной матерью для Алёнки, а Ирочка, соответственно, сестрой. Впоследствии, по обычаю, как кормилице, я преподнесла Валентине подарок, полдюжины серебряных ложечек.

Появились совсем другие, главные приоритеты: ребенок, его здоровье, самочувствие. Аппетит у дочки был что надо: попробуй задержать кормление, ору не оберешься. Чтобы Алёничик кушала грудное молоко, я два раза в день с колясочкой плелась к Валентине, а жила она далеко, транспорта не было никакого, когда возвращалась домой, нужно было идти обратно, пока не сообразила брать у подруги бутылочку, а на третье и четвертое кормление меня уже самой хватало. Потом пошли прикормки, которые дочка восприняла с восторгом и лопала даже лучше, чем мамино молочко, только давай! Подкормки тоже приходилось делать самостоятельно, в магазинах ничего такого для младенцев не продавалось.

Но себя я тоже не забывала, старалась привести в норму немного пополневшее тело, делала зарядку, вдруг обратила внимание, что девушки подкрашиваются по-другому: появились тени для век, стрелки у глаз, другой мягкий тон губной помады. Все взяла на вооружение и, как мне говорили, расцвела. Не знаю, насколько правду мне говорили, но уставала

я ужасно, хотя и выглядела хорошо. Это потому, что первые 3-4 месяца я была у родной мамочки, которая без памяти любила и своих дочек, и своих внучек. Ведь была еще Галочка-Галюнюшка, дочка моей старшей сестры, которая жила у бабушки и воспитывалась до 12 лет. Мы её обожали, она родилась Люси, когда мне было 18 лет, и я страшно гордилась и радовалась тому, что меня принимали за её маму, когда я с непередаваемой гордостью катила колясочку с прелестным ребенком. Она и правда была прелестным ребеночком: яркие синие глазки, точёный носик, ножки стройные, как основные иглы. Правда и у мамы, и у Люси было свое представление о здоровье и красоте маленького ребенка: они стали раскармливать девочку, чтобы Галюня вся была, как они хотели, в «перевязочках». Особенно на этом настаивала сестра, она приготавливала очень жирную и калорийную еду и впихивала всё это в девочку: густое и сладкое какао, предпочтительно растопленный шоколад, «пюрочку» обильно сдобренную сливочным маслом, свиные котлетки, мясинки (мелко порубленное мясо тушеное опять же на сливочном масле) и т.д. Удивляюсь, как они не посадили ребенку печень. А может, и посадили. Но, опять-таки, я смотрю на это уже как бы с обратной перспективы, а тогда тоже считала, что ох! как надо иметь толстенького упитанного ребеночка, что это несомненный признак здоровья и вслед за мамой и сестрой скармливала своей любимой племяшке все эти блюда. Бедный ребенок отбрыкивался как мог, но напрасно – от нашей

любви ему было некуда деться. Вот это как раз и называется «испытание любовью».

Я с удовольствием вышивала племяннице распашоночки, рубашечки, стирала пеленки, купали мы её с мамой, а потом спеленутую передавали Людмиле, которая с царственным видом, усевшись на кровать, принимала ребенка и прикладывала её к роскошной груди. Галюнька родилась в апреле, когда я ещё училась в Азове, поэтому практически все лето на каникулах я возилась с маленькой племянницей, набиралась опыта. Но этот опыт благополучно забылся, когда через 6 лет родилась ещё одна девочка, Алёничик, которую теперь Галочка любила и даже гуляла во дворе с колясочкой и тоже была горда, что ей доверили такую серьезную миссию.

В Щучине, когда мы приехали уже с ребенком, дом, конечно, не был достроен, мы поселились опять в своей комнатухе и даже нашли местечко для детской кроватки у окошка, благо было лето. Витя опять был в командировке, теперь уже не долгосрочной, в Москве, и притащил оттуда стиральную машину, такую круглую цистерну-дурынду с резиновыми валиками, ручкой для выжимания и высокий раскладывающийся стульчик для дочки.

Я очень позитивно оценила усилия мужа, потому что не всякий бы мужчина корячился бы с этими громоздкими штуками в поезде. И машина, и стульчик пригодились нам уже потом при вселении в вожделенную квартиру в Доме офицерского состава, а пока мы кантовались «у панов» Со-

фы и Михала.

В ту осеннюю пору произошел интересный и непонятный случай: я вывезла Алёнку в колясочке гулять, и во двор забежала соседка, у которой дочка тоже родила мальчонку. Бедный ребенок был покрыт какими-то болячками, струпьями, лишаями, плакал дни и ночи напролет. Золотуха – так называли тогда аллергию. Соседка заглянула в колясочку и давай пританцовывать и приговаривать: «Ой, какая славна дивчинка, да какая чистенька, да какая румянька, да какая гарненька!», – и ушла. Алёнка же действительно была как розовый пупсик и вообще пирожное с кремом. Буквально через минуту мой розовый пупсик, моя доченька залилась слезами, я её стала покачивать, уговаривать, успокаивать – плачет. Внесла в дом, распеленала, может мокренькая, нет, все нормально, может водички хочет, нет, может животик болит, сделала теплый компресс – плачет, аж синеет и закатывается, просто задыхается ребенок. Я сама уже на грани истерики, вижу дело плохо, а что предпринять не знаю. Тут вбегает моя пани Софа с солонкой, шипит сквозь зубы: «Ах, пся крив! Сглазила дитыну клятая ведюга!», – начинает бегать вокруг стола, на котором лежит в пеленках мой уже хрипящий и посиневший ребенок, что-то шептать и разбрасывать соль, потом провела вдоль тельца Алёны от головки до пяточек ладонями, что-то прошептала, стряхнула и так 3 раза. Вы не поверите, плач прекратился и ребенок почти через минуту, как я её запеленала, уснул. Пани Софа ушла, предварительно

отругав меня за то, что я показываю ребенка до года всякой твари. «Это хорошо, что ты её окрестила, а то и сгинуть бы могла!», – напоследок утешительно добавила хозяйка. Вот и, пожалуйста, вот и не верь в разные сглазы, приговоры-наговоры в черную энергетику. Расстались мы с нашими хозяевами по-дружески и потом иногда навещали их.

Жить в гарнизоне сначала мне понравилось: первая собственная жилплощадь, вода в квартире, ванна, правда нагреваемая дровяным титаном, но все-таки не в общественную баню тащиться с тазиком и мочалкой и не в бадьюшке мыться, а в собственной ванной, центральное отопление. Какое, к чёрту, центральное! Наши военные строители опять что-то где-то, то ли не так подключили, то ли не там включили, то ли просто не топили котельную, в доме была холодрыга, тем более вселялись мы осенью на зиму. Приходилось согреть постели грелкой, особенно для ребёнка, ставить в спальне рефлектор и электроплитку, причем, заметьте, все тогдашние электроприборы были с открытыми спиралями – всё равно было лучше, чем у хозяев, как-то выкручивались из проблем, и я даже не простудила ребенка.

С этим открытым огнём произошел смешной казус: рефлектор был близко подвинут к кровати и однажды в интимный момент, в самый его пик, я чувствую, что ватное стеганое одеяло, мое приданое, опустившись вниз, начинает тихо тлеть и пахнуть, причем пахнуть отвратно, как и должна вонять паленая вата. Муж этого даже не заметил, а я, как насто-

ящая нормальная женщина, даже и не подумала сообщить, что мы сейчас, кажется, будем гореть. Вот уж действительно «да гори оно синим пламенем!» Одеяло мы потом дружно потушили, посмеялись, а я его залатала прекрасной заплаткой. В продолжение этого случая: когда в компании мы однажды рассказали об этой ситуации, наш друг так задумчиво и тоскливо произнес:

«Вы молодцы! А вот моя жёнушка в один такой момент вдруг спрашивает у меня: «Слушай, а ты керогаз на кухне выключил?» Во, блин, всё настроение к чёрту упало!» И не только настроение, думаю. Я лично его понимаю.

Когда Алёнке исполнилось 3 годика, я опять стала работать, отдав ребенка в детский садик, небольшой и очень неплохой. Воспитательницы и нянечки, жёны офицеров, дожили своей работой и тщательно смотрели за детьми. Группы были небольшие, дети не болели и с удовольствием ходили в садик.

Алёна в 2 годика прекрасно говорила без этих умильных шепелявостей (кроме «р»), словарь её был разнообразен и, уж, конечно, соответствовал сегодняшнему 4-5 летнему ребенку. Это я не как мама, а как педагог говорю. Но лексика ее однажды пополнилась перлом для нас, так сказать, неожиданным. Кроме того, Алёничик была славеньким, спокойным, покладистым ребенком и редко выходила из себя. Никаких подвохов мы от неё не ждали. Одевала я её довольно мило, исходя из семейного бюджета: шила какие-то модные

костюмчики, юбочки, панталончики из бумазеи, украшенные кружевцами. Однажды я скропала только-только входивший в моду для детей комбинезон (из моей юбки), со строчкой, вышивкой и прочими прибабасами. Значит, одела я её: клетчатая рубашечка, в тон такой же бантик, лакированные ботиночки по наследству от Галюни. В общем, «фату мешковую надела и деревяшки на ногах». Однако получилась картинка! Выпустила гулять, а сама, это было воскресенье, из окна второго этажа с умилением люблюсь на своего ангела в комбинезончике. Ангел сначала садится на сломанный штaketник-забор и усиленно начинает «заводить мотололлел» (папа только что купил сей транспорт, и он тогда, видимо, потряс воображение ребенка). Дергает толстенькой ножкой воображаемую педаль, хватается ручками за поперечную перекладину, напряженно воспроизводит звук заводимого мотора... и поехала-а-а-а, наклоняясь из стороны в сторону «на виражах», не забывая имитировать звук мотора: «Ж-ж-ж...». Это продолжалось недолго. Прокатившись, она решила поиграть с более старшими девочками лет 6-7 и стала так тихо к ним втираться. Те были заняты своими взрослыми играми и даже не замечали малолетнюю втирушу. Как ни пыталась Алёнушка подольститься ко «взрослым», те её не принимали в свою компанию. Наконец, одна из них, отталкивая ангела, говорит тривиальное: «Иди отсюда, дура!» На что оскорбленный ангел невозмутимо бросает: «А ты п... да!», – и с чувством исполненного долга спокойно отходит

в сторону и даже как-то победно отряхивает ладошки. Да, ... я чуть не вываливаюсь из окна, бегу к Вите и заполошенно говорю: «Витя! Витя! Алёнка заругалась!» Витя, любивший конкретность, спрашивает: «Как?» А мне и повторить-то неловко, стыдно. Как это? Никогда в нашей семье подобных слов не произносилось. «Как?», – повторяет педантичный отец. Я, запинаясь, произношу: «На букву п...» Папа сразу усекает и, высунувшись из окна, гувернерским тоном зовет дочь домой. Алёнка, послушная девочка, тут же прибегает, предстает перед родителями, встревоженными и озабоченными проявляющимися дурными наклонностями дочери. Дочь же, хлопая ресницами, вопросительно смотрит на родителей. Папа, откашлявшись и сделав серьёзный вид, произносит сакраментальную фразу: «Алёнушка, ты зачем ТАК (запинается и продолжает), ... ты зачем ТАК... говоришь?» Алёнушка безмолвствует и смотрит на него голубыми глазами. Пауза. Папа продолжает: «Нет, объясни мне, почему ты ТАК говоришь?» Ждём... Дочка явно ничего не понимает... Потом хватается двумя пальчиками за комбинезончик и, повернувшись на носочках, отвечает: «А мне мама класивенькие штанишки сшила!» Всё. Понимаем, что объяснение закончено. Отправляем её гулять. Больше я от неё подобного не слышала. В психологии у детей это называется «затычка памяти». Просто не нужно заострять их внимание на нежелательном эпизоде, и он забудется. По крайней мере, так предполагается у психологов.

У нас сработало...

Подобный же случай произошел уже через несколько лет, когда мы с мужем приехали из заграничной командировки и ужинали в гостях у москвичей в энном поколении, интеллигентнейших людей. Ну что такое гости в Москве – круглый стол, даже иногда самоварчик (он как раз и присутствовал), все яства к чаю, добросердечный хозяин, довольные гости, приятная беседа. Гостеприимный хозяин ведет какую-то интеллектуальную и интересную беседу. Возле стола всё время крутится кошка и надрывно мяучит. Её крутит рядом одуряющий запах колбасных изделий. Бабушка хозяев всё время хвастается своей внучкой Лерочкой, действительно очаровательной девчушкой лет двух. Хозяин говорит, гости внимают, бабушка тихонько ведаёт мне о достоинствах внучки, кошка продолжает гнусить противным мявом. Бабушка, отрываясь ненадолго от рассказов о достоинствах Лерочки, несколько раз отгоняет кошку Шушу от стола: «Шуша! Ну вот наказание! Только кормили! Шуша, отойди, паршивка! Отойди, негодница! Брысь!» Тут очаровательная внучка произносит: «Бись, бять!» Наступает мертвая тишина... Бабушка на грани обморока, но кудахчет, почему-то обращаясь ко мне: «А всё двор! Всё двор! Уму непостижимо! Ой, мне плохо!» Все её пытаются успокоить: и дочь, и зять, и гости. А бабушка пытается выяснить у Лерочки, где и у кого она услышала такое плохое слово. Тут уж я вступаю в эту перепалку и советую бабушке ничего не выяснять у внучки, опираясь на

свой опыт детской психологии. Вероятно такие казусы были во многих семействах.

Мне приходилось браться за любую работу, какая только имелась по месту службы мужа. Кем только я не работала! Бралась, не смущаясь, даже за «ст. экономиста». Но в тот момент я была «инструктором по культурно-художественной работе» при ГДО (Гарнизонный дом офицеров) г.Щучина Белорусского военного округа. Господи! И куда только не заносило! Даже в Рио-де-Жанейро. Но Щучин был далеко не Рио-де-Жанейро, это было уж потом... Работала я инструктором, организовывая различные кружки: драм-музтанц-худ, вечера, лекции, беседы и т.д., приходилось также оформлять стенды, доски почёта, различные объявления, когда «заболевал» наш художник – еврей Ефим с необыкновенно густой и объёмной шапкой волос и длинными-предлинными черными ресницами. А «заболевал» частенько. Поэтому именно у меня, в моем «кабинете», и находились малярные принадлежности. Впрочем, меня это не смущало.

Дом офицеров располагался в весьма живописном месте, на берегу озера, как я уже говорила, в доме какого-то графа «за польским часом», с паркетом, колоннами, пилястрами, широкими лестницами, балконами и люстрами, так что кабинет был вовсе и не так уж плох. Работа моя в основном была вечерами и, если папа не мог Алёнку взять из садика (тогда ей уже было 3 годика, и садик тоже был в усадьбе графа), то я её брала с собой на работу. А там по обстоятель-

ствам: или сажала смотреть фильм – послушная девочка сидела, смотрела и никуда не уходила, или приводила рисовать к себе. Однажды день был не киношный, и Алёнка осталась со мной в кабинете, где я опять из-за «болезни» художника писала афишу очередного фильма. Чтобы ребенок был занят, я дала ей огромный плакат, перевернула его обратной стороной, поставила банку с гуашью. Банки были широкие и вместительные, специально для больших кистей и плакатных перьев. Сказала: «Рисуй! Можешь пальчиком». Из педагогики и методики начального обучения теоретически я знала, что дети больше всего любят рисовать на огромных листах-пространствах и именно пальчиками. Что же практически из этой теории получилось на практике? А получилось вот что: сначала Алёнка, не поверив своему счастью, что-то там выписывала пальчиком, какие-то крендельки (я всё время незаметно наблюдала за ней). Потом, поглядев на меня и убедившись, что мама вроде бы и ничего не замечает, начала более глубоко засовывать в банку уже всю пятерню, выписывать крендельки и загогулины уже в пятикратном увеличении.

Я её спрашиваю, не поворачиваясь: «Что ты, дочура, рисуешь?» Она, высунув от напряжения язычок и ставши коленками на плакат, отвечает: «Кораблик». А почему кораблик она решила рисовать? А потому, что с утра я на неё надела чистенький накрахмаленный фартушек-сарафанчик с сине-белыми полосками, красными пуговками сзади и аппли-

кацией красного кораблика впереди. Вот такие ассоциации и возникли у ребенка – море, кораблик. А гуашь-то была красная! Ладно! Я делаю вид, что всё в порядке. Алёнка начинает макать в банку весь кулачок и прямо-таки с каким-то сладострастным наслаждением размазывать краску по бумаге и по себе. Я свернула это упоительное занятие, правда, сказав, что кораблик замечательный.

Когда я вела дочку домой, встречные вздрагивали. Красная краска оставила на фартучке, на руках и на мордахе дочки ужасные багровые пятна. Какая хорошая гуашь! После этого я прекратила педагогические эксперименты по воспитанию художественного вкуса у ребенка и возвратилась к испытанному приёму – просмотру фильмов. Сажала Алёну в зале, а сама уходила работать на час-полтора.

Вот ведь не боялись оставить ребенка практически одного. А ведь в гарнизоне гораздо больше мужского контингента, чем женского. Какие-такие коллизии могли произойти с малышкой? Разве что с кресла упадет, коленку расшибет...

После каждой кинокартины, игровой, документальной, драмы, комедии, военной, социальной и прочей тематики, на вопрос, какая была картина, довольная Алёнка отвечала: «Смешная-смешная!» Ну, и слава Богу!

К этому же гарнизонному периоду относится весьма интересный момент. Так как моя работа действительно занимала меня вечерами, то получалось, что муж дома, ребенок дома, а мама, видите ли, то на литературном вечере, то на танце-

вальном вечере, то в драмкружке, то инспектирует, играет ли оркестр, с мольбою отпущенный у командиров частей. И за ними нужно смотреть и смотреть – ничто человеческое солдату не чуждо. Потому что, если вдруг мои музыканты возвратятся позже или, не дай Бог, даже с подозрением на запах алкоголя, то ведь в нужный момент на концерт или в оркестр их не отпустят, и мое организационное мероприятие сорвется. Сейчас я понимаю, что можно было и не так рьяно инспектировать – солдатики были безумно рады оторваться в любой драм-муз-танц коллектив и ни о каких запретных запахах не помышляли.

Да. Тогда служба обстояла именно так. А как ретиво командир части, полковник Головошук, проверял внезапно и неожиданно раскладку «вложение» в котле. Ого-го! Ну что это я о котелках... В общем, 2-3 раза в неделю мама регулярно работала, но, по мнению папы, развлекалась. Поэтому иногда, уложив дочку, папа тоже являлся на вечер, где мне не только развлекаться, а и оглядеться было некогда. Концерт, самодеятельные артисты, магнитофон, доморощенный оркестр из незаменимых солдатиков – люстры сверкают, графский паркет натерт, музыка гремит, погоны блестят, офицеры кружатся в вальсе. Галина Александровна с застывшей улыбкой, аж скулы сводит, всё же успевает раз другой проплыть в вальсе. Но редко – некогда. А папа скучает.

И, надо сказать, что была у нас в гарнизоне одна Шурочка (может, и не одна). Однако эту Шурочку все мужчины знали.

Очень миниатюрная женщина, как говорят военные, мелкокалибра, со славненькой кошачьей мордочкой и новинкой по тем временам – химической завивкой на белокурых волосиках. Рядом с ней любой плюгавенький мужичок выглядел богатырем. Эту Шурочку жлобы-мужики рекомендовали вновь прибывающим холостым офицерам как приятную во всех отношениях женщину. Супруг её во внимание не принимался, то есть он вроде бы и был где-то в наличии, а вроде бы и нет. Во всяком случае, гарнизонные жёны были настороже.

Продолжается вечер, танцы в разгаре, мой Витя приглашает Шурочку, танцует и, как джентльмен, отводит её на место и, как верный муж, неохотно возвращается к сильно озабоченной своими инструкторскими обязанностями супруге, то бишь ко мне. Я занята и мельком говорю: «Ну что ты, иди, потанцуй!» Радостно встрепенувшись, Витя идет приглашать Шурочку; Шурочка кокетничает во всю и прижимается к партнеру. Партнер не против, а наоборот, проводив даму на место, остается на этот раз возле неё. Я занята, но всё вижу. Следующий танец. Мой муж и Шурочка, освоившись, весело, кружатся в вальсе, в общем, раскрепощены и резвятся, весело хохочут. «Белый танец!», – объявляю я в микрофон. Шурочка с нежной завлекательной улыбкой на устах приглашает нашего папу. Папа, не менее нежно ослабившись принимает её в объятия. После танца Витя, поблагодарив партнершу и, видимо, вспомнив, что он-то

здесь всё же не один, подошел ко мне с отсутствующим видом и с каким-то пустяковым вопросом. Я начинаю ему долго и пространно объяснять по теме вопроса. Оркестр объявляет: «Старый и вечно юный вальс...» Витя, не дослушав моих объяснений, поворачивается ко мне спиной и один из первых через круг блистающего навощенного паркета, в котором отражается огромная хрустальная люстра, направляется в противоположный угол зала приглашать Шурочку. Когда он находится прямо под люстрой, я беру микрофон и говорю на весь зал: «Витя, ты куда?» Витя от неожиданности останавливается, как по команде «Стой!», причем резко, как стреноженный, потом поворачивается – круго-о-ом! И сомнамбулически возвращается обратно. Зал взрывается хохотом. Витя смущенно бормочет: «Ну, чего ты, Галюня?» Галюня очень даже хорошо поняла «чего». Всё. Инцидент исчерпан. Я меньше усердствую с занятиями по вечерам, Витя больше не танцует с Шурочкой.

Всего в белорусском местечке мы прожили более пяти лет. Становилось всё тоскливее и тоскливее: одни и те же люди, одни и те же беседы, одни и те же интересы или, скорее всего, отсутствие таковых.

Это ещё хорошо, что я худо-бедно работала, Витя поддерживал меня в стремлении трудиться. Здесь же я решила получить высшее образование (давно пора!), всё равно время бездарно проходит, и совершенно без труда, обычно учебники дочитывала уже в автобусе, поступила в Гродненский

педагогический институт им. Я. Купалы. Маленький ребёнок, работа, учёба, муж – всё делало меня настолько занятой и, к счастью, отвлекало от гарнизонных дразг, хотя и навесило кличку гордячки и высокомерной особы.

Однажды Витя почти с упреком сказал мне, что женщины не понимают меня (чем уж она так чванится?) и обижаются, что я их игнорирую и никогда не остановлюсь, не посижу с ними на лавочке и не побеседую. Да ничем и никогда я и не чванилась, всегда считала такое поведение недостатком культуры и старательно избегала подобных вывертов как высокомерие.

Но тут уж я вскипятилась и двинулась на мужа как танк, спрашивая, знает ли он, о чём в последнее время с жаром толкуют и обсуждают женщины на лавочках у домов, что является основной темой беседы?

«Ну, не знаю, что я с ними говорил что ли?», – растерянно пожал он плечами. Я же со злостью заорала: «А ты поговори, поговори! Тогда узнаешь, что они выясняют! Узнаешь! Узнаешь! Обсуждают, правда ли, что в Америке изобрели механический или электрический (?) член и, если так, то как же им пользуются: прикрепляют его к мужу или одной можно удовлетворяться!»

Я специально четко озвучила название прибора, пусть мужёк обалдеет, ибо щадящее наш слух лицемерное название машинки «вибратор» в нашу глубинку еще не дошло, но животрепещущая суть-то осталась!

Уж больно меня муж достал своими наставлениями, что нужно быть «как все». Чисто советское выражение – «будь как все», как оно меня злило! Витя ошеломленно отодвинулся от меня, ничего не ответил, даже не сделал замечание о злобной грубости моих выражений, но, кажется, он мне не поверил, по тем временам это было слишком нелепое предположение – «вибратор!» что за чушь! Больше разговоров о том, что нужно быть «такой как все» долго не возобновлялось.

«Скромнее надо быть». Что значит «скромнее»? Одеваться во все серенькое, немаркенькое, незаметное? Нет! Не хочу! Не надо!

Мне нравились и нравятся наряды, иногда экстравагантные и неожиданно опережающие моду. А вот скромность – понятие относительное, надо просто уверенно носить самые авангардные вещи, а для этого нужно быть уверенной в себе. Что бы ни утверждали строгие пропагандисты-моралисты насчёт «содержания», которое важнее «формы», все-таки сначала заметят «форму», как в старой умной пословице «встречают по одежке»... А там уж видно будет, соответствует ли одно другому. В некоторых жизненных ситуациях как раз важно, чтобы сначала заметили, а там уж демонстрируй, что желаешь. А то без нужной формы, но со своим богатым содержанием будешь стоять в сторонке и не «питюкать».

В принципе, я и была самой обыкновенной «как все», но замотанной женщиной и просто не имела времени обсуждать

такие волнующие и занимательные темы как американская новинка. Нет, правда интересная, хотя я тоже не верила в подобную нелепость, как электрический... , но будь у меня побольше свободного времени, поговорила бы и обсудила такую животрепещущую тему, такую «нелепость», с удовольствием, а вдруг действительно существует! Обычно я не придавала особого значения сплетням и слухам, только если это не было что-нибудь из ряда вон выходящее, ну, например, вот такое, «о механическом члене». Какая из женщин не заинтересуется подобным феноменом?!

И потом, наверное, я – эгоистка, т.к. мелкие подробности жизни знакомых меня занимают мало. Особенно меня донимают люди, считающие, что, показывая домашний фотоальбом, они развлекают гостя. У меня начинает сводить скулы от внутренней зевоты, когда хозяйин, а чаще всего хозяйка, с умилением говорят: «А это вот Сашеньке-Машеньке-Дашеньке полгода, а вот уже два, а вот мы на Кавказе, а здесь я в детстве, правда, очаровашка? (О! Да, да, прелесть!). А вот это... смотрите, смотрите... Сашенька в ванночке, вот Дашенька на горшочке, а это двоюродная сестра тети сводного брата моего мужа от третьего брака...» Учитывая, что для меня самым лучшим отдыхом было чтение занимательной книжки – а время для этого упоительного занятия нужно было выкраивать -, я редко вслушивалась в гарнизонные новости. Потом, слава Богу, я работала, потом параллельно ещё и училась, мой муж был буквально помешан на соблю-

дении режима питания, уже была маленькая Алёна – у меня действительно не оставалось времени на бессмысленное перемывание чужого белья, свое бы вовремя простирнуть! Не то, что я не хотела общаться с гарнизонной общиной, с женщинами. Я как раз часто разговаривала с Марией Тимофеевной Прокшиной, её муж капитан Игорь Николаевич тоже работал в Доме офицеров, и мы с ним вместе «несли культуру в массы», с Машей Барлиной да и с другими, но обсуждать «кто, что, с кем, когда и каким образом» мне просто не доставляло удовольствия.

А еще мой муж всегда говорил-требовал, чтобы я «не умничала», он имел в виду юмор. Я, например, и над собой могу с удовольствием посмеяться и над другим подтрунить. Но, моя манера шутить может не всем понравиться, это правда, потому что мои комментарии мне-то кажутся забавным, но они никогда не бывают злыми или циничными, и, как мне кажется, никого не должны обижать, т.к. я подобным образом иронизирую также и по поводу своей личности. Это действительно шутки! Никакого мрачного или ядовитого сарказма, только ирония – это ведь уже веселее... Другое дело, если у человека отсутствует чувство юмора и присутствует комплекс самоутверждения, тогда он совершенно безобидную шутку может воспринять как оскорбление. Ну, тогда это его проблемы. А в гарнизонах и шутки были армейскими и темы для разговоров были одинаковыми. Однообразие и скуку своей жизни люди восполняли перемалыванием вся-

ческих мелких событий и дразг.

Разжевывались самые нелепые слухи и новости, долетавшие до нашего глухого уголка. В основном же обсуждались местные новости: кто получил новое звание или получит, что купила мать-командирша и где именно, кто сшил новое платье и идет ли оно ей или как корове седло (чаще приходили к последнему выводу), кто на кого многозначительно посмотрел, кто с кем переспал или собирается... Заторможенность мысли, пошлые шутки, недаром они называются «армейские», старые и часто скабрзные анекдоты, иногда даже не договаривавшиеся до конца по причине узнавания с первых фраз. Меня на подобные эскапады не тянуло... Ну, скучно и плохо, очень плохо и очень скучно! В закрытых коллективах часто возникает возможность увязнуть в большой и тягучей скуке и совершению нелепых поступков от этой же скуки, обычно самых низменных и бессовестных. Именно бытие определяет сознание! Постепенно накапливалась усталая досада, что время проходит таким бездарным образом.

Конечно, это случилось не сразу: новые впечатления от самого замужества, интерес обустройства, новые места, как ни говори, радостное событие – рождение ребенка, но к пятому году жизни в гарнизоне я уже ясно понимала, насколько рутинная здесь жизнь и ничего нового в сущности мне не светит, если только не переезд в новый гарнизон, а ведь там то же самое... Сколько же я еще смогу сопротивляться это-

му болоту? Пока понимаю, пока молода, пока есть работа и я постоянно занята? А потом? Становилось неуютно, я считала, что преувеличиваю и отгоняла подобные мысли усилием воли.

Почему-то все считали и считают меня сильной и волевой женщиной. Они ошибаются. Мне просто часто приходилось вопреки себе, собственному характеру, принимать решения, разруливать какие-то жизненные ситуации быта, здоровья, работы, учебы и т.д. Но как мне хотелось, чтобы это за меня сделал глава семьи! Чтобы я почувствовала себя «ЗА МУЖЕМ», «за каменной стеной», хотелось быть слабой и беззащитной. Ни фигашеньки! То «будь как все», то требуют от тебя чисто мужских поступков и обязанностей.

Вот и возникали недоразумения, и я всё чаще решала возникающие проблемы самостоятельно, а если ошибалась, то получала по первое число. Как результат: чтобы избежать конфликтов в семье, стала понимать, что лучше не делиться с мужем ни успехами, ни неудачами.

Виктору, впрочем, было не до бытовых проблем. Он был по горло занят и своими воинскими обязанностями инженера-ракетчика, и, как и все офицеры, часто находился сутками «на точке» – на непосредственном дежурстве на командном пункте возле ракет. В один из таких моментов приехали штабные из округа для перевода нескольких офицеров в другую часть, в распределение группы Советских войск за рубежом, в частности, в Венгрию. Эта была голубая меч-

та каждой семьи военнослужащих – попасть в страны демократического лагеря! Штабные назвали фамилию Курьянова, как единственного офицера с высшим военным образованием, но подсуетившийся коллега сообщил, что Курьянов-то на точке, очень апатичен и вообще не собирается от любимой ракеты никуда уезжать, а вот-де он лично готов послужить Родине на трудных заграничных рубежах. А что? Пожалуй! Можете и вы послужить. Штабным нужно было выполнить план да и домой баиньки. В общем, товарищ подложил большую подлянку своему другу и брату и стал вместо него паковать скарб для отъезда за границу. Курьянов, конечно, очень расстроился, т.к. понимал, что теперь, как ракетчик, может в ближайшем будущем загреметь в самую что ни наесть дыру: север, юг, восток, тоже около границ, т.е. еще хуже Щучина.

Но не бывает худа без добра. Ангел-хранитель спас нас от перевода в Венгрию, ведь всем известны страшные венгерские события. Это было бы гораздо хуже, чем любая наша граница...

И вдруг, буквально через пару месяцев, надо же такому случиться, мужу предложили учиться в Академии государственного разведывательного управления: подходило всё – возраст, партийность (а-а-а... я ведь тоже вступила в Щучине в КПСС и была горда непомерно, честное слово!), образование обязательно высшее, опыт работы в части, семья, моральный облик. У моего мужа были все данные, вплоть до

самого высочайшего морального облика, у семьи тоже, жена тоже была скромна и моральна, даже повышала свой образовательный уровень! Нас переводили в Москву!!! Счастливы мы были безмерно.

Правда, сначала мы должны были перекантоваться пару-тройку месяцев в Минске при штабе (а вдруг офицер по каким-то параметрам не подойдет?), а потом уж пожалуйста в московскую академию.

МИНСК – интересный

Нам предоставили служебную однокомнатную квартиру на первом этаже по адресу ул.Одоевского д.1 на окраине города с прекрасным видом на кладбище. Но, Боже, какие это пустыки! Свой домашний уют хоть на год, даже центральное, на самом деле центральное, без дровяного титана, отопление и ванная с горячей водой! Первое время я принимала душ и ванну по два раза в день, что, собственно, и надо проделывать, а не, как всегда, в четверг.

Мы тут же приобрели удобную широкую тахту Минской мебельной фабрики, которая прослужила нам верой и правдой более 35 лет, и черно-белый телевизор «Рекорд». Уют состоялся, мы были в радужных надеждах и вообще в полной эйфории.

Алёнушку забрала с удовольствием мама, а уж Алёнка прямо таки вцепилась в бабушку, которая в это время была у нас в Щучине, чем очень её растрогала, бабушка видела, что маленькая лапочка-внучка её полюбила. Что же удивитель-

ного – моя мама, повторяю, безоглядно любила своих вну-чек, а дети это, ох, как чувствуют!

Нам объяснили, что Витя побудет в штабе округа в Минске, сдаст там какие-то экзамены на грамотную устную и письменную речь (рапорты и донесения, видно, писать без ошибок!), потом поедет в Москву, там на него посмотрят, потом уж, Бог даст, и жену можно вызвать. Такое частое си-то было для того, чтобы посмотреть, не стукнет ли по голове полевым офицерам свобода после гарнизонной житухи и как они будут вести себя, не закрутит ли их вольница городской, по сути дела, штатской жизни. Некоторых все-таки разворачи-вали назад. Да и проверяли нас все КГБешные службы до седьмого колена. Кто выдержит, тот король! Я не сомнева-лась, что Витя выдержит и будет, если не король, то уж хотя бы кузен короля, а я не подводила его никогда – не подведу и теперь. Поживу в Минске, естественно буду вести себя мо-рально-морально, скромно-скромно.

Ради Бога, буду «как все», найду себе работу – уж в горо-де-то, надеюсь, смогу работать по специальности! Год прой-дет незаметно, тем более, если открываются радужные такие перспективы, это вам не Венгрия, товарищи!

Мы решили, на всякий случай, проверить, насколько Витя не забыл русский язык и написать диктант. Показатель гра-мотности был ужасающий: диктант, правда, выбрали очень сложный, я буквально напичкала его самыми трудными пра-вилами, ошибок оказалось великое множество и еще чуть-

чуть. Вот что значит не читать, не писать и жить в Тьму-Таракани возле своей обожаемой ракеты. Но самое интересное то, что Витя моментально вспомнил грамматику и второй, а потом ещё один, а потом следующие диктанты написал вполне на уровне его школьного «золота», которое он заслуженно получил в своей спецшколе. Вот что значит хорошее обучение в СССР и не купленная медаль! Это очень помогло ему выделиться в группе при проверке грамотности офицеров. Один абитуриент, например, написал: «он зачесал волосы НА зад», и таких ляпов было множество.

Витя поехал в Москву в очередную академию, а я осталась в Минске.

Конечно, я сразу же пошла в РАЙОНО, где меня приняли с распростертыми объятиями и предложили работу в школе, но, правда, очень далеко, почти в центре, так что мне приходилось утром пѣхать до автобуса, штурмовать его, трястись около получаса, а уж потом минут пятнадцать добираться до школы. Но я была всё равно очень довольна, какие пустяки! Не нужно было выпрашивать работу, можно заниматься делом, которое я знала и любила, и, главное, я была в городе! Могла пойти в кино не на тот фильм, который присылали по разнарядке, а выбрать понравившейся. Могла, наконец, посетить театр, а не самой развлекать гарнизонное общество самодеятельностью. Что ни говори, хоть нашему драмколлективу при Доме офицеров в Щучине на смотре народных талантов в Минске и присвоили звание «Народный театр»,

все-таки самодеятельность, хоть самая наиталантливейшая, она и есть самодеятельность. И потом, наконец, исчезло ощущение замкнутого пространства и лицезрение одних и тех же лиц, слушание одних и тех же разговоров. Будучи только год или полтора в Минске, я полюбила этот город и его жителей, приветливых и добродушных.

Белорусы даже по их историческому названию, конечно, принадлежат к славянской расе, но то, что Минским княжеством сначала владели половцы, кстати, предполагается – предки русичей, в частности, «князь» Всеслав Брючиславович и его многочисленные жадные потомки упоминаются уже в летописи XI в. Все перипетии коварных и нелепых войн князей за владение белорусскими землями описываются и в «Слове о полку Игореве». Помню, это произведение в 8 классе произвело на меня неизгладимое впечатление, проняло до слёз – так смогла наша учительница донести до максималистски и скептически настроенных подростков основу «Слова» – любовь к Отечеству, необходимость его защиты, словом, то, что называется патриотизмом.

Геополитически удобная белорусская земля постоянно переходила от князей половецких из рук в руки то к Киевскому, то к Литовскому, то к Польскому княжествам. Русские и шведы тоже были не прочь попользоваться плодородными землями и прямой дорогой через Минск в Европу. Однако, в конце концов, Российская Империя в лице Екатерины Великой присоединила Минск и всю Белоруссию к Рос-

сии. На то она и Империя, на то Екатерина и Великая. На Запад не оглядывалась и даже не знала такого нелепого слова как «политкорректность».

Белорусы вообще очень спокойный, доброжелательный народ, и коллектив школы не был исключением. В школе меня приняли без неприязни, по-дружески, класс, как новенькой, конечно, попался не супер-пупер: в середине года его покинула старенькая учительница, которая уже давно перешагнула свой пенсионный возраст. Детишки почти как в первый год моей педагогической деятельности были великовозрастными и маленько подраспустились. Но мне совсем не трудно было привести их к норме: перво-наперво – дисциплина, а уж потом совсем просто. Как-никак, а опыт работы в учительском коллективе у меня имелся, да сама уже повзрослела и, если что, в обиду бы себя не дала бы. Этого и не потребовалось: коллеги были милые и немного по-фигистически настроенные люди. Просто, как в старом анекдоте: если на сиденье стула под русским окажется гвоздь, он встанет, выдернет его, выбросит и выругается, под украинцем – тот выдернет гвоздь и положит себе в карманчик, авось пригодится, если под белорусом, то он встанет, посмотрит на него, потом сядет и скажет: «А можа так и далжно быць!».

Уставала я даже не от работы, а от хождения по театрам, кино и музеям. В Минске были превосходные театры: Национальный Академический театр им.Я.Купалы, Национальный театр оперы и балета, Драматический. В них выступали

как местные труппы (прекрасные артисты!), так и приезжающие на гастроли из столицы и других городов. Спектакли в местных театрах велись и на белорусском, и на русском языках. Слушать Шекспира на «беларускай мове» русскоязычному человеку было прикольно!

Ездила я и в Хатынь и возвратилась оттуда потрясенная. Я думала, что мой Ростов, дважды осажденный, был самым разрушенным и обескровленным городом. Да, это так, но ведь всю Белоруссию надолго подмял под себя ужасающий каток войны, практически все четыре года.

Во все века через эту многострадальную землю пробивались на Русь французы-немцы-шведы. Все кошмары оккупации сначала принимали на себя белорусы.

Вот, побывавши в Хатыни, я вдруг поняла, что пережил этот народ. Комплекс имеет планировку бывшей деревни Хатынь. В марте 1943 г. 149 жителей этого села, из них 75 детей, фашистские каратели согнали в сарай, а потом и 26 домиков этого сельца сожгли подчистую, сожгли просто так, обозленные отступлением. На пепелище остались лишь три березы – символ продолжения жизни и непокорности врагу. Спасся один человек, кузнец, который в это время был в лесу. Его фигура в бронзе с мертвым сыном на руках, кладбище деревень, мемориальные знаки на месте бывших колодцев (ведь их тоже забрасывали трупами людей, мирных людей) – все должно напоминать нам, какая была война, страшная, мерзкая, мучительная!

Уходишь оттуда под мерный звон колоколов и со слезами от проникновенных слов на братской могиле послания-наказа мёртвых живым. Уходишь и понимаешь, как все наши сегодняшние простые мечты, стремления, тряпки – как все это мелко и несущественно.

Такие же чувства у меня возникли после просмотра фильма «А зори здесь тихие...». Один из немногих фильмов, который по впечатлению сравнился с книгой.

Мемориал «Хатынь» – один из наиболее сильных по эмоциональному воздействию памятников Великой Отечественной Войны, такой же, как Пискаревское кладбище, как Мамаев Курган, как мемориал в Ростове-на-Дону – Змеёвская балка.

Может, действительно планетарные катастрофы, землетрясения, войны, пандемии, уносящие миллионы людей и искусственно созданную систему жизнеобеспечения, являются уроком для оставшихся в живых. Победили, или почти победили, холеру, чуму, оспу, научились лечить сифилис – вдруг появились другие жуткие вирусные заболевания! Сколько раз доказано, что войны – не решение проблем! Нет, давайте поубиваем инакомыслящих, инаковерующих, с другим цветом кожи. Если так и будет продолжаться, то человечество, загадив свой дом, несомненно погибнет, несмотря на все технические ухищрения. Грустно все это, господа! Грустно!

После поездки в Хатынь я долго была в прострации и

никакие увеселительные заведения не посещала. Посмотрела спектакль Белорусского драматического театра «Чатыра крыжы» – «Четыре креста», и это тоже не прибавило мне настроения. Спектакль-предупреждение об опасности ядерных исследований и вообще об опасности так называемого «мирного атома». Пьеса по своей теме, мне кажется, была однотипна с будущим фильмом «Девять дней одного года».

Окунулась в работу, время шло быстро. Съездила в Ригу, послушать орган в Домском соборе, этот город тогда был полузаграница. Но через несколько месяцев уже заскучала по мужу, по дочке, стала считать дни до встречи со своими дорогими домочадцами. Мне уже не хотелось развлекаться одной, хотя после Щучина я впервые почувствовала, что больше никогда не захочу испытать все прелести гарнизонной жизни.

С учителями в школе, с моими молодыми коллегами, мы настолько сдружились, что при увольнении они мне даже преподнесли подарок – совершенно замечательный и дорогой маникюрный набор (немецкий, извините, импортный!), который очень долго выручал меня в экстренных случаях.

Я продолжала свое заочное обучение в Гродненском пединституте, где тоже оказались очень милые и доброжелательные люди.

Как и в педучилище, мне достаточно легко было учиться: свои работы я отсылала в срок, писала их грамотно (а в Москве стало так совсем просто: библиотеки, справочники,

компиляция!), оформляла аккуратно, даже с долей некоторой изысканности, поэтому мне их ни разу не возвращали на доработку. Да и не в правилах института было возвращать работы, это если уж они совсем никакие. Возвращать – значит, еще раз перечитывать наши изыски, это, знаете ли, себе дороже.

Кроме того, на заочное отделение люди поступали по необходимости, а не от мысли как у меня: «Не получить ли мне высшее образование, а то в анкете как-то неудобно писать «среднее специальное?». Большинство студентов были люди старше моего возраста или даже старше – завучи и директора средних сельских школ. У них не было альтернативы: либо повышай свой образовательный ценз, либо освобождай престижное место молодому коллеге. Тем более учиться можно было до окончания века, хоть до пенсии: повышаешь профессиональный уровень. Повышаете? Повышаю! Вот и лады! – работай дальше. Там я подружилась с замечательной женщиной Зиной, жительницей Гродно. Мы образовали дружный тандем при сдаче экзаменов: преподаватели сами были очень заинтересованы в успеваемости студентов, им ведь тоже не хотелось по несколько раз приходиться на передачу зачетов и слушать очередную ахинею великовозрастных учеников, поэтому они чаще всего заранее давали нам билеты с вопросами экзаменов, хотя это и не поощрялось.

Мы виртуозно писали к ним шпаргалки, разделив попо-

лам наш труд, а потом нужную запись не менее виртуозно передавали друг другу.

При написании шпаргалок ведь тоже многое заучиваешь, чаще всего и передавать ничего не нужно было, в принципе материал был знаком, все имели опыт работы, нужно было просто развить тему, а уж с развитием темы у меня проблем не было, добавить немного вновь приобретенных знаний – и все.

На семинарах мы успешно трудились, садились в первые ряды, вдумчиво и преданно смотрели на педагогов, записывали все лекции, ни одного занятия не пропускали, иногда задавая умненькие вопросы, чтобы лектор мог запомнить студенток-интеллектуалок и сам продемонстрировать свой интеллект. Своей добросовестностью заслужили уважение преподавателей, нас выделили из общей массы и часто ставили зачеты автоматом.

По мере возможности мы помогали нашим коллегам, а они – нам, на курсе царила обстановка взаимопомощи и взаимовыручки. Несмотря на то, что институт был белорусским, преподавание велось на русском языке и студентам из сельских школ было очень трудно адаптироваться к языку «старшего брата», поэтому я с великим усердием помогала им на занятиях, проверяла работы и исправляла ошибки. Сокурсники и меня не оставили в беде: для очистки совести администрации белорусского ВУЗа и для отчетности какое-то количество в сетке учебных часов отводилось и на изучение

родного белорусского языка, его тоже нужно было сдавать устно и письменно. На первый устный экзамен вместо меня пошла другая студентка (нас ещё не знали в лицо, а зачетки были без фотографий), а уж потом стало потруднее – письменные работы мне могли исправить, а вот на устных я несла такой бред, что наш преподаватель, толстый благодушный белорус, только похохатывал, колыхаясь всем своим тучным брюшком, и утирая слезы, говорил: «Да идзиця жа вже, идзиця, Курьянова!» Но зачёт мне всё-таки ставил. Однажды он предложил написать на доске и перевести примерно вот такое предложение: (уж теперь не ручаюсь за правильность «белорусской мовы») «Малэнькы конік скача па лугавіні».

Я совершенно спокойно и уверенно «перевожу»: «Маленькая лошадка скачет на лугу». А что? Очень похоже и как будто верно! Ох, и насмешила я всех! Ничего подобного! Это – «Маленький кузнечик прыгает в траве». Смеялись все: и учитель, и студенты.

Замечу, что это был не злорадный, торжествующий смех моих «милых» соучениц в педучилище, когда я не сумела спеть гамму, а искреннее веселье и впоследствии желание помочь. Меня потом долго называли «вэлыкі конік» – большой кузнечик.

У студентов были большие проблемы и с иностранным языком.

В то время, когда мы учились, в средних школах превалировал немецкий язык. С немцами мы якобы дружили, пакт о

ненападении был в своё время заключен. Во время войны, а после тем более, приветствовалось знание именно немецкого языка. Он считался международным. В городах-то ещё были профессиональные учителя, которые научили нас кое-каким правилам, небольшому словарному запасу, умению читать, писать. Сам язык, как таковой, мы, конечно, не знали, т.е. говорить на нем не умели, но в анкетах на вопрос, каким языком владеете, нагло писали вот уж точно как все: «пишу и читаю со словарем». В принципе, это так и было, соответствовало действительности: мы могли прочесть нетрудный текст, могли бы перевести (со словарем) и написать.

Но какая ситуация была в сельских школах? Там физику мог преподавать физрук (по созвучию слов), а иностранный язык тот, кто хоть немного разбирал текст и мог произнести без ошибки «guten tag» и «aufwiedersehen». Конечно, весь этот брак в преподавании откликнулся на сельских студентах: ну, вот представьте, если человек вообще не знает даже алфавит, как произнести ch, sch, дифтонги, может он что-нибудь прочесть? Могу ли я что-нибудь прочесть на английском языке или на французском? Нет, конечно! Так и с немецким в гродненском институте. О переводе лучше не вспоминать. На беду нам попалась молоденькая и нетерпимая учительница, этакая томная и утомленная жизнью рафинированная горожанка. Она, видимо, очень гордилась своим знанием иностранного языка и устало презирала тех, кто подобными знаниями не обладает, тем более такую шуше-

ру, как сельские студенты-заочники. Придя на занятия, она в расслабленной позе садилась за стол и снисходительно-пренебрежительно роняла: «Ну, что ж! Идите опять Вы, что ли, к доске, Курьянова! Пишите...» Бойко постукивая мелом, я писала тему семинара и простенькие задания, чувствуя себя очень неловко под восхищенными взглядами группы: «Во чешет!» Из-за того, что все меня считали «профи» и почти полиглотом, мне приходилось волей-неволей каждый раз тщательно готовиться к семинару, чтобы не подвести группу (а группа очень гордилась тем, что в ней учится такой «знаток»), выполнять задания и перевод задаваемого текста. Специально для ребят делала письменный перевод отдельно, а себе рядом с текстом выписывала словарик и пользовалась им во время занятий, что разрешалось и приветствовалось нашей томной дамой. Происходили смешные казусы: водя по строчкам пальцем, студенты судорожно пытались следить за обоими текстами, часто пропускали слова и целые предложения, но шпарили русский перевод подряд, отставая или перескакивая на 1-2 предложения немецкого текста. Тогда преподавательница, падлюка, опять манерно закатывала глаза, прерывала их и давала «советы»: «Ну, я же разрешаю вам пользоваться словарем, вот как Курьянова пользуется, почему вы списываете?» Мне опять становилось неловко, теперь уже за учительницу, вот ведь стерва! она не понимает, что ли, что ребята и читают-то с трудом, и я удваивала усилия помощи.

Один особо настырный 40-летний директор деревенской школы возмущался и всё допытывался у меня, зачем нужны глаголы связки: «Почему нужно говорить не просто «Ich Schuller», а «Ich bin Schuller»?»

Что за чушь? Ведь можно сказать «Я – ученик», а «Я есть ученик» это ведь неправильно!» Да так привязался, как будто я составляла грамматику немецкого языка и нарочно поставила проклятые «bin, bist, ist». Впрочем, даже у этой томной молодухи все получили «удовлетворительно», а мне, и заодно Зинке, она просто взяла зачётку, написала «зачёт» и велела не приходить на экзамен, проставив сразу «отлично». Так что, проявив себя положительно на занятиях, мы с подружкой иногда освобождались от проверок на экзаменах. Правильно говорят: сначала работаешь на зачётку, а потом зачётка работает на тебя.

Самыми ужасными предметами для всех были история КПСС, марксизм, диалектический материализм, исторический, эмпириокритицизм и разные прочие «измы». Времени от профилирующих предметов они отнимали много, никто ничего не понимал, не мог запомнить и повторить бессмысленные, на наш взгляд, сочетания слов. Вот здесь мы были все в одной лодке, но ни один не высказал возмущения по поводу изучения этих самых «измов», только кряхтели и при сдаче зачетов всю пользовались так называемым вспомогательным материалом: справочниками, политическими брошюрами и практическими учебниками, они со-

вершенно открыто, как, якобы, справочники, лежали на столах. Преподаватели на такие вольности закрывали глаза, они понимали, что подобную «муру» не выучишь, нужен особый склад ума, как у наших и прочих политиков, а на практике, в процессе преподавания на уроках в школе, эти знания точно не пригодятся. По поводу нагрузки на учебные часы изучения «политики» есть маленькая бородатая притча: после 6 лет обучения в мединституте на экзамене профессор, показывая на 2 скелета, спрашивает студента: «Вы можете определить, чьи это скелеты? (в смысле мужской или женский)». Студент долго морщит лоб, а потом неуверенно говорит: «Неужели Маркса и Энгельса?»

Годы учебы летели незаметно, приходилось как-то изворачиваться, пристраивать на время сессий Алёнку: к бабушке отвозить или самой бабушке приезжать к нам, или раздвигать отпуска с мужем, но всё так или иначе устаканивалось.

МОСКВА СТОЛИЦА, МОЯ МОСКВА

В Москву я приехала в 1967 г., нам предложили жилье в коммуналке в хрущобе на пятом этаже. Чтобы будущим разведчикам жизнь мёдом не казалась, две семьи, каждая из трёх человек, поселили в комнаты трехкомнатной квартиры с шестиметровой кухней. Третья комната была не нашей, а предназначалась для политинформаций (а как же без них, родимых!) и занятий иностранным языком. Раз в неделю к нам вваливалась группа женщин, разбрасывала свое шмотье и начинала талдычить «инглиш». Замечу, что сами живущие

в этой квартире изучали испанский язык, т.е. логичнее было им и заниматься в своей же учебной комнате. Однако для малочисленного контингента испаноговорящих студентов изучение этого языка для жён не было предусмотрено. Были организованы курсы для изучения только немецкого, французского и английского. Будто на месте работы мужа их жёны не должны разговаривать вообще, хотя начальство постоянно твердило, как важна помощь женщин в нелегком труде их мужей-разведчиков.

Не знаю, как остальные, но я попросила Витю принести мне элементарный учебничек, словарь и стала потихоньку-полегоньку разбираться с «испаньол»: кое-что спрашивала у Вити, кое-что слышала, когда он монотонно повторял по вечерам фразы, сидя за учебниками или за магнитофонной записью. Ребята уходили рано утром, приходили поздно вечером, ужинали и сразу начинали заниматься до отбоя. Замотаны были ужасно. Замечу: ведь язык предпочтительно учить в лингафонных кабинетах, а уж если дома, то хотя бы громко и обязательно артикулируя звуки, особенно это важно в испанском: там ведь нельзя «акнуть», если нужно «окнуть»: например, gato – букет, а gata – лягушка, hijo – сын, hija – дочь и т.д. С нашим московским говорком было довольно проблематично переключаться на такое точное воспроизведение звуков.

Мы ели, спали и учились в одной шестнадцатиметровой комнате.

А еще к соседям приехала тёща, стало совсем тесно, особенно на кухне. Даже хорошо, что Галина и Володя Василенко были необщительные люди: «здравствуйте – спокойной ночи» и всё. Зато у нас не было никогда разборок по коммунальным службам: кому на этой неделе убирать кухню, выносить мусор или мыть места общего пользования. Никакие доверительные общения, разговоры по душам не приветствовались, пропагандировались отношения доброжелательной осторожности или вообще настороженности. Любое доноительство и «стук» считалось проявлением доблести, чести и высокой гражданственности.

Минуй нас пуще всех печалей! Мне и в голову бы не пришло на кого-нибудь стучать, это же до какого маразма в таком случае надо дойти!

Приветствовались аффектация квасного патриотизма и подтверждение высоких моральных устоев, а в разговорах – общие темы: погода, дети, газеты, опять же чуточку лояльности и поддержка основной линии партии.

Что интересно: нам, в частности мне, особенно и не нужно было напрягаться, меня вполне устраивала и линия партии, и лояльность, и даже, по сути дела, усредненное и скученное существование в коммуналке с угрюмыми соседями. Тому, кто не ел пряников, и морковка покажется деликатесом. Все-таки мы жили в Москве, не у пана Михала под соломенной крышей в такой же пятнадцатиметровой комнатухе.

В любом случае жить в городе, тем более в столице, бы-

ло намного интереснее и престижнее, чем в воинской части (надеюсь, что я не открыла еще одну Америку этим умозаключением), а сладкую морковку будущей жизни нам показывали издали, как Насреддин ослу.

Большинство из учившихся в Военной дипломатической академии ГРУ по окончании её должны были выехать за рубеж. И хотя все знали, что работа будет сложная и даже временами опасная (это уж кого, куда и на какую должность направят), у всех было неистовое желание поскорее распределиться, несмотря ни на что и наконец-то, если и не получать золотые горы, то вырваться из обыденщины, увидеть другой, интересный мир, жить, наконец, в человеческих условиях: нормальная квартира и приличная зарплата.

Мы продолжали отсылать небольшие денежные переводы своим родным. Я это делала и раньше, сразу как пошла работать, а потом и выйдя замуж. Мама и существовала-то на одну свою мизерную довоенную пенсию и на то, что я пришлю или сестра. Сестра уже жила в Перми и считалась в семье менее обеспеченной, чем я, москвичка, замужем и с большими перспективами. Отец пенсию тоже получал более чем маленькую, война и послевоенные годы поломали все трудовые стажи. Нужно сказать, что я никогда не забывала раз в месяц сделать перевод. Витя же не возражал, но и особо не приветствовал этот расход восторженными криками. Просто это был не обсуждающийся факт, я отсылала деньги – и все. Мама это очень ценила и радовалась скромным денежным

вливаниям.

После халупы в Щучине, скученности гарнизона вообще, Москва и комнатуха на улице Маршала Тухачевского нам казались большим шагом вперед, а в дальнейшем ещё работа за границей, обещание прописки и квартиры в Москве. Поначалу нам казалось, что лучше уже и быть не может.

Это уж потом, когда мы увидели как живут за границей аналогичные по статусу работники, мы поняли, что и здесь наше государство нас опять поимело. Однако даже то, что мы получили за рубежом, условия жизни, впечатления, деньги, наконец, было неизмеримо выше, чем наша жизнь в Союзе. А кто не слишком загадывал наперед, могли себе не отказывать в маленьких радостях жизни: купить не нужную, но милую безделушку и не только безделушку, проехаться по стране, увидеть необыкновенно интересные места, познакомиться с интересными и известными людьми, побывать на приёмах в красивых нарядах, вообще почувствовать себя «белым» человеком.

В Москве же в то время мы не бедствовали, но всё равно приходилось скрупулезно рассчитывать зарплату, хватало на вкусную и свежую пищу, иногда пойти в театр, в кино, на выставки, принять гостей. Приобретать что-нибудь новенькое из одежды было не то что дороговато для нас, хотя и этот момент присутствовал, но всё нужно было «доставать»: туфельки, шляпки, перчатки. Приходилось что-то шить, перелицовывать, вязать, кроить. Вот тут мне помог мой гарни-

зонный кружок кройки и шитья, но в основном мама, которая приезжала к нам на побывку и частенько что-нибудь шила мне и детям из старых запасов или купленного материала. Считалось, что я модно одеваюсь. Сама же я кропала кое-какие и даже милые вещички для детей.

Зарплаты нам действительно хватало только-только. Иногда и не хватало.

Помню забавное происшествие на ипподроме. По воскресеньям мы обычно ездили в центр, ходили в кино или в театр, в парк, на выставки, повышали свой культурный уровень, как тогда говорили. На всё это были нужны хоть и маленькие, но всё равно кое-какие денежки. И вот случилось так, что денежки кончились вообще до такой степени, что в кармане у мужа осталась последняя трёшка на три дня, практически на хлеб и молоко, а в моих карманах вообще ветер гулял. Мы решили пойти на ипподром и посмотреть на бесплатное зрелище, что же такое бега, тем более, что жили по линии троллейбуса к ипподрому и не надо было нигде пересаживаться на другой транспорт. (До такой степени нужно было тогда сэкономить!)

Зашли мы на территорию ипподрома. Витя крепко взял Алёнку за руку, народу уйма, все суетятся, шумят, громко переговариваются, обсуждают стати лошадей, возможности жокеев, ставки, бегут в кассы, обмениваются какими-то только им понятными знаками. Я начала продираться к ограждению, надеясь посмотреть лошадок и сами бега.

Подошла, вытягиваю шею, ничего не вижу и, обращаясь к стоявшему рядом мужчине, спрашиваю: «А откуда они побегут-то?» Мужик нетерпеливо машет рукой куда-то влево, потом медленно оборачивается, внимательно, несколько ошеломленно, смотрит на меня и недоверчиво спрашивает: «А вы что в первый раз тут?» «Да, в первый». Он резко придвигается ко мне и запыленно говорит: «Так ставьте же, ставьте!» И видя, что я не понимаю его, разъясняет: «Покупайте билет и играйте, новичкам всегда везет!»

Я, азартный человек, мигом поворачиваюсь к мужу и говорю: «Витя, дай мне три рубля!» На что Витя хмурится, отодвигается как можно дальше, как будто опасаясь, что я силой вырву у него последнюю трешку, и возмущенно говорит: «Ты что? Играть сюда пришла?» И отходит ещё дальше.

Я оборачиваюсь к своему бескорыстному советчику и смущенно развожу руками. Мужик не успокаивается, часто переступает ногами, как застоявшийся конь, и нервно продолжает:

– Ну что? Что? Ну, хотите я вам займу?

– Нет, нет, что вы! Не нужно!

– Хорошо! Скажите же, какой номер ВАМ нравится?

Ощущение такое, что у человека горячечный бред. Он уже привлекает внимание других посетителей ипподрома, и около меня постепенно начинает загустевать толпа молчаливых завсегдатаев. Они внимательно слушают нашу беседу, вполголоса передают друг другу по цепочке как заклинание: «Она

здесь в первый раз» и подходят всё ближе и ближе. Все почему-то хотят узнать мое мнение о лошадях. МОЁ мнение!!!! Сначала мне становится смешно – мое мнение!, потом дискомфортно, а моего муженька с дочкой что-то не видно. Ладно, придется выкручиваться самой. Я поворачиваюсь к беговой дорожке, где уже все подготовлено к гонке, тыкаю пальцем в первую попавшуюся на глаза очень статную и симпатичную коняшку и, стараясь говорить непринужденно, произношу: «Вот эта лошадка в пятнышках!». Все вдруг от меня отшатываются и куда-то бегут.

Уже на бегу, мой нервный собеседник раздраженной скороговоркой бросает: «Это жеребец! И не в пятнышках! В яблоках! В одинаре 128 рублей!!!!»

И исчезает. Для меня – полная неразбериха. Ещё раньше испарились молчаливые мужики, как только услышали про лошадку с пятнышками.

Потом прозвучал гонг, побежали лошади, заорали, засвистели и затопали ногами игроки. Забег кончился, что-то забубнило радио.

«Эй! Девушка! Девушка!» Размахивая программкой, ко мне протискивался счастливый мужичок и снисходительно приговаривал: «Жаль! Жаль!

Хоть бы рубль поставили – выиграли бы 128! Я десятку поставил! А какой номер вам ещё нравится? А?»

Я мысленно умножила 128 на десять и обомлела! 1280! Тысячу двести восемьдесят рублей выиграл мужик с моей

подсказки!! Кажется так расшифровывается «одинар». По крайней мере я ТАК решила.

«С-с-самашедшие деньги!» Зарплата моя и мужнина почти за три месяца... Меня начала душить жаба. Но поезд ушел. Боясь, что сюда сейчас соберутся все те, кто слышал «Она здесь в первый раз!», я быстренько стала выдираться из толпы, надеясь найти свою семью. Витя был насуплен и молча направлялся к выходу. Я же укоризненно сказала:

«Эх ты, перестраховщик, пожалел рубль, а можно было получить такие деньги!».

Мой правильный супруг стал подробно и занудно объяснять, как втягиваются в игру и что за этим следует. Конечно, конечно, он был прав, абсолютно прав, стопроцентно прав, но, Боже, как это было скучно! Долго я потом в шутку напоминала ему возможный выигрыш в 128 рублей при наличии в кошельке трешки за три дня до зарплаты.

Узнав, что мы переехали в столицу, к нам в первое время зачастили друзья. Приятели, прибывавшие в Москву за покупками, как обычно, сэкономили на гостиницах и останавливались у нас. По молчаливому согласию с нашими молчаливыми соседями (их тоже не обходили визитами) мы ставили приезжающим раскладушку в учебной комнате, к счастью, там были стулья и стол. Все приезжающие очень интересовались, в каком таком закрытом институте стал работать Курьянов. Увидев раз-другой, как по утрам из подъездов вываливается угрюмая толпа мужиков одного возраста, 32-35

лет, почти одной неприметно-непритязательной внешности, сугубо нейтральной, как раз подходящей для шпионов, хорошим прикрытием как для военных разведчиков, так и для работников КГБ: и захочешь вспомнить, да не вспомнишь. Слушатели обладали нужной ординарной внешностью, о которой в милицейских протоколах пишут «особых примет не имеется».

Слушателям академии был присущ тот самый «резидентский» невыразительный вид, который никак не бросается в глаза даже при первом знакомстве. Одеты они тоже были одинаково: в гражданской форме среднего достатка. Скорее всего польского или финского производства: одних и тех же полупальто на поролончике, всепогодное, зимой поддевалась подстежечка на «рыбьем» меху; шляпах темно-бутылочного цвета, зимой шапка «пыжик» из кролика; практичных штиблетиках и в одинаковых шарфах. Увидев всё это, наш приезжий знакомец задумчиво сказал: «Ну, теперь понятно, в какой конторе ты работаешь!», – и вопросительно посмотрел на Виктора. До этого он тщетно пытался расколоть друга, почему тот вдруг, якобы, уволился из армии и стал работать в каком-то загадочном НИИ.

Витя уже научился умненько и нейтрально улыбаться, не отвечая на поставленный вопрос, или перевести тему разговора. Не дождавшись ответа, бывший сослуживец ещё раз повторил: «Ясненько!»

Ребята решили, что Виктор подался в КГБ, передали эту

ошеломляющую новость по цепочке, долго у нас не задерживались, а потом и вовсе перестали приезжать и тем более останавливаться, тоненький ручеек гостей постепенно иссяк. Так мы потеряли связь с некоторыми друзьями и приятелями. Ребята не приветствовали работников конторы, относились подозрительно, памятуя события 1937 г.

Но, честно говоря, это сняло ряд проблем: не нужно было врать, не нужно было объяснять, почему у нас пустует одна из комнат, а семей помещено две, у меня исчезла забота о размещении и кормежке гостей.

Я, конечно же, работала, училась и скоро стала ждать пополнения семейства. Все как-то недосуг было завести ещё одного ребенка, а тут подумала, что лучше время не подберешь: Алёнке уже 6 лет, она безумно хочет иметь маленькую сестричку или, на худой конец, братика, кидается во все колясочки и ко всем пеленальным столикам в поликлинике. Я, как раз, работаю (как же без работы! всё стаж себе зарабатывала в нашем государстве, дуреха!) в детском саду рядом с домом, буквально пять шагов, Алёнушка, соответственно, со мной под присмотром, значит, смогу оформить декретный отпуск, опять же можно родить ребенка дома, и он успеет немного подрасти и окрепнуть к отъезду по месту работы мужа. Да и вообще в семье нужен второй ребеночек, мне уже самой хотелось.

Я не то чтобы планировала рождение ребенка, но и не противилась этому, и результат не замедлил сказаться. Витя

был не в восторге, он просто был поставлен перед фактом. Я уже была достаточно опытной женщиной, чтобы решить самой, «быть или не быть» и вообще не собиралась слушать теперь ничьих советов, будь они хоть трижды разумные. Маме я ничего не сообщала, но, приехав к нам в гости и увидев пузатую, глубоко беременную фигуру дочери, она очень одобрила мое решение и пообещала помочь, когда я буду на очередной сессии и госэкзаменах.

Так все и получилось

Но на этот раз я надеялась, что месяц, как в первый раз, я больнице не задержусь. «Тю- у-у-у! Да ты шо!?! Шутишь!» Опять сам процесс был обычным для здоровой молодой женщины, но я чуть не стала инвалидом из-за полного невнимания или простого непрофессионализма врачей.

В процессе беременности неоднократно жаловалась, что стало очень трудно ходить, просто поднимать ноги, я их волочу и, поднимаясь по лестнице, подтягиваю руками. Долго осматривала и поддавливала мой живот наблюдающий врач, потом главный врач, потом начальник отделения и вынесли вердикт: ребенок-де давит на нерв, после родов всё пройдет.

Ан нет, не прошло! Как раз после родов ноги-то у меня и отнялись.

В организме не хватало кальция, тазовые кости разошлись, а ослабевшие связки не смогли их поставить на место и тем более сдвинуть кости. Всего-то и делов, что нужно было прописать кальцесодержащие препараты и бандаж.

Может не точно по смыслу, но по сути именно так.

Я опять целый месяц в самую августовскую и сентябрьскую жару пролежала в больнице, спеленатая простынями с грузами на их концах. Хорошо, что в это время приехала мама, Алёнушка и Витя были присмотрены и накормлены, но я парилась в больничной палате и очень боялась остаться в таком лежачем положении навсегда. В это время меня сначала очень рассмешила, а потом расстроила записка, которую мне передал муж. Там было написано: «Дорогая Галюня...», и эти два слова обведены несколько раз чернилами: муж совершенно не знал, что можно еще написать жене в больницу, кроме обращения. Слава Богу, и здесь мой здоровый предвоенный, военный и послевоенный организм справился, и я приползла домой.

Все очень радовались новому человечку, я с самого начала была почему-то уверена, что родится девочка, а больше всех радовалась Алёна. Она буквально боготворила сестричку и не уставала находиться около неё любую свободную минутку, разговаривать, гулить, трясти игрушками и пританцовывать от восторга. Обязательно крутилась рядом, когда я пеленала, купала, кормила Люку, и смотрела на малышку влюбленными глазами. А Люка вредничала, морщилась и начинала орать, если её одевали, заворачивали в одеяльце, но недостаточно скоро выскакивали с нею гулять. Поэтому мне сначала нужно было одеться самой и уже в пальто, в шапке, в сапогах заворачивать принцессу, чтобы она, не дай Бог, не

заплакала, не вспотела, не простудилась и бежать самой в испарине на улицу. Алёнушка уже училась в первом классе, училась с удовольствием и без труда, и была мне незаменимой помощницей. Мы с Алёнкой еще гораздо раньше играли в школу: когда гуляли, я ей задавала задачки-игрушки на развитие образного мышления «выше-ниже», «ближе-дальше», «короче-длиннее» и т.д., простенькие забавные задания на сложение-вычитание, больше-меньше, много читала ей, а потом ненавязчиво расспрашивала о прочитанном, но всё-таки просила её отвечать полными ответами. Купили фильмоскоп, смотрели диафильмы вместе, я ей с выражением читала титры, вырабатывая модулированный оттенок речи. Постоянно пополняли фильмотеку новыми пленками, обычно их покупал папа, и это был для Ленуськи лучший подарок. Она все это любила и даже просила поиграть в ученицу.

Время просмотра телевизора было регламентировано: по субботам и воскресеньям мультики, кстати, милые добрые мультяшки с нормальным понятным сюжетам и запоминающимися песенками, и детские кинофильмы. По будням – такие же лёгкие передачи не во вред прогулкам и обязательное «Спокойной ночи, малыши!» каждый вечер после ужина, гигиенических процедур, укладывания кукол спать и, в первую очередь, продуманный ритуал отхода ко сну любимого черненького Миньки, забавного и умильного медвежонка. Минька появился у нас как временная подпольная игрушка: мы его попросту умыкнули из детского сада и думали, что

ненадолго. Ко мне в малыштовую группу передали несколько новых игрушек, в том числе и этого медвежонка из черного искусственно меха с маленьким красненьким фланелевым язычком и удивленно вытаращенными глазенками-пуговицами. Когда Алёна увидела мишутку, то настолько им очаровалась и полюбила, что крепко прижала к себе, не выпустила из рук при уходе из садика и умоляюще сказала: «Мамуля, ему же здесь холодно будет спать! Давай возьмем его домой! Я его одеяльцем укурю...» Ну, давай возьмем! Я не могла противиться дочке, но для очистки совести сказала, что возьмем, а потом, когда-нибудь, вернем

в детский садик. Видно, моё последнее объяснение звучало настолько фальшиво, что дочка быстро закивала головой и ещё сильнее прижала медвежонка к себе. С тех пор Минька занял привилегированную куклину кроватку с простынками, подушечками и одеяльцем, укладывался в первую очередь и чмокался на сон грядущий в клеенчатую пуговку носа. Потом он стал любимой игрушкой и у младшей дочки. Практически каждая игрушка имела свои имена: Минька, Лев Борисович, Мака, Тананайка, Сузи, Коала и т.д.

После рождения Люки я сначала «сидела» дома, муж зарабатывал на семью один, и приходилось скрупулезно рассчитывать финансовые возможности, хватало только на еду. Правда, продукты были качественные, свежие и вкусные, как в магазине, так и на рынке. Санитарные меры и нормы осуществлялись драконовские и, не дай Бог, если на рын-

ке вдруг (да нет, это было невозможно), появилось бы тщательно не проверенное санитарным врачом мясо. Все деликатесные продукты: буженину, сырокопченую колбасу, икру (в приемлемых количествах и для детей) я покупала в магазине «Диета», расположенного достаточно близко от дома. Делала я это во время прогулки с Люданькой, обкладывала всего бедного ребенка бакалейными и колбасными изделиями, еще оставалось место в сеточке под коляской. Оставить коляску можно было у магазина совершенно свободно и безопасно, равно как саму коляску в подъезде дома или у поликлиники. За мясом ездили раз в неделю на Тишинский рынок, приобретался свежий окорок, дома порционно делился, и все мои домашние питались вкусно и обильно. Алёнке в школу обычно предлагались пара достаточно вкусных и калорийных бутербродиков с сырокопченой колбаской или с «баженинкой» и яблоко на перекус.

Кошмарные школьные завтраки, подозрительные даже на вид сосиски и синее пюре – эта забота государства о здоровье подрастающего поколения пришлись уже на пору обучения Люки и захватила старшие классы Леночки. Идея-то сама по себе хорошая, прекрасная! – горячие завтраки!, но доведенная до абсурда – съедай что-то неудобоваримое. Мне приходилось предоставлять справки о больных желудках дочерей, чтобы избавить их от несварения или пищевого отравления. Кстати, так делали многие родители, все знали об этом: и школа, и Министерство образования, и врачи, но де-

лали вид, что «король не голый». Мусорные баки школьных столовых забивались несъеденными обедами, и такое безобразие никого не волновало. Радовало это только уборщиц и работников буфета, т.к. чаще всего они были из области и держали приусадебное хозяйство. Свинки прекрасно жирели на столовских горячих завтраках, а потом продавались родителям школьников на рынке – этакое обеспечение обедами наоборот.

Кроме всех забот с ребёнком-первоклассником, малышом-капризулей, заучившимся вдоску мужем, ну и таких «мелочей» как повседневные стирка-уборка-готовка, мне всё-таки надо было и закончить последний год учебы, не бросать же институт! На зимнюю сессию я не поехала, и нужно было выполнять работы в двойном объеме, впереди летняя сессия, а там и госэкзамены. Приходилось вертеться, и тут мне помогала моя маленькая старшая доченька. Придя из школы, сделав уроки, она с удовольствием и с большой ответственностью гуляла с Люляхой: упаковав ляльку в коляску – мне коллеги из детсада перед отпуском подарили очень милую колясочку нейтрального светло-бежевого цвета. Я отправляла дочек гулять, строго-настрога наказав Алёнке не отходить от коляски.

Сама же в это время быстро-быстро писала очередную контрольную работу или опять же на скоростях что-нибудь выполняла по хозяйству, приготавливала обед-ужин, стирала, убирала. Время от времени поглядывала в окно, как гу-

ляют мои дочки, и наблюдала умилительную картину: Алёнушка, попрыгав некоторое время со скакалкой, подбежала к коляске, заглядывала туда и несколько раз по-хозяйски качнув колясочку и даже кое-что поправив там, удовлетворенно отходила и начинала опять прыгать, честно выполняя мою просьбу-приказ не отходить от сестрички ни на шаг. Алёна была еще в детстве ответственным ребенком. Заметив, что она несколько сутулится, я, во-первых, записала её в бассейн, во-вторых, сшив матерчатый тор, водружала его на голову дочери, клала на него книгу или мяч, и Алёна по 20-30 минут в день ходила, сидела, читала с этим сооружением. Если оно падало, значит осанка в этот момент была неправильной. Леночка уже сама выравнивала балансировку и спокойно дожидалась окончания сеанса. И что же? Ребенок до сих пор не сутулится, что нельзя сказать о Люсе. Она ныла, не хотела носить корректирующий спинку пояс («давит! режет! неудобно!»), а уж о гимнастике и говорить нечего. Плавать, правда, любила. Люка не была проблемным ребенком, но одно в ней очень меня беспокоило: она практически не ела, вернее, ела чуточку-чуточку и выплевывала, не в пример Алёнке, грудь отгалкивала с нескрываемым отвращением и даже отплевывалась, паршивка:

«Тьфу-тьфу!»). Я пыталась её кормить детскими смесями, которые уже появились тогда в продаже, готовила смеси сама, т.к. магазинные были до отвращения приторными, но ничего не помогало: Люка съедала за одно кормление, пример-

но, по граммов 10-15 и очень мало прибавляла в весе, что меня ужасно огорчало, тем более в поликлинике врач вписала в её карту: «Ребенок пониженного питания». Получалось, что мать морила ребенка голодом, а посоветовать те же врачи мне ничего не могли, кроме как бросить небрежное указание: «Кормите, мамаша!» Впрочем, это безапелляционное заключение, «ребенок пониженного питания», было таким же нелепым, как и определение «ребенок пониженного развития», какое заслужила Алёна при собеседовании перед поступлением в первый класс, и только потому, что на вопрос: «Сколько у курочки ножек?» честно и ясно ответила: «Четыре». А видел городской ребенок эту пресловутую курочку только на столе в вареном или запеченном виде и всегда, как ей казалось, с четырьмя ножками. И это заключение она сделала, несмотря на все игры «в школу» и при очень хорошем словарном запасе! Не я пришла с Алёнкой на это тестирование, а бабушка, которая очень оскорбилась за свою ненаглядную внучку, но я её успокоила и объяснила, что «курачьими» и прочими тестами никогда ничего доказать и определить невозможно, в чём и сейчас убеждена, слишком велик процент случайностей. В настоящее время мое убеждение подтверждается нелепыми тестами-экзаменами – ЕГЭ.

А мучение с кормлениями Люданышки продолжалось примерно до 8 месяцев, когда, отчаявшись, я однажды, уже ни на что не надеясь, предложила ей кусочек мякоти от жареной (!) камбалы. Схрумкав мякушек, Люля потянулась ру-

чонками и четко произнесла: «Дай!» Она очень рано начала говорить, ещё раньше Алёнки, и это слово даже очень хорошо освоила. «Дай!», – так и слупила целый кусок рыбы. Наверное, ребёнку осточертели молочные каши в дисперсно-киселеобразном состоянии.

Я перестала беспокоиться, что дочка будет иметь малокровие

или отрицательный вес. Хотя ела она всегда немного.

Дни шли, все мы были заняты, распределение было ещё далеко, но у меня просто не было времени помечтать об этом, а наших мужей в академии, казалось, отучили разговаривать дома, и они даже на вполне невинные вопросы стали бурчать: «Меньше знаешь – лучше спишь».

И напрасно! Отсутствие общения очень разъединяет людей, они перестают понимать друг друга даже в мелочах, наступает отчуждение, дистанцирование. Видимо, такой важный аспект человеческих отношений выпал из-под контроля разных замполитов и психологов этого закрытого учебного заведения, хотя постоянные лицемерные заявления типа:

«Жены – незаменимые помощники в оперативной работе», «У женщин необыкновенное чувство понимания момента и инстинктивное чутье» (во! кинологи, блин! нашли ищеек!) и т.д. Понимание пониманием, но если знать хотя бы, кто есть кто из окружения мужа, то это помогло бы не допустить какого-нибудь ляпа, а мужчин так заморочили секретностью, что они даже пописать ходили оглядываясь.

Опять по принципу «лучше перебдеть, чем не добдеть».

В 1969 г. я сдала госэкзамены, получила наконец своё вожеленное высшее образование. В это время опять приезжала мама и оставалась с детьми. Она была всегда очень контактным человеком, с чувством юмора и любила поговорить, пошутить, посмеяться, но, когда я прибыла со своим дипломом, она искренне обрадовалась даже не тому, что я приехала и приехала с дипломом, а тому, что сама может вернуться в Ростов, сказав:

«И как ты можешь выдержать? Уходит – молчит, приходит – молчит. Просто обалдеть можно!»

Это она о моём муже, о необыкновенно «правильном и хорошем мальчике Вите», как она всегда его величала. Во время учебы в академии он стал еще более правильным! А я уже привыкала к тому, что муж как-то обособился, стал несколько заикленым на себе, как-то отделил себя от нас. Уже не говорил «мы», а «я» и «вы», «вам» и «мне», может, и неосознанно. В семье всё постепенно подчинялось карьере, времени и настроению супруга. Я понимала, что старался супруг ради семьи, тянул лямку трудной и ответственной учебы, направленной, в конечном счёте, на улучшение нашего материального положения. Но общаться с ним стало тяжелее: молчаливая угрюмость стала его постоянным состоянием.

А ведь практически был идеальным мужем и отцом: уделял елико возможно внимание жене и детям, не скандалил

и, Боже упаси! не пил, никогда не занюкивал деньги из зарплаты, а я, в свою очередь, никогда не считала

и не высчитывала, какие рубли муж принес и сколько себе оставил. Наоборот, всегда настаивала, чтобы в кармане у мужа был не нищенский рубль, выданный на обед, а столько, сколько нужно иметь мужчине. В конце концов, он их сам зарабатывал! Неприлично мужику быть без денег!

По выходным папа ходил с Алёнкой в кинотеатр «Баррикады», что на Красной Пресне, на мультфильмы. Алёнка однажды получила тройку и была наказана – поход на мультики отменили. Ребенок так переживал, что я уже была и не рада нашему решению, но по педагогическим соображениям наказание осталось в силе. Но что делать? Родительское слово – не воробей. Вот такие мы были правильные воспитатели-дурачки вместе с папой.

Придя поздно домой, когда Люка уже спала в своей кровати, отец вытаскивал её из постельки и ходил с нею по комнате, что-то тихонько напевая, как бы восполняя свою отцовскую любовь, явно повзрослев как мужчина и как отец. В молодости с Алёнкой он так никогда не поступал. Мы даже иногда, уложив её спать, убегали потанцевать или в кино, пара молодых идиотов!

Иногда и вместе куда-нибудь ходили, но муж в музее откровенно скучал, в театре или особенно в кино (темно, тепло) впадал в сомнамбулическое состояние, плавно перехо-

дящее в сон, на выставке зевал, явно обрабатывая мероприятия. Сначала я сердилась, хотя понимала, что он безумно, ужасно устает, но удовольствия от совместного посещения с молчаливым спутником не имела: не с кем было поделиться впечатлениями, посмеяться, пошутить. Виктор и раньше был по характеру не особенно разговорчивым, – я разговаривала и тарыхтела за двоих -, но этот пансион благородного офицерства отрицательно повлиял на его характер, окончательно превращал его в мрачного типа, унылого и ворчливого брюзгу, которому не нравится вся солнечная система, и превращал в закукленного человека не только его, но и многих его сослуживцев. Я же думаю, что одним из, я не говорю главных, но необходимых, качеств разведчика, кроме умения наблюдать и анализировать, остро и логически мыслить, должно быть умение слушать. Ведь объективная информация – хлеб разведчика и половина успеха его работы. Чтобы добыть её необязательно работать с ножами, револьверами и даже маленькими микрофончиками, тем более участвовать в перестрелках. Его задача – научиться целенаправленно общаться с нужным человеком и слушать, слушать, слушать и, конечно, анализировать услышанное. Умение подстроиться под собеседника, обаять, очаровать его, разговорить, найти интересующую его тему беседы, в ходе которой можно было бы и собрать нужную информацию, и даже подружиться на основе «одинаковых» взглядов на жизнь, родства душ, а там и пахать во благо Отчизны. Ну и содержание темы беседы

знать хотя бы поверхностно, хотя бы в общих чертах. Ведь люди сами по себе, какие бы они ни были, очень интересны – и в первую очередь интересны самим себе – только разговори их, заинтересуйся ими на самом деле (фальшь чувствует-ся, если не войдётся в роль как хороший актер) и сам заинтересуй их. И что?

У такого человека появится масса знакомых, друзей-приятелей. Это не так-то легко: нужно поддерживать отношения дружбы, знакомства, приятельства, что требует времени, терпения и даже просто денег. У Виктора, например, люди не вызывали интереса, но слушать он умел. А для разведчика – это уже большой плюс. В их работе постоянный напряг, струна, особое обостренное, даже болезненное внимание.

Статистика психических заболеваний секретных работников из-за подобного физического и психологического напряжения возможно не ведётся, а может быть попросту засекречена, и уж, конечно, не доводится до желающих овладеть специальностью этого уровня. Однако, по мнению профессиональных психиатров, паранойя занимает у них, т.е. у разведчиков, второе место после шизофрении и ранней болезни Альцгеймера.

Они находятся в постоянном сканировании поступающей информации, в состоянии повседневного, прямо скажем, почти патологического, стресса как среди своих, так и среди чужих. К сожалению, такие случаи бывают, но для студентов академии сведения такого рода замалчиваются. И напрасно:

возможно, они бы и сами как-то корректировали свою психологическую и физическую нагрузку.

А самый важный аспект учебы, по моему дилетантскому мнению, – скрупулезная работа и обучение у психологов. Может, они и занимались с психологами, но все это было как-то несерьезно, «по-нарошку».

Ведь понятие психолог и психиатр в то время как-то сливались в одно целое. Было непривычно даже унижительно и подозрительно побывать у них на приеме. Человек казался ущербным и себе, и окружающим. Создавалось впечатление, что у него не всё в порядке с головой. А если не всё в порядке, то не далеко и до отчисления из престижного военного учреждения. Не надо думать, что в настоящее время что-то изменилось.

Конечно, принципы и технику оперативной работы офицеры в своей академии досконально прорабатывали и основы этикета ими изучались, но вот культурная программа явно имела погрешности. Ребята уставали до изнеможения, не имели ни сил, ни энергии, ни возможности попытаться изучить хотя бы поверхностно, элементарно культурную жизнь столицы, памятники искусства, классическую литературу, чтобы не путать Бабеля с Бебелем. Я и теперь считаю, что для классического шпиона-разведчика, т.е., простите, нашего разведчика, а их шпиона, должна быть более тщательная и длительная подготовка и более разнообразная программа обучения, уж по крайней мере хотя бы лет пять.

Здесь ведь качество нужно, а не количество. Правда? И потом, каждый из них должен был обладать хотя бы небольшим актёрским талантом, а лучше быть прирожденным артистом, даже лжецом. Ведь именно из настоящих лжецов получают замечательные адвокаты, политики, шпионы, дипломаты, продавцы, артисты. Но я не думаю, чтобы им преподавали специальные актерские дисциплины – умение лгать в человеке предполагается врожденным изначально, от природы. Зачем же ещё этому и учить? Все эти мои крамольные внепрограммные мысли по количеству и качеству обучения разведчиков не озвучивались даже дома и, естественно, дальнейшего развития не получали.

Наконец, экзамены сданы, роли распределены Ура! Витя становится «работником» Внешторга и нас направляют в торгпредство Советского Союза в Рио-де-Жанейро. Название этого города воспринималось как что-то нереальное: слишком далеко, непонятно, заоблачно, хотя и очень экзотично. В первую очередь приходили в голову банальные слова знаменитого и всем известного литературного героя, то единственное, что он, по сути, и мы, знал о городе: есть далекая весёлая страна Бразилия и счастливый город Рио-де-Жанейро, где все ходят в белых штанах.

В принципе это так и было. Впоследствии все приезжающие в страну работать или в вожденную краткосрочную командировку повторяли заезженную фразу о белых штанах. Это потом уже, после фильма «Здравствуйте, я ваша тётя»,

добавляли не менее заезженное: «Где много диких обезьян».

Конечно, Витя стал знакомиться со справочными материалами геополитического, экономического и социального положения страны по данным в самой академии – «стекляшке», как её называли между собой слушатели, и в гражданских библиотеках. Для меня осталась только библиотека, но там до смешного было мало о самой Бразилии: как-будто специально складывали мнение о ней как о красивой, яркой, но отсталой и бедной стране. Те же самые политические варианты и навязшие в зубах сведения об успешной деятельности Коммунистической партии, о беспредельной любви простого народа к Советскому Союзу, о «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» Потом выяснилось, что пролетариям Бразилии, за исключением, конечно, профсоюзных и партийных деятелей – в конце концов, это был их кусок хлеба с маслом – глубоко начхать и на Коммунистическую партию, и на Советский Союз. Все это навязанная нам пасторальная, иллюзорная видимость о братской и всеобъемлющей любви к Великому Советскому Союзу рассыпалась, т.к. не только негры «преклонных годов», но и вполне цивилизованные люди недоуменно приподнимали брови, узнав, что мы из «Soviet Union». В лучшем случае, предполагали, что это где-то в Европе и что там очень холодно и по улицам ходят медведи. Они совсем не были похожи на хрестоматийных граждан-пролетариев, освободившихся от колониального ига. Что ни говори, а Бразилия именно таким госу-

дарством и была, но умиления перед братским пролетариатом СССР не испытывала... Где расположен этот СССР, не знаю... В социалистическую ориентацию не верю... Это все наша российская чванливость и гипертрофированное самомнение: мы были убеждены, или скорее нас убедили, что все в мире только о нас и нашей неповторимой стране развитого социализма и думают. Как же! Только и дел у зарубежных пролетариев думать о нас и нашей неповторимой стране развитого социализма! Где та Москва! Где Ромео, а где Джульетта?

Где имение, а где вода?

Многие бразильцы даже не знали, что наша страна, практически одна, воевала с фашистами и с огромным числом их союзников и победила в Великой Отечественной войне. Они иногда даже не знали и о самой стране. А где находится Москва? Где-то недалеко от Парижа? А на каком языке вы, русские, говорите? Это уже был полный абзац...

Так думали не невежественные аборигены, а даже и жёны некоторых дипломатов. Но ведь и у нас кое-кто уверен, что в Бразилии говорят на чистом бразильском языке. Почему бы русским не говорить на каком-нибудь тарабарском? Тем более он таким постепенно становится.

Именно со времен Остапа Бендера Бразилия для нас – это Рио-де-Жанейро. И это полностью справедливо: Остап угадал с выбором города своей мечты – средоточием и кульминацией всего бразильского, что есть в Бразилии. И мы туда,

ура! скоро отправляемся!!! А я знаю об этой экзотической стране ничтожно мало. Ведь о компьютерах и «Википедии» тогда и слыхом не слыхивали.

Но сначала Виктору нужно было пару-тройку месяцев поработать, показаться непосредственно в Министерстве внешней торговли, пообщаться с работниками Внешторга, чуть войти в шкуру торгового инженера, притереться на взаимодействие, кое-что понять внешторговский сленг, хотя бы, что такое «реквизиты». Его направляли в торгпредство Рио как представителя компании «Авиаэкспорт». Ну что ж, в самолетах он точно разбирался, теперь нужно было разобраться в торговле ими, и нужны ли наши самолеты бразильцам. Ведь ни для кого не было секретом, что наши технологии, в том числе и в самолетостроении, отставали от ведущих капиталистических стран да и дорожилась наша сторона безмерно. Что уж там продавать! Свою бы основную работу выполнять!

Нас постоянно прописали в Москве, это уже было неплохо, и предоставили роскошные апартаменты в виде однокомнатной квартиры в Текстильщиках, в одном из самых экологически грязных районов Москвы, на Шоссейной улице. Странно, кому только в голову приходило давать такие названия: города Электросталь, Каменный уголь, Железный, Асбест, улицы Монтажная, Шарикоподшипниковская (попробуй выговорить!) Коммунистический тупик 1-й, 2-й, 3-й (просто враги народа, честное слово!), Метростроевская и

наша бесподобная Шоссейная.

Так вот, сама комната была в 20 кв.м с нишей для нашей милой белорусской тахты и кухня в 19 кв.м(!). Головы бы поотрывать таким архитекторам! Собственно, кухня играла роль второй комнаты, где мы оборудовали очень уютное местечко для занятий нашей старшей дочери-школьницы, смогли поставить шкаф и даже это наполнение не помешало ещё иметь место для столовой и самой кухни. Для девочек купили два кресла-кровати, было удобно, достаточно места и уютно.

Приехала мама. Она очень радовалась, что у нас всё постепенно сложилось, стабилизировалось, что мы теперь москвичи, ведь это всегда было и есть престижно, что тогда, что сейчас. Мама всегда так за нас беспокоилась, постоянно приезжала на наши новые места жительства, чтобы чем-нибудь помочь, подбодрить, устроить, привозила соленья-варенья, которым мы радовались, пекла очень вкусные пироги-пирожки, что-то шила нам и нашим детям, но все мы принимали как должное и обычное.

Да, все заботы и внимание мамы принимались как нечто не прекращающееся и обязательное.

Приехала мама, чтобы нас проводить, оказалось, что она приехала, чтобы проводить себя в последний путь. Мамочка умерла. Инсульт. 3 июня 1970 г. Это было как дурной сон... И во сне и наяву мне все казалось, что это неправда, не может быть! Сознание вытеснило этот ужас смерти куда-то да-

леко-далеко в мозжечок, в подсознание. Во сне я не видела её мертвой, только живой, разговаривала с ней: «Мамочка, ты жива!

Как хорошо! А мы подумали, что ты умерла!». Просыпалась, считая, что кошмар о смерти мне приснился...

И только на кладбище, когда гроб уже должны были опустить в могилу, я вдруг поняла – НИКОГДА – никогда – никогда я уже больше не увижу свою маму. Это был самый страшный момент и самое страшное слово. Оно жгло ужасным смыслом мозг и ему нельзя было сопротивляться. Оно не отступало и выжимало новые и новые потоки слез.

Что-то не досказала, чем-то обидела (и обижала), не поняла, что она больна, не говорила, что люблю её, не купила ей пуховый платок, много чего

не сделала... И вот не стало самого родного человека, которому можно было бы доверить всё, излить душу. Который от чистого сердца порадовался бы за тебя. Стоило чуть успокоиться, но это «никогда» камнем лежало в груди и не давало как следует вздохнуть. Мне в это время ничего не было нужно: ни наших мечтаний, ни заграницы, ни мужа, ни детей... Мама, мамочка... Если бы ты была жива...

Это бесконечное «если бы» ... Оно преследует меня и до сих пор. Проклятое сослагательное или условное наклонение...

Витя тогда очень морально поддержал меня, обо всем по-

заботился.

В такие моменты ведь нужно было решать множество бытовых проблем, и Виктор всё взял на свои плечи, ведь мама была не москвичкой и проблемы удваивались. Я ничего не соображала и медленно приходила в себя, а отъезд на работу был очень близок. Я уже не радовалась как раньше предстоящей заграничной жизни. Какая уж тут радость! Нужно было решить множество прозаических вещей: обязательно поставить оградку, чтобы могилку не затоптали, цветничок, я ездила взад-вперед на кладбище и обратно; решить что-то с бронью квартиры, с пропиской-выпиской, да массой дел.

А тут еще Люляха приболела, надо и с ней возиться, Алёнку как-то отвлечь. Подготовка к отъезду механически загрузила мой мозг, но мысль, что я многое не сделала для мамы, откладывая на потом: не поняла, не предусмотрела, не поговорила, ни разу не сказала: «Мамочка, я тебя люблю» (лирические отступления не культивировались в нашей семье) – тупо преследовали меня тогда и даже сейчас.

От приехавшей сестры было мало толку. Она была экзальтированный человек, только валерьянку пила, заламывала руки и причитала, её тоже надо было успокаивать. Денег не было ни гроша, всё было потрачено на похороны. Может быть, такой напряженный ритм дал мне возможность отвлечься от горя. Но это сейчас так кажется, а тогда, машинально делая всё эти неотложные дела, я все время думала, думала, думала: «Никогда! Никогда!».

БРАЗИЛИЯ – ВОЖДЕЛЕННАЯ ЗАГРАНИЦА

В конце августа 1970 г. Мы, наконец, отправились в Рио-де-Жанейро.

Я очень беспокоилась, что мы будем казаться провинциальными и смешными, поэтому продумала, как одеться самой, мужу, детям, что нужно взять как можно меньше сумок, сумочек, узелков, т.е. ручной клади. Хотела, чтобы наше семейство выглядело «комильфо-кутюрно-бомондно». Единственное, что мы смогли для этого сделать – купить новую красивую и дорогую дорожную сумку. Она стоила, как сейчас помню, 150 рублей, огромная сумма по тем временам. Мама ещё меня пожурела тогда, как можно выбрасывать такие деньги за какую-то сумку, но я понимала, что нужно выглядеть всё-таки не такими дремучими – с разнокалиберными чемоданчиками и тюрючками. И я оказалась права.

Всё было бы нормально, если бы Люка уже оклемалась от болезни: у неё был заложен носик, и весь перелёт она не могла хорошо дышать и капризничала ужасно: вертелась, хныкала, откровенно орала и брыкалась попеременно то у меня, то у отца на коленях. Конечно, мы не смогли заснуть, по крайней мере я. Я вообще не могу спать сидя, пусть даже в самом удобном кресле. Полёт в общей сложности длился около 25 часов с частыми посадками: во Франкфурте, в Марокко, Дакаре. Дакар – была последняя самая длительная, почти 12 часов, остановка перед Рио.

Вот там, выйдя из самолета, прямо у трапа встретили кол-

легу Вити из академии в роли представителя торгпредства в Сенегале. Представитель встречал, конечно, не нас, но тот, которого он должен был встретить, не прилетел, поэтому нас приняли как дорогих гостей, не разрешили отправиться в гостиницу, отвезли к себе в особняк и захотели показать свой домик и столицу.

Я не осудила их за вполне невинное и оправданное желание чуть-чуть похвастаться! После хрущобы на ул.Маршала Тухачевского и мрачных соседей по коммуналке люди теперь просто млели от счастья.

Увидев особнячок в миленьком садике с пальмами, апельсиновыми и манговыми деревьями, я их очень хорошо поняла, порадовалась и чуть прибодрилась, чуть повисилось настроение. Сразу зашевелились мысли о возможности такого же места жительства и в Рио.

Как же, сейчас, размечталась! Сенегал – это тебе не Бразилия, а Дакар, как сами понимаете, тоже не Рио-де-Жанейро. Страна маленькая, специалистов ценят и чтут, тем более белых специалистов. Представитель торгпредства был по совместительству и торгпредом, а в небольшом особнячке находился и офис и само жилье, что не исключало его прелести.

Супруга его, теперь уже ни какая-то там тривиальная жена, а только супруга, была, как часто у военных, врачом и быстренько занялась заложенным носиком нашей младшей дочки, закапала местные капельки и, о чудо! ребенок свободно задышал и сразу заснул.

В жарких странах очень действенные по силе и времени, прямо убойные лекарства. Здесь редко посещают врачей, это дорого. Тогда нам это казалось странным и в очередной раз вроде доказывало преимущество социалистического строя перед загнившим капиталистическим. Заболевшие люди идут в аптеку, если есть деньги, потому что и лекарства тоже не из дешевых удовольствий, покупают его, в лучшем случае советуются с фармацевтом. Люданышка заснула, Алёна была ни в одном глазу, т.к. выпалась в самолете, зато мы роняли голову на ходу, спотыкались, не могли даже восторженно ахать по поводу особнячка и райской жизни хозяев. Людям же хотелось поразить наше воображение. Они и поразили, но у нас уже притупилось восприятие, а гостеприимные хозяева непременно хотели показать нам ещё город. Это уже был вечер, ну что, что, Господи! они могут нам показать ночью? Тем более в тропиках темнеет очень быстро!

Но после неожиданной и приятной встречи, помощи, лёгкой закуски невежливо было отказаться, проявить безразличие к желанию хозяев продемонстрировать Дакар, его экзотическую прелесть. В машине спали не только дети, но и мы, слушали сквозь дрему о том, о сём, видели, как мимо проплывали какие-то белые простыни. Оказалось, что это сами жители, сенегальцы, невидимые в сгущающихся сумерках, огромные, с европейскими чертами лица, черно-синие негры в национальной одежде, белых просторных балахонах. Успела я рассмотреть и женщин-сенегалок высоких, дородных и

в то же время стройных и пластичных. Они гордо, с достоинством проходили, нет, проносили свои тела в ярких одеждах, таких своеобразных объёмных сари многослойно намотанных на корпус и чалмах, огромных цветных полотнищах. Однажды мне рассказали забавный случай: по трапу самолёта с достоинством поднимается сенегалка в своих ярких национальных одеждах. Стюардесса, мило улыбаясь, язвительно говорит своей коллеге: «Смотри, красавица плывет!» Сенегалка оборачивается и на чистом русском языке гордо отвечает: «Да, красавица!» Тут наши бортпроводницы и скисли. Вывод – если хочешь войти, узнай, где находится выход.

Мы с трудом не закрывая глаза, продержались до отлёта самолёта, поблагодарили друзей и теперь уже отправились по прямой через Атлантический океан в самый романтический город в мире. Этот перелёт был очень длительным, просто изнурительным, около 12-ти часов. Алёна заснула на трёх сиденьях, Люка, наконец-то, умаявшись и умаяв нас, спалау нас на коленях, голова на мне, ножки на папе. Отец тоже заснул, одна я бодрствовала, если можно назвать бодрствованием то одурманенное состояние, в котором обретаюсь. Я же говорю, что ни при каких обстоятельствах не могу спать сидя.

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО – самый известный город ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Рио-де-Жанейро – жемчужина Латинского континента и самой Бразилии – самого крупного государства в Южной

Америке (8,5 млн.кв.км). «Жемчужина» – совсем затёртое определение, но это так и есть. Если посмотреть на карту страны, она по очертаниям напоминает уменьшенную Африку. Населяли её территорию самые различные индейские племена араваков, карибов, пано и самых кровожадных, не брезговавшими людоедством, тупи-гуарани. Бразилия состоит из 26 штатов и одного столичного федерального округа. Вот и все немногочисленные данные, которые я почерпнула из таких же немногочисленных справочников об этой далекой экзотической стране.

Первое её название – Земля Святого Креста – Terra de Santa Cruz. Португальцы сначала не поняли, на какие богатые земли они наткнулись:

ни тебе золота, ни азиатских специй, ни китайских шелков, ни индийских камней! Они хотели всего много и сразу, экспедиции вглубь страны ещё не предпринимались. Первооткрыватель страны мореплаватель Пьер Кабрал буквально случайно причалил к незнакомой земле вблизи от тропика Козерог, приняв её за остров, когда после бури собирал несколько отставших кораблей весной 1500 г. Привезли они на родину из новой земли, за которой закрепили право португальской короны, пару ярких попугаев и необыкновенное дерево – pau brasil. Ничего особенного, однако, цвет древесины поразил воображение португальцев – в лучах солнца она горела красным огнем, и дерево получило название «дерево-огонь». Кроме того, оно легко окрашивало ткани в на-

сыщенный красный цвет, из него каким-то образом получали карминовую краску и лак такого же цвета. Пурпур в Старом Свете был в моде, название дерева «пау бразил» так часто повторялось все время в связи с вновь открытой Землей Святого Креста, что, в конце концов, земля и стала называться Бразилией, впоследствии самая крупнейшая в мире католическая страна. А золото и алмазы в новой колонии были обнаружены спустя 200 лет, когда начались экспедиции вглубь страны. Вот тут-то и началась самая что ни на есть экспансия!

Удивительные в то время были мореплаватели, смелые и умелые авантюристы, но что-то с восприятием реальности у них было плоховато: землю приняли за остров, морскую бухту за устье реки... Впрочем, измерительные инструменты были совсем плохонькие, по нашим понятиям никакие, а геодезических и совсем не имелось. Как они только не боялись вообще потеряться в мировом океане! А сколько таких утлых суденышек поглотили волны океана!

Тем не менее, португальская экспансия продолжалась. В то время португальцы были самыми опытными и грозными мореходами на своих парусниках.

1 января 1502 г. португальские корабли под предводительством капитана Гаспара де Лемуш вошли в просторную бухту, которая была принята за устье широкой реки и назвали ее, т.е. реку, Рио-де-Жанейро, что означает «январская река». И неудивительно, что ошиблись: бухта резко закруг-

ляется полосой земли от океана. Потом выяснилось, что это вовсе не река, а глубоко и широко вдающийся в побережье залив Гуанабара, но название таким и осталось.

Первое же поселение в этом тропическом раю появилось только в 1531 г. и основали его все-таки французы, а не португальцы, но пираты морей не будь промах, в этом же году выгнали наглых «лягушатников» и построили на берегу бухты форт Рио-де-Жанейро, впоследствии ставший столицей Вице-королевства Бразилии. Инициатором основания Рио считается генерал Эстасиу ди Са. Дом белого генерала индейцы называли Кариока. На языке индейцев, очень жестоких и воинственных каннибалов, заселявших тогда земли столь прекрасного в будущем города, слово «кари» означало «белый», а слово «ока» – дом. Кариока – дом белого человека. Кариокас – жители данной местности. Вот такая этимология этого названия.

Жители города не любят вспоминать, что в Бразилии не было каннибалов более кровожадных, чем в долине Гуанабара. Для диких аборигенов приезд колонизаторов воспринялся как манна небесная и отнюдь не в фигуральном, а в самом, что ни на есть, буквальном смысле. Правда, португальцы колонизировать новую землю присылали в основном разбойников и ссыльных, и они быстро показали местным, кто кого съест первым.

Началось строительство порта. У подножия горы Пау де Асукар, «сахарная голова», появился небольшой поселок,

давший впоследствии основание г. Рио-де-Жанейро и ставший на целых два столетия (1763 по 1960-63 гг.) столицей страны Бразил. Кстати, самой первой столицей и самым африканским городом до 1763 г. был порт Сальвадор, центр сахарной промышленности. Впоследствии статус столицы перешел тоже к портовому городу Рио, из которого уходили в Лиссабон караваны кораблей с золотом на радость не только Португалии, но и морским разбойникам. «Хороший город», – говорят о Сальвадоре баианцы, жители штата Байиа, что не мешает им при первой возможности перебираться в «чудесный город» Рио.

И сейчас Рио продолжает оставаться самым типичным бразильским городом. Его жители «сариюсас» убеждены, что и по сей день сердце Бразил находится именно здесь:

Sidade maravilhosa

Cheia do cantos mil

Sidade maravilhosa

Corason do meu Brasil.

Прекрасный город,

Наполненный тысячью песен,

Прекрасный город,

Сердце моей Бразилии.

Красивый, веселый, всегда праздничный город, даже открытие его произошло в праздничный день, первого января.

Прибыли мы в сердце Бразилии, еще раз напоминаю «Бразил», в полном отупении от длительного перелёта, в между-

народный аэропорт Галеан. Мы почему-то произносили его как Галеон. Находится он на острове Говернадор, и к городу ведет скоростная трасса между «высотными», т.е. идущими вертикально по холму, фавелами. Они удачно маскируются густой зеленью и огромными щитами с жизнерадостной рекламой.

Здесь участок бухты Гуанабара достаточно захламлен и заболочен. Жители не стесняются пользоваться им как свалкой. Этот участок водители стараются проехать как можно быстрее.

Мы буквально выползли из самолёта, отупевшие от посадок-взлётов и от его специфического вагонного запаха. Перед нами в огромном пространстве аэропорта мельтешила разноцветная реклама, обилие терминалов, какие-то громкозвучные объявления молотком постукивали по совершенно ничего не соображающей деревянной голове.

В аэропорту колыхалась разноязыко гомонящая толпа разноплеменных лиц: бизнесмены в деловых костюмах с кейсами в руках и такими же деловыми лицами (тогда ноутбуки ещё не появились: все нужные бумаги помещались в маленький плоский чемоданчик – мечта каждого советского чиновника), экзотические восточные делегации, цветочно раскрашенные старушки-туристки, невозмутимые японцы в многочисленной кино-фото аппаратуре и китайские товарищи с наклеенными улыбками.

Все это перемещалось, говорило, спрашивало, общалось

и напоминало вавилонское столпотворение – не нужно забывать и ужасно утомительный бессонный перелёт. Было жарко, душно, потно, несмотря на кондиционеры.

Но напрасно я беспокоилась, что мы с нашим большим трофейным чемоданом будем смешны или провинциальны. Мы не казались ни бедными, ни провинциальными, а просто никакими. Был у пассажиров и более дорогой, более элегантный и, что немаловажно, не громоздкий багаж – так себе, лёгкий чемоданчик из крокодиловой кожи плюс миленькая сумочка из неё же или тот же кейс, был и совсем дешёвенький фибровый или из плотной материи типа парусины. Разнокалиберными смотрелись и кладь, и сами пассажиры.

Все эти беспокойства о провинциальности – все это от нашей неуверенности и внутреннего глубоко запрятанного убеждения второсортности, в которой мы никогда не признаемся даже себе: как же! за граница! иностранцы! что подумают! не осрамиться бы! Это быстро прошло, учитывая, что мы потом приобрели вполне приличный дорожный набор, с которым не совестно было показываться в любом аэропорту Европы, Америки и Азии. Не в наборе, конечно, дело. Впоследствии мы просто обрели в себе уверенность и способность не обращать внимания, какое такое впечатление на кого-то производим или не производим.

Очень быстро стало ясно, что здесь никому ни до кого нет дела, а также до того, что у тебя за чемоданы, сумки, узлы или во что ты одета (но это только в общественных местах,

а не среди элиты. Там уж, извините, заметят! Извольте соответствовать!). В аэропорту, как и на вокзалах, люди заняты сами собой, смотри только, чтобы сумочку или ручной багаж не увели.

Уверенность возникает ещё и потому, что чувствовать себя небедными все же приятнее: перестаешь суетиться, оглядываться на других, сравнивать, сомневаться. Поняла также, что в аэропортах, как и на вокзалах, как и в любой толпе, необходимо отключаться от всякого рода обзрений, абстрагироваться от всего находящегося рядом. Главное, сумочки с деньгами и документами прятать подальше (кредитки на нас тогда ещё не распространились). Целенаправленно заниматься только собой, иначе растеряешься, потеряешь либо чемодан, либо ребенка, либо сам потеряешься и будешь с глазами испуганного баранчика судорожно всматриваться, искать ту линию, вход, дверь, куда тебе и следовало с самого начала ломиться, чтобы миновать паспортный контроль. Самая наилучшая позиция – всегда в незнакомом месте на минуту остановиться, передохнуть, осмотреться и – вперед.

Выйдя из самолета в Рио, мы, уставшие донельзя, просто не заметили, какой красивый, просторный и функциональный был аэропорт. С головной болью, воспаленными глазами, вновь хныкающей Люкой на руках, с растерянной Алёнкой, крепко вцепившейся, как ей и наказывали, в новую дорожную сумку, которую держал в руке Витя, нашу гордость и признак европейскости, я поплелась за злым от усталости

и недосыпа мужем и отцом, тоже злая и уставшая.

Проход через таможеню был самый демократичный: только попросили открыть большой чемодан, когда на экране высветилась моя швейная машинка по своим параметрам напоминающая плоский чемоданчик типа кейса с непонятными винтиками и рычажками внутри. «Они думают, что это рация!», – решила я с перепугу. Муж, новоиспеченный, неопытный шпион, видимо, думал в одном направлении со мной, занервничал и сразу раздраженно заныл: «Всё ты! Машинку ей вези!». Я тоже тихо шипела на него как разъяренная кошка, не переставая мило улыбаться таможеннице. Конечно! Конечно! Как будто только мне она нужна эта вещь! Мало немецкая трофейная машинка «Freia» нас выручала! И будет выручать ещё, если понадобится прошить что-нибудь плотное и громоздкое. Купила я её в год рождения Алёны, в 1961 г., у вдовы ветерана войны, и служит она нам до сих пор. «Вот инженерный профессионализм немцев!» Наверное, и у германских хозяев шила-пошивала, а ей уже не меньше 60 лет и ни одного ремонта! Почистишь, смажешь – вот и вся профилактика. Если представить старушку-машинку, то она действительно в сложенном виде напоминает по своим размерам кейс, а уж что решили проверяющие, я не знаю. Тем не менее, таможенница, строгая, но доброжелательно улыбающаяся мулатка, спросила: «Que es esto?! – Что это?» Я тут же смело проговорила, откуда-то вдруг нужные слова вспомнились: «Esto es la makina de costurar. Abrir? –

Это швейная машинка. Открыть?» «No! Paxe, porfavor! – Нет! Пожалуйста, проходите!»

Во как! Проблема решена, а то уж я точно подумала, что таможенники тоже решили: ага-га-га! в чемодане спрятана шпионская рация! Ну-ка, ну-ка! И придет же такое в голову, вот как дома запугали! На воре-то шапочка горит.

Встречал нас ни больше, ни меньше как заместитель торг-преда Рэм Горбунов. Пока нас небрежно досматривали, и мы покрывались липким обильным потом, я все же обратила внимание, что местные и приезжие сеньоры держат детей не так, как мы, на руке у груди, а посадив на бедро, изящно изогнув талию и чуть придерживая чадо рукой. Ну что ж, примем это немедленно к действию и переместим Люку на бок, тем более она жутко меня измяла и извозила. Правда, это на самом деле было удобнее и ребенку, и маме, потому что переместился центр тяжести, и ребенок разместился более комфортно, и вес его казался как будто меньше.

Господи! И Рэм Григорьевич тоже оказался гостеприимным человеком. Он тут же решил исправить, как ему показалось неприятное впечатление от запахов залива, стал объяснять, что власти Рио уже решают положительно этот вопрос. Господи! Да ничего, мы и не заметили! Скорее бы сбросить чемоданы, детей, что-нибудь перекусить и отдохнуть. Рэм стал рассказывать, что другой, местный, почти в центре города, аэропорт с внутренними линиями, Сан-Дюмон (Сантус Дюмон, как произносят приезжие), он совершенно дру-

гой, просто великолепный и ничем не отличается от лучших европейских. Прислонился своими взлётно-посадочными полосами тоже прямо к берегу того же залива, но чистенький и безо всяких признаков урбанистического мусора, разве только после тропических ливней. «А еще существует аэропорт «Жакарепагуа!», – разглагольствовал.

Он уже стал патриотом Рио и хотел, чтобы и мы сразу прониклись великолепием этого города. Мы, вполуха слушающая словоохотливого и приятного во всех отношениях человека, ничего не понимая, (где он, этот Сан-Дюмон, и на что он нам сейчас нужен с его евровидом?!), разрывались между желанием придушить гида и лицемерным желанием казаться интеллигентными, милыми и внимательными слушателями.

Кроме того, Рэм ещё решил сразу нам показывать хоть какие-то достопримечательности и красоты города. Быстро миновав «благоухающий» отрезок рядом с фавелами, поехал по самой замысловатой и длинной дороге, поминутно оглядываясь и указывая нам на ту или иную статую, здание или сквер, при этом не смотря на дорогу, полную машин и эмоциональных водителей. Зампред был близоруким в очках с чудовищно толстыми линзами, за которыми было почти не видно глаз и мне все время казалось, что мы сию минуту врежемся во впереди идущую машину или переговаривающиеся между собой, курящие, размахивающие руками местные водители врежутся в нас. Кроме того, он, как потом оказалось, поехал не по авениде Атлантика, рядом с океаном,

более свежей и прохладной, а по Виа Бланка, главной улице, в основном с высокими административными зданиями, не пропускающими бриз с океана, широкой и красивой, но в это утро заполненной автомобилями, везущими чиновников на работу и наполненной смогом.

Автомобилей было много, наш гид-водитель то резко тормозил, то так же резко рвался вперед, шоферы сигналили, показывали руками, куда им нужно повернуть, было немилосердно жарко – нас элементарно укачало. Алёнка, доселе вертевшаяся во все стороны, притихла и позеленела, Люка чётко приготовилась тошнить, мне и самой стало неважно, я попросила: «Рэм Григорьевич, нельзя ли остановиться! По-моему, детям плохо». До нашего гида дошло, что мы после длительного перелёта не можем оценить ни его доброго внимания и гостеприимства, ни красоты города, он быстро перестроился, просунулся в какую-то щель, и мы оказались на роскошной авениде Атлантика рядом с пляжем Копакабана. Стало чуть свежее и свободнее, но и тут пока мы были не в состоянии любоваться самой главной роскошью Рио – открывшейся ширию Атлантического океана, широким и ухоженным пляжем с ранними купальщиками и самой авенидой, с высокими пальмами, а также великолепными зданиями вдоль нее... Солнце, сочное как апельсин и нестерпимо яркое, отсверкивало от океана или океан от солнца жгущими глаза лучами... Мы жутко, невероятно устали и жаждали добраться до крова, помыться, поесть и поспать или да-

же просто помыться и не есть, а только спать, спать, спать. Уф-ф! Приехали...

Конец августа 1970 г., Торгпредство СССР в Бразилии

Адрес: Леблон, авенида Висконде де Альбукерке, 466, тел.247-13-62.

Леблон один из престижных и относительно спокойных районов Рио. Здесь гораздо больше белого населения, одноименный пляж всего через квартал от торгпредства.

Наше торгпредство – четырехэтажное белое здание с цокольным этажом для машин, пилотиссой – большой террасой на крыше, где разместились комната с общим телевизором, закрытый балкон для сушки белья и маленький садик с местом для отдыха – там стояли пара кресел, диванчик, столик – такой скромный, маленький садик – пент-хаус для неприхотливых советских людей.

На первом этаже была приёмная, кухонька из мрамора для приготовления кофе посетителям, на втором – офис, между вторым и третьим – отдельная большая терраса со столом для пинг-понга, столбами для волейбольной сетки, щитами для колец баскетбола и в конце – двухкомнатной квартирой для приезжающих командировочных. На третьем – квартиры для сотрудников, инженеров торгпредства, на четвертом – та самая пилотисса со службами отдыха. Эдакий удобный и функциональный дом для работы, жилья и отдыха.

Сам торгпред жил в особнячке с отдельным входом, примыкающим к офису, примерно в таком, какой мы видели в

Дакаре. Квартиры для служащих были гостиничного типа, отдельные, но выходящие в общий коридор. Практически та же коммуналка – прослушиваемая, просматриваемая и про-ницаемая, но с квартирками большей квадратуры. Скромная необходимая мебель и малюсенькие-малюсенькие, чтобы только войти, кухоньки. Такие экономичные квартиры называют за рубежом студии, и они очень недороги. Аккуратненько, на грани бедности по меркам западного человека, но не по-советским. Расчунали мы эту экономность нашего государства для своих сограждан далеко не сразу.

Нас все-все устраивало и восхищало. Помните про ту сладкую морковку?

Еще бы! Трехкомнатная квартира, с удобствами, ванная хоть и совмещенная, но большая и не покрашена серо-зеленой немаркенькой масляной краской, а выложена розовыми плитками с розовой же раковиной, ванной и унитазом и, какой шаг вперед к цивилизации, биде. Что еще можно желать после двадцатиметровой комнатки, туалетом, куда нужно входить боком, и прихожей в 1 кв.м? Appetit приходит во время еды и после того, как увидишь и попробуешь какой-нибудь деликатес. У нас же аппетит был пролетарский, мы остались довольны квартирой и даже счастливы, стали с удовольствием устраиваться на новом месте, знакомиться с людьми и с городом.

Это я сейчас, уже с вершины опыта жизни и последующих поездок за рубеж и все улучшающихся и улучшающих-

ся квартирных условий и условий жизни в командировках (именно только в командировках), вижу, что наша квартира в Рио была скромной и небольшой, но опять же, всё познается в сравнении. И тогда нам было с чем сравнивать, и это сравнение было не в пользу того, что мы оставили в Москве.

С Алёнкой ещё дома, в Москве, я провела серьёзную разъяснительную работу – вот то неожиданное отступление, о каком я и говорила и какое часто присутствует в устной речи... Старшая дочка ведь знала, что папа у неё военный, помнила поездки в Щучине в лес за грибами на папином мотороллере, когда она, то стояла впереди, схватившись ручонками за руль и воображая себя водителем, то сидела между нами на длинном сплошном сиденье и только её толстенькие ножки торчали в стороны. Поездка за грибами состояла в том, что, приехав в лес, мы находили уютенькую опушечку, папа и дочка садились на плащ-накидку и начинали трапезничать помидорами, салом, хлебом, вареной картошкой, луком, приговаривая: «Откусила – положила, откусила – положила», видимо с тех пор у неё остался вкус к салу, Я же в это время старалась найти хоть какие-нибудь завалящие грибочки. Почему-то мне это не удавалось, хотя грибы в белорусских лесах мог найти даже ленивый... Так что Леночка прекрасно помнила, как папа ходил в офицерской форме и потом почему-то перестал её надевать в Москве. Мужу шла форма, особенно полевая: галифе, хромовые сапоги и гимнастерка, перетянутая ремнем по талии, делала его

стройным и колоритным. Мне кажется, что военная форма идет почти всем мужчинам, они становятся мужественными и значимыми. А чернявый с серо-зелеными глазами Виктор был очень симпатичным, и армейская форма, повторяю, ему была очень к лицу.

Представьте, мне пришлось ВСЁ рассказать 9-летнему ребенку, всё, именно всё, и я была уверена, что дочка уяснит серьезность ситуации.

А то был прецедент: на одном из собраний по случаю годовщины Советской Армии, поздравляли военных из атташата, дарили им цветы и подарки, а один мальчик на весь зал закричал: «А мой папа тоже военный, почему ему подарков не дают!». Оскорбился мальчонка за папу и заложил его.

Чтобы подобного ляпа не произошло с нами, я нашла, видимо, нужные слова и убеждения, и Алёнушка так хорошо и серьезно меня поняла, что, даже будучи наедине дома, никогда ни обмолвилась об офицерском прошлом отца, а со временем об этом даже не вспоминала, привыкла, почти забыла. Люка уже где-то в 12 лет очень удивилась, когда дома, в Москве, просматривая старый альбом с фотографиями, вдруг увидела отца-офицера.

Во всех, самых разных наших коллективах за рубежом третья, а то и четвертая часть сотрудников тогда, видимо, и сейчас, были представители КГБ и ГРУ, последних меньше. Как те, так и другие, работниками они, чью должность-вакансию занимали, были аховыми, и между ними шло, если

не подспудное соревнование, кто выше на стенку пописает, то самоутверждение. Частенько кагэбэшники были амбициозными, иногда и наглыми. Некоторые недалекие представители Лубянки любили корчить из себя этаких аристократов духа, т.к. имели за собой очень сильную и влиятельную структуру, которая не столько занималась разведкой, сколько следила за своими же гражданами. Могли непонравившегося человека заложить в одну секунду, обвинить в нелояльности, стяжательстве, аморальности, в чём угодно и выкинуть из прекрасного зарубежья в кратчайший срок, быстрее, чем дипломатические службы, которые объявляют человека «персона нон грата». Как ни крути, КГБ, организация столь необходимая государству и созданная для охраны его, государства, от внутренних врагов-шпионов, за рубежом наблюдает, в сущности выполняет свою работу, за своими – как бы они вдруг не «заинакомыслили».

В то же время сами кагэбэшники могли нарушать все десять заповедей, но в таких случаях их могла отмазать их же «контора». Военные же разведчики называли кагэбистов «соседями» и очень их не любили.

А кто любил? Кому может понравиться напыщенность и самодовольство, неоправданная самоуверенность, доходящая до смешного, на физиономии – этакая усталость от брэнности бытия и от окружающих, от безмерных тягот государевой службы? Вот то-то! Очень раздражало в их поведении то, что они все время делали вид, что им известно

нечто такое, что другим знать не положено.

В торгпредстве их было трое. Один – заместитель торгпреда, Виктор Павлович, этакий безобидный легкий гедонист, спокойный любитель повеселиться, выпить-закусить, преподнести традиционные комплименты женщинам. Такая же общительная была и его жена Лида, очень симпатичная женщина. Вторая пара тоже не отягощала коллектив своим присутствием – Николай и Аня. Но вот третий засранец, фамилия его как-то на Б.(и фамилия-то оказалась на нужную букву!) со своей жёнущкой надоели всем. Он – мерзкий тип, всегда с высокомерной мордой пустынного верблюда, с прилизанными волосами, старающийся выглядеть авантжно, его полулысая жена в очередном парике (то время, как раз, был пик моды на ношение париков, не могу не заметить я!), в перманентном состоянии высматривания и вынюхивания, их наглые детишки – ни у кого, даже у их коллег их КГБ, не вызывали желания не то что с ними дружить, а даже просто разговаривать. Когда их перевели из Рио в Бразилиа – я думаю, их коллеги об этом и позаботились, – все вздохнули с облегчением.

Вот из-за подобных представителей подобной, вообще-то необходимой в государстве структуры, и складывается негативное представление о её работниках вообще.

Часто обе службы вели параллельные дела, но из-за соревновательной струнки не передавали друг другу ни сведений, ни информаторов, важным был только результат и перетяги-

вание одеяла. Но, как ни крути, все равно у ЧК всегда было чуть больше прав, поэтому с ними не рекомендовалось поддерживать близкие или, еще хуже того, дружеские отношения. Просто – нейтральные, безразлично соседские, недаром их называли «соседями». Собственно, ни с кем не предлагалось дружить «взасос». А предлагало это как раз руководство ГРУ, т.е. генерал Армии Ивашутин П.И., занимавший некоторое время должность председателя КГБ СССР

и знавший его деятельность не понаслышке, а изнутри.

Впоследствии его, как опытного работника разведки, заместителя начальника Генштаба Армии направили на должность в ГРУ, и он там навел порядок ого-го! Теперь-то это была его епархия!

Да и без рекомендации сверху дружить особенно и не хотелось.

Но с Аней Фёдоровой и с Лидой Емелиной мы общались достаточно спокойно, без подъёдов и подъездов. Я и сейчас перезваниваюсь с Лидой, но Анюта потерялась, сейчас она в Питере... Она ещё прекрасно пела, что вызывало у меня просто восторг, я-то петь не могу. Вообще она была весёлая, добрая и энергичная. Вот удивительно! Красивой эту женщину назвать... ну, не назовешь, но она была настолько обаятельна, привлекала и мужчин, и женщин, настолько было приятно, душевно комфортно находится в её обществе, что все хотели с ней подружиться или остановиться и просто поболтать. Потом мы с ней сочиняли неплохие забавные сце-

нарии к нашим внутри коллективным или, как сейчас говорят, корпоративным праздникам. Их дочка училась у меня, я её приохотила к чтению, что вызвало большую благодарность у мамы. Так что, действительно, не всегда внешность так важна для женщины! Иногда заметная, яркая внешность даже мешает: вызывает ненужное внимание и зависть, особенно у женщин.

А женское неприятие – это, я вам скажу, нечто!

В коллективе предпочитались преимущественно ровные, простые и внешне всегда доброжелательные отношения и ни в коем случае никаких ссор.

Буквально в первый месяц пребывания в городе случилась со мной интересная штука: известное явление, которое называется «ложной памятью». Очень неприятная вещь, и что это такое, по-моему, не понимают даже те, кто придумал этому состоянию термин «дежа-вию». Было в этом нечто жуткое и даже фантасмагоричное. Психологи тоже не могут объяснить этот феномен.

Вот и по приезде в Рио-де-Жанейро я на себе испытала это ощущение и осталась в беспокойном недоумении. Представляете, я нахожусь на другом конце земли, в противоположном полушарии, в таинственном и прекрасном городе, который я вижу в первый раз. Буквально на следующий день пребывания, мужественно иду через квартал от дома в булочную. Выхожу на угол – и стоп! Я почему-то закрыла глаза. Та-а-а-к, сейчас прямо рядом с булочной будет аптека, спра-

ва напротив аптеки кинотеатрик, где название фильма расположено наверху на щите с красными полосами... Медленно, как в толще воды, с трудом преодолев оцепенение, разворачиваюсь, открываю глаза... Точно! «Ночь, улица, фонарь, аптека!» Меня начало даже немного подташнивать. Что это? То ли во сне, то ли наяву!

Как это произошло? Полное впечатление, что я уже здесь когда-то была, в точно таком же месте и с точно таким же расположением этой странной планировки: булочной, аптеки и кинотеатра с полосато-красной вывеской. Было ощущение дурного сна, тягучего кошмара. Оно быстро прошло, было просто загнано в дальний угол сознания волевым усилием типа:

«Этого не может быть потому, что не может быть никогда».

Такие странные моменты сиюминутной узнаваемости совершенно незнакомых событий бывали у меня очень-очень редко и раньше, иногда бывают и сейчас, но они тут же исчезают, я даже не успеваю чётко это зафиксировать. Так, секунда, не более. Тогда же, в Рио, это было совершенно ярко и ясно осознанно, я точно знала, что именно увижу сейчас прямо и справа... Как объяснить такое состояние и последующую угнетенность, сознание чего-то недосказанного, даже колдовского после этой вспышки якобы узнавания? Кто-нибудь знает? Не-а. Не стала я никому о своих странных ощущениях рассказывать, и понятно почему – может, солнышко

головку напекло! Купила хлебушка и отправилась кормить семейство.

Женщины в советской колонии за рубежом, как и гарнизонах, не работали, жили в тесном сообществе, особенно в торгпредстве (гостиница же!). Закрытый коллектив – это всегда подспудные течения, интриги, слухи. Интриги же, если и зарождались, то быстро угасали, т.к. каждый был сам по себе, не выявлялось лидера и высокой групповой сплоченности, необходимой для хорошей стопроцентной интриги. Общество не бурлило, а тихо булькало, как суп в кастрюльке. Все вели себя более аккуратно, откровенно и самозабвенно не сплетничали, делить особенно было нечего, все были в равных условиях, а люди знали, ЧТО могут потерять, да просто умнее были.

Имелась также приятная возможность разрядиться, снять стресс, пробежавшись по магазинам, преимущественно по распродажам. Редко в такой пробежке признавались, только если уж совсем застукают с покупками, т.к. считалось, что покупка на распродаже – дурной тон.

Ах, Бож-ж-же ж ты мой! Какие нежности при нашей бедности! Да любая вещица, купленная тогда на развале в стране третьего мира, в стране развитого социализма считалась последним писком моды и вызывала нездоровый завистливый интерес! Существует байка о неоправданно дорогуших покупках, этаким материальном снобизме: «Прикупила недорого шубку в бутике – обрадовалась. Зашла в магазин –

поскучнела и задумалась. Забрела на рынок – расплакалась! Лейблы-то одни и те же!»

Занимались детьми, вязанием, хозяйством. Отвешивали друг дружке строго регламентированные комплименты, а за спиной повторяли их в уже очень разбавленном виде типа: «У неё хороший вкус, почти безупречный, но зачем она носит такие ужасные шляпки (платья, туфли, украшения, макияж)?» . Откровенную злость или неприязнь откровенно же не проявляли, все было прикрыто флёротом воспитанности, благопристойности и толерантности. Существует общепринятое название для подобных коллективов – «террариум единомышленников». Есть ещё несколько выражений-синонимов: «чистый гадюшник», «пауки в банке» и т.д. Ну, это уж совсем страшно и, конечно, такого было не на 100 процентов. Вначале же впечатление сложилось довольно странное – я надеялась на более дружественный прием: как же, соотечественники, чёрт побери!

Не хочу показаться злой и саркастичной, были среди них, как в любом сообществе, доброжелательные, умные и милые люди. В конце концов, любой человек интересен сам по себе, не буду себе противоречить, – его характер, интересы, поведение, внешность, любая социальная принадлежность. Идеальных людей вообще не существует. Ведь сначала чаще всего замечаешь отрицательные свойства характера, их легче всего увидеть, а уж потом понимаешь, что в человеке намешано много всего, нужно только разобраться в этой ме-

шанине, выделить положительные качества, ориентироваться на них, да и на себя тоже объективно посмотреть: может, это у тебя бревно в глазу. Только вот, разбираться в подобном сообществе надо было быстро, конкретно и без ошибок отделять зерна от плевел. В этом отборе мне помогли мои хорошие гарнизонные закалка и выучка.

Вспомним: в закрытом женском коллективе я проучилась в педучилище – раз, в институте – два, в гарнизоне Щучина – три, в школе – четыре, в коммуналке с неразговорчивыми соседями и страшилками на политзанятиях – пять. Более чем достаточно. Ну-с, посмотрим, что нам преподнесет тот же гражданский «гарнизон», только зарубежный...

Сначала я больше слушала, что достаточно трудно при моём разговорчивом и общительном характере, присматривалась и иногда косила под дурочку, натянув на лицо маску наивности – ах, да что вы! ой, спасибо! ну! а я и не знала! Так кто кого переиграет? А-а-а, и не надейтесь, друзья-товарищи! Видно, во мне явно пропала актриса. Ведь я всегда в самодеятельном народом театре была на ведущих ролях, переиграть трудно, жила в роль по системе Станиславского. Тут же меня начинали снисходительно учить и что-то также снисходительно объяснять...

О! я слушаю, слушаю! Очень интересно и поучительно! Надо только не заиграться в таких ситуациях – если сложится мнение о милой, но туповатой даме, то создастся имидж, от которого уже трудно будет избавиться. Это такая малень-

кая хитрость, когда возможный собеседник не подозревает, что ты чуть умнее (или тебе хочется этого), чем хочешь казаться. Тогда он с вероятностью в 90% допустит промах, начнёт пробалтывать такие вещи, о которых умному человеку никогда бы не сказал. А болтливость собеседника – неплохой козырь при общении.

И ещё замечательный приёмчик грубой неприкрытой лести.

Даже для мужчин. Попробуйте! Этот метод всегда срабатывает безотказно, ведь многие, особенно женщины, любят поучать, объяснять, растолковывать такой простушке «не из наших», что, мол, с них взять – военные! Смешно, ей-Богу! Но первое время мой метод работал со стопроцентной отдачей. Были вполне неплохие люди и из «соседей», с чувством юмора и спокойного распределения приоритетов.

Многие в зарубежных командировках впадали в скопидомство: копили, копили, копили. Существовали по принципу: сегодня – как-нибудь, а вот завтра..., завтра я уж поживу ого как! Считали, что вот тут они живут как бы начерно, а вот когда приедут в Союз... вот там они развернутся, всех поразят-сразят-уложат наповал и заживут, наконец, так, как надо.

А как надо?

Все сначала собирали на машину – это была мечта каждого, и мы тоже не явились исключением.

Автомобиль «Волга», был в то время самый что ни на есть престижный в Союзе. Его можно было купить или по особому заказу, или как чуть ли ни премию от Правительства, или за валюту в специальном магазине «Березка» для избранных. А законно, вождеденную валюту можно было заработать, только будучи за границей. Вот все – артисты со своими спектаклями, ученые со своими наработками, художники со своими выставками, писатели, рабочие на стройках интернациональной солидарности и помощи трудящимся всех стран, кагэбэшники и гэрэушники – словом все, кому повезет, стремились заработать эту чёртову валюту.

Но ведь всё должно быть в меру, тем более мы приехали в очень удачный финансовый момент: новый президент только что произвел денежную реформу, она оказалась такой же простой, как и у нас при Хрущеве: у крузейро отбросили последний ноль, и цены стали якобы в 10 раз дешевле. Они действительно стали меньше, но конечно не в 10 раз! А до этого момента все советские представительства во всех странах, и наше в Рио тоже, несколько лет тщетно бомбардировали Министерство финансов, Министерство иностранных дел и связанные с этими вопросами структуры, тот же Внешторг, о необходимости повышения зарплаты работникам. Посылались фактические обоснования, слёзные просьбы, требовательные запросы, отчёты, списки с перечнем продуктов и самых необходимых продовольственных и промышленных товаров с чеками цен. Исписали горы бумаги, чтобы дока-

зать невозможность существования приличного представительства с имеющейся у людей зарплатой. На госслужбе вообще приняты длительные бюрократические проволочки и процедуры, зато и ответственность коллегиальная. Не прошло и 3-4 лет, как денежное довольствие работникам повысили вдвое, а тут буквально за месяц до повышения зарплаты (пока согласовали, подписали, пока долгожданное разрешение пришло) президент в Бразил вдруг и понизил цены. Сделано это было так же просто, как и у нас при денежной «реформе» Хрущева – отбросили прочь один ноль, как я уже сказала, – вот и вся реформа.

А решение-то в нашем Минфине уже подписано! И его не отменишь, не вернешь, иначе прослывешь человеком, не вникнувшим в существо дела, не продумавшим ситуацию, попросту непрофессионалом, и вылетишь из Министерства с тёпленькой выездной должности. Стрелочника всегда можно найти на обычном производстве, только в высших эшелонах: ляп затрут, замнут, сделают вид, что этот ляп так и был задуман! Конечно же, решение никто не отменил. Вот такой получился славный «пердюмонокль», как сейчас постоянно употребляет это французистое слово в своих иронических детективах госпожа Донцова! Восторгу посольских и торгпредских не было предела. А тут и мы явились к началу реформы... Появились даже свободные деньги, если так можно сказать вообще о деньгах. Неплохо, неплохо!

В Бразилии впечатления наслаивались одно на другое,

так, что их невозможно было даже систематизировать. Делать записки о таком интересном городе я начала почти сразу, но не постоянно, а так, кое-что, чисто цифровой или географический материал, имена, названия или, когда от впечатлений просто распирало. Я писала длинные, пространные письма сестре и Валентине, своей золовухе. Причём сестре описывала события, людей непосредственно в торгпредстве и бразильцев, поездки, походы на пляж и по достопримечательным местам, в магазины, в гости так обстоятельно и подробно, что она специально собирала друзей и читала им мои письма «оттель». Друзья были в восторге. Витиной сестре, я черкала послания покороче, но всё равно по приезде она спросила у меня: «Гала, а ты не пробовала писать?» Она считала меня человеком творческим, видимо, из-за моей неуёмной энергии, фонтана идей, планов, и вдруг предположила у меня наличие таланта писателя. Боже, какой бальзам она пролила на мою душу, я прямо почувствовала запах славы!

Ну, мы пошутили на тему, что если человек талантлив, то он талантлив во всем, имелось в виду, что я еще и рисовать люблю, ах! ах! какой творческий человек! и на этом предположения о моем писательском таланте заглохли, однако записи и память о стране остались. Вот и пригодились, когда решила их как-то перенести на бумагу, как-то систематизировать.

И, смотрите, получается почти книга, своего рода днев-

ник, записки, в которой присутствует последовательность во времени, т.к. сказать «датизм», чего не позволит себе ни один профессиональный писатель.

Зато все понятно: кто, где и когда... Всего лишь запомнившиеся события – интересные, грустные, смешные и не претендующие на высокую литературу.

Замечу, что ирония, чаще всего самоирония – единственное оружие людей застенчивых, в большинстве случаев неуверенных в себе.

Однако, счастлив тот, кто умеет посмеяться над собой! Вот и посмеиваюсь, но герой этих записок всего лишь один, т.е. одна. Наверное, это эгоистично: «я» да «я», но над ней же и шутит она же! Встречая массу людей разных статусов, верований, национальностей, социальных слоев, убедилась, что они абсолютно похожи по своему поведенческому характеру и подчинены главной его черте – «разумному эгоизму», одни в большей, другие в меньшей степени. Всех объединяет общий ген.

Как я уже упоминала, я все же люблю больше рассказывать, чем писать. При устном рассказе можешь интонацией, жестом, мимикой, чуть добавить изюм и перец, корицу и гвоздику – получается вкусное и изысканное блюдо. Или вообще такое заломить, что на бумаге могут гнуть наши Аксенов, Эдичка Лимонов, или наш несравненный Пелевин.

Да и вообще, сейчас СМИ не стесняются в выражениях, может даже и от недостатка словарного запаса или просто от

хамства, пренебрежения к читателям и слушателям. Беллетристика утратила благопристойность.

Нет, нет, не ту бесполоую речь политиков и чиновников, а уважительную пристойность обращения к своему читателю. Почему-то этикие, якобы, авангардисты думают, что людям понравится мат-перемат, грубые жаргонные словечки, причём иногда такие отвратные, что скулы сводит. Считают это даже неким особым шиком: вот-де какой у меня свободный от других ханжества лексикон, какая речевая палитра! Да оставьте, господа! Не палитра вовсе, а помойка. Я не воинствующий защитник святости письменного и устного слова, но такие члены Союза писателей со своей «речевой палитрой» просто паразитируют на хамоватой прослойке населения, быdle и жлобье. Хотя часть подобного тиража, но по дешевке, любитель клубнички это чтиво скупит, молодые посчитают, что писатель крут и будут ему подражать, а «писатели, писатели – уборных стен маратели» получают иудину денежку. Они оправдывают такой стиль тем, что, мол, никто не возмущается, когда люди общаются с матерком, а почему же тогда эти же люди лицемерно возмущаются и вопят о непечатном напечатанном слове? Так называемая интеллектуальная среда часто пользуется матом, и даже в их устной речи это выглядит достаточно нелепо. Литературная речь и мат в таких случаях не сплетаются в одну канву и видно, что человек или «выдрючивается», или старается казать-

ся «в доску своим».

А уж письменная речь: что написано пером... И то, и другое достаточно противно и фальшиво. Замусорили и загадили всё, что могли, теперь и к литературе подобралась. Что-нибудь можно чистым оставить? Есть такое понятие «чистый литературный язык»... Мало ли, как и кто в сердцах ругнется, но к чему сваливать этот мусор на постороннего человека, на беззащитного читателя?

Но... я противоречила бы сама себе, если бы не заметила одной странной особенности просто русского языка. Не литературной, правильной, выхолощенной, пафосной речи, а именно разговорного языка. Иногда выражение матом так часто определяет нормальное человеческое ощущение в данный миг, что даже и не кажется грубым. «Старый добрый русский мат» – это тоже часть языка, причем очень сильная. Другим, обычным словом некоторые эмоции уже не обозначишь: вот, например, выражение удивления: «очень удивился», «был в шоке», «огорошен», «остолбенел», сделал что-то уж совсем неподобающее к случаю. В великом и могучем русском языке можно подобрать кучу синонимов, но если говорят не просто «удивился», а «ох...л», то в тот момент с человеком произошло именно это.

Он был не о-о-о-очень удивлен, не ошарашен, а именно ох...л!

И тут уж понимаешь, что с ним произошло нечто экстраординарное, что он... Нецензурное слово иногда помогает

объяснить внутреннее состояние человека, как никакая другая лексика. Не подумайте, что я оправдываю или пропагандирую нецензурщину, но иногда такие синонимы можно простить: «Этот Василий Алибабаевич, этот нехороший человек, уронил мне на ногу батарею, падла!»

А если матерщину принять за основу разговорного или печатного языка, она становится такой же скучной, выхолощенной и неинтересной,

как и старательно причесанный сухой язык бюрократических документов. Тогда уже определения «удивился» и «ох...л» будут казаться одинаковыми, исчезнет изюминка неожиданности. Думаю и надеюсь, что в конце концов количество матерщины исчезнет и появятся (и появляются) качественно новые, другие жаргонные словечки. Будет пополняться интернетский жаргон. Время идет.

Так вот, письма домой я писала объёмные, судя по откликам, интересные, находила нужные слова, выражения, оценки и, замечу, они были интересны и без фольклора. Неинформационные впечатления тоже иногда записывала в свою толстую записную книжку, хотя они были такими яркими, что их можно было не фиксировать, разве что конкретные даты или фамилии. Они оставались яркими и запомнившимися на всю жизнь. Алёнушка мои письма сохранила, да потом при очередной разборке хлама я посчитала их ненужными и сожгла. Вот глупая! Сейчас они бы оченьгодились и освежили воспоминания.

Мужа ведь первоначально планировали направить в другую латиноамериканскую страну. Он три года упорно учил испанский язык, и я немного в нём поднаторела. Но там не было школы при посольстве, а мы не хотели сразу оставлять Алёнушку (9 лет!) в интернате МИДа или у тётушки в Перми. Витя попросил, и это был смелый поступок, направить в страну, где есть хотя бы начальная школа. Но я всё-таки думаю, что просьбы выпускников не учитывались, а все было вызвано служебной необходимостью.

Тут и нарисовался Рио-де-Жанейро. А там португальский язык. «Ничего, на месте выучите». Ладно, выучим, база-то есть. Увы! База базой, но это два абсолютно разных языка. Вот, например, русский и белорусский: помните, как я перевела про «коніка и зэлэну луговину»?

То-то и оно, прочитать вроде и легко, можно даже кое-что понять, но говорить! Ну, у Виктора Ивановича, моего талантливого и умного мужа, наличествовали способность к языкам и усидчивость, это передалось дочерям. У меня же наличествовало языковое нахальство, что тоже немаловажно: я не стеснялась пользоваться небольшим запасом слов, вспомогательными глаголами плюс инфинитив и тоже постепенно осваивалась.

Мне хотелось посмотреть город, а отсутствие языка всегда тормозит все действия, даже передвижение на автобусе. Тем более, что городским транспортом нам не рекомендовали пользоваться. Вот очередное лицемерное слово, бывшее

тогда в обиходе: «Не рекомендовано». Что?

Кем не рекомендовано? Не рекомендовано – и всё! Читай – ЗАПРЕЩЕНО! На эти рекомендации женщины смотрели сквозь пальцы и темные очки, всё равно у них личного автотранспорта не имелось, хотя многие умели водить машину и имели водительские права. Жены иностранных представительств, но не из стран социалистического содружества – там тоже была беднота – лихо водили свои личные тачки, в общественном транспорте не нуждались и презирали его. Из наших, кто хорошо знал город и более-менее освоил язык, спокойно передвигались на автобусах, не афишируя этого, но особенно и не скрывая. А что делать? Автомобили «Фольксваген», такие милые бежевые жучки, были только у двух инженеров торгпредства: у Курьянова, т.е. у моего супруга, и у Фёдорова, один из ГРУ, другой из КГБ. Ну, и у торгпреда и его замов тоже, конечно, были.

А остальные пользовались общим разгонным «Комби» или, по просьбе, автомобилями замов. Это тоже не прибавляло благожелательности к двум нахлебникам из военных ведомств, особенно в выходные дни, когда, усадив свое семейство в машину, они отправлялись куда-нибудь за город. Конечно, членов коллектива приглашали составить компанию, но все равно они чувствовали себя обделенными, т.к. основную работу по продажам делали-то они, а не Курьянов или Фёдоров. Уже наличие автомобилей у двух рядовых работников в советском представительстве разделяло коллек-

тив на «чистых» и «нечистых». Я, было, стала выяснять у мужа, как же так, ведь местным органам можно моментально вычислить, «ху есть ху». Виктор засмеялся и сказал, что это и без автомобилей яснее ясного, в Москве тоже такие же липовые представители и их тоже знают, просто надо не попасться с «краденной серебряной ложкой» в кармане.

Вот такие взрослые мужские игры... И за них ещё и деньги платят.

Что касается, так называемых, агентурных сводок, то это важное, но мало увлекательное чтение, и понятное только тем самым специалистам, каким являлся мой супруг. Составить такую сводку занятие трудоёмкое и требующее повседневного скрупулезного труда и внимания, особого неординарного мышления. Они, как правило, состоят на две трети из слухов, которые тоже надо знать и просеивать, догадок, предположений, сообщений из даже не заслуживающих доверия источников, просто оброненных невзначай слов в разговоре ну и, конечно, от информаторов. Недаром в голову «студентов» ГРУ втемяшивают: «В разведке нет мелочей». Следуя этому правилу, даже самый неудачливый, но дотошный и наделенный аналитическим складом ума агент, может найти в мелочах тему для оперативного интереса и её последующей разработки. Поэтому дипломаты, представители торгпредства, Внешторга, атташе по культуре, не говоря уже о военном атташе, перелопачивали каждый день груды газет и журналов, постоянно расширяли круг знакомых и сами бы-

ли очень коммуникабельны, по крайней мере, должны были быть таковыми.

Для разведчика представляют интерес даже случайно оброненные реплики, высказывания не только потенциальных противников, но и своих коллег по работе, начальников. Особенно высказанные в запале, споре, в стремлении отстаивать своё мнение о недостатках или достоинствах характеров своих близких или подчиненных, их друзьях, женах, любовницах. Это помогает составлять психологический портрет интересующих лиц или просто иметь эти факты про запас: Ага-а-а! «А» – приверженец спиртного... «В» – любит лезть... «С» – неумысел с женским полом...

«Д» – наоборот, предпочитает мужской, у «Е» – жена – транжира, значит нехватка в деньгах, тот – жаден, этот – труслив и т.д. Значит, к каждому можно подобрать ключик, найти крючок, подсесть и осторожно дергать, чтобы не сорвался. Такие выводы я сделала, прислушиваясь к обрывкам разговоров окружения своего супруга и прочих представителей подобных ведомств, наблюдая их в общении с окружающими. Вот, тоже какой-то анализ произвела! Возможно, и дилетантские давно известные истины, но я-то не специалист, а муж только посмеивался и повторял своей не в меру любопытной жене: «Меньше знаешь – лучше спишь!» И советовал мне не только не задумываться над своими выводами и, тем более, не делиться ими ни с кем. Хотя это-то я могла разуместь и без советов.

Разведчик-аналитик изо дня в день копается и разгребает кучу хлама, тщательно перетирает каждое слово, сопоставляет вроде бы незначительные факты и, если он хороший аналитик, то может найти и жемчужное зерно. Потом эти сводки и сводки из параллельных источников другой аналитик уже в центре подвергает ещё не один раз проверке и сравнивает с другими посланиями. Иметь же своих личных платных осведомителей дорогое и опасное удовольствие. Они могут в любой момент сдать. Однако они всё же имеют место быть – идейные или стяжательные, последних больше. А с идейными работать гораздо безопаснее.

Шпионские игры, условия которых знают только они, довольно примитивны: я знаю, что ты знаешь, что они знают. Понимают эти условия толика посвященных, а непосвященные, конечно, не понимают, т.к. их не пригласили в такую забавную игру. Поэтому неприглашенные и непосвящённые часто по-мальчишески надувают губы:

«Не больно-то и надо было!», якобы презирая эту мышиную возню, однако в душе несколько завидуя такому чисто мужскому занятию, интересному и опасному. Военный атташат – вообще официальный аппарат шпионов в стране, всем это известно – и вашим и нашим, только не засветись слишком явно – работай в силу своих возможностей, умения и оперативности.

Выслушав определенное количество советов, наставлений, разъяснений, просто информации, отбросив шелуху от

зерен, мы стали осваивать город.

Прежде всего сама страна... даже в её названии звучит экзотика: «Брази-и-или-я-я-а-а!» находится под знаменитым созвездием Южного креста, который и расположен на бразильском флаге. Страна занимает более 40 процентов всей площади Латиноамериканских государств, т.е. является пятой по размеру страной в мире (СССР, Канада, Китай, США). Климат тропический: весны-лета-осени-зимы как таковых нет, есть дождливый и сухой сезоны, средняя температура января (считай лета) – +30, июля (считай зимы) – +21 градус по Цельсию. Для нас разница в 7-8 градусов не играет никакой роли, все равно жарко. Но, если в дождливый сезон температура вдруг станет не среднестатистической и упадет примерно до +18-19 градусов, мнительные, балованные климатическими условиями бразильцы будут жаловаться на жуткий холод, мерзнуть и даже простужаться, а бездомные получать пневмонию от переохлаждения и даже нахально умирать, неженки!

Палящее бразильское солнце мы почувствовали сразу, уже когда только вышли из здания аэропорта «Галеон» – на нас опустилось, нет, упало и придавило душное одуряюще жаркое марево – тёплое тяжёлое и влажное одеяло, дышать сразу стало трудно, а по коже, несмотря на жару вдруг пошли холодные, знобливые мурашки. Это признак резкой потери влаги организмом. О коварстве бразильского солнца мы уже были предупреждены, но не знали, что час пребывания

на пляже даже под зонтиком белому человеку может обойтись очень дорого: обожжённая кожа, волдыри, нестерпимая головная боль, высокое давление. Особенно это опасно для туристов-европейцев, приезжающих на бразильский карнавал на недолгое время. Все хочется увидеть, везде успеть и, главное, загореть в экзотической стране Бразилии на знаменитом 4-километровом пляже Копакабана. Наблюдались и смертельные случаи от теплового удара – влажность плюс высокая температура – или от солнечного ожога. Плюс 34-36 градусов в тени, тропик Козерога от Рио находится в 60 километрах – это очень-очень близко от экватора. Нужно в обязательном порядке пользоваться защищающими кремами, что крайне неприятно на пляже – песок всё время липнет к коже.

По мнению белых европейцев, в тропиках без кондиционеров не только нельзя нормально жить, но даже секс без домашних холодильных установок невозможен в принципе. Хорошо, что это мнение не разделяют сами жители жарких стран, а то бы они выродились. У нас же кондиционеры были.

Из-за него можно было даже простудиться: ворвешься в квартиру после палящей жары – и к кондиционеру! Вот тебе и ангина! Но действительно очень жаркий климат, очень.

В миниатюрном «жучке-фольксвагене», где никаких холодильников-кондиционеров не предусматривалось, было такое пекло, что ягодицы пассажиров приваривались к сиденьям намертво. Костюмы облегченного типа «tropical» у на-

ших чиновников регулярно расползались по швам (каждый месяц). Ребята, приезжая с переговоров и выходя из автомобиля, иногда скромненько прикрывались папочкой спереди или сзади – костюмчик выходил из строя, липкие горячие капли пота прожигали одежду насквозь, вызывая неожиданный озноб.

Рио-де-Жанейро – один из лучших знаменитых городов Латинского континента, в основном ориентированный на юг, на удивление красивый город. Этаким добродушный жизнелюбивый красавец-ловелас, мачо, небрежно прислонившийся к холмам-горам, самый типичный, самый бразильский город. Жители Рио сами убеждены в этом и в несколько минут убедят любого приезжего, что он прибыл в самый-самый лучший город во всем мире. Они большие патриоты своего «сидади маравильоза».

И я с ними согласна.

На период 1970 г., т.е. когда мы туда приехали, в Рио насчитывалось около 10 миллионов человек. Город делится на север и юг. На юге был расположен очень красивый район Фламенго. Грех говорить о каком-то из районов Рио, что именно этот район красивый – они все привлекают внимание жгучей тропической красотой. Просто о названии: предполагается, что он назван потому, что первоначально был заселен голландцами-фламандцами. Это одна версия. Другая – здесь, в бухте Гуанабара, было великое количество розовых фламинго, пока популяцию этих прекрасных птиц не извели

на украшение дамских шляпок и боа.

Фламенго – богатый район, здесь и живут богатые люди: коммерсанты, банкиры, дипломаты, крупные бизнесмены, торговцы, иностранцы.

Южный район города, к зависти местных жителей, более прохладный из-за лёгких ласковых пассатов, заселен более зажиточными людьми.

Это только так говорится «лёгкий ласковый пассат». Иногда от этого «лёгкого» ветра с океана трещат стекла в домах и гостиницах Копакабаны, но на пляжи приносит прохладу до самого низкого уровня в 18 градусов, лютого, несусветного холода, по мнению бразильцев. Вдоль пляжей в светлых, красивых домах обретается богатое, в основном, белое население, и южная часть от северной отделена холмами Тижука и Педра-Бранка.

В северных кварталах расположились промышленные предприятия: нефтеперерабатывающая компания «Петробраз», завод грузовиков, полиграфический и металлургический комбинаты, предприятия текстильной, кожевенной, деревообрабатывающей, обувной промышленности. Работают крупные алмазогранильные фабрики, где обрабатываются не только, конечно, алмазы, а вообще драгоценные и полудрагоценные камни в целом.

Там же находятся пролетарские кварталы Рио, большинство фавел, и живет там бедное темнокожее население. Туристы и не туристы в эти районы не заглядывают. Как ни фи-

лософствуй, а нищета и богатство или даже недостаток мирно уживаться не могут. Хорошо, если бы эту банальную истину помнили бы наши современные неприлично богатые соотечественники. Потому как, и аукнуться может. И это будет ужасно!

А в центре Рио есть особый квартал «Сахара», где большинство жителей только арабы и евреи. И ведь не ссорятся!

Огромный город Рио-де Жанейро свободно поглощает и ассимилирует расы: здесь перемешались белые, черные, желтые, красные, которые все чувствуют себя как дома и создали красивую, жизнестойкую нацию. Бразильская нация и обязана своим взрывным темпераментом этому волшебному сплаву разных элементов крови. Народ страстный, увлекающийся, жизнелюбивый, авантюрный, не чурающийся некоторой доли жуликоватости. Это совершенно особый психологический тип: открытый, обаятельный, веселый и романтический. Разного рода расизм – белый, черный, мусульманский, иудейский – вызывает возмущение как общественности в целом, так и отдельных индивидов в частности. Бразильский народ – живое порицание расизма. Уж больно тяжело ему досталось равенство наций и ещё свежи в памяти плети и палки плантаторов-рабовладельцев. Бразилию еще называют Соединенные Штаты Латинской Америки.

Большая часть города расположена на узком побережье, в переплетении дорог и туннелей между горами. Горами, правда, я бы их не назвала, по нашим понятиям это просто

высокие холмы.

Но горожане уверены, что это и есть самые что ни на есть высокие горы и разубеждать их бесполезно.

Самая высокая «гора» – Корковадо, что в переводе означает «горбун», высотой всего 710 м. Она и получила это название из-за своеобразной формы: срезанная вертикально с одной стороны и выгнутая горбом с другой – вот по этому горбу можно подъехать на машине по дороге-серпантину или на маленьком паровозике. На вершине «горбуна» в 1931 г. скульптором Ландовски возведена статуя Христа Спасителя – символ и визитная карточка Рио. Идея скульптуры – из бетона и мыльного камня – была разработана сподвижником Оскара Нимейра Эйтором да Силва Коста.

«Это наш Спаситель, Искупитель, Кришту Реденторе!», – говорят жители Рио. Считается, что это самая большая в мире статуя Иисуса Христа. Гора Корковадо является ещё и частью национального парка Тижука. Насколько я помню, статуя Спасителя высотой 38 м стоит на 8-метровом гранитном пьедестале. Вблизи гранит серого цвета кажется несколько загрязненным. По обеим сторонам постамента установлены прожекторы, направленные чуть вверх, и металлическая доска – ведь гранитная-то может выветриться, не дай Бог! – с памятной надписью: «Освещение предоставила американская компания «Дженерал Моторс», чтобы жители Рио-де-Жанейро на минуточку не забыли, знали, кого за это благодарить и кто их благодетель. Чтобы знали..., кому кланяться-

ся! А вот фамилию скульптора, автора статуи, мне пришлось выяснять долго и, судя по фамилии, она казалась, скорее всего, польского происхождения. Однако выяснилось, что Ландовски французский скульптор.

Несколько непропорционально вытянутая, что придает ей неповторимую величавость, фигура Христа в ниспадающих одеждах расположена лицом к океану. Спаситель, раскинув руки, как будто поддерживает небо, и чуть наклонив голову, благословляет божественный город. Особенно незабываемый вид высвечивается ночью: луна, плывущие рваные облака и, т.к. самой горы в ночи не видно, подсвеченная снизу статуя, создают впечатление, что Христос парит над городом, медленно летит над ним, распластав руки, будто птица. Зрелище фантастическое, захватывающее воображение и даже настраивающее на мистический лад.

На Корковадо ведет, как я уже сказала, довольно удобная дорога с несколькими туннелями. В Рио вообще их много, из района в район можно попасть, минуя несколько туннелей, они хорошо освещены, широки, машины здесь мчатся со скоростью до 100 км в час. Гора «Горбун» пользуется особой популярностью среди туристов. На вершине, чуть ниже, устроена смотровая площадка: для фотографирования, киоски с сувенирами, лавочки со сладостями (кариокас ужасные сладёны!, это тоже издержки тропического климата), с прохладительными напитками, вездесущей ледяной кока-колой. На этом пяточке всегда толпится и гомонит раз-

ноплеменная толпа: не обращая внимания друг на друга, туристы суетятся, спорят, жестикулируют, выбирая наиболее удачный ракурс на фоне Христа. Причем больше заботятся о том, чтобы удачнее смотрелась их личность, а не символический монумент, т.е. педалируют на тему «Я и Христос!» Туристы чаще всего в белых брюках, хотя большинство и не слышали бессмертного высказывания Остапа Бендера о белых штанах и о Рио.

Желание путешественников выглядеть перед статуей заметно, эффектно и выпукло часто приводит к смешным казусам. Дело в том, что одна из сторон площадки резко отвесная и ограничена высокой каменной балюстрадой, а другая небольшими перильцами и полого опускается метров на 25, а потом уже идет вертикальная скала в пропасть. Вот там, как раз на стыке, и провешена оградительная сетка для сохранения жизни особо рьяных туристов, старающихся попасть в нужный ракурс у памятника, а то и норовящих перегнуться через эти перильца и рассмотреть, глубока ли пропасть.

Особо невнимательные или настырные посетители оступаются при наведении фотоаппарата на объект съёмки, переворачиваются, шандарахаются на отлогий склон и кувыркком-кувыркком попадают в сеточку. Оттуда их со смехом и шуточками, но аккуратно и предупредительно, вылавливают специальные спасатели, молодые ребята-мулаты. Зрители в это время гужуются возле перилец, имея возможность последовать за упавшим. Вытянув шеи, толпа любопытству-

ющих фотографирует, с удовольствием наблюдает за действием спасения, бросая либо язвительные, либо сочувствующие реплики типа: «И какого... она там, корова, высматривала?» (по деликатности выражений сразу определяешь соотечественника). «Ах, ах, надеюсь она (он) ничего не сломала!», – обычно подобным образом причитают розовенькие или голубенькие старушечки. Туристы даже рады нестандартному приключению, особенно, если это случилось не с ними: шумят, толпятся, опять же фотографируют и дают советы спасателям, в какую сторону кантовать потерпевшего и предлагают помощь: стерильные салфетки, антисептическая жидкость, вода – у кого, что имеется. Вот, тоже очень хорошая черта у бразильцев, оказать действенную помощь, несмотря на разные «корова», «растяпа», «разиня». Наши тоже очень активны в таких случаях, тут же бегут помогать спасателям, которые вежливо-твёрдо говорят: «Все в сад! Все в сад!!!»

Особенный ажиотаж происходит, когда по откосу катится женщина в платье. Развлечение! Однажды подобный случай произошёл на наших глазах, когда мы возили к главной достопримечательности столицы очередных командировочных из Внешторга. Одна полновесная американка до такой степени хотела, чтобы в кадр попали она, Христос и, по-моему, весь Рио, что при поиске места для съёмки в ажиотаже просто перешагнула оградительный барьерчик и покатилась вниз по склону горы, попав прямо в сетку. Все обошлось бла-

гополучно, не считая испачканного костюма и испуга. В подобных случаях всегда наготове предусмотрительные распорядители. Привыкнув к таким происшествиям, они вежливо, но решительно отказываются от помощи доморощенных спасателей, быстро и сноровисто занимаются своим делом, ловко транспортируют-кантуют упавшего к исходной точке, оказывают посильную помощь: оглаживание, отряхивание, чашечка кофе или стаканчик кока-колы за счет фирмы, смазывание антисептическими средствами, бактерицидные пластыри, не травмирующие кожу, тогда тоже новинка для нас!

Естественно, после подобных процедур, особенно если тебя смазали антисептиком в виде «краснушки» (наша зеленка!), увековечивание на память у памятника откладывается. А толстушка-американка не получила даже и царапин – она очень удачно саммортизировала на своих выпуклостях, потом, правда, нервно похихикивала, не убирая со своего добродушного лица классической штатовской улыбки и все повторяла: «О-кей, о-кей!» Женщина чувствовала себя несколько смущенно. Впрочем, это естественно – под взглядами собравшейся толпы: сочувствующими, насмешливыми, растерянными и даже, извините, злорадными: «Вот, дескать, гринго покатила, тетёха толстая!» Ну, как во всякой толпе – смех над упавшим улучшает настроение и повышает собственного эго».

Однажды, подъезжая в очередной раз на Корковадо, мы попали в небольшое «ингаррафаменте» – пробку на доро-

ге. Выйдя из машины, уже как истинные бразильцы, которые любопытны как дети, узнать, что же такое произошло, мы увидели, что дорогу перекрыла переползавшая через нее «бригиза» – обезьяна-ленивец. Эта полуобезьяна настолько медленно двигается, что движения её почти незаметны. Общаются такие животные между собой звуками высокой частоты, недоступной человеческому уху. Бригиза настолько тягуче и редко движется, что из-за влажного климата и «сидячего» образа жизни в её густой шерсти начинают расти сине-зеленые водоросли, которые обеспечивают животному камуфляж среди листвы. Со временем мех её приобретает грязновато-зеленоватый оттенок. В этом плотном мехе и живут различные мелкие насекомые, жучки, личинки – «я к вам пришел навеки поселиться» – вот они и вселяются и питаются этими водорослями.

Ленивец вальяжно-неторопливо перебирался через шоссе... Вся небольшая автомобильная толпа с интересом наблюдала, как бригиза, неуклюже цепляясь лапами, длинными, как бы изломанными в суставах, за асфальтовое покрытие, ползет по каким-то только ей известным бригизиным делам на другую сторону шоссе. На плоской поверхности эта обезьяна напоминает парализованного – такая же зафиксированная беспомощная и жалкая. Однако на деревьях это животное, очень ловко и быстро перебирая лапами с тремя устрашающими когтями загнутыми вовнутрь, перепрыгивает с дерева на дерево и не дай Бог!, если она полоснет ко-

го-нибудь этими вот самыми коготочками, напоминающими кривые острые ножи. Но в тот момент она была абсолютно беспомощна: все к ней близко подходили, разглядывали, смельчаки даже тихонько и осторожно дотрагивались прутиками (вот именно, прутиками!) до её густого меха цвета фишашкового с бежевым оттенком, фотографировались. Раздавались неуверенные предложения подтолкнуть ленивца к противоположной стороне шоссе, но, глядя даже навскидку на внушительные когти, никто не взял на себя смелость её транспортировки даже прутиком. Мы тоже сфотографировались, подождали, пока бригиза достигнет цели своего путешествия – противоположного края дороги и поехали дальше. Особенно были довольны дети и очередные гости – командировочные.

Замечу, что в толпе остановившихся в «ингаррафаменто»-пробке никто не возмутился, не орал и не требовал убрать «эту тварь» с дороги. Подъезжающие в хвост автомобильной ленты машины ещё по инерции гудели, но им тут же объясняли, что дорогу перегородила ленивая бригиза. Они тотчас так же лениво прислонившись к капоту, закуривали, знакомились, обсуждали последний счет футбольных игр и спокойно ждали окончания инцидента.

Особую фишку городу придает еще одна «гора», тоже символ Рио – Пан ди Асукар (еще произносят Пао, Пау), Сахарная голова, её высота всего 395 м. Названием своим она обязана своей необычайной форме, но говорят, что на са-

мом деле название это происходит от индейского «пан-ди-акукуа» – отдельная скала. Вполне возможно, что прибывшие поселенцы могли спросить у аборигенов, как это место называется и услышали в ответ: «Пан-ди-акукуа». Посмотрели... А что? Действительно, сахарная голова... Только вот почему любопытные пришельцы решили, что местные жители к их приезду уже выучили португальский язык? Ведь «рао до асукар» португальское слово. Я все-таки склоняюсь к мысли, что корни этого названия местные, случайно подошедшие по созвучию к языку жестоких колонизаторов.

Округлая как колено «Пан-ди-акукуа» – именно так называли её индейцы – стала центром, вокруг которого начиналась застройка города и на протяжении веков была его визитной карточкой Рио. Однако монополия не продлилась вечно. Когда на самой высокой точке города соорудили очень вписавшуюся туда статую Христа то, благодаря столь выигрышному месторасположению, бетонный Спаситель и стал символом Рио-де-Жанейро, потеснил Сахарную голову на открытках и постерах. На гору можно подняться даже пешком, но никто таким способом подъема не пользуется, разве что спортсмены для разминки и тренировки или какие-нибудь оригиналы на пари, кто быстрее, и кто не сдохнет от жары.

Пау де Асукар напоминает не просто огромную головку сахара, но голову сахару обернутую в зеленую бумагу густой растительности. Верхушка этой головы лысая, издали белая и искристая, как и положено сахарному конусу. Она

расположена на берегу бухты Гуанабара, и подниматься туда лучше фуникулером на Praia Vermelha. Когда проплываешь над бухтой в стеклянной кабинке подвесной дороги, открывается не только ослепительный вид на саму бухту и Атлантический океан, но и на город – сравнительно узкую полосу побережья, окаймленную жёлтым песком, белой пеной постоянного прибоя, ограниченную от океана всемирно известным пляжем Копакабана и роскошной авенидой Атлантика, главную магистраль Рио, ограниченную правильными рядами одинаковых по высоте кокосовых пальм, на которых зреют... что?... правильно!... кокосовые же орехи. На этой улице расположились роскошные отели, супердорогие магазины, в том числе и ювелирные бутики со сверкающими изумрудами и брильянтами в витринах, престижные частные дома бразильцев и миллионеров-иностранцев. Где-то я слышала, что и русские богачи сейчас прикупили престижные «апартаментос» на знаменитой авениде. Особо выделяются ювелирные магазины компании «Штерн». Покупать драгоценности у Штерна – прерогатива супербогатых клиентов, цены там запредельные, но качество камней и обработка высшего мирового стандарта.

Видны с высоты и прямые линии улиц через пляж Копакабана на авениду Атлантика и Рио Бранко, въезды в некоторые туннели.

Бетонная, беленая толстым слоем извести, отсверкивающая искрами рафинадного сахара, стена фуникулера испещ-

рена соответствующими и обычными рисунками, надписями на разных языках, куда дотянулись шаловливые ручки туристов. Безусловно, и наши не забыли оставить память о своем пребывании: «Советский цирк, Ленинград, Одесса» и, извините, обойтись без непременно самого короткого и почему-то самого ругательного слова в русском языке было невозможно. Да-с, запечатлено-с, от чувствс-с-с!

На вершине Пао (Пан) ди Асукар в районе Ботафого имеются ресторан, бар, сувенирные киоски, и, как во всех достопримечательных местах, обретаются вездесущие туристы. В настоящее время я вычитала, что подъезд к Сахарной голове модернизирован по проекту Оскара Нимейера, и вид на бухту выглядит еще более привлекательно, удобно и современно.

Там же, на смотровой площадке горы, меня остановили две американки и с бесцеремонностью, граничащей с наивностью, очень заинтересовались моей камеей. Попросили посмотреть, долго рассматривали и восхищались антикварной вещью. Я с важностью объяснила им, что это-де камья моей бабушки. А что?! «Да, да, – разохались-завосторгались туристки, – сейчас такую старину, такое сокровище не купишь!»

Должно ли было рассказывать им, как я лопухнулась с покупкой этого украшения? Нет. Не стоит так откровенно озвучивать свои недостатки воспитания и знаний. А если и рассказывать, то отнюдь не разовым знакомым.

Уже в который раз я со смущением вспоминала, как, торгуя камею у старичка-антиквара, желая сбить цену, произнесла слово «старая», на что продавец укоризненно посмотрел на меня и ответил: «Не старая, мадам, а старинная!»

Это так. Три греческие головки, одна в центре побольше, две другие по бокам поменьше, вырезаны в перламутре с такой тщательностью и умением, что в лупу можно рассмотреть каждый волосок в причёске. Меня с этим антикваром познакомила пани из торгпредства Польши, большая прохиндейка и хитрованка. «Хитрованка» слово старое – обительница толкучего московского рынка Хитровка, пройдошистая и предприимчивая.

У этого же ювелира она меняла крузейро на доллары, т.е. по сути, занималась валютными махинациями, как тогда называлась подобная деятельность. Мы, лохи и законопослушные граждане, как черт ладана боялись даже этого слова и получали от государства, так называемые чеки, бумажки, которые то же государство потом взяло да и отменило: получите, граждане-товарищи, бумажку на бумажку, рубль за чек, который по своему номиналу стоил намного выше доллара (!). Когда Стефа предложила мне тоже поменять у этого же старичка полученную зарплату на доллары, я посмотрела на нее как на помешанную. Она же поняла, что сумасшедшая из нас двоих, конечно, простяга-«советика». Вот дурочка русская! Больше предложение не возобновлялось. Вполне возможно, что это была провокация и, если бы я повелась на

подобное деяние, мало бы мне не показалось. Уж очень Стефа набивалась в подруги.

У этого же ювелира я приобрела мое любимое кольцо с морским аквамаринном, оригинальный браслет и необыкновенно изящный, как будто вязаный, комплект кольца и клипс с бирюзой такого пронзительного голубого цвета, какого я больше ни разу не встречала. Надеялась, что украшения будут носить дочери. Да ничего подобного! Они говорят, что сейчас это не принято и вообще морально устарело!! Кто же будет ходить на работу в кольцах!? Не соответствует офисному дресс-коду... Не корпоративно... Не знаю, я носила и мне нравилось...

Для жителей Рио, «cariocacas», людей сентиментальных, поэтичных и патриотичных, в их городе все самое-самое: самый знаменитый пляж Копакабана, самая высокая в мире статуя Христа, самый большой на земле стадион Маракана, самые фавелистые фавелы, самый бесконтрольный вывоз прибылей, самый веселый карнавал, ... Нация совершенно самодостаточная, их устраивает все свое, национальное: книги, композиторы, певцы, телесериалы.

О карнавале даже говорить не приходится, он самый-самый что ни на есть раскрепаснейший на всём земном шаре. Вот это уже точно никак нельзя подвергать сомнению. Так и есть.

А в настоящее время Бразилия – реальный претендент на превращение в один из полюсов развития XXI столетия с её-

то богатейшими ресурсами.

Бразильцы правы, отчасти, даже насчет фавел. Как ни странно, впечатления от живописного ландшафта Рио не портят почти нескончаемый ряд фавел, из которых, кажется, состоит весь пригород. Словно скворечники примостились они на зеленых холмах, легкие и по-своему изящные, из старых досок, бамбука, мешков, жестянок, из любого подручного материала, фавелы тоже являются одной из достопримечательностей города. Особенно, когда в них не живешь. Если же вдуматься и отбросить разные там «живописный вид», «изящность», впечатление, конечно, удручающее... Тем не менее, фавелы давным-давно такой же бренд Рио, как Корковадо с Христом на вершине, как Пау де Асукар, знаменитая Копакабана, как авенида, так и пляж с таким же названием и с мускулистыми мулатами- спасателями – их очень уважают европейские туристки – ну и т.д.

Слово «фавела» произошло от названия дерева. Солдаты, бившиеся с королевскими португальскими войсками, разместились в Рио на холме Провидения да так и остались там жить в домишках, наскоро слепленных из подручного материала. Возможно, в строительный материал входило и дерево фавела. Во всяком случае, это поселение потом назвали «Холмом фавелы». Отсюда и прилепилось это название ко всякому убогому жилищу. Наверное, такой красочной рухляди не увидишь нигде. Хотя постепенно некоторые районы этой роскошной рухляди постепенно превращаются

в довольно современные домишки. Там провели даже бесплатное электричество, но не везде. Посещать эти застройки опять же не рекомендовалось: в такого рода «пролетарских» криминальных поселениях полно жулья и бандитов, как и везде в мире, но здесь живут не только воры и торговцы наркотиками. Живут и малооплачиваемые техники и служащие, рабочие, просто безработные. Все помогают друг другу в горе и в радости, вместе отмечают рождения, похороны, свадьбы, праздники, напоминая азиатские объединения по месту жительства.

Фавелы, по сути дела, мини-государство в государстве. Насчитывается более сотни такого рода поселений. Полиция старается сюда без крайней надобности не заглядывать. А если и приезжали на какую-нибудь из ряда вон выходящую очередную разборку, то вооруженные до зубов, на специальных машинах, далеко от них не отходили и находились под защитой энного количества снайперов, засевших в самых невообразимых разуму местах. Покрутятся-покрутятся со своими «пушками» да и уедут восвояси.

Эти лачуги имеют проблемы с водой (попробуй, потаскай в гору бидоны на голове), с канализацией. Вдоль узких петляющих улочек тянутся зловонные канавы, хотя жители стараются соблюдать гигиену, моются хоть и в тазике, но по нескольку раз за день. Здесь вопиют неприкрытая нищета и высокая детская смертность. Впрочем, присутствует и высокая рождаемость. Эта «достопримечательность» города

целомудренно прикрыта роскошной тропической зеленью и огромными рекламными щитами. Если не знать, что в таком прославленном городе есть подобная архитектура, то их, т.е. фавел, и не заметишь. А внимание туристов и не забывают подобной чепухой: разъяснений, где находятся фавелы и как туда проще добраться, в туристических проспектах не имеется. Приезжим достаточно пляжей, гор со статуями и фуникулерами, прекрасного Музея современного искусства, Национального музея, где можно лицезреть, если хватит сил, более 4 млн. экспонатов, Индейского музея, прекрасных белых и цветных женщин и, конечно, карнавала.

Мы подъезжали к фавелам достаточно близко, чтобы рассмотреть хоть начало бедняцкого «Рая». Не выходили из машины, поражаясь и умиляясь собственной смелости, азарту и бесшабашности, немножко стыдясь нелепого интереса к человеческим неурядицам, и готовые в любой момент дать задний ход. Напоминали своим поведением маленьких шавок перед большой злой собакой.

Оскар Нимейер вот что писал: «Жители фавел воспринимают город как вражеский лагерь, где царят роскошь и коррупция». Сразу понятно, что лучше не раздражать жителей бедняцких кварталов своими автомобилями и белой кожей. Чужие там не ходят!

Можно бесконечно любоваться самими постройками города – города старины и небоскребов. Небоскребов в полном понимании этого слова не так уж и много. От старины, кото-

рую лелеют и берегут, Рио досталось много исторических памятников XVI-XVIII вв., они и являются самыми известными и посещаемыми. Колониальные церкви – монастырь Сан-Бенто, церкви Ностра-Сеньора-да-Глория и Сан-Франсиску ди Пинитенсия, собор Ла Канделария, акведук Аркус-да-Коста, дворец Итамарати, церковь Св. Лусии с природным фонтаном, вода которого считается целебной... Ратуша – тоже очень красивое здание. Национальный музей изящных искусств насчитывает, примерно, два миллиона редких книг и манускриптов, имеется прекрасная многочисленная коллекция картин, как старых мастеров, так и современных. Ботанический сад, Национальный парк. О них я скажу позднее. Все перечислить трудно.

Особенно меня поразили Церковь Славы Господней (Ностра Сеньора) и акведук. Церковь – ажурная и устремленная ввысь восьмиугольная постройка в стиле барроко, начала XVII века. Расположена она на холме с видом на залив Гуанабара в окружении высоких и пушистых пальм. Кажется высокой, но на самом деле нет, она не высокая, ее стремят ввысь точно выверенные пропорции, изящная и умиротворяющая. Императоры крестили в этой церкви своих наследников.

Акведук тоже производит впечатление воздушного легкого моста, однако это мощное функциональное сооружение, с XVIII в. не ремонтировался и работает до сих пор. Современный же Рио – это здания известных архитекторов Нимей-

ера, Косты и Бастуса. С Оскаром Нимейером или, как произносят иногда Нимайером, мы познакомились на приеме по случаю открытия нашего посольства в Бразилиа. Дело в том, что в русском языке произносится название страны «Бразилия», на самом деле она Бразил, ее столицей в конце шестидесятых годов стал город Бразилиа.

Постепенно мы узнавали Рио, его предместья, выезжали за город на более дикие пляжи, чем городской или под боком – Леблон. Вообще, для уха русского человека какие чарующие названия: Фламенго, Ботафого, Ипанема, Лагоа, Леме!

Даже фавелы имеют какие-то звенящие завлекательные имена: Мадурейра, Какскадура, Катакута, Росинья и страшноватое Жакарепауга (примерно, «крокодилья вода»)! А?!

В коротких и сухих энциклопедических данных пляжи Рио-де-Жанейро называют красивейшими и чистейшими в мире. Конечно, это так. Но насчет чистейших?... Чистота там условная и зависит от работы городского муниципалитета.

Главный и всемирно известный пляж Копакабана с прекрасным ярко-желтым и чистым песочком тянется почти на четыре-пять километров. Не нужно обольщаться – к вечеру все пляжи основательно замусорены. Но сколько бы мусора не набросали туристы да и, что греха таить, сами cariocas, всему на свете предпочитающие проводить время у моря, армия мусорщиков обязательно с раннего утра прочистит золотой песочек, и пляж опять чист, аристократичен и с иго-

лочки одет кружевом Атлантики.

Уборщики регулярно подчищают пляжи и в течение дня, должность эта среди рабочих в некотором роде даже престижна. Недаром я употребила словосочетание «золотой песочек». Дело в том, что бразильянки в большинстве своем (конечно, не из фавел) практически каждый день посещают пляж. Устраивают себе уютненькое лежбище: отбрасывают песок горкой в виде кресла-шезлонга, застилают его полотенцем, густо-густо мажутся кремом для загара, аккуратно устраиваются в этой ложбинке, находятся там неподвижно часами, некоторые дремлют, изредка переворачиваясь с боку на бок. Никто особо не боится солнечного ожога или теплового удара, все они давным-давно адаптировались к своему климату не в пример беспечным туристам, и лежат под огромными зонтами, предусмотрительно натершись толстым слоем специального крема от солнечных ожогов. С упертостью фанатиков загара они буквально плавятся на солнце, но остаются на пляже. Женщины обвешаны золотом (для них оно никогда морально не устаревает): браслетами, даже на ногах, цепочками, кулонами, кольцами, серьгами и при намасленных телесах частенько теряют свои украшения – те просто соскальзывают с тела. Мусорщики же, поутру и даже днем, прогребая песок специальными вилами с густыми вертикальными зубьями, частенько находят этот весьма своеобразный и ценный мусор, особенно в период дождей, когда с гор и с тех самых фавел на холмах, несутся

бурлящие потоки воды.

Пляжи в ближайшую неделю после потопа посещать невозможно: груды тряпья, веток, каких-то немислимых предметов в виде помятого алюминиевого кофейника, кастрюли, разбитой чашки, кучки дерьма, различные резиновые изделия, отмытые, но ставшего от этого еще более омерзительными, потерявшие свой цвет побрякушки из пластмассы, отшлифованные стекляшки – все это добро с пляжей вывозится грузовиками. Напоследок две шеренги мусорщиков прочищают песок вилами и граблями, находят иногда что-нибудь интересенькое. Уборка закончена, и опять Копакабана – Леблон могут принимать своих завсегдатаев.

Дожди же в Бразилии – это не освежающие дождички и даже не грозы в нашем понимании. При тропическом ливне в течение одного часа может вылиться, нет, низвергнуться с небес до 1 куб. м осадков. Просто катастрофа и беда, если такой «дождичек» застанет тебя врасплох.

В стране влажный тропический климат: океан, бассейны больших и малых рек, озера. Муссоны, дующие с Атлантики к Андам, приносят тоже много влаги. И когда начинается ливень, то с небес обрушивается сплошная водяная пучина: «тучи ходят хмуро», от синих разрядов молний сотрясаются сами хмурые тучи, сотрясаются и дома, как от взрывов, дребезжат и вылетают стекла, слетает покрытие с крыш, по громоотводам и деревьям промелькивают фиолетовые электрические змеи. Оказывается, Бразилия занимает первое место

в мире по количеству молний. Начинается крошечный ад!

Буквально через четверть часа улицы затоплены, люди попрятались в дома, а «кто не спрятался в домике – я не виноват». По улицам бурлят реки, по этим рекам стремительно несутся столики и стулья из кафе, сломанные деревья, плывут, теряя управление, как скорлупки, автомобили. Все это беспомощно кружится, наезжая и натываясь друг на друга, громоздится в пирамиды. Много машин уносит в океан.

Минут через 20-30 ливень может резко прекратиться, тучи уходят, а в невозмутимо сияющем синем небе вновь появляется ослепительное солнце. Все как обычно: Рио опять греется в лучах солнышка, небо сияет приветливой и невинной голубизной, только улицы покрыты плотной подстилкой из глины, песка, грязи, листьев, веток, мелких хозяйственных предметов, тряпья – всего того, что нерадивые хозяйки не успели спрятать до начала дождепада.

Машины, оставшиеся там, где их прибило потоком, под крышу набиты такой же пакостной мешаниной. Бывают и человеческие жертвы: водители не успевают выбраться из машины, автомобили ломаются, люди захлебываются, получают травмы; некоторых уносит прямо в море вместе с машиной. О пешеходах лучше и не говорить.

Мы сами видели и сфотографировали пирамиду из пяти машин: три внизу, как основа, причем одна из них стоит вертикально, две другие сверху тоже в каком-то невообразимом положении – вот такую авангардную скульптуру сделал по-

лучасовой тропический «дождичек».

Когда в первый раз я стала свидетелем этого ужасного погодного катаклизма, то, к счастью, была дома, но ужасно испугалась: сквозь сплошную завесу воды наблюдала из окна, как быстро канал на нашей авениде Альбукерке, обычно медленный и спокойный, превратился в бурлящий селевой поток, и как по нему автомобили, деревья, предметы мебели плывут прямехонько в океан. Муж мой в это время был где-то на встрече, мобильников тогда (всего сорок лет назад!) еще не существовало, созвониться не имелось возможности. Я очень беспокоилась, как бы он не выехал на своем легком «жучке» – фольксвагене в город и не попал бы в этот ужасный шквал воды. Все обошлось, но природа нас предупредила: тропическое солнце – опасно, тропический ливень – еще опаснее.

Вот в такие дожди на роскошные пляжи Рио и выносятся невообразимый мусор города. Не являются исключением и высокомерная Кобакабана, и фешенебельная авенида Атлантика.

И еще о знаменитой авениде Атлантика... Она идет параллельно пляжу, застроена и сравнительно небольшими многоэтажными зданиями. Но в их разнообразности не наблюдается разнобоя, существует общность стиля, возможно, это непостижимая общность богатства, роскоши и самодовольства. На этой пятикилометровой улице расположены, как я уже упоминала, самые роскошные пятизвездные отели,

не менее фешенебельные апартаменты, рестораны и виллы богатых людей Бразилии и богатых людей из других стран, а в настоящее время и наших соотечественников.

Оригинален сам тротуар «calsada» авениды: он выложен вручную белым песчанником и черным базальтом. Каждый булыжник – это плоский, отшлифованный, меньше кубического дециметра минерал. Располагаются эти камешки попеременно кругами, полукругами, серпантином. Из-за близости и долетающих дисперсных брызг прибоя постоянно волнующегося Атлантического океана влажность воздуха велика, поэтому тротуар всегда влажен, чист и поблескивает, как лакированный.

Все большие респектабельные дома Рио имеют свои имена собственные. В знаменитом здании «Шопен» на тринадцатом этаже, счастливое число в Бразилии, имелась в наличии квартира, которая оценивалась в 2 миллиона 400 тыс. крузейро, в долларах тоже астрономическая сумма – это заработок одного из «фавеладос» (жителя фавел) за две тысячи лет, так утверждала в 1970 г. газета «Жорнал ду Бразил».

Само государство Бразил сравнительно молодое, поэтому граждане очень ценят свою историю, лелеют ее и слегка приукрашивают. В городе много памятных мест и памятников.

Один из самых первых памятников расположен на площади Тирадентиса и появился в память освобождения Бразилии от португальского владычества в 1862 г. Сама площадь тоже носит имя Тирадентиса не просто так. На самом де-

ле имя руководителя заговора в округе Минас-Жерайс было Жоаким Жозе да Силва Шавьер. Тирадентис – это то ли его подпольная кличка – «зубодер», то ли ласковая кликуха от его соратников, т.к. он работал действительно стоматологом, и на месте будущей площади находились его дом и лечебница. Он был одним из лидеров освободительного движения освобождения Бразилии и его революционную кличку запечатлели в названии площади. Скорее всего, стоматолог-зубодер, как и все богатые местные коммерсанты, примкнул к революционному движению освобождения только потому, что не хотел делиться своими доходами с наглыми дядями из Европы, в частности, с колонизаторами из Португалии. Бытует знаменитая цитата из истории семьи Тирадентисов: «Составили и приумножаем свои богатства». Все правильно, драгунский офицер Жоаким да Силва одним из первых и из многих осознал, что колониальные власти выкачивают из Бразилии, а значит в первую очередь из богатых семейств страны, все ее богатства, не давая ничего взамен.

Добыча золота и алмазов в рудниках штата Минас (шахты) Жерайс, где работали привезенные из Гвинеи, Анголы, Судана, Мозамбика, Нигерии рабы, падали. С 1770 г. золотые месторождения иссякли, по крайней мере, по мнению европейских хозяев. Труд рабов, как всегда и во все времена, был непроизводителен. В среде интеллигенции зарождались сначала робкие, а потом все более жесткие идеи независимости. Начали вспыхивать антиколониальные восстания. Вот

одно из таких восстаний возглавил офицер и зубной врач.

Повторяю, бразильцы чтут свою историю. Фигура Тирадентиса увековечена на площади его имени. Существует 10 мая даже праздник – День Тирадентиса, т.к. заговорщики решили провозгласить республику именно в этот день – день сбора недоимок.

Сам революционер были безжалостно повешен 21 апреля 1792 г. в Рио-де-Жанейро, а потом четвертован, как раз вполне в духе португальской инквизиции. Его дом был снесен и засыпан солью. Расправились с бедным «зубодером» по-крупному. Даже его дети и внуки пострадали – были объявлены опозоренными. Ну, прямо совсем как дети врагов народа в Советском Союзе при сталинском режиме. А общественное мнение, ой, как было весомо!

К восставшим против колониального грабежа примкнули и известные интеллигенты. В частности, юрист и бразильский поэт-лирик Томас-Антониу Гонзага, потомок коренной бразильской семьи. Впоследствии он умер в ссылке в португальской же колонии в Мозамбике (такая маленькая страна Португалия, а сколько колоний и имперских амбиций!) за участие в политическом заговоре. Там он заболел тифом, потерял память, страдал психическим расстройством. Именно Гонзага, как юрист, написал конституцию будущей бразильской республики.

Что касается «коренных» бразильских семей, то история стыдливо умалчивает о корнях этих семей – переселенцев

из Португалии. В новую колонию переезжали целыми семьями как родовитые, но обедневшие креолы, так и переселенцы-ссылные. Часто таким переселенцам, их было гораздо больше, чем знатных бедных креолов, португальские и иные власти предлагали выбор: или тюрьма, а то и казнь, за вполне житейские преступления типа грабежа, разбоя, мошенничества и даже убийства. Либо поезжай и осваивай бразильскую сельву, добывай гевею, выращивай кофе, какао, бобы, маис и будь полковником. Как сами понимаете, лучше выбрать отъезд в путь неизвестность и быть полковником, чем тюрьма, виселица или плаха. Стародавние власти тоже не церемонились со своими инакомыслящими, диссидентами. Многие неудачники стали в новой колонии миллионерами и, как всякие нувориши, «новые бразильцы» пускали вновь прибывшим переселенцам дым в глаза, причем в прямом смысле этого слова: раскуривали сигары при помощи купюр крупного достоинства. Особенно преуспела в этом первая волна приезжих, имевших какой-никакой первоначальный капитал, прикупивших рабов и освоивших огромные и лучшие площади для выращивания кофе и плантации для сбора сока гевеи. Это тоже было золото, т.к. только Бразилия аж до 1911 г. была полной хозяйкой каучуконосных деревьев. Вот и посчитаем: золотые россыпи, шахты с драгоценными и полудрагоценными камнями – алмазы, изумруды, аметисты, аквамарины, сапфиры, опалы, бирюза, хрусталь, турмалины и другие, названий которых я даже не знаю. Далее: хлопок,

сахарный тростник, каучук, кофе, какао, добыча розового, красного дерева и жакаранды – железного дерева – плюс бесплатная рабочая сила. Да, тут было чем заняться деловому человеку, а переселенцы-мигранты люди всегда более предприимчивые, им просто некуда деться. Тем более конкурентов им в коммерческом бизнесе среди местного населения не было.

Большинство же из них, все равно, как бы они не подчищали свою родословную, имели корни весьма и весьма подозрительные и мутные. Прошлое аристократических семей Бразилии, кичащихся своими предками, очень сомнительное. Все туманно, господа, очень туманно...

Достоинство их только в том разве только, что они креолы, белые. Кстати, насчет «белизны»... Кожа португальцев совсем не скандинавского, например, или славянского цвета. А у славян кожа действительно очень светлого, даже с розоватым оттенком цвета, так называемая «кровь с молоком» (ужасное определение!). У португальцев же она имеет такой несколько желтовато-охряной оттенок, скорее его можно назвать цветом «слоновой кости». Безусловно, благородный аристократичный цвет. И они им, несомненно, гордились.

Но за двухсотлетнюю историю голубая, то бишь цвета «слоновой кости», кровь колонистов очень и очень разбавилась, как они ни противились, кровью африканских рабов, индейских аборигенов, пиратов всех европейских на-

циональностей, французских, английских и арабских моряков. Нация сформировалась в результате тесного контакта трех рас: мулат – потомок белого и негра, метис – белый плюс индеец, самбо – негр и индеец. Выковалась новая «бразильская» нация, которая от смешения рас и народов только выиграла: стала красивее, крепче чисто в физическом смысле слова, повысились деторождаемость и иммунитет. Чистокровных белых в Бразилии почти нет. В аристократической изысканной бледности нет-нет да и проступит вдруг то провокационная африканская смуглота, недвусмысленная неоформленность носа и толстогубость, то излишняя тонкость арабско-французско-креольских черт. Ну, в крайнем случае, просто загар. В конце концов, здесь не принято, не модно быть бледной немочью. А корни у бразильцев очень и очень многочисленные, и спутавшиеся. Так что история переписывается частенько и не только у них: акценты переставляются, белое становится черным и наоборот.

Для общего представления о Бразилии я прочитала в переводе, конечно, и некоторые немногочисленные стихотворения Гонзаги, которые могла найти, очень пасторальные строки в духе пастушеских серенад: «томны очи», «тонкий стан», «косы темны», «пышно роза расцвела», «стон и слезы безнадежны» и т.д..., в современном понятии «любовь-морковь». Наверное, в той современности они звучали к месту и менее манерно – каждому овощу свое время. Предполагали, что многие из них перевел Пушкин. Сначала я засомнева-

лась, откуда Александр наш свет Сергеевич знал португальский язык? При дальнейшем прочтении оказалось, что оригиналом служил французский перевод, а вовсе не перевод Пушкина с португальского. Читайте, сеньора Гала, первоисточники и для этого учите, учите язык.

Очень помпезный конный памятник посвящен старшему сыну португальского короля. Он в 1826 г. объявил португальскую колонию империей, а себя императором независимой Бразилии. Это произошло, когда его отец вернулся в Лиссабон из Рио-де-Жанейро, в котором пребывал во время наполеоновских войн, от греха подальше переждавший в своей колонии смутные времена французского нашествия.

Этот император в истории Бразилии почитаем, т.к. тоже был за независимость своей новой Родины. Он незатейливо именовался Педро Примейро, т.е. Петром Первым. Однако в своей генеалогии первый бразильский Педро имел немного-немало около двадцати имен: дон Педро де Алкантара Франсиско Антонио Жоао Карлос Шавьер де Пауло Мигель Рафаэль Жоакин Жозе Гонзаго Паскоал Сиприано Серафим де Браганза и Бурбон. Уф!

Латиноамериканцы, верящие, что длинное имя определяет судьбу человека, предсказывает счастье и богатство, дают своим детям долгопротяженные и пышные имена. Впрочем, длинноты в именах появляются еще и потому, что к имени ребенка добавляется не только имя отца, как принято у нас, но и имя матери, причем на первом месте. Чем длиннее и

аристократичнее род испанца, тем труднее и дольше выговаривается его полное имя.

Памятник Педро Примейро (просто необходимо напоминать его порядковый номер, а то «мало ли донов Педров в Бразилии») появился в 1862 г. по поводу провозглашения независимости от португальской короны. Бразилия чтит эту дату и отмечает 7 Сентября – национальный праздник – День Независимости. Сам же император независимость и провозгласил. Этаким революционер королевской фамилии! Сидя верхом на коне, восклицает он, судя по надписи на памятнике: «Независимость или смерть!»

Как видно этот призыв просматривался в истории во все века и времена. Вожди и различные лидеры не утруждали себя поиском других, более оригинальных лозунгов.

В городе много красивых и интересных по своей конфигурации монументов, большинство – это различные героические лидеры и полководцы и непременно на лошадях.

Запоминается также величественный, уже более современный, мемориал воздвигнутый на берегу залива Гуанабара в центре парка Фламенго в память двум тысячам воинов погибшим в Северной Африке и на море во Второй мировой войне. Конечно, это не двадцать миллионов советских людей, погибших в Великую Отечественную, но все герои имеют право на память потомков, ибо без прошлого нет и будущего. А бразильцы уважают и помнят своих героев! Кстати, Бразилия – единственная страна из стран Южной Америки

приняла участие в военных действиях и то, только после того, как немецкие подлодки потопили пять бразильских судов. Военные действия вели бразильцы на севере Африки.

Тогдашний президент Бразилии Жетулиу Варгас поначалу симпатизировал фашистскому режиму в Германии и Италии.

Итак, монумент погибшим воинам... Примерно на трехметровой высоте на мощных бетонных столбах лежит громадная платформа. На правой её стороне установлена скульптурная группа: летчик, моряк, пехотинец. Выбита надпись: «Бразилия – своему неизвестному солдату». Под платформой с левой стороны находится Музей истории второй мировой войны, справа – подземный Мавзолей. В Мавзолее надгробные плиты с именами погибших солдат, есть и надгробья без имен, они предназначены для неразысканных еще останков воинов. На четырех флагштоках у мемориала развеваются флаги четырех держав: Бразилии (надо понимать, что она самый деятельный участник второй мировой войны!), Америки, Англии и Франции. Когда интересуешься, почему же нет флага Советского Союза, то многие совершенно искренне удивляются: «Разве ваша страна воевала с фашистами?» А более продвинутые, пожав плечами, говорят: «Discriminasion!», – «Дискриминация!», – и смущенно отводят глаза.

Как в каждой стране, пропагандистская машина старательно превозносила свой образ жизни, свои обычаи, свою

расу и принижала, затирала то, что было невыгодно государству. К истории, даме чрезвычайно легкомысленной, у меня отношение недоверчивое. Ведь история пишется победителями с момента своей победы. Проигравшие как бы из нее вычеркиваются, а победившие начинают прославлять свои деяния и все переворачивается с ног на голову. В силу своей природы история – это субъективная и односторонняя оценка событий. Это басня, в которую одно поколение договорилось сначала поверить «понарошку», прекрасно зная истинное положение вещей, а уж последующие поколения начинают верить всерьез, пока не наткнутся на секретные документы, архивы, железные факты, которые подтверждают, что история подделана, подчищена, выхолощена и переписывается уж который раз. Надо опорочить прежнее, чтобы утвердить новое. Так было, так будет всегда. Такое происходит сейчас и в нашей стране

Чтобы знать хоть что-нибудь о стране пребывания, да еще такой экзотической как Бразил, надо учить и учить язык. Я его и учила, но получалось что-то на бытовом уровне, потому что представители торгпредства редко приглашались на приемы и презентации. Если и приглашались, то там мы чаще общались с иностранцами-небразильцами и понимали их лучше, т.к. они владели португальским языком на нашем же уровне. Понимали мы и женщин-бразильянок, т.к. болтали в основном на бытовые темы.

Но тут, к счастью, в торгпредство приехал переводчик Ва-

лера, молоденький-премолоденький, худенький-прехуденький, с какими-то зелеными зубами и, ко всему прочему, (прости меня, Валерочка, но такова сермяжная, она же кондовая, правда) с нестерпимым запахом козла. Хороший, умненький и добрый паренек, мы все его любили. Он имел один существенный недостаток воспитания, а, может, просто не понимал, что в тропиках принимать душ нужно не менее двух-трех раз в день и дезодорантом пользоваться на чистое тело. Банальная, но не всем известная истина. Он просто принюхался к своему запаху, сделать же ему замечание было неудобно. Так и ходил. А вот, поди ж ты, язык, знал отменно, окончил престижный ВУЗ и, наверное, был завидным женихом, причем таковым себя и считал. Вот такая самоуверенность!

Однажды мы с ним шли по улице, и я обратила его внимание на изящную бразильянку, идущую впереди, сказав: «Посмотри, какая красивая женщина!» На что двадцатипятилетний Валера, небрежно и уничижительно окинув красавицу взглядом, процедил: «Да посмотри, какие у нее шершавые локти!»

Ах, ты Бож-ж-же ж мой! Он еще и в локтях разбирается! Какое самомнение! Какой апломб! При такой-то своей, прямо скажем, неказистой внешности! Ничего не поделаешь – извечный мужской шовинизм. Я его не стала разубеждать...

Вот он-то и стал заниматься с женщинами торгпредства изучением языка, дело пошло гораздо лучше.

А бразильцы – люди контактные, улыбчивые, доброжелательные, красивые и жизнестойкие. Здесь смешались множество этносов и рас и как результат – яркий калейдоскоп лиц, традиций, образов жизни. Единственно общее у них – только португальский язык. Бразильцы с гордостью говорят, что бразильская нация произошла от креола ссыльного, индейца гонимого и негра в цепях.

Есть мнение, что пиво, самый популярный бразильский напиток, привезли в страну немцы. Переселенцы из Германии еще в XIX веке в основном и заселили близлежащий от Рио город Петрополис, город-спутник.

Дискриминации в стране нет. У кого деньги, будь ты хоть орангутанг, тот и музыку заказывает. Но еще раз повторяю – нация красивая, особенно женщины: рослые, округлые (если худая – значит, больна или на грани нищеты), с гладкой золотистой, кремовой, кофейной, черной кожей, роскошными волосами и ленивой кошачьей грацией в каждом движении. Все с идеальными пропорциями части тела ниже спины, проще говоря, с округлой и высокой попой. И двигают они ею грациозно (даже откровенно толстые мулатки), чуть вызывающе, и тоже на самом высоком уровне: идет полно-весная мулатка, а сзади у нее так все колышется в чуть танцевальном ритме, что не захочешь, а засмотришься.

Мне казалось, что каждая вторая встречающаяся мне на улице женщина киноактриса или фотомодель, вот что значит причудливое смешение рас и народов! Да можно посмотреть

на наши слайды и уже ничего не надо будет описывать.

Поведение мужского пола на пляжах Рио-де-Жанейро ничуть не отличалось от их поведения на всех остальных пляжах мира. Туристы и аборигены разглядывали мулаток и не мулаток, не забывая старательно втягивать животики, распрямлять плечики и в то же время чуть сутулиться, расставлять локти, тем самым демонстрируя груз своих якобы мускулов, своего физического совершенства. Иногда, созерцая выходящую из пен морских совсем уж неотразимую темнокожую Афродиту, они забывались и все их усилия враз исчезали: опять приотпускалось пивное пузико, сомнительно широкие плечи и расставленные локти опадали – продемонстрировать было нечего. Все равно хорошо, что мужчин в любом возрасте и всегда волнует женская красота!

Мужчины торгпредства тоже не являлись исключением, бегали по утрам и в обед на пляж фотографировать и, конечно же, разглядывать бразильянок. Бразильянки же спокойно, с королевским достоинством, безмятежным удовольствием и грацией позировали, демонстрировали свои прелести. А демонстрировать было много чего! Девушки попадались настолько красивые, что наши мужики, по-моему, их конкретно и за женщин-то просто не могли воспринять: им трудно было представить таких «белиссимо» (красавиц) в прозаических ситуациях. Хотя, может, это я только так предполагаю, а не мужчины...!? Самый захудаленький из них бывает такого высокого мнения о своей персоне – к сожалению, са-

мооценка часто завышена – что каждый может совершенно свободно представить рядом с собой хоть королеву Англии. Правда, дело за малым: нужно будет уговорить королеву. Но и английской королеве – пусть она меня извинит – с красавицами-кариокас не сравниться.

Бразильские же мужчины помельче, менее выразительны, они находятся на каком-то втором плане после своих роскошных красавиц. Хотя накаченные молодые мачо, спасатели на пляжах, «сурфистос» (спортсмены-сёрфингисты) отличаются ленивой грацией леопардов-красавцев, играя своими смазанными маслом мускулами, завораживая приезжих туристок. Кстати, увлечение сёрфингом распространилось именно с берегов Атлантики, где крутые и пенистые валы непрерывно катят к берегу. На высоких волнах стремительно летят доски со стройными и мощными фигурами спортсменов. Они, как молодые боги, парят в бирюзовых волнах океана, абсолютно непонятно как, держащиеся на своих скользких снарядах, и еще выделявают на них совершенно немислимые пируэты – дух захватывает! Пластика, гибкость, неукротимая энергия и сила, безрассудная храбрость! Смотреть на них великое удовольствие. Были среди них и девушки, но как исключение из правил. Конечно, на берегу их ждут поклонницы и поклонники, восхищаются, восторгаются, визжат от этого восторга. Сёрфингисты принимают это поклонение как должное. Частенько совмещают свои занятия сёрфингом с легкими авантюрными похождениями с

приезжими дамами бальзаковского возраста и не только с приезжими, имея необременительный и приятный дополнительный заработок.

У серьезных же бразильских сеньоров присутствует несколько претензионное, на наш взгляд, поведение: изысканность оборотов речи: говорят в 3-м лице как о себе, так и о собеседнике, тщательность во внешнем облике – темный костюм, белая рубашка с галстуком, наутюженные брюки, безукоризненная гладкая прическа, начищенная обувь. Разве это плохо? Нет. А вот все это великолепие производит впечатление чего-то искусственного, ненатурального. После 30-ти лет они начинают почему-то брюзгнуть и жиреть. Пива что ли пьют много?... Волосы они смазывают то ли специальным гелем, то ли другим средством, плавающим на жаре и иногда вместе с потом, стекающим по вискам и по шее. От этого блеска они кажутся более толстыми, чем есть на самом деле и какими-то недомытыми. Но это не так.

Все жители этого тропического рая, даже самые распоследние бедняки из фавел, очень щепетильны в вопросах чистоты. В этом раю просто невозможно быть нечистоплотным – климат не позволит. Поэтому и в общественном транспорте не ощущается такого тяжелого амбре, как, например, в нашем прославленном чистом метро. Однако при всей чистоплотности и доброжелательности бразильцев в транспорте. И в магазинах, и в толпе на улицах нужно быть начеку, как и в любом мегаполисе: в один миг взрежут сумочку в автобусе,

с ювелирной точностью определяя где находится бумажник, при этом ослепительно-жизнерадостно в магазине. В толпе сорвут часы, сумку, кольцо, быстро перекинут другому умельцу и опять мило улыбнутся. Впрочем, со мной лично ничего подобного не случилось. Когда же рассказывали о таких происшествиях, мне почему-то не верилось. Ан, нет, бывало это, бывало...

Да, о мужчинах... Как я уже писала, но мужчины-бразильцы произвели на меня меньшее впечатление, хотя я и не феминистка. Зато сами представители сильного пола всегда были в восторге и от своих женщин, и от чужих, тем более белых. Я уже говорила, что бразильцы доброжелательный, контактный народ, даже когда обворовывают тебя. Если ты встретишься глазами с мужчиной, женщиной, ребенком, стариком, старухой они тебе обязательно улыбнутся. Приятно и неожиданно. К женщинам у них восторженное отношение. И эта восторженность выражается в восхищенных взглядах и восхищенных же возгласах вслед. И не то, чтобы как частенько у нас – в лучшем случае гоготнут по-жеребьячьи или заорут что-нибудь непечатно похабное. Нет, бразилец восхищенно прищелкнет пальцами, улыбнется и скажет: «Bela! Senora bela! Beleza! Belissima! Cara boa!!» – «Красавица! Красивая сеньора! Прекрасная! Красивое лицо!» и т.д. С удовольствием свистнет вслед, что на наш язык можно перевести как: «Вот это да!».

Но все эти знаки внимания однажды сыграли со мной

злую шутку. Вдруг после всех этих «красавица, милая, прелесть», я увидела, что какой-то тип схватился кончиками пальцев за мочку уха, протяжно свистнул и томно произнес: «Porquína-a-a!» Ничего себе! Нахал и хам! Подонок и дурак! А!? Обозвать свиньей! Каков наглец! Возмущению моему не было предела. Ведь «порко» это свинья, скорее свинина, а «поркинья» – что это?

Я лихорадочно переводила реплику в свой адрес и решила, что это «поросятина». Ни то, ни другое не понравилось. Так... уже свининой обзывают! Что делать? Благоразумно решила на эту тему в коллективе не распространяться, срочно похудеть на пару-тройку килограммов, а также не ходить по улице «*em frente uniso*» -только впереди (имеет много значений, в том числе и «единый фронт»), а по сути дела в большом нагруднике типа бюстгальтера, топа. Проходит некоторое время, и я опять слышу это же «Поркинья!».

Теперь уже после очередного языкового занятия я начинаю, как мне кажется исподволь, выяснять, как нужно отбрить нахала, если он сделает что-нибудь оскорбительное для достоинства женщины. Валера просит проиграть ситуацию, сказав, что он все же не думает, что такой случай может произойти с женщиной, да еще с иностранкой, да еще с белой.

Я с подходцем, как мне кажется дипломатично, заявляю, что, вот-де мол, слышала, как один проходимец обозвал даму «поркинья». Наш милый учитель рассмеялся и сказал,

что это не оскорбление, а довольно распространенный, милый, но простецкий комплимент и обозначает он «поросёночек», причем такой «поросеночек», которого вот так бы и съел – это тот самый жест с пальцами у мочки уха. «Так что, Галина, – сказал догадливый переводчик, – никого тебе не надо отбривать и ставить на место!».

Я успокоилась, ходила по улицам в очень откровенных топиках и уже не прислушивалась, что там говорится вслед и нет ли там какого криминала для достоинства советской женщины.

Наше торгпредство находилось совсем близко от престижного городского пляжа Леблон, буквально один переулочек и перейти шоссе. Можно было выйти прямо из ворот в купальнике и полотенцем вокруг бедер и спокойно идти к морю. Точно так же, не отягощая себя одежками, отправлялись загорать и купаться местные женщины, и мы адаптировались к местным обычаям.

Атлантика очень бурная, купаться там, как в море, невозможно или можно, но очень в редкие неветренные дни. По сравнению с Копакабаной пляж Леблон считается более-менее спокойным. «Копу» оккупировали «сурфистос», так называют в Рио любителей серфинга, остальные любители пляжей загорают, довольствуясь бесстрашным ополаскиванием в пене набежавшей волны у самой кромки воды. Но и на Леблоне огромные валы накатываются друг за другом и могут утащить неопытного купальщика в один момент. Пару лет

перед нашим приездом таким образом утонул посол, когда корпоративно выезжали за город на пикник пляжа Тижука.

Чаще всего, позагорав, кариоки только обозначат купание: скоренько войдут по колено в океан и выскакивают на песочек опять загорать. Нет! Не так! Они очень грациозно входят в прибрежную воду и не менее грациозно изогнувшись из нее выходят, чуть закидывают головку и небрежно-мимолетным жестом поправляют великолепную гриву волос, чуть обрызганную набежавшей волной. Учитывая минимум купального костюма, блеск, будто лакированных выпуклостей, зрелище для мужчин завораживающее. На городских пляжах не загорают топлес, хотя во всём штате Рио-де Жанейро имеются два-три нудистских пляжа, но в столице ни одного.

Мы все-таки решили посетить такого рода пляж, ханжески прикрылись полотенцем, имитируя, что вот-вот его сбросим для купания. Нудистский пляж может погрузить в тяжелое раздумье и комплекс неполноценности – как некрасиво, в сущности, человеческое тело! И как, оказывается, важна одежда! Даже на таком одиозном пляже кто-то очень инициативный затеет «покидать мяч» или, еще прикольнее – поиграть в волейбол! Без трусов и без лифчиков! Зрелище, я вам скажу, не для слабонервных!

На всех бразильских пляжах имеются опытные спасатели, обычно, дипломированные пловцы – дюжие молодцы. Работой своей дорожат, как, впрочем, и все имеющие постоян-

ную и хорошо оплачиваемую работу. Сидят на выщечках и наблюдают за своими овечками. Один раз произошел страшный для меня инцидент, когда Алёнка полезла в воду и не рассчитала расстояние до берега. Накатившейся волной её потянуло в океан, и как она ни барахталась, девочку явно отнесило от берега. Буквально в один момент ребенок очутился уже в мертвой зоне, там, где нет купальщиков. Я купила дочкам очень яркие купальные шапочки с цветочками, красную и желтеньку, и никогда не пускала их в воду, не надев предварительно этих опознавательных «поплавков». Вижу, что моя «красная шапочка» болтается уже на гребне вала, а поделаться ничего не могу, т.к. хоть и хочу прыгнуть в воду, поплыть за ней, но за мной лезет в океан и Люляха! Бегаю по берегу, как курица, отталкиваю от воды Люку, которая мотается за мной, опять бегу, заполошенно кричу: «Алёнушка! Алёнушка!» А что Алёнушка? Ее явно уносит. Вот тут уж я благим матом заорала: «Socoggo!» – «Помогите! На помощь!»

Весь Леблон переполошился, все подбежали к кромке берега, но в воде уже был спасатель и вытаскивал Леночку из волн. Она даже не успела испугаться, посчитала, что катается на волнах. Зато я долго не могла придти в себя, сердце колотилось, ноги дрожали, и я некоторое время не могла идти, сидела на песочке и крепко держала своих дочек за руки.

Каждый раз, когда мы возвращались с пляжа, по дороге мы проходили мимо киоска с мороженым и дети выбирали

себе по рожку с любимым мороженым, чаще всего они покупали фисташковое, бледно-зеленое. На этот раз они обе лакомство не получили. Как ни жаль мне было Алёнку, я все же ей разобъяснила, что ее ожидает в море, когда она заходит в воду дальше чем по пояс и не оглядывается. Мы действительно поминутно глядели на волны, когда купались. Люка, которая уже в два-три года тоже умела плавать как нерпа, постоянно ныряя и смешным поплавком всплывая кверху попой, тоже на этот раз не получила мороженое, чтобы запомнила выволочку, и чтобы Алёнке не было так обидно. Конечно, младшей дочке я тоже объяснила: она наказана за то, что не осталась на берегу, когда я хотела плыть за сестричкой. А уж если бы я полезла в волны за дочкой, то спасателю пришлось бы вытаскивать нас двоих, а то и троих, и еще неизвестно, чем бы это все кончилось. После такой встряски, дети слушались меня на пляже беспрекословно, но Люке, правда, время от времени приходилось повторять «прочехвостку», особенно ее угнетало последующее отсутствие мороженого, зато запоминалось лучше. Впоследствии, уже на Кубе, я провела такую же воспитательную работу с внуком, и проблем на пляже не было.

На пляжах всегда многолюдно, иногда кажется, что все занятия бразильцев, открытых и улыбчивых людей, заключается в получении удовольствий от жизни, которых этот город предоставляет великое множество. Для кариоки пляж – второй дом, там могут назначить встречу, познакомиться-

ся и даже заключить мелкую сделку. Хотя такого рода вещи, как заключение сделок, у деловых людей и по серьезному поводу всё же проводятся в офисах, элитных ресторанах или закрытых клубах. В закрытых клубах нам тоже приходилось бывать по вопросам продаж катеров-ракет на подводных крыльях, ведь муж официально являлся представителем «Авиаэкспорта». Если моему супругу приходилось работать в элитных ресторанах или закрытых клубах, то мы с детьми проводили там время в свое удовольствие: уходили в зону развлечений, ели вкусные пирожные, дары моря: вкуснее всего «кончитас а ля пармезана» – морские гребешки, запеченные в своих раковинах с маслом, лимоном и сыром пармезан; жареные креветки с разными обалденно вкусными соусами, мидии, омары и лангусты. Охлаждались мороженым разных сортов и наливались прохладными водами и соками, которые выжимались тут же при нас из любых понравившихся нам фруктов, а не «фреш из сухофруктов», как однажды я прочитала в меню столовой одного их российских санаториев! Дары моря поглощала я, а дочери все остальное. Потом бассейн, водяные горки, подбрасывающие струи, окошки со стеклянной завесой воды, словом, аквапарк. Дети отрывались по полной программе. Если представитель был с супругой, то план мероприятия менялся: Люка оставалась на попечении старшей сестры, а я представляла вместе с мужем. Если надо, уводила супругу фирмача прогуляться, поболтать о том о сём, выпить кофейку

или поклевать что-нибудь легонькое типа фруктового салата или непременно «кафезиньо» (маленькая чашечка очень крепкого и сладкого кофе) с мороженым. Но такие выходы для нашего семейства были достаточно редки, т.к. инженерам торгпредства предписывалось работать с клиентами индивидуально.

Как я уже писала, приехали мы в Рио в удачный финансовый момент, по сравнению с московским денежным довольствием и выбором товаров, мы могли себе позволить некоторые излишества. Помню, еще будучи молодой девушкой, я частенько останавливалась у витрины ювелирного магазина в Ростове на улице Горького и, разглядывая сверкающие украшения, думала:

«Вот стану взрослой, будут у меня деньги куплю себе вот это колечко и вот это, и эту цепочечку, и этот браслетик!»

Реальная возможность исполнить мечту молодости появилась в Рио. Мы могли теперь не рассчитывать скрупулезно деньги от зарплаты до зарплаты, могли доставить себе маленькие и небольшие удовольствия, не откладывая жизнь на потом, хорошо и даже изысканно одеваться, есть хорошую пищу. В детстве и юности я была лишена этого. Так почему отказываться, когда есть возможность? Теперь я могла осуществить свою мечту иметь золотые украшения и даже приобрести из них кое-что для детей и родственников.

В Бразилии – очень качественное золото и сравнительно недорогие драгоценные и полудрагоценные камни: топа-

зы самых разных расцветок, от светло-желтого до густо-ко-
ньячного, аметисты от прозрачного с еле-еле заметным фио-
летовым оттенком до почти чернильного цвета, аквамарины,
бриллианты, изумруды. Самая лучшая огранка бриллиантов,
по мнению местных ювелиров, была уральская. Запомним!
Изумруды – слишком дороги, не по карману. Ладно. Пер-
во-наперво, я заказала себе сет: золотую гривну, серьги и
кольцо со светлыми-светлыми, чуть сиреневатыми аметиста-
ми. Я уже тогда работала в торгпредстве на ресепшен и по-
лучала собственные крузейро. Две моих месячных зарплаты
хватило, чтобы оплатить это модное и достаточно дорогое
украшение.

Соня, жена инженера торгпредства, уже старожил в Рио,
умница и проныра еврейской национальности, знала русско-
говорящего ювелира на Кобакабана, некоего Фёдора. Ока-
зывается, семья этого Феди приехала в свое время из Гон-
конга после известных событий в 1917 году и осела в экзо-
тическом городе. Видимо, вывезла некоторые сбережения,
открыла собственное дело и вот уже два поколения торгу-
ет драгоценными украшениями. Хозяин, примерно тридца-
тилетний молодой человек, почему-то с гордостью поведал
нам, что его бабушка не знает португальского языка и знать
не хочет, а «Дома мы все говорим по-русски», – добавил он.
Конечно, ювелир Федя – не Штерн, но выбор и качество то-
вара у него были большие, учитывая наличие своего мага-
зинчика на Кобакабана. Кроме того, можно было заказать

украшение по собственному рисунку, как я свою гривну. Я, правда, хотела, чтобы камни были не в оправе, а висели свободно на подвеске в просверленное в них узенькое-узенькое отверстие. Но ювелир сказал, что никто таких вещей не изготавливает, камень может расколоться от давления. Ну что же, это не алмаз, может и расколоться, делайте в оправе, но постарайтесь, чтобы она не была громоздкой, чтобы не золото, а камушек был в первую очередь заметен.

Так вот, Соня, добрая душа, поехала со мной к ювелиру, уж очень мне не терпелось получить украшение, я еще не решалась шататься по городу в одиночку, спросила у меня с некоторой долей удивления, знаю ли, сколько все это будет стоить. Конечно, я предполагала и, оказалось, предположила правильно. Удивление Сони было понятно: мужчины копили на автомобили и частенько выдавали своим благоверным на хозяйственные нужды чисто символическую сумму. Остальное менялось на сертификаты, чтобы по приезде в Союз через «Березку» купить вождевленную и недоступную простым смертным «Волгу» и вообще вот там зажить как люди.

Господи! Да где же и не пожить как люди, как не здесь, в Рио-де-Жанейро! Зарплаты же Виктора и остальных инженеров (все получали одинаково) хватало с лихвой на еду, одежду и кое-что отложить на его мечту и мечту каждого мужчины – автомобиль.

Насчет «лихвы», конечно, это я слишком заявила, денег никогда не бывает много, но мы могли покупать еду в пре-

стижном, не «для бедных», супермаркете. Не смотрели на ценники, а просто брали с полок все, что нам было необходимо; дети ели фрукты и первое время никак не могли наесться бананами. Потом мы раскушали разные разности: мясо филе-миньон – говядина, которая таяла на языке (это тебе не прокрученные котлеты!), огромные королевские креветки, жареные и вареные с различными соусами, филе какой-то рыбы (уже не помню), мясо которой имело сладковатый вкус свинины, манго, клубника со сливками, фруктовые салаты, арбузы, дыни, виноград в любое время года. Чудные по своей вкусности и сытости орехи. А уж бразильский шоколад навсегда отбил у меня охоту к европейскому шоколаду. Хотя, если вспомнить наш советский шоколад под названием «Гвардейский», то он был совсем не хуже бразильского, наверное, изготавливался на основе натурального масла какао, а не на современной сое.

Мы могли себе позволить не готовить дома в воскресенье, а пойти куда-нибудь в ресторанчик пообедать, где готовили вкусно и недорого. Такая маленькая пиццерия, например, была прямо за углом нашего торгпредства. Там я высмотрела замечательный рецепт простой, недорогой и вкуснейшей пиццы. В этой пиццерии подавали еще замечательный салат. Но я так и не поняла, из каких ингредиентов он состоит, а хозяин итальянец, хоть и был приветлив сверх меры, хитрый макаронник, способ приготовления и состав так и не рассказал. Там же подавали необыкновенно вкусную и аро-

матную итальянскую пасту. В эту маленькую пиццерию мы ходили также всегда, когда муж отправлялся в командировку. Мне не хотелось готовить очередное первое-второе-третье-десерт плюс «энтрада» – закуска, и мы отправлялись кушать. Однажды там Алёнушка сказала мне: «Мама, вот когда я вырасту, я тоже буду тебя в рестораны водить!» Мой старший ребенок воспринял обычную трапезную за ресторан и сделал далеко идущие выводы, которые мне очень пришлись по душе. И растрогали. Я поблагодарила ее тоже на полном серьезе. Что ж, она так потом и поступала: приглашала нас пообедать в подобных кафешках и даже в ресторанчиках в центре Москвы, когда стала работать и зарабатывать. Потом я от этого решительно отказалась: за меню, что нам предлагали, в общем, и неплохое, ломили сумму явно несоответствующую качеству и количеству еды.

Бразильская кухня соединила португальские богатые кулинарные традиции с рецептами местного населения и привезенных негров-рабов. У последних белые взяли для приготовления деликатесов пальмовое масло, кокосовое молоко, сушеные креветки, острый красный перец. Фасоль, крупа из клубней маниоки, кукурузная мука, лук, чеснок, орехи, тростниковый сахар, кокосовые стружки, морепродукты т.д. – это основные составляющие бразильской кухни. Сладкие блюда чаще всего перенасыщены сахаром, желтками, кокосом. Не чураются бразильцы мясных, рыбных блюд, также очень вкусно приготавливают птицу. Мясные блюда лучше

всего есть в чураскариях или шураскариях, кто как произносит. Там тебе предложат такой мясной набор – филе-миньон, пиканья, маминья, алкатра, купим (все это сорта говяжьего мяса), куски курицы, бараний бок, потом все эти куски, но уже с различными соусами, что съесть это очень хочется, т.к. платишь только за вход в чураскарию, но невозможно.

Считается, что лучше всего баиянская кухня. Через центр штата Баиа Сальвадор – в прошлом центр работоторговли – пролегают многие туристические маршруты. Так вот, туристам нужно быть предельно осторожными и внимательными, их ожидает перспектива поправиться на пару-тройку килограммов, перестать подсчитывать калории – все равно от баиянских деликатесов (долго объяснять, что такое «пирожки аракаже», густой суп-пюре из протертой рыбы и морепродуктов с непременно добавлением кокосового молока, масла и приправ, фейжоада...) отказаться невозможно. Главная опасность бразильской пищи в том, что помимо остроты она еще очень жирная. Масла сливочного, пальмового, кокосового молока не жалеют. Кстати, я так и не поняла, чем отличается масло из масличных пальм «денде» от оливкового. Масло «денде» более густое.

Отдельного упоминания требуют сладости: в их приготовлении чаще всего употребляются кокосовые стружки, шоколад, крахмал, вареное сгущенное молоко, орехи, яичный желток, тростниковый сахар. Как ни странно, при всех этих замечательных компонентах, бразильские сладости мне не

направились: уж очень они были приторными. А вот шоколад в этой стране не сравнится ни с каким шоколадом в мире, даже «с альпийских лугов!»

По субботам в ресторанах и остальном общепите устраивался день фейжоады – тушеная фасоль, говяжьи и свиные хвосты, свиные уши, мелко нарезанные сосиски, копченая свинина, другая любая колбаса, бекон. Чем больше разнообразных мясных изделий в этом блюде, тем лучше. Все это медленно томится с добавлением пахучих и острых бразильских специй. Желающие разнообразить фейжоаду могут добавить в порцию рис, дольки апельсина. Все это удовольствие запивается тростниковой водкой-кашасой.

Фейжоада – такое же субботнее блюдо из недельных остатков, как и итальянская пицца. Конечно, слово «остатки» здесь неприменимо – все продукты наисвежайшие. День фейжоады совершенно не исключал и приготовления других блюд. А я в рецепт этого блюда еще добавляю лук и помидоры. А рецепт пиццы из кафе «Ла Моль» я привезла в Москву и до сих пор им пользуюсь.

Дети в первое время никак не могли наестся бананов, поглощая их в невероятных количествах. Я покупала их и другие фрукты тут же за углом рядом с пиццерией, возила полными тележками-сумками, сделанными из железных прутиков, такая клетка на колесиках, которая была оставлена прежними хозяевами квартиры. Уже тогда сумки на колесиках вошли в обиход хозяек.

Долго бы я возила эти бананы и прочие овощи-фрукты, если бы в одно прекрасное воскресенье не заметила, что рачительные и экономные торгпредские хозяйки оккупируют «Комби», наш маленький автобусик, с такими же сумками-клетками, собираются куда-то отправиться и явно не на пляж. Выяснилось, что на рынок. Здесь есть рынок? «Ой! А ты разве не знала? Надо же!» Ну такая милая, голубоглазая, доброжелательная наивность, ну такая доброжелательная, что пробивает слеза умиления... Вот, представьте, не знала! В Москве на ул. Маршала Тухачевского и особенно на Шоссейной в Люблино об этом как-то глухо упоминалось! Я быстренько подсуетилась и поехала с ними осваивать новые продуктовые территории.

На городском рынке все поражало изобилием, красками, ароматными и неароматными запахами и оказалось, что все в два раза дешевле. Особенно призывно и аппетитно смотрелись пряные дары моря – королевские креветки, омары, лангусты, крабы и невероятное разнообразие сортов рыбы. А предприимчивые хозяева мелких лавочек, типа той за углом торгпредства, где я отоваривалась чуть ли не полгода, скупают продукцию оптом и потом продают таким нерадивым и неэкономным дурахам как я.

Торгпредские дамы почему-то старательно скрывали от вновь приезжающих мелкие, но необходимые в хозяйстве вещи: дешевые рынки, время распродаж, магазинчики, где можно купить что-то дешевле, всегда называли цену куплен-

ной вещи выше, чем она стоила.

Конечно, впоследствии я тоже не бежала обнародовать, что я нашла маленький и недорогой бутик, но стопроцентной стервой старалась не быть.

В Рио имелась возможность удовлетворить потребности на любой вкус и любой кошелек. Были специальные дешевые супермаркеты, специальные рынки для бедных, даже для очень бедных. На них приходило чаще всего цветное население под закрытие, тогда можно купить фрукты-овощи, рыбные продукты ну просто о-о-о-чень дешево, а то и задаром. Увозить скоропортящийся товар ни один продавец не желал – себе дороже сама перевозка. Хозяйки-негритянки из фавел пользовались этой возможностью: выбрать буквально за копейки из оставшегося товара вполне приличные фрукты и овощи. А бродяги могли вполне просуществовать на отбросах городского рынка, если не были слишком ленивыми и подходили уже к сворачиванию лотков и прилавков – на земле лежали живописные груды продуктов, их нужно было только рассортировать. Из рыбных и мясных прилавков люмпен-пролетариям тоже доставалась даром вполне приличная мясная обрезь, гораздо лучше той, которая продается у нас даже в настоящее время, якобы, для животных, одни жилы и кости – действительно обрезь. Так что «за морем житье не худо». Это что касается питания.

Что касается медицинского обслуживания, то существовали и социальные госпитали, куда могли привезти любого

бродягу и бесплатно оказать квалифицированную помощь. Наше же лечение оплачивало государство, но счета из клиник (приходилось и болеть) бухгалтерия принимала с таким кислым и недовольным видом, что казалась она выплачивает их из своего кармана. Считалось, что раз ты отправился работать за рубеж, то уж, будь любезен, не обременяй государство своими болячками.

Один раз я оказалась в такой вот больничке для немущих, когда, открывая металлическую банку с оливковым маслом, распахала по глупой спешке себе левую ладонь между большим и указательным пальцем. Поторопилась, привыкла все делать по-быстрому, резко вертикально взмахнула ножом, нож соскользнул и очень глубоко прорезал руку. Было хотела, как всегда, стать «сам себе доктор», но ничего не получалось – кровь лилась обильно, начал неметь палец. По закону подлости, ни одной машины и ни одного инженера в офисе не оказалось и в бесплатную больницу меня повез на многострадальном «Комби» наш шофер-бразилец Нэвис.

Повез он меня в социальный бесплатный госпиталь. В hospital для бедняков. Меня там тоже, конечно, приняли без промедления, но с некоторой долей недоумения медицинского персонала. Как это белая дама-иностранка и вдруг тут очутилась?

В длинном кабинете, где обрабатывали пациентов, просторном, светлом и чистом, стояли несколько столов, покрытых нержавеющейкой, какие-то еще кресла, стулья и аппараты.

Меня без проволочек, без обязательного в наших случаях заполнения анкеты и почти автобиографии (сначала помощь, потом бумаги, не убежит же в самом деле пациент!), усадили за один из этих столов. Рядом обрабатывали раны огромного окровавленного негра, с другой стороны, по-моему, лежала беременная и даже собиралась рожать, а может мне уже со страху мерещилось. Скорее всего, родильное отделение находилось отдельно от травм пункта.

Мне быстренько вкатили дозу обезболивающего и стали зашивать ладонь. Вот так открыла маслице! Я спокойно сидела и не собиралась падать в обморок ни от своей раны, ни от впечатляющего соседства. Но «енфермейра» – медсестричка стояла рядом наготове, держа в руках какую-то склянку, может и с нашатырем, не знаю.

Молодой доктор-мулат, закончив шить, участливо спросил, каким образом я так порезалась, ну я и объяснила. Благодаря нашему молодому благодетелю-учителю я могла уже без ошибок составить такую тривиальную фразу. «Мадам, – воскликнул изумленный врач, видимо он принял меня за тупую француженку, т.к. обратился именно мадам, а не синьора, – но ведь для этого есть специальные приборы!»

Мадам, еще более тупая русская, глупо похлопала глазами и проблеяла, что она спешила. Елки-палки! Я и не знала, что для жестяных банок с маслом действительно существовали безопасные открывалки! По нашей темноте, а возможно и скупости, никто их не имел, т. к. в Союзе они не пригоди-

лись бы, там жестяных банок с маслами не было. Я впоследствии и купила-то ее только потому, что всегда все делала скоренько, могла бы опять пораниться и в следующий раз. Все обошлось, ранку мне зашили, муж ворчал, что только со мной и бывают такие нелепости: «Банку масла не можешь открыть без происшествий!» Что так, то так: я частенько отбивала пальцы, до крови царапалась, ссаживала целые лоскуты кожи, умудрялась прищемлять пальцы открывалкой для бутылок, а уж моей бедной голове доставалась больше всего. Чтобы меня не ругали (в таких случаях, в принципе, обычно жалеют), я просто не жаловалась и обходилась подручными средствами и лечила себя сама.

Что касается нашего торгпредского водителя Невиса, то это была очень интересная и загадочная личность. Вполне благообразный сухощавый мужчина средних, скорее уж пожилых, лет, он со всеми нами, мужчинами и женщинами торгпредства, разговаривал только на португальском языке, как бы не зная русского, кроме самых элементарных слов вроде «здравствуйте, как дела, хорошо, привет, до свиданья», хотя работал очень долго у «советикос». Был молчалив, что странно для разговорчивых аборигенов, но улыбаясь, как истинный «кариокос». Имел сына и дочь, имена которых звучали несколько необычно для слуха – Владимир и Сталина – в честь мировых вождей пролетариата. В принципе они легко произносились на португальском и являлись несколько оригинальными для местных.

Невис был виртуозным водителем и незаменим в поездках по городу, знал его досконально. Выражение «поедем на Невисе» уже никого не шокировало и легко воспринималось на слух. Его «Комби» никогда не простаивало, у торгпредских инженеров постоянно намечались плановые поездки по фирмам, а их супруги к ним присоединялись. Иногда в выходные дни он возил торгпредскую шарагу за город на пикник так называемую корпоративную тусовку. Тогда ему оплачивали воскресный двойной тариф, а на пикниках русские интернационалисты наперебой угощали водителя-пролетария, и он с удовольствием пробовал шашлык, салаты, квашеную капусту, пирожки и прочую домашнюю снедь. Невис никогда не отказывался от такого дополнительного приятного заработка да и послушать болтовню подвыпивших русских было интересно. Совмещал приятное с полезным.

В первые же месяцы пребывания в Рио моя неугомонная егоза Люка, прыгая по пилотиссе – самая верхняя площадка с садиком на крыше, умудрилась стукнуться зубами(!) о мраморный столик. Жуть! Самое ужасное, что все произошло в моем присутствии. Я не успела даже глазом моргнуть, как Люлька раззявила окровавленный рот, в котором уже не было ее четырех верхних умильных зубиков, и завопила. Схватив ее в охапку, я бросилась вниз в гараж и завопила еще громче: «Скорей! К доктору, она выбила зубы!»

Невис, не сказав ни слова, усадил нас в машину и даже

не доложившись дежурному, что было обязательно, помчался в больницу. Там он сам разговаривал с персоналом, нас тотчас отправили к врачу, тот стал осматривать Люку и что-то у меня спрашивать. Какие там вопросы! Я ошалело крутила головой и только повторяла как заведенная: «Сломала! Сломала зубки!», – меня трясло, и ныли зубы, будто это я их выбила, а не Люляха.

Врач опять безуспешно пытался что-то у меня выяснить. Напрасные усилия, мамаша была на грани истерики от мысли, что ее девочка останется без зубов и станет некрасивая. Вдруг Невис на чистом русском языке, четко артикулируя слова, произносит: «Врачи спрашивают вас, видели ли вы, как она сломала зубы? Упали они на пол?», – правильно построенная фраза с падежными и глагольными окончаниями и временами. «Нет, не видела», – тупо ответствовала незадачливая мамаша.

Я даже не поняла, что наш шофер вдруг заговорил по-русски, но была безумно рада, что врач нас понял. Тут же сделали рентген челюсти, показали мне снимок и опять переводчиком был «не говорящий по-русски» Невис:

«Зубы не сломались, это молочные зубы, они ушли вверх в дёсны и опять опустятся. На рост постоянных зубов это не отразится! Вот вам рецепт на полоскание и на обезболивающие пилюли!»

Мы поехали в аптеку, а потом домой, Люка после укола уснула, но была похожа из-за раздувшийся верхней губы на

маленького бульдожку. Я немного успокоилась и стала думать о молчаливом шофере, не «знающем» русского языка. Своими сомнениями я поделилась с мужем, который расстроился до слез, когда увидел свою любимицу с распухшей мордашкой. После небольшого скандала (и он был стопроцентно прав, если не считать, что Люка могла быть одновременно в нескольких местах сразу, я же тихо отмалчивалась) с возмущенными заявлениями: «Как можно так изуродовать ребенка?! Плохая мать! Сидишь дома! Не можешь усмотреть за дочкой...» и т.д. А по поводу моего недоумения о водителе, вдруг заговорившем по-русски, он, слава Богу, замолчал, улыбнулся и вполне спокойно объяснил, что вполне возможно, Невис из бразильской контразведки и что такие «невисы» существуют в каждом иностранном представительстве как здесь, так и в Союзе.

В дальнейшем я делала вид, что о русскоговорящем добром шофере в госпитале я и не помню. Простите, просто отшибло память. Усердно объяснялась с водителем тем набором слов, который постепенно осваивала и никогда не пыталась поговорить на своем родном языке. Да и говорить-то мне с ним много не приходилось, у нас ведь был автомобиль и постепенно надобность в «Комби» отпала. Но я была благодарна этому «бразилейро», что так человечно поступил со мной в госпитале, был он подсадной уткой или нет.

В Рио я работала сначала на «ресепшен»: несколько женщин сидели в приемной торгпредства через два дня на тре-

тий по сменам, отвечали на телефонные звонки «кто, к кому, зачем» и таким образом сортировали посетителей и подучивали тонкости португальского. Впоследствии на такие должности стали присылать специальных молодых, крепких, накачанных ребят со знанием языка и, наверное, умением сворачивать нежелательные процессы. Присылали их, обычно, из пограничных войск. И это правильно... Что за гость-посетитель забредет в представительство и зачем еще неизвестно, т.к. наплести-сказать по телефону можно что угодно. Явился-не запылится, а в приёмной за столиком с телефонами сидит этакая галантная молодая и предпочтительно симпатичная фифа. Администрация стала заботиться о предупреждении терактов. Тем более нам в торгпредство уже бросали однажды пакет с каким-то вонючим и густым дымом. Он попал прямо в открытый гараж и создал небольшую панику, всем показалось, что начался пожар. Все обошлось тем, что наш завхоз, подполковник в отставке, быстренько забросал его песком.

Бдительность на некоторое время усилили: женщинам было опять «рекомендовано» не появляться в одиночку в магазинах, ходить на пляж, пользоваться общественным транспортом и прочая лабуда. Через пару недель все вернулось на круги своя. Очень даже может быть, что этот пакет бросили сорванцы-мальчишки. Мы еще не знали, что пора терактов наступит гораздо позднее.

А пока пограничники-профессионалы не приехали, в хол-

ле при входе с удовольствием работали женщины, отвечали на телефонные звонки, совершенствовали язык и встречали посетителей приветливыми улыбками. Опять же появлялась приятная возможность, женщины есть женщины, продемонстрировать свои наряды, как из бутиков, так и по выписке из Германии, последние считались круче, потому что европейские и эксклюзив!

Если гости засиживались в переговорной, то им предлагался подносик с «кафезиньо», настоящий, горячий, суперкрепкий и очень сладкий бразильский кофе.

За день средний бразилец, даже очень бедный, выпивает не менее двадцати малюсеньких, на два-три глотка, чашечек такого кофе и, как «Отче наш», почитает и выполняет «сиесту». Как я убедилась на собственном опыте, «сиеста» в тропиках не роскошь и не ленивая вальяжность бытия (хотя одно не исключает другого), а средство выживания. Жара и влажность выматывают силы, постоянная жажда, неумеренное потребление жидкости вымывают влагу и соли из организма, и, как результат, обильное потоотделение, падает давление и послеобеденный отдых жизненно необходим.

Когда же дома у тебя такая егоза, как Люка, которая умудрялась быть сразу в нескольких местах сразу (на нее тропики почему-то не действовали), отдых днем для меня был проблемой. В первый год в Рио я не работала и, как всегда говорят о неработающих женщинах с маленькими детьми, «сидела» дома.

Все же, несмотря на то, что я «сидела», а, может, и вопреки этому, время от времени отключалась на получасовой дневной сон. В чем дело, в конце концов? Можно по-настоящему отдохнуть? Приходилось принимать все меры предосторожности: закрываю на ключ двери в кухню, ванную, убираю все подозрительные предметы, убеждаю свою доченьку поиграть в куколки, падаю на кровать и сразу, словно в дурноту, проваливаюсь в глубокий сон... Вдруг чувствую удушье, задыхаюсь в буквальном смысле слова. Снится какой-то кошмар: тону в море, вода заливает нос, горло, потом это уже не вода, а какие-то удушливо пахнущие цветы, лианы... Они давят мне грудь, душат за горло... Просыпаюсь, но острый, одуряюще медовый запах не исчезает. Оказывается, возле моего носа на прикроватной тумбочке моя добрая доченька что-то сосредоточенно размешивает в картонной коробочке, наполненной перьями. Она их наковыряла из ма-а-аленькой дырочки в подушке, привезенной нами на всякий случай, вдруг в стране напряг с постельными принадлежностями! наполнила коробку, а потом опрокинула туда флакон духов «Красного мака». Чуть оправившись и отдышавшись, я нелепо и хрипло спрашиваю: «Что ты делаешь, доча?» «Сюп», – невозмутимо отвечает доча. Видно не все я позакрывала и не все подозрительные вещи припрятала.

Эти духи «Красный мак», потом «Красная Москва», «Серебристый ландыш» мы взяли для сувениров. Крепкий, стойкий и сладкий парфюм очень ценился в Латинской Аме-

рике. Кстати, «Красный мак» – мои первые духи, мне их подарила сестра на восемнадцатилетие. Возможно, для молодой девушки и не совсем подходящий запах – просто его нужно совсем крошечную капелюшечку – но я полюбила их на всю жизнь. Я бы и сейчас, вопреки моде, ими бы пользовалась (на даче?!) – теперь духи «Красный мак» уж точно бы подошел к моему возрасту, но в парфюмерных магазинах что-то их не вижу. Наверно, уже не производят. Хорош был и запах «Серебристого ландыша», а потом похожий на него, нежный и тонкий, «Диориссимо».

Так малышка во время сиесты расправилась с моими любимыми духами.

Люка в два года уже обреталась в Рио-де-Жанейро, а не в городе Щучин, как ее старшая сестренка. Говорить она стала чуть позже, чем Алёна, а до этого умиляла нас лепетанием после «гуления» прямо, как и расписано врачами-логопедами. Всякого рода «лялики» – на ручки, «макатяка» – мотоцикл, «тананайка» – обезьянка так и сыпались на нас, и, главное, мы ее понимали и восхищались. На запрещение что-нибудь взять она топала ножкой (как мило!) и заявляла упрямо: «А я заму!» – и таки брала (какая прелесть!). Говорить же нормально стала как-то вдруг сразу чётко и полными предложениями около полутора лет.

По приезду в Рио ей как раз исполнилось два годика, и она через месяца три заговорила по-португальски, быстрее, чем я. Мы были ошеломлены, а регулировщик-полицей-

ский, огромный негр, прямо-таки огорошен, когда из остановившегося на перекрестке «фольксвагена» вдруг высунулась головка в золотых кудряшках и пропищала: «Ole! Como esta?», – «Привет! Как дела?». Полицейский не был бы бразильцем, если бы сразу не разулыбался всеми рядами зубов и не прокричал в ответ: «Ola, bela! Muito bem, у tu?», – «Привет, красавица! Очень хорошо, а ты?», – и разрешающе махнул нам жезлом, проезжайте!

Вообще Люка производила в местном обществе, на пляже, в магазине, в гостях абсолютный фурор. Бразильцы очень любят детей, все им разрешают, во всем потакают, но золотоволосую кудрявую *tuchachitu* – девчужечку просто боготворили и восхищались. Когда же она начинала беспечно беседовать с ними на тему «как дела, сколько ей лет, кто она такая, как зовут ее, маму-папу и т.д.», собеседники только экспрессивно всплескивали руками. На все эти простенькие вопросы она отвечала быстро и правильно и для местных это был полный отпад. На Люку сыпались разные мелкие подарки, начиная от игрушек и сладостей и заканчивая золотым колечком с малюсеньким бриллианчиком. Колечко ей преподнес врач-оторялинолог, который вырезал ей гланды в три года. Вдруг они воспалились, стали рыхлыми, мешали дышать. Видимо сказалось влияние влажного тропического климата. Врач решительно настоял на удалении.

Я присутствовала на операции и могу заверить, что все было проделано быстро, безболезненно и бескровно. Врач,

все время объясняя мне свои действия, особой петлей ловко поддел кусочки разросшейся ткани – и раз! отрезал их кривыми разогретыми ножничками – готово. Люка проснулась минут через пятнадцать, ей дали мороженого, и она стала лучшей подружкой врача. Потом мы несколько раз были у него в гостях в его поместье с роскошными куртинами цветов, с бассейном и конюшнями, где врач встречал нас очень радушно и доверительно сообщал нам, что в душе он почти «comunisto». (Интересно, наш отоляринголог может похвастаться подобным поместьем или хотя бы приличной дачей?).

«Коммунисто» фотографировал маму, дочек – очень качественные, совсем профессиональные портреты сохранились и украшают стену моей комнаты -, всячески гостеприимствовал, опять приглашал в гости, неоднократно восхищался социалистической системой и критиковал свою капиталистическую. В душе он, как уже говорилось, был почти приверженцем нашего строя. С чего бы это? Особенно при его образе жизни: с поместьем, конюшнями, парком, бассейном! Впрочем, нужно отдать справедливость... Работал он не покладая рук, был известным профессионалом, имел невинное хобби – фотографию. Кроме таких моделей как девочки и их мама, он настойчиво предлагал сфотографировать и Виктора. Наш папа ловко и тактично увертывался от почетного права запечатлеться на снимке с юмором уверяя, что совсем не фотогеничен и все время выдвигал на аванпост

своих дам. Приезжали мы к новому другу еще несколько раз, а потом отец незаметно свернул это знакомство. Уж не знаю, правильно ли или нет... Наверно правильно, врач так уж явно и навязчиво старался продолжить дружбу. Супруг мне ничего не объяснил, но у него были, видимо, свои профессиональные соображения. Действительно! Что за прок доктору в такой дружбе! А мы уже были заражены прагматичностью и подозрительностью. В бескорыстную «дружбу» подобных коммунистов не верилось.

Вот у этого твердого большевика-ленинца Люданька и получила в подарок колечко с бриллиантом, которое до сих пор висит на золотой цепочке вместе с другими золотыми брелоками.

Освоив португальский язык, она организовала торгпредских детей, причем старше ее, на контрамериканскую пропагандистскую акцию. Оседлав дерево у стены, они стали выкрикивать в соседний двор, а там жил американский консул, оскорбительные лозунги типа: «Американцы г...но!», -«Americanos – mierdo!», и даже то, что «у них деревянные головы». Ужас! Дело не кончилось разрывом дипломатических отношений только потому, что за этим упоительным занятием на дереве их застукал наш консул и сделал соответствующее внушение родителям.

Мне пришлось брать ее в школу, где в это время я работала. Происходило это уже 1972 г., все официальные учреждения, в том числе наше посольство, представительство горю-

че-смазочных материалов и часть торгпредства перебрались в столицу Бразил Бразилиа, людей стало меньше и поэтому остальные как-то больше сдружились.

Организовалась такая милая малокомплектная школа, которая находилась непосредственно в помещении торгпредства на втором этаже. Сначала школа была на территории консульства, где у меня занимались второй и четвертый классы. Потом, когда часть родителей вместе с детьми, уехали в новую столицу, в Рио как раз остались ребяташки возраста первого и третьего классов. Помещение для занятий десяти-двенадцати детей было идеальным: непосредственно двухкомнатная квартира, в одной комнате ученики, в другой за огромным столом мы занимались любимыми делами – рисованием, трудом, лепкой и изготовлением разных интересных вещей: игрушек, коллажей из бумаги, раковин и ярких цветных семян тропических растений, сувениров. Огромный закрытый деревянными решетками балкон очень подходил для перемен или занятий физкультурой. Впрочем, физкультуру мы по обоюдному согласию с родителями заменяли бассейном или музыкальными играми на той же пилотиссе: под ритмичную музыку отплясывали что-нибудь этакое развеселое. Подобные занятия были гораздо полезнее и занятнее, чем обычная маршировка и «раз-два-потянулись-сели-встали и упали».

Школа ни перед кем, кроме родителей, не отчитывалась. Уже в это время у нас была пятидневка. Кто из родителей за-

хочет возиться и привозить детей в школу, если сами в субботу не работают и хотят провести время на пляже или поехать куда-нибудь? Так что вопрос решился на уровне родительского собрания и был благосклонно принят послом. На субботу я домашние упражнения не задавала, предварительно постращав детей: «Если в течение недели вы хорошо позанимаетесь, то на субботу домашних уроков не будет», – и детишки старались! Количество домашних заданий вообще-то было и так минимальным, большую часть их ребята выполняли на уроках.

Иногда, чтобы не забывались, приходилось делать вид, что программа не выполнена и нагружать их каким-нибудь пустяковым заданием на выходные дни, а уж потом они и без напоминаний рыли землю. Детишки были умненькие и старались друг перед другом.

Правда, был и проблемный мальчик Алёша, добрый и приветливый ребенок, но... присутствовал инфантилизм, парнишка запаздывал в развитии, как минимум, года на три. В обычной школе не захотели бы с ним возиться, обязательно определили бы в специальную для умственно отсталых детей и окончательно превратили бы в дурачка. А он не был дурачком и среди нормальных детей ребенок подтягивался к среднему уровню и был очень спокойным и добрым мальчиком. Сначала он проучился в первом классе у моей коллеги, а потом в таком же первом – у меня. Кто бы из чиновниц ГОРОНО позволил это сделать в Союзе? Два года в

первом классе! Никто. Быстро в школу для умственно отсталых! А здесь, без всяких административных заморочек, мы взяли ответственность на себя, тем более, что такая возможность была, и немножко подтянули парнишку. Заниматься мне с ним приходилось до и после уроков более углубленно. Его мама, моя тетка, была просто героиня и вместе со мной прилагала титанические усилия для того, чтобы он не очень отличался от остальных детей. Вместе со всеми на уроках ему предлагались простейшие задания, чтобы не отвлекать других учеников. Зачем же им-то подтягиваться к среднему уровню! А я еще раз убедилась, что хорошо проработанная программа начальной школы, умение работать с учебником, много читать и пересказывать прочитанное, внимательно слушать учителя, красиво писать, правильно сидеть – это прекрасная база для дальнейшего обучения в средней школе. Все мои ученики из Рио, даже не отличники, дома стали отличниками и никаких проблем в «обычной» школе в Союзе не имели.

Сначала родители были не в восторге. Некоторые с долей скептицизма относились к такой почти деревенской школе: ну чему можно научить детей, если в одном помещении находятся два класса? Можно. Но после отъезда в Союз писали мне благодарственные письма, а я не забывала озвучивать их на редких родительских собраниях. Я действительно интересовалась, каковы успехи моих подопечных дома. Они были великолепны, письма родителей подтверждали это, по-

вышали мой учительский авторитет и статус малокомплектной школы. А если бы родители были недовольны, то школу могли и прикрыть, учеников ведь «кот наплакал», а детей отправить в Союз к родственникам или в МИДовский интернат. Этого тоже никто не хотел, но к успехам своих детей и учительнице присматривались внимательно, особенно поначалу.

Больше всего ребята любили заниматься трудом и рисованием. Мне самой было интересно передать им умения и навыки прикладного искусства. Может, слово «искусство» звучит несколько и высокопарно, но с каким же азартом и удовольствием дети мастерили кожаные сумки для пляжа, очёшники, подушки «лягушки-слоны-тигрята», мягкие игрушки, лепили и раскрашивали «дымковские» игрушки. Причем, все поделки носили функциональный характер и никогда не изготавливались просто так, на выброс, а обязательно в подарки мамам-папам, младшим сестрам и братьям, друзьям, для интерьера дома.

А уж уроки рисования вызывали у ребят восторг, т.к. они знали, что рисунки обязательно попадут на выставку к празднику 8 –го Марта, будут выставлены для всеобщего обозрения и все они получат свою долю восхищения, одобрения и даже подарков за 1, 2, 3-е места, за лучший натюр-морт, пейзаж, за лучшую композицию и т.д. Грех сказать – никто не оставался обделенным. Все свои рисунки дети оформляли сами: резали бумагу для паспарту, аккуратно на-

клеивали, подбирали оригинальное название. Вернее, я им их сама ненавязчиво подсказывала.

Один мой маленький первоклассник совершенно не мог перенести на бумагу то, что видели его глаза, наверное, устроенные самым необычайным образом, потому что такого я больше не встречала никогда. Яблоко или кувшинчик в натюрморте, например, были совершенно микроскопическими, или, наоборот, вылезали за пределы листа. Или яблоко огромное, а кувшинчик рядом еле виден. У ребенка начисто отсутствовало понимание перспективы, и как бы я ему ни втолковывала, что если предмет лежит на столе, то он, т.е. сам рисовальщик, видит столешницу ПЕРЕД кувшинчиком и ЗА кувшинчиком. Он проводил на листе горизонтальную линию и на ней водружал своих уродцев. А ведь его рисунок, хотя бы один, тоже должен был присутствовать на выставке! А если нет, то какое же разочарование будет ждать его маму и самого малыша! Наконец, отчаявшись, я сказала: «Ну, нарисуй что хочешь!» И бедняжка изобразил в центре альбомного листа малюсенький сантиметровой черной квадратик и треугольничек сверху, под ним он провел прямую линию. Квадратик с треугольничком оказался домиком. Что делать? Все-таки моего умения учителя оказалось достаточным, чтобы прямая линия переместилась вверх и стала горизонтом, вокруг домика появилась по всему листу ярко-зеленая фломастеровая трава, небо стало голубым, а для пущей жизненности рисунка ребенок из трубы тре-

угольника пустил спиральями дым. Единственное мое участие в оживлении этой классической композиции было предложение в окошке домика нарисовать огонек. Ребенок с ожесточением вдавил фломастером в середину квадратика жирную красную точку. Рисунок мы назвали «Одинокий маленький мрачный домик на зеленой лужайке». Поверьте, он имел наибольший успех на выставке и в первую очередь, конечно, у мамы художника. С восхищением она воскликнула: «Ну, надо же, как мой Игорек рисует! Просто Малевич!» А что? Действительно! Авангард!

Я заметила, что практически все родители любят картинками только своих детей, абсолютно субъективны, и на восклицания восторженной мамы о творчестве своего юного модерниста благосклонно улыбаются, потом пожимали плечами, говорили «да-да-да» и опять с восхищением лицезрели творения только собственных чад.

Мне приходилось брать в школу на уроки Люку, где она садилась на задней парте, минут по двадцать что-то рисовала, раскрашивала, вырезала, конструировала. Слава Богу, в этом материале недостатка не было, потом я ее и некоторых первоклассников, которые выполнили задания раньше, выпускала на закрытую террасу, где можно было поиграть в мяч, в классики, в веревочку. Играли они не шумно, этажом ниже находился офис торгпредства, т.к. знали, что иначе я их верну в класс. Период времени учебного часа был скользким, перемены же могли иногда продлиться до по-

лучаса. Дети успевали и поучиться, и поиграть, что только шло на пользу малышам – они не напрягались. Конечно, это возможно только при малом количестве детей, при умелом педагоге, которого любят и не боятся – строгая, но справедливая! это я о себе! – и без назойливого ненужного контроля так называемых методистов и иже с ними. С их постоянными проверками, открытыми уроками, выяснениями наличия поурочных планов, годовых, планов по воспитательной работе, отчетами, т.е. имитацией их, контролеров, деятельности, что отнимает у педагога массу времени и нервов. Слава Богу, я была освобождена от этого ненужно опекуинства и занималась своими прямыми обязанностями – учила и воспитывала детей.

Посидев на уроках, где ее никто специально не обучал и не принуждал, Люка в 4 года начала читать, в том числе и комиксы на португальском языке. Для нее вдруг стало ясно, что учиться оказывается легко и просто, это поверхностное отношение к учебе так у нее и осталось. Дальше она училась, не суетясь, безо всякого напряжения, между прочим, выполняя только письменные задания. Впрочем, если вспомнить мои школьные годы, то какая-то параллель прослеживается, я тоже не слишком утруждала себя штудированием устных дисциплин, за исключением самого необходимого, но училась неплохо, как и дочери.

Вот только рифма у Люси всегда вызывала сложности. Ее папа у нас тоже страдал этим недостатком, и если надо что-

то спеть или срифмовать, нес полную абракадабру. А ведь у него был прекрасный слух и приятный баритональный тембр голоса, но из песен он знал первую или просто одну строчку, а потом начинал добавлять любую околесицу – авось получится в рифму. Так делает и Люка.

Алёна легко запоминала стихи, поняв их суть, и рассказывала с большим чувством и выражением. Пожалуйста, например, «Вот морозною зимой» можно проверить по магнитофонной записи. Для Людмилы же выучить стихотворение представлялось непреодолимо трудным действием.

В Рио прибыл учебный военный крейсер где-то в середине ноября 1973 г. Посол высказал пожелание, чтобы перед моряками выступили дети. Какие дети? Да школьники! Да легко! Недавно, как всегда на ноябрьские праздники, был школьный утренник, дети знали песни, стихи, даже мелодраматическую и могли в любой момент блеснуть своими талантами, но мне безумно хотелось, чтобы и мой ангел Люка тоже блеснула. И начали мы с ней учить подходящее по ситуации известное четверостишие, которое, по-моему, ни у одного ребенка не должно вызвать аберрацию рифмы – «Матросская шапка». Ну, Люля, ну, давай! «Матросская шапка...», – начинаю я с надеждой. Упрямо набычив голову, Люля ковыряет пол носком сандали и угрюмо произносит: «Матросская шапка с веревкой в руке, а лягушки просят: «Капитан, прокати Люку!»».

Да... Смысл, в принципе, имеется, но рифма... и потом

что-то чисто личностное в просьбе капитану. Бились мы долго над тем, что нужно именно лягушек прокатить, а не Люку. Буквально вдалбливала ей в голову...

Дети с большим успехом выступили среди моряков и получили свою долю восторгов и аплодисментов. Стали дарить подарки...

Увидев, что моряки дарят детям-артистам игрушки куклы Неваляшки, Люля после моих тихих долгих уговоров: «Смотри каких куколок дарят!» – это был самый убедительный аргумент. Она все же сооблаговолила прочесть на борту крейсера эти четыре рифмованные строчки. Неваляшка, кто не знает, это такая симпатичная из двух пластмассовых шаров кукла-матрешка соответствующая своему названию: ее толкнешь, а она только покачивается, не падает. Типа Ваньки-Встаньки, только женского рода. За выступление Люсе преподносят Буратино, но т.к. до этого детям дарили Неваляшек, Люка, крепко прижав к себе «Буратину», заявила, что она тоже хочет Неваляшку. Господи! Неваляшек-то уже нет, их раздали... Я деликатно стараюсь увести ребенка и, мило улыбаясь, сквозь зубы убеждаю ее: «Люленька, Неваляшечек уже нет! Они, эти чертовы Неваляшечки, будь они неладны, уже кончились!» «Хо-о-о-о-чу Неваляшку!» – занудно воеет Люленька, – «Неваляшечку-у-у!» Т.е. устраивает небольшой такой инцидент или, как говорят у нас в Ростове, «бенц». Мне безумно хочется врезать Люленьке по заднице. А Люленька-то была прелестнейшим ребенком: хруп-

кое создание, копна золотых кудряшек, загнутые пушистые реснички, глазки огромные синие, губки бантиком – херувим! Все весело смеются, морякам это даже нравится – такое невинное развлечение-умиление непосредственностью миленькой девчушки. Ну что вы хотите? Этот херувим, эта очаровашка хочет куколку! Посол дипломатично, но весело улыбается, хозяева нервничают. Капитан с некоторой долей раздражения что-то говорит ст. помощнику, ст. помощник – наверное, еще кому-нибудь помладше, тот – еще кому-то. Наконец, эту пластмассовую куклу находят и вручают Люленьке. А Неваляшечку-то заныкал корабельный доктор, который экономно решил не расходовать валюту и по возвращении из рейса подарить ее такой же своей Люленьке. Ан не тут-то было. Эта Неваляшка до сих пор цела и лежит где-то у нас на антресолях. Кстати, как и все игрушки. Спрашивается, зачем?

Дети выступили перед экипажем крейсера с блеском и удовольствием: читали лирические и патриотические стихи, даже спели «Пусть всегда будет солнце!» – на этот хор я организовала Аню Федорову, сама решила со своими способностями к пению не рисковать. Все прошло «на ура!» Моряки хлопали, а посол, обращаясь к капитану, удовлетворенно произнес: «Вот так!», – дескать, вот так патриотично мы воспитываем наших детей здесь, среди загнивающего капитализма. Впоследствии Сергей Сергеевич поблагодарил и меня, он был очень воспитанным человеком.

Самым интересным в этом детском шоу на корабле под моим чутким руководством было неожиданное и забавное продолжение. Тогда, перед посещением корабля, я провела соответствующее внушение детям: никуда не бегать, ни в каком случае не отлучаться от своих мам-пап и от меня лично. Заодно рассказала им о таких интересных людях как моряки. И что какие они храбрые, и что мужественные, и что самоотверженные, и что патриоты, и т.д., и т.п. Мало того у них свой морской язык: лестница – трап, кухня – камбуз, комната – каюта, повар – кок, пол – палуба, ограждение – леер, порог – комингс... Так заморочила детишкам голову, что один мальчик растерянно спросил: «А на русском языке они разговаривают?».

Перед выступлением детей, что уже заранее настраивает публику на благожелательный лад, я для разогрева слушателей с юмором озвучила эту историю. Все конечно смеялись, а там уже пошло и само шоу, которое имело успех.

Однако это не все. Действие перешло в наши дни... Недавно, будучи в военной санатории, я оказалась за столом с молодым, по моим понятиям, мужчиной, что меня очень порадовало. Ужасно напрягало, если пожилой собеседник или собеседница начинали выяснять: кто, с кем, откуда, почему, в каком корпусе? Нудно и с мельчайшими подробностями сообщать о своих болячках, анамнезах, процедурах, лекарствах, анализах (и почти пытались их показать). Здесь же напротив сидел симпатичный здоровый мужик, высокий

и ладный: умеренно разговорчивый, не возмущающийся качеством еды, плохой погодой, правительством и общим положением в стране и вообще в мире. Тонус настроения повысился. Появилась уверенность, что отдых будет вполне переносим. Тем более, не впадая в самолюбование, осмелюсь утверждать, что я еще «хорошо сохранилась» особенно в полумраке как я обычно шучу.

Выяснили имена: Владимир Николаевич, Галина Александровна... Да просто Володя! А вы Галина! (Как же! Тогда уж лучше Галочка!) Да нет, просто Галина Александровна. Спросила, не знает ли он, где здесь находится библиотека. Это я выясняю всегда в первый же день своего прибытия в санаторий ли, в больницу ли, в госпиталь ли. (Не такая, значит, и больная!)

– Знаю, знаю. Я как раз собирался туда за газетами.

– Володя, можно мне с вами пойти. Такой гололед, что можно поскользнуться.

– Конечно, конечно, Галина Александровна!

Гололёд действительно был ужасный и продержался, усугубляясь, практически месяц. В этот период как раз падали, ломаясь с пушечным треском деревья, обрывая электропровода и оставляя целые районы без света. Шёл так называемый «ледяной дождь». Зима, как обычно, пришла неожиданно. Так что моя просьба, уверяю вас, была вызвана чисто меркантильными соображениями собственной безопасности.

Володя благополучно препроводил меня в библиотеку и оттуда к корпусу. Вечером мы уже отправились на предмет обследования территории санатория. Проходя мимо табло с обозначением времени, температуры, влажности, я мимоходом обронила:

– Ого! Какая влажность! Вот почему так зябко... А вот в тропиках

влажность гораздо выше, но от этого становится еще жарче.

– Вы были в тропиках, Галина Александровна? А где?

– В Рио-де Жанейро.

– Когда?

– С 1970 по 1975 год.

– Ой! А мы заходили в Рио, в бухту Гуанабара в 1972г. Бразильцы постоянно околачивались на берегу и шутили: корабль учебный, а пушечки-то на борту настоящие стоят!

– Так это было ваше учебное судно?! Такой серый линкор? Или крейсер? Мы же туда в гости приезжали. Все-все: из Посольства, из Торгпредства, из ГСМ (горюче-смазочные материалы). Вы нас окрошкой угощали. Дети еще у вас выступали!

– Да, да! Мы так смеялись, когда малыш спросил, умеют ли моряки

говорить на русском языке.

– Это не малыш спросил, это я вам рассказывала, что он спрашивал.

– Так это были ВЫ? – изумляется Володя.

Мы останавливаемся и начинаем неудержимо хохотать и удивляться вместе. Опять посмотрим друг на друга, и опять в хохот! Да, действительно «потому что круглая земля!» Идем-идем, остановимся и опять смеемся. Действительно! Почти через сорок лет в одно и тоже время, в один и тот же санаторий, за один и тот же столик! И вот люди совершенно случайно узнают, что они почти что знакомы. Хотя, что здесь уж совсем удивительного! Вот если бы я или тот же Володя поехали в санаторий другого ведомства, то там точно не было бы такой милой случайности. Ни с актером-комбайнером-режиссером, ни с писателем-ваятелем, ни с художником наши пути не пересеклись бы. Я его спросила, сколько же ему, тогдашнему курсанту, было лет. «Двадцать, Галина Александровна!». На что я с сожалением произнесла: «Э-э-э, Володечка! А мне уже тогда было тридцать пять!». Володечка, как истинный вежливый мужчина, стал излишне торопливо меня уверять, что в это невозможно поверить и что, мол, Галина Александровна кокетничает своим возрастом. Не скрою, было приятно, и я чуть посожалела о своей немного излишне поспешной откровенности. Полезли глупые обывательские мысли, что женщине, мол, столько лет, насколько она выглядит, что люди молоды, мол, душой, что... вообще, всякая чушь. Опять же посмеялись: «Володя, это только для вас такое сообщение, для остальных я ещё дама среднего возраста, даже не вышла на пенсию и оказалась здесь по

чистой случайности!».

Владимир Николаевич прогуливал меня каждый вечер моего санаторского пребывания к великой зависти женского населения. Нашлось много общих тем: он подробно описывал случаи из своих морских походов – все-таки из курсантов стал командиром корабля, о том, как разочаровался в службе во время перестройки, как легко и даже неприлично поспешно тогда увольняли из Вооруженных Сил, как он переучивался заочно и получил экономическое образование, открыл в Самаре свое дело, о своих сыновьях. Спросила его, сохранилась ли его капитанская форма и не носит ли он ее хоть иногда, заметив, что морская форма придает мужчине особый неповторимый шик. На что Володя с небольшой долей гордости ответил, что его сотрудницы (ОГО!) часто просят приходить на праздники в форме. «С кортиком!» – ностальгически добавил он. (Бедные бабы! Хоть полюбуются на видного мужчину с кортиком) «Кортик вручается старшим офицерам и командирам кораблей!» – в заключение сказал Вова. Тут я съёрничала: «Ну, все в штабелях? (Спохватилась) Нет! Нет, Владимир Николаевич, я пошутила. Представляю, как вам идет морская форма!» Володя успокоился. Дальше я уж внимательно слушала, без своих обычных шуточек. В основном нахваливала своего кавалера. Это, ох, как импонирует мужчинам! Впрочем, если то, что он мне рассказывал, на самом деле даже наполовину соответствовало действительности, то нахваливать было за что. Я тоже время от времени

вставляла умное словечко.

Посмеялись над анекдотами. Человек понимал юмор. Уже хорошо. А уж анекдотов я знаю уйму, помню их, умею преподнести. Причем, вспоминаю их ассоциативно. Володя тоже не отставал, рассказывал анекдоты, но старые, хорошо, что не пошлые. Ку-у-у-да ему до моего арсенала!

Самая захватывающая и продолжительная оказалась тема «собачья». Владимир тоже очень любил собак. Вот тут-то я рассказала ему массу историй о наших питомцах, собаках и кошках. Пикнуть не дала... Было интересно. А если бы неинтересно, то не прогуливал бы. А?

Вернемся все же к концерту на линкоре (то ли крейсере), где Владимир Николаевич был в то время еще зеленым курсантом, а я красивой женщиной (чего уж скромничать! что было, то было.) в расцвете своих тридцати пяти. Как раз действительно расцвет для женщины. Люка вымучила-таки свой стишок «Матросская шапка», не сбилась и уверенно произнесла, что именно лягушки просят капитана их прокатить, а ничуть не ее, не Люку. Я была горда успехом своей малышки.

Что касается рифмы, то абсолютная аберрация к ней осталась у Люси на всю среднюю школу. Я слышала, как она перед выпускными экзаменами учила письмо Татьяны к Онегину. Скорчившись в уголке тахты, Люка уже в который раз начинает монотонно бубнить: «Я Вам пишу, чего же более... чего же боле...? А!, – с облегчением, – вот... – Что я могу еще сказать... Так. (Пауза) Сказать? Что сказать?... Я

Вам пишу, чего же боле, что я могу еще сказать... Ну? Что я еще могу сказать?! (Заглядывает в книгу). Фу, ты! Конечно! Теперь я знаю в Вашей воле... воле...воле... Ой! Ну, воле... А что «воле»? М-м-м... Ну, ладно. Я Вам пишу, чего же боле сказать... Нет, Господи, нет-нет! Не то! – читает по книге, – я Вам пишу, чего же боле. Что я могу еще сказать? Теперь я знаю в Вашей воле меня презреньем наказать... Боже, хоть бы не этот билет!!! – звучит вопль вконец заучившегося и замученного ребенка.

На экзамене по литературе ей попался билет без чтения наизусть, и она получила «отлично».

Но это было уже потом, а пока что мы находились в Рио-Жанейро и не уставали восхищаться этим необыкновенным городом. Здесь началась абсолютно новая жизнь, новые впечатления, новые знакомства, новые возможности.

Кстати, о новых знакомствах. Об одной такой встрече я вообще предпочитала не говорить, потому что до сих пор не могу понять, вызвала она у меня восхищение или недоумение, или отвращение. Да и встреча эта была какой-то скоропалительной, сумбурной и невнятной. Наш шеф, Леонид Александрович, умный и ироничный профессионал, был уже опытным резидентом, до Рио поработал в Штатах. Работа в Америке – довольно серьезная командировка, проверка на профессионализм, и в Рио он почти отдыхал, будучи первым секретарем посольства. Вот там, в США, каким-то образом он, в совершенстве владея умением очаро-

вывать собеседника, познакомился с Сальвадором Фелипе Хасинго Дали. Да, да, тем самым великим Дали, художником, возмутителем спокойствия мира искусства, мастером эпатажа, «Великим мастурбатором», как он почему-то себя называл. Впрочем, ему виднее.

Познакомились они на какой-то очередной выставке знаменитого мастера. Наш шеф, как я тогда сразу заметила, был необыкновенно коммуникабельным человеком, умел познакомиться с любым и, самое главное, очень быстро понимал, чем тот интересуется. Кроме того, он был просто доброжелателен и всегда готов помочь ближнему, особенно если не нужно было в эту помощь вкладывать средства. Но согласитесь, что даже деятельно потратить свое время на благо другого человека и конкретно этим помочь ему – не каждому дано. Его жена Нелли, красавица и умница, прекрасно владеющая английским языком, всегда была рядом и тоже немало способствовала его знакомству с нужными людьми.

Чем наш шеф обаял Дали я не знаю, но, тем не менее, у Лени сохранился даже какой-то эскиз от художника. Представляете, какая это моральная и материальная ценность!

Как только мастер приехал в Рио, наш шеф тотчас же нашел его, возобновил знакомство и напросился в гости. В это время маэстро был уже в преклонном возрасте, со своей музой-Галой они жили раздельно, но на людях появлялись как попугаи-неразлучники (об этом я узнала уже очень даже потом). Такой вот был пиар. Жена Лени то ли приболела, то

ли не захотела встречаться с такими неординарными людьми как Сальвадор и Гала, скорее всего, встретившись с ними Америке, в Рио возобновить знакомство уже не пожелала, я потом поняла почему. Леонид вдруг пригласил нас его сопровождать в гости.

Что до хозяина встречи, то теперь я уверена, ему захотелось просто посмотреть на экзотическую пару молодых коммунистов и, возможно, порезвиться на их счет. Дали был великим мастером смешивать людей с грязью. Взять хотя бы его встречу с Арамом Хачатуряном! Если кто-то не помнит или не знает, то это банальная история с пошлейшим и жестоким розыгрышем: композитора пригласили, обильно напоили соками и водами, а потом – ушедший хозяин, запертый в комнате Хачатурян и использование им какой-то вазы в виде ночной. Впоследствии известное и злое интервью Дали, где он садистски подло поведал журналюгам, как советский композитор мочится в хозяйский антиквариат. Уже только это может отбить охоту встречаться с «великим».

Мы же были в панике не из-за такого изуверского отношения к гостю, для этого мы посчитали себя слишком мелкими сошками. В биографии Дали прослеживались непредсказуемые выверты богатой фантазии как в искусстве, так и в общении с людьми. Его образ жизни всегда отличался, мягко выражаясь, эксцентричностью. Говорили, что в поведении он похож на азиата: мягкая походка, коварная улыбка, убаюкивающий тенорок, инквизиторский взгляд и стремитель-

ная смена приоритетов... Но неужели великий мистификатор будет тратить свою творческую энергию на двух молодых, ничем непримечательных людей? Да нет... Нас беспокоило другое: всего несколько месяцев в стране, португальским языком еще свободно не владеем, а испанский уже забывается, и вдруг идти на встречу с мировой знаменитостью! Как мы поддержим изысканную, как мы предполагали, беседу с такими рафинированными интеллигентами!? Леня нас успокоил и сказал, чтобы мы особо не трепыхались по поводу языка, Витя еще помнит испанский, а хозяин обычно говорит сам и в диалоге не нуждается. Кроме того, сама Галя знает русский язык, хотя и притворяется, что уже почти не помнит его. Это нас удивило, но и не напугало, как можно забыть родной язык? Встреча со знаменитостью обещала быть интересной и уж конечно неповторимой! Я надеялась стать причастной к высшим сферам бытия человека, отмеченного неким божественным знаком. Прочитала все, что нашла о Дали в консульской библиотеке. Там было немного, если не сказать практически ничего. Кое-что вспомнилось из разрозненных сведений еще по учебе в художественном училище, у нас там часто практиковались факультативы по истории искусства.

Больше всего меня, конечно интересовал даже не Дали, а Галя. Подумать только, обыкновенная дочка обыкновенного московского адвоката, самая заурядная внешность, а вот была вдохновительницей-музой и у поэтов, и у художни-

ков! Жена художника Пелюара, она бросила мужа, маленькую дочь, еще какого-то французского поэта, сделала безшибочный выбор в сторону тогда еще неизвестного и далеко небогатого испанца. Вот хватка и нюх у бабы! Вот бы поговорить с ней на такую животрепещущую тему! Щас! Разбежалась!

То немного, что я знала о Дали, приводило меня в замешательство, особенно сведения о его непредсказуемости и экстравагантности. Но увидеть живую легенду хотелось безумно, ведь такой шанс не представится больше никогда в жизни, и из-за субординации отказаться от приглашения шефа было тоже невозможно, да и не хотелось... Мало того, мы были бесконечно счастливы, что выпал такой уникальный случай.

От волнений и внутренней напряженности я, было, зажалась в резиновый мячик и даже не заметила, какова же была гостиная у известного и супербогатого человека. Видела только большое пёстрое пространство, которое утопало во множестве шелковых драпировок, изломанных линий, малочисленной, но тяжёлой резной мебели. Во всей этой пестроте чувствовалось что-то искусственное, надуманное. Впрочем, скорее всего я не поняла изысканность дизайнера.

Мы пришли. Хозяев не было и в помине. Нам в их отсутствие даже не предложили прохладительных напитков, что, обычно, обязательно в тропиках. Видимо, гению позволена такая откровенная невоспитанность. Хотя отсутствие напит-

ков может было и к лучшему – вдруг повторится история происшедшая с композитором.

Выдержав нас, примерно, полчаса, а то и минут сорок, в гостиной, появился... нет! впорхнул обещанный сюрприз – невысокий худенький старичок, этакий хрупкий кузнечик, с прилепленными к черепу гладкими блестящими волосами и со знаменитыми нафабранными усиками стрелкой. Учтывая, что он родился в 1904 г., художнику тогда было около 66-67-ти лет, я с удивлением отметила, что знаменитость красится в кардинально черный цвет и явно молодится. Зажатость моя стала проходить. Я воочию поняла, что маленькие человеческие слабости присущи как нам грешным, так и великим людям. Леня представил нас художнику. Дали небрежно кивнул, пробормотав обычное: «Рад видеть», отдельно окинул меня внимательным оценивающим и, как показалось (или мне так хотелось!), одобрительным взглядом ярких агатовых и пронизывающих глаз, добавил: «Красивая сеньора». Не будучи никогда самовлюбленной, тогда я уже не сомневаясь в своей привлекательности для противоположного пола разбалованная вниманием бразильцев, я немного оторопела от такого весьма жидкого комплимента. Ну что ж, и на этом спасибо!

Маэстро затараторил с Леной по-испански, часто перемежая свою невнятную речь английскими словами. Еще одна бестактность гения. Но мне понравилось, что гений, хоть небрежно и мимоходом, но все-таки заметил меня, все-таки

было приятно услышать от знаменитости и такой незамысловатый комплимент.

Вдруг вспомнилось, и не без основания, изречение, что гениальность связана с эксцентричностью, и еще более глубокая мысль, что гений и шизофрения понятия почти совместимые. Это настораживало. Мы сидели, как болванчики, постепенно приходящие в себя, раскрепощаясь, натужно излучая радушие и внимательность. Я же стала рассматривать (он и не замечал, к счастью, этого просто неприличного разглядывания) знаменитость со сложным чувством восхищения и жалости. Восхищала сама атмосфера – нахожусь в обществе самого великого Дали! Но хрупкость и сухощавость всей фигуры, усики длинной стрелкой, глаза огромные, блестящие и широко расставленные, быстрота и даже резкость жестикуляции, руки длинные с совсем не аристократическими крупными кистями, ноги тонкие – все это вызвало странную мысль, что он все-таки – напоминает саранчу. Я пыталась в корне задушить такую кошунственную мысль, но так и не додушила ее до конца.

Во время нашего ожидания, достаточно долгого, я высказывала шефу крамольную мысль, что, может, откланяться разноцветным стенам и тихо уйти по-английски, это, мол, просто оскорбительно заставляя так долго ждать гостей, а что Леня мне напомнил, что мы ждем не кого-нибудь, а живую легенду и что я еще внукам буду рассказывать, как встретила с великим Сальвадором Дали. Я и замолчала

со своими понятиями политеса и предложением трусливо смыться по-английски.

Великий маэстро явно «интересничал». Конечно не потому, что мы были такими важными для него визитерами. Смешно и нелепо было бы сравнивать себя со знаменитостью. Но насколько я знаю из немногочисленных известных мне историй о нем, Дали всегда вел себя более-менее необычно, скорее более. Просто есть, есть такие люди, что с молодых ногтей надевают маску то «неприспособленности», то «растерянности», то некоторой доли «брутальности». Впоследствии маска прирастает к ним как вторая кожа, подбивается под характер как шелковая подкладка – вот он уже и «с изюминкой». Начинает «интересничать» или хамить, кокетничать, быть томным, экстравагантным.

Гений тарактел, как заведенный, и, даже сидя в кресле, производил впечатление двигающегося и суетящегося. А уж, когда вставал, тем более ходил, то просто кружилась голова. Они с Леонидом Александровичем вспоминали встречи в Нью-Йорке, каких-то знакомых, выставки. Различались лишь отдельные знакомые слова. Говорил, в основном хозяин, быстро и азартно, участвовать в диалоге не требовалось, его нужно было слушать и понимающе кивать головой в подходящих местах. Леня посмеивался, поддакивал и изумлялся. Мы продолжали изображать молчаливых статистов, но время от времени тоже изображали изумление, граничащее с восторгом.

Я начинала понемногу злиться, но тут выплыла, наконец-то, и сама сеньора Гала, хозяйка, Градива, в коротеньких шортиках и топике с невероятным количеством бус, намотанных на шею. Вошла поистине королевской походкой, несмотря на шортики и топик, вроде бы в неподходящем для королевы убранстве, словно всем оказывая неслыханную честь своим присутствием. Я жадно ее рассматривала и воспряла духом: вот смогу хотя бы поговорить с известной женщиной, почти землячкой. Что за провинциальная надежда на задушевный разговор! Женщина, небрежно кивнула и еще более небрежно поприветствовала кого-то в воздухе, голос ее прозвучал исключительно корректно-коротко, но невнятно, явно лениво цедя слова.. Мой восторженно-наивный настрой на интеллектуальную и тем более задушевную беседу тут же тихо угас... Хозяйка, ни на кого не глядя, проплыла к какой-то драпировке. Там она с необыкновенным изяществом устроилась в кресле, закинув стройную ногу за ногу, но, тем не менее, умудряясь, как говорят, «держаться на спине». Таких дам, неправдоподобно прямо держащихся, можно было бы отыскать в старых журналах мод. Я их видела еще у мамы в послевоенных трофейных альбомах модной одежды, жадно рассматривала «красивых тетенок», мечтая быть похожей на одну из них.

В позе ожившего рисунка из моего детства было что-то театральное, но выглядел этот рисунок очень живописно и колоритно. Картину она создала должным образом и впечат-

ляющую. Движения Гала явно отработывала всю жизнь, позируя своему знаменитому мужу.

Смотрела она в далеко далекую даль, жестко поджав узенькие накрашенные губки и почему-то с нескрываемой ледяной иронией в глубоко посаженных, маленьких и уже выцветающих глазках, бывших когда-то карими. Вот у самого Дали глаза были искрящиеся, даже одухотворенные, совсем не старческие, что нельзя было сказать о глазках его супруги.

Легкие, тонкие, тщательно взбитые, но уже реденькие, волосы госпожи Галы окружали нимбом ее лицо. Они казались пересушенными химическим перманентом, хотя это было практически невозможно. Уж такая сеньора знала толк в уходе за собой. Но критичным взглядом женщины я тут же обратила внимание на непропорциональность ее маленького круглого чуть скошенного подбородка по отношению к шее, щедро обмотанной ожерельями. Предполагаю, что это тоже один из приемов скрыть возрастные изменения – именно шея и руки выдают годы женщины. Но если бы я точно не знала, что она гораздо старше своего знаменитого мужа и ей уже за семьдесят, то приняла бы ее, в крайнем случае, за сорокалетнюю, т.е. почти свою одногодку. Она имела тот самый эластичный возраст от 40 до 60, который некоторые женщины умудряются растянуть и до 70-80. Идеальная фигура, тонкая талия, стройные округлые бедра и ноги, походка, осанка – ничто не выдавало в ней ее солидные годы.

Ничего подвисяющего и старческого. Она имела полное моральное право носить шортики и топики. Алертность ее тела позволяла ей этакий эпатаж...

Хорошо, скажем, при наличии средств, сбалансированного питания, разного рода фитнеса, массажа, пластической хирургии, многочисленной прислуги, в конце концов, можно держать в норме лицо и фигуру. Но кожа? Она действительно была молодой и светилась как розовый мрамор. Гала своими формами напоминала хрупкую изящную статуэтку. В принципе все визитеры Дали проходили жесткий фейс-контроль Галы и едва удостаивались обычного «bien venido» -здравствуйте. Так что с нами хоть поздоровались.

Еще одна живая легенда погрузилась в глубокую задумчивость и явно не замечала гостей. Хозяин же продолжал свой нескончаемый монолог. Я решила нарушить безмятежное молчание хозяйки и было обратилась к ней по-русски с каким-то нейтральным вопросом типа: «Как долго Вы пробудете в Рио?». Гала заморожено, даже не взглянув, ответила по-испански, что не понимает меня. Ответ прозвучал вроде бы корректно, но с едва-едва заметной иронией. А-а-ах, так! Тут уж я вскипела окончательно. Ну-с, ладно, сейчас тебе мало не покажется, казанская сирота, тем более, оказывается, ты не понимаешь русского! Нагло глядя на нее, но мило и доброжелательно растягивая губы в вежливую, тоже чуть заметно иронически искривленную улыбку, упрямо проговорила по-русски: «Как я понимаю Вас! С возрастом и отсут-

ствием практики язык забывается! Какая жалость!» Ужасно, ужасно, уж-ж-жасно напоминать женщине о ее возрасте!

А сеньор Дали точно не знает русского языка и тарыхтит с гостем. Очень распрекрасно! Пусть, пусть, сознаюсь, моя фраза была откровенным и невероятным хамством, но, люди! она сама напросилась! А это меняло дело – значит к чёрту всякий пиетет! Не понимает она, видите ли! Просто унизительно! Мы не напрашивались на знакомство! В конце концов, нас пригласили!!! (Судя по количеству восклицательных знаков, я действительно была взбешена.)

Сначала заставили ждать невесть сколько и даже не предложили стандартного набора угощения, хотя бы фруктов или соленых орешков и колы, как принято во всех бразильских домах, вышли к гостям с большим чувством одолжения и опоздания да ещё, видите ли, «моя-твоя не понимай!» А-га-а-а-га!... Что? Поняла, дорогуша? Поняла? Поняла-а-а-а!

Если бы вместо близко посаженных глаз Елены Девулиной-Дьяконовой была двустволка, я тут же была бы расстреляна на месте. Взгляд уроженки Казани подошел бы также в качестве ножа. Злая полуулыбка исчезла с узеньких губ. Елену звали Гала, с ударением на первом слоге, звали так еще дома, в Казани, но потом она с удовольствием перенесла ударение на последний, т.к. Гала в такой интерпретации еще обозначает «праздник», «веселье». А импрессионисты, друзья четы Дали окрестили её Гала-чума. Женщины тоже не любили её и давали ужасающую характеристику музе. Одна-

ко кто бы и как бы её не любил, картины Дали продавались благодаря его жене: Гала знала толк в пиаре. Кроме того, умная, по-житейски хитрая, она заключала сделки, контракты или разрывала их, приглашала людей нужных и отклоняла визиты ненужных, подписывала чеки и больше всего на свете страшилась бедности, нищеты. Была при художнике матерью, любовницей, продюсером и, самое главное, безупречной моделью: изящная фигура, прозрачная фарфоровая кожа, аристократические тонкие длинные пальцы и кисти рук, узкие стопы, тонкие щиколотки делали её неповторимой моделью и желанной любовницей. Считала себя красавицей и таковой же её воспринимали окружающие, хотя красавицей по сути не являлась. «Полюби себя сам и остальные тебя полюбят!» Правильно гласит изречение: лицо можно сделать, а тело нет!

Вот только зачем нужно было так усердствовать с нами, проявлять пренебрежение? Этого я действительно не понимаю! Мы вообще для нее были никто (вот именно! это и нужно было понять сразу!), разве только имели ранг дипломатов и только один из нас, Леонид. Может, поэтому так и спесивилась, что никто? Но воспитанный человек никогда не будет кичиться ни своей известностью, ни своим образованием, ни своими связями, ни своей внешностью, ни тем более богатством... Да ничем. Скорее всего, она просто ненавидела соотечественников и решила уничтожить нас своим презрением. Э-э-э, милая! Руки коротки!

Ну и к чему, прости Господи! тратить свою негативную эмоциональность на такую одноразовую встречу? Скорее всего, Галя по привычке отметала «ненужные, не деловые, не коммерческие» для семьи Дали знакомства. Можно сколько угодно приводить предположений, но вела она себя просто невоспитанно.

После нашей «содержательной беседы», я демонстративно повернулась к непрестанно разговаривающему супругу хозяйки, смутно поняла, что они хотят дождаться начала карнавала. «О! Карнавал!» И опять изобразила максимум внимания – голова стала трещать уже нестерпимо, в ней звучал необъяснимый тонкий пронзительный звон...

Что мы тут делаем, в этой абсолютно искусственной, фальшивой семье?! В искусственном мире, в котором ничего не понимаем и в котором поэтому и сами не нужны, с этим авангардистом-модернистом-сюрреалистом-«великим мастурбатором», с его музой-мумией, хоть и с прекрасно сохранившейся?! Удовлетворяем свое любопытство, тешим мелкое самолюбие: как же! рядом с мировой величиной! Да надо валить отсюда по-быстрому, от этих гениев! Наш босс, видимо, тоже устал от визита и уже не так часто и более принужденно и натужно улыбался сведенными от напряженной улыбки скулами. Дождавшись паузы, заметил, что мы злоупотребляем временем уважаемых сеньоры и сеньора Дали. Мы откланялись и облегченно вздохнули. В машине долго молчали, говорить не было сил да и не о чем, визит явно не

удался. Потом Леня заметил: «Как ни бились, а птичку поставить можно!»

Птичка-птичкой, но голова у меня болела почти неделю. Вот и не верь после этого в негативную ауру или духовный вампиризм. Наверное, нет! Конечно! Искусство Дали талантливо и, возможно, волшебным раз его признает весь мир, но ведь большинству оно непостижимо и непонятно.

Увидев Галу и ее знаменитого мужа, а потом и много прочитав о них, я поразились общности моих впечатлений о великом художнике и его спутнице с авторами записок. Потом, уже дома, я прочитала все, что можно было найти, в том числе и «Тайную жизнь Дали» написанную самим автором, где он безмерно восхваляет свой талант. Наконец, прекрасную книгу Робера Дешари-Жиля Нере с жизнеописанием Дали и с чудесными иллюстрациями к его картинам. С восторгом, удивлением и гордостью от собственной проницательности узнала, что мое скромное впечатление о супругах Дали абсолютно полностью совпадает с тем, что о них повествуют профессиональные психологи, авторы и сам Дали. В книге очень много его непосредственных высказываний и воспоминаний. Оказывается, что Дали был очень застенчив с женщинами, в 35 лет еще был девственником, но, несмотря на всю свою такую скромность, он был настолько очарован Еленой, что увел ее у своего друга поэта Поля Элюара. Впрочем, увести женщину от другого мужчины невозможно, если она сама не захочет. Кстати, еще раз о непонятных причудах

«великих»: они проходили брачную церемонию раз за разом во многих странах мира. Дали, очарованный своей музой, вновь и вновь женился на своей Гале, освящая свой сызнова обретенный брак и отправляясь в свадебное путешествие. Несмотря на такую необычную романтику, «в свадебных путешествиях» Дали работал как вечный двигатель, заводимый снова и снова своей музой.

Гала же по своей биографии и поведению, эгоистичному и бесцеремонному, напоминает Лилию Брик, знаменитую Коллонтай и еще более знаменитую Муру Закревскую- баронессу Брудберг, она же графиня Бенкендорф, она же «железная леди». Кстати, леди никакого отношения к графской фамилии Бенкендорф не имела, а была однофамилицей, удачно используя это обстоятельство. В анналах КГБ фигурировала под кликухой «разведчица».

Что касается Галы, то думаю, что никто ее не «уводил» от поэта. Проницательная женщина, она сама поняла огромный потенциал будущего художника, его безусловную талантливость и работоспособность, а также веяние времени. Ведь Дали работал не только как художник, но и как декоратор, иллюстратор, работал также по дереву. Оказывается, знаете, это ему принадлежит идея накладных ногтей. Друзья художника подсмеивались над его неумемной погоней за деньгами. Современники подозревали, что именно его обожаемая жена подталкивала Дали к этой гонке. Впрочем, нужно отдать должное, что эти же современники справедливо замечали,

что Галя всегда могла дать мужу дельный, практичный совет, увидеть перспективу в мире искусства и быстренько принять на вооружение новомодные течения, профессионально пропиарить своего неподражаемого, чуть сумасшедшего мужа. Благодаря трудам Галы картины Дали стали модными, известными и дорого рапродавались. Умная женщина, все время убеждала своего супруга, что он гений и не ошиблась: гений сам поверил в это и стал создавать шедевры в духе времени. Кроме советов, в начале роста карьеры, Галя не чуралась грунтовать ему холсты, мыть кисти и смешивать краски. Об этом писал сам Дали.

Такие женщины, как Галя, личности, безусловно неординарные, с мужским складом ума, четко знали, чего хотят и целенаправленно двигались к желаемому с непоколебимой уверенностью в своем праве на это. Они не обязательно красавицы или уродки. В них есть какие-то другие отметины, по которым их и узнают. Это умные женщины, незаметно управляющие всей жизнью, я не побоюсь употребить этого слова, своей жертвы. Тот же Сальвадор Дали, по воспоминаниям современников, вообще без своей Галы не знал, в каком шкафу находятся рисовальные принадлежности, лежат носки или каким цветом красить траву. И если Галя неподражаемо тягуче произносила: «Ну-у-у, дорогой, я и не знаю-ю-ю...!», он может сесть, долго маяться, думать, расковыривать свой герпес... и снова обожать свою Градиву. Дали умер в 1989 г., но считал, что умер он в 1982 г. вместе с Галой.

После ее смерти он практически не создал ни одного известного полотна.

Кто-то из литературоведов называл таких «фам-фаталь» ненасытными паучихами, питавшимися отблесками славы своих любовников и не чуравшимися урвать максимальную долю чисто материальных благ, безжалостными и бессовестными стервами. Они хотели иметь все: сердце, душу, деньги. И именно гений обычно заинтересуется подобной паучихой, а она в свою очередь ненавязчиво умеет опекать свою талантливую жертву, оплетая ее мягкой, но крепкой паутиной.

Женщины чувственные и манящие, они серьезно и надолго покоряли мужчин самодостаточных, состоятельных и обладали над ними бездонной властью, как признавал и сам Дали, всю жизнь восхищаясь своей Градивой, «той, что идет впереди», своей постоянной и несравненной моделью.

Какими-то непостижимыми свойствами природы подобные роковые женщины угадывали в своих избранниках будущих талантливых и богатых людей, четко выбирая их для себя на данный момент. Мало того они и взращивали этот талант на благо себе и отечеству. Для них слава и деньги были естественным продолжением крупной мужской личности. В известности своих великих любовников или мужей они и сами становились известными и знаменитыми. При этом «любовью» особо не увлекались, сохраняли трезвость ума и меркантильность, самую тонкую и изошренную, извлекая из

мужской влюбленности массу материальной выгоды. Такие дамы излучают тот самый sex-appeal, сексапильность, о которой так много говорят и пишут, но не много на самом деле знают о нём. Наверное, это свойство души и характера.

Всех перещеголяла «Железная леди» Мура. Кроме официальных мужей ее обожали такие неординарные личности как Ницше, Рильке, Фрейд (да, да, тот самый «Фро-о-ойд», который женщин вообще считал сосудом зла), Петерс, наш дорогой Максимушка Горький (оставил ей в наследство посмертные гонорары за издания своих книг за рубежом), Чуковский, сэр Брюс Локкарт, Сомерсет Моэм, Герберт Уэллс (его наследство Муре более миллиона фунтов). Ряд «солидных» людей бесконечен, как и солидны их капиталы. Даже внешне Мура чем-то напоминает Лилию Брик, А эта Лиля так вообще была некрасива в полном понятии этого слова: маленькая, коротконогая, глаза как у лягушонка, «огромные, выразительные, пламенные» по свидетельству современников. Им-то виднее! Для всех такие дамы находили нужное трепетное слово, свое особое поведение и ловкую, бархатную упряжку.

Что ж! Умные! Превосходные женщины!

А вот вниманию противоположного пола! Почитайте! Подумайте! Для сильного пола женщины, обладающие таким необыкновенным даром, очень опасны: покорить, привязать к себе поклонника, поработить, но самим при этом не влюбляться, а просто наслаждаться сексом как таковым и опусто-

шать карман влюбленного – вот их цель. Ведут себя они в любовных играх как типичные мужчины-эгоисты: все, что не входит в их потребительские рамки, их не касается. Обычно подобного характера мужчины и женщины живут долго, спокойно и поздно стареют. Матильда Кшесинская, например, прожила почти до ста лет, Лиля Брик тоже до глубокой старости привлекала совсем молодых людей. Их душа и тело заключены как бы в саркофаге эгоистичности и эмоционально они не поддаются жизненным коллизиям. Представители же такого вида роковых соблазнительниц обязательно имеют не один запасной аэродром, мало того, их мужчины об этом знают и еще больше ими восторгаются. И чем старше становятся подобные дамы, тем моложе у них любовники.

Гала, например, после шестидесяти уже оплачивала услуги молодых чичероне деньгами своего великого мужа, который купил для её отдельного проживания замок и не переставал боготворить прелестницу. Лиля тоже, кроме Маяковского, «имела» достаточно других высокопоставленных, богатых любовников, оплачивающих ее прихоти, а также и безбедное существование еще одного нахлебника, своего официального мужа Осипа Брика, Осю. Прикрывалась вся эта откровенная проституция флёрком благопристойных фраз о равноправии полов и свободной любви.

Но все не так просто! В Лилю, например, не на шутку влюбился молодой французский романист и драматург Франсуа-Мари Банье. Ей тогда было 84 года, а Банье 29. Ее суж-

дение, что для увлечений, а тем паче для любви, нет никаких возрастных границ, условностей и запретов подтвердила жизнь: Банье несколько раз прилетал в Москву к прелестной Лилечке с предложением руки и сердца. Чудны дела твои, Господи! Вот так-то!

Действительно, Бог их знает этих особенных сексапильных дам. Возможно, чтобы заставить мужчину любить, нужно действительно относиться к ним так же, как и они, в сущности, относятся к женщинам: как к проходящему фактору. Замечу, что большинство женщин, проповедующих свободную любовь, не были, как правило, обременены детьми. Это им давало возможность быть раскрепощенными, независимыми, находиться в состоянии постоянного полета, поиска все более и более изощренных ласк и, самое главное, более состоятельных любовников.

Философствовать на эту тему можно бесконечно. Наверное, многие женщины в душе даже завидуют подобным ухищрениям. Так художник, глядя на картину удачливого коллеги, не только оценивает его мастерство, но и мысленно задается вопросом: а сам я смог бы так? Нет, не смог. Да и какой толк сравнивать несравнимое? Для начала надо самое себя любить безмерно, а не быть полной сомнений. В конце концов, эти женщины вели себя с мужчинами так, как заслуживают того сами мужчины, и правильно делали.

Мне кажется, что подобные игры с природой в конце концов, надоедают. Уже ничего не хочется, начинаются изыски

или, как говорили на Руси, «редьки после шоколада», а чаще всего алкоголь и наркотики. Человек остается душевно выхолощенным, однако, что немаловажно, безмерно богатым. Кстати, Лиля лет в сорок решила заняться балетом! Я видела ее фото в пышной пачке и в пуантах, что еще больше укорачивало и без того ее коротенькие ножки. Без слез не взглянешь! А вот восхищались! Ося говорил визитерам: «Лилечка у станка, занимается танцами!!!, – и не пускал к ней... очередного любовника.

Как ни странно, встреча со знаменитой парой Дали, встреча, за которую бы иной журналюга заложил душу черту, не принесла мне ни удовольствия, ни понимания. Меня обуревали противоречивые чувства. С одной стороны интересно: все-таки увидела великого маэстро Дали, с другой – разочарование, я ожидала от встречи чего-то захватывающего, необыкновенное пиршество духа. Но мало ли чего я ожидала, это еще ни о чем не говорит. Может, я не созрела до понимания исключительно тонких душевных нюансов великих людей, их особого поведения и мерила все по своим усредненным меркам. Что делать! Но это мои мерки, вкусы, суждения. Изменить их в угоду любому светилу я не собиралась.

Вот иногда я не могу с определенностью сказать, объяснить, что мне нравится в рисунке, картине, эскизе – стою, смотрю, люблюсь, а вот что не нравится, всегда понимаю интуитивно и прохожу мимо. В конце концов, художники выставляют свои произведения на суд зрителей! А зрители не

знатоки: им или нравится человек или нет, не зависимо от его известности и статуса, нравится или не нравится кинокартина, точно также им по вкусу или нет художественное произведение, будь оно написано хоть растрепаным модным художником.

Иногда даже эскиз, набросок бывают очень интересными и запоминающимися, обычно и выражают сиюминутное настроение художника, а картину он уже пишет, добавляя свои фантазии, настроение, свое мастерство. Бывает, что эскиз гораздо одухотвореннее его конечного результата – картины. Разложить по полочкам технику, краски, пропорции, анатомировать картину, книгу могут только критики, профессионалы, собраты художники, писатели, что они с удовольствием и делают. Расчленять, анатомировать, терзать – это им по вкусу.

Меня раздражает надругательство над прекрасными формами человеческого тела и не менее прекрасными формами природы. Раздражает практически всякий абстракционизм, когда картиной считается несколько разноцветных аляповатых пятен. Не могу, не хочу и не буду любоваться подобным «живописным» полотном. Появляется ощущение диссонанса и дисгармонии, начинают щипать и слезиться глаза, в голове что-то звенит, портится настроение. Недавно все эти «приятные» ощущения я испытала даже не от авангардистской картины, а от сюрреалистической: конструкцию из стальных балок безжалостно режет острая бритва, а из-под

нее густыми каплями стекает алая кровь. Только извращенный и жестокий человек может получить удовольствие от подобного искусства.

Чета Дали всего за час-полтора вызвала у меня не удовольствие от общения, а негативные эмоции и обыкновенную головную боль. По обоюдному согласию с мужем и его шефом мы поступили мудро: совершенно ясно, что об этой встрече со знаменитым сюрреалистом никому не надо рассказывать ни под каким видом.

Первое: нам бы сделали хороший втык за сокрытие знакомства – это обязательно! Видите ли, посол и даже советник-посланник, естественно кагэбист, не удостоились приглашения, а какой-то инженер торгпредства вместе с обычным дипломатом решили проявить ненужную инициативу. Возможно и посла великий Дали и его Гала встретили бы так же, а может с еще большими заскоками! Это еще хорошо, что мы по-быстрому улизнули, и художник не знал русский язык.

Второе: делиться впечатлениями с коллегами было нельзя и потому, что существовал еще один повод для «разбора полетов»: Леониду Александровичу, дипломату, не «рекомендуется» открыто дружить с представителем торгпредства, то бишь с нами, и по неписанным правилам нужно было обязательно доложиться «соседям», т.е. известной наблюдающей организации, получить добро на такую встречу. А гэбэшники же, как последние жлобы, умели и любили въехать в

рай на чужих плечах, подчеркнуть свою близость и знакомство с известными личностями, а потом в разговорах мимоходом, без нажима упомянуть два-три популярных имени, близость к начальственным кругам, высшим или известным («с Пушкиным на дружеской ноге!», понимаете ли!) и навязались бы на randevu. В собственных глазах и в глазах начальства это делало их более значительными людьми. Позорная холуйская манера!

А всего-то и близкого знакомства бывало совсем ничего, разве что на приеме перекинутся парой фраз. Знаменитость иногда даже и не знала имени того, с кем разговаривала и тотчас забывала о представленном ей госте. А уж Дали!!!

Кто-нибудь обязательно присоединился бы к визиту, потом бы лично отчитался за такое престижное знакомство. Леня же, как работник другого ведомства, их на дух не переносил, естественно, хотел сам отчитаться. Пригласил своих человечков, т.е. нас, чтобы провести интересный и приятный вечер. Интересный – да, приятный – скорее нет...

Если бы все обошлось без оргвыводов (нет, не обошлось бы!), то его заставили бы озвучивать встречу со знаменитостью на очередной пятничной встрече советской колонии (вот названьице-то! – «колония») или бы просто не поверили в подобную историю. Поэтому мы практически никогда никому и из своих друзей-приятелей не рассказывали об этой короткой встрече с мировой известностью. Тем более она произвела на меня негативное впечатление. Сказали бы:

«Заелась, Галина! Фраерша! Всех устраивает, а ее не устраивает!»

Кстати, моя младшая дочь примерно так, но более мягко, и выразилась, когда только недавно узнала об этой мимолетной встрече. Ей как раз очень нравится кошмарный сюрреализм Дали. Конечно, сюрреализм бесполезно обдумывать, его надо чувствовать, причем лучше всего прочувствовать под хорошей какой угодно балдой, кайфом, угаром!

На самом деле Дали, конечно, гениальный художник, у него прекрасная техника рисунка, мне по душе его первые работы (в 14-15 лет!) в реалистической манере. Но его воображение... От его последующих исканий, изысков, воплощенных в картины, у меня лично портится настроение. Мне кажется, что на гребне, так называемого сюрреализма, он действительно создавал «сюр» – шутку, анекдот, просто зашибал деньги, пиарил-рекламил себя, в основном это была забота Галы. Дали понял, что нужно, вошёл во вкус и роль, создавая «шедевры» на потребу извращенным вкусам богатеев, каким некуда уже и деньги вкладывать! – «Вот де у меня какое жуткое полотно, дружок, ни у кого такого нет!» «Э-э-э, нет, батенька, сэр, сеньор, мистер, у меня-то будет еще кошмарнее, жутчее и дороже! Вот!»

А великий Дали и его Гала собирали на этой жирной ниве не менее жирный и богатый урожай. Но какое воображение, предвидение в спросе, ум и работоспособность нужно было иметь! Повторяюсь: считают, что именно Гала угадала это

новое течение в искусстве, его востребованность, товарную ценность подобных полотен и поощряла работать своего мужа в такой манере. «Тот кумир – телец золотой!»

Боже сохрани, своего мнения я никому не навязываю! Но заметьте, что чужое мнение – сигнал раннего предупреждения.

Что касается пятничных встреч, то каждую пятницу в нашем консульстве на политинформациях нам промывали мозги по все той же теме: преимущество социалистической системы над капиталистической. Консульство в Рио считалось идеальным местом для встреч примерно 150-ти человек, если считать всех: посольство и торгпредство.

Конечно, никогда эти 150 человек не собирались все, очень уж скучноватыми бывали эти лекции. От встреч под разными благовидными предложениями уваливали, но в меру. Наши добрые «соседи» бдили и беспокоились о морально-политическом облике советских служащих за рубежом.

Само консульство представляло собой вытянутый в длину огороженный высоким бетонным забором участок. Учитывая дефицит земли в Рио, мне оно казалось идеальным, пока не я побывала в других представительствах. Там было все ухожено, старательно причесано, подогнано к зарубежным стандартам и к отдыху своих соотечественников. Наконец, было чисто. У нас не то что грязно, но как-то замусолено, давно не отремонтировано и сделано наспех.

Консульство делилось как бы на отсеки: консульство, как

такое, было в самом начале и выглядело достаточно прилично. Им заправлял Вадим Новиков, длинный узкоплечий гэбэшник, довольно безобидный, но очень неадекватно реагирующий на самую простую шутку. Ему все казалось, что к нему недостаточно уважительно относятся или иронизируют.

После здания Консульства шли технические службы и квартирки для обслуживающего персонала, спортивная зона – волейбольная сетка, столик для бадминтона, место для лекций – простейшие скамейки из досок напротив экрана, беленого прямоугольника на стене и, наконец, школа – одноэтажная кокетливая вилла из гипсокартона, но с кондиционером. В ней я работала сначала со вторым и четвертым классами, а другая учительница, присланная из Москвы, в начале консульства примерно в такой же конуре. Это еще было до того, как посольство и часть торгпредства не перевели в столицу, т.е. в Бразилиа, а оставшуюся часть детишек не разместили в торгпредстве в более комфортабельных и удобных условиях.

С точки зрения обустройства дипломатических служб наше консульство было довольно убогим местечком, но своим задачам отвечало: мы все-таки нуждались в общении, отмечали там юбилейные праздничные даты, школьные праздники, Новый год, то, что сейчас называется корпоративами. Вообще было довольно весело и непринужденно, потому что в нашем обществе находились и весьма остроумные и жиз-

нерадостные люди, которые придумывали смешные и разнообразные сценарии. Это были молодые дипломаты, журналисты, сотрудники остальных служб.

Но на обязательные лекции ходили неохотно. Мы настолько привыкли к заезженным фразам о положительных событиях в Союзе, о выполнении и перевыполнении трудовых планов, о поддержке программы Партии, пересыпанные гениальными цитатами из высказываний дорогого Леонида Ильича, что особо не вслушивались в обязательное пятнадцатиминутное сообщение: у нас – все очень хорошо, у них – все плохо; у них – тьма беспросветная и тупик, у нас – блеск и солнечные дали. Хоть бы поменяли затертую пластинку, ведь социализм мы уже понюхали, аромат капитализма страны третьего мира становился все более привычным и приятным. В подобных политинформациях было совершенно открытое хамство по отношению к своим гражданам-слушателям: съедят как миленькие, никто и слова не скажет. Никто и не говорил, и не хотел – плевать против ветра себе дороже. Безразличные слушатели начинали постепенно чуть слышно шептаться, переговаривались, ждали показа кинофильма или, в крайнем случае, выступления Игоря Фесуненко, Вадима Листова и других журналистов. Их выступления хотя бы были интересны.

Оба корреспондента, один, Игорь, от Советского радио, но пописывал и в «Комсомольскую Правду», другой, постарше, Вадим, от «Правды». Благодаря своим удостоверени-

ям газетчиков, они обладали большей свободой передвижения по стране, ездили в командировки, больше знали о ней, могли просветить и нас. Они имели право меньше докладывать о своих встречах, знакомствах и поездках нашим бдящим-впередсмотрящим, хотя тоже в меру, потому что за пренебрежение к «правилам безопасности» их по навету могли запросто турнуть из страны, а этого никому не хотелось, в той числе и журналистам. Сами же «соседи» тоже старались дружить с журналистами, втереться к ним в доверие, через эту дружбу познакомиться с интересными или значительными людьми, побывать на неординарных мероприятиях, интервью со знаменитостями. Да что там «соседи», мы все были не прочь иметь в друзьях умных и, что более важно, остроумных, спокойных людей.

Эти журналисты говорили образно, хорошим литературным языком, без клише и штампов, с горячими фактами и сведениями непосредственно по стране пребывания и могли многое рассказать нам на встречах в консульстве по пятницам.

Конечно, мы с большим любопытством слушали новости о Бразилии и бразильцах, чем пресные пережевывания союзных газетных страниц, которые получало наше консульство. Ну, о журналистах я еще расскажу позже.

А вот город не переставал нас удивлять и поражать.

Например, встреча Нового года в Рио-де Жанейро – совершенно фантастический ритуал, языческий обряд, связан-

ный с древне-африканскими легендами, с культом воды. Макумба – языческий афрообряд, справляемый чтобы умиловать Святого Ориша (бога плодородия) и Йеманжу – богиню моря.

В культуру Бразилии, в ее традиции очень много привнесли бывшие рабы, негритянское население или цветные, в том числе и настоящие хозяева земли – индейцы. День мертвых (День поминовения усопших). В этот день вкушаются странные сладости в виде черепов, гробиков, скелетиков, покупаются и дарятся игрушки подобного же типа – своеобразное отношение к жизни и смерти. Собственно, этот радостный праздник – скорбная трапеза на кладбище, а потом начинается веселье. Такой вот праздник от коренного населения Бразилии.

А по африканским преданиям, в океане, источнике жизни на Земле – ведь правда – живет всемогущая Богиня вод и плодородия, покровительница моряков Яманжа или Йеманжа (вольность перевода), от которой зависит удача и благополучие, как отдельных людей, так и целого народа. Она непредсказуема в своем настроении, капризна, коварна, требует себе уважения и поклонения. У африканцев ассоциировалась с Девой Марией.

В Новый год она, якобы, поднимается из океанских вод, чтобы проверить насколько ее чтят и помнят люди и воздать им должное.

В последних числах декабря на песке побережья из досок,

из случайного подручного материала сооружаются шаткие помосты, импровизированные алтари. Эти трибуны покрываются чистейшими кипельно белыми, без единого пятнышка, скатертями, кружевными тканями, накрахмаленным тюлем или, у кого алтарь победнее, (но это уж совсем редко) такой же накрахмаленной марлей. Поклоняющиеся Ийеманже укладывают на такие алтари приношения своей Богине. Это могут быть самые различные предметы: маленькое зеркальце, ларчик со скромным колечком, сладости, грошовое кольцо, букетик или огромный букет, флакончик дешевеньких духов или дорогой парфюм.

Жители Рио-де-Жанейро 31 декабря в ночь, глубоко к вечеру, собираются на берегу океана и выказывают ей свое полное уважение и любовь. Этот обряд называется Макумба – народная месса, зрелище ирреальное, иллюзорное, как театральные декорации. Тысячи «макумбейрос» выходят на берег в нарядных, преимущественно в белых одеждах, со съестными припасами, вином, свечами. Кариокас приходят на макумбейру, чтобы бросить в океан цветы – Йеманжа предпочитает белые цветы, особенно розы – спустить на воду плотики с различными дарами: упаковочками печенья, пучками разноцветных лент, иногда просто куском маниокового (кукурузного) пирога, украшениями-бижутерией, иногда и золотыми. Каждый сколько и что может преподнести Богине в зависимости от веры и прегрешений совершенных за год. Тысячи свечей зажигаются на песке пляжа, чаще всего

ставят их большими и маленькими кругами вокруг алтарей. У каждого из них находится свой отпускающий и снимающий грехи, мужчина или женщина. Группы в белых одеждах под меланхоличный, жалобный напев начинают своеобразную пляску, сначала медленное кружение вокруг алтаря, потом это кружение убыстряется. Своего рода шаманство.

Танцуют вокруг свечей свои ритуальные танцы мулатки и негритянки, самозабвенно, как это умеют делать только бразильцы, кружатся в своих белых одеяниях, поются-читаются молитвы. В темную ночь кажется, что это только разлетающиеся белые одежды, огромные фантастические бабочки. Танцы становятся все быстрее и увлеченнее под четкий рокот барабанов и дымок маконьи (легкая наркотическая травка) в курильницах.

Наконец, выявляются впадающие в транс «отмеченные» Йеманжой. Они кружатся все быстрее и быстрее, до изнеможения, падают, рыдают, иногда теряют сознание. «Отмеченные» уже явно накурились и отметились по полной программе. Конечно, это люди психологически более внушаемые. Мне кажется, что, сколько передо мной ни кружись и ни пой, я в обморок не упаду. Но только «не накуримши», наверное. Так я и не курю. Кстати, и не пью.

Поклоняющиеся Богине поочередно подходят к проповедникам и тот или та, опять окуривая их специальными «колдовскими» травами – пахнут они одуряющее – снимают грехи быстрыми касательными прикосновениями: голо-

ва, грудь, бедра, колени. Делают взмахи руками, как будто что-то снимают с тела и отбрасывают резким движением. У нас, например, такие движения делают бабки-ведуньи, когда снимают сглаз, порчу, вражеские наветы. Многие исповедующиеся говорят о своих личных неудачах, болезнях, просят Йеманжу о помощи, об исцелении, о выигрыше в лотерею о победе своей любимой футбольной команды, бывают и чисто житейские просьбы – о послании чада, о решении любовных проблем, о наслании смертельной болезни недругу (как же без этого!). Просьбы полны самозабвенной детской веры в чудо.

Большинство, и макумбейрос, и редкие зеваки, стоят, молча, слушают заунывную песнь-молитву, возможно, тоже мысленно, просят у Богини вод Йеманжи удачи в новом году, беспокоят ее своими мелкими эгоистичными желаниями. Богиня слышит всех, род людской давно изучила и не удивляется даже просьбе покарать соседа-неряху, что выливает помой под окна или на цветник молящегося.

Ровно в двенадцать ночи взлетают ракеты, шутихи, отчетливее бьют барабаны, громче звучит песня-крик. Макумбейрос бредут в воду, чтобы омыться в океане, царстве Богини Йеманжи: вот тут они бросают в воду оставшиеся на алтарях подарки, спускают плотики с дарами Богине, как я уже сказала, кто что принес: от дешевенького перстенька или дорогого браслета до бутылки вина или стаканчика кашасы, дешевой тростниковой водки. Все внимательно наблюдают, приняла

ли Богиня подарки, не выбросила ли волна их дары обратно. Если выбросила, то это признак немилости Йеманжи, дар не принят, и год будет неудачным, теперь пожелание не сбудется, а просьба не исполнится. Просители расстраиваются, но ненадолго и идут заливать неудачу водочкой-кашасой, главным утешением для всех народов мира.

Немало ценностей в этот праздник попадает в океанские волны, и никто – ни мелкий воришка, ни отпетый мошенник, ни голодный бродяга, даже турист, любитель сувениров, – никто не решится разграбить алтарь или подобрать что-либо из подарков макумбейрос, выбрасываемых океаном после праздника. Кстати, в православных обрядах общения с духами, ведовстве, тоже не рекомендуется присваивать приносимые подарки для умиротворения божества и ни в коем случае не подбирать что-либо на перекрестках дорог. Эти вещи считаются наговоренными и приносят несчастье тому, кто их поднимет. Как параллельно идут верования у различных народов!

После танцев, молитв, отпущения грехов, участники макумбы пьют дешевое вино, ром, кому, что по карману, поедают принесенные лакомства, в основном, сладости, выплескивают в волны остатки вина, тем самым угощая и могущественную Йеманжу. Многие, наугощавшись, натанцевавшись и покурившись травки, прямо в длинных одеждах в экстазе снова бросаются в воды океана, чтобы быть поближе к своей обожаемой Богине, а т.к. пляжи Рио знамениты крутыми

волнами, то некоторые влюбленные в Божество навеки с ней и соединяются, т.е., попросту говоря, тонут по пьянке. Правда, сами почитатели Йеманжи, но это уж законченные ортодоксы (их становится все меньше), считают, что утонувшие приняты в лоно Богини, и их души вознесутся на родной материк, на землю прародителей, некогда прибывших сюда в качестве рабов.

К рассвету макумбейрос расходятся. Из фешенебельных ресторанов, что на Копакабана, типа «Сорренто», появляются роскошные дамы и их кавалеры подшофе в вечерних туалетах и драгоценностях, хлопают пробки шампанского. Богатенькие сеньоры, хотя якобы со смешком воспринимают этот обычай черни, тоже на всякий случай решают задобрить богиню и бросают в океан свои дары. Если подгулявшие уж совсем никакие, им сам черт не брат, а грехов больших и маленьких накопилось не меряно, то для душевного равновесия они жертвуют дары очень даже дорогие: нитка натурального жемчуга, браслет, перстень с бриллиантом. Что по пьянке не сделаешь для Богини и для себя! Душа успокоится, хотя по утру, возможно, даритель пожалеет о широте своей натуры.

Вся эта ночная феерия очень впечатляет, особенно если смотреть сверху вдоль полосы прибоя. Недалеко от нашего торгпредства, через канал была невысокая гора «Спящий тигр». Так вот мы и наблюдали этот праздник как раз со «Спящего тигра»: в темноте ночи фосфоресцирующие бе-

лые барашки волн, белый же прибой и белые, кружащиеся в однообразном танце фигуры вокруг огоньков, звуки заунывных, но ритмичных мелодий, флейт и барабанов. Впечатление чего-то ирреального, дикарского, маняще-прекрасного. Вся эта феерия начинается вечером, а т.к. в тропиках ночь обрушивается внезапно, почти минуя сумерки, то кажется, что над молящимися Богине внезапно опустился бархатный густо-черный шатер для пушного впечатления украшенный сверкающими звездами.

На этот праздник белым и иностранцам лучше не появляться, на них смотрят косо, а покурив “травку”, выпив тростниковой водки, участники праздника становятся несколько агрессивными и начинаются разборки типа «а ты кто такой», «вы нас угнетали», “мы не рабы, рабы не мы” и могут смести неугодного любопытного гостя в океан да и притопить чуток или немного поколотить. Но это бывает редко, если только непрошенный гость вмешается в ритуальный танец или чем-то еще не понравится макумбейрос, т.е. как сейчас говорят, не пройдет фейс-контроль. Вот тут-то уж точно надо быть, как все и «не высовываться из трамвая».

Праздник “Встреча Йеманжи” имеет чисто африканские корни. Поэтому благоразумно, благодаря предостережению наших вездесущих журналистов, мы первый год любовались этим почти дикарским завораживающим зрелищем издали, чуть поднявшись на “Спящего тигра”. Но нам так захотелось рассмотреть интересный обычай поближе, отчетливее, что

следующую макумбу мы уже смотрели как ее непосредственные участники, прямо на берегу пляжа Леблон. Пошли мы туда, подстраховавшись, вместе со своими знакомыми бразильцами и, конечно же, по закону конспирации, затерявшись в толпе. Вот тогда-то мы и увидели интересные подробности отпущения грехов, бросание подарков, купание в океанских волнах. Получили самое емкое впечатление от Макумбы: сначала общее с горы – большое видится на расстоянии – а потом и частности на Леблоне.

Еще более впечатляет бразильский карнавал – самовыражение темпераментности и общительности бразильского населения. Карнавал самая яркая, самая «бразильская» особенность страны.

Как высокопарно говорят о нем – это ежегодное бракосочетание Бразилии и Африки, культ смешения черной крови невольников, белой крови европейских эмигрантов и фиолетовой крови индейцев.

Бразильцы, очень музыкальный народ, говорят, что каждый бразилец хотя бы раз в жизни возьмёт да и сочинит музыкальный шедевр типа самбы или марша. Например, та знаменитая веселая песенка "Сидади маравильоза" Андре Фильо стала гимном Рио-де Жанеро. Она незатейлива музыкально, но сразу ложится на слух и точно определяет отношение «кариокас» к Рио: «Прекрасный город – сердце моей Бразилии!» Эта песня стала абсолютной победительницей-самбой на карнавале и продлила свое существование на

многие годы.

Именно за этим зрелищем иностранцы едут в Бразилию в начале февраля каждого года, фрахтуя самолеты и теплоходы. Сфера туризма и развлечений вообще в Бразилии очень развита и является ключевой для экономики страны. Но один карнавал приносит в бюджет только одного города Рио-де-Жанейро миллионы. Длится карнавал, не утихая круглые сутки, в течение четырех-пяти дней, символизируя начало Великого поста перед Пасхой. День и ночь стучат барабаны большие и маленькие, там - тамы, тамбурины, какие-то деревянные инструменты, на каждой улице веселятся, поют, танцуют самбу.

Такого зрелищного, яркого, эмоционального действия нет, наверное, нигде в мире. Ну, я видела карнавал, например, на Кубе. Совсем не то впечатление, прошу прощения у кубинцев! Труба пониже и дым пожиже.

Карнавал в Рио настолько потрясает воображение, что описать его просто невозможно, как объять необъятное, можно только поделиться своими впечатлениями.

В самый разгар бразильского лета Рио-де Жанейро превращается в грандиозную веселящуюся площадь, где тротуаров нет. Готовятся к карнавалу весь год. Можно сказать, что бразильцы, завершив один карнавал, сразу же начинают подготовку к следующему. Он всегда проходит на первой неделе Великого поста по григорианскому календарю. Почему именно так, я не могла выяснить. Видимо, сложившаяся тра-

диция с забывшимися корнями. По крайней мере, ни один бразилец, к какому я обращалась с этим вопросом, не мог на него толком ответить. Выдвигались самые различные гипотезы, почему именно в это время начинается карнавал. Ведь это одно из самых жарких времен года – февраль...

Сама же история возникновения этого знаменитого праздника весьма интересна: это чисто пришедшая извне традиция. У аборигенов индейцев ее не было. Некоторые считают, что традицию уличных карнавалов завезли сюда португальские мореплаватели – возможно, это были празднества перед Великим Постом, как наша Масленица и как отголосок венецианских карнавалов с шуточными драками, потасовками, этакими Петрушкиными забавами: клоунские маски, интрига, хлопушки, мешочки с горохом, обливание водой, забрасывание сырыми яйцами. Конечно, были песни, танцы, музыка, милые дурачества. Но только позднее карнавал стал фееричным и знаменитым на весь мир, когда в нем стали принимать участие костюмированные и почти не костюмированные участники, тематические действия, зажигательные танцы и, самое главное, танцоры самбы. Видимо, развитие его и празднование принадлежит все-таки афробразильцам... Чёрным рабам предоставлялась возможность раз в год повеселиться, сменив рубище на роскошные платья белых господ, на костюмы королей и королев, с белокурыми париками, «драгоценностями» и прочими «фенечками» белого господина. Возможно, именно в Пост белые гос-

пода, будучи сами лишены возможности веселья, разрешали себе удовольствие иронично понаблюдать и поразвлечься нелепыми, по их мнению, но забавными праздниками своих рабов. В конце концов, и рабовладельцы понимали, что надо иногда было открыть клапан и выпустить пар невольничьего быта. Однако ритмичная веселая музыка, пластичные танцы, необыкновенно захватывающие воображение и тело, завораживающий ритм самбы нашли своих сторонников и среди молодого белого населения.

Постепенно они тоже стали принимать участие в этом безудержном веселье. Старая гвардия ретроградов правильно подумала, что карнавальные действия, откровенно эротические танцы, буря непозволительных эмоций развращающе действуют на белое молодое поколение да и сближает как-им-то образом их с угнетенными неграми, глядишь так и крамольные мысли об освобождении могут возникнуть. И сближаются они не каким-то там виртуальным образом, а очень близко. Голубая кровь разбавляется! ”Иззя!”.

Словом, ханжи, снобы и политики решили, что шуточные песенки “с намеком”, танец самба со своими фривольными па, даже шуточное братание с рабами (какой ужас!) не подходят для белых господ, а заодно и чернокожим нечего вихляться пред светлы очи их хозяев и... запретили карнавальные шествия.

Не тут-то было! Запретный плод, как всегда, сладок вдвойне: под чародейство африканской музыки и танцев по-

падало все больше любителей петь, плясать, вообще “отвязаться”. И белая и цветная молодежь устраивали свои тусовки с песнопениями, танцами и, что греха таить, с интимными встречами после зажигательной музыки и танцев. Вот вам и смешение рас и народов, вот вам и смуглость кожи, вот и уже теряется аристократическая бледность! Это-то и беспокоило ревнителей нравственности и чистоты белой расы.

Учиться танцевать самбу захотели все. Чтобы не объясняться с высоконравственными воспитателями, так как известно, что чем старше возраст, тем пышнее расцветает нравственность, любители карнавальных шествий говорили, что идут в школу. В какую? Да в любую: в Бразилии любой кружок – кулинарный, декламации, вышивания крестиком, исправления дефектов речи – может называться школой и даже колледжем, как у нас сейчас. Отсюда, по легенде, и пошло название “школа самбы”. Самба, как говорят в Рио, – танец человека свободного от условностей, олицетворяющий радость жизни, соответствующий характеру бразильцев: раскрепощенность, мягкость в движениях, плавность, чуть эротики. В Рио все мягкое и закругленное: само побережье залива, волнистый рисунок Копакабаны, округлая вершина Корковадо и Пан-ди-Асукар, пышные формы женщин.

Уметь танцевать самбу стало модно, престижно, она перешла в разряд национальных танцев... Что это за “бразилейра” или “бразилейро”, если ты не самбист!

Постепенно мастодонты рабовладельческого этикета вы-

мерли, запреты на веселье исчезли, и карнавал носил сначала общенародный характер, но постепенно терял свою первоизданность, становился театрализованным и более зрелищным мероприятием, каковым и является в настоящее время. От этого он не теряет свою привлекательность, как для бразильцев, так и для туристов, значительно пополняет городскую и государственную казну.

Карнавал – праздник, прославивший не только Рио, но и всю Бразилию. Карнавал проходит во всех городах и городках Бразилии, но большинство туристов, стремятся попасть на него именно в Рио. Наш морской лайнер “Иван Франко” тоже всегда фрахтовался путешественниками из Европы, так что и наше государство имело свою толику прибыли от проведения карнавала в Рио-де-Жанейро.

На время карнавала власти пытаются предотвратить разные нежелательные инциденты строгими запретами на алкоголь и ношение оружия, в основном, холодного. Забавная подробность: аптеки распродают весь запас изделий №2, уж слишком высоко подсакивает эротический тонус «кариокас». Ну, а запреты власти на употребление алкоголя, как и всякие запреты власти, частенько игнорируются и именно на алкоголь. Ну, как не подогреть или освежить себя бутылочкой холодного пивка, глотком тростниковой водки или, «на худой конец», французского шампанского? За неделю карнавала бары выполняют свой, так сказать, годовой план «по пиву, по пиву, по пиву»... Все усиленно и освежаются, и

подогреваются, хотя бразильцев не хуже алкоголя греют их веселье и жизнерадостность, вид смело обнаженных танцовщиц, разудалая и буйная атмосфера карнавала.

Несмотря на заорганизованность и получение огромных прибылей компаниями, спонсирующими различные “Школы самбы”, а скорее вопреки этому, карнавал в Рио захватывает абсолютно все слои населения: от нищего жителя фавел до уважаемых особ. Завораживающая, опьяняющая вакханалия веселья, когда все социальные и тем более расовые различия отброшены прочь. Все веселятся на празднике в разных местах: на улице, на официальной “реке” карнавала – проспекте Варгаса, в закрытых престижных клубах и все вместе.

Костюмом считается даже гирлянда цветов, монисто из раковин, колпак клоуна, нарисованная на лице маска или цветок в пышной прическе. Кстати, я и воспользовалась таким костюмом – длинная юбка в розовую клеточку и разрезом до бедра плюс гирлянда цветов, чтобы не быть белой вороной на трибунах.

Уже за несколько дней до официального открытия карнавала в заветную субботу то тут, то там вдруг зазвучит браваурная мелодия, вспыхивает стихийная пляска, куплет песенки и взрывы смеха за ней, уже закружатся в танцах нетерпеливые “кариокас”, уже бронзовые мулатки выделывают па зажигательной самбы. Начинается неделя безудержного веселья, оглушительной музыки, не прекращающихся ни днем,

ни ночью для всех жителей Рио и их гостей независимо от возраста и цвета кожи. Даже члены парламента откладывают свою работу и спешат занять привилегированные места на трибунах самбодрома.

Нельзя сказать также, что все 100% жителей Рио влюблены в это красивое, но уж очень непредсказуемое действо. Есть, есть один процент другой публики, тот, кто хочет тишины и спокойствия. Этот процент – благонамеренные, нервные и слабонервные коренные жители города, уже до отвала накушавшись и танцев, и музыки, и шума, уматывает на время карнавала, спасаясь от него на горных курортах, куда точно не донесутся лихие ритмы карнавала, а лучше всего, как сами понимаете, спастись на лучших курортах Европы. Конечно, это старожилы Рио, и богатые старожилы, уже подуставшие от колоритного зрелища, имеющие достаточно средств, чтобы неделю-другую побыть в благостном единении с собой, не вздрагивать и не просыпаться от грохота барабанов и взрывов петард. Но даже эта слабонервная часть горожан не признается, что уехали из обожаемого Рио из-за шумного карнавала. Нет, что вы! Просто надо подлечиться, отдохнуть, дела, знаете ли, бизнес... Все равно они гордятся своим Рио, своим карнавалом.

Префект Рио-де-Жанейро условно передает ключи от города в руки карнавального шуточного короля Момо. И пошло-поехало! Веселье бьет ключом!

Апофеоз праздника, главная часть карнавала, кульмина-

ция его происходит на так называемом самбодроме, авениде президента Варгаса. Это знаменитое дефиле-шоу, когда участники самых известных Школ самбы в экзотических костюмах устраивают свое потрясающее шествие. Раньше такие школы существовали почти в каждой крупной фавеле Рио, а теперь, уже окультуренные и театрализованные, в солидных клубах, где для участия в шоу, впрочем, собираются тоже «фавеладос» – жители фавел. Там практически нет профессионалов: музыка, хореография, оркестр, костюмы, режиссура – все создается фанатами самбы и предстоящего карнавала, к которому они готовятся целый год, но для уверенности и, если позволяют средства, все-таки приглашаются опытные режиссеры шоу-представлений.

Все школы-клубы ждут ежегодного показа своих достижений: откладываются деньги на костюм (эти костюмы, так называемая «фантазия», иногда может весить до 15 кг, а иногда 500 г.), пишется сценарий, выбираются будущие карнавальные король и королева, идут репетиции и, самое главное, пишутся марш и новая оригинальная самба. Все задумки хранятся в глубочайшей тайне от конкурентов, чтобы блеснуть, зажечь публику и убить соперника наповал.

Когда карнавал был чисто народным стихийным праздником, то и организовывался он только фанатами и только на их же средства. В настоящее время «Школы самбы» не являются школами танцев в полном смысле этого слова. Это объединение танцоров, музыкантов, певцов – любите-

лей карнавальных шествий и подготовки к ним. Не исключая приверженцев ежегодного карнавала, у каждой школы есть свой спонсор, обычно торговая фирма, которая финансово поддерживает своих, якобы, самодеятельных артистов и музыкантов. Чаще всего это хозяева лотерей и коммерческие компании. Все это спонсорство совсем не альтруизм: победившая школа, их музыка, их участники весь следующий год являются лицом фирмы и рекламируют их товары. Конкуренция между группами жесточайшая. Победители потом в течение многих лет неплохо зарабатывают, в основном, в рекламном бизнесе плюс не хилая сумма в финале в случае победы. Затраты на подготовку с лихвой окупаются туристами, не скупясь покупающими билеты на самбодром.

Парад начинается в 10 часов вечера на avenida Vargas. Участники парада, охваченные волнением и экстазом, движутся в русле яркой танцующей реки с главными персонажами “королем” и “королевой” в роскошных одеяниях в сопровождении такой же роскошной свиты. Идут фронтом в 100 м в 2-х метрах друг от друга для свободы движений. Парад длится много часов, почти всю ночь, на горячем асфальте, но ни один из участников шествия не позволит себе сойти с дистанции.

“Величества” едут на специальных платформах “caracas”, оформленных с выдумкой, необычайно оригинально и роскошно – фантастические животные, ковчеги, планеты, сады, аллегорические фигуры, марионетки иногда высотой в пол-

тора-два человеческих роста. Возле них танцуют, двигаются в томных позах (“пасситас”) самые лучшие фигуристые танцовщицы в одеждах из фиговых листков. (Вот они-то и повышают уровень продаж изделий №1? или №2? в аптеках). Нужно ли добавлять, что оформление ни одного костюма и ни одной «саргас» не повторяется, не то что в самом шествии, но и ни в одном карнавале.

У каждой школы участники имеют свои цвета: «Madureira» – бело-зеленый, «Mangueira» – розово-голубой, «Portela» – бело-голубой и т.д.

Самбисты идут сплошной лентой под звуки самой бравурной зажигательной музыки: два шага влево, два шага вправо, чуть вперед с легкими, но энергичными движениями корпуса, с эластичностью гимнастов, чуть расслабленно в бедрах и коленях. Это самба. Два шага влево, два шага вправо, неуловимо перебирая ногами – всего несколько повторяющихся движений, но движений изысканной красоты и пластичности.

Костюмы красивые и вроде бы дорогие: имитация жемчуга и драгоценных камней, длинные шлейфы “королев” затканы бисером и стеклярусом. У королей роскошные “золотые” камзолы и тяжелые на взгляд “золотые” же короны, на самом деле это папье-маше фольга или легкая жесь. “Графы, графини, маркизы”, часто в напудренных белых париках, тоже сияют оригинальной и сверкающей отделкой костюмов в стразах и блестках.

Карнавальные одежды стараются все же сделать как можно легче и изящнее – в них надо пройти, танцуя, более 2-х км хотя и в вечернее время, но все равно в жаркой духоте.

Обливаясь потом, соблюдая дистанцию и безупречность манер, вихляя бедрами, но, как ни странно, вместе с вихлянием выражая достоинство, счастливые и веселые идут парадом самбисты до самой глубокой зари, вызывая блаженный трепет и восхищение публики.

Сверкающая, перенасыщенная украшениями одежда королей и их свиты, белые парики, скорее всего дань традиции прошлым, невольничьим карнавалам, желанию рабов хоть раз в году почувствовать себя господами с их атрибутами одежды – белизной, блеском и роскошью. Сейчас это просто центральные персонажи Школы, традиционно обряженные в камзолы, шлейфы, парики и короны.

Основная масса участников парада одета весьма фривольно. Приветствуются полуобнаженные натуры.

Рядом с царственными, бьющей на эффект «роскошью» костюмами, можно видеть более чем легкие и более подходящие к тропической жаре одежды мулаток, красивых, необычайно пластичных, с кожей цвета благородной бронзы. А какая ритмичность, музыкальность! Какое изящество, самозабвение в пляске, в движении, в веселье!

Приятной округлости мулаточки в туфельках на высоченной платформе (вот видите, мода обычно возвращается через 30 лет), производят впечатление длинноногих голливуд-

ских моделей. Впрочем, им это и не надо! Что-то там производить! Ку-у-у-да худосочным американским “вешалкам” до необыкновенно женственным “кариокас”! У белозубых же мулатов при особо эротичном взбрыке бедер сквозь узенькие (иногда специально намоченные) тоненькие плавки весьма пикантно выпирает нечто, по первым прикидкам просто не относящееся к нормальной анатомии человека и будоражит воображение престарелых туристок да и не только престарелых. Молодые, и не очень, участники шоу абсолютно лишены каких-либо комплексов: “вдруг я не так выгляжу”, “что скажут”, “не смотрюсь ли я нелепо” – полностью отдаются ритму музыки, буйству красок, собственной неотразимости, веселью и передают свои чувства зрителям. В меру своего бурного темперамента пляшут, извиваясь в танце, зубы блестят, глаза сияют, бедрами крутят свободно и весьма эротично как женщины, так и мужчины – все это происходит под СВОЮ музыку, свою, сочиненную именно для своей школы, для своих «школьников».

Что касается слишком условных костюмов, то все понятно и так: кто бы мог пройти, танцуя двухкилометровую дистанцию, даже в просто легких “скромных” одеждах в летнюю тридцатиградусную жару. Да и танцевать было бы проблематично. Уже тогда, в 70-х годах, звезда карнавала Мария Андерсон была прикрыта тремя небольшими сверкающими аппликациями, букетом перьев на голове и легким струящимся плащом позади. А вот «король и королева» одеты в

более тяжелые костюмы, ведь недаром они не идут, а едут на платформах-каракас.

Несмотря на откровенные костюмы или почти отсутствие таковых, сексуальные движения в танцах, в шоу нет даже намека на пошлость. Это просто потрясающее зрелище красоты человеческого тела. Взрыв чувственных эмоций захватывает и участников, и зрителей. Некоторые гости в ажиотаже выскакивали на самбодром и, танцуя, устремлялись вслед за своей любимой школой. Это происходило даже с напыщенными английскими туристами, да и с нашими тоже. Помнится, как худощавый, голенастый, невысокий, но очень обаятельный Коля Федоров, забыв все протокольные заморочки и то, что он представитель такой серьезной организации как КГБ, в полном восторженном самозабвении пустился в пляс прямо за Школой Мангейра, выделявая замысловатые кренделя, в полной уверенности, что он танцует самбу.

Такие происшествия, особенно с иностранцами, только приветствовались и укрепляли популярность школы. Значит, она могла «завести» зрителей! Вот ей-то жюри мог записать лишнее очко в актив победителя. Критерии жюри очень строги: точность движений, красота костюмов и историческая составляющая – петь и танцевать разрешается только по бразильской тематике: эпизоды из истории Бразилии, спорт, музыка, политика, искусство и т.д... Больше всего очков жюри дает за новые песни и оригинальные мелодии. Первая самба специально для карнавала была написана в 1916 г. Она

называлась “По телефону”. Иногда ее ностальгическая мелодия вплетается в общий музыкальный ритм “дефиле” какой-нибудь школы. Жюри это не возмущается.

Карнавал официально длится три дня, когда алкогольные напитки к продаже запрещены, а церкви, как и булочные, закрыты. На самом деле карнавал продолжает гудеть 5-6 дней, а то и всю неделю. Я слышала, что в настоящее время веселье продолжается и до 10 дней, поток иностранцев, почитателей карнавала, увеличивается.

Город бросается в единый хоровод в ритме единения. Интересно, что в течение этих карнавалых дней почти не наблюдаются случаев хулиганства, воровства, преступности. Откровенно пьяных нет, люди пьянеют от веселья и почти не спят в привычных условиях. Уснувших можно было увидеть в самых неподходящих для этого местах: на газоне, у дерева, на парапете, на пляже, набережной, на переходном мостике. Они уснули на минутку, надеясь, что сейчас, вот сию минуту проснутся и опять примут участие в веселье, в танцах, в ритме самбы. Не пропустить бы ни мига из безудержного веселья!

Карнавал всегда начинается в субботу, а заканчивается вроде в среду. Но обычно еще со среды на четверг кое-где пляшут, поют, кое-где вспыхивают островки веселья, хотя постепенно жар веселья сходит на нет, сужается до точки, уже выдохлись даже темпераментные жители Рио и к утру пятницы постепенно утихомириваются. Город лениво, нехо-

тя, приводят в порядок. Уборщики движутся тягуче медленно, они тоже неплохо повеселились вчера. Сметаются горы конфетти, блестящей мишуры, искусственных и живых цветов, пакетов и пакетиков... “Сидади маравилльо” устал, отдыхает...

Особое место в период карнавала занимает бал-маскарад в муниципальном театре, который проходит с понедельника на вторник, где собираются знаменитости, городская элита и просто богатые люди, те же спонсоры участников парада для туристов. Попасты туда можно и тем, кто купит билет стоимостью до тысячи долларов. Впрочем, и билет нужно заказывать очень даже загодя и лучше известным персонам или по рекомендации этих же известных персон. Чужие там не ходят. Никакие “король и королева” самбодрома туда не попадут. На муниципальном балу уже не пройдут гирлянды из цветов или монисто из раковин. Там совсем другие наряды, расценки и оценки. Хотя веселятся тоже самозабвенно и с удовольствием, демонстрируя сногшибательные наряды, также упиваются весельем и напиваются до умопомрачения, заводят новые нужные связи, знакомства, новых любовников и любовниц. Как сейчас бы сказали, отрываются по полной!

На следующий день в глянцевых журналах помещаются цветные фотографии участников бала для VIP персон. Пресса захлеб расписывает-описывает, как были одеты или, скорее всего, раздеты участники конкурса костюмов привилегированного вечера. Там уже, естественно, не блески и стра-

зы, а парча, бархат, дорогой шелк и настоящие драгоценности. Некоторые карнавальные костюмы превышали стоимость хорошего иностранного автомобиля. По крайней мере, так писали газеты и почему им не верить? А журналы еще целую неделю печатали фотографии дам в роскошных туалетах и таких же претенциозно одетых кавалеров в костюмах египетских богов, французских королей, маркизов, в крайнем случае, пиратов, но непременно в атласе, с золотыми лентами, драгоценностями и в парчовых или муаровых штанах. Фотографии были яркими, интересными, с необычными ракурсами и удачными позами. Попастъ снимку в журнал было престижно.

Рассматривать снимки было не только интересно, но и нужно, чтобы потом поддержать разговор на встречах и быть в курсе, какую фамилию или чей маскарадный костюм обсуждают. Это считалось хорошим тоном – быть в курсе карнавальных событий и соответственно знать школу-победительницу и ее «величеств». Точно так же как было необходимо знать счет предыдущего футбольного матча и его «голевые моменты». А то, «панымаищъ» необразованный какой-то!

Астрономическая цена костюмов зависти не вызывала, для нас тогда это было совершенно дико и непонятно. Нет, нет и нет... Зависть нельзя добавить ни к недостаткам характера, ни к достоинствам, т.к. это чувство губит не характер, а жизнь. Если оно приплюсуется к недостаткам, то уже полу-

чится не человек, а чудовище, если к достоинствам – изысканная стервозность и опасные для окружающих действия. Зависть бесперспективна вообще, а для меня и в частности. Сколько я себя помню, зависть или ненависть никогда не отравляли мне жизнь. На такие объемные, всепоглощающие и, по сути дела, одинаковые чувства у меня не хватало того внутреннего заряда, что рождает настоящий вулкан подобных страстей и потом я просто ленива для таких страстей. А зависть может сделать человека несчастливым или счастливым: вот ты узнал, что кто-то лучше живет, более благоденствует, чем ты, больше знает и явно умнее тебя, талантливее и с какой такой стати ты начинаешь мучительно ахать, завидуя, что он богат, умен, красив, талантлив? В итоге ты становишься несчастным? Или по-другому... Какой умный человек! Он здорово обставил свою жизнь! Какой талантливый и знающий! Как замечательно, я многое от него узнала! Это ведь тоже зависть, но от такого восприятия несчастным или комплексующим не становишься? Воспринимаешь данность как факт: сможешь или нет подтянуться к объекту зависти? Но без трагизма для собственного бытия – значит быть самодостаточным и счастливым. Разница-то между намерениями и делами велика: российская маниловщина: «а не сделать ли мне это?» или «как хорошо было бы!» – раскачиваться, раздумывать, пока вдруг не выяснится, что это сделали уже другие...

И, правда, зачем завидовать чужому успеху, красоте, уму,

деньгам, предприимчивости, таланту! Ну, можно ли завидовать Плисецкой или Вишневецкой? Или чемпионке-гимнастке? Вот еще! Да никогда. Пушай себе танцуют, поют... А ведь это известные, близкие имена. А завидовать каким-то, в сущности, фантомам? На эти снимки в журналах было интересно посмотреть- поглазеть, но воспринимались они и их персонажи как нечто потустороннее и нелепое. Сейчас же, когда уже наши газеты, журналы, ТВ с истеричным придыханием называют стоимость одежды вплоть до белья какой-либо особы, ее собачки и ошейничка с брильянтиками этой же собачки, дорожные украшения, которые имеют место быть у внучки, дочки, Жучки какого-нибудь нашего народного заступника или представителя шоу-бизнеса на очередной тусовке, я с грустью вспоминаю наше удивление и недоумение по поводу роскоши костюмов участников муниципального бала-карнавала в Рио-де Жанейро.

Описать и рассказать о впечатлениях карнавалых празднеств сложно, лучше бы это прочувствовать и увидеть собственными глазами.

Собственными глазами я видела это фантастическое действие три раза. В ожидании туристов вдоль авениды строятся амфитеатром трибуны, билеты на которые тоже весьма и весьма недешевы. Однако даже самые прижимистые граждане из наших представительств хоть раз да побывали на этом неповторимом празднике веселья.

Можно было, конечно, посмотреть и по телевизору, но это

было бы совсем не то впечатление, хотя телевизор мы уже купили через год у уезжающих торгпредских поляков, той самой предприимчивой Стефы. Это был единственный телевизор в представительстве, не считая имевшегося у торгпреда и общественного телевизора на пилотиссе, который постоянно был в ремонте. Поломку его постоянно сваливали на детей, и это было вполне возможно. Детишки напористо щелкали ручками телевизора, отчаянно надеясь поймать мультики или «ужастики». Нам несколько раз сделали замечание (у нас единственных было двое детей), что именно наши дети смотрят телевизор чаще других, хотя это было не так. Я ограничивала просмотр телепередач уже хотя бы потому, что работала, а Леночка училась, ей надо было делать уроки и помогать маме заниматься сестренкой-егозой. Мы и приняли соломоново решение – лучше купить свой. В обществе это считалось расточительством. Но теперь я не имела головной боли – дети дома с удовольствием смотрели мультики про Микки Мауса и его друзей. Я же, уложив семейство спать и потушив свет, наслаждалась боевиками, любовными сериалами. Именно в Рио зародилась знаменитая индустрия мыльных опер. Там я просмотрела “Рабыню Изауру”, “Дону Флор и ее два мужа”, первым черпаком, так сказать! Испытала сладкое замирание от первозданных для меня ужасиков Хичкока с оживающими мертвецами, мумиями и саморазрывающимися могилами. Это удовольствие было в новинку, заодно совершенствовалась и в языке. Купили мы этот, уже

тогда с уплощенным экраном, телевизор у отъезжающих домой наших друзей-поляков с уценкой и с еще большей уценкой же его продали коллегам, когда уезжали сами. По логике, в конце концов, он должен быть потом совсем без цены, не бесценный, а без цены. Его должны были отдавать следующему желающему бесплатно или заменить им же давно пришедший в негодность телевизор на пилотиссе. Но боюсь, что рассуждение это чисто теоретическое...

У нас часто останавливались гости-командировочные из “Авиаэкспорт” Москвы, чтобы не тратиться на гостиницу и питание. Я имею в виду, что не прямо у нас в квартире, потому что помещение для гостей в Торгпредстве имелось бесплатное, но столовались они преимущественно у нас.

В такое время мне приходилось приготавливать кастрюлю щей или другого “горячего” и на второе что-либо покрепче: мясо жареное, тушеное, котлеты и т.д. Фрукты за еду не считались. Я опять закупала корзинами дешевые бананы и апельсины и они поглощались командировочными в огромном количестве. В принципе, я их не осуждала: суточные выдавались мизерные, просто недостойные, на них можно было только где-нибудь перекусить чашечкой “кафезиньо”, бутербродиком “кейжу-кенте” (горячим сыром) – и все! А ведь хотелось и что-то прикупить, привезти хоть какое-то заграничное шмотье домой и сувениры из знаменитого города ожидающим коллегам и обязательно шефу, чтоб он пропал! Чаще всего как раз шефы с ближайшими помощниками и при-

езжали – вот они и крутились, привозили из Союза свои сувениры: водку, баночку черной-красной икры (тоже не разбежишься!), буханку черного хлеба, баночную селедку, матрешек и расписные деревянные мисочки под хохлому. Мы их приглашали на обильные обеды. Благодарные пансионеры в первый же вечер выпивали с хозяином привезенную ими бутылку-две “Столичной”, съедали икру. А в последующие дни уже налегали на наше угощение, смущенно предлагая мне в подарок мисочки или матрешек. Чтобы они не чувствовали себя объедалами и нахлебниками, мы преувеличенно-восторженно восхищались поддельной хохломой, деревянными плошками и с благодарностью принимали матрешки-ложки. Накапливалось у нас этого добра немало, потом мы их распространяли в Торгпредстве или дарили бразильцам, т.к. торгпредские уже были тоже “оматрешены” и “оложкованы”. К ним тоже приезжали из Союза из их представительств и точно с такими же проблемами. Собственно, подобного рода русские сувениры выдавались как раз для вручения местным деловым людям на встречах, но оседали среди соотечественников за ласку, за прием.

Кроме того, гостям хотелось и развлечений. Для этого был дежурный набор: Христос на Корковадо, Сахарная голова, пляжи, сувениры в парках у местных хиппи, сезонные распродажи, если они на счастье были, в маленьких бутиках на авениде Копакабана. У статуи Христа все без исключения гости хотели сфотографироваться непременно в белых шта-

нах.

Как же! Рио и белые штаны были понятиями неразделимыми. Белые штаны были у нас двух размеров X – XL, но оба “стрейч”, так что проблем не было: широкое – завяжем, узкое – растянем!

На пляже мужики пристраивались возле экзотичных шоколадных молоденьких девушек в минимальных купальниках, те благосклонно принимали восхищенные знаки внимания белых придурков и спокойно позировали на камеру. Гости благодарили девушек, благодарили нас, уезжали, завистливо вздыхая, но очень довольные и обещали навестить, если посчастливится, еще раз.

Из достопримечательностей Рио еще существует очень ухоженный и большой Национальный парк «Тижук», один из крупнейших в мире расположенных в городской черте. На его территории расположен и знаменитый холм Корковадо со статуей Христа на вершине. Парк – легкие города и настоящие джунгли площадью около 120 кв.м., ему почти 200 лет, основан в 1808г. тем самым португальским принцем-регентом, самозванным императором Дон Жоао (Жуаном) VI г. почти Донжуаном. Там собрано более 5000 растений со всего света, есть ботанический музей и знаменитая аллея с вековыми и ухоженными пальмами. Находится там и знаменитость амазонской сельвы – гигантское дерево “сумаума-сейба” до 50 м высоты. Три-четыре человека не могут обхватить его ствол. Ближе к земле на уровне пяти-шести метров вниз

идут мощные укрепляющие подпорки-корни, благодаря которым не падает не только сам гигант, но и свалившиеся на него деревья и растения-паразиты, густо оплетающие “суамауму”.

Оно теперь разводится в тропиках всего света за густую тень и волокна хлопчатниковых плодов-капок. Одно дерево создает полное впечатление тенистой рощицы, но гулять под ним почему-то неуютно. Там же есть и кустарник «стрихнос», само название уже страшненькое, его корни содержат сильнейший яд кураре.

Этот прекрасный зеленый оазис тишины и покоя в центре города и второе место по популярности посещения туристами и жителей. Парк имеет интересную планировку, свободное, в несколько гектаров, несмотря на городскую скученность, пространство с широкими аллеями, гротами, фонтанами, водопадиком, озерцами и зелеными подстриженными лужайками, где можно посидеть на травке, отдохнуть, поиграть в мяч

Когда мы посетили сад с семьей просто для беглого осмотра, нигде особо не задерживаясь, все обошлось благополучно. Нам все понравилось, особенно изумительной красоты гигантская лилия Виктория Регия. Я неосторожно высказала свои скудные ботанические познания по поводу этой редкой лилии: дескать, что лист ее выдерживает вес пятилетнего ребенка. После этого мы с трудом оттащили от озерца Люданьку, которая хотела непременно взгромоздиться на это экзоти-

ческое растение. Только тогда, как мы сказали, что лилию охраняют крокодилы от чрезмерно любопытных маленьких девочек, можно было избежать эксперимента.

Оценив просторы, тенистость сада, мы с коллегой- учительницей решили повезти наших школьников на экскурсию в любимое место отдыха горожан. И что интересно: дети бегали, прыгали со скакалками, играли в мяч, крутили хула-хуп, играли в серсо, активно веселились. Мы же сидели на мягкой лужайке с плотной и мягкой травкой и наслаждались прохладой в саду и отсутствием необходимости строго следить за подопечными: их было немного и все на глазах, вот тут, рядом, никто на Викторию Регию влезть не покушался.

Отдых и сидение на приветливой зелени лужайки сыграли с нами злую шутку. Спокойные, веселые, довольные прогулкой, как дети, так и мы, вернулись домой. К вечеру у меня стали жутко зудеть ноги возле щиколоток, как раз открытые места между брюками и кроссовками. Пришлось позвонить нашему посольскому врачу. Врач разговаривал со мной лениво, с распространенным среди врачей дежурным оптимизмом, произносил трафаретные успокоительные фразы и безразлично слушал мои слезливые причитания. Равнодушно посетовал-посочувствовал, сказал, что и Галина Сергеевна (моя коллега) тоже обращалась.

”Это вас мошкара укусила”, – еще более равнодушно констатировал наш эскулап-соотечественник (вот, блин, будто я сама не ю!) и потом бодренько посоветовал типа “не

чеши Гондурас – само пройдет”.

Поставил диагноз по телефону и отключился в прямом и переносном смысле слова, дело было уже хорошо к отходу ко сну. Давать советы легко, особенно врачам, а зуд становился невыносимым, кожа покрылась мелкими-мелкими красными точками, похожими на уколы раскаленной иглой. И без диагноза эскулапа было ясно, что это укусы мелких насекомых, которые поживились сладкой белой кожей, пока мы блаженствовали, сидя на густом ярко-зеленом газоне.

”Боже, что было бы, если бы я надела юбку!”, – с ужасом подумала я. Металась по комнате, подбегала к кондиционеру остудить воспаленную кожу, обливала ноги холодной водой – легче не становилось. Наплевав на совет доктора, не трогать укусы, мол, воспаление будет – становилось уж воспаленнее некуда! -, я начала их судорожно расчесывать. Ногтей на всех десяти пальцах не хватало! Взяв высушенный пластинчатый коралл, я сверху вниз, снизу-вверх, из стороны в сторону с ожесточением и сладострастными стонами стала растирать укусы, буквально стёсывать кожу, испытывая острую боль и в то же время почему-то чувство необыкновенного облегчения от этой варварской процедуры. Зуд оказался гораздо хуже боли! Когда был явно снят верхний слой эпидермиса, я сразу же облила ноги спиртом. Описать, что я почувствовала невозможно. Наверное, такое испытывали еретики в застенках инквизиции, когда их опускали в котел с кипящей водой: ощущение было такое же – будто я обва-

рила ноги крутым кипятком! Да куда там кипятком! Нет!!! Кипящим маслом!!! Я взвыла от боли и опять забегала по комнате, с удивлением чувствуя, что зуд и боль постепенно, и даже довольно быстро, проходят. Через некоторое время осталось ощущение как после ссадины, т.е. вполне терпимое нормальное состояние не слишком острой саднящей боли, но без этого невыносимого зуда. Впоследствии кожа покрылась тонкой корочкой, начала безболезненно отваливаться еще более тонкими пластинками струпики и, наконец, появилась молодая, розовая, здоровая кожа. Просто домашний филигранный пилинг! Ура!

Больше экскурсий в зеленый оазис я не проводила сама и тем более не водила учеников. Если бы они активно не двигались, то бразильский гнус обошелся с ними бы так же. Моя коллега тоже не выдержала испытание чесоткой, но воспользовалась ножом. Что удивительно, когда я поделилась этим происшествием со знакомыми бразильцами, они были очень удивлены: то ли своих местных мошка не трогает, то ли у белых людей кожа более чувствительна, то ли мы не в тот сезон решили отдохнуть.

По поводу сезонов... Есть определенное время года, когда активизируются “кукарачи” – летающие тараканы величиной с палец. Это очень неприятно, когда приходишь в ванную или в кухню, а там этикие твари ползают и даже летают, бьются о стены, окна и, что еще более омерзительно, о тебя лично... В кухне они влетают через узкие вертикаль-

ные окошки, а в ванны просачиваются через вентиляционные отверстия. Небольшая кухня (мрамор, металл, кафель) постоянно обрабатывалась на предмет изгнания муравьев и разной мелкой мошкары тем самым питьевым спиртом, каким я ошпарила себе ноги после экзекуции соскабливания кожи. Кукарачи спирта не боялись и изгонялись более сильными средствами от фирмы “Байер”. А потом уже для дезинфекции все протиралось спиртом. Спиртом стерилизовались время от времени и кафельные стены ванной и даже некоторые фрукты. Сначала апельсины, мандарины, бананы, авокадо, манго, папайя и т.д. фрукты с твердой кожурой, мылись в ванне (их всегда покупалось много) в слабом растворе марганцовки, потом тщательно прополаскивались. Потом, если оставались сомнения, а они оставались, перед тем, как дать ее ребенку или съесть самим, обтирались полотняной салфеткой, смоченной все тем же спиртом.

Наше наплевательское отношение к такому божественному напитку как спирт становилось привычкой.

Афоризм Жванецкого – “Что это за страна, где спирт хранят в бронированном сейфе, а “ядерную кнопку” в пластмассовом чемоданчике?” – сюда не вписывался. Один литр питьевого спирта стоил буквально копейки, и никто его не воспринимал как ценность.

Хотя насчет привычки к этой жидкости, как к антисептику, я не совсем права. Инженеры Торгпредства и дипломаты Посольства получали весьма среднюю зарплату по понятиям

их коллег за рубежом. Такой же была и оплата представителей из стран социалистического лагеря, но они все же могли себе позволить пить благородные напитки типа ром, бренди, коньяк, виски и прекрасные ликеры. Впрочем, «наши» себе тоже не отказывали. Очень неплохо было попробовать и местные напитки: кашаса, ощутимо отдававшая самогоном, коктейль, не помню его названия, – что-то вроде кашасы с лимоном и струганным льдом по вкусу; красное вино Castel-Chatelet, очень вкусное; белое Chardonnau Aurora; недорогое и слабенькое “Бычья кровь” и различные “батыды” – смеси рома и различных натуральных соков с добавками. Насчет предыдущих видов алкоголя я сообщаю чисто теоретически. Я их только попробовала, так, для общего представления, а на приемах пила кока-колу со льдом, умело маскируя ее под виски. А вот “батыды” мне нравились, особенно “батыда де маракуйя” – ром, взбитый с сахаром желток и сок маракужи. Вкуснота-а-а! Особенно, если удвоить порцию желтка и сахара. Но такой рецепт только для меня, потому что когда я угостила подкорректированной вкусовой субстанцией нашего уважаемого шефа Леонида Александровича, он удивленно поморщился и спросил:

”А что это ты меня гоголем-моголем потчешь? Виски в доме нет что ли?”. Уж что-что, а выпить и закусить в наличии имелось всегда.

“Батыда де маракужа” настолько заманчива, что ее можно выпить много и не заметить, что уже пьян. Только когда

решишь встать, то и почувствуешь, как тебе крепко связала ноги вроде бы и небольшая добавка рома. Действует, примерно, как наша водка с клюквой и сахаром – сладко, водкой не отдает, только язык пощипывает, пьешь без опаски и не замечаешь, что уже “наклюкалась”. Батиду можно сделать и у нас, жаль только, что сок маракужи-маракуйи не натуральный. Конечно, это уже будет не настоящая “батыда” а эрзац! Но все равно вкусно!

Что касается спирта... Технический персонал получал еще меньше, чем инженеры, почти на треть. Поэтому они относились не так пренебрежительно к 96-ти градусному напитку – “...он в чистом виде был не плох, а с кокой-колой – просто бог, наш родненький C_2H_5OH ...”

Вот таким простеньким образом заменялись ром – тоже, кстати, дешевый -, виски, бренди, шерри, джинн: спирт смешивался по вкусу с кокой-колой, тоником, любым соком, добавлялся лед. Подобные смеси пользовались у любителей простейших застолий не меньшим успехом, чем благородные, но более дорогие напитки. Сам способ приготовления такого рода коктейля маскировался под виски с содовой, если смешивалось с кокой, или джин с тоником, если добавлялся тоник. Крепости и забористости они от этого не теряли.

Усваивали эти приемчики и бедные постоянно безденежные командировочные: уезжая, они прихватывали с собой несколько литровок этого божественного крепчайшего экви-

валента алкоголя. Бутылки были очень удобны для транспортировки: во-первых, – пластмассовые, во-вторых, – прямоугольные и запечатанные наглухо. Их можно было уложить в чемодан под разными углами и самым невероятнейшим образом, хоть вверх-вниз-сбоку, – пластик в самолете только раздувался от высоты, но запаянная пробка протечек не давала. На всех емкостях было крупно красными буквами обозначено «Alcool» и где-то внизу маленькими буквами надпись, если по давности времени не ошибаюсь за точность, что, мол, не для внутреннего употребления. Эта неприметная надпись никого не смущала, да никто в нее и не вчитывался уже хотя бы по незнанию языка и нечеткого шрифта. Что там еще читать и переводить?

«Alcool?» – Алкоголь!» «96?» «96!» «Ну и хорошо!»

В это время все торгпредские и посольские вдруг почему-то заинтересовались футболом, даже женщины. Мужчин же такой интерес собственно вообще никогда не покидал, особенно после работы, перед телевизором да с бутылочкой-двумя-тремя или ящичком пива, да с соленьями-орешками. Тут же пошли какие-то там мировые матчи, а Бразилия – страна вечная обладательница «Золотой богини», т.к. три раза подряд стала чемпионом мира по футболу.

«Бразильский футбол – лучший футбол в мире»

Жоан Салданья, тренер. 1969 г.

Вроде бы на первый взгляд самоуверенная, но вполне объяснимая фраза: в стране играть в футбол и тренироваться

можно круглый год, климат тоже позволяет разогреться мышцам самим по себе. Кроме того, это самый дешевый вид спорта, не требующий дорогого снаряжения и экипировки. История возникновения этого вида спорта давняя, считается, что ее завезли английские моряки. Но появление организованных команд с четкими футбольными правилами относится к концу девятнадцатого века, когда один бразилец Шарль Миллер, вернувшись после учебы из Англии, сам заболел футболом и организовал свою команду на родине. А уже в 1919г. Бразилия выиграла южноамериканский чемпионат по футболу. Понятия «Бразилия – это футбол» стали неразделимы.

Герои футбола в основном выходили из низов, с детства гоня мяч на пустырях. Мяч, хоть набитый тряпками, да пара чурбачков, обозначающих ворота, найдутся даже в самой бедной фавеле. Именно жизнь в фавеле лепит крепких целеустремленных парней, парней с большими амбициями и с желанием во чтобы-то ни стало подняться вверх по социальной лестнице, поднять жизненную планку, подальше от бедности.

Существование в «бидонвилле» – хорошая жизненная выучка. Играть же в футбол на пустырях фавел можно в любых трусах, хоть в укороченных старых брюках, и босиком, если жаль обувь. Пальцы на ногах, голеностопы без щитков, колени разбивались в кровь, но и крепи постепенно, переставали бояться боли, если, конечно, не калечились наве-

гда. В принципе, умение играть в футбол была одна из редких возможностей взобраться хоть на ступеньку выше и уж совсем непостижимая мечта – переселиться из фавелы в город, жить пусть в малюсенькой, но городской квартире, лучше всего собственной. Еще бы!

«Бразильский футбол – лучший в мире»... В мире согласились, что это действительно так и есть. А что миру оставалось делать? Мало того, что бразильцы чаще других выигрывают на чемпионатах, они еще и играют красиво. Даже я, дилетант и не фанатик футбола, заметила это, а уж сведущие комментаторы и знатоки всегда отмечают у бразильских звезд, особенно у знаменитых футболистов, не только филигранную технику, но красоту и самозабвенность игры.

Говорят, что нет ни одного бразильца, который бы хоть раз в жизни не пытался сочинить самбу или ударить по мячу. Даже в малюсеньком поселке (кто-нибудь знает о нем!?) Курупаити в штате Гуанабара, где всего около тысячи жителей, есть две футбольные команды, систематически проводящие свои внутриселковые матчи. Это тем более удивительно и показательно, что все жители этого специализированного поселка больны проказой.

Что уж говорить о больших городах и большом футболе! Когда на знаменитой Маракане начинается матч, все СМИ – газеты, журналы, радио и телевидение – первые места и страницы в своих изданиях и передачах отдают предпочтению предстоящему матчу. Оценивается не только схема и ход

будущей игры, но и гипотетические удары, отходы, подкаты, подсечки и даже возможные ошибки, объективность арбитра и его профессионализм. Однозначные ажиотажные беседы, ведутся в барах, в автобусах, в домах между соседями, просто в группах людей, собравшихся на улице волею случая. Вполне серьезно обсуждается исчезнет ли прыщик на носу “его величества”, наиболее знаменитого игрока, состояние его левой или правой пятки и большого пальца (не обязательно на ноге, на руке – тоже), меню “королевской трапезы” и вообще его настроение.

Маракана – огромный стадион, построен в 1950 г., вмещает около 200 тыс. человек. “Маракана” – тридцатипятисантиметровый попугай, такое же название имела река, впоследствии обмелевшая. На этом месте существует и жилой квартал с этим же именем, которое и присвоили новому стадиону, гордости кариокас.

Во время матчей по субботам или воскресеньям места заполнены. Одни зрители честно купили билеты, а тысяч 5-10 всегда пробираются зайцем, да и не у всякого болельщика найдется нужная сумма крузейро, чтобы приобрести желанный билетик. Напомню, что тогдашние бразильские деньги в 1970 г. раньше и несколько потом назывались крузейро.

Чаще всего у вездесущих мальчишек денег нет, и они пойдут на любые ухищрения, чтобы хоть краешком глаза полюбоваться на игру и поболеть за своих кумиров. А сколько сил и усердия нужно еще для того, чтобы до-

браться до самого стадиона! Но для истинного фаната любые преграды преодолимы, особенно для сверхтемпераментного бразильского болельщика.

В 1971 г. виадук, несший поток машин на стадион, обвалился, причем прямо на перекрестке автотрассы, недалеко от нашего Торгпредства. Пострадали не только те, кто находился в этот момент на виадуке, но и автобусы и машины под ним самим. Один из жителей близлежащих домов получил огромные деньги от журналов за нащелканные фотокадры с места трагедии. Вот вам и менталитет, такой разный у людей одной и той же национальности: одни бросились помогать пострадавшим, вызывать «Амбулансию» – Скорую помощь, другой выбирал ракурс поинтереснее, покровавее, пострашнее.

Погибло множество людей, тем более в тот момент как раз под виадуком по нелепой случайности застопоренного движения находилось несколько переполненных автобусов тоже спешащих на стадион. Трагедия была страшная. Но даже это жуткое событие освещалось на страницах журналов от силы два-три дня – все было занято более злободневными событиями, разбирательством футбольных перипетий.

Непосредственно на матче каждая команда болельщиков, «торсида», располагаются на противоположных сторонах архиванкады, кольца трибун. Так легче избежать столкновения страстей болельщиков и вообще всякого рода конфликтов.

У каждой торсиды свой, так называемый, оркестр – ско-

пище ударных инструментов, барабанов, барабанчиков, там-тамов разных мастей (в Бразилии подобных инструментов несметное количество – наследие аборигенов и африканцев) и различных дуделок-гремелок, трещеток, лишь бы заглушить «музыку» другой, враждебной, торсиды. Грохот в любые моменты матча стоит адский, тем более что «тиффози» (так в Бразилии называют фанатов, очень подходящее название – корень «тиф»); словом, у кого жар, кого сильно лихорадит, по-простому «колбасит») имеют луженые глотки. Они изо всех сил, безумно выпучив от напряжения глаза, буквально срывая горло, помогают своим оркестрам воплями, свистом, просто ором.

Неудивительно, что, будучи в первый и последний раз (я, по крайней мере) на футбольном матче, мы выбирались из престижной ложи журналистов и вообще VIP-персон совершенно оглохшие, прибалдевшие и на ватных ногах. Еще раз повторяю, это были лично мои ощущения. Мужчины же «держали лицо», нашли в себе силы и интерес обсудить матч, но мой муж какое-то время «отдыхивался» в своем транспортном средстве фольксвагене и сначала никак не мог попасть ключом в замок зажигания. Я надеюсь, что от впечатлений и восторга, т.к. он и потом неоднократно посещал футбол и даже имел счастье лицезреть самого Пеле в одном из матчей.

Чтобы понять азарт и безумства бразильских болельщиков, нужно их увидеть, услышать, понаблюдать. По срав-

нению с ними наши болельщики просто пушистые котята. Что мне все же понравилось в этих восторженных «тиффози»: они ссорятся или даже дерутся во славу своей любимой команды, но как-то несерьезно, понарошку что ли! Могут после шумных разборок пойти в ближайший бар и выпить в знак всеобщего восхищения своим футболом и своей неповторимой Бразил. До необъяснимо злобного и кровавого действия так и не доходит...

А уж как достается бедным судьям! Каждая торсида при неудачном соотношении счета уверена, что не только судья, но и футбольные ворота подсуживают противнику, как при игре команд «Шайба» и «Зубило» волшебным велением старика Хоттабыча. Один раз, когда судья имел наглость удалить с поля самого Пеле, ему, т.е. судье, пришлось часа два отсиживаться в раздевалке, осажденной разъяренной торсидой, пока не прибыла конная полиция и не освободила слишком смелого и непримиримого судью. Впрочем, и полицейские тоже были недовольны принципиальным арбитром и довольно медленно и как бы не хотя – что, мол, поделаешь! – мы при исполнении! – осуществляли свои служебные обязанности, лениво рассеивая толпу обезумевших орущих фанатов, требующих крови арбитра.

Бывало, что болельщики умирали прямо на трибунах и не только на стадионах, но и у телевизоров, поэтому во время крупных матчей дежурят не только наряды полиции, но и кареты «Скорой помощи», в основном, кардиологической.

Врачи, дежуря в своих «карементах» тоже внимательно следят за ходом футбольного матча у переносных приемничков или у телевизоров близлежащих баров.

Тогда, в начале восьмидесятых годов, нам было странно и непонятно читать газетные сообщения, что игроки команды могут покупаться, продаваться и обмениваться хозяевами футбольных клубов. Хозяин клуба? Продать? Купить? Вот она звериная сущность капиталистических отношений!!!

Очень гордились, что у нас не так, что наши игроки сплошь непрофессионалы, горбчатся за честь, за славу и любовь к Родине. Увы! Теперь уже наша страна – третий неразвитый мир и теперь уже наши спортсмены, увы еще раз! сами товар, да еще не первосортный. Все такие благоглупости как «честь родной команды» и сама человеческая честь быстро испарились из сознания наших чемпионов: выживай, играй за хорошие бабки, обеспечивай свою старость, ибо она в спорте наступает слишком рано! А спортсменов, вышедших по здоровью в тираж, просто забывают, выкидывают за ненадобностью. Вот они и стараются заработать пока молоды. И их можно очень хорошо понять: попробуй сохрани здоровье, когда тебя пинают во все места тяжелыми бутсами, вминают ребра, дробят колени и щиколотки или «случайно!» «бьют по голове с 15-ти лет», как мрачно бубнил в молодости мой знакомый боксер, когда я попеняла ему на отсутствие памяти.

Опять же вернемся к моим далеким воспоминаниям о

бразильском футболе. Знала я о нем немного и поверхностно, но все же кое-что: слышала рассуждения и отзывы как наших мужчин, так и знакомых бразильцев, мнение журналистов, читала заметки и развернутые статьи в журналах. В Бразилии просто невозможно абстрагироваться от сведений о футболе и футболистах: в беседах это любимая тема, нужно хоть немного разбираться в ней и к месту вставить уменьенькое словечко.

Вот игрок приходит к тренеру, говорит, что хочет играть и показывает, что именно он умеет. Никто его не собирается обучать там разным теоретическим и практическим нюансам и тонкостям игры. У него уже должна быть техническая база, навыки игры, смелость, безумная работоспособность и такое же безумное честолюбие, желание выбиться. Тренер смотрит игрока, сложение, его технику, кураж, дыхание при беге. Если считает его перспективным товаром, ставит на более оптимальный номер и начинаются долгие изматывающие тренировки, а там понаблюдаем-посмотрим. Здесь тренер уже может и посоветовать что-то. Особых обещаний не дают. Все теперь уже зависит от спортсмена выплывай-выживай, если сможешь. Тренировки, тренировки без конца. Пеле, например, проводил различные куберты с мячом каждый день помногу часов подряд.

«Талант плюс трудолюбие» – эту панацею для достижения успеха в жизни вообще вроде бы знают все, и все с ней вроде бы и согласны, но не у всех хватает силы воли претворить

её в самую жизнь. Знаменитые «короли» бразильского футбола со странными именами-кличками Диди, Вава, Пеле, Тостао, Ривелина, Жаир, Загала и др., кроме феноменальных способностей, отличались еще колоссальным трудолюбием и тупым, но таким необходимым, упорством быка на корриде. Все они вышли из низов. Занятие футболом позволило этим бразильским мальчишкам «выбиться в люди», но далеко не каждый из них удержался на том пьедестале, куда вознесла их непостоянная спортивная судьба и слава. Например, Гарринча (Мануэл Франсиско дос Сантос) не менее известный футболист, чем Пеле, на тренировки смотрел условно – его выручала техника, основанная на природном даре. Как утверждают современники и знатоки футбола, дисциплина не была его достоинством.

Быть футболистом трудно, а вот быть футбольным судьей на бразильском футбольном поле вообще опасно. Нет профессии более неблагодарной, чем арбитр. Болельщики, игроки, тренеры – все! обвиняют судей в продажности. Мало того, самого что ни наесть «мачо» начинают, чтобы больнее уязвить, подозревать в нетрадиционной сексуальной ориентации и вслух навязывают свои подозрения другим. А в те времена такие эпитеты считались неслыханным оскорблением для горячего бразильского мужчины и могли закончиться потасовкой со смертельным исходом. В желтой прессе, мелких газетенках, возможно для роста тиража, постоянно муссировались слухи о том, что того или иного судью «подма-

зали».

Частенько это не просто слухи о подкупе, если вопрос поднимается в солидном издании. Ведь в футбольной империи крутятся и отмываются огромные деньги. Некоторые неугомонные журналисты начинают своё непредвзятое расследование, и некрасивая правда часто всплывает наружу: судью не только «подмазали», он просто купается в масле. Дальше... Судью могут поколотить и без всяких слухов не только «торсида», но и тренеры, и сами футболисты. Или даже объявить его психически ненормальным, особенно если почувствуют нерешительность арбитра. Во, прикиньте! Ему могут во время игры как бы невзначай двинуть бутцем по щиколотке, в прыжке приложить по почкам или, чего уж хуже, между ног – потом долго и искренне извиняться – шепотом отпустить ругательство или угрозу, поди докажи! Так что судья бегаёт по футбольному полю, как по минному.

Вся бразильская общественность превозносила футбольного судью Армандо Маркеса как единственного неподкупного, знающего и решительного судью во всей стране, судью-профессионала высшего класса. Вся пресса, и особенно журнал «Крузейро», частенько помещала его фотографию как на поле, так и в сочетании с описанием матча уже в гражданской одежде. Мы с ним познакомились у своих бразильских друзей. Это был красивый импозантный, ладно сложенный мужчина, с правильными чертами лица, фанатичными глазами и ногами, как у страуса – длинными, мускули-

стыми и сухими, что, впрочем, естественно, если учитывать сколько ему приходилось бегать. Он мне показался немножко угрюмым и неразговорчивым, что несколько странно для бразильца. Бесед о футболе просил всех даже не начинать, тем более не собирался давать какие-то прогнозы. И я его хорошо понимала: в клубах – футбол, на поле – футбол, при разборе игры – футбол, протоколы – футбол. Отдохнуть-то в кругу друзей можно без глобальной темы «футбол»! Тем более, если он случайно в разговоре упомянет какого-нибудь игрока как потенциальную звезду или, наоборот, о другом скажет, что тот «сдулся, то вполне возможно об этой случайной обмолвке станет известно и вне круга друзей. А уж если Армандо сказал, значит это непреложная истина, будут широко расползаться слухи, что «неподкупный-то» судья благоволит к такому-то игроку, а значит подыгрывает его команде.

В конце дружеской пирушки футбольный судья все-таки развеселился и спел под гитару какую-то немудреную песенку... Здесь же мне поведали, что во время матчей в перерывах между таймами он не уходит в раздевалку, а так и находится на поле, чтобы весь стадион видел, какой он честный, некорыстолюбивый и принципиальный. Всех болельщиков такая аффектация устраивала. Они сами в своих поступках и словах очень экзальтированы. Армандо Маркеса считали кристально честным футбольным арбитром и даже приглашали к судейству на международные матчи. Наверное, на такие, где не участвовали бразильские звезды.

Что касается футбольных знаменитостей, то номером «ОДИН», конечно, являлся Эдсон Арантес ду Насименто – Пеле. Чтобы чернокожий стал профессионалом в футболе, ему нужно играть во много раз лучше белого. Пеле так и играл. Знаменитость был не совсем чернокожий, а «самбо» – метис негра и индуса. Его черты лица прямо на это указывают, особенно нос, чуть клювообразный.

Сейчас это преуспевающий бизнесмен, миллионер, его состояние оценивается в 70 мил. долларов. Впрочем, зачем считать чужие деньги, тем более нажитые своим нелегким трудом и сообразительностью.

А начал он выступать в 7 лет за детскую команду у себя в городе Трес Корасоес (Три Сердца). А в 15 лет в команду всемирно известного клуба «Сантос», пришел практически из дворовой команды, где его уже боготворили местные болельщики, и сразу же заявил о себе как перспективный футболист. В 18 лет был зачислен в национальную сборную как ключевой игрок. В эти же 18 лет он забил самый красивый гол в истории футбола, выманив вратаря из ворот каким-то хитрым финтом и артистично отправив туда «болу» – мяч. Под восторженные крики болельщиков судья остановил матч, чтобы выразить футболисту свое восхищение и восхищение болельщиков.

Феноменальные способности плюс физические данные, которые он развивал многочасовыми тренировками. При своем сравнительно невысоком росте – 1, 73 см – прыгал на

2 м, бегал как спринтер-спортсмен, одинаково хорошо бил с обеих ног. Из 100 чел. Пеле знают 95 как самого знаменитого нападающего.

Он один из немногих «фавеладос», кто на самом деле «выбился в люди», навсегда избавил себя и своих близких от фавел Рио, кто мог воплотить детскую мечту в действительность.

В 1970 г. сеньору Эдсону было 30 лет, он был трехкратным чемпионом мира он находился в прекрасной форме и зените славы, газеты на все лады разбирали его достоинства и прочили ему еще долгую спортивную славу и карьеру. Однако на пике известности в 1971г. Пеле ушел из футбола, несмотря на предложения самых выгодных контрактов. Во-первых, его здорово покалечили в один из матчей – остановить стремительный натиск Пеле можно было только так. Противники решили использовать грязный прием против талантливого чернокожего футболиста. Ему пришлось долго лечиться, на это нужны были большие деньги, т.к. футбольные клубы оплачивали только страховку, а на разнообразные и невообразимые ушибы, переломы, сотрясения страховые средства уходили очень быстро и, как следствие, футболист сам оплачивал клинику. Во-вторых, Пеле, видимо, задумался о перспективе жизни в старости и уже тогда начал свой бизнес. В-третьих, психологически трудно быть всю жизнь под прожектором внимания на виду у всей толпы, которая готова тебя как полюбить, так и быстро возненавидеть

за любой промах на поле и в жизни. Да, да, и в жизни! Пури-танская мораль католиков допускала двойной-тройной стандарт поведения: что можно одним, запрещено другим, тем более кумиру, идолу и королю. И это считалось нормальным в стране с самыми упрощенными отношения полов. Но ведь это «король»! Его поведение должно быть безупречным, он пример того, какие возможности, якобы, ожидают любого бедного паренька в свободной стране.

Спортсменам постоянно досаждали фанаты, главным образом фанатки. Девушки неистовствовали, преследовали, подстерегали их, пролезали чуть ли не в раздевалки и ванны: орали, визжали, пищали, рыдали, вообще писали кипятком и вели себя как черти в аду, вернее как чертовки, что гораздо страшнее.

Если фанатки могли приблизиться к кумиру, а в этом они преуспевали, то старались не только притронуться к нему, погладить, поцеловать, располосовать одежду на ленточки, но и погладить, а то и чувствительно пощипать за самые причинные места. В какой-то момент спортсмену тоже подставляется под руку чья-то крепенькая попка или еще какая-нибудь лучшая упругая часть тела. Ну и схватится за нее мужик, тоже попробует на ощупь. Вот еще! Им можно нас щипать, а мы-то что зевать будем, да какие мы «мачо» после этого! О! Тут же журналюги защелкают фотокамерами, растиражируют самые пикантные кадры тысячами и начнется... морально это или аморально, не подает ли он плохой при-

мер молодому поколению, имеет право – не имеет права... Вот те на! Нет чтобы радоваться тому, что только что выйдя из мясорубки на поле, набегавшись до остановки дыхания, мужик еще имеет силу хоть на такие примитивные эмоции и желание потискать «подставу», случайно оказавшуюся под рукой!

Сама девчушка будет долго вспоминать и с детальными прикрасами рассказывать подругам, в какой непосредственной близости она оказалась с обожаемым мачо, потом забудет, а СМИ еще долго лицемерно выясняют, не потускнели ли нимб над короной короля. Ведь если он король, то должен быть безупречен во всем: в игре (это главное), в личной жизни, в бизнесе, быть самым патриотичным из патриотов, большим роялистом, чем сам король, и т.д. Кумира обожали, но предъявляли ему непомерные требования. И потом возраст..., почти шестнадцать лет изматывающего труда. А сколько травм, залеченных и не совсем, регулярно дающих знать о себе и о твоём возрасте! Лучше действительно уйти на волне славы, пока у тебя есть силы, пока не стал калекой.

Гениальный футболист веков и народов Пеле, умный господин-сеньор до Насименто понял это, достойно выбыл из большого футбола и стал капиталистом. Не простенько, но умно и со вкусом!

Трудно быть символом Бразилии. «Король» устал быть «королем» морально и физически. За свою футбольную карьеру Пеле забил 1000 голов. На Маракане находится памят-

ная табличка о таком спортивном подвиге. И помнят о не померкнувшей славе Пеле не только на его родине. Он знаменит и является примером для футболистов до сих пор: недавно на одном из аукционов, продаж использованных вещей «звезд», т.е. дорогих «сэконд-хэнд», для людей, не знающих на какую игрушку-забаву им еще потратить шальные деньги, кто-то купил его майку голкипера за 250 тыс. евро. Не слабо, а? Недаром его прозвали «король футбола». А королевская одежда дорого стоит.

Многое о знаменитом футболистея запомнила из эмоциональных рассказов журналиста Игоря Фесуненко, который знал предмет рассказа досконально и который непосредственно интервьюировал сеньора Эдсона Арантеса до Насименто, как гордо, четко и по праву именовал себя король футбола знаменитый Пеле. Многие рассказывали и наши бразильские приятели, тоже помешанные на футболе и огорченные решением спортсмена уйти на покой. Эта была, повторяю, самая распространенная и объединяющая тема беседы. И стыдно тому, кто не знает бразильских кумиров! В газетах же печатались самые разные версии решения Пеле оставить футбол, порой совсем невероятные, но и по моему дилетантскому мнению сеньор Арантес умненько сделал, как я уже заметила, что ушел именно в разгар своей известности. Сеньора Насименто запомнили, помнят до нынешнего времени. И еще долго будут вспоминать блистательно черного футболиста, судя по стоимости маечки в цену хороше-

го особняка. Но все же, официально уйдя из спорта, Пеле иногда выходил на поле и тогда стадион переполнялся так, что казалось вот-вот обрушатся «архибанкады». Устроители же матча получали «самашедшие» деньги. Ну, игрок тоже не оставался в накладе. Кстати, об умном футболисте: он написал книгу, скромно назвав ее «Я – Пеле». Чтобы прочитать ее тысячи неграмотных бразильцев начали учиться грамоте, чтобы прочитать автобиографическую книгу своего кумира.

Мне же, полному профану в футболе, почему-то больше импонировал другой «идол» футбольных вакханалий – Маноэл Франциско дос Сантос Гарринча (или Гаринча), как его называли в Бразилии и по всему миру.

Прежде всего, он был замечен своей грубоватой красотой с лицом крупной мужественной лепки. Что кривить душой, сеньор Эдсон Амарантес до Насименто, если политкорректно, мягко сказать, был малопривлекательной внешности: маленький, кривоногий, с глазами чуть навывкате и крючковатым азиатским носом (наверно, как я уже упомянула, в его многочисленном роду были и индейцы, он был «самбо»), а когда бегал по полю, напоминал краба. Эта ассоциация возникала из-за сильно развитых бедренных мышц футболиста и небольшого несоответствия с икроножными – они у африканцев часто несколько суховаты. А у Пеле еще наблюдалась небольшая кривизна ног и при его быстром перемещении по футбольному полю вспоминались крабы, испуганно удирающие от опасности. Такими крамольными мыслями о «ко-

роле» я, конечно, не делилась ни с кем, а тем более с фанатами. Ну-у-у, внешность для футболиста дело второстепенное. Крабы крабами, а бег его хоть и напоминал крабий из-за его ног «рогачиком» был стремителен и неутомим. Пеле был эталоном футболиста.

Гарринча же не только не уступал в мастерстве футболисту «номер Один», но к своему спортивному таланту обладал еще мужественностью и очень обаятельной белозубой улыбкой. Да вообще, привлекательный, как сейчас бы его назвали, сексуальный был мужик. А уж если говорить о фигуре, то противники Гарринчи в противовес своему любимцу Пеле, называли его только как «этот длинный, худой, колченогий». Действительно, одна нога Маноло была чуть короче другой – наследие детства, рост небольшой. Его даже не хотели принимать в один из известных клубов «Ботафого». Вот что значит предвзятость в оценке внешности: мне, видите ли, не понравились ноги Пеле «рогачиком», а у Гарринчи вообще одна нога была короче другой. Самое длительное время он играл в команде «Сан-Пауло». Хотя играл он виртуозно и самозабвенно, из-за упрямого характера, из-за лени и игнорирования тренировок Маноло перепродавали из одного клуба в другой. Для репутации игрока это был минус. А тут еще увлечение картами, винишком и прекрасным полом... Попадает в аварию. А здоровье? А травмы? Заработки падают.

Личная жизнь у него тоже не складывалась. Поклонниц

было немерено, одиннадцать детишек от двух законных жен и не менее четырнадцати от любовниц. Вот тебе хотя и «колченогий», но любвеобильный Дон Жуан. Манозл не корчил из себя святошу, мог флиртануть с хорошенькой мулаточкой, угостить на всю катушку вдруг нивесть откуда появившихся «друзей», занять денег собутыльнику без отдачи или своему брату-футболисту бывшему «в простое». Был не меркантилен, простой парень. Рубаха-парень. Вот эта простота, или, как у нас говорят на юге, «простодырость», и развела двух героев: Пеле – миллионер, в настоящее время Министр спорта, а Гаринча же в последние годы почти без средств умер в нищете в больнице от цирроза печени и, как определили медики, полного расстройства нервной системы. Результат: один – «с бантиком в шоколаде и кофе «Пеле», другой – в полном ... отстое».

А ведь некоторые специалисты и знатоки футбола считали Гаринчу даже более перспективным игроком, чем Пеле. Гаринча играл также классно, как и «король», но ещё красиво и, якобы, беззаботно. Он обходил соперников легко, даже грациозно, а иногда и с юмором. Его игру часто сравнивали с театральными представлениями. После его ловкого финта противник мог оказаться сидеть на заднице посреди футбольного поля с растерянным видом и вертящейся головой «а где же мяч?», что вызывало гомерический хохот стадиона. Манозл играл мячом, как мальчишка: крутил его, вертел, пинал и подпинывал, подбрасывал головой и опять

ловко поддевал ногой, а мяч, как послушная собачонка, был будто привязан к его бутсам. Если «бола»-мяч оказывался у Гаринчи, то отобрать его было практически невозможно, он мог финтить его от ворот до ворот, только ведь играть нужно в команде – мяч отпасовывался другому игроку по задаче поставленной тренером. Кстати, по этому поводу: Маноэл в нужный момент всегда делал пас другому, хотя и сам мог бы блеснуть красивым голом, но не становился «собакой на сене», был покладистым командным игроком. Все это восхищало в нём, привлекало сердца болельщиков, но увы! судьба приготовила замечательному спортсмену и просто красивому мужчине несчастную долю.

Случилась тяжелая травма ноги, залечить до конца ее не было времени, т.к. по контракту он был обязан играть. Какие уж тут шутки с мячом на стадионе! Поубавились и амбициозность, и легкость, и грация. Отыграть бы и с поля долой! И вот уже всеобщего любимца, как я уже упомянула, перепродают из клуба в клуб как изработавшуюся клячу. Тут еще надо платить за лечение, деньги тают, друзья-подруги, пившие и гулявшие за счет «рубахи-парня», постепенно испаряются. Он был даже арестован как несостоятельный должник, правда, долг потом выплатил один из клубов.

Перепродажа игрока из клуба в клуб и сама не слишком праведная жизнь игрока настолько понизили его престиж и стоимость, что в какой-то из сезонов с Гаринчей просто не заключили контракт! Нет ни работы, ни пенсии, ничего...

Как же было обидно за этого футбольного гения, который не заготовил себе материальный плацдарм, как это сделал его коллега. Да! И ещё: будучи женатым человеком, Манозл позволил себе роскошь влюбиться, и не без взаимности, в роскошную женщину, певицу Эльзу Соарес. Они стали жить гражданским браком, не скрываясь. Порядочный мужик, Гаринча не оставил свою семью без материальной поддержки.

Ах, он даже не скрывает свою несправедность! Вот тут-то его и предали анафеме: в католической Бразилии разводы были запрещены. (Все-таки ему удалось развестись). Налицо «моральный разложенец!» да еще стал и не так часто забивать голы: «Ату его! Ату!»

Толпа она и есть толпа: от восторгов и раболепства до презрения и ненависти один шаг. Был кумир, обожаемый идол, да весь вышел, тем более идол-то, смотрите, прихрамывает! Может, пожалеем недавнего кумира? Нет! Давайте его добьем! И добились-таки – просто о нем забыли. Он жил на микроскопическую пенсию, пытался работать тренером, но тщетно, его здоровье и репутация были сильно подмочены и им самим и прессой. Он уже был никто, существовал на средства своей гражданской супруги Эльзы Соарес. Надо отдать ей должное, она не оставила спивавшегося футболиста. Бывший всеобщий любимец та и умер забытый и в бедности.

Почему вдруг всплыли такие довольно подробные воспоминания именно о футболе?... Почти весь семидесятый и начало семьдесят первого года на наших пятничных пе-

редачках чаще всего выступал молодой обаятельный корреспондент Советского радио Фесуненко и рассказывал именно спортивные или околоспортивные новости. Слушать о футболе и, тем более о футболистах, было интересно. Кроме того, нужно было изучать язык, а в этом очень помогали красочные журналы, где под фотографиями актёров, политиков, бизнесменов, а чаще всего спортивных звезд, печатались немудреные заметочки с самой простой стилистикой и вокабулярным запасом среднего гражданина. Вот мы, как школьники, разглядывали картинки и коротенькие подписи под ними, сначала со словарем, потом обходились своими усилиями и знаниями, очень этим гордились. Часто транслировались футбольные матчи с подробными комментариями. Мы в это время уже заимели собственный телевизор, могли, не считаясь с общественностью, смотреть любые передачи, в том числе и футбольные. Постепенно узнали много известных имен, даже стали разбираться в тонкостях игры... В частных беседах с нашими журналистами жадно выпрашивали о частной жизни футболистов и вообще известных лиц, вот все впечатления и остались в памяти.

Наш интерес к футболу особенно подогревало и общее внимание всей Бразилии своему любимому виду спорта. Не обходилось ни одного разговора без новостей о футболе. А Фесуненко, коммуникабельный, симпатичный и доброжелательный парень, вообще стал своим человеком на Маракане, познакомился с тренерами, со многими футболистами, стал

отправлять статьи в «Комсомольскую Правду» и собирать материал для книг со спортивной тематикой. Он правильно предположил, что такая тема просто обречена, на успех.

Да это такое месторождение, что его можно раскапывать до конца командировки и дальше! Так и произошло. Игорь описывал не только футбол, но и обычаи, нравы, характеры бразильцев, особенно «фавеладос». А кому неинтересно почитать о загадочной и далекой Бразилии? Это же почти «клубничка» для читателей в Союзе и Клондайк для умного журналиста! А Игорь, журналист далеко не глупый, подсуетился, стал старательно и успешно разрабатывать эту золотую жилу, богатейший непочатый ресурс.

Правда, под такой незатейливой «клубничкой» подразумевалось описание полуголых мулаток, лихо отплясывающих самбу, более легкие, упрощенные сексуальные отношения, не совсем этичные секреты спортивных отношений в футболе, занятные интересенькие штучки – сведения из личной жизни знаменитостей. Многое, о чём писал Игорь в своих статьях и в книжках, сдабривалось большой порцией социальной темы «их нравы», многое было преувеличено по принципу «художественный вымысел», но своим успехом у читателей был обязан только самому себе, своему бойкому перу и трудолюбию. Он великолепно владел материалом, умел интересно построить фабулу, включить что-нибудь пикантненькое, подать придуманное за достоверный факт.

Кто читал его небольшие по объему книжки о Бразилии,

читали их с неослабевающим интересом. Эти книжки стали тогда просто бестселлерами. Написаны в стиле художественной документалистики со множеством фактов, ярких подробностей и не менее ярких описаний. Читали и мы их, те, что сами прожили в этой стране достаточно долго, кое-что сопоставили, заметили ряд небольших несуразностей, приукрашиваний, нестыковок. Ерунда, это можно простить, у него все равно получилось очень интересно и, как говорят, читабельно. Несмотря на тот самый художественный вымысел (а кто из авторов не грешит этим? должна же у писателя быть фантазия!), читатели, тем не менее, узнали много неизвестных и чисто конкретных фактов о стране, обычаях, в конце концов, о королях футбола.

Сам Игорь окончил, кажется, архивный институт, удачно женился на дочери какого-то мидовского начальника. Боже сохрани! я ничего не вкладываю в слово «удачно», это ведь замечательно иметь удачный брак, тем более Игорь мог очаровать кого угодно. Он был недурен собой, приятен в общении, язык знал в совершенстве, активизировал знакомства среди «кариокас», что ему было и не трудно как журналисту. Особенно ему удавались репортажи, заметки, подборки о футболе, а тема «бразильский футбол», повторяю, – неиссякаемая тема.

Мы постоянно были в курсе событий интересного вида спорта, его перипетиях, игроках толь благодаря Игорю. Это было гораздо интереснее, чем слушать на так называе-

мых политинформациях тягомотину из компиляции газетных статей о политических событиях в мире.

Корреспондент был завсегдаем Мараканы и футбольных матчей, знаком с Пеле, вроде даже подружился с ним, рассказывал очень занимательные истории на наших пятницах о нем, о футболе вообще и отношении к нему бразильцев в частности.

Футбол – это любимое детище Бразилии, а Пеле – ее герой, идол, бог... На родине он играл редко, тем более оставил спортивное поприще как раз в 1970-71г.г., но иногда все-таки показывался на поле, чтобы подогреть интерес болельщиков, напомнить о себе.

Лично его непосредственно в игре видел всего один раз наш папа, будучи на знаменитой Маракане. Я только по телевизору, стадион для меня был слишком утомителен. Слушать весь этот гвалт очень утомительно. Но что ни говори – красивое зрелище, красивая игра ...

Игорь устроил посольскому люду посещение-рассмотрение знаменитого футбольного поля. Когда он нас привел на обзорательскую экскурсию, стадион, конечно, был пустой. Игорь, уже дотошно знающий Маракану, показал нам саму чашу стадиона, внутренние помещения: офис, массажные комнаты, комнаты отдыха, кафетерий, раздевалки, ванны. Все было интересно, все было построено добротно, удобно, с комфортом и любовью бразильцев к своим кумирам-футболистам. Особенно нас поразила ванная комната: это свет-

лое просторное помещение со стеклянным потолком, где прямо в мраморном полу вырублены огромные ванны более двух метров, в которых после игры отпариваются или, наоборот, охлаждают свои ушибы и травмы футболисты. Фесуненко так красочно, смачно, со знанием дела, описывал зрелище, которое он явно наблюдал, что экскурсанты и особенно экскурсантки воочию представили – каждый в меру своего разнузданного воображения – этих кофейного цвета фавнов, расслабленных и томных, в дымящихся просторных ваннах. После подобных фантазий мы уже не так внимательно продолжали осматривать раздевалки, медпункты с самыми современными медицинскими приборами, тренажеры, массажные столы, где спортсменам разминали, разогревали мышцы и вправляли разбитые суставы. Игорь был заправским гидом, хорошо владел материалом и вниманием слушателей: где надо приводил жареные факты (иногда несколько притянутые, но кто на это обращает внимание!), в другом месте – серьезно, потом – шутка. Нам было интересно с ним общаться как лично, так и на пятничных обязательных лекциях.

Такой же интересной, неординарной личностью был и его коллега Вадим Листов. В отличие от Игоря, который имел имидж «своего парня», Листов был классическим, по нашим понятиям, журналистом, аккредитованный «Правдой». Это был высокий сухощавый мужчина, серьезный и подтянутый, для большего впечатления держал в зубах труб-

ку, хотя курящим я его никогда не видела. Но трубка прибавляла ему импозантности. Положение обязывало, все-таки корреспондент центральной газеты, нужен определенный имидж. Когда я работала на «рэсэпшен», он почему-то настоятельно рекомендовал мне курить длинные дамские сигареты. Сопровождал этот совет вроде бы смехотворным, но немаловажным для женщины аргументом: «Тебе очень пойдет длинный мундштук и пахитоска в нем!».

В принципе, если не кокетничать, я понимаю, почему Вадим решил, что длинные мундштук и длинная сигарета мне будут к лицу. В холле Торгпредства за столиком с телефонами я имела серьезный и аристократический облик: модный тогда расклешенный брючный костюм, белая блуза с рюшами, пышным жабо и камея в центре этого великолепия – память о любимой учительнице -, тяжелая прическа на затылке, тот самый греческий шлем, чуть-чуть оттягивающий голову назад и делающий профиль, честное слово, без моего на то желания, капельку надменным. Если еще и небрежно держать в руках изящный мундштук!/? Да, это зрелище не прибавило бы мне любви торгпредских дам.

О, нет! Лучше не надо!

Вадим даже сделал презент: такой узенький длинный мундштучок под слоновую кость. Этот сувенир сохранился, только я не переносу курящих женщин да и сигаретный дым вообще. Нравится разве только запах хорошего трубочного табака и не в процессе курения, а в пачках. Кстати, хороший

мужской парфюм и пахнет чуточку таким вот табаком и совсем немножко хорошим коньяком. Но советом якобы бывалого курильщика я не воспользовалась.

Листов тоже знал множество интересных сведений из истории страны, самого города, из глубинной сельвы, об индейцах, настоящих аборигенах и умел об этом поведать на пятницах изнывающим от политической жвачки слушателям. Оба умненьких журналиста не забывали, однако кое-где вкраплять в свои лекции параллели «их мир – наш мир», где наш мир, конечно, оказывался неизмеримо лучше, выше, моральнее. Они умели упомянуть об этом вскользь, ненавязчиво и не такой чугунной агиткой, как у других докладчиков.

Вадим много знал о колдунах-индейцах, травниках, их необычайных паранормальных способностях, сам с ними встречался в сельве и даже некоторое время проживал. Но рассказывал он об этом хоть и интересно, но так, вроде бы в шутку, чуть иронично, чтобы, не дай Бог, не посчитали, что он сам верит в подобную чертовщину, в знахарские штучки, в методы нетрадиционной медицины, как сейчас бы сказали. Все подтекст понимали, но слушали, наострив ушки, и кое-что применяли в быту. По примеру Вадима дипломаты в своих тесных кабинетах-каморках стаскивали с себя туфли и, опершись ладонями о железный сейф, – неременный атрибут кабинета – стояли босиком на полу, “заземляясь”, снимали с себя статическое электричество. Многие пили отвары из трав, рецепты которых узнавали у Листова, усмиряли из-

жогу, диарею, часто бытующие в тропиках от непривычной пищи, или даже язвочку.

Ещё двести лет назад Бразилия пользовалась зловещей репутацией «могилы для иностранцев». Иммигрантов косили как желтая лихорадка, чума и оспа, так и какие-то непонятные болезни от укусов насекомых, грызунов, от ядовитых плодов. Индейцы знали, как и от чего лечить неведомые белому человеку болезни. Листов часто бывал даже в сельве Амазонки, среди аборигенов, как-то находил с ними общий язык, очень интересовался травами, применением в некоторых болезнях, присущих тропикам, немного преуспел в знаниях, особенно не афишируя их, но и не отказывая в советах, если к нему обращались.

Благодаря его же совету мой супруг изгнал камни из почек. Утром, поехав на работу и завернув на рынок, выпивал стакан кокосового молока. Можно выпить и не на рынке, а у уличного торговца. Продавец точным сильным ударом мачете срезает верхушку зеленого кокоса, ставит соломинку – пей на здоровье прохладную, чуть пахнущую орехом мутноватую жидкость. Сок кокосового ореха вовсе не похож на молоко. Скорее всего, он напоминает наш березовый сок, только более сладковатый.

Так вот: утром – стакан сока, в обед – то же самое плюс рюмочку коньяка (неплохой рецепт, правда?), вечером тоже можно сок, но необязательно, а то не выспишься, слишком часто придется вставать. При этом параллельно пить от-

вар травы “чанка пьедра” – каменная трава. Невзрачные сухие пучки такой травы я покупала на рынке в больших количествах у индейцев, таких же сухих и обветренных, как эта трава, располагавших свой непрезентабельный сухостой на джутовых мешках прямо на земле. Дома варила целые кастрюли “пьедрового” отвара и Виктор пил его не менее двух литров в день вместо воды. И никаких тебе соса-сола, seven-ар, тоников и прочей химии. Через месяц вдруг смотрю: идет мой супруг с приятным салатовым цветом лица (это еще надо учитывать, что Виктор Иванович никогда не отличался изысканной бледностью), значит, идет мой бледный до зелени супруг и держит в руках обкатанный голышок пемзой структуры размером с хороший боб. Вот такой прекрасный результат. Представляю, какая была боль, но ведь камень вышел же сам, без участия врача! Ура! Потом для закрепления результата наш отец несколько раз ездил в Трускавец, и тамошняя волшебная вода закрепила лечение травой из бразильской сельвы.

Мы, тоже приезжали разок навестить его на этом замечательном курорте. Поселились в частном секторе у местной хозяйки, тоже попили знаменитую трускавецкую водичку для промывания “органола”, поиграли с ручными белочками, которые в буквальном смысле слова взбираются на руки и плечи отдыхающих за орешками и семечками. Люка успела обворовать хозяйского сынка, который ходил за ней не хуже белочки и постоянно держал в запасе пакет с семечками

для московской девочки, чтобы она могла кормить зверьков. Люданька воспринимала внимание как нечто должное. Так что время мы проводили неплохо.

БРАЗИЛИА

В июле 1972 г. мы были приглашены на официальное открытие Посольства СССР в столицу республики Бразил в БРАЗИЛИА. Republica do Brasil – именно так называется страна, а столица – Бразилиа – «бриллиант в венце сельвы», так ее именовали все СМИ и справедливо именовали.

Строительство новой столицы, соединяющего Трансамазонской магистралью побережье со старой столицы от Рио-де-Жанейро, началось по распоряжению президента Жуселину Кубичека в 1957г. и к концу шестидесятых, т.е. к нашему приезду, уже заканчивалось. Была закончена и Трансамазония, широкая автомобильная дорога в несколько полос движения почти строго на север в центр страны. Она казалась абсолютно прямой, ну почти прямой, слишком велики были масштабы, кажется, что все время движешься вперед и без поворотов. Выстроена центральная часть города с административными зданиями, подведены коммуникации, построены жилые дома, в основном для чиновников, представительства аккредитованных стран.

Чиновники медленно и неохотно покидали обжитой, веселый, бурлящий жизнью, блистательный город Рио-де-Жанейро. В новую столицу в центре сельвы ехать и быть первопроходцами никому не хотелось.

Дипломатические отношения Бразилии и СССР то создавались, то расторгались (1955, 1959, 1961). Последнее восстановление дипломатических игр было при президенте Гуларте, когда Бразилия выступила в защиту революции на Кубе.

В Бразилиа было построено и наше Посольство, назначен день официального открытия и нас тоже осчастливили приглашением. Вот опять парадокс: никого из рядовых инженеров Торгпредства не пригласили, а вот сеньора и сеньориту Cugianow обязательно. Мне кажется, что эта игра в шпионов интересна и той и другой стороне. Все знают, кто есть, кто, но в нее играют ведь все, как будто понарошку. Всем известно, где «король-королева-сапожник-портной», однако весь мир продолжает играть в шпионские страсти.

Повидать новую столицу, новое Посольство (строили наши архитекторы, строители, художники, дизайнеры), набраться новых впечатлений, познакомиться с другими людьми, возможно, получить нужную информацию – все это было интересно. Одинаковые лица, собеседники с приевшимися темами разговоров, одни и те же встречи надоели до чёртиков. Даже сама поездка вызывала приятные ассоциации: впереди остановки в городах страны, возможность рассмотреть их, увидеть новые достопримечательности, милые ресторанчики, может быть какие-нибудь интересные приключения по дороге. В любом случае, чтобы узнать страну, нужно наматывать километры. Супруг, конечно, уже побы-

вал во многих городах страны, мне же это удавалось реже, но основные и известные из них я повидала.

Поехали в это незабываемое путешествие двумя машинами – мы и семейство Шувановых, приятные люди из “соседей”. Их дочка Леночка, умненькая и славненькая девочка, тоже училась у меня в школе. Ехали через Центр по новой дороге. Ее намыли из песка океана и таким способом кардинально разгрузили автомагистрали узкого прибрежного Рио. По этой дороге сравнительно быстро выскакиваешь из города, сразу идут огромные здания морских складов, порт, а потом кладбище. Кладбище тоже заслуживает несколько слов. Оно европейского вида, не как у нас – зелень, холмики, оградки. Здесь – мраморные или гранитные склепы, кресты, статуи ангелов, бюсты умерших, тяжелые надгробные плиты, зелени мало. Очень все функционально и по-деловому – земля дорогая. Впрочем, лучше долго не описывать эту юдоль скорби. Все они вызывают чувство угнетенности и печали.

Мы как-то быстро и незаметно выехали на самую Трансмазонскую магистраль. Дорога сразу поражает воображение: она буквально прорублена в сельве прямо от Рио к огромному сертану, центральному району Бразилии. Столица, собственно, не в самом центре страны, а где-то в третьей ее части от Риу-Гранде, Большая Река, чуть севернее от восточного побережья. Такое расстояние можно было проехать и в два дня.

Но зачем спешка? Мы же хотели посмотреть страну, ехать не спеша, с остановками, с удовольствием.

Выехали мы, как обычно, рано утром, “по холодку”. Удовольствие было уже нарушено в двухстах километрах от Рио. В суете отъезда я забыла взять костюм Виктора для приема, специально приготовленный и висевший в протекторе от пыли прямо на двери. Как это было возможно – не заметить его, представить опять – таки было невозможно! Просто отодвинула этот мешок-протектор на двери (чтобы не забыть!), он мешал мне, закрыла двери и ушла, а костюмчик так и остался висеть на плечиках.

”Своё-то платье не забыла, – выговаривал возмущенный муж, – это нужно без головы быть!” Честное слово, не нарочно! Просто закрутилась, все же мы планировали быть в дороге дня три, нужно многое было не забыть, но вот... забыла. Выслушала я много нелицеприятных слов и нравоучений. Но «об вернуться» не могло быть и речи! Нарушать компанию, график путешествия, выслушивать в Торгпредстве насмешливые соболезнования не приглашенных! Плохая примета, в конце концов!

Чтобы не накалять обстановку (человек за рулем!), я ничего не отвечала, но про себя тоже проговаривала немало “приятных” слов и самыми мягкими из них, произнесенными в уме, были: “Можно и самому хоть раз побеспокоиться о своих тряпках!”

Нужно сказать, что муж привык к тому, что чистые ру-

башки, новые костюмы, галстуки в тон и носки появляются просто так, по мановению волшебной палочки, без участия человека. Весь модный прикид, вышитые рубашки - "гуайяберы", костюмчики "со сталью", туфли на платформе – последние мужские новинки появлялись сначала у Виктора Ивановича, а уж потом кое-кто из жен и прикупал или по скупости характера не прикупал для своих мужей. И это не было мелочью при общении с иностранными представителями. Только у нас бытует пословица про одежду и ум, а за рубежом к уму должна прилагаться и современная машина, и дорогая модная одежда, хорошие украшения, иначе к тебе и отнесутся несерьезно, с легкой долей сарказма что мол здесь делает эта нищета?, может и сделка сорваться... У серьезных дядей и тетей костюмчик с распродажи не пройдет. Вот такие дела. Поехали дальше...

Первая остановка после Рио была в городке Барбасена. В сам город не заезжали, но с удовольствием позавтракали в пригороде в большой чураскарии «Кабана». Как всегда, меню в таких «шашлычных» было выше всяких похвал. Нас тоже, как всегда, больше всего привлекало мясо, овощи, фрукты, и мы всему воздали должное. Тут же неподалеку, а если точно, то всю чураскарию опоясывал павильон-терасса с национальными изделиями из меха, кожи, дерева, тростника, соломки. Все для вас, господа туристы!

Из шкур преобладают коровьи, из дерева – жакаранда. Все же нас больше привлекла выставка керамики, т.к. всю эту

«артесанию» мы уже видели в Рио, а вот изделия из керамики были настолько разнообразны, ярки и красивы, что, несмотря на твердое решение не покупать на пути ничего из сувениров, мы все-таки соблазнились подсвечниками, круглой миской-шкатулкой и фигуркой голубя. Все они были пронзительного вишневого цвета и радуют наши глаза до сих пор. «Твердое решение» нарушалось не раз.

Больше всего нас беспокоила возможность проехать мимо первой запланированной остановки, Ору-Прету “черное золото”, который нам настоятельно рекомендовали посмотреть. Именно здесь из черных скал черные рабы добывали золото и драгоценный металл, именно здесь более двухсот лет продолжалась «золотая лихорадка». Отсюда португальскому королю отправляли, по мнению самих разработчиков, возмутительно много (20-30%) драгоценной добычи. Здесь же и зародилось первое революционное движение за независимость Бразилии, которое возглавил зубной врач, заговорщиков называли «инкофиденты». Когда в Рио в 1792 г. вешали «зубодера», то в это время ликующе звонил колокол. Как же! Покончили со смутьянами! Нехилая доля золотишка Нового света опять будет принадлежать португальской короне! Голова бедного Тирадентиса была водружена на кол и выставлена на площади. Сейчас там находится его памятник.

Впоследствии, спустя 168 лет, этот колокол был перевезен в новую столицу, где он звонил на торжественной церемонии открытия города.

Город Ору-Прету находится в гористой местности в прелестном зеленом ущелье. Раньше его название было Вилла Рика, можно перевести как красивый, так и богатый дом, место, местность, и определение соответствует действительности. Именно он был центром золотой лихорадки после открытия в окружающих его горах золотых россыпей и алмазных месторождений. Он и являлся столицей штата Минас Жераис.

Ору-Прету – городок небольшой. Уютненькие разноцветные домики, виллы и коттеджи с балкончиками в колониальном стиле с узорными решеточками и ограждениями, ажурно выпиленные из дерева или кованые, (просто кружева!), придают ему патриархальный облик. Здесь и в самом деле как-то спокойно, тихо, неспешно. Мощеные извилистые улочки не совсем удобны для езды, но за каждым поворотом неожиданно появляются очаровательный испанский домик прямо из XVI в., прелестная церквушка или часовенка, чаще всего сооруженная обязательно на холме. Холмов здесь тоже достаточно.

В конце концов, решив переночевать в гостинице следующего по маршруту города Белу Оризонте, мы припарковали автомобили и начали неспешную прогулку по Ору-Прету. И правильно сделали: городок вписан в лощину, как пасторальная декорация.

Очень красивы современные виллы и маленькие замки – просто домами их не назовешь – бывших золотопромышлен-

ников и не только бывших. Большинство из таких вилл сработано еще во времена рабовладения, да так и остались в своем богатом и аристократичном облике и по сию пору. Как драгоценности, они не стареют. Посмотрели и подвал для содержания рабов – каменное холодное помещение под домом с узкими окнами без стекол. Как же здесь было холодно промозглой бразильской зимой, т.е. в период дождей! В этот момент мы опять прониклись пролетарским сочувствием и симпатией к угнетенным и обиженным!

Чего здесь больше всего, так это церквей, храмов и монастырей. Каждый из них так необыкновенно величествен или просто красив и насыщен скульптурами, фресками, барельефами, орнаментом деревянных и каменных кружев, так отличается друг от друга архитектурой, что поневоле, оставаясь перед каждым и любуешься. Объединяет их лишь одно: пышность и богатство отделки. Оказывается, в “золотой” город стремились не только рабочие на золотоносные шахты, мошенники мелкого и крупного калибра, различные авантюристы для «схватить удачу за хвост и быстро разбогатеть». Сюда стремились и слуги Божие и тоже за тем же самым: золото! алмазы! И каждая религиозная община стремилась воздвигнуть свой храм, роскошный и запоминающийся.

Особенно поражает воображение величественный храм, церковь Франциска Ассизского. Так было выбито латиницей на фасаде. Что это за святой, я не знаю, как, впрочем, и дру-

гих “не родных” святых, да и родных-то не всех. Чаще всего вспоминаю и даже иногда молюсь втихомолку своему детскому святому Николаю Угодничку. Так вот этот храм и многие другие строил и украшал замысловатой резьбой знаменитый зодчий и уроженец этого городка Антонио Франсиско Лисбоа. Если взять и перевести грубым подстрочником, то получится Антон Францевич Лиссабонский, еще проще – Тоша из Лиссабона. Но оставим глупые шутки!

Этот знаменитый Антонио, сын черной рабыни и португальского архитектора, а значит полукровка. Отец отнесся к сыну, как к рабу, и в 21 год продал его одному скульптору. Мальчик оказался гениальным, но несмотря на свою гениальность не имел прав работать по контракту из-за цвета кожи и не получил признания как настоящий архитектор-мэтр. Впоследствии он выкупил из рабства себя и мать. У него было прозвище “алежайдиньо” – “несчастненький” или “уродец”. Он и на самом деле стал калекой, предполагают стал им уже будучи взрослым: одни историки утверждают, что его суставы искривил до неузнаваемости ревматизм, другие уверены, что Алежайдиньо был болен проказой, т.к. сначала начали болеть суставы, потом появились странные незаживающие язвы, начали отваливаться пальцы на руках и ногах. Да уж! Симптомы не из приятных!.. Мастер продолжал работать, не обращая внимания на адские боли, привязывая молоток и зубило к тому, что у него оставалось от суставов.

Он участвовал самым непосредственным образом в стро-

ительстве и отделке более 50 церквей. Знаменитые церкви Носса сеньора да Пилар, Сан-Франсиско тоже создание «Алежайдиньо». Эти церкви, как, впрочем, и все остальные в Ору-Прету, отличает филигранный декор рельефа и всех резных украшений, причем большинство из них покрыты тончайшим, но листовым золотом, не сусальным, зачем мелочиться!

А что касается религиозной утвари, то она была массивной и из чистого золота. Чего-чего, а этого благородного металла в шахтах Минайс Жерайс было достаточно. Справочники говорят, что на отделку украшений только в соборе Сан-Франсиско, стиль «позднее барроко», было израсходовано более 400кг золота. Честно говоря, этот собор отличается от остальных разве только большей помпезностью и закругленностью форм. Может, как раз, это и есть «позднее барроко».

В лицах святых ощутимо совмещены белые и африканские черты; в одном из них Алежайдиньо, якобы, запечатлел и свой автопортрет, увековечил для истории, так сказать. Только вот в каком именно святом никто толком указать не смог. Кроме того, истинный сын своего народа и самый настоящий трудящийся, свой брат, Антонио Лисбоа, говорят, также изобразил святых похожими на участников восстания Тирадентиса, «инкофидентов», борцов против колониального ига португальцев.

Мордашки пухлощёких ангелов, поддерживающих своды

и пилоны, не безлико одинаковы, они напряжены, им тяжело нести эту ношу, детишки измучены. Тот, кто вырезал из твердейшего дерева или камня образы небесных созданий, прекрасно знали, как тяжок бывает труд. Создался так называемый бразильский стиль «барроко минейро», корни его находятся на трех континентах: Африки, Европы и Латинской Америки.

Самым необыкновенным и, кажется, последним произведением Лисбоа стали двенадцать апостолов у храма Бон Жезус-де-Матозиньос в городе Конгоньас, вблизи от Ору-Прету, куда мы и заехали, чтобы не пропустить еще одну достопримечательность.

Как утверждают опять же историки, у скульптора было видение: если он сможет создать, высечь из камня, двенадцать пророков, то его болезнь исчезнет. Алежайдиньо принялся за работу. Статуи были изготовлены, но болезнь не прошла, хотя неизлечимо больной “уродец” прожил еще 18-20 лет уже в стадии тяжелого заболевания, бедный, почти до 85-ти лет и был похоронен здесь же, в Ору-Прету. Его последняя работа – фигуры пророков достаточно высокие, в полтора человеческих роста. Лица у них скорбные, печальные, почти плачущие, что и неудивительно для пророков вообще и для фигур, вышедших из-под руки “маленького уродца” в частности. Статуи вырезаны из так называемого “мыльного камня”. Этот поделочный материал тоже добывали в окрестностях Ору-Прету. После шлифовки поверхность камня стано-

вится атласной, как бы скользит в руках, поэтому ему и дали такое название. Камень средней твердости, хорошо берется резцом каменотеса и скульптора, прекрасно поддается шлифовке, но хрупкий.

Я убедилась в этом лично, когда разбила памятную покупку из “мыльного камня”, высокий узкогорлый кувшин и широкое плоское блюдо. Сначала разбилось блюдо, соскользнуло с лакированной поверхности стола, когда у стола подломилась ножка из-за отвинтившегося шурупа, о котором я ни один раз напоминала главе семьи. Когда же глава заявил, что шуруп-то и самой можно было ввинтить, то я, молча, с наслаждением и оглушительным треском ахнула кувшин об пол. Произошел момент эмоционального взрыва, выпуска пара, когда вдруг кончилось великое терпение делать несколько дел одновременно параллельно: работать, шить, стирать, убирать, заниматься с детьми, изображать при случае из себя леди, иногда для конспирации ездить с мужем на так называемые “закладки”... Это, простите, все-таки не одна целенаправленная работа, а разные и тоже достаточно трудоемкие. Устаешь не только морально, но и физически, а тут еще претензии с неумением вовремя починить стол и завинтить шурупы... Да умею, умею я и шурупы завинчивать, и гвозди забивать, и красить, и мебель собирать, даже при необходимости ее оббивать! Умею!

Расколотилась пустотелая внушительная емкость кувшина с оглушающим грохотом, как бомба. Пар был выпущен.

Так бесславно погибли сувениры из Конгоньяса. Кусочки были замечательно мелкие, а их внушительный звук слышали все переполошенные обитатели торгпредства. Это был первый и последний случай битья посуды в нашей семье, но действенный... Последняя покупка из мыльного камня знак зодиака “телец” – голова бычка на каменной цепи, до сих пор жив и находится у его хозяйки Алены.

Из Конгоньяса мы напрямиком отправились в Белу-Оризонте и прибыли туда как раз к вечеру, чтобы полюбоваться необыкновенно красивым закатом.

В прекрасном городе Белу-Оризонте, годом рождения которого считается 1897 г., с конца XIX в. – новая столица штата Минас-Жерайс, мы хотели остановиться на ночлег. Этот город четвертый в стране по величине, более 1 200 000 человек населения. Что касается покупки вдруг забытых вещей, а именно костюма, то в стране третьего мира да с деньгами такие вопросы решаются просто. Там мы быстренько нашли нужный магазин и обновили гардероб мужа ко всеобщему миру и спокойствию.

В Belo Horizonte, в переводе “Красивый Горизонт, горизонт на самом деле удивительно красив, собственно удивительного отсутствие такового: колеблющееся, аморфное, плавно перетекающее друг в друга желто-розово-сиреневое-голубоватое марево. Город вроде бы не имеет границ. Линия горизонта размыта и расплавляется во что-то серебристо-палевое, перламутровое, кажется, что город витает в воз-

духе, парит. Как раз мы и подъехали к видению такого чуда. Даже если посмотреть только на это, нужно было сделать остановку в одном из больших городов Бразилии, что мы и сделали.

Сам он построен довольно странно: квадраты, разделенные диагоналями. Следовательно, улицы пересекаются либо по 90 градусов, либо по 45. Город расположен у гор Минас-Жерайс (такое же и название штата), где добывают руду и железо для всей страны и на экспорт. В сувенирных лавках и магазинах очень много необыкновенно изящных сверкающих изделий из меди, как украшений, так и хозяйственных, таких знакомых тазов, чайников и кипятильников типа самовара. Подобные сувениры выставлены вдоль дороги перед городом и после него. Я всех насмешила ликующим дикарским воплем:

“Витя! Медная посуда!”.

Ошеломленный визгом супруги, Витя от неожиданности даже вильнул по шоссе автомашиной, не преминул напомнить мне, что такими несанкционированными орами я создаю аварийную ситуацию на дороге (как всегда прав!) и принципиально не остановился у коробейников полюбоваться так приглянувшимися мне изделиям из меди. Потом у нас в семье долго на какую-нибудь неожиданную и ненужную покупку кричали: “Ура, медная посуда!”.

Нас, конечно, заинтересовали не железные рудники, а больше вот это странное построение улиц и колышущее-

ся прозрачное марево над городом, о необъяснимом явлении которого нам так много говорили сами бразильцы. Меня же лично очаровали не только переливающиеся неясные краски горизонта, но и, как островного туземца, блестящие чашки-плошки, тарелки-сковородки из начищенной сверкающей красной меди.

Плавающий и плавающийся оптический эффект у Белу-Оризонте, возможно, дают горы, тропическая жара и недалеко расположенное от города большое водохранилище Трес Мариас – получается большая разница температур и, как результат, возникающее миражное видение над горизонтом и вообще в воздухе. Здесь же находится крупнейшая гидростанция и поселочек с таким же названием, переводить которое не требуется.

Ночевали же мы недалеко от знаменитого Прекрасного Горизонта в небольшом городке Сети Лагоас, «семь озер». Собственно, увидели мы только одно большое озеро в центре города, т.к. приехали уже затемно. В гостинице были очень жесткие матрацы и проснулись мы рано, чтобы по пути посмотреть еще одну достопримечательность Груто де Макине. Это сталактитовая пещера, похожая на нашу Афонскую. Жарко, душно, много декадентских скульптур, в которых каждый видит, что ему подскажет воображение. Однако, чтобы воображение совсем не разгулялось, часть срощенных известняков имеет названия: «целующиеся фрейлины, череп, старик с длиннющей бородой, чаша Алладина...»

Перед входом в пещеру небольшой бассейн, куда посетители бросают монетки «на возвращение». Господи! Как убога человеческая мысль – везде одно и то же! Ну и мы бросили, причем Люка требовала бросить денег как можно больше – тогда уж наверняка еще приедем.

Путешествие в столицу проходило неспешно и с удовольствием. Компания была приятная, Шувановы тоже не спешили, т.к. все мы выехали с большим запасом времени.

Вместительная таверна-харчевня-мотель, та же бразильская чураскария, из толстых тесаных бревен у дороги обещала комплексный вкусный и обильный обед. Вот не вспомню никак его названия, но что-то этакое ковбойское, залихватское в нем определено имелось. Примерно километра за полтора непосредственно до нее самой таверна настойчиво рекламировала свои достоинства, обещая немислимые удовольствия. Каждым следующим слоганом она убеждала, уговаривала, умоляла, приказывала посетить именно их ресторан: у нас и только у нас настоящая пища “гаучос”, отличное обслуживание, мясные и вегетарианские блюда, различные закуски на любой вкус, желание клиента – закон, номера для отдыха, плата только за вход! Наконец, как последний аргумент: дети до десяти лет – бесплатно! Нашим детям, т.е. Аленке уже было чуть больше десяти, но все трое были девочки и за их посещение чудо-таверны хозяева денег не взяли.

А ресторан был действительно симпатичный и оригиналь-

ный. Оформлен стилизованно, на манер рубленых домов первопоселенцев- «гаучо»: стены, не достигающие до потолка с прорубленными окнами, мощные столбы-подпорки, на них крыша из толстого слоя тростника, висячие лампы-люстры из тележных колес. В довершение старинного дизайна в центре красовался огромный круговой камин с коваными решетками и пылающими чуть ли не целыми бревнами. Как самая привлекательная экзотическая вещь над ним была жаровня с вращающимся вертелом и половиной коровьей туши на нем. Столы и лавки тоже были под стать интерьеру, вроде бы нарочито грубо сколочены, но на самом деле очень удобные. В остальном: сервировка, обслуга, туалеты, электрические лампы на люстрах-колесах – все было современное.

Несколько сбоку стоял огромный стол, «шведский». На нем находилось несметное количество вареных, жареных, маринованных закусок, самые разные овощи и салаты. Фрукты и соки тоже были представлены в обильном ассортименте. Вообще в жарких странах очень увлекаются насыщенными терпкими маринадами. Маринуют в ядреном уксусе все: фрукты, овощи, ягоды. Понятие “квашеный” или “соленый” отсутствует, т.к. при существующей температуре продукт не заквасится, а просто испортится, скиснет – вот и заливают все нестерпимо крепким раствором уксуса. Когда я угощала местных гостей своей фирменной кулебякой с квашеной, именно с квашеной, капустой, все очень удивлялись, восторгались и просили добавки. Кстати, из всех маринадов мне

пришлись по душе сладко-кислые огурчики. Именно «сладко»-кислые, а не наоборот – тогда было бы слишком кисло.

Вино в таверне тоже имелось в ассортименте, но предлагалось за отдельную плату. В рекламных призывах у дороги этот момент был как-то затушеван, ненавязчиво упущен. А нам, ха-ха! и не надо, мы за рулем! Ну, за рулем-то мужья, а мы с Галиной позволили себе бутылочку красного вина. Набрав овощей-фруктов, закусок, сели за стол, дети вертели и бегали то рассматривать интерьер, то к камину, то в туалет еще раз помыть руки и побаловаться пахучим дезодорантом (пахло от них потом одуряюще крепко), то еще схватить бутылочку воды или сока. Никто из обслуги их не останавливал, не шикал, не призывал к порядку, кроме нас, а потом и мы перестали. Нам стали буквально наперебой предлагать подносы с различными мясными закусками: жареные небольшие сосисочки, мясные шарики в тесте, маленькие колбаски типа купатов “чураскос”, котлеточки, ветчину, буженину, знаменитый “хамон”, отжатые в уксусе жареные свиные уши, куриные сердечки и печень на палочках типа наших шашлыков, очень мягкие и нежные, еще какие-то вообще незнакомые блюда. Все это изобилие мы охотно пробовали, все было необыкновенно вкусно и, наконец, мы отвалились от стола, наевшись до обморочного состояния. И вот тут-то ресторан и подложил нам большую свинью. Собственно, это было не свинья, а огромный королевский жареный бок на вертеле – “барбекю”, который несли два

официанта. Третий держал поднос, чтобы на пол не капал ароматный жирный сок. И с какой стороны и какой кусочек хотят отведать сеньоры? Ведь знали же мы, знали, что в чураскариях такое входит в обслуживание, но как-то с дороги расслабились, разнежились. Ох-хо-хо! Напрасно, напрасно мы так навалились на заманчивую “энтраду”-закуску. Но нет, русские не отступают! Сеньоры пожелали себе по куску жаркого – необыкновенно пахучего, вкусного и тающего во рту мяса.

После такого обеда продолжать путь было невозможно: наши водители и без вина, а только от переедания заснули бы за рулем. Дело уже было хорошо за полдень. Смеркалось. Хорошее слово для повествования – «смеркалось». Им можно начать рассказ, многозначительно вставить в середине его и решительно закончить свой опус этим же удобным словом – «смеркалось»... Итак, мы посчитали, что уже вечерет, то бишь, смеркается, а в тропиках темнеет в одно мгновение, поэтому ехать далее было бессмысленно. Мы решили заночевать в этом гостеприимном и немного хитром мотеле. Мужчины сразу же воспользовались остановкой и приятно провели время за бутылочкой виски. На другой день с утраца, дети продолжали свой сон в машине, мы отправились к цели своего путешествия в Бразилиа.

Одной из постоянных тем всей прессы, радио и телевидения, кроме футбола, была тема строительства новой столицы для страны. Это обуславливалось необходимостью втянуть в

экономические и социальные обновления громадные мало-заселенные земли в центре страны. Для такой большой страны как Бразилия в процентном отношении ее северная часть была смехотворно мало заселена и практически не освоена. В сельве некоторые индейские племена жили почти первобытными общинами, а городов в современном понимании вообще не было. Вот и не только новая столица, но и Трансамазонская магистраль должны были оживить земли, родить новые поселения, дать рабочие места. Да и сам Рио-де-Жанейро уже не отвечал требованиям столичного города, чисто территориально не вмещал в себе разросшуюся чиновничью рать, различные административные здания, представительства, Посольства и соответствующую им службу. Чиновничество вообще во всех странах плодится как тараканы. Не успеют объявить об очередном, в целях экономии, для удобства населения, борьбы с коррупцией, с бюрократизмом сокращении канцелярских крыс, как их количество непостижимым образом увеличивается вдвое.

Старая же столица Рио, в сущности, небольшой город по сравнению с новой, постепенно превратилась в курортный, приманку для туристов, отчисляла весьма ощутимые деньги в бюджет от развлекательных программ, но в этих бурных несерьезных волнах веселья, любви и музыки деловым, солидным людям было неуютно. Конечно, как я уже сказала (это не я сказала, а решили в Правительстве Бразилии), причина была куда более серьезная – задействовать в соци-

ально-экономическом плане внутренние районы страны, так называемый сертан “sertao”, саванну.

Вот и мы из-за таких глобальных решений оказались на Амазонской магистрали, которая своими размерами и отличным покрытием может поспорить с лучшими европейскими автобанам. Редкие машины мчались по восьми полосам дороги с весьма ощутимой скоростью. Латиноамериканские водители вообще очень свободно обращаются с правилами дорожного движения, но того нервного и опасного ощущения, что возникает на наших шоссе, здесь не наблюдается. Во-первых, из-за доброжелательности водителей – за рулем они ощущают себя братством моторизованных кентавров -, умению выйти из неприятной ситуации, если не с достоинством, то с шуткой и юмором, решить проблему на месте, никогда не бросить пострадавшего в инциденте, у них происшествие на дороге так и называется “эксидент”. Во-вторых, и, по-моему, это самое главное: наличие большого открытого пространства, четко говоря широкой и ухоженной автотрассе, прочно построенной с большим запасом на будущее. Скорее всего, первое рождается из второго. Бразильский водитель обязательно притормозит, спросит какие проблемы, поинтересуется, не нужна ли помощь, если увидит стоящий на обочине автомобиль тем более с обязательным треугольником. Даже на переполненных дорогах Рио и в других городах, которые далеко не такие ухоженные и идеальные, как Трансамазония, водители обязательно

пропустят своего коллегу, если тот покажет, что хочет перестроиться в другой ряд в неположенном, например, месте. В таком случае не обязательно судорожно сигналить, нервно моргать фонарями заднего вида или орать что-либо про козла или чайник: достаточно высунуть руку из окна и показать жестом “притормози, мол” или постучать по крыше капота, показывая, что хочешь повернуть вправо или влево. Кстати, “козел” – “карнудо” тоже очень оскорбительный термин и в противоположной части света, а за показ кулака с оттопыренными пальцами, указательного и мизинца, знака воплощения этого самого “карнудо”, можно очень хорошо заработать по шее, а в Мексике схлопотать и пулю. Но чтобы ничего такого подобного не произошло, нужно только легко пошевелить пальцами – поворачиваю, мол, извини!

Приехав в Москву, мой, разбалованный добродушием иностранцев, муж тоже по заграничной, видите ли, привычке решил постучать и помахать рукой. Ему тут же очень четко и настойчиво разобъяснили, кто он такой, куда может постучать и куда деть свои руки. Отучили от заморских барских замашек очень быстро. «Будь как все!»

На автомобильных дорогах, при поезде из одного штата в другой нужно платить “педажио” – дорожный налог: шоссе перегорожено маленькими шлагбаумами для каждой полосы движения, проезжаешь в эти воротца на малой скорости и одновременно платишь денежку в кассу будочки. Денежка идет на содержание ремонт и, по мере необходимости, на

расширение дорог. У нас тоже сейчас, я слыхала, хотят ввести платные дороги, только ведь лучше они от этого, я уверена, не станут. “Педажио” пойдет на что угодно, только не на содержание автомагистрали в нужной кондиции, тем более дорожный налог автомобилисты исправно платят который десяток лет, а ямы и колдобины плюс одно-двухполосное движение как были, так и остались.

Когда мы катили по прекрасной, ровной и нескончаемой магистрали, то время от времени обгоняли бредущих по обочине людей, в основном, негритянского происхождения, угрюмых, с опущенными головами, сторбленных, иногда с детьми на закорках или сидящих на плечах. Люди несли свой нехитрый скарб в узелочках, в мешочках: узлы на голове, мешки за плечами. И сами они, и их пожитки были густо покрыты мелкой красной пылью и, скорее всего, напоминали краснокожих индейцев, их мы тоже встречали. Поверьте, зрелище жалкое и унылое. Вид этих людей напомнил мне фигурки, изделия из дерева «жакаранды», красное тяжелое дерево, настолько тяжелое, что тонет в воде. Такие фигурки продавались в сувенирных лавках и изображали людей с утрированно измененными пропорциями тела: искривленными ногами, расплющенной стопой, узловатыми руками, с лопатообразными ладонями, сторбленными и понурыми. Рассматривая подобные сувениры, я удивлялась болезненно-му воображению скульпторов. И вот тут, на автостраде Рио-Бразилия, я поняла, что не прихоть резчика заставляет его

создавать подобные образы. Это сама жизнь, та самая реальность, из которой художники черпают свое вдохновение. Люди, бредущие по обочине Амазонии, существуют в действительности. Они знали только такой тяжелый, изнурительный труд и стали выглядеть как сувенирные изделия из жакаранды – красного дерева.

Люди смотрелись настолько изнуренно, что, увидев сидящую на земле старую негритянку, мы решили проявить альтруизм и сдуру предложили подвезти ее. Реакция старой женщины была совершенно неожиданной: она отшатнулась от нас со злобными глазами и с искаженной от ненависти физиономией, стала выкрикивать ругательства, где превалирующими были «проклятые дерьмовые белые». Старуха была совсем древней или казалась ею, да еще ярость прибавила «красоты», но видок у нее был такой, что наша сказочная Баба-Яга и рядом не отдыхала. Чтобы не испугать детей, мы быстро рванули вперед. Оказалось, что наш «рассейский» альтруизм к угнетенной нации был не только неуместен, но и опасен. Это еще хорошо, что старая гримза была одна... Она видимо, решила, что мы хотели посмеяться над ней. Несмотря на всеобщее, казалось бы, радушие и доброжелательность, бразильцы отправляются даже не в далекий путь автомобилем ли или другим видом транспорта вооруженными, хотя бы револьвером. А тут почти на 1200 км по безлюдной местности и без оружия!

В мотеле, где мы остановились на ночевку, нам очень хо-

рошо объяснил эту ситуацию наш новый знакомый, оказалось, попутчик. Мотель был небольшой, но чистенький, как и все остальные, где нам приходилось останавливаться. Но здесь подушки оказались твердыми, как полена. Алена долго вспоминала «подушечки», их наполнителем была какая-то высушенная трава. У бразильцев не такие изголовья, как наши: у них подушки длинные, наполненные какой-то химической мягкой субстанцией. Голове на них очень удобно, она не проваливается в перья, шея не потеет, что очень важно при таком жарком климате. Но такие плотно набитые «бревна» мы встретили в первый раз. Спать было неудобно. Зато Алена запомнила то, что даже в далекой-предалекой глухомани, в центре сельвы, в таком непрезентабельном мотельчике места общего пользования благоухали розами. Конечно, это была обыкновенная отдушка-дезодорант, но, учитывая, что подобные дезодораторы в нашей стране развитого социализма только-только появились и пахли резко удушающе, как клопоморы, то удивление ребенка можно было понять. Кроме запаха роз в туалете, отельчик нас порадовал легким утренним завтраком, бесплатной картой дальнейшего пути и добросовестным сервисом для автомобиля: мойка, бензин, проверка масла, давление в шинах – конечно, все это входило в счет за оплату номера, но счет совсем не разорительный. Чаевые обслуживающему персоналу не взбранились.

Наш сосед, постоялец в гостинице, представился коммер-

сантом, тоже направляющимся в столицу. Для него мы были людьми совершенно с другой планеты. Все уже ранее слышанные вопросы мы услышали снова:

«Москва – это где-то возле Парижа?»

«А русские – это на Севере? В Сибири?»

«А на каком языке вы говорите?»

«Советский союз принимал участие во второй мировой войне?»

Вопросы варьировались, но смысл их был практически всегда одинаков: для местных жителей наша страна была не только экзотической, но и вообще где-то в потустороннем мире. Вопросы, которые нам казались смешными, задавались вполне серьезно. Так вот, этот коммерсант с большим интересом расспрашивал нас о Советском Союзе, что и как там: «Всегда ли у нас мороз (ведь Север же!)? Одеваются ли в Москве люди только в шубы? Правда ли, что дети и женщины обобществлены? Правда ли, что у студентов есть общежитие и им за учебу даже платят деньги?»

Кстати, в то время, во время учебы на мою стипендию я даже могла питаться в течение месяца, не роскошно, правда, но могла. И если бы я сама не слышала эти нелепые вопросы, я бы просто не поверила в подобное.

Немного удовлетворив свое любопытство, он предложил нас сопровождать до Бразилиа, особенно, когда узнал, что мы путешествуем без оружия. Впрочем, его навязчивое желание нас сопровождать было, возможно, небескорыстно.

Скорее всего наш новый «амиго» (друг) был из параллельной конторы своего нового друга, из службы контрнаблюдения. А может, наше воображение сыграло с нами в очередной раз приступ шпиномании, хотя от сопровождающего мы не отказались: пусть будет гидом да и сам заметен. В Бразилиа мы с ним любезно попрощались, подарив обязательную матрешку, мужчины похлопали друг друга по спине и по почкам: «Чао!» Таким образом, хлопанием где-то в районе поясницы, встречаются и расстаются латиноамериканские мужчины. А женщины, не дотрагиваясь, прикладывают щека к щеке, изображают звук поцелуя губами – так называемый «протокольный поцелуй – и начинают, не слушая друг дружку, тараторить: «Прекрасно выглядишь! Как дела? Как семья, дети?»... и так далее... Таким образом, приветствуют друг друга в настоящее время и наши дамы, особенно стараются те, кто хочет казаться современной и модной, а также, чтобы не смазать обильный слой косметики.

Задают параллельно одинаковые вопросы и так же одинаково на них отвечают, совершенно не прислушиваясь к друг другу: «Ты тоже великолепа! Хорошо! Прекрасно! Замечательно! Отлично!»... На вопрос «Как дела?» никто никогда не начинает рассказывать конкретно, как у него дела, что нередко случается у нас, а тем более жаловаться на что-то. Это считается «моветон». Все о-кей, все чудесно, только вот жена в больнице, а матушка так совсем померла, а так все хорошо, прекрасная маркиза!

Но этот метод общения распространен только у иностранцев, аккредитованных в стране. Истинный же бразилец на подобный вопрос может начать подробно рассказывать о болезни любимой тещи, о предстоящем пополнении семейства и соответственно о состоянии своего драгоценного здоровья, о явной подтасовке в лото «Бинго», а уж футбольную тему затронет обязательно. Как же не упомянуть о выигрыше (или проигрыше – все судьейские происки, дружище!) любимой команды!

Последние километры – автострада ровная, прямая как стрела, пологие спуски и такие же незаметные подъемы. На таких отрезках Алена и Люка все время просили папу повысить скорость и, хоть он ворчал, что он не Эмерсон Фитипальди (знаменитый в то время бразильский гонщик), все же значительно прибавлял газку, благо и автомобиль, и трасса, и почти полное отсутствие транспорта позволяли ему это делать. В момент, когда машина на спусках «шла на взлет», девчонки визжали от восторга, а папа довольно улыбался.

Нужно заметить, что я уж слишком обобщила великолепие дорог в стране. Далекое не все автотрассы в таком идеальном состоянии, как новая Амазонская магистраль, особенно в городах. Большинство грузов в Бразилии перевозятся огромными трейлерами. Вот они-то и разбивают автострады. Там тоже встречаются и колдобины, и выбоины, и трещины. Хотя, конечно, дороги гораздо более ухоженные, чем наши шоссе, уже хотя бы потому, что власти все-таки стараются

держат их в поле зрения и ставят заплатки совсем как у нас грешных. Также вызывает уважение, что трасса оснащена частыми заправками, кафе, мотелями, где усталый дальнобойщик может перекусить, помыться, час-другой вздремнуть. Очень забавно смотрится завешанное амулетами, оберегами, фотографиями семьи и фото любимых футболистов, занавесочками с помпончиками лобовое стекло кабины грузовика дальнего следования. Такое впечатление, что дорогу сквозь него просмотреть очень трудно...

Сам грузовик украшен рисунками, надписями, цветами. Особенно впечатляют разнообразные надписи на задних бортах автомобиля, философско-шутливые, вариации на тему «Не уверен – не обгоняй!» Жизнерадостный и остроумный бразильский водитель обязательно разнообразит эту мысль: «Хорошо ездит не тот, кто ездит быстро, а тот, кто ездит долго!»; «Быстро едешь – медленно понесут!»; «Лучше потерять один миг в жизни, чем жизнь в один миг!»; «На газ давит дьявол, на тормоз – ангел-хранитель!»; «Лучше идти ногами, чем ногами вперед!»... Справедливо и верно! Прочитаешь надпись на медленно, как тебе кажется, ползущем своем автомобиле, улыбнешься, встряхнешься немного, подумаешь и притормозишь. Глядишь – желание «догнать и обогнать» исчезло.

До Бразилиа оставалось около сотни километров, мы подъехали к пригороду столицы, поселку Кристаллина, знаменитому россыпями и добычей драгоценных и полудрагоценных

ценных камней, горного хрусталя. Конечно же, мы остановились посмотреть магазинчики, буквально ломящиеся от изобилия всякого рода камушков. Но нас тут же предупредил наш новый друг-коммерсант, что иностранцев здесь часто «обувают» ушлые ювелиры. Во-первых, всех иностранцев они считают миллионерами, полными профанами и лохами, ни черта не понимающими в драгоценных камнях и их, богачей, грех «не нагреть». Во-вторых, даже если они купят ненастоящие камушки и потом поймут это, то все равно возвращаться в Кристалину, скорее всего, не станут или не смогут. А если вдруг такая невероятная случайность произойдет, то хозяйева магазина любезно, россыпью, извинятся, уверят, что произошла ошибка, свалят на неопытного продавца, тут же грозно пообещают его уволить и вручат замену, иногда даже что-нибудь более дорогое, а скорее всего такой же камешек, но более интенсивного цвета.

Мы, собственно, и не собирались покупать что-либо из драгоценных камней, т.к. у меня уже прошел первый «пых» на украшения и все, что мне хотелось, так это посмотреть на известный город. Однако не удержалась и приобрела очень оригинальное ожерелье: треугольник из подвесок топазовой друзы, каплевидные, не обработанные, а только отшлифованные камушки медового цвета. Мы потом и до сих пор так и называем их – «медовушки».

А на обратном пути, когда мы, притормозив, ничего не купили у мальчишек, снующих вдоль дороги, продавцов раз-

ной мелочевки типа брелоков для ключей из прозрачного хрусталя, то оскорбленные «добрые» бразильские мальчишки, пользуясь кратковременной остановкой, прокололи-полоснули шину противным жадным «гринго». Повторяю, всех белых иностранцев они считали богатыми, но высокомерными скрягами, а раз не купил, не поддержал коммерцию, так на тебе, фашист, гранату! Пропоротую ножом шину мы заметили, отъехав несколько километров от Кристалинас, и хорошо, что скорость была невелика. Остановились менять колесо и сейчас же мчащиеся по автостраде машины стали притормаживать и спрашивать, не нужна ли помощь.

Но все же о Бразилиа... Наконец-то, приехали в столицу... Все «прекрасно, замечательно, отлично и «белиссимо!» Поселились в гостевом комплексе нашего нового Посольства.

Конечно же, мы много читали об истории создания новой столицы и знали о том, как она строилась. Бразилиа начала строиться с нуля, и создатели нового города задумали противопоставить его остальным старым столицам: необозримое пространство (благо его было предостаточно), ширь площадей, улиц, проспектов, авангардистские здания – словом, воплощенный прогресс!

Генеральный план столицы был составлен знаменитым архитектором Лусио Коста по идеям француза Лу Корбюзье и передан молодому тогда Оскару (или Ошкаеру, как любовно называют его бразильцы) Нимейеру, другу президента и по-

что тоже «коммунисто». Даже президент Жуселину Кубичек подозревался тогда в прокоммунистических взглядах. Видимо, каждого прогрессивного, трезвомыслящего и радикального настроенного человека принято было называть коммунистом.

Оскар Нимейер был учеником знаменитого Корбюзье, который строил в конце 1930-х годов в Рио министерство здравоохранения и просвещения. Ученик превзошел учителя: проект штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке поручали Корбюзье, но предпочли Нимейера. Под его руководством это здание построили в 1952 г. и Ошкаера узнали во всём мире. Непосредственно под руководством Нимейера проектировались и строились здания не только в Бразилии, но и в Гане, Венесуэле, Ливане, Франции, Италии, Алжире, Израиле...

В 1956 г. его, хотя у него и были политические трения с властями, все-таки назначили главным архитектором новой столицы Бразил – Бразилиа. Знаменитый архитектор сам подбирал себе команду талантливых соратников.

Им был предоставлен «карт бланш»: бескрайняя территория и полет фантазии молодых умов. Когда у них потом спросили: «Как выглядело место до Бразилиа?» Они ответили: «Никак. Ужасно. Пустыня. Ни дорог. Ничего». Нимейер был одним из первых, кто в строительстве стал использовать железобетонные конструкции.

Это был и архитектурный эксперимент, и инженерный, и социальный. Луисио Коста определил генеральный план го-

рода похожего на птицу, раскинувшую крылья. Воплощение задумок Оскара Нимейра – комплекс правительственных учреждений и министерств, центральная площадь Трех Властей, Кафедральный собор, жилые дома. Президентский Дворец, Национальный Конгресс и Верховный Суд проектировал сам Оскар Нимейер. Недалеко находится Министерство Иностранных Дел. Эти сооружения охраняются ЮНЕСКО.

Создавая проект с нуля, архитекторы продумали все до мелочей: инфраструктура: в каждом квартале парикмахерская, булочная, аптека и т.д. – невероятно удобные широкие и изящные автострады с самыми функциональными дорожными развязками, создание максимальных удобств для работы и жилья, ориентировка зданий по отношению к солнцу. Не нужно забывать, что это почти экватор, в домах нужна прохлада, поэтому 1-х этажей, как правило, нет. Дома стоят на колоннах-подпорках и, следовательно, за счет такой конструкции создается свободная циркуляция воздуха уже в кварталах и квартирах. Окна во всю стену – не только дизайнерская находка – это море воздуха и света (опять же ориентация не на солнце, старались создать максимум теневого, рассеянного освещения) – визуальное расширение площади квартир, которые и так далеко не маленькие. Везде превалирует воздух, свет, пространство.

Город, если смотреть сверху или просто на его карту, что мы и сделали, действительно напоминает для кого – птицу,

для кого крест, для кого – самолет. Мы решили, что пусть будет самолет: «нос» (площадь Трех Властей: Парламент, Дворец Правосудия, Госдепартамент), «фюзеляж» (здания культуры, спортивные и СМИ), «крылья» (районы особняков и типовые индивидуальные дома). Посольства и Представительства – это отдельный район, а резиденция Президента «Дворец Зари» (Palasio da Alvorado – Дворец Альворадо) стоит совсем особняком и далеко от города.

Линии зданий, непривычные глазу, необычайно изысканы и разнообразны: стреловидные колонны, купола, пирамиды, чашеобразные объемы. Манера архитектора – обилие плавных кривых.

В Центральном Парке города нас поразили огромный бассейн с проточной минеральной водой. Поплавать и поплескаться там можно было всем и бесплатно. По сравнению с бассейнами закрытых клубов Рио, вода там была холодная, но не настолько, чтобы испугать местных жителей и, тем более, закаленных русских.

Огромное пространство гольф-клуба по занимаемой площади равно почти половине города, т.е. не занимает половину города, а именно равно по площади. Довольно роскошно для градостроителей и членов этого элитарного клуба и, наверное, накладно для бюджета самого города, даже для такого мегаполиса как Бразилиа. Но если учесть, что для строительства предоставили необозримые дали, то, видимо, в таких громадных открытых пространствах заложено золотое

зерно городов будущего. По сравнению с транжирой-расточителем площадей Бразилиа, все города просто скопидомы. О старых европейских столицах по этому случаю можно даже и не упоминать.

Однако не стану кривить душой: все эти ну, очень! интересные современные сооружения, поражающие своей монументальностью, доходящей до абсурда, геометрический рисунок дорог и его восьмерки-развязки, бескрайние просторы меня несколько подавляли, как органная музыка в Домском соборе. Приехав из экзотического и уютного Рио, мне, как человеку, привыкшему к скученности городов, застроенному любому клочку земли, новая столица Бразилии сначала показалась просто неудобной для жилья.

Слишком поражал масштаб: огромные площади, суперширокие проспекты, невиданные развязки магистралей – все эти, по понятиям жителя-урбаниста («не беспокойтесь, сейчас это лечится», как сказала одна актриса), излишества рассчитаны не на обыкновенного жителя, а только на личный транспорт, на человека-автомобиль. Здесь практически даже нет тротуаров, к чему привыкли неторопливые «паулиштош», «кариокаш» и выходцы из других городов, приехавшие строить новую столицу для своей страны. Некоторые критикуют новый город, говорят, что он скучноват, нет бурного круговорота жизни, как в Рио, или целеустремленного темпа, как в Сан-Пауло, Белене или Сан-Сальвадоре...

Люди не привыкли к отсутствию тротуаров, по которым

можно вечером пошататься с приятелями, попить пивка, переброситься понимающими взглядами с кариокой, очароваться какой-нибудь пухленькой мулаточкой.

Особенно трудно привыкали к новому городу уроженцы Рио, они тосковали по океану, пляжам, знаменитой и любимой Копакабана. Но все они и сторонники, их гораздо больше, и противники, отмечают чистый воздух, умеренный климат, пока относительные порядок и чистоту на улицах и, как результат этого, тишину и покой. Не досаждают даже шум проезжающих машин и визг тормозов, т.к. магистрали отстоят от зданий на значительном расстоянии. И энтузиасты, и критики гордятся новым, необыкновенным городом. Подобного нет ни в одной стране. Что старые города? Их можно достроить, перестроить, реконструировать, поднять вверх иногда вопреки общему ансамблю, а тут – все новое, современное, все с иголочки, почти фантасмагорическое и, главное, свое, наше, бразильское! Жители, они же строители, новой столицы становятся ее патриотами и уже никуда не собираются отсюда уезжать.

Первые переселенцы получили работу и, главное, жилье. Так называемые «Фундасьон да Каза Популар» – дома без оплаты, выстроены в первую очередь для рабочих. Так привлекались рабочие силы для строительства столицы. Массы безработных двинулись в центр сертана и не пожалели об этом, государство их не обмануло. Это были типовые многоэтажки, не слишком высокие и не слишком просторные,

с лоджиями, с затененными балконами, издали напоминающие соты. Не комфортабельные коттеджи, конечно, но вполне современные здания, пусть и удаленные от центра, но с водой, электроэнергией и прочими благами цивилизации. Не фавелы или шалашы, а настоящие квартиры, гораздо благоустроеннее и веселее, чем наши типовые «хрущобы». Многим тысячам бразильцев строительство Амазонской магистрали и самой столицы дало работу и жилье, а вдоль самой магистрали стихийно, и их поддерживает правительство, проводя туда все коммуникации, возникают новые поселки и городки-спутники, так что задача освоения сертана, считай, выполнена.

Однако, оплата коммунальных услуг «бесплатного жилья», начала расти с небывалой быстротой. Что же в этом удивительного? Даже эта небывалая быстрота цен никогда не сравнится с нашими беспрецедентным и необъяснимым взлетом оплат по ЖКХ.

Что касается новых поселков и городков, то не так-то все просто... В этом суперсовременном городе некоторые законные создатели Бразилиа из-за обыкновенных житейских неурядиц – болезнь, рождение еще одного ребенка, перемена работы – вынуждены покидать столь желанные квартиры и переселяться во вновь создаваемые фавелы. Да, да, новейший город -самолет с навороченными суперширокими автострадами и зданиями небывалой авангардистской конструкции полегоньку обрастает самыми заурядными фавелами...

Интересно, куда будут переселяться наши квартиросъемщики, не сумевшие поспеть за, все время растущей, квартплатой? Придется перенимать опыт фавелистов? Нет, их опыт нам не подойдет, климат у нас не тот, совсем не тропический.

Побывали мы в Бразилиа два раза, в 1972 и 1974 гг. Город начинал строиться в 1956 г., но за двадцать лет работа общественного транспорта так и не была налажена, хотя такси и личных автомобилей там очень, очень, очень много. В негустом потоке машин автобусы вообще были мало заметны. Такое впечатление складывалось из-за огромных автострад с широкополосным движением в одну сторону и хитроумных дорожных развязок без светофоров, позволяющим транспорту двигаться почти непрерывно. Болезнь автомобильных дорог под названием «пробки» здесь не наблюдается

«А как же бедные рабочие, не имеющие автомобилей! Как же они добираются к месту работы?», – тут же возникал у нас ехидный вопрос-забота об угнетаемых пролетариях.

А очень даже просто: все было организовано и устроено по тем же грандиозным планам, что и сам город: бедных рабочих, угнетаемых пролетариев, бесплатно доставляли к месту работы специальные автобусы с определенной вилкой во времени. Таким же образом развозили и школьников, а домохозяйки уже могли подъехать либо с первыми, либо со вторыми. Вот автобусы и не были заметны в потоках другого

транспорта.

Осмотрели мы новую столицу довольно тщательно и только потому, что были на колесах – ходить пешком да ещё с детьми было бы проблематично. Сделали интересные слайды, они являлись тогда пиком фотографического искусства. И все никак не могли по достоинству оценить пространство и совершенно новые проекции зданий, напоминающие стоп кадры фантастических фильмов. Главная площадь на носу «пилото» – площадь Трех Властей. Там как раз и расположены здания, где находятся эти самые власти: Дворец президента – законодательная власть, Верховный суд – известно какая, здание Национального Конгресса – высшая исполнительная власть. В функциях властей я постоянно путаюсь. Власти они и в Африке власти. Здание Национального Конгресса задумано и выполнено, конечно, очень интересно: два высоких и достаточно узких здания, этакие длинные параллелепипеды, под ними платформа с двумя полусферами – одно полушарие Федеральный совет, чаша вниз, закрытая: другая – чаша вверх, открытая, Палата депутатов. Как нам объяснили, закрытая и открытая полусфера символизируют прогресс и ретроградство. Кто из них более прогрессивный или ретроград я так и не поняла, видимо все-таки те, что заседают в открытой чашке. Полицейские, редко стоявшие по периметру «властей», выглядели по сравнению с этими зданиями, как маленькие оловянные солдатики. Как они выдерживали жару в своих темных узких, на вид каких-то сукон-

ных одеяниях, высоких сапогах, касках? Представить невозможно! Дворец Правосудия «Планальто» смотрится очень красиво вечером в голубоватой подсветке. Плоскую крышу здания поддерживают неправильные вытянутые треугольники.

Запоминается необыкновенная архитектурная выдумка сооружения Кафедрального собора Санта Мария Апаресида (Богоматери Обретенной), небесной покровительницы страны, спроектированного тоже Нимейером в 1958 г. Закончили его строительство в 1970, и первая служба произошла в этом же году. Сам собор, его большая часть, находится под землей, углублена на 3 метра. Наземная же часть, в круговом плане около 80 м, поднята вверх в виде короны и увенчана тонким высоким крестом. Ввысь устремляются 16 криволинейных бетонных колонн, они символизируют языки пламени. Внешний вид Собора, как нам объяснили, олицетворяет терновый венец Спасителя. Общий монументальный образ, как и все сооружения в Бразилиа, мне напомнил поставленную на землю большую корону инков, а еще проще – перевернутую вверх дном ажурную цветочную корзину. Все эти нелепые ассоциации ничуть не умаляют оригинального архитектурного решения этого сооружения.

Изогнутые колонны Собора как бы неназойливо, в отличие от четко вытянутых строгих готических линий, приподнимают его вверх. Пространство между ними заполнено затемненным стеклом, которое защищает помещение от

тропического солнца. Крыша застеклена по кругу витражом на евангелистскую тематику. У входа стоят четыре величественные статуи святых. В соборе прохладно, рассеянный свет, тихо, до звона в ушах, что не удивительно, он же на три четверти под землей. Поражает потрясающая акустика – когда он пуст, можно шепотом переговариваться из его диаметрально противоположных точек. Часть огромного пространства заполнена, как во всех католических церквях, темными отполированными деревянными скамьями для прихожан. Над ними с потолка на мощных цепях свисают, как бы парящие в воздухе, ангелы и архангелы из мрамора, а может и из гранита. Свисают и «парят» они в наклонном положении, примерно, под 45 градусов. И Слава Богу! Если бы свисали в вертикальном положении, то напоминали бы висельников. Впечатляющие, конечно, были эти плавающие в воздухе святые, но я бы поостереглась находиться под медленно покачивающимися – а они почему-то покачиваются – тяжелыми фигурами. А вдруг Господь решит, что ты ба-а-а-льшой грешник, а вдруг архангел кэ-э-эк слетит с потолка да кэ-э-эк шандарахнет тебя по башке! Кстати, я задалась вопросом, почему же каменные изваяния все-таки чуть двигаются? И решила, что из-за разности температур: под землей она прохладная, а снаружи зной – вот и создается движение воздуха.

Но все же я боюсь массивных предметов, да и немассивных тоже, на потолке. Как правило, стараюсь никогда не находиться под роскошными хрустальными люстрами, в театре

чувствую себя очень некомфортно, если места оказались под светильником, тяжелыми лепными сооружениями, разными там потолочными балками, а тут вообще висит громадина над тобой и плавает себе в притемненном пространстве, легко колышется, создавая причудливое впечатление, что она ни на какой там ни на цепи, а совершенно чудодейственным образом витает в воздухе!

Кафедральный собор, никто не спорит, поразит воображение каждого, но вот молиться в нем мне было бы как-то неуютно, я там не чувствовала бы себя ближе к Высшему Разуму. Поневоле вспомнишь наши маленькие церквушки в глубинке: такие ладные, душевные, кругленькие, где нет ни помпезности, ни авангардистко-модерновых задумок знаменитых архитекторов, ни той показной роскоши, позолоты, которыми грешат городские большие соборы. Вот там можно постоять, поразмышлять о своих грехах, о вечности, о бренности, наконец, проникнуться духом божественной отрешенности и подумать: «А вдруг..., а вдруг...?!»

Очень величественен и огромен памятник Первопроходцам Бандейрантес, завоевателям внутренних территорий Бразилии. Сами первопроходцы тоже были разные: первые из них под христианскими знаменами отправлялись в карательные экспедиции вдоль побережья или вглубь территории и обращали в рабство тех индейцев, которые еще не были истреблены, как лишние люди. В бразильской истории имеются и другие, не такие кровавые варианты, по от-

ношению к местным жителям, а почти прямо противоположные – именно местные жители с удовольствием ужинали первопроходцами, но сами понимаете, история... самая противоречивая наука. Под другими Бандейрантес, которым и воздвигнут монумент в столице, подразумевались вроде бы только первопроходцы-строители города. Этот запоминающийся памятник, как и все в Бразилиа, монументальный, высотой 6 м, выполнен тоже в авангардистском варианте – вытянутые, непропорционально-уплощенные и условные фигуры: маленькие головки на удлинённых шеях, переплетённые линии, какие-то копыта или вилы в руках – космические пришельцы да и только! Поневоле задумаешься, а тем ли героям он воздвигнут? Тем ли первопроходцам?! Нас уверяли, что да-да, не сомневайтесь, именно этим-этим, настоящим современным строителям необыкновенного футуристического города он посвящен, а о жестоких завоевателях прошлого и тем более каннибалах никто и слыхом не слыхивал! Что вы! Что вы! А сам Оскар Нимейер говорил, что только этим двум бронзовым строителям нашлось место в центре Бразилиа, остальные постепенно отселяются все дальше и дальше за ее пределы.

Повидали мы и черную башню-куб Центрального банка. Я было, по первому впечатлению, подумала-решила, что это тюрьма. Уж слишком устрашающе мрачная башня смотрелась на фоне ярко-голубого небесного свода. Ан, нет, банк! Впрочем, деньги ведь тоже нужно прятать, стеречь и охранять.

нять, так что особой разницы между тюрьмой и денежным хранилищем не наблюдается: толстые стены, крепкие запоры, профессиональные охранники.

Здание же Национального театра странным образом напоминает египетскую пирамиду.... Ездили, смотрели, делали много новых фотографий-слайдов, уставали, но на другой день все опять повторялось сначала. После осмотра города и при всем восхищении от него мы сделали для себя вывод, что нам по нраву все же обжитой, блистательный Рио с Атлантикой, с пляжами и хорошо, что нас не перевели в этот суперсовременный, огромный мегаполис будущего, где все пешеходы кажутся лилипутами. Недаром чиновники так неохотно сюда перекочевывали. Однако положение обязывает, и служащие зарабатывают здесь гораздо больше, чем в Рио, имеют муниципальное жилье и скидки на его оплату. Чем не приманка?

Сам президент Джуселино Кубичек практически сразу в 1958-60 гг. переселился в новую столицу и жил первое время в деревянном доме, пока не построили Президентский Дворец, одно из первых зданий столицы. Он окружен довольно широким рвом с водой, на дне которого поблескивают монетки, накиданные вездесущими туристами. Тоже видно хотят вернуться к президенту или, на худой конец, самому стать президентом! Вокруг Дворца стоят монументального роста охрана – неподвижные «люди в черном» с высоко вздернутыми ремнями касок подбородками.

Один из недостатков нового города в то время, т.е. сорок лет назад, мало зелени. Очень-очень мало по сравнению с другими, старыми городами, несмотря на то, что сюда завозили сразу взрослые деревья, кустарники, готовые раскаты-вающиеся газоны. Все потому, что вокруг сертан-степь, мало влаги, хотя специально сооружено большое искусственное озеро Параноа, благодаря плотине из двух местных рек. Надеюсь, что сейчас этот прекрасный город так же утопает в буйной зелени, как все города в тропиках. Т.е., что это я надеюсь? Судя по телесюжетам, так и есть. Город, простите за банальность, просто утопает в зелени,

Почва имеет красноватый цвет из-за большого содержания в ней железа. И пыль, пыль, пыль, вездесущая пыль, мелкая как пудра, дисперсный красный порошок. Она тональным кремом оседает на лицах, создавая видимость красноватого матового загара, который через некоторое время может разукрасить ваше лицо грязными потеками. Пыль непонятным образом просачивается в автомобили, сквозь закрытые окна, ложится тонким невесомым слоем на мебель, одежду, сами стены, пачкает белье. Воздух же, хоть и сухой до начала сезона дождей (ноябрь-март), но чистый, т.к. здесь нет ни заводов, ни фабрик – бича всех крупных городов. Но в остальной сезон красная земля источает сухой жар и колеблющиеся марево в воздухе, создающее вдали миражи моря. Еще одно, но существенное неудобство для такого большого города – в столице недоставало электричества и, как резуль-

тат, воды. А ведь строили ее уже почти 16 лет... Официальное открытие столицы произошло 21 апреля 1960 г.

Нас тоже донимала красная пыль в нашей гостевой квартире при Посольстве СССР. Мы поселились в двухкомнатной квартирке по приезду из Рио и оттуда делали вылазки в город на предмет его ознакомления-осмотра.

Посмотрели, конечно, и наше новое Торгпредство, навестили друзей, переехавших из Рио в Бразилиа. Здание купили у какого-то богача, двухэтажное, большое, расположенное за городом. Огромный плодоносящий сад (манго, авокадо, апельсины), бассейн, сауна. Расположение такое же, как и в Рио: внизу офис, вверху жилье для работников. В смысле удобств гораздо лучше, чем в Рио, но все жаловались на скуку, особенно женщины: здесь уж не пробежишься для поднятия настроения по магазинчикам и бутикам, не пойдешь потихоньку с подружкой в киношку или в кафе. До города нужен все-таки свой транспорт. Бразилиа строилась именно с таким расчетом. На автобусах тряслись только те, у кого не имелось автомобиля. А так как у наших торгпредских работников таковых не имелось, то и приходилось томиться под сенью великолепного сада. Впрочем, людей было мало, и почти все желающие работать женщины, работали в бухгалтерии ли, машинисткой ли в приемной. Работали и уборщицами. Тем самым спасались от скуки и денежку лишнюю имели. Кинозал был свой, но советские фильмы привозили мало и нерегулярно, так что иногда смотрели одну и ту же карти-

ну по несколько раз и выучивали диалоги наизусть. Например, «Джентльмены удачи» можно было смотреть без звука, а смеяться в нужных местах. Так однажды и было. До иностранных фильмов не снисходили. По телевизору смотрели те же самые бразильские сериалы, как и в Рио-де-Жанейро, и получали уже тогда удовольствие от сериалов «Рабыня Изаура», «Донья Флор и ее два мужа», а также от ужастиков Хичкока.

В столице (столица же!) я решила перед приемом не сама причесать волосы, как обычно делала, т.е. «греческим шлемом». Нет, пойду белой женщиной, сеньорой, к специалисту-визажисту в парикмахерскую. Чего уж там! Одна живём! В принципе, из-за такого простого и привычного для меня дела, как прическа, я отправилась к парикмахеру практически первый раз в жизни. Ну, уж думаю, буду красавица-раскрасавица и на приеме блесну, уложу всех наповал своей несравненной прической! И что же из моей горделивой задумки получилось? Да ничего хорошего... Как говаривала моя мама: «Высоко взлетела да низко села!» Вырвалась я от этих столичных специалистов лахудра-лахудрой: мою тогдашнюю копну они еще начесали, взбили жутким образом и обильно залили лаком.

В процессе изготовления модной прически я пыталась лепетать, что начес совсем не обязателен, нужно просто вымыть и уложить волосы вот, так и так, но все затараторили, что весь мир носит «баббету» (огромный начес волос) и, что

все будет очень хорошо и замечательно! Сбежались мастера, стали восхищаться красотой сеньоры, цветом волос, их количеством и качеством. . . Подняться и уйти – значит нанести горькую обиду заграничным мастерам-комплиментщикам? Вроде бы и неделикатно! Результат ненужной деликатности был таков: когда я выкарабкалась из рук этих горе-визажистов, моя голова напоминала огромный равномерно распределенный по всему черепу котел с непременным крутым и четким завитком над правой бровью. Вот против него я ничего не имела, пушистая завитушка сама всегда выбивалась из прически и даже придавала ей некоторый легкомысленный шарм, но ведь не такая карменистая, залаченная и просто таки приклеенная ко лбу!

Домашние уставились на меня с удивлением, ничего не понимая: что-то в их маме изменилось и явно не в лучшую сторону. Супруг мало разбирался в «баббетах», хотя тоже подозрительно уставился на вавилонскую башню на моей голове. Потом непосредственные дети с недоумением спросили: «Ма, что с тобой? Ты где была?» Пришлось признаться, что со мной, где я была, что я, простите, сделала это, срочно бежать отмывать и расчесывать безобразия на голове. Благо, что время до приема еще имелось.

Посольство наше было просторное, светлое, с хорошей мебелью, картинами, много цветов, прекрасные витражи. Зеленый внутренний дворик с беседками и фонтаном. Честно говоря, за давностью времени детали несколько стерлись,

но общее впечатление простора, уюта и некоторой роскоши осталось. По крайней мере, посольство в новой столице выигрывало у скромненького и тесного посольства в Рио.

Кем я всегда восхищалась, так это нашим послом и его супругой: Михайловы Сергей Сергеевич и Валентина Мартыновна. Никогда я больше не встречала руководителей более подходящих этому рангу. И он, и она – карьерные дипломаты старой школы, тогда им было где-то за шестьдесят. Люди не только умные, но глубоко интеллигентные, я бы даже сказала аристократичные. Их поведение, речь, манера себя вести была непринужденной, простой и в то же время полной достоинства. Разговаривали со всеми, будь то коллега, иностранец или уборщица посольства, одинаково уважительно и спокойно-радушно. Никакой суеты и полное чувство самоуважения. Сам посол имел, кроме специального образования в МГИМО, еще юридическое и экономическое. Часто мы встречали в специальных журналах, экономических или политических, его статьи и подборки, подписанные Мишин, псевдонимом нашего посла. Например, «Процесс концентрации капитала в Бразилии», очень ценимая нашими экономистами. Знал в совершенстве несколько языков, в том числе и португальский, естественно, однако, как истинный дипломат всегда на переговоры по протоколу приглашал с собой переводчика. Это одна из умных и хитрых проделок дипломатов – в процессе перевода можно обдумать ответ. В общении был очень прост, если только словом «прост» можно передать спокой-

ствие и аристократичность. При этом он держал дистанцию незаметную для собеседника и не унижающую его.

Если Сергей Сергеевич выступал с лекциями перед аудиторией представительств в Рио, то на его лекции-беседы приходили все-все, потому что он всегда говорил по теме интересно, образно, ёмко, со знанием дела. Попутно, нашим скороспелым дипломатам можно было поучиться у него, как нужно держаться, одеваться и даже пользоваться носовым платком. Посол спокойно доставал белоснежный выглаженный платок из кармана, мог промокнуть лоб, протереть очки и, не сворачивая платочек конвертиком или рулетиком, как это часто я наблюдала у некоторых наших мужчин, уже в свободно-смятом состоянии опускал его опять в карман. Костюмы сидели на нем великолепно, и он умел их носить. Были они неброские, но сшитые на заказ или приобретенные в дорогом магазине. Галстуки подобраны безукоризненно. Да что там говорить – это был настоящий дипломат высокого класса. Супер-класс!

Его супруга Валентина Мартыновна могла быть образцом и примером для посольских дам, как в поведении, так и в умении одеваться: всегда утонченно элегантная, неважно в каком костюме она была, в повседневном платье или в вечернем туалете. При ее, прямо сказать, неброской внешности присутствовал шарм или, как говорят знатоки, порода.

Высокая, всегда спокойная и доброжелательная, она была не то что красавица, а видная, заметная дама. Всегда подтя-

нутая, держала спину, с легкой походкой, макияж практически, как будто отсутствовал, но на самом деле наложен настолько мягко и искусно, что был не заметен. А это умение дорогого стоит, особенно в зрелом возрасте. В 70-е годы в макияже отдавалось предпочтение насыщенным тонам – боевая раскраска: густой тон на кожу, четко выведенные стрелки у глаз, тени на веках тоже яркие, заметно розовые или даже оранжевого цвета румяна. Мы, женщины, иногда злоупотребляли тональным кремом, накладывали его излишне щедро, а во влажном жарком климате часа через два-три эта собака, тон, имел обыкновение створаживаться, проникать в едва наметившиеся морщинки, и они становились глубокими и заметными. Даже совсем молодые мордашки приобретали грубый, вульгарный вид, делая женщину гораздо старше ее возраста. Конечно, как всегда, косметика дорогих фирм, тогда на рынке самым престижным являлась «Макс Фактор», была более щадящей. Женщины на себя средств не жалели, особенно когда в перспективе был большой прием или важная встреча. Каждая хотела подчеркнуть свои достоинства и скрыть недостатки. Вот поэтому-то я решила посетить наконец-таки парикмахерскую и соорудить себе настоящую прическу, сделанную профессионалами. Что из этого получилось, уже известно. А с нарядом проблем не было. Еще ни один человек в Бразилиа не видел моего замечательного «малахитового» платья с разрезом до середины бедра и в тон такой же «малахитовой» сумочки на длинной серебря-

ной цепочке! Как только в модных журналах появились первые намеки на макси-платья, я тут же купила новинку в дорогом бутике в Рио, ухлопав всю свою месячную зарплату. А что? Имею право! По крайней мере, еще в Рио на представительском приеме новинка имела успех, и даже удостоилась похвалы Валентины Мартыновны, что для меня было вдвойне приятно.

По-португальски *embahador* – посол, *embahadora* – супруга посла, а у нас как назвать? Послиха? Послица? И то, и другое как-то неблагозвучно. От нашей несравненной «*embahador*»(ы) Валентины Мартыновны я усвоила правило накладывать грим при ярком освещении, солнечном или электрическом и, предпочтительно с увеличивающим зеркалом. Макияж становится натуральным. Это от нее я однажды услышала гениальную фразу: «Некрасивых женщин нет – есть женщины ленивые». Точно: что не дал Бог, можно приобрести в аптеках, парфюмерных магазинах, косметических салонах. А сейчас пластическая хирургия так далеко продвинулась, что ее можно считать разновидностью концептуального искусства и вообще перекроить себе физиономию.

Супруга посла, женщина 60-ти или даже более лет, смотрелась очень молодожаво и имела тонкий природный вкус. Ее костюмы, повторяю, были элегантны и изысканны без вычурности. Она всегда начинала свой день с гимнастики, басейна, занималась йогой, питалась по одной ей известной ди-

ете. В свои годы смотрелась, скорее лет на 10-15 моложе. Конечно, можно сказать, что, имея горничную, повара, садовника, личного врача, будучи за рубежом, даже во время войны в Швейцарии, не имея по сути никаких материальных проблем, странно выглядеть плохо. Не скажите! Надо действительно не быть ленивой и иметь сильную волю. Например, при себе всегда находится второе по рангу лицо советник-посланник. Так вот, супруга этого лица была вполностью младше, но не выглядела лучше, чем Валентина Мартыновна. Молодость самоуверенно решает, что сама по себе хороша и позволяет быть иногда распустихой, не иметь свежего маникюра, надеть к платью неподходящую обувь, взять не ту сумочку или переусердствовать с украшениями... Несравненная Коко Шанель произнесла гениальную фразу: «Последнее украшение нужно снять!»

В таких узких кругах, как дипломатические представители и их семьи, подобные вещи замечаются в один миг и делается сразу же определенное заключение, которое трудно потом изменить. Кроме того, заметно было, как Нелли, жена советника-посланника, суетится и мельтешит, старается казаться и представительной, и элегантной, и умной, а Валентине Мартыновне «казаться» не надо было, она уже была именно такой изнутри. Прожив практически всю свою жизнь за рубежом, не соприкасаясь с плебейской действительностью жизни на родине и благополучно отвыкнув от нее, Михайловы приобрели неуловимый лоск, аристократи-

ческую простоту манер.

Посол и супруга встречали гостей, для каждого находилось приветствие, доброе слово, шутка, простое «Здравствуйте!», «С приездом!», не отличая важный это иностранный гость или свои товарищи-коллеги. Конечно, потом, после первого наплыва приглашенных, посла сменяли сначала советник-посланник, потом дипломаты, военный атташе, первые секретари... Прием катился как обычно: сначала гости выдерживались в большом помещении или парковом интерьере, называя его между собой и предбанник, и накопитель, и более изящно – представительский холл. Официанты носили бокалы с различными напитками, в стороне стояли столы со льдом, соками, водами-фруктами, с бутылками, содержимое которых разносилось официантами. Люди брали бокалы, высокие стаканы, рюмки, ходили по холлу, разговаривали со знакомыми, знакомились с незнакомыми, представлялись сами или просили кого-либо из друзей представить себя. Люди тасовались, как карты, может отсюда и произошло слово тусовка. Потом открывались широкие двери в другое помещение, и гостей приглашали откусать, чем Бог послал. Бог обычно посылал что-нибудь очень разнообразное и вкусное. Мне лично больше всего нравились морепродукты: креветки в разных соусах, вареные, печеные; мидии в маринаде, в горчичном соусе, в масле; морские гребешки, которых подавали горячими в собственных раковинах с лимоном, сливочным маслом и пармезаном – «Conchitas a la

parmesana». Иностранцы же все больше налегали на икорку, красную и черную, «пирошки» – пирожки с разнообразной начинкой и холодную водочку, которую, к удивлению наших, употребляли со льдом, а иногда по привычке разводили тоником. «Это ж надо! Продукт портить!», – мысленно всплескивали руками советские люди.

Гости пили, ели, но не забывали переговариваться, знакомиться, обмениваться новостями, слухами, предположениями, сплетнями. Впрочем, на приемах обычно не едят, а делают вид, что едят и не пьют, а делают вид, что пьют. А то вдруг подведут к тебе потенциального знакомого, а ты судорожно будешь давиться канapé с икоркой или глотком виски. На таких вот застольях можно было удачно получить какую-нибудь неожиданно важную информацию. Собственно, поэтому на большие и важные приемы все и старались попасть.

Кроме нашего посла, уважаемого мной и всеми Михайлова, мне особенно запомнились и понравились два присутствующих на приеме человека...

На мужчин я обращаю внимание и рассматриваю их именно только как мужчин, а уж потом интересуюсь, кто они по профессии ли, по статусу ли, по известности ли. Мне всегда интересно наблюдать, во что они одеты, как ведут себя на светских раутах и на обычной вечеринке, какая у них манера поведения и вообще манеры. Мне нравились и нравятся по сию пору мужчины сначала умные, потом все остальное: га-

лантные и в то же время мужественные, сильные, молодые, дружащие со спортом. А уж если и не молодые, то следящие за своей фигурой, уверенные в себе, умеющие носить костюм. Вдруг наш торгпред сказал: «Посмотрите! Вот идет Нимейер! Вон там, проходит к послу!».

Я увидела человека среднего возраста и среднего роста, вроде бы ничем не примечательного, но который был известен всем. Прежде всего, я заметила высокий лоб с гладко причесанными и даже зализанными волосами – типичная прическа бразильского мужчины – красиво очерченные, чуть с изломом брови, тонкий нос, печальные темные глаза. Однако его печальные глаза очень даже оживлялись при виде привлекательной женщины или любимой темы разговора – архитектуре. Лауреат Ленинской премии – борец за мир, «почти коммунист», Нимейер был в оппозиции к правительству и в одно время даже покинул страну, но по инициативе президента Кубичека в 1967 г., как самый талантливый архитектор, был приглашен для проектирования и строительства новой столицы, где мы его и встретили воочию на открытии нашего посольства.

Новый город рождался трудно: его проекты то замораживались из-за нехватки денежных средств, то при очередной смене власти опять медленно продвигались по родовому пути строительства. Как раз в 1972 г. Нимейер заявил, что снимает с себя всякую ответственность за будущее столицы и даже сдал свой особняк в пригороде, кажется, Датскому посольству. Это решение он обосновал тем, что чашу

терпения переполнило постепенное изменение его первоначальных проектов сооружений, в частности международный аэропорт, и планомерное сокращение, ранее обговоренных на строительство, средств. Чиновники и заклятые друзья тоже везде одинаковы.

Архитектор даже подавал жалобу в суд, обвиняя городские власти в преднамеренном искажении плана строительства. Суд отклонил иск Нимейера как необоснованный. Об этом архитектор не любил вспоминать и получилось, что гений архитектуры – его называли больше скульптором-монументалистом, чем архитектором – в то время остался как бы ни у дел. Но ненадолго. У него была масса творческих замыслов, которые впоследствии воплотились в жизнь: новые сооружения на Пау-ди-Асукар и более удобный подъезд к ней, Музей современного искусства, свое собственное жилище...

На приеме Нимейер не выпячивал свою персону, скромно стоял с высоким стаканом прохладительного, но сам он так и притягивал обаянием истинного гения. Желающих перекинуться хоть парой слов со знаменитостью, чтобы можно впоследствии было вспомнить, что были представлены и разговаривали с самим Оскаром Нимейером, было много! Мы тоже не явились исключением, подтянулись к нему, подождали пока его оставят терзать предыдущие собеседники, и очень «оригинально», как нам показалось, начали беседу о прекрасном городе. Эта тема, видимо, уже навязла у маэстро в зубах, т.к. он быстренько переключился на не ме-

нее прекрасный город Москву, его самобытность, а также на преимущество социалистического строя над капиталистическим. Оскар побывал в Москве и на Кубе, где подружился с Фиделем Кастро. Фидель потом говорил, что в мире осталось только два настоящих коммуниста: «Я и Оскар». Нимейер был стопроцентным убежденным сторонником коммунизма, просто ортодоксом и не вышел из Компартии Нимейер по сей пору. Суариса Филью Оскар последователен до сих пор, ему уже исполнилось 103 года.

Я получила пару милых комплиментов, обязательный для бразильца рефрен в сторону дамы, даже если дама вне зоны комплиментации, и беседа продолжилась. По меркам официального приема мы беседовали с Оскаром Нимейером достаточно долго, около получаса, даже неприлично долго, потом подвели нового знакомого (негласный знак передать тему и ее представителя другому желающему) и оставили человека в покое.

Однако, мне понравились его непосредственная, детская вера в прекрасное коммунистическое завтра, любовь к своему детищу-городу и беспокойство о его будущем, удивительный оптимизм. После XX съезда партии, где только ленивый не плюнул в почившего вождя, Оскар Нимайер, последовательный и не склонный к метаниям коммунист, заявил: «Что бы ни говорили, а усатый Зе был великий человек!» Ничто не могло поколебать его убеждений в восхищении Зе – Иосифом Виссарионовичем. Ведь он жил далеко-далеко от

«великого усатого Зе»!

Побеседовав с несомненно великим Нимейером, можно теперь с полной уверенностью сказать, что мы, да, мы знакомы со всемирно известным архитектором. Правда? Мало того, даже такая кратковременная беседа мне доставила больше удовольствия, чем посиделки в доме другого гения, Дали.

На приеме по случаю открытия Посольства присутствовал и знаменитый писатель, мною обожаемый Жоржи Амаду. Он даже в 60 лет, подтянутый и импозантный, мог очаровать любую женщину, а в молодости был потрясающе красивым мужчиной, судя по фотографиям и описанию очевидцев. Тонкие, аристократичные и в то же время мужественные черты лица остались у него и в пожилом возрасте. Тогда же, на приеме, я увидела, как удивительно благороден и красив может быть мужчина даже в такую зрелую пору: прекрасная осанка, свободная легкая походка, скупая жестикуляция, спокойная приветливая улыбка. Породистое лицо излучало доброту и внимание к собеседнику. Я не побоюсь впасть в сентиментальность, так распрекрасно описывая впечатление, которое произвел на меня мой один из любимейших писателей.

Убежденный в правильности идеи коммунизма, но не догматик, он был лауреатом Международной Сталинской премии «За укрепление мира и дружбы между народами»; в Париже лично президент Миттеран вручил ему Орден Почетного легиона и Командорскую Звезду; лучший друг Ильи

Эренбурга. Восхищался Шолоховым как писателем и возмущался как человеком, назвав его шовинистом, мелкой душой и доносчиком. Что-то такое там у них не заладилось на съезде писателей. Однако такими же эпитетами он аттестовал и Солженицына. Он не терпел ренегатов. Кстати, я тоже. Правда, я не замечала в творчестве Шолохова и шовинизма. Кто их поймет, людей творческого труда! Не сошлись мнениями в каком-нибудь литературном споре или оценке произведения, резко высказались о собрате-писателе – раз-два! Вот уже и враги!

Жоржи Амаду переболел сталинизмом, получил иммунитет и к коммунизму, как ко всякого рода крайностям и перегибам. Постепенно стал различать ортодоксальность и лицемерие коммунистических вождей и перестал зависеть от колебаний генеральной линии, поэтому мог припечатать верным словом лидеров и своих товарищей по партии, если разочаровывался в них. О «великом Зе» не скорбел.

Его независимая позиция подкреплялась и его независимым финансовым положением. В произведениях он ясно определяет свое личное отношение к братству и справедливости: не может быть одинаковости людей-человеков, справедливости, особенно справедливости с точки зрения вора и лежебоки. Вор, лежебока, бандит требуют поделиться. Честно же зарабатывающий свои деньги человек, никому и ничем не обязан. С какой такой стати он будет отдавать свои кровные лентяям и аферистам, проповедующим общее равен-

ство? Жоржи Амаду, будучи богатым человеком и по рождению, много жертвовал в различные Фонды и организации, а кормился, и неплохо кормился, плодами своих трудов. А его какой-нибудь собрат поэт-писатель напишет одну-две книжки, получит «гулькин» гонорар, соответствующий труду, вот он-то и шипит, что все несправедливо, что одним лавры и деньжищи, а другим, т.е. им – засохшую фигу и такой же подсохший венок. Утверждается кредо Шарикова – все поделить! Это, простите, известная, но нелепая песня о справедливости, равенстве, братстве. А ты работай, братец, работай – вот и будешь в братстве богатых господ!

Отчий дом Жоржи Амаду, двухэтажный гранитный особняк с башенками и балкончиками, находится в Рио. Но сам он почти всю жизнь прожил в Баии, любил этот город и его жителей. Многие персонажи его произведений списаны с баианцев, особенно с баиянок: Габриэла, Тереза Батиста, дона Флор. Сам он утверждал: «С молодых ногтей я терся в гуще баианского простонародья, впитывая его обычаи, жадно изучая его жизнь».

К сожалению, моего кумира Жоржи на этом приеме окружала такая тесная толпа почитателей и таких же обожательниц как я, что проталкиваться через плотное окружение было бы просто неприлично. Я пообожала его издали и осталась на месте. Тем более к нам подвели очередного присутствующего на приеме гостя и оставить его было бы верхом неприличия.

Писателя я полюбила еще в юности, прочитав его «Габриэлла», а потом и все остальные переведенные книги. В них он ставит женщину на высокий пьедестал, видит в каждой единственную и неповторимую, венец творения и кумир для поклонения, предмет восхищения. Причем видно, что это не писательский прием, это убеждение писателя и человека. Как же в ответ не обожать такого мужчину!? Сам он излучал всепобеждающее мужское обаяние, почти чувственную притягательность... И жаль, что мне не хватило ума не обращать внимания на какие-то там приличия и протокол, пробраться-протиснуться-протолкаться через толпу поклонников и не сказать, что я тоже его обожаю, что его поклонница с юности, как я люблю его, его книги и его героинь... Жаль.

Прием проходил дальше по накатанному руслу... Виктор Иванович с кем-то сам знакомился или предлагал познакомиться мне, что я виртуозно и проделывала: подходила ближе к намеченной для знакомства фигуре, жертве, встречалась с ней глазами, улыбалась, поднимала бокал в знак приветствия и здоровалась. Обычно, т.е. не обычно, а всегда, это были лица мужского пола, я даже не знала, кто это. Я улыбалась, они улыбались в ответ, подходили (вежливые же люди, тем более латиноамериканцы) и принимались вспоминать на каком приеме мы встречались. В принципе, на всех этих дипломатических тусовках-приемах, встречах, раутах, суаре постоянно толкутся одни и те же приглашенные, плюс-минус. В конце концов, общее место встречи, якобы, находи-

лось. Мы заново знакомимся «Muito gusto!» – «Очень приятно!» Если же человек только вежливо отвечал на приветствие, но инициативу начать разговор не проявлял, то я сама таким же образом осведомлялась, что вот мы де, кажется, где-то с вами виделись, но вот где?! Знакомились... Потом «случайно» рядом возникал муж, я его представляла новому знакомцу, а там уж его дело – раскручивать знакомство дальше или нет.

Из Бразилиа в Рио мы доехали, почти нигде не останавливаясь, кроме как на немного в Ору-Прету посмотреть на выставку изделий хиппи, но нам не понравилось. Такие «фейры» хиппи были каждое воскресенье в Рио в ближайшем парке от нашего Торгпредства, гораздо разнообразнее и искуснее: изделия из кожи, шерсти, материи, металла, раковин, стекла были яркими и оригинальными. Мы время от времени ходили на эти «фейры» с детьми просто посмотреть на продукцию – артесаната (народную) и иногда прикупить какую-нибудь ненужную, но милую вещь.

Хиппи хоть и отрицали деньги, но кушать-то хочется, вот они зарабатывали таким образом малую толику презренного металла. Зато хиппи в Ору-Прету были более колоритные, чем в Рио: немые, кудлатые, бородатые, одетые в какие-то немислимые разноцветные курточки, вязаные вытянутые кофты, в джинсах с бахромой и дырками на коленях. Не знали они, что вылянявшие джинсы с уже заготовленными фабричным образом разрезами будут модными в наше

время.

Перекусить остановились опять в Барбасене, уж больно красивая была там «артесания» и прекрасная таверна.

Буквально за полтора дня мы проехали 2482 км, полные впечатлений и со множеством новых визитных карточек – улов был большой.

Так что жизнь катилась интересная во всех ее проявлениях, а тут через 2 года подошел и отпуск, нужно было и решить вопрос со старшей дочкой. Она уже перешла в 5-й класс, а в Рио была только начальная школа. Конечно, сейчас задним числом я думаю, наверное, можно было оставить Аленушку еще на год с нами. Ведь в Перу такой прецедент был, мы занимались с детьми по программе 5-го класса. А потом соображаю, что нет, невозможно: она в Рио была единственная из переростков, а в Лиме их насчитывалось пять, в том числе и дети посла, так что в Рио не разрешили бы мне с ней заниматься индивидуально. Сейчас, наверное, не было бы проблем, можно и пропустить один годик, кому бы нужно проверять, да и кто больше всего заинтересован, чтобы ребенок проработал школьную программу? Конечно, родители! Но нет, не положено! Она была единственным подростком, направляющимся в пятый класс и очень радовалась, что скоро поедет домой, увидит свою сестричку Галюню. А потом, кто бы ее вез в Союз через год, если отпуск был как раз летом 1972? Проблема... Надо, надо было собирать девочку домой. Я ей сшила из кремплена коричне-

вую форму на вырост, по мере надобности выпускались длина, ширина, выточки, и она ей служила до окончания школы. Вот какая прочная и выгодная материя кремплен! Не мялся, не пачкался и, по-моему, не горел в огне... Бедный ребенок! Носила синтетику, но зато хлопчатобумажные маечки. А ведь тогда этот кошмарный материал был пискom моды. Купила белье, обувь, кое-какие школьные принадлежности, тщательно продумывая каждую мелочь. Кроме того, учитывая специфику работы супруга, мы могли и не вернуться обратно из отпуска: или спецслужбы Рио отказали бы в продлении представительства «специалиста» Торгпредства, или наше начальство прекратило бы командировку по своему усмотрению: то ли недоволио результатами, то ли нужно направить в другую страну, то ли интересной страной надо порадовать родному человечку. В работе необходима была золотая середина: окончательно не насолить стране пребывания и в то же время выполнять свою основную задачу, хотя бы на «хорошо», и еще не забыть, прости господи, Внешторг с его Авиаэкспортом. Поэтому мы и собирались и как бы в отпуск, и как бы и совсем. А Леночку нужно было в любом случае тщательно экипировать, ведь там некому будет особо беспокоиться: моя сестра работала и сама любила, чтобы о ней позаботились, сестра Галюнька училась... Собирала я дочку окончательно, основательно и с тоской в душе думала: два года! два года! Я себя успокаивала тем, что она все же будет не в МИДовском интернате, а у родной тети и сестрички Га-

лочки. Меня очень пугало слово «интернат» и довольно свободные нравы, царящие там среди подростков, детей высокопоставленной дипломатической элиты. Зная ранимость и неумение защищаться моей дочки, я ее отправляла к сестре в Пермь. Люка довольно долго на вопрос, где же твоя сестренка, бойко отвечала: «В Терьме!»

Улетая в отпуск, мы решили остановиться в Нью-Йорке и Париже. На это тоже нужно было особое разрешение. Черт возьми, хотя мы и оплачивали остановки своими кровными, но разрешение надо! Такой колпак был не только у отца, а у всех советских служащих за рубежом. Любое передвижение, поездка, каждый чох разрешался через особое на то дозволение. Каждому мужчине, уезжающему в Союз, обычно предлагали для сопровождения кого-нибудь из женщин, уезжающих в одиночку или с детьми, из технического персонала, не знающих языка. А мне так сейчас кажется, что таким способом просто связывали нас круговой порукой, взаимной ответственностью и слежкой. В аэропортах все организовано так, что будь ты «хоть негром преклонных годов» и трижды не зная язык, все равно, просто читая надписи, попадешь на свой самолет или туда, куда тебе нужно. Помните в «Мимино»? – «Туда на такси поедешь, скажешь центр, оттуда – аэропорт, все просто!»

Курьянову навесили, как на сопровождающего, еще четырех человек: жену зампреда Горбунова с сынишкой и Лысину с дочкой, супругу посольского КГБиста. Если Горбуно-

ва – это милая и спокойная женщина, то другие сопровождаемые, как мама, так и дочка, обе были совершенно неуправляемыми существами: мама за каждым словом прибавляла ненормативную лексику, ругалась, как извозчик, а дочечка была недалеко от этого, жутко капризная, и сопливая. Что хорошо, так то, что все это сопровождение было достаточно формальным и условным, и никто его всерьез не воспринимал, но только, извините, не мой муж.

В аэропорту, потом в течение всего полета (и куда они денутся?) он ходил по салону, несколько раз внимательно пересчитывал свое стадо – семь человек. Пока я на него возмущенно не зашипела, сказав, что из самолета они уж точно не вывалятся, и все равно никто не собирается ходить толпой ни в Нью-Йорке, ни тем более Париже. А ведь Витя и решил было так и делать – водить за собою всю эту неуправляемую ватагу, особенно крикливую мадам Лысихину с ее вечно сопливой и нудящей дочкой. Потому что если вдруг «не дай Бог что!», то именно с сопровождающего спустили бы три шкуры. Для этого и создавали козла отпущения – сопровождающего: не допустил, не обеспечил, не проследил. И если бы обычному чиновнику вlepили бы выговор, то для моего супруга это было бы чревато дисквалификацией: не обеспечил, блин, безопасность! какой же ты разведчик после этого?! не смог выполнить поручение и т.д.

Витя, как истинно русский человек, пусть и особой профессии, наконец, принял единственно верное решение: пу-

стить дело на авось и «авось» его не подвел. «Ответственный» наконец-то построил в шеренгу подопечных, поставил в известность о времени и месте сбора, их изменить нельзя, и отпустил с Богом.

Знаменитый американский город Нью-Йорк после Рио совсем не произвел на нас впечатления.

Вот говорят «американский стиль»... Стиль? Мне почудилось отсутствие всякого стиля. Скученность застроек, просто заполнение ввысь мало-мальски подходящего участка – уж как получится, а какой стиль – видно будет. Повлияли на это впечатление, возможно, летняя жара, шум, множество людей. Конечно, мы знали об изначальной квадратной планировке города, но ведь это тоже скучно – обязателька какая-то: ни одного романтического кривого переулочка, ни скверика, ни милого тупичка! Иди прямо, потом налево, потом опять прямо, потом направо, потом опять прямо и так до бесконечности... Скучно, братцы!

Нью-Йоркская толпа такая же озабоченная, суетливая и неулыбчивая, как и московская... Красивые лица или просто симпатичные, наверное, в наше присутствие все отправились в Голливуд. После ярких красавиц Рио, американские лица казались мне стертыми, как на старых дагерротипах (это я еще ирландцев не видела!). Почему-то в мире присутствует мнение, что американцы, как один, все время улыбаются. Да ничего подобного! Идут себе нормальные, занятые своими проблемами люди, с чего бы им скалиться в про-

странство! Вот в магазинах, в кафе-ресторанах, в офисах, т.е. на работе, улыбки, в смысле растянутые в улыбку губы, приветствуются.

Разговорного языка мы практически не знали, но там было очень много испаноговорящего населения. Разглядывали людей, витрины, магазины, всю эту архитектуру, может быть и удобную, но непривлекательную и утилитарную.

Конечно, поднялись на Эмпайр Стейт Билдинг на 101-й этаж, тогда это было самое высокое здание в Нью-Йорке и приманка для туристов. Как же не подняться! Были на Эмпайр Стейт Билдинг!!! Посмотрели в телескоп на Манхэттен, на залив, на Статую Свободы. Статуя оказалась гораздо меньше, чем мы ее себе представляли, и не такой величественной и значительной, как она кажется в хронике. Оказывается, ее создавали во Франции.

Купили для Алены и Люки сувенирные медальоны по 12 долларов за штуку, т.е. стоимостью искусственной шубки для подростка. Пребывание в Америке было подтверждено выбитыми именами на обратной стороне медали вокруг изображенного на ней Эмпайра. Прекрасно! Значит «Киса и Ося» здесь были! Законно увековечили посещение на самом высоком здании. Эти медальоны болтаются где-то в шкатулочках у девчонок и теперь уже не так интересны как прежде. Но воспоминания! Америка! Да не какая-то там Латинская, а настоящая – Штаты, Нью-Йорк, Бродвей, Эмпайр Стейт Билдинг! Весь перелет до Парижа и после они носились с

этими кулонами, как курица с яйцом, и вешали непременно так, чтобы памятные медали видели окружающие.

За шубкой для дочки ездили в Даун-Таун к Яше. Таксист на наши невразумительные попытки объяснить маршрут вдруг со знакомым, с таким родным говорком мрачно спросил: «До Яши шо ли?», оказался украинцем во втором поколении, но говорил с таким непередаваемо жмеринским акцентом, что уму непостижимо, как же он изъяснялся на английском.

Все русские ездили на эту блошку «до Яши» – маленького юркого еврея. Но никто никогда не признавался в этом и, отводя глаза, небрежно заявляли, что покупали на 5-й Авеню или, в крайнем случае, в Александерсе. Да! Как же! На Пятой авеню! С нашими-то сбережениями! Но на Александерс все же хватало, если собирались приобрести качественную вещь.

Но шубку для ребенка купили все же у Яши, который усиленно навязывал нам опт, мотивируя тем, что у него «вся «Березка» отоваривается, и в московских комиссионках вы их за 350 рублей толкнете», именно так и выразился, и какой «это будет замечательный гешефт». И надо же, подлец, знал точно. Цена искусственной шубки тогда была 350-380 рублей, а т.к. 1 доллар стоил по государственной цене 68 копеек, то, конечно, гешефт был бы налицо. Да...

Для эпатажа русской колонии и для прекращения всех вывертов якобы состоятельных людей: «Ах! Что это?

Какой Яша? Мы даже не слышали, что такое Даун-Таун!», я сделала план этого блошиного рынка, стоимость проезда на такси. Точки «шубы», «тюль», «клеенка», «посуда», «ткани» и т.д. были зафиксированы и по возвращении предложены вниманию в безвозмездное пользование обществу торгпредских женщин. Общество было несколько ошеломлено, смущенно улыбалось, потом засмеялось и призналось в вполне мотивированных набегах на Яшу. План блошки был принят с благодарностью и распространен в копиях для желающих. Больше разговоров о недопустимости покупать дешевые вещи у Яши я не слышала. Побродили по Манхеттену, где действительно потеряться невозможно. Он нарезан на квадраты почти как наше Измайлово. Там только Бродвей – Главная улица – извиристо пересекает район, там даже днем от обилия цветных и ярких реклам рябит в глазах. На углу известной богатой 5-й авеню и такой же известной 42-й стрит находится Публичная библиотека Нью-Йорка. Мы туда, конечно, не заходили, но мне она показалась не менее огромной и значительной, чем наша им. В.И.Ленина. Главное, что туда можно попасть любому американцу без блата и без каких-то нелепых особых разрешений и пропусков.

Побывали в Централ-Парк. Как не американцы, мы не знали, что это одна из самых криминогенных зон города, даже днем. И охотятся там именно на таких иностранных лохов как мы. Орудовали в Парке так называемые «кидалы», т.е. не то что имеется в виду сейчас, а кидалы, которые вырывают

из рук расслабившихся туристов или горожан сумочку, часы, кейс и перекидывают их из рук в руки по цепочке. Обычно этими безобразиями занимались, буду выражаться политкорректно, цветные подростки. Но Бог дураков любит: хотя я небрежно таскала на сгибе руки сумочку, где находились чеки на «Волгу», документы, все мои золотые бронзулетки, и зевала по сторонам, все обошлось благополучно. Дети показались на пони, побывали на аттракционах, налопались попкорна, гамбургеров, налились до горла кока-колой, устали и запросились в гостиницу.

В Парке, да, по-моему, в парке, стояла огромная кованая клетка с орангутангами, самцом и самкой. Клетка была оформлена в виде комнаты. В ней стояли стол, кровать, два стула рядом со столом. Они были сделаны то ли из толстых досок, то ли из железа, имитированного под дерево. Нет, скорее всего из дерева, ведь животные не любят неприродных материалов. Так вот, смотрим... на этих мощных стульях за столом лицом к зрителям сидят две огромные обезьяны, невозмутимо смотрят перед собой и не спеша лузгают тыквенные семечки, подставив лодочкой руку на уровень живота, огромного как чемодан. Небрежно сплевывают шелуху, неторопливо и тщательно выбирают из ладошки очередную тыквенку узкими, прекрасной формы пальцами с выпуклыми миндалевидными ногтями, которым позавидовала бы любая модница. Глаза удлиненной формы, абсолютно человеческие, блестящие и грустные. Шелуха сыплется на пол, на

их животы и колени, они поглощены процессом, невозмутимы и, кажется, не замечают толпу зевак, которые громко делятся впечатлениями, показывают пальцами, гогочут, фотографируют, стучат по оградке палочками или присвистывают, чтобы обезьяны передвинулись, показали себя в нужном для фотографов ракурсе. Словом, ведут себя преотвратно. А «пращуры» ведут себя спокойно, с достоинством, и не обращают ни малейшего внимания на суетливых посетителей.

Когда встречаешься взглядом с огромными обезьянами, невольно задаешь себе вопрос, кто кого рассматривает – настолько осмысленно и мудро они на всех нас поглядывают: «Ну-ну, мол, смотри, смотри! Что высмотришь?»

Вековая философская мудрость и умиротворение во взгляде, спокойствие в позе, размеренность в движениях. Будда да и только!

А недалеко находился вольер с черными мартышками, суетливыми, юркими, маленькими. Они, как заведенные, скачут, кривляются, дерутся, скалятся, широко открывая рты с крупными зубами и красными деснами, выпрашивают лакомства у зрителей. А за сеткой, что их ограждает, тем же самым занимаются негрityята, тоже скачут, дерутся, кривляются – дразнят мартышек. Если смотреть вдоль сетки... Мда! Сравненьице!

Побывали в Музее современного искусства, долго там не выдержали. Ку-у-у-да там Дали! У него хоть и искаженная, но реальность, а здесь просто что-то непонятное, обязатель-

но с подробной разъяснительной надписью, иначе хрен два разберешься, что это за нагромождение красок на холсте или объемных конструкций на постаменте, по-моему, сейчас их называют красивым заграничным словом «инсталляция»...

По поводу декадентских ухищрений я вспомнила один рассказ Гиляровского. В Москве открылась выставка «Ослиный хвост», вызвавшая в то время много шума и критики. В.А.Гиляровский, как строгий, выдержанный реалист, относился к подобной живописи отрицательно. Еще бы! Близкое общение с Суриковым, Левитаном, Саврасовым, Маковским, Пукиревым и т.д. – вкус был сформирован. Но как журналист, аккуратно посещал все выставки без исключения. В одном из залов он обратил внимание на картину «Голубое в зеленом» (это ж надо соединить такие цвета!). С какой стороны не подойдешь – ничего понять невозможно. Народу в зале было мало. Недолго думая, журналист-поэт-писатель, большой любитель розыгрышей, притащил стул, взобрался на него и быстро повесил картину вверх ногами.

Спустя некоторое время он заинтересовался: а как теперь висит картина? Приехал в зал. Картина по-прежнему висела в перевернутом виде. Никто не заметил, даже сам автор, ее неправильного положения. Так она и провисела до самого закрытия выставки... Я думаю, что и этом музее можно было проделать подобную шутку.

Спустились в американское метро и сразу же выскочили обратно. Б-р-р... Недаром оно называется не метро, а под-

зема: мрачно, тускло, завихряется фонтанчиками какой-то мелкий мусор, т.е. его вроде бы и не видно, но полное восприятие замусоренности. Обрывки реклам, новых и старых, наклеенных друг на друга, граффити (очень откровенные) и в довершение к впечатлениям – по рельсам вглубь тоннеля пробежала крыса.

Конечно, мы сразу загордились и не переминули напомнить Алене и Люке, какое у нас метро, хотя Люся еще и не могла знать, что такое Московский метрополитен, ей ведь не было и 2-х лет, когда мы ее увезли в Рио, но она поверила нам на слово, а скорее всего не обратила внимания на родительские пропагандистские речи: советское – значит лучшее.

Еда стандартная и не так чтобы вкусная. Вот в Рио местная кухня сложилась все-таки под влиянием Средиземноморья. По моему скромному мнению, никакие тропические фрукты с богатейшей палитрой специй не могут перебить божественный вкус португальского «гашпашу», испанской паэлья, вкуснейшей пасты, приготовленной по итальянскому рецепту. Я уж не говорю об экзотическом для европейцев субботнем блюде бразильских бедняков «фейжоада» – фасоль, мясо разных сортов, колбасные изделия (мягкая и твердая колбаса, сосиски, бычьи хвосты), помидоры, можно добавить рис, кукурузную муку, лук... «Блюдо для бедняков» – фейжоада очень понравилась моим гостям. Или «ватапа» – кушанье из рыбы, креветок, лангустов, морских гребешков, заправленных пальмовым маслом, кокосовым моло-

ком и различными пахучими, обжигающими небо, приправами. «Мокека» – густой суп-пюре готовится из протертой рыбы и морепродуктов с добавлением кокосового молока, масла денде и приправ. Пирожки «аракаже» – прессованное промолотое тесто из фасоли плюс лук, чеснок и соль, жарится тоже в масле денде. И отдельно – свежайшие морские деликатесы! Частенько мы ими лакомились в выходные дни в ресторанчиках Рио-де Жанеро.

По сравнению с ресторанчиками Рио, их разнообразным и неповторимым вкусом блюд, американские сосиски, пончики, пироги, картофель-фри показались нам пресными, не возбуждали аппетит, а служили только для наполнения желудка. После бразильского кофе ни о каком другом можно вообще и не вспоминать. Впрочем, об американской еде лучше всего написали Ильф и Петров. Ничего с того времени не изменилось, а дополнять классиков своими дилетантскими суждениями будет просто нескромно и нелепо.

Конечно, мы не обедали в фешенебельных ресторанах, как, например, «Лютеция». Это самый дорогой ресторан в Нью-Йорке. Кажется, я это написала так, как будто горжусь тем, что мы не узнали изысков «Лютеции», хотя там не американская, а французская кухня. Поэтому он и называется так – «Лютеция» (древнее название Парижа). Да, мы слышали только о престижности этого ресторана, однако посетить его не довелось. Ресторан для элиты и сверхбогатой элиты, столики нужно заказывать задолго, а некоторые из них за-

креплены за постоянными посетителями ресторана. Для нас он был просто недоступен по многим показателям. Нельзя было оставить детей одних в гостинице, плохое знание языка у Виктора и никакое у меня. А вообще-то средства позволяли нам посетить элитарный ресторан просто для знакомства, хотя наше государство мелко и скупно оплачивало работу своих «питомцев, сыновей, дочерей», и гордиться таким положением дел нечего. Но вот первая причина была важнее. А слухи, что «за морем житье не худо» и вообще манна небесная сильно преувеличены

Собственно, никакой такой специальной американской кухни и не существует. Хотя в ресторанах, естественно, не все меню состоит из пончиков и сосисок, и мое впечатление от штатовской еды возможно кардинально бы изменилось, если бы мы подольше побыли бы там и посетили более престижный общепит, но я говорю о том, что именно мы видели, пробовали, ощущали. Обедали в обычных средних ресторанах-кафе, там, где питается и «ланчует» среднестатистический американец.

В столовочках чисто, встречают вас с улыбкой, ждать не приходится, многие официантки понимают испанский, т.к. чаще всего они сами выходцы их Латинской Америки и Мексики и с удовольствием обслуживают «земляков».

И от возвышенного к низменному – природа берет свое: места, где можно помыть руки, умыть ребенка и вообще привести себя в порядок, очень благоустроенные и чистые. Мы-

ло, шампуни, одноразовые гребеночки, влажные ароматизированные салфетки, туалетная бумага и прочие приятные неожиданные мелочи. Пусть скромно, но удобно и стерильно – для меня это и есть комфортабельность. Здесь можно не проводить аналогию с нашими подобными заведениями, оно будет не в пользу последних. Кто-то из известных людей говорил, что культуру страны можно вычислить по состоянию туалетов. Может, это несколько приниженная оценка для выявления культурного наследия. Но что делать! Это так и есть. Для туристов, особенно наших соотечественников, не избалованных тяготами сервиса, чистый и качественный сортир тоже являлся местной достопримечательностью. И об этой нужной и важной «мелочи» с удивлением рассказывали дома.

Еще в столовочках я обратила внимание то, что люди очень много ели: на больших тарелках – горы жареной картошки, вулканы острейших маринованных овощей, мяса тоже не слабое количество, там же почему-то куски дыни. Напоследок, для сытости, вся эта гора заедается большим куском торта либо таким же куском пирога с повидлом, политым каким-то соусом. Приветствуется яблочный пирог и пирог с черникой. Какая, к чёрту, черника в конце лета? Возможно замороженная? А возможно любое повидло-джем с запахом и «черничной» краской ... Может быть, они поглощают такое количество еды только один раз в день? Да нет! Мы же и ужинали в подобных заведениях, видели, что и ве-

чером американцы не отказывают себе в обильной еде, запиная все это самыми разнообразными и очень вкусными соками или кока-колой. Как же без нее, родимой? Лично мы делали всего два подобных заказа на четверых плюс совершенно безвкусное и вредное мороженое на десерт, но детям оно нравилось. Получалось очень сытно.

В основной своей массе американцы все толстые и даже ожиревшие. Ведь недаром именно из Америки пошла мода на различные для похудения средства

На площади, не помню какой, но, видимо она не являлась исключением, мы поразились обилию старух, именно старух, а не стариков. Ухоженные, невозмутимые, они либо неторопливо гуляли в одиночку, парами, с собачками, либо сидели на раскладных стульчиках или немногочисленных удобных лавочках и усиленно ловили ультрафиолет. Сами старушки контрастны: или совсем сухопарые (таких меньше), либо совсем расплывшиеся. Волосы голубые, сиреневатые до глубокого фиолетового оттенка, розоватые или, в крайнем случае, белые – все с аккуратными укладками. В 1972 г. преобладали парики, которые тоже нужно укладывать, а не нахлобучивать как шапку-ушанку. Реснички, бровки (имеются ли они в наличии или нет) подкрашены, в крайнем случае, четко проведены в морщинках гримировальным карандашом по лбу, веки – тоже в цветных комочках. Одеты совсем не по старушечьи, не в темненькое, немаркенькое как у нас. Нет. Открытые платья-декольте ярких расцветок и па-

стельных тонов, брючки, шортики, полукофточки – современные топики. Представляете милый животик старушки, выглядывающий из-под топика? Зрелище не для слабонервных... Легкие туфельки на небольших каблучках или сандалеты, очень удобные. У старых леди на сухих подагрических или венозных ногах очень «элегантно» смотрятся шортики, бриджики или обтягивающие эластичные брючки. Некоторые детали туалета иногда могут выглядеть неуместно и даже неэстетично, но удивительно поражает общее впечатление умиротворенности, спокойствия и... безразличия. Степенные или, наоборот, экзальтированные как истинные американцы, они обладают одной общей чертой – уверенностью в себе и завтрашнем дне. Это и есть атмосфера благополучия и достойной старости. Недаром больше всего туристов пожилого возраста относится именно к американским гражданам. «Мы славно потрудились и славно отдохнем!»

Негритянское население ведет себя крайне раскованно и даже нагло. Величать себя неграми они запретили (не понимаю, что здесь зазорного! Черная раса, белая, желтая, красная... Ну и что?), велят называть себя афроамериканцами и ничуть не испытывают никаких душевных мук типа дискриминации. Наоборот, такое впечатление, что дискриминируется белое население, т.е. апартеид наоборот.

Я обратила внимание, что если по улице стремительно идет цветной (по-моему, это нелепое название «цветной»)! В крапинку-ромбик-полосочку что ли? Ну, просто черный!

Нет! Цветной!), то сторонится или просто шарахается в сторону белый. Если не уступишь дорогу, то тебя снесут как бульдозером. И не вздумай возмущаться – в лучшем случае обвинят в расизме, в худшем – тут же соберется толпа лиц негритянской национальности и тогда уж, мама дорогая! Они тебе припомнят рабство, суд Линча, угнетение – мало не покажется!

Так мне навстречу целеустремленно двигалась, как парусный фрегат в бурю, толстая негритянка в просторных одеждах, повторяющих цвета американского флага. Я благодарно, чисто интуитивно, потеснилась в сторону и правильно сделала, потому что за спиной охнула женщина, которая вовремя не свернула с пути и, которой то ли основательно отдавили ногу, то ли двинули под микитки. А сейчас, обратите внимание, в американских кинофильмах все чаще и чаще стали появляться герои – сообразительные и находчивые цветные боссы: начальники полиции, губернаторы, конгрессмены, даже президенты и туповатые белые подчиненные, которых надо еще учить и учить.

Так что с чувством достоинства у афроамериканцев не слабо: «угнетенная нация» заряжена на идею выжить. И выживут. Еще нас переживут, Господи помилуй, спаси и сохрани! Пусть все расы живут, лишь бы не выясняли драками, какая из них умнее и лучше!

Как обычно, детям купили игрушки и обновы. Аленке уже не помню что, наверное, что-нибудь практичное для школы

и жизни у тети «в Терьме», на два года без родителей – нужно ничего не упустить, не забыть. Люке решили купить мягкую игрушку-лягушку, хотя лично она присмотрела пушистую коалу, очаровательного австралийского медвежонка.

Чисто из прагматических соображений я решила, что игрушка, как обычно, скоро надоеет, а мягкая лягушка будет еще служить подушечкой на диване, т.е. обыкновенное функциональное использование вещей как в Японии. Но не тут-то было. Мы не в Японии. И Люка не японский воспитанный и спокойный ребенок. Она тут же начала канючить: «Хочу каалу, хочу каалу, купите каалу!» В то же время, прижимая к себе и лягушечку, что не давало возможности обмена, а на это предупредительные американские продавцы, готовые что угодно «впендюрить» покупателю, были благожелательно настроены хоть сию минуту. «Хочу калу», – плаксиво тянула она, однако предупредительно вцепилась и в лягушенцию. Выводим из универмага – уже слезы градом, глаза зажмурены, рот раззявлен: “Хочу каалу-у-у-у!”

Ах, ах, ах, ребенок нервничает! Папа, именно наш строгий железобетонный папа, возвращается в магазин и покупает коалу-у-у-у. Вот такие пироги... Зато лететь в самолете с новыми игрушками было гораздо проще. Ими играла не только четырехлетняя Люка, но будущая пятиклассница Алена.

Несмотря на все предупреждения об осмотрительности и осторожности в Нью-Йорке, он мне показался спокойным и

ухоженным городом.

Затурканные правилами, ограничениями, запретами, каким-то постоянным гипотетическим долгом перед партией и правительством, советские люди сначала видели внешнюю сторону поведения и общения западных людей: свободное озвучивание своего мнения (пусть оно никого и не всколыхнет), достойная оплата за труд, общительность и коммуникабельность (иногда навязчивая), желание помочь (но только не деньгами, это уж нет, извините, это – святое), магазины на любой вкус и кошелек. Потом понимали, особенно те, кто жил там подольше или постоянно, что никакого парадиза и манны небесной в западных городах и странах не имеется. Мы разговаривали с дипломатами и внешторговцами, которые побывали в Америке и Европе, да и сами уже худо-бедно пообтесались в западном мире.

Есть свобода жить и свобода умирать, есть такие же изощренные мошенники и воры (чем выше рангом вор, тем он безнаказаннее; впрочем, это уже понятно и в настоящей России), есть бомжи, нищие и другие представители человеческой помойки. Есть супербогатые – этих поменьше. Существует тоненькая интеллигентская прослойка, а в основном – средний американец с теми же наклонностями и потребностями, что и у нас грешных, и у всех людей на земле.

Что отличает американцев, так это трудоголизм, их довольно незатейливый юмор: ах, как неподражаема смешна голая задница, еще смешнее – толстая жопа или пукательная

подушечка под гостем! Отсутствие русского авось и широты русского характера: Гуляй, душа! деньги другу без расписки! Угощаю всех! помощь просто так, без желания получить что-то взамен и т.д. Да что там говорить о загадочности русской души... Навязло в зубах! Ерунда все это, нет никакой «загадочной русской души», есть желание казаться особыми, а на самом деле и у нас много пофигистов, лентяев и пьяниц. А наши сказки? Герои стараются все получить на халяву у золотой рыбки, щуки, Конька-Горбунка, троих из ларца, Сивки-Бурки или, наконец, тупо украсть. Царь не посадил молодильные яблоки, не вырастил их, а послал своих сыновей стырить их у того, кто уже вырастил. Или Емеля, к примеру! Вот уж жених! Герой, удалец-молодец! Этот вообще охамел: не просто решил сдуру, за просто так, царевну в жёны получить, но даже от лени поехал за невестой, лежа на печи. Вот царевна в мужья получила бы такой подарочек – лежебоку и неумеху! Только его и ждала всю жизнь! Кстати, но я, честное слово, гораздо раньше, чем Михаил Николаевич Задорнов, пусть он меня простит, отметила странные «положительно невоспитывающие» сюжеты русских детских сказок, потому что в училище и институте специально изучала такой предмет, как детская литература. А там уж множество подобных примеров желанья жить за счет другого, ничего не делать и деньги получать.

Теперь уже несколько изменились отношения между людьми и у нас. Лучше эти изменения или нет...? Нет, я лу-

кавлю. Мне не по душе такие изменения – лично мне никогда не нравились дружба и знакомства по расчету, по тому, нужен человек или нет, лицемерная помощь советом, а не делом и вообще прагматизм и меркантильность в отношениях. Мало того, я стала замечать, что и сама уже стала эгоистичнее. Кстати, может быть это и не так уж плохо? Почему в понятие «эгоизм» вписывается такая негативная окраска? Если я хочу, например, в отличие от другого человека есть, пить, читать, спать или работать (хорошо, что уже не надо работать!) и делаю это, то значит ли, что я – эгоист, люблю себя, т.к. позволяю себе то, что желаю, тем более, что в своих желаниях я достаточно скромна? Ничего подобного – это никакой не эгоизм, а естественное чувство оградить свою личность от давления со стороны других личностей. Это как раз та свобода, которая естественная необходимость – не делай того, чего не хочешь, чтобы сделали бы тебе. Фу! Выбралась! Нет, правда, вот если бы я, захотев есть, слопала бы что-нибудь вкусненькое или необходимое, приготовленное для семьи, или, захотев читать-спать, пропустила время приема лекарства больному ребенку – вот это был бы тот самый махровый эгоизм, что бичуется испокон веков. Да, в принципе, человек всегда был, есть и будет хоть капельку, но любить себя самого больше, чем другого, т.е. будет эгоистом. Ну да Бог с ним, с эгоизмом, и моими неумелыми попыткам оправдать свой собственный!

Вернемся к впечатлениям о Нью-Йорке... Как видите, для

цепкого, внимательного и критичного взгляда русских путешественников 5-6 дней хватило, чтобы осмотреть город и даже составить свое сугубо эксклюзивное мнение о нем, городской структуре, людях, отношениях между ними, городских достопримечательностях. Как говорят мои дети: «Чего-чего, а скромности у тебя хватает!» Да, и времени тоже. Мнение действительно личное, субъективное. А какое еще я могу передать? Естественно, личное и субъективное... Ладно. Проехали.

Наступил день отъезда. На таможне произошел мелкий, но достаточно забавный инцидент. Перед вылетом в Нью-Йоркском аэропорту вдруг всех пассажиров стали тщательно досматривать, видимо, на предмет оружия или еще чего. У необыкновенно предусмотрительных американцев тоже случаются авралы, приступы рвения и горения на работе. Проверили чемоданы, тогда-то наш глава семьи был всего-навсего торгпредским чиновником, через VIP-коридор еще не проходил. Ладушки, все в порядке, пошли дальше. На «райских воротах» стоят два копа, стопроцентные американские полицейские под два метра, очень симпатичные мужички, улыбка на 34 зуба. Профессионально-предупредительно, молниеносно так, чуть ли не в четыре руки, ощупали нашего мужчину-сопровождающего, т.е. Виктора Ивановича: спина-грудь-бока-между ног. Потом плыву я в предвкушении подобной же процедуры, проделанной такими крутыми мужиками. Иду не спеша, модельной поступью, с улыб-

кой голливудской дивы, расстегиваю пиджак своего наимоднейшего брючного костюма. Вот так! Медленно, с многообещающей улыбкой – будто сейчас будет стриптиз. Захотелось поприкалываться, уж больно вокруг все чинно-строго-благородно! Да, пожалуйста, обыскивайте-ощупывайте, чего там! Мы – вполне законопослушные граждане! Копы же, ослепительно сверкая зубами, вдруг произносят: «Пли-и-и-из, мадам!», – и предлагают мне пройти без досмотра «спина-грудь-бока-между ног». Полное доверие и полный облом. Пройдя вперед, я разочарованно застегнулась, а потом обернулась, посмотрела на них – и мы все трое расхохотались. Виктор все нервно меня упрекал: «Чего смешного нашла – не понимаю. Никакого уважения к советским людям!». Просто он шел впереди и не увидел мои штучки, заигрывания с американской полицией. А если бы заметил, то мне тоже бы мало не показалось. Да при чём здесь уважение или неуважение? Проявились обыкновенные человеческие эмоции. И мне в первый раз эти американцы-полицейские показались удивительно похожими на обыкновенных русских мужиков с их вполне понятными желаниями и заморочками.

ПАРИЖ, в котором мы пробыли пять дней показался мне удивительно знакомым... Вот Нотр-Дам с его химерами и знаменитая площадь перед ним, где танцевала героиня «Собора Парижской Богоматери» Эсмеральда со своей козочкой и наблюдавший за ней влюбленный горбун, вот – Лувр, вот – Эйфелева башня, Сена, проходим мимо Сорбонны, это

знаменитый Латинский квартал, вот уж недалеко и Люксембургский сад; Площадь Инвалидов, лестницы и фуникулер на Монмартр, поездка на такси по знаменитому и прекрасному проспекту Елисейские Поля с его могучими столетними деревьями в несколько рядов, сад Тюильри – и вообще «Ах, Версаль! Ах, мадам Рекамье на бамбуковой скамье!».

Все названия звучат нежной и знакомой музыкой. Мы столько читали об этой столице мира, как называют Париж, столько видели кинофильмов, открыток, альбомов, плакатов, так и неудивительно, что появилось чувство узнаваемости. Нет, это не было тяжелое неприятное дежавю, а встреча старого доброго знакомого. Будто ты уже здесь был и припоминаешь забытые места. Интересно и понятно. За неделю хотелось увидеть, как можно больше.

Остановились мы в гостиничке, заказанной нам «Аэрофлотом» – чистенькая, умывальник, душ, биде, и соответствующий ему же предмет, весь набор европейской гостиницы. Отель был совсем недалеко, минут десять от Лувра.

В Париже я сделала кое-какие записи в свою толстую записную книжку, которая не меняется вот уже 30 с лишним лет, потом некоторые факты и цифры мне очень пригодились. А записывала я их для рассказа друзьям и родственникам. Правда, я больше все упирала на эмоции «Ох! Ой! Ах!», но некоторые фактические данные без этих записок я бы забыла.

Ну, весь обычный туристический набор мы выполнили:

Эйфелева башня, Люксембургский сад, Елисейские Поля, Лувр, Монмартр, катание на катере по Сене, Норт-Дам и его химеры. Ели парижские пирожные (просто воздушная прелесть, действительно «Поцелуй»!), кофе с нежными булочками-круассанами (как звучит! а?), попробовали французские вина (ну, не знатоки мы вин, не знатоки, что поделаешь! хотя понравились), съели знаменитого лукового супа. Что ж, супчик вкусный, но мне он показался знакомым. Оказывается, подобный (именно подобный) суп делал мой папа, только с расплавленным сыром и без поджаристой корочки. Мы не знали, что мы едим практически парижское блюдо и называли его «папин супчик», а впоследствии «дедушкин». В настоящее время мы опять его готовим.

Покажусь не особо оригинальной, но не могу не упомянуть о необычайно вкусном и пахучем французском хлебе – длинном французском багете, который можно отламывать кусочками и есть просто так, без ничего или, макая его в оливковое масло в ожидании, когда официант принесет основной заказ. Проблемы поесть в Париже нет: утром в гостинице завтрак – сок, поджаренные тосты, мармелад, кофе; в течение дня забегай в любую кафешку, которых в городе полным – полно.

С некоторым внутренним превосходством я рассматривала парижанок, одетых изящно и со вкусом, но абсолютно безликих. С легкой завистью отмечала импозантность и даже изысканность мужского населения. Впрочем, возможно я ви-

дела то, что хотела видеть.

На каждый туристический заход нам нужен был день. Редко-редко мы умудрялись посетить две достопримечательности сразу, разве что катание по Сене с последующим забегом в кафе. Уставали до одурения, приходилось еще таскать на закорках Люку. Это, конечно, была обязанность папы, а я цепко придерживала за руку Алену. Посещение достопримечательностей Парижа увлекало, безусловно, только нас. Дети уставали, и нам приходилось часто отдыхать и умиротворять-успокаивать их большими порциями мороженого. Везде фотографировались на модные слайды.

В первую очередь мы взобрались на Эйфелеву башню. Ну, всем известно, что она стала символом Парижа. А вот когда только была в проекте, то более трехсот художников, архитекторов и писателей подали петицию в правительство, заявляя, что башня обезобразит облик города, т.к. она «чуждо-вишна и безобразна». В принципе, символ Парижа действительно напоминает увеличенную во много раз конструкцию башни электропередачи. И хотя никакой функциональной нагрузки она не несет, но удачно вписалась в облик города и ничуть не обезобразит его. Единственно, что она сделала, так после своего завершения послужила порталом для входа на Парижскую Всемирную выставку 1889 г. Мало того, благодаря посещениям туристов, башня давно окупила расходы на свое строительство и сейчас приносит чистый доход в бюджет города. На ее платформах находятся рестора-

ны, магазины, астрономическая обсерватория и метеорологическая станция. Все это арендуется за приличные деньги и пополняет французскую казну.

Лифт поднимает посетителей на высоту более 300 м. Удивительно, но я боялась подъема на лифте, я вообще боюсь высоты. Даже, когда в кинокартинах дается крупный план с небоскреба или с самолета у меня кружится голова. Так что страх не исчез и на смотровой площадке, хотя я это тщательно скрывала, чтобы не заразить окружающих. Зато вид на Париж сверху и визуально, и с помощью телескопа был потрясающий. Смотровая площадка также, как и на Эмпайр Стейт Билдинг, окружена сеточками-рабицами во избежание несчастных случаев и так называемых «прыгунов».

Билет стоил 15 франков, что было очень немало. И по поводу стоимости осмотра известной башни мнение наших спутниц разделилось: спокойная и тихая жена нашего замторгпреда Горбунова была «за», а Лысихина, супруга дипломата, произнесла тогда короткую, но незабываемо классическую фразу: «В гробу я ее видала, эту башню!», – и не захотела составить нам компанию. По правде сказать, наша семья и Горбунова с сыном, все были таким решением даже обрадованы. Общаться с Лысихиными было весьма утомительно.

Мадам Лысихина была дамой стройной, с хорошей фигурой призовой мускулистой лошадки. Физиономия же ее была наделена миной застарелой злобы и плоскими чертами лица, нечеткими, как бы стертыми. Она была вульгарна, по-

ражала неправильностью речи и нарочитым хамством. То ли не по недопониманию, то ли просто по бескультурью. Может быть, она считала, что прущее из нее хамство принимается окружающими за непосредственность и прямоту. Нет, сомневаюсь и насчет ее непосредственности и насчет окружающих: что выросло – то выросло. Окружающие, ох, как не любят!, когда им во всеуслышание брякают: «Гля, ну ты и тянешься как беременный слон!», «Тю, наштукатурилась сегодня, как клоун! Всё равно морщины не зашпаклюешь!». Ничего себе приветствия! Прямо по протоколу!

Трудно выбирать между милой откровенностью и откровенным хамством. Да она и не заморачивалась с подбором слов! Видимо, еще и уверовала, что ее наглость или просто грубость проглотят из-за мужа-КГБиста. Не то, чтобы ее осаживали.... Хотя, нет, частенько и осаживали, но делали это деликатно, тонко-язвительно, но дама разные там тонкости-тонности не понимала, нужно было говорить на ее языке, а никому не хотелось становиться с ней на одну доску – ее просто избегали. Учитывая, что ее муж был мужчина видный, умница и, можно сказать, даже красавец, предмет внимания многих женщин советской колонии в Рио, для всех было странно наблюдать столь неподходящую друг другу пару. Особенно по этому поводу любили посудачить посольские дамы, т.к. сам Лысихин был первый секретарь дипкорпуса. Понимающе, с легкой усмешкой или откровенно злобно переглядывались, чуть-чуть сочувственно покачива-

ли аккуратно причесанными головками. Услышав очередной перл его супруги, поступок или увидев её очередной нелепый наряд, демонстративно уходили с миндально-уксусными улыбками.

В Париже, разговорив эту даму, я получила подтверждение тому, что уже давно, по давно забытой жизни в гарнизоне, знала о молодых офицерах, женившихся на периферии по залету. На извечные женские секреты-вопросы, как ты познакомилась со своим мужем и т.д. Лысихина, усмехнувшись, грубовато ответила: «А чего там знакомиться! Дала ему, а потом пусть попробовал бы не жениться, вмиг бы из партии и из органов вылетел!»

Вот и вся любовь-с, господа! Вот таким примитивнейшим образом умные сельские жительницы берут вашего брата, красивого мужика и перспективного супруга на «цугундер». Впоследствии они все-таки расстались, причем дама не осталась в накладе: в Москве, с квартирой и хорошими алиментами. С ее танковым напором, предприимчивостью, очень складной фигурой думаю, что и дальше она устраивалась неплохо. А так как я всегда на стороне слабого пола, то в этом я ее не осуждаю. Уж сам-то Лысихин тот еще ходок и не пропадет, но жена действительно часто ставила его в неловкое положение на приемах и портила ему карьеру. Представьте подобную мадам на светском рауте: прежде всего она напивалась как лошадь, икала, висла на первом же попавшемся мужике с лобызаниями и могла послать дале-

ко-далеко кого угодно. Вела себя раскрепощено, как на вечеринке в честь престольного праздника.

Ну что там о Лысихиных-то разговорилась! Простите, просто небольшое отступление...

Продолжим тему «Мы в Париже».

Я сказала, что в первую очередь посетили Эйфелеву башню, но я ошиблась. В первую очередь мы, конечно, помчались в музей Лувр. Именно помчались, потому что выяснилось, что это последний день, разрешенный для посещения, а завтра он закрывается то ли на ремонт, то ли на какие-то реставрационные работы.

Большинство туристов предпочитают общий осмотр музея, внешний и внутренний, непременно запечатление фотографией себя на фоне известного мирового шедевра. Потом пробежка бодрым шагом, стремление увидеть и запомнить хотя бы самые знаменитые экспонаты и залы: крылатая богиня Победы Ника, Мона Лиза, Египетский зал, Венера Милосская, самые известные картины. Мы как раз и были теми, из большинства, туристами, отягощенные детишками и ужасной мыслью, что, будучи в Париже, мы не побываем в Лувре. А завтра-то он будет закрыт! Как говорили у нас в Ростове: «Об отдохнуть не могло быть и речи!» Быстрее, быстрее, быстрее! Как хорошо, что успели!

Лувр построен в виде лошадиной подковы и считается самым длинным зданием в Европе: по периметру около 5 км, количество экспонатов около 7, которые постоянно обнов-

ляются и пополняются.

Среднему упорному посетителю музея понадобится полтора месяца ежедневных восьмичасовых посещений для осмотра. Да...

Советское (самые упорные) семейство попыталось взять его штурмом.

При входе в музей впечатление сразу поражает мраморная лестница и Ника наверху ее – огромная и загадочная. С трепетом приобщения к великому миру искусства мы поднялись по этой роскошной лестнице и начали осмотр сокровищницы, напоминая тех «охотников за культурой», которые за пол дня успевают познакомиться с творениями Микель Анджело, да Винчи, Рафаэлем, не считая таких попутчиков как Гоген, Ван Гог (не путать!), Пикассо и разных-разных, известных им и неизвестных.

Мы настолько утомились, что воспринимать и скрупулезно рассматривать шедевры было не под силу. То, что нормальному, не уставшему от перелета и беготни человеку, было бы ярким зрелищем, для нас было несколько смазано и расплывчато. Как во сне продвигались мы по залам музея, время от времени останавливаясь перед очередным шедевром, иногда и не понимая, перед каким именно. Запоминались почему-то и какие-то странные и не относящиеся непосредственно к экспонатам мелочи: широкий пролет мраморной лестницы, нависающая над посетителями огромная Ника, широкая, тяжелая даже на вид, с резными завитушка-

ми золотая рама у «Похищения сабинянок», некоторая, как нам показалась, запыленность мраморных скульптур (да не пыль это, господа, а тень веков!) Даже знакомые «Мыслитель» и «Поцелуй» воспринимались как нечто очевидное, но не невероятное. Время как будто замедлилось...

Но у картины «Джоконда» или «Мона Лиза» я все-таки остановила семейство и заставила встряхнуть себя, чтобы запомнить миг созерцания подобного чуда. Ведь весь мир восхищается этой картиной, значит и мы должны, нет, просто обязаны, восхищаться, гордиться тем, что мы имеем возможность лицезреть ее в подлиннике и на предназначенном для этого подлинника месте! Я начала лицезреть чудо, не обращая внимания на ноющих детей и усталого мужа.

Да простит мне весь мир!... Мое внимание опять отвлекли совершенно ненужные вещи: рослый полицейский у бесценного шедевра, пуленепробиваемое небликующее стекло картины, мощная вычурность рамы. Я постаралась сосредоточить внимание на портрете, и мне это удалось.

Постаралась не только всмотреться, но и вспомнить то немногое, что я читала об этой картине. Несмотря на репутацию величайшего в мире произведения, фактический размер ее невелик, примерно 80x50, толщина непробиваемого стекла 5см. Написана она маслом на тополевой доске (вот не знаю цельная ли доска или на шпонах, но почему подчеркнуто, что именно на тополевой!). Я даже знаю, что техника этого письма называется «сфумато» (или «фумато»?), дым-

ка, она создает эффект плавного перехода из одной формы в другую. Из Лувра картину, несмотря на все меры предосторожности, похищали 2 раза, последний раз во время Первой Мировой войны в 1914 г. И скажите, пожалуйста, зачем так трудиться и похищать подобную вещь? Подумали бы прежде. Ведь ее не продашь и не спрячешь – настолько она известна.

Чем больше я вглядывалась в портрет, тем больше я начинала себя корить... Ещё раз прошу прощения у всего просвещенного искусствоведческого мира, но у Моны Лизы или Джоконды мне больше всего понравились руки, необыкновенно изящные, тонкие и в то же время не сухощавые пальцы, удлиненные виноградинки ногтей. Ручки спокойно положены одна на другую, ухоженные, мягкие и такие женственные! «Все такие воздушные, к поцелуям зовущие!»

А вот ее знаменитая полуулыбка, так восхищающая все человечество по мнению знатоков, почему-то показалась мне похожей на хитренькую усмешечку девочки-подростка себе на уме: «А я знаю один маленький секретик! Ага!».

Милое простенькое личико, нежное и даже чувственное, я бы сказала, но, увы! с признаками рахита: «...эти гордые лбы венцианских мадонн наблюдал я у русских крестьянок!» (кажется так, если я не переврала стихотворную фразу). Недостаток витаминов А и Д от постоянного сидения дома, отсутствия солнечного света и свежего воздуха приводили к тому, что у «гордых венецианок» начинали рано выпадать волосы

у линии лба. Этот недостаток возвелся в моду, и простолюдины с нормальным волосяным покровом стали выбривать или выщипывать себе волосы на лбу у корней, чтобы этими нехитрыми средствами придать себе аристократический облик. Что не сделаешь, чтобы быть модной и похожей на аристократку!

Оказывается, статус «Моны Лизы», как знаменитейшей картины мира, не имеет ничего общего с загадочной улыбкой портрета. Почему загадочной? – так, легкое, чуть ироничное движение губ. Как говорят специалисты «давинчivedы», «Мона Лиза» стала известна лишь потому, что являлась высшим достижением Леонардо да Винчи, как живописца, и по антропометрическим показателям в портрете заключены как бы два лица – мужское и женское. Т.е. в портрете – анаграмма, божественное гармоничное сочетание двух начал, мужского и женского. Простите, я не искусствовед и ничего подобного в облике Джоконды не увидела. Портрет как портрет. Любая версия имеет право на существование.

Эти маленькие дополнительные сведения о знаменитом шедевре, кстати, тоже ничем не подтвержденные, только с притянутыми доказательствами, вытекающими одно из другого, я выяснила впоследствии. Тогда же, в Лувре, прежде всего, с удовольствием и гордостью от сознания того, что нахожусь в знаменитом музее, рассматривала портрет, который впечатлял мир уж тем, что живописал его великий Леонардо. Свои мелкие критичные мысли я старалась душиить в зарод-

дыше, но вот все-таки не додушила, как видите, до конца...

Если я не ошибаюсь по дальности времени, то напротив «Джоконды» находилась картина его же кисти «Мадонна в гроте»... Ну, друзья, мне право неловко за свои мелкие и грешные мыслишки. Я заметила, как неудобно сидеть маленькому Иисусу (сам он на ребенка не похож, просто уменьшенная пухленькая копия взрослого человека с уже вполне осмысленным взглядом) на руках у девы Марии, и как сама Дева совсем уж неудобно устроилась на острых скалах. Ангелы тоже сидят на камнях... Приятного мало. Какие-то не те, не восхищенные, мысли бродили в моей уставшей голове, и мы пошли дальше осматривать знаменитый музей. Ходили мы по нему до самого закрытия и, повторяю, устали до одурения. Миссия осмотра самого известного в мире музея была завершена. Уже никуда идти не хотелось, мы отправились поужинать, а потом в гостиницу баиньки. Тем более что младшая дочка уже спала на руках у папы, а старшая еле-еле тащила ногу за ногу.

Помню, что при дальнейших экскурсиях я однажды, не выдержав нагрузки, сняв обувь, уселась отдохнуть на роскошном газоне. Это был Люксембургский Сад – зеленый оазис отдыха в самом центре Парижа в Латинском квартале. Не открою, наверное, большой секрет или, как говорят Америку, если скажу, что Латинским он называется потому, что в этом районе сосредоточены учебные заведения и знаменитая Сорбонна, где ранее преподавание велось на латинском

языке. Сад занимает площадь в 26 га. В нем же находится и знаменитый Люксембургский Дворец. Сначала Дворец, а потом, естественно и роскошный парк с аллеями, фонтанами, мраморными статуями, роскошными цветниками были заложены, примерно в 1611 г. по приказу печально знаменитой Марии Медичи. Собственно, почему печально знаменитой? Просто знаменитой. Это все ухищрения художественной литературы, художественного вымысла. Именно читая литературу, мы только и запомнили Марию Медичи как знаменитую отравительницу с не менее знаменитой «аква-тофана», перчатками, духами, помадами, книгами и т.д. И все эти предметы, якобы, были искусно пропитаны разнообразно и сильно действующими ядами. А вот ведь не только такими темными предосудительными делами, вполне возможно, что и преувеличенными по милости необузданного воображения романистов и историков, занималась вдова Генриха IV. Основала Дворец, который и в настоящее время несет функциональную нагрузку, там заседают Сенат и Парламент. Ее стараниями проведен первый водопровод, проложены первые аллеи проспекта «Елисейские Поля», собраны картины во Дворце – цикл портретов королевской династии. Вот как! Однако, «хорошими делами прославиться нельзя!»

Узнавая что-либо об известных женщинах-правительницах или просто известных женщинах, каждый раз убеждаюсь, что они создавали нечто реальное, необходимое и задуманное доводили до логического конца.

Одни историки утверждают, что итальянка Мария была в молодости очень красива. Впрочем, кто из нас был не красив в юную пору? Другие же утверждают, что к преклонным годам она превратилась в расплывшуюся страшную жабу, плетущую интриги и заговоры, склочную и мстительную. И что же? Кому годы улучшают характер и придают привлекательность? Нужно еще учесть, что ни пластических хирургов, ни фитнес-центров, ни даже понятия о том, что такое диета не было. Ее характер же, властный и раздражительный даже в юные годы, не улучшился из-за непрерывной войны за власть с сыном. Вот и расцвели фантазии о «великой отравительнице». А о великой созидательнице – ничего. И в который раз можно убедиться, что история то превозносит субъект или событие, то мажет их черной краской и никогда не бывает объективной.

В Люксембургском Саду мы отдохнули от бесконечного бега созерцания символов Парижа, хотя и Сад сам по себе тоже отдельная достопримечательность. Дети под надзором родителей пускали кораблики-яхточки в центральном фонтане перед Дворцом. Фонтан необыкновенно красив и ухожен, возле него прохладно и уютно. Хотя он считается частью зоны развлечений для детей, но с корабликами играют и взрослые дяди-тети, аффективно и экзальтированно, как истые французы. Туристы тоже покупают лодочки, веселятся, фотографируются, ведут себя свободно и раскованно.

Полюбовались еще одним известным фонтаном, «Марии

Медичи». Он гораздо меньше, чем центральный, но впечатляет его украшение – мраморная группа из четырех женщин, изящных и гибких, символизирующих части света. Наверное же, заказав архитекторам строительство Дворца и Сада, королева не оставила своим вниманием их проекты, эскизы и сам ход строительства. Следовательно, именно она одобрила их красоту и соразмерность. Так что не одними интригами и отравлениями занималась Мария Медичи, а еще и созиданием. Недаром ее имя осталось в истории.

Парковая зона Сада геометрична, почему-то ее называют «французской», хотя я считала, что такое деление в садах называется «английской планировкой». По аллеям среди зелени и цветов чинно гуляют старички и старушки, парами и в спокойном одиночестве, ухоженные и умиротворенные, мамы с детьми и с колясочками. После занятий Сад оккупируют студенты из Латинского квартала – сидят, лежат на скамейках, валяются на травке, курят ее же, целуются, читают, беседуют, едят что-то и чем-то запивают. Видно, что это их любимое место для отдыха. Впечатление полной умиротворенности, хотя студенческая молодежь, как и всякая в мире, смеется, шутит, поет песни. Но не витает в воздухе недоброжелательность, злость – все спокойно.

Мы тоже отдохнули, а я, увидев, как легко и свободно, но без наглости и эпатажа, ведут себя посетители парка, позволила тоже небольшую вольность: сняла сандалеты и уселась на траву. Почувствовала себя парижанкой и без комплексов.

Этот незабываемый момент Виктор запечатлел на фото, заодно шутливо порицая меня за невоспитанность. Да никто и глазом не повел на подобное поведение: подумаешь! сидит на газончике элегантно одетая мадам без туфель и пусть сидит – значит ей удобно, никому она не мешает. Ну и что? А вот уже, будучи в Москве, он о-о-о-очень возмутился, что в вагоне метро перед ним женщина то ли из Средней Азии, то ли с Кавказа тоже сняла тапки, положила ноги на баул и расслабленно шевелила пальчиками, отдыхала. Никто тоже не сделал ей замечания, прямо как европейцы, но многие отодвинулись, ведь это было закрытое помещение, а не воздух и газон парижского сада, где покой, тишина, гармония зеленого оазиса и чистого воздуха. А Виктор Иванович тогда, видимо, и не вспомнил, как его жена вела себя в Париже! Сидела без туфель, прямо скажем, на улице!

Мы были бесконечно довольны, что побывали в довольно известных точках Парижа, особенно Лувре. Из этого музея музеев вышли немного прибалдевшие от обилия впечатлений, свернувшихся в нашем сознании в тугой клубок сведений, который распутывался долго и постепенно. Зато теперь с чистой совестью иногда можно небрежно вернуть: «А вот, когда мы были в Лувре...», – и ждать реакции. А реакция была и еще какая! Правда, мы никогда особо не подчеркивали в то время нашу «заграничность», чтобы не вызывать нездоровое чувство зависти и злобы. Вообще не принято было кичиться – нескромно, невоспитанно! Это сейчас никого

не удивишь турами в любую точку мира – и Слава Богу! Но тогда было такое время, что поездка за границу становилось явлением редкостным и прямо-таки выдающимся. От счастья пребывания там наш советский человек немного шалел и иногда до самой старости не умолкали его рассказы, как он побывал в «N», что видел и чувствовал... Даже Сенкевич, уж на что большой путешественник и умница, не один раз напоминал телезрителям, как «мы с Хейердалом»..., «когда мы путешествовали на «Ра»...», «в плавании к берегам Латинской Америки с Туром»... и т.д.

Вот и я вспоминаю тоже, пишу и, хотя восторгом не захлебываюсь, но вручу почитать своим друзьям-приятелям, родственникам, а может и другим интересно будет прочесть о частном восприятии частных случаев. А что? Забавно, необычно, развлекательно, большие кусочки жизни, причем не самые плохие. В страницы, которой, высокопарно изъясняясь, постоянно вписывались новые, интересные для меня истории. Эти страницы я и сама делала интересными и ни при каких обстоятельствах не чувствовала себя недовольной своей жизнью. А иногда по ходу дела придумывала такие забавные ситуации, просто прикольные, как сейчас говорят. У женщин и мужчин совершенно разная форма рассказа. Мужчины обычно излагают сухие факты, иногда озвучивая свое к ним отношение. Женщина же рассказывает истории. Мы прирожденные рассказчицы и рассказываем ярко, вкусно, эмоционально. А свою историю не грех и приукрасить

немножко-множко интересными и вполне правдоподобными деталями.

Один раз я, таким образом, специально и нарочно озвучила свое пребывание в Парже и именно в Лувре. И вышло действительно к месту, вот послушайте!

Произошло это в одном из ведомственных военных санаториев Крыма. Я отдыхала, подлечивала свои суставы, со мной в комнате была очень милая молодая женщина Валя. Ну, как обычно, перезнакомились, подружились, разговаривали: она о себе, я о себе. Ей было очень интересно слушать о Латинской Америке, и она все время просила что-нибудь рассказать, донимала меня самыми разными вопросами, слушала, открыв от любопытства и внимания рот, восхищалась. Вспоминала я свои зарубежные поездки с удовольствием, т.к. видела, что Валя слушает тоже с большим удовольствием, желанием узнать что-то новое и, главное, без зависти. Сидели мы в столовой за разными столиками. Ее визави был какой-то преподаватель словесности из Ленинградской военной Академии, лет под 55 или даже меньше, но по нашим тогдашним, а тем более Валиным, меркам почти глубокий старик. Смущал он ее не тем, что пытался навязаться к ней в поклонники и при этом зазывал поехать в Евпаторию, посетить интересные места. Подумал бы сначала, какие могут быть такие интересные места в городе, переполненном парализованными людьми? При этом, понизив голос до конспиративного шепота, говорил: «Поедем на такси...!» По его

понятиям этот аргумент был убойным.

Нет, не это нелепое ухаживание раздражало молодую женщину. Пусть тешится селадон! Дело в том, что он, не переставая, говорил, говорил азартно, напористо, с большим апломбом и амбициозом. Причем говорил, пережевывая еду, во время приёма пищи, как обычно выражаются в санаториях. Если учитывать, что у него уже тогда был неполадок с зубами, то эти беседы-монологи, становились еще тем зрелищем! А если еще и учитывать, что он не просто говорил, а многозначительно вещал, частенько употребляя выражения типа «Это должен знать всякий интеллигентный человек», «Как культурный человек, я могу заявить», «Это однозначно для всякого мыслящего существа», «Как филолог, я могу подчеркнуть» и т.д. в подобном роде, то слушателю хотелось стукнуть его солонкой по башке. Суд слушателя оправдал бы, не сомневайтесь!

Не знаю, какой он был филолог, как представился, но в его речи наблюдался ряд погрешностей: однажды вместо «ракурс» он произнес «ракрус», по-моему, путал слова «ограниченно» и «органично». И вообще выдавал такое лепепе, что и наш мальчик смог бы. Например, узнав, что Валя медсестра, а я учительница, наш филолог с видом философа-мыслителя глубокомысленно произнес: «Вы заметили, что жены военных или медики или педики?» Мы переглянулись, засмеялись и сказали, что, да, заметили. Это уже было, когда Валентина умолила меня пересесть за их столик, мотивируя,

что просто когда-нибудь не выдержит этого извержения словесного потока и нагрубит пожилому человеку. Представляю, как изумился и обиделся бы этот молодящийся мужчина, если б узнал, что мы зачислили его в пожилые.

До этого я ее убеждала, что, мол, не обращай внимания, подумаешь, пусть говорит, а ты не слушай, отвлекись и т.д. Однако давать советы – не давать взаймы, как гласит пословица. Так и получилось.

Теперь он стал изводить разговорами нас обеих. Причем переключил свое мужское внимание-обаяние уже на меня. Все же дама постарше, возможно без особых капризов и претензий, при ее-то возрасте, чем черт не шутит, может такой довод, как «Поедем на такси», на нее и подействует.

Видеть его по три раза в день жующего-говорящего, слушать очередную ахиною, и вежливая необходимость время от времени подавать реплики было не то что трудно, а просто лень. Завтраки, обеды, ужины проходили утомительно однообразно. Однажды на очередной вопрос: «А вы бывали в Ленинграде?» и, услышав в очередной раз «Нет» (до этого задавались вопросы «А бывали ли вы в Кижях, на Байкале, в Архангельске, в Киеве, в Перпердянке...?»), он ужаснулся в очередной раз: «КАК? Вы и в Ленинграде не были?», – и наставительно продолжил: «Каждый культурный человек должен побывать в Эрмитаже! О! Эрмитаж! Это – сокровищница мирового искусства! Как? Не побывать в Эрмитаже?! Нет! Это просто невозможно! Эрмитаж – это...». «Но позволъ-

те, – в первый раз я его перебила, – ведь кроме Эрмитажа существуют и другие сокровищницы, искусства. В Москве – Третьяковская галерея, в Париже – Лувр...», – я сделала паузу. Философ тут же попал в эту ловушку: «А ВЫ. БЫЛИ. В ПАРИЖЕ?», – отдельно-иронически вопрошает он запальчиво, подчеркивая каждое слово. «Да», – скромно отвечаю я, уставясь в тарелку и скромно же поедая огуречный салатик. «Когда?», – следует растерянный ответ с долей автоматизма. Я, помолчав, ностальгически-небрежно, как вещь само собой разумеющуюся, устало «вспоминаю»: «Когда?... Да вот проездом из Рио-де-Жанейро(!)... сначала... да, сначала мы побывали в Нью-Йорке – там я вам скажу тоже очень-очень неплохая художественная галерея, в том числе и современного искусства, но с Лувром, конечно, не сравнить. Правда, в Париже мы были всего десять дней (на самом деле семь), но, согласитесь, за неделю Лувр все-таки можно осмотреть...», – всё так небрежно, как нечто само собой разумеющееся говорила я, а потом пошла долбить его никами, джокондами, Роденом, сабинянками, египетским залом и чем угодно, что приходило в голову и даже кое-что, преувеличивая (поди, проверь, филолог! Все равно ты там не был! И не будешь!). И это простительно – наглая отместка за его нудные нравоучительные речи, за то, что должен видеть и знать «каждый интеллигентный человек». В это время челюсть его постепенно закрывалась, а глаза стали приобретать более осмысленное выражение. Все это я произносила, разглядывая свою тарел-

ку, лениво, не спеша, как нечто обычное, не требующее какой-то аффектации, и так же лениво доковыривая свой огуречный салатик. Валентина сидела открыто торжествующая и с неприкрытым злорадством посматривала на филолога. Трапезу мы закончили почти в полном молчании. Собеседник, правда, пытался выяснить, как это я очутилась в Рио-де-Жанейро, на что я опять-таки скучающе заметила, что, мол, знаете ли, капризы жизни и работы. В общем, мирнейшим образом втоптала его землю. Заметим, что это было всего-навсего в 1981 г., а мы уже успели побывать и в Перу. Я этим экзотическим путешествием уже не добивала мирного отдыхающего. Никаких туристов и туристических контор не было и в помине. Не было и ОВИРа, все выезды-въезды за рубеж считались terra incognita и проходили только через КГБ.

В дальнейшем наш сосед по столику в общении ограничивался лишь приветствием и пожеланием приятного аппетита, а потом, к счастью, уехал раньше, чем мы.

Так что посещение Лувра, хоть и в удручающе усталом виде, поощряется.

Конечно же, в Париже мы долго рассматривали Дворец правосудия, о котором какой-то французский писатель сказал, что он «приземист и безобразен». Не могу с ним согласиться. Во-первых, Дворец Правосудия – это сохранившееся северное крыло знаменитого огромного Королевского Дворца, построенного давным-давно, еще в царствование

«проклятых королей». Во-вторых, уже поэтому о нем просто невежливо говорить «приземист и безобразен». В-третьих, это памятник архитектуры, так действительно памятник! Слава Богу, что Дворец до конца не разрушили, чтобы расчистить площади. И, в-четвертых, побежали дальше! Сам Париж – один сплошной памятник!

А как же не зайти в Собор Парижской Богоматери, такой запомнившийся и восторженно полюбившийся еще в юности! Какие имена! Какие события! Нотр-Дам, поражающий воображение и привлекающий взоры туристов в первую очередь – готика в чистом виде, не убавить, не прибавить. Его строили 170 лет. Собор не теряет своей величественности до настоящего времени, сразу поражает воображение его симметричный портал и цветная огромная роза-розетка центрального фронтона – та самая гармоничность готики. Я думаю, что классицизм никогда не устареет, его душевная чистота, ясность и величие.

Внешний вид Собора запечатлен и растиражирован в тысячах открыток, рисунков, иллюстраций, постеров. Он знаком, знаком, знаком! Вроде бы и не находится даже слов, чтобы его описать..., но хочется.... Внутри же ошеломляет пространство, торжественность и устремленность в необозримый верх. Стены будто растаивают в потоках света, льющихся сквозь кусочки стекла огромных витражей. В Соборе мы удачно присоединились к экскурсии с русскоговорящим гидом, и здесь я узнала, каким образом создаются эти витра-

жи. Техника изготовления цветных стекол и свинцовых переплетов идет из глубины веков и при реконструкции почти не меняется: также вычерчивается выкройка в полную величину, а потом вырезается стекло, разве что цвет его не насыщается в средневековых тиглях, также вручную оплетают стекло в свинцовые перемычки. Получила подтверждение о так называемом «золотом сечении» – пятеричного деления круга, о котором имела смутное впечатление еще со времен обучения в художественной школе. Теорию его, т.е. гармонию и соразмерность, должны знать все художники и архитекторы, если собираются создать нечто эпохальное. Величина собора Нотр-Дам не кажется чрезмерной или громоздкой, как и все огромные готические сооружения, благодаря своему строению именно на основе точного математического расчета, того самого «золотого сечения» – идеальные пропорции и совершенство форм.

Кроме Собора Парижской Богоматери нельзя не упомянуть о белоснежной базилике-церкви Сердца Христова на вершине монмартрского холма. Конечно же, нам хотелось хоть одним глазком увидеть это знаменитое место. Мы оставили своих чад на попечение добрейшей Горбуновой и отправились на самую высокую точку города. Огромное множество магазинов, магазинчиков, лавок, лавочек, кафе солидных и на пять-шесть столиков, часто прямо на улице. Кстати, отсюда, с Монмартра, пошло название «Бистро». Казаки, которые добрались сюда в 1814 г. не церемонились с

побежденными французами и требовали, чтобы их обслуживали в общепите быстро-быстро.

На каждом шагу встречались лавочки с сувенирами, где преобладали большие, маленькие, из дерева, из металла, из пластмассы, в виде бутылочек со спиртным... догадайтесь, какие сувенирные изделия? Правильно! Эйфелевы башни! Мы не отличились особым воображением. Что купить на память себе и знакомым, будучи в Париже? Ну, конечно, знаменитую башню, предпочтительно бутылочку с коньячком. Кстати, такими сувенирами друзья-приятели были очень довольны.

Поглазели на художников, рисующих буквально одним росчерком угольного или пастельного карандаша для желающих портреты и шаржи (получить на память шарж на себя самого желающих гораздо меньше), продающие тут же и свои произведения: виды Парижа, акварели, пастель, масло, гуашь. Теперь, после Арбата, нашим туристам это будет не в диковинку.

Монмартр остался таким же прибежищем парижской богемы, художников, писателей, поэтов, музыкантов, как и в давние времена. Ведь именно здесь начинали свой путь к мировой славе Ренуар, Ван Гог, Поль Сезанн, Пикассо, Модильяни, Тулуз-Лотрек – извините, несмотря на свою скандальную репутацию не просто Тулуз-Лотрек, а Де Тулуз-Лотрек Анри Раймон Мари. Вот так-то!... Именно ему знаменитое кабаре «Мулен Руж» обязано своими красочными и

оригинальными декорациями и эскизами танцовщиц канкана. Именно здесь он написал портреты этих женщин богемы, запоминающиеся, но почему-то вызывающие жалость. Именно здесь получал он свою порцию запретной любви и пострадал за нее, парниша.

Вот как раз в давние времена на Монмартре и селились бедные начинающие гении из-за дешевого жилья и пропитания. Однако в настоящее время насчет дешевизны квартир и студий и на Монмартре худо. Это уже престижное место и, как везде, земля дорожает и дорожает.

Посмотрели и церковь Сердца Христова на верхушке холма, куда ведет длинная лестница с арками. У одной из них статуи Людовика Святого и Жанны д'Арк. Я все пыталась понять, какой порядковый номер у Людовика, решив, что это один из королей, а потом уж к своему атеистическому стыду поняла, что никакой это не король, а просто Святой Людовик – на том и успокоилась. Базилика, ее купола, колокольня построены из известняка, добывавшегося здесь же, на монмартрском холме, украшены многочисленной кружевной резьбой, башенками, фестонами, колоннами и из-за своего белоснежного цвета напоминает сливочный торт. А если смотреть издали, то особенно ослепительно высверкивает шпиль невысокой колокольни. Интересно, что построена она в память о жертвах франко-прусской войны 1870-76 гг. на средства по общественной подписке, и никто её после Французской Революции не снёс и не построил спортивный ком-

плекс с бассейном. Чтобы в дальнейшем восстанавливать с истеричным восхвалением отцов города за такие щедроты.

Что и говорить! Париж поражает воображение!

Переполненные впечатлениями мы, наконец, очутились на борту самолета, рейс Париж-Москва.

В отпуске мы повидали всех родственников, обрадовали их подарками и развлекли рассказами о заморском житье-бытье. Наш трехстворчатый, белорусский шкаф, набитый сувенирами, к концу отпуска опять сиял своими пустыми полками, хоть снова его заполняй. Но я была очень довольна, что теперь имела возможность преподнести такие подарки как шубки, золотые кольца, цепочки, джинсы, «выписные» пледы, платья и сумки из «Березки». И еще раз убедилась, что дарить гораздо приятнее, чем получать подарки. Чувствуешь себя этакой доброй феей, а вот когда сама получаешь, превращаешься в Золушку. Все остались довольны, а некоторые даже заказали, какие подарки хотели бы получить впредь.

Алену отправили с тетей Люсей в Пермь к любимой сестричке Галочке, чему Леночка была несказанно рада, т.к. хоть в Рио было и море, и фрукты, и шоколад, но дефицит общения со сверстниками сказывался. В Торгпредстве из девочек ее возраста она была единственной. Два мальчика в счет не шли, они дружили между собой, как и их семьи, так что даже на природу мы с ними не выезжали, и Алёнке приходилось довольствоваться только обществом или папы-мамы в

больших количествах, что тоже ей несказанно надоело, или малышней, что, конечно, было уже ей неинтересно.

Алена, упакованная по всем правилам на два года вперед, отправилась на Урал. Я взяла с нее слово писать что-то типа дневника на отдельных листочках – как, где, с кем она провела день, что увидела, чему удивилась, что подумала или почувствовала – и отправлять эти листочки мне в виде писем. Чтобы обещание не выглядело голословно, все было записано на магнитофон и являлось звуковым обязательством. Конечно, это шутка, но мне так хотелось, чтобы дочка хоть в таком письменном виде была все время рядом со мной. Я чувствовала, что буду безмерно скучать. Так оно потом и случилось.

В августе 1972 г. мы возвратились из отпуска, опять стали работать, отдыхать, словом жизнь в Рио продолжалась, и жизнь довольно насыщенная и интересная.

В это время отец, помимо своей основной работы, пытался что-нибудь сделать для своей крыши «Авиаэкспорта» и стал усиленно продвигать на бразильский рынок катер «Ракету» на подводных крыльях.

По этому делу он, представитель из Москвы и заместитель торгпреда отправились с потенциальными покупателями еще в один из знаменитых городов Бразилии Манаус. Там, на севере страны, где сливаются реки Riu Negro (Черная река) и среднее течение Амазонки, и находится сам город. Ширина реки здесь достигает нескольких десятков метров,

гораздо шире и полноводнее нашей Волги, по крайней мере, в настоящее время. Рядом с городом и рекой – джунгли. Можно прогуляться в джунгли, но это для особо рискованных: мало того, что там змеи, но даже безобидные летающие тараканы, пусть неопасные, но от этого не менее противные, врежаясь в стремительном бреющем полете тебе в шею или другую открытую часть тела, вызывают дрожь омерзения. Там мелкие грызуны и крупные хищники, обезьяны, в том числе и «бригиза»-ленивец, наш давний знакомец и, самое опасное, всегда с дерева или кустарника, или вообще ниоткуда на тебя может свалиться огромный ядовитый паук, гроза тропиков, *viuva negra* – черная вдова. Получил такое прозвище паук из-за того, что его самка в несколько раз крупнее самца и сжирает последнего после спаривания, «вот и вся любовь». Они действительно очень ядовиты и не менее опасны, чем змеи. Так что городскому человеку, белому, очень стоит подумать, гулять в джунглях или нет.

Зато только в тропических зарослях можно полюбоваться летающими цветами, бабочками самых разнообразных ярких расцветок и размеров. Некоторые бабочки по размаху своих крыльев достигали величины размаха крыльев летучей мыши. Одно время их почти уничтожили любители экзотики. Особенно хищно отлавливали знаменитую бабочку с крыльями, отливающими бирюзовым неоновым светом. Был вынесен даже закон о запрете на ловлю таких бабочек, что не мешало его нарушать, видеть и покупать в магазинах су-

венирные изделия с ними, бедными экзотами, пойманными, расправленными, засушенными и под стеклом в рамке. Кстати, и у меня остался образчики такого сувенира, их мне подарили благодарные родители после окончания одного из учебных годов или на 8-е Марта. Не помню.

Манаус – это столица штата Амазонии, он был основан португальцами, как собственно и все значительные города Бразилии, в середине 17-го века. Название его произошло от названия индейского племени, проживавшего на этой территории. Манаус был одним из богатейших городов во времена каучукового бума. Знаменитые бразильские фазендейро-«полковники», владельцы каучуковых и кофейных плантаций, начинавшие свой бизнес именно в этих местах были несметно, просто сказочно, богаты. Бразильские Крезы. Это как раз в те времена выписывали из Парижа танцовщиц, предпочтительно натуральных блондинок, целые балетные и оперные труппы из Италии и, представьте, из России. «Русский балет», знаменитые сезоны Дягилева, минуя Рио-де-Жанейро, прибывал прямо в Манаус, чтобы потешить португальских нуворишей. Там танцевала даже знаменитая Анна Павлова, и в фойе театра висит мемориальная доска в память об этом знаменательном событии. Специально для таких целей был построен театр, точная копия Миланского «Ла Скала». В Манаусе же были проведены трамвайная линия и троллейбус, первые во всей стране. Жизнь кипела и бурлила, но тут бах! – «вторая смена!» – изобретен синтети-

ческий каучук, а кофе стали выращивать и в жарких странах Малайзии! Бразилия – традиционный лидер в мировых поставках кофе и, самое главное, сырья для резины, потеснилась и встала в ряд с другими государствами.

Монополия Манауса на международном рынке исчезла. Полковники перестали раскуривать купюрами гаванские сигары, скрученные на внутренней стороне бедер молодыми кубинских мулатками (почему-то утвердилось мнение – такие сигары якобы запашистее!) Ну, мужчинам хочется так думать! Постепенно исчезли белокурые «красотки кабаре», манаусский «Ла Скала» без артистов и должного ухода стал ветшать, полковники прекратили небрежно относиться к дензнакам, многие недалёковидные дельцы разорились. Из города начался отток рабочей силы, пустели и жилые дома. Город, недавно столь цветущий, грозился превратиться в захолустье. Собственно и превращался...

Бытует мнение, что понятие «Великая депрессия» вошло в мировой экономический лексикон, именно начиная с Манауса.

В 1967 г. правительство Бразилии, чтобы поднять бюджет города и интерес к нему, объявило его зоной свободной от налогов. В Манаусе стало опять выгодно развивать бизнес, производить недорогие товары, в город потянулись челноки-оптовики, он стал постепенно оживать и опять обустроиваться. Помпезные особняки из мрамора, с витражами, скульптурами, ухоженными газонами снова заселены –

покупались «новыми бразильцами», ремонтировались и реконструировались в духе современности – опять можно курить гаванские сигары, на каких бедрах их скручивали уже не имело значение. Важно, что ты уже раскуриваешь настоящую «гавану».

В городе без налогов выгодно работать и дешево прожить. Даже состоятельные туристы посещают Манаус ради магазинов, ломящихся от дешевых товаров почти из всех стран мира. Манаус – «открытый порт» и импорт из Европы и США увеличился к 1970 г. почти в пять раз. Там действительно товары не превышают стоимость таких же в Европе, а иногда их продают и дешевле.

Было бы странно, если бы торгпредские пропустили столь удобный момент и не дали бы кое-какие поручения нашим командировочным. Моему супругу много не поручишь, т.к. заявление «Я работать туда еду, а не шататься по лавочкам» было абсолютно естественным и правильным, но прикупить торгпредским женщинам модные тогда парики он пообещал, так уж было заведено – выполнять маленькие невинные поручения друг друга. А тут Манаус! Все дешево, от париков до современной техники! Я тоже заказала короткие съёмные прически медного и седого цвета. Тогда я могла себе позволить экстравагантную голубоватую седину, еще более подчеркивающую молодость и внешность. Это было очень интересно, менять прически: сегодня длинные волосы, завтра – стрижка, послезавтра – кардинально другая цветовая гам-

ма. Но насколько я любила экспериментировать в одежде, настолько неохотно надевала парик. Но что поделаешь! мода! Это слово – жупел для женщины, и она на все пойдет, чтобы следовать моде, даже натянет в жару душные синтетические волосы на собственные нормальные кудри.

Наш отец привез парики всему Торгпредству и много впечатлений. Естественно на очередной «пятнице» он рассказывал об этом городе.

Очень интересна конструкция манаусского причала: гигантская бетонная платформа «плавает» прямо на поверхности реки и может принимать суда независимо от уровня воды в реке, даже нефтяные танкеры из Перу и океанские лайнеры из крупных портов мира, в том числе и из Ленинграда. А перепады уровней воды исчисляются не метрами, а десятками метров во время паводков. Этот своеобразный плавающий причал в виде буквы «Т» поднимается в период паводка и опускается при низкой воде. Наводнения заставляют многих жителей Манауса строить дома на высоких сваях, или как городской причал, на плавающем фундаменте.

Знаменитый театр отреставрировали, но постоянной труппы он не имел, там время от времени давали представления приезжие гастролеры, проводили все городские праздники, в том числе и школьные, иногда выступала местная самодеятельная труппа. Скорее всего, театр, копия «Ла Скала», служит как музей и воспоминание о роскошном прошлом Манауса.

Поражают туристов полосатые реки. Недалеко от города, примерно в 10 км, голубая вода реки Солимоинос встречается с коричневыми водами Риу Негру и, долго не смешиваясь, течет по Амазонке. Реки рассматривались на предмет продвижения по ним родной «Ракеты» – катера на подводных крыльях.

Наши мужчины не преминули получить порцию адреналина – искупнуться в этих реках. На это могли пойти только безбашенные советские чуваки – река кишмя кишит пираньями. Об этих маленьких рыбках, об их прожорливости и хищных инстинктах, ходят легенды. Да собственно, это не легенды, а чистая правда. Индейцы, например, чтобы предохранить свое племя, поселение от инфекций опускают своих умерших в воду и хоронят потом только чисто обглоданный скелет. Ведь климат влажный, земля влажная, дождей много – захоронение покойника по нашим ритуалам просто невозможно, ручейки из могилки могут создать очаг заболевания. Так что и пираньям нашли вполне утилитарное применение. Кстати! Об индейцах-охотниках в джунглях... Не так уж легко там прокормиться, в этих дебрях Амазонки, т.к. любая охота требует смелости и сноровки, которую индейцы, уже испорченные цивилизацией, сильно подрастеряли. А жить и кормить семью-то нужно, организм требует белковой пищи, поэтому едят собак, змей, личинок крупных насекомых и жирных червей. Мы тоже едим органику, только в другом виде: молочных телят, цыплят, уток, конину, свиней,

раков и омаров вкупе с миногами. Ну а что едят последние лучше не знать.

Вернемся к нашим смельчакам-командировочным. Они все же решили поплавать в реке с рыбками, которых боятся во всём мире! Заказчики привезли ненормальных «русос» на Амазонку на катере. Как же! купался в Амазонке!!! Звучит? Звучит! Отпустили бедолаг в реку. Сами же сопровождающие, такие же коммерсанты, как и приезжие, но не такие отважные, и еще два военных охранника с автоматами внимательно смотрели на водную гладь, не появится ли где-нибудь подозрительная серебристая рябь. (Прямо стихи: «рябь – гладь!») Говорят, что на берегу собралась охочая до зрелищ толпа бразильцев смотреть, что же произойдет дальше. Цирк!

А автоматчики-наблюдатели, покуривая, мирно стояли на палубе. И что бы они со своими автоматами сделали? Но считается, что пираний отпугивает громкий шум, треск... А возможно это только считается, я бы не отважилась проверять. Но «туристос советикос» в полном расцвете идиотизма полезли в реку на русский авось и уцелели. Вот уж теперь точно будет, что рассказать дома! А сколько ненавязчиво ввернутых фраз о собственной мужественности и отваге! Пренебрежительных слов о местных аборигенах – «да они там все слабаки!»

Амазонский бассейн (более 200 притоков) содержит одну пятую запасов пресной воды в мире, а леса Амазонии назы-

вают «легкими планеты». В лесах растут выше 4000 видов деревьев, а в Европе их всего 200. Водные обитатели весьма разнообразны: вкусная съедобная арапаима достигает размера 5 м, а всем известные аквариумные рыбки-бразильцы гуппи всего 2-3 см, пресноводный дельфин «иния», ламантин-сирена... Вот, кстати, и еще один запас белковой пищи для жителей Амазонии. Индейцы необыкновенно искусные рыбаки. Из обилия животных интересны редкая кустарниковая собака, яркие бабочки с размахом крыльев до 30 см, жуки длиной 15 см, страшная ядовитая змея. Её толщина шириной в туловище человека – страшно даже представить такое чудовище, но вот обитает она таки в джунглях. Самый крупный грызун в мире со смешным названием «буш-мастер» тоже нашел там свой ареал – это «капибара» с зубами-резцами, как плотницкое долото. Если мышку увеличить в 1000 раз, то и получится такой милый Микки-Маус.

В водах же Амазонки насчитывается около 2500 видов рыб и все они, в основном, большого размера. Морская свинья, например, весит 50 и больше килограммов, а анаконда, водяная змея, длина которой достигает 9 м, может запросто проглотить эту морскую свинью. А существуют еще отвратительные малюсенькие рыбки, которые могут внедряться в естественные отверстия человеческого тела и там оставаться. Результат такой экспансии можно представить только в кошмарном сне.

Пирания, хоть и некрупная рыбка, но тоже очень опасна.

Супруг привез из Манауса чучела этих милых экзотических зубастиков: одна – небольшая красивого серебристого цвета с алым брюшком, такая милая и нестрашная рыбка, вторая – взрослая особь темного цвета, размером с нашего огромного леща. Обе, и милая маленькая, и огромная- лещ, устрашают своими острыми зубами, как у акулы, – челюсть выпячивается вперед, а зубы заходят друг в друга. Таким образом, пиранья откусывает сразу куски плоти, не тратя усилий и времени на терзание жертвы.

Кстати, «Ракету» все-таки продали военному ведомству, может, контрабандистов на реках хотели ловить. Отсюда, наверное, и наличие автоматов у сопровождающих.

Цель командировки, продажа катера на подводных крыльях, была достигнута. Восторгу торгпреда не было предела, хотя катер продали в единственном варианте, но ведь продали же. Престиж Виктора Ивановича, ненастоящего, поддельного торговца, вырос, и на какое-то время замолкло шипение «чистых» инженеров Торгпредства. Это была достаточно крупная сделка.

Вот продавать книги и покупать кофе в Бразилии гораздо легче, особенно покупать кофе. В этой области и усилий-то особых прикладывать нет надобности, продавцы сами прибегают и будут наперебой предлагать свой товар, еще и «откат» предложат. Но с этим делом тогда было строго.

Наш главный «кофейник» Саша Утенков был на особом счету: бразильские экспортеры кофе носились с ним как с

«писанкой»: все время приглашали на различные презентации, встречи, суаре и т.д. Еще бы! такой рынок как Советский Союз многого стоил! Саша не был жадюгой – приемная Торгпредства всегда пополнялась запасом прекрасного ароматного бразильского кофе. «Кофейный» отдел был самый выгодным для работы отделом. Саша – весь в шоколаде, кофе, подарках и сувенирах. Вел себя соответственно: с расслабленным достоинством в темных очах. Кажется был неглупый человек, понимал, что нужно просто правильно оформить бумаги – и все, а суетиться будут бразильские продавцы, они и суетились, а Саша расслаблялся, считал себя ба-а-а-льшим специалистом во «Внешторге». Жена его Галина была миниатюрная милая женщина с тоскливыми иконообразными глазами. Будешь здесь тоскливой! Она просто боготворила своего неповторимого Сашу, а супруг почему-то перекладывал на нее вину за рождение ребенка с инфантильным развитием. Можно подумать, что сам он в появлении на свет мальчика участия не принимал. Галя же вкладывала в развитие и воспитание сына столько усилий, что мне по-настоящему было ее жаль, но я и восхищалась ее любовью, терпением, доходившим до стоицизма. Только благодаря ей, только ей, Алешку не определили в специальную школу для умственно-отсталых детей, где он обязательно стал бы дебиллом, а так он худо-бедно тянулся за остальными детьми, а мы, учителя, тоже старались ей помочь, занимались с ним индивидуально и дополнительно, вовлекали

в игры с детьми, давали посильные поручения. Конечно, в Москве никто не позволил бы ему два года учиться в первом классе и никакой бы учитель не стал бы возиться с таким специфическим учеником, тем более индивидуально. Мы все время были в контакте с мамой-Галей. Это тоже было проще, чем в московской школе – учитель и родители жили рядом, школа находилась тут же: сначала в Консульстве, потом в Торгпредстве. Галина была просто героиня...

Да, про Манаус-то! В Манаусе произошел забавный случай со командировочным... Ну что купался он в Амазонке вместе с нашими полоумными мужьями, это однозначно почти забавно. Вот рассказов-то в Москве будет! Но ему ведь тоже наказали привезти из безналоговой свободной зоны разные дешевые шмотки и не только себе, но и непосредственно в «Авиаэкспорт». Вот человек и старался! А португальского-то языка не знал, но, указав на вещь, говорил простейшее «Куанто куеста?», – сколько стоит?, при этом международным понятным жестом потирая пальцами. Ему писали на бумаге цифру или показывали ценник, он обязательно спрашивал еще «дисконто» – скидку. Давали дисконто – хорошо, не давали – думай сам покупать или не покупать. Иногда он пытался пользоваться английским языком, но в Бразилии, тем более на ее окраине, где-то на севере, этот язык тогда не являлся распространенным. Итак, ему, кроме всего прочего, нужно было купить такую экзотическую вещичку, как накладные ресницы. В Союзе они были послед-

ним пискотом моды в сфере макияжа и внешторговские дамы не хотели отставать от международных стандартов, вот они втайне друг от друга и просили привезти им такой милый пустячок, «так, знаете ли, для шутки, посмешить своих близких!» Это сейчас даже пропагандируется и рекламируется логотип «измени свою внешность, стань лучше, зайди к пластическому хирургу и т.д.» и это является признаком самодостаточности и просто достатка, гламурности, в конце концов! Тогда же все примочки со своей внешностью делались втайне. Тщательно скрывались, адреса хороших массажисток передавали очень неохотно и только своим близким подругам, составы «омолаживающих» масок и кремов не озвучивали. Все были красивы от природы, и хороший цвет лица им доставался исключительно от родителей. Прямо как дети, каждый играл со своей любимой игрушкой сам. Вот таких просьб о ресницах, париках и комплектов теней у представителя «Внешторга» накопилось около десятка.

И тут в бутике Манауса началась сцена под названием «миниатюра в психбольнице»... Вначале русский парень перемерил множество разноцветных женских париков, что вызвало сначала легкое замешательство среди персонала бутика. Померил, понравившиеся отложил. О! Почти оптовый покупатель! Продавцам он стал несомненно нравиться, несмотря ни на что – если бы он примерял мужские накладные усы, бакенбарды и даже мужскую поросль на грудь, такие прибаамбасы там тоже имелись в наличии, то это было по-

нятно, но женские парики? Это навевало другие мысли, игривые. Потом он отложил несколько коробок макияжа. Тоже прекрасно! Ленивые, разморенные солнцем продавцы совсем вострепнулись, но следующая просьба выгодного покупателя их озадачила. Он сказал: «Мне надо...», – и стал тыкать пальцами себе в глаза. Ему подали образцы очков, он их отодвинул и сказал: «Это я тоже куплю, потом, а теперь покажите мне это...», – и опять показал на глаза. Предложили выбор разноцветных теней. «No!» Пинцет? «No!» Щипцы для завивки ресниц? Да «по» же! Он стал поводить глазами, растарашивать их, опускать долу. Продавцы же начали понимающе переглядываться, пряча усмешки и каплю презрения к столь странному клиенту. Бразильцы убежденные «мачисты» и иметь дело с мужиком, покупающим явно женские штучки, да еще примеряя их, им было не по вкусу. Но бизнес есть бизнес. Они преувеличенным рвением и признательностью к покупателю еще раз предложили ему набор очков, теней, пинцетов, щипчиков другой марки. Мужик нервничал, удивлялся тупости «бразилейрос» и, наконец, позвал на помощь представителей торгпредства, т.е. Рэма и папу, которые с удовольствием наблюдали этот миманс, но не вмешивались. А что? Правильно! Раз решил сам разбираться – пожалуйста, они уже прониклись духом другого менталитета: «не лезь не в свое дело», если это просто перевести. По просьбе трудящегося объяснили, что же ему нужно и для кого – для женщин! Ситуация разрулилась, продавцы разулы-

бались, услышав, что это сувениры для сеньора этого самого представителя: вот какой крутой русский, настоящий «мачо»! Столько женщин имеет! На прилавок были выложены все имеющиеся в наличии накладные ресницы, накладные ногти, клей и лак для них, рисуночки на лак. На витрине их просто не было, поэтому и случилась смешная ситуация – мужик просто не мог ни на что показать пальцем. Одну пару ему просто подарили и пошутили: мол, это для сеньора лично. А ресницы в Бразилии востребованы только в шоу и на карнавале, самим бразильянкам приставок не нужно, у них свои роскошные волосы и ресницы.

Так что поездка в Манаус было не только успешной, но и познавательной. В качестве сувенира оттуда было привезено, как я уже сказала, чучело огромной, видимо, уже старей, черной (обычно они милого серебристого цвета и оранжевым брюшком) пираньи с устрашающим оскалом зубов, как напоминание о беспечном купании в водах Амазонки.

В Москве наша кошка отгрызла от амазонского страшилища плавник. Пришлось его реанимировать плавником от сухой нашенской воблы – никто не замечает подмены. Теперь, после моих опусов, узнают!

САН – ПАУЛУ

В третий мегаполис в мире после Токио и Нью-Йорка и один из самых знаменитых городов Бразилии Сан-Паулу мы поехали тоже в командировку, в тамошний филиал торгпредства. Кроме того, что у мужа там были дела, лично меня

тоже ждали с самыми распростертыми объятиями родители моего ученика-экстерна, первоклассника.

Господи Боже мой! Экстерн! Семилетний малыш, родители которого умолили руководство оставить его с ними на год обучения в первом классе под свою и, главное, под мою ответственность! Самое интересное, если бы я не согласилась обучать ребенка на расстоянии, держать под контролем процесс, подробно консультировать и проверять родителей, то семилетнего бедолагу отправили бы в московский интернат. Испуганные родители приехали уговаривать учительницу, но меня и не нужно было уламывать – я только что оставила дочку хоть и не в интернате, но все же далеко, так что чувства родителей хорошо понимала. Тем не менее, это действительно было под мою ответственность. Если бы его мама стала манкировать занятиями, то отвечать пришлось бы мне. Я очень серьезно объяснила маме (конечно мама должна была взять на себя эту обузу! Кто же еще?), что для ребенка вполне достаточно будет просто тщательно проработать учебники, но заниматься обязательно РЕГУЛЯРНО, пусть не по 45 мин., но КАЖДЫЙ ДЕНЬ! Я и сама со своими учениками занималась по скользящему графику, одни уроки могла удлинить, другие сделать короче, в зависимости от усвояемости и интереса к материалу – и дела шли отлично! Родители слушали меня как Бога. Я каждую неделю – связь между представителями Торгпредства Рио и Сан-Пауло была систематической – посылала им подробные разработки

уроков; они мне тетради, я им – замечания, указания, образцы, советы и т.д. Все это передавалось с оказиями, которых было не мало, все болели за маленького студента-заочника и видели желание матери и учительницы вытянуть его только на «отлично». Раза три мальчишечку привозил папа на «настоящие» уроки и сам присутствовал на занятиях. Т.к. я занималась сразу с двумя классами, с первым и третьим, то ошеломленный папа, сразу даже не врубился, как можно так жонглировать: объяснениями, опросами, указаниями, заданиями... Он только сказал: «Теперь я понял, что нельзя тянуть урок!»

Он правильно понял основное: ученик в школе должен уложиться в указанное время, тем более что задание на него и рассчитано, а возле мамы можно и понежиться, и полениться, и дурачка повалить. Видно мой «экстерн» так и поступал, потому что ничего на уроке не успевал и испугался. Пришлось его подбодрить, давать ему меньшее задание и оставить на недельку вместе с папой в Рио. Мальчик понял, что от него хотят, повеселел и даже не хотел уезжать от новых друзей, ему тоже там одному было скучно. Я его и оставила у себя еще на недельку, а потом переправила с очередным командировочным и подробными инструкциями: указывать время исполнения задания и постепенно его сокращать. Так и продолжалось.

Поэтому, когда мы собрались в Сан-Пауло, ни о какой гостинице не могло быть и речи, мы стали дорогими гостями у

родителей моего первоклассника. Они нам много и рассказали о городе и показали его.

В Сан-Пауло более прохладно и дождливо, чем в Рио-де-Жанеро, жарких дней меньше и иногда можно было пользоваться шерстяными вещами. В городе тогда насчитывалось более 6 млн. человек, наблюдались проблемы с жильем, транспортом, водой и энергоснабжением, как результат и с канализацией, с перенаселением и другими неприятностями мегаполиса.

История его возникновения такова: в 1534 г. группа бандейрантес, опять же первопроходцев, устраивают на месте будущего Сан-Пауло поселение под названием Пиратининга. Поселение долго не расширялось, отсюда особо верующие устраивали походы для истребления инаковерующих, забываясь даже в Парагвай, чтобы насаждать там свою истинную веру, католическую, видимо.

Даже через 300 лет в поселении проживало всего 350 000 жителей. Но кофейный бум дал толчок росту и городу Святого Павла. В окрестностях Рио земли стали истощаться, приходилось продвигаться вглубь страны, в окрестностях города разбивали плантации кофе, рос и сам город. И уже в 1932 г., он стал по количеству населения и развития промышленности превосходить Рио. Ведь Рио-де-Жанейро мог расти только в длину, вдоль побережья Атлантики, ограниченный холмами. А Сан-Паулу расширялся центрически, места хватало.

Он становится экономическим сердцем Бразилии, на его

долю приходится 40% национального дохода страны. Жители Сан-Пауло утверждают, и на самом деле уверены, что в стране только они самые работающие, а остальные, особенно «кариоки», всю жизнь веселятся за счет таких работяг, как бедные «паулисты», а столица Бразилиа только распределяет деньги, заработанные ими же, паулистами.

Бразилия заполнена многими разновидностями рас, но в Сан-Пауло национальности замешаны более разнообразно, тесно и круто. Много выходцев и из России. Но все они «паулиштош» и не разбираются «кто есть кто». Некоторые эмигранты сделали себе очень приличное состояние в 30-х годах. В начале рост и бурный экономический прогресс города были обеспечены кофейным бумом на рубеже прошлого столетия. Стали разрабатываться плодородные почвы в окрестностях Сан-Пауло, и блистательный Рио уступает пальму первенства паулистам.

А как раз, в 1929 г., в Америке наступает большой экономический кризис, она резко сокращает закупки кофе в Бразилии, втягивая ее, тем самым, в орбиту кризиса.

Чтобы не занижать цены на кофе, его стали сжигать в топках паровозов. Говорят, что в те времена город накрыл горький кофейный смог и, что больные и старики задыхались в нем.

Оборотистые и предприимчивые паулистские буржуа стали вкладывать свои капиталы в текстильную и пищевую промышленности, а впоследствии и в автомобильную, город не

захирел. Большую роль сыграло так же и то, что рядом находился и большой порт Сантус.

Город застроен высокими небоскребами, тесно, суетно, пыльно, автомобили скорее больше стоят, чем двигаются по дорогам. Сан-Пауло это «бразильский Чикаго» – сверхвысокие дома, сравнительно узкие улицы, подсвеченные истеричные всполохи рекламы и сопровождающей ее музыки, хитро сплетающиеся виадук и дымные грязные туннели. После пахучего океанского воздуха Рио, начинаешь понимать, как хорошо, что наше Торгпредство находится именно там.

Наши знакомые жили в сравнительно просторном и зеленом районе, у них тоже была подобная система жилья, как и в нашем Торгпредстве, но более маленький и уютный особнячок с достаточно просторным двориком и бассейном. Были также и отдельные две квартиры для приезжих. Так что мы хоть и были в гостях, но могли не чувствовать себя навязчивыми.

Численность населения города уже тогда превышало 6 млн. человек, предполагалось, что к 2000 году его население увеличится до 13-15 млн. Думаю, что предположение сбылось.

В Сан Пауло, кроме небоскребов и пыльных улиц, много и зелени, и достопримечательностей. Большой оазис прекрасного городского Парка Независимости, где находится Музей бразильской истории; и прекрасно обустроенный зоопарк с буйной тропической зеленью в силу своих возможностей

справляются с городской пылью и смогом. Зоопарк славится своей коллекцией тропических птиц, настоящих райских цветов. Особенно поражают воображение яркостью своего оперения колибри.

Мы с удовольствием прошли по красивому и просторному проспекту «Паулиста», не переминув полакомиться чурасками в чураскарии, выпить по чашечке ароматного крепкого кофейку.

Нас приятно удивила симпатичная небольшая церквушка с двумя маковками, очень похожая на православную. Однако церковь Nossa Dama Brasil была сугубо католической, внутри скромной и даже аскетичной, без особой позолоты и помпезности, которой отличаются наши церкви. В католических церквях всегда находятся скамьи для прихожан, что, как мне кажется, не должно оскорблять Бога, ведь искренняя молитва должна вознестись к Нему независимо от того, сидит ли человек, стоит ли, или находится на коленях. Да, сидя молиться со всех сторон удобнее: можно сосредоточиться на цели своего общения с Богом, а не прерывать мыслями благочестивого молитвенного состояния из-за того, что у тебя болит спина, или затекли ноги.

В городском Музее изящных искусств представлены великолепные полотна известных художников. Там находятся картины Рембрандта, Модильяни, Ван Гога, Пикассо, мрачные холсты Босха и Дюрера, оригинальные, озорные и откровенные полотна Тулуз Лотрека, Пикассо...

Интересно насколько работоспособны и трудолюбивы были известные и почитаемые художники, если почти каждый музей крупного города может похвастаться их картинами? Я подозреваю, что музеи не брезгают и копиями, но хорошо изготовленными, возможно и так называемыми «репликами», т.е. повторами, изготовленными самими художниками со своих же картин. А вот в Национальном музее Рио-де-Жанейро имеются картины Шагала «Погром», «Война». Их хотел купить какой-то американский миллионер родной ему еврейской национальности и предлагал немислимо разнузданные высокие цены. Однако Шагал не согласился, «на буржуев смотрим свысока», совладал с искушением, и полотна остались драгоценным достоянием Бразилии.

Но больше всего Сан- Паулу гордится своим институтом Бутантан – медицинским, крупнейшим в мире, центром изучения змей и получения противозмеиной сыворотки.

В Бутантан можно прийти с экскурсией, что мы и сделали. На территории института растут кофейные, палисандровые деревья, бугенвиллии, вообще разнообразие растительного мира, буйство зелени феноменальное, что неудивительно в тропическом климате. Тут же попадаются на глаза славные, аккуратно подстриженные газончики-лужайки, окруженные бетонной оградкой, вообще-то и не очень высокой. Оказывается, вот там-то и лежат, ползают, греются на солнышке эти самые змеи, предмет изучения серпентологов. Для гадов созданы комфортные и необходимые им условия: густая

травка, гротики из камней, коряги, тепло и сыро, прямо как в «Пенсне о Буревестнике». Змеи там самые разные: большие, маленькие, с красивым ярким узором и совсем тусклым, незаметным, но все ядовитые. Гады они есть гады! Самая ядовитая – это гремучая змея.

Каждый день у обитателей серпентария берут яд. Потом такая «пустая», без яда, змейка определенное время отдыхает. Их же еще как-то и запомнить нужно, у какой змеищи взяли яд, а у какой нет! Возможно, у них какое-нибудь кольцевание есть или написанные номера? Или клички? «Пуся, пуся, пуся, иди ко мне, маленькая!»

Часто «доить» змей нельзя, они сдохнут. А как брать? Легко сказать – взять яд! – А ты поди – возьми!

Просто (ага! просто!) нужно войти в бетонную оградку, осмотреться-оглядеться. Визуально выбрать(!) подходящий экземпляр, потом осторожно вытащить его из гадючьего клубка, если таковой имеется, прижать голову змеи к земле, крепко (не задушить бы!) взять её за шею где-то возле головы, найти бы её точно эту шею!, подставить мензурку. Змея яростно кусает мензурку и по стеклу тягуче сползают 2-3 капли яда. Вот такую пунктуальную, тщательно отработанную процедуру должен осуществить опытный работник серпентария каждый день! Ей-богу! Как минер! Мне кажется, что такой «доильщик» уже не раз был укушен змеями и должен был выработать иммунитет против них. А иначе как же? Работа прямо со смертельным исходом, тем более что

ведь подавляющее большинство людей до обморока боится этих ядовитых пресмыкающихся.

В год набирается всего (по капельке) 2-3 л ценнейшего сырья для сыворотки, которая рассылается по всему миру и спасает тысячи человеческих жизней.

Конечно, на глазах экскурсантов такую процедуру не проводят, хотя они сразу перестают галдеть и только с опаской, вытягивая шею, поглядывают за барьерчик. Гид, как всякий латиноамериканец, очень красочно и эмоционально, описывает это действие. Причем уснащает свой рассказ подробностями столь живописными и ужасными, что закрадывается смутное сомнение в правдивости его слов...

Повидали змей, отправились смотреть других экзотических животных, уже в зоопарк. Он знаменит своей коллекцией тропических птиц. Я уже не помню, каких животные произвели на нас большее впечатление (на детей – очень «экзотические» и понятные им пони – Ой! Лошадки!), но вот, что любовались колибри, это отлично помню. Они находятся в огромном вольере, где созданы все мыслимые условия для них проживания.

Это – уникальная птица, крылья позволяют ей летать вперед, назад, вбок, не разворачиваясь в сторону полета, как насекомому, надолго зависать в воздухе. Хотя ее размеры не превышают 5-5,5 см, она очень агрессивна и может нападать на крупных птиц, например, на ястреба. Так сказал гид, только я не поняла, как она может напасть на ястреба, если яст-

реб кажется в сотню раз крупнее и сам хищник, разве только он ее просто не увидит, т.к. она передвигается с непостижимой для глаза скоростью, достигая при попутном ветре до 90 км в час!

Колибри питается нектаром (а нападает на ястреба? Так ли это?), полигамна. Движение ее крыльев на глаз воспринимается как некоторое дрожание воздуха, а структура перьев такова, что расщепляет свет и позволяет меняться окраске колибри в зависимости от освещения – она переливается как маленький драгоценный камень. Недаром в XVIII – XIX вв. их популяцию почти извели – дамы украшали чучелом колибри прически, шляпки, платья и называли их «жой-яс»-драгоценность, летающая драгоценность.

И еще одна неповторимо буйно раскрашенная, тоже особенная птица – попугай. От самых разнообразных размеров и расцветок попугаев может запестреть в глазах, их очень много, известно около 300 видов. В зоопарке большая часть их находится в вольерах, а некоторые просто вольно сидят на ветках, поворачивают головы на 90 градусов, щурят глаз на посетителей, а иногда и выстреливают в них едкими отходами своей жизнедеятельности, проще – какашками. Это уж какому посетителю повезет, а какому нет! А ты не стой под стрелой!

Это единственная птица тоже в своем роде уникальна и ею можно любоваться часами, т.к. попугаев одинаковой расцветки не существует. Они напоминают летающие цветы или

даже букеты в зависимости от размера. Птица берет пищу лапкой, подносит к клюву, аккуратно или неаккуратно разгрызает то, что Бог послал. Клюв попугая может сломать палец человека в один миг. Так что этой птичке палец в рот не клади.

Туканы – тоже разновидность попугаев, очень забавные птицы похожие на клоунов со своими огромными носами и ярким оперением. Носы у них топориком и такого размера, что кажется сейчас, вот-вот сейчас, перетянут голову, и птица чебурахнется. Однако тяжесть носиков только кажущаяся, кость клюва наполнена пустотами, но от этого не менее крепкая – может легко разгрызать крупные орехи. Туканы постоянно подчищают свою гордость – клюв, следят за тем, чтобы он их не перевесил и, чтобы они вместе со своей гордостью не сверзились с дерева. Самое интересное, что они даже более разговорчивы, чем попугаи, и в Бразилии, конечно, говорят по-португальски. Мы сами слышали, как они приветствовали друг друга, ругались (как же без этого!) объяснялись в любви, даже распевали куплеты популярных самб, а красавцы-попугаи в это время презрительно и высокомерно отмалчивались или у них просто не было желания вступать в перебранку с этими носатыми клоунами. Необыкновенно забавное шоу. Зрители объясняли, что не каждый раз бывает такое представление, так что нам повезло. А иногда туканы и попугаи начинают переругиваться, причем создается такое впечатление, что они это делают совершен-

но осмысленно. Не довелось услышать. Попугаи в этот раз решили, видимо, не ввязываться в спор с пернатыми собратьями.

В Сан-Пауло наши друзья повезли нас на сафари. Конечно, это было не в городе, а очень далеко, где-то в естественно отделенной горами, рекой, а кое-где и крепкой проволочной стеной, равнине, саванне. Там, считай на воле, живут львы, тигры, шакалы, волки. Для животных созданы почти естественные условия, им даже подбрасывают живую пищу в виде антилоп, коз, баранов, чтобы они не лишились природных инстинктов. Хотя инстинкты инстинктами, а специальные работники в часы кормления ездят по участку и «докладывают тигру мясо». Еду развозят в специально обустроенных крепких джипах, укрепленных по всем сторонам коваными решетками, такое впечатление, что двигается железная клетка, а внутри нее смешно заключен автомобильчик. Вот из-за этих решеток зверям выбрасывается мясо и не какой-нибудь там субпродукт, а качественное, свежее и обильное. Обычно в такое время и бывает самый наплыв посетителей, каждому хочется увидеть кровожадность хищников воочию. Мы не явились исключением и приехали посмотреть кормление зверей, пощекотать нервы, почувствовать себя храбрыми под защитой автомобиля. Все делается очень просто: платишь за въезд, смотритель заклеивает скотчем окна в машине, чтобы какой-нибудь бесстрашный «сафарист» не высунулся ненароком в окошко и не остался без головы. Закле-

ивание дверей предусматривались инструкцией, значит, видимо, наблюдались инциденты с вылазками «героев», а там поди разбирайся: то ли лев погиб, то ли «охотник» и кто кого поцарапал?

Мы совсем совсем-совсем близко наблюдали царственно-равнодушных обитателей заповедника. Они спали, ели, лобызались, упоенно скребли когтями деревья. Львица довольно спокойно и привычно вкушала говяжий бок, время от времени для порядка порывивая, хотя и никто не пытался посягнуть на ее трапезу. А один наглый лев даже влез на нашу машину, медленно прошел по ней от заднего стекла к переднему, тяжело шагнул на капот, явив нам довольно откровенную и впечатляющую картину своих львиных достоинств, вызвав смешливое, вроде бы смущенное, фырканье у женской половины, ненужные вопросы у детской и беспокойство у мужской: а не поцарапал ли зверюга краску на крыше автомобиля, слишком долго он там шарошился, с-с-скотина!

Мы сделали очень интересные слайды в этом заповеднике, да и вообще слайдов имеется целый вагон по любым достопримечательностям и интересным местам, только вот они стали выцветать, и если в ближайшее время не сделать с них снимки, считай скоро будем иметь просто целлулоидные кадры с чуть цветными пятнами.

Из зоопарка мы приехали поздно, с большим количеством впечатлений, на завтра нам нужно было отбывать в Рио. На прощанье я написала чуть ли ни целую тетрадь методиче-

ских разработок и указаний для мамы своего ученика-заочника. Нужно ли говорить, что в течение этой недели, т.е. пяти дней, я прогнала его по всему пройденному материалу и нашла ученика, весьма-весьма успешным, чему был рад не так мальчик, как его мама. Еще раз напомнила о регулярности занятий и времени. Довольная родительница преподнесла мне в виде сувенира шесть чашечек «китайского» фарфора бразильского изготовления. Напрасно я иронизировала по поводу «бразильского разлива». Ох, напрасно! Они стояли там очень недорого, если просто совсем дешево. Однако эти чашечки тоненького-тоненького фарфора с просвечивающейся на дне головкой китаяночки в Москве произвели просто фурор, так что я подумала, а может я напрасно отказалась от подарка в виде полного сервиза. А?

А пока, в течение 1973 г., я регулярно переписывалась с Аленой, с нетерпением ждала ее обещанных подробных писем, и она меня не разочаровывала, выполняя обещание, так скучала по ней, что подвигла своим нытьем супруга организовать вызов дочки на каникулы в Рио. Оказалось, что это чрезвычайно трудно. Чтобы повидать свое собственное чадо за свои же собственные деньги, нужно было получить согласие многих инстанций. Здесь, в Рио, нужно было сначала получить согласие посла, что было самое легкое, т.к. Сергей Сергеевич являлся разумным человеком и не видел ничего удивительного в том, чтобы разъезжать по сторонам и весям да и нужно ему было это? Хочет приехать? Дочка? Инженер

Торгпредства? Да пожалуйста! Но для остальных – парторга (а как же!), профорга (вот ему-то что надо? Ума не приложу!), вездесущих «соседей» (тем всегда было все нужно!) – хотим – разрешим, захотим – скажем «иззя». Почему? А «иззя»! Наше желание взять дочку на каникулы в Рио был прецедент, никто никогда не приглашал своих детей после отправки их в Союз. И если бы не шеф нашего папы, который как раз уезжал в отпуск, и которому тоже понравилась идея показать своему восемнадцатилетнему сыну Бразилию, вернее эта идея пришла по душе его жене, то не видать бы нам Алены еще целый год. Ведь и в Москве нужно было оформить много документов, внести ее данные в свой паспорт, получить разрешение в Бразильском посольстве и для начала хотя бы вызвать вовремя Аленку из Перми. Массу дел! Да и сам Леонид Александрович сначала удивился нашей заморочке, а потом подумал и решил, а почему бы и нет! А решение двух людей уже не так напрягают общественность – может так оно и нужно? По крайней мере, потом такие вещи не часто, но бывали, мы же стали первопроходцами и раскрутили наших чиновников на «добро».

При всякой самой малейшей okazji мы старались послать какой-нибудь сувенирчик для покинутой дочки. Это было тем более сложно, что она-то была не в Москве, и людей нужно было озадачивать пересылками. Чаще всего на подобные подвиги соглашались командировочные, получив от нас и для себя лично что-либо «заграничное». Но однажды Але-

на сама в письме изложила просьбу: «Пожалуйста, купите мне кассеты группы «Boney.M»! Т.к. я совершенно равнодушна к различным музыкальным группам и поэтому их не различаю до сих пор, то долго вчитывалась в название и, наконец, прочитала его как «бонимэ» и ничего не поняла... Какая такая бонимэ, что за бонимэ? Не потому что не люблю музыку, очень люблю хорошее исполнение, а не какофонию, особенно в ныне существующих ВИА и прочих Гры. Людей, свободно и легко владеющих инструментами, поющих, читающих ноты, считаю необычайно одаренными и талантливыми, даже завидую им. Но вот большинство музыкальных брэнчащих групп для моего немзыкального слуха кажется поют одними и теми же голосами и даже одну и ту же песню.

Вот я и долго думала, что же хочет моя дочка, какую же «бонимэ» ей надо, и очень насмешила наших знатоков-меломанов, когда поинтересовалась, что же это за такая «боня». Они же поняли, о чём я их спрашиваю только тогда, когда я вопрос озвучила в контексте дочкиного письма и, хохотали до слез. Потом это превратилось в анекдот, почти такой же, как курица в Щучине, привязанная для прогулки за ногу. В итоге дочка получила желаемые кассеты только по приезде в Рио на каникулы. Неплохо звучит, да? – «Что будешь делать летом? – Решила провести каникулы в Рио-де-Жанейро...»

Когда через год Аленушка появилась у нас опять, то сразила меня наповал: она и в 12 лет, когда уезжала, была высокой тоненькой девочкой, но уже с приятными округлостя-

ми, а приехала просто круглая, еще подросла и выглядела, если бы не ее толстощекая девчоночья физиономия, на все 16: этакая дебелая деваха. Что она еще совсем ребенок, при совсем недетской фигуре, говорили только ее глазищи, простецкие и наивные.

Оказывается, будучи у тети в Перми, а тетя – начальник агентства Аэрофлота, что в те времена всеобщего дефицита было совсем даже неплохо, и вообще первый парень на селе, племянница от души употребляла шоколадные наборы. Тетя получала сувениры в виде бесчисленных коробок конфет, они бесхозно ставились штабелями в стенку, а Леночка, почитывая книжки, эти конфеты бессчетно лопала.

Тетушка на такие пустяки внимания не обращала и даже потворствовала обжорству, т.к. всегда была сторонницей хорошего аппетита у ребенка, как признака здоровья. Вот Аленька и расплзлась в 13 лет почти до 46-го размера. Я прекрасно помнила, что ни к чему хорошему подобная тактика мамы-Люси не привела с ее дочкой: Галюня постоянно старалась похудеть, но жир был уже накоплен в детские годы и желудок растянут.

У Алены вдруг открылись глаза, она поняла, что набрала лишний вес, особенно листая каталоги журналы мод. Даже без моего нажима стала есть фрукты, овощи, делать гимнастику, плавать, быстро сбросила лишние жиры и к концу лета с удовольствием примеряла обновы уже 40-го размера. Поэтому, именно с этого периода девочка поняла, как важно

не перебрать в весе.

Мы старались развлечь ребенка: ездили на окрестные пляжи, ходили в кино, в клубы, в ресторанчики и пиццерии и, конечно, в магазины. Алена привезла длинный список предметов-подарков, которые хотели бы получить мои сестра и племянница. Я хоть и была несколько ошеломлена размахом просьб, но старалась их выполнить, хотя некоторые, шубы, например, можно было купить только в Нью-Йорке при отъезде, что я впоследствии и сделала.

Что касается подарков, то их можно было выписывать и по каталогам торговых домов. «Квелле» был самым популярным и апробированным. Европейские качественные вещи по разумным ценам и совершенно новая для нас, обычных советских людей, номенклатура, форма покупки.

Одно из приятных развлечений обитателей Посольства, Торгпредства и ГКС – два а раза в год получать и по очереди внимательно рассматривать и штудировать журнальчик QELLE, имея возможность выписать именно для жизни в Союзе зимние и осенне-весенние вещи, технические новинки, обувь, посуду... Я ведь уже вспоминала, что дома, в Москве, нужно было все время что-то обязательно «доставать», а не просто покупать, поэтому мы с таким воодушевлением обменивались мнениями, советами, что же нам пригодится дома.

В специальных государственных кормушках для политической и военной элиты ограниченное число чиновников

уже давно спокойно и придирчиво выбирали и покупали вещи и предметы быта по заграничным каталогам или пользовались закрытыми специальными складами с эксклюзивными товарами по смехотворно условной цене. Остальной люд довольствовался промышленным и продовольственным ширпотребом.

Конечно, нам тоже хотелось иметь индпошив и затовариваться в Квелле, Отто, Неккермане по европейским меркам вещами для людей среднего достатка или даже небогатых. Мы рассчитывали «на потом»: ведь зимних вещей в тропиках не найдешь, значит дома опять придется «доставать». Что же в них привлекало? – европейский стандарт, модные фасоны, хороший качественный покрой и пошив, сравнительно приемлемые цены. Это для нас, работающих за рубежом, такие цены были приемлемыми, а для советского работника в родимой стороне очень даже заоблачными.

Просмотрев каталог и наметив примерное количество шмотья, журнал давали на откуп детям, предупреждая, что можно выбрать что-нибудь из игрушек. Мальчишки обычно с горящими от восторга глазами просили выписать управляемые на расстоянии машины или просто маленькие копии машинок известных мировых моделей, ребята заражались вирусом коллекционирования. Девочки же – куколок, одежду для них, мебель для них же. Прототипы Барби (разнообразные и с каждым новым журналом все улучшаемые Сюзи, Марианны, Бетси и т.д.) до сих пор хранятся у нас на антре-

солях, не выбрасываются. Пользовались успехом и славные мягкие игрушки. Одежду для куколок по общему согласию с дочками мы не выписывали – шили сами, т.е. шила я, радуясь восторгу девчат.

В зарубежных командировках мы повидали актеров, певцов, артистов балета «вживую», близко с ними общались. Среди них было очень много интересных людей. Встречались и совсем не такие, какими их представляешь, видя на экране или со сцены, что, конечно, и неудивительно.

Чем был выезд «за бугор» для любого артиста? Перво-наперво: признание его как творческой личности и его патриотической гражданственности, второе: чуть поправить свое материальное положение, в конце концов, набраться новых впечатлений, перенести эти впечатления на свою творческую палитру, увидеть другой мир. Однако на второе можно было особенно не рассчитывать. Кому полагался гонорар в валюте, обязаны были 60% сдать государству, а остальное тоже «оченно» разбавляли: взносы партийные, профсоюзные, подоходный налог, «голодающим Поволжья». Но даже мизерный остаток значительно превышал доход в родном государстве. Вот и можно представить, как жили звезды нашего искусства.

Сейчас разговоры творческой интеллигенции, об их принципиальности, об их твердости собственных убеждений, их неподкупности и противодействии пропагандистской машине государства – это лукавство, желание выдать мечту за ре-

альность. Все нужно просеивать сквозь мелкое сито. Подлинные, открытые, инакомыслящие бунтари, не скрывавшие своих убеждений и имеющие смелость высказать их открыто, быстренько оказывались за бортом жизни. Многие диссиденты умирали, не выдержав прессинга: тюрьма, лагерь, психбольница, лесоповал, элементарное отсутствие работы. Остальные противники существующего порядка, так называемые диссиденты русской интеллигенции, предпочитали воевать в своем узком кругу, искренне принимая слово за дело. Их так и называли – «кухонные революционеры» или «революционеры местного разлива». Среди друзей, предпочтительно за бутылочкой винца, они с негодованием обличали существующие порядки, лицемерную коммунистическую идеологию, распевали песни-хиты на тему «долой!», читали стихи, и неплохие стихи, в таком же ключе. На этом все и заканчивалось: потрепали языком на кухне, в курилке – можно считать себя ярым борцом за права человека, буквально спасителем России, можно расходиться по домам и гордиться (в душе) своей смелостью, принципиальностью и твердой гражданской позицией.

Поутру квасные правозащитники и патриоты шли на работу и преданно служили Мельпомене. Всем хотелось по мере возможности спокойно жить, работать, кормить семью и кушать самим. Но на собраниях всегда были «за» и «одобрямс» – стойкая советская интеллигенция с фигой в кармане. Среди таких «защитников свободы» частенько обо-

значался и «стукачок». Соответствующие органы по-именно знали воинствующих «оралов», их не трогали до поры, но в списках неблагонадежных они значились. А вот стукач обычно мог пропихнуть в издательство посредственную повестушку, получить рольку по-заглавнее, выставить картинку в галерею, включиться в какую-нибудь поездку в «Страны Содружества». Я же говорю – доносительство приветствовалось и поощрялось материально.

Редкие, очень редкие, литераторы, особенно имеющие известность на Западе, имели смелость писать правду о положении в Советском Союзе и то аллегорично, намеком-полунамеком. Некоторые снимали картины, которые не пропускал худсовет; фотографировали сцены в лагерях, на улицах, их не печатали; рисовали картины, их не выставляли; писали «в стол, в архив, в запасники». Таких откровенно не травили. Подобные тихие, не орущие истерично, вроде бы не бунтующие, умники для органов были более опасны. Вдруг неожиданно «Голос Америки», «Бибика» (так прозвали станцию Би-Би-Си) передавали совершенно «жареные» факты, случаи из закрытой кухни государства, которая есть у каждого государства, о нарушении прав человека. Откуда? А все оттуда же, из «стола»... Или в западных журналах печаталась многоговорящее фото: бесконечная очередь в магазин хмурых людей в нелепых и однообразных одеждах темного цвета, озлобленные, или безразличные до идиотизма лица, нелепая вереница – опять же очередь в Мавзолей – глазеть

на Ильича.

Время от времени «Лубянка», «Старый двор», «Детский Мир», все это название КГБ в народе, вытряхивал очередного инакомыслящего из их нестройных рядов. Наступившая со времени Хрущева «оттепель», не позволяла так откровенно приматывать людей, обвиняя их во всех грехах, главным из которых, обычно, был шпионаж в пользу какой-нибудь Заmundы. Люди в этой организации были и умные, и талантливые. Государство, в любом случае, надо было охранять, но большинство охраняющих – разные. Вот пресловутые «разные» как раз, та ложка дегтя, которая все портит. Особенно им было дело до отъезжающих зарубеж: анкеты, биографии, комиссии, объяснения, просьбы, согласования – можно было развить та-а-а-кую имитацию деятельности по выявлению потенциальных диссидентов! И иногда выявляли. Вот радости-то было: предусмотрели, предвидели, обезвредили! Глядь – продвижение по службе, очередное звание или сам очутишься в вожденном зарубежье.

Чаще всего ТУДА представители творческой элиты катались на гастроли, ученые – на различные симпозиумы, инженеры и рабочие – на братские стройки социализма. В Латинской Америке братских строек не было, поэтому к нам приезжали обычно артисты. Встречи с ними были очень интересны, познавательны или забавны. После обязательной рабочей программы представительства устраивали встречу с людьми в Посольстве, Торгпредстве или Консульстве, в за-

висимости от количества приезжающих, обед или фуршет в неофициальной обстановке. Мы были рады повидать новых, свежих людей, послушать и поглазеть на «живого» актера, певца, танцора. Из первых, приехавших в Рио, меня поразило и обаяло Смоктуновский. Он прилетел на презентацию своего фильма, уже не помню какого, из актеров, практически, один, но в сопровождении лица в штатском – переводчика. А как же! Без сопровождения-то! Его принимали и в Посольстве в узком кругу, и в нашем родимом Торгпредстве с большим радушием и пиететом. После обеда, кофе, с рюмочкой ликера, небрежно-валяжно откинувшись в кресле, Иннокентий Михайлович рассказывал байки о своих коллегах. Все рассказы о них почему-то отличались легким чувством превосходства и капелькой сарказма. Впрочем, такая милая небрежность отличала, как я впоследствии заметила, всех актеров, когда они говорили о своих собратях-лицедеях, товарищей по цеху. Но у Смоктуновского это получалось не зло, а мило и смешно. С усмешечкой, он в лицах изображал сценку в авто, когда его после спектакля подвозил Крамаров, и он беспокоился за свою безопасность, т.к. Савелий смотрел не на дорогу, а куда-то в сторону. В всяком случае, Иннокентию Михайловичу так казалось. Тут же актер изобразил взгляд бедного классического «косоного» и (что значит гениальность!) тут же стал похож на него. Где дорога, а где конь – где Смоктуновский, а где Крамаров? А вот похож!

Артист был изыскан со своим неповторимо приды-

хающе-неуверенным голосом, аристократическими, легко-изящными движениями красивых рук – скупой, но четко выверенной, артистической жестикуляцией. Но вот что странно, мне почему-то его было жаль. Видимо, он заметил мой внимательно-соболезнующий взгляд и вдруг спросил обыкновенным, «не актерским» голосом: «А что это вы ТАК на меня смотрите!?» Вот интуиция, прямо кошачья! Я смутилась от такой пронизательности и, не подумавши, брякнула нечто типа «у меня и в мыслях не было как-то особенно на Вас смотреть». Наверное, это показалось несколько неожиданно для актера, может, даже грубовато, но, честное слово, только от растерянности. Я поняла, что артист в своих разнообразных ролях всегда остается чуточку самим собой: в данном случае ранимым, интеллигентным человеком, и он не так уверен в себе, как пытается это изобразить со всей своей утонченностью. Кроме восхищения от встречи с безусловным талантом, еще раз повторяю, у меня он вызвал какие-то материнские чувства, хотя он и был старше: хотелось защитить его от чего-то, приласкать, погладить по голове несчастного еврея.

Иосифа Давыдовича Кобзона мы встречали неоднократно и в Рио, и в Лиме, и в Гаване... Жизнерадостный, контактный, трудолюбивый и талантливый человек. Что надо для успеха и популярности певца? Талант и ум. Таки и то и другое у него имелись. Его популярность до сих пор на пике и неудивительно – все осталось при нем: и ум, и талант, и свя-

зи!

Вот как раз в Гаване, под хмельком, он откровенно высказался: «При такой аппаратуре я до 100 лет петь смогу!» Ну и на здоровье, пой! Что он благополучно до сих пор и делает.

Человек заводной, не дурак выпить-закусить, ухлестнуть за понравившейся ему дамой, он мог петь бесконечно. Интересно, что, будучи пьян хоть на 100%, он мгновенно трезвел, когда начинал петь. Удивительно!

В Рио он приехал со своей группой музыкантов, о которых очень заботился и опекал, с своей личной изящной молоденькой секретаршей. Таких называют карманными.

Как обычно, после официальной программы, начался междусобойчик: уселись за столы, еды-питья было предостаточно, сначала пили за гостя, потом за Родину, потом за хозяев, потом, кто сколько потянет. Рядом с секретаршей Кобзона уселся, тоже не промах по вниманию к женщинам, посольский завхоз, бывший бравый военный и, уже хорошо поддатый, время от времени хватал её за руки и громогласно вопрошал: «Ну, зачем такой хорошенькой и молоденькой нужен этот лысый старый пень?»

И уже потише, доверительным, но все равно очень слышным шепотом сообщал: «Ты знаешь? Он ведь парик носит!»

Секретарша на откровения приставучего мужика не реагировала и тоже хлопала рюмку за рюмкой, только молча выкручивала свою руку из руки завхозовой. При таких вечеринках обычно стоит ровный несмолкающий гомон, однако

по закону подлости, когда завхоз в очередной раз вопрошал насчет старости и лысости именитого гостя, наступила тишина, и его голос прозвучал очень отчетливо. Иосиф Давыдович, впрочем, тогда еще и не старый совсем, трезво взглянул в сторону завхоза и сказал: «А голос!»

Присутствовавшие грохнули хохотом и зааплодировали. Незадачливый правдолюбец и еще более незадачливый ухажер смущенно вытряхнулся из-за стола и убрался восвояси. Вечеринка продолжалась, никто уже никого не слышал и не слушал, превалировали уже разговоры с самим собой с неизменным «ты меня уважаешь» и желанием подтянуть певцу, который пел по просьбе зарубежных советских трудящихся. Певец же, крепкий мужик, вроде бы сильно и не захмелевший, но не пропустивший ни одного тоста, тоже решил не упускать момента и «замарьяжить» заграничную дамочку. Вкус у Иосифа Давыдовича был хороший. Он уселся рядом с Лидой Емелиной, очень импозантной женщиной, и стал делать ей авансы: целовать ручки, приобнимать за плечики, прихватывать за талийку, иногда касаясь колена. Лиде, женщине, вообще не употребляющей алкоголь, сначала было лестно внимание известного певца, но внимание становилось все более настойчивым, бесцеремонным и даже нахальным. Лида стала отодвигаться от настойчивого поклонника, вежливо и ловко уклоняться от слишком «дружеских» объятий, но окончательно обидеть гостя не хотела. Наконец, Ося, наклонился к её уху, просто и внятно сказал: «Слушай,

Лидок(!), поехали ко мне в гостиницу!». На что «Лидок» зыркнула на него и, совсем как тургеневская барышня, возмущённо заявила: «Иосиф Давыдович, что Вы себе позволяете! У меня муж есть!», – и окончательно покинула почётного гостя.

Иосиф Давыдович совершенно не обиделся, растерянно посмотрел ей вслед и совершенно по-детски протянул: «Ну-у-у, извини! Я же не знал, что ты такая!»

Потом, когда ему нашептали, что у «Лидка» муж-то из соответствующей конторы, понял, что попал не в свой курятник. Чуток оторопел, но совсем немного и, не унывая, переключил свое обаяние на первую же попавшуюся ему на глаза даму, тем самым демонстрируя, что до Лиды ему нет и не было никакого дела. Скорее всего ничего и не демонстрируя – просто он такой жизнелюбивый человек! И никакие дамы не могли отвлечь его от любимого дела: он пел и пел ночь напролет своим прекрасным, неповторимым баритоном.

На конкурс песен бразильского композитора Эйтора Виллья-Лобос в Рио прилетала певица из Большого театра Нина Лебедева и с нею небольшая балетная группа на какие-то показательные выступления, чтобы Лебедева не была уж в единственном числе из театрального бомонда.

Композитор Виллья-Лобос был известен скорее в профессиональных музыкальных кругах и, кроме своего таланта, еще широко известен и как патологический лжец. Врал он не из-за каких-то меркантильных причин, а для удовольствия,

так сказать, из любви к искусству. Один раз заявил журналистам, что приглашение на концерт в СССР ему подписал сам Ленин (1947 г.!). Мало того, и журналист, имевший смутные представления о стране социализма вообще и об истории государства Российского в частности, напечатал интервью о приглашении вождем мирового пролетариата своего обожаемого и самого известного в мире бразильского композитора. Ведь бразильцы большие патриоты и, как я уже упоминала, у них все «самое-самое», даже врунишки. Ну, потом были, конечно, смех и шутки. В основном смеялись над незадачливым журналистом, которого так разыграл-развел несравненный местный Мюнхаузен.

Музыкальные произведения, песни Виллья-Лобос красивы и мелодичны, но своеобразны и для исполнения трудны, их называют «Бразильские Бахианы». Их пела, в свое время, несравненная Галина Вишневская в сопровождении ансамбля виолончелистов и своего несравненного же мужа (куда ж без него!). Для исполнения «бахиан» нужен какой-то особый «назальный», носовой, звук голоса. Обо всех этих непонятных для дилетанта моментах рассказывала сама Нина Лебедева, певица. Это была довольна молодая, милая черноволосая женщина, простая в общении и полная желаний победить на конкурсе. Зачем же тогда и ехать, если не надеяться на победу!? И победила!

На сцене, в своем концертном черном платье с красивым узором из цветов типа маков по низу, она выглядела очень

эффектно, а пела так, что, как ни хотело бразильское жюри ее не заметить и отделаться там каким-нибудь вторым-третьим местом, не смогло. Пела она на «чистом португальском языке». Специально учила подстрочник с переводчиком и так вызубрила, что просто не чувствовалось никакого акцента. Публика неистовствовала, свистела (это – выражение восторга), кричала «Бис!», «Браво!». Явная симпатия зрителей была на стороне Лебедевой! Вот ведь – иностранка, русская, знает «бразильские бахианы», поёт их правильно да еще на их родном языке! Значит, Бразилию и их несравненного композитора знают и ценят даже в такой непонятной, но большой стране, как Советский союз! Ура! Она стала лауреатом конкурса, об этой победе очень благожелательно писали все местные газеты. Талант – он и в Бразилии талант! Ей причиталась крупная премия, однако, лично певице достались крохи. Все денежные премии или дорогие подарки передавались государству, то бишь, чиновникам Министерства Культуры, а уж что они с ними делали... Да известно что – расписывали по статьям так ловко, что большая часть валюты, заработанная артистом, попадала в карманы того же Министерства – на премии, на отпуска, на повышение зарплаты себе, любимым.

Когда же мы с любопытством рассмотрели роскошное концертное платье певицы, так потрясающе выглядевшее со сцены, оно оказалось сшитым из недорогого атласа, а яркий узор из роз нарисован красками театральным художником.

Прикиньте! Нина – по западным меркам «звезда»! А получила за свое выступление обычные командировочные и мелочь из премии... И все принимали это как должное и были счастливы, что побывали в такой экзотической стране как Бразилия.

Нину своим вниманием окружила Галя Федосова, добрая, но очень нудная женщина. Любой разговор или реплику в беседе она начинала словами: «Что я хочу сказать...», – и надолго замолкала. Наступала такая длинная, почти театральная пауза... собеседнику казалось, что Галя забыла, что она хочет сказать. Хотелось в это время подтолкнуть ее: «Да говори же ты, наконец, что хотела сказать!» Тем не менее, никто ее не торопил и не подталкивал, все терпеливо ждали, когда закончится эта томительная пауза. Галя и ее муж Юрий были неконфликтными, спокойными людьми, но общаться с ними можно только терпеливому и никуда не спешащему человеку... Если уж Галина начинала свое извечное «что я хочу сказать», то это было надолго. Все знали, что при любом раскладе разговора будет присутствовать тема, как ее папа профессор-мелиоратор преподавал в Алма-Атинском университете, который окончили (вот странно-то!) и сама Галина, и ее «гениальный» брат Валерий, наличие которого тоже упоминалось почти при каждой беседе. В Москве, на Галиной даче, я познакомилась с ее легендарным братом и могу подтвердить, что он, действительно, неглупый и менее нудный мужчина, чем его сестричка.

Балетная группа, приехавшая вместе с Лебедевой, прекрасно танцевала, но они тоже были артистами бедными и сэкономили на командировочных. Костюмы «балетных» поистрепались, не один раз подшивались и штопались, а такие белоснежные издали пачки балерин вблизи оказались не такими уж белоснежными. Я их рассматривала совсем близко в костюмерной и удивилась: оказывается, что пачка-юбка-блузка – это сплошной костюм вроде комбинезона, а не отдельные, как я раньше предполагала, юбочка, трусики и изящный верх, и натягивается снизу. Да и логично – при энергичном танце и прочих курбетах отдельные юбочки и блузочки пошли бы вразнос!

Удивилась я и тому, что такие воздушные, казалось бы, создания как балетные, так много, простите, ели. После сытного и обильного обеда, например, они могли так же обильно закусить на десерт фруктами, сыром, выпить чашечку-другую сладкого чая или бадеечку кофе с молоком, для сытости. Потом мне стало понятно, что при таких потогонных нагрузках, как у них, можно съесть и больше, все равно ничего не отложится в жир – все уйдет в мускулы. Силы-то танцевать по два часа, и не просто танцевать, а именно танцевать балет, откуда-то брать нужно! А у станка стоять каждый день по несколько часов! Вот то-то и оно! Кушайте, ребята, кушайте на здоровье!

Только вот мужчины-танцовщики ворчали, что они срывают спины, наживают грыжи, что их окружают не эфирные

создания, а колоды, которых надо таскать по сцене на вытянутых руках да на подпорках, что балеринам надо как можно меньше есть, сбрасывать вес, а вот им, несчастным «подставкам», нужно и платить больше, и работать меньше! Т.е., как все мужчины в мире, жалели себя, бедных-несчастных...

Принимали мы гостей из Союза всегда с удовольствием и всегда гостеприимно как в Торгпредстве, так и в других представительствах. Ведь был дефицит общения, прямо как в гарнизоне, отсутствия новых лиц. А тут артисты! Балерины! Певцы и певицы! Мы очень приятно проводили с ними время, кормили-поили, следили, чтобы никто не был обделен вниманием, возили по магазинчикам, на рынок ремесел, если повезет, на распродажи, на экскурсии в своих машинах и в комби «на нашем Невисе».

Прошло четыре совсем «неслабых» года в Рио-де-Жанейро. Пришло время собираться в Москву.

Наш МИД во избежание различных, только ему одному известных, провокационных действий не разрешал летать женщинам в одиночестве да еще с ребенком. Когда мы отправлялись в первый отпуск, то Виктор, тоже тогда «сопровождал» аж два семейства, кроме своего, причем все были женского пола, за исключением мальчонки Горбунова. Ну, и мне, как отправляющейся домой в одиночестве, тоже нашли «охранников». Это были архитекторы-строители нашего Посольства в Бразилиа. Лететь нам нужно было через Нью-Йорк с последующей посадкой во Франкфурте, мужчины не

знали ни португальского, ни английского, ни немецкого. В Нью-Йорке у нас была остановка для пересадки целые сутки – день и ночь и почему-то определение в наше представительство при ООН. Перед отъездом один из умных КГБистов провел с нами беседу, коротко и серьезно предупредив, чтобы мы не ходили по городу и не говорили по-русски(!). Требование взаимоисключающее: если не гулять по городу, то зачем же не говорить по-русски. Интересная штука! А почему нам было предъявлено такое дурацкое требование (и ведь известно, что его никто выполнять не будет, зато «галочка» поставлена – «беседа проведена»)? Почему? Да потому, что в Нью-Йорке в это время были такие же дурацкие антисоветские акции, выступления и демонстрации по поводу нашего запрета выезда еврейского населения из СССР на их историческую родину. И я уверена, что организованы они были такими же коллегами наших поборников безопасности, справедливости и демократических свобод, но только американскими. Каждая сторона отработывала свой кусок хлеба. Действительно, в начале 70-х начался бурный выезд еврейских семей и, приблизительно к ним относящихся, из Союза. С тех времен пошла скабрзная шутка, что «жена еврейка – это средство передвижения». Бедных евреев, и богатых тоже, долго мурыжили и гоняли по инстанциям, чтобы они сотнями документов до десятого колена доказывали свою редкую национальность и необходимость отъезда. В основном, эту необходимость они определяли, как отбывание на лече-

ние – умираю, и все тут!!! или политическими гонениями. Последний аргумент действовал безотказно и доказать его тогда было довольно несложно: обозленный и нетактичный коллега по работе, завидующий продвижению своего более умного и, что там говорить, более пронырливого товарища, или забулдыга в транспорте обзовет гипотетического израильянина: «Ах, ты...!» Вот тебе и оскорбление по национальному признаку, а отсюда недалеко и до воинствующего политического антисемитизма и вообще угрозы жизни! Или принципиально воинствующий правдолюб-еврей, имеющий план соскочить на историческую родину, выступает на собрании, желательно открытом партийном, с критикой, желательно начальника, его одергивают – вот тебе и политическое гонение! Главное – зафиксировать факт, а у вечно гонимых это не проблема, все бумажки оформят еще до гонения, не подкопаешься, и свидетели будут наготове в нужном месте и в нужное время для подтверждения гонения, оскорбления и угрозы жизни. Только вот зачем было нужно нашим властям сдерживать и удерживать «патриотов-евреев» от давно задуманного целенаправленного переезда на «Землю обетованную»? Совершенно непонятно. Ну хочет человек уехать – скатертью дорога!

Все это муссировалось в прессе: советской и зарубежной. Перед нашими представительствами в США тоже организовано выстраивались кучки демонстрантов с плакатиками, с возмущенными, но ленивыми, выкриками о насилии

над личностью, о нарушении прав человека, о «руки прочь» и т.д., что было безобидно, но докучало, как блоха в штанах. Демонстрировали и протестовали настолько невразумительно и скучно, что все это было похоже на провинциальную «петрушкину» клоунаду. Полицейский неподалеку тоже явно скучал, редкие прохожие особого внимания не обращали... Обидно, господа! Протестуешь-протестуешь, а тут на тебя даже мельком глаз не кинут!

«Рука Москвы» уже давно отсохла, «золото Кремля» разворовано, бороться собственно не с кем, но надо возмущаться, господа, надо! Тем более деньги от богачей, испуганных до конца жизни, получены.

Вот нам и наказали на всякий случай разговаривать на чистом зарубежном языке «по-бразильски» и притворяться иностранцами. Мне-то и казаться было не в первой, т.к. я настолько адаптировалась к жизни в стране, загорела, переняла манеру поведения, одежды и макияжа истинной «кариоки», что меня часто принимали за «бразилейру» даже в несравненном Рио, пока не обнаружился мой чудовищный мягкий акцент без шипящих согласных и московское «аканье». В чужой стране это могло бы и сойти за чистую монету, но вот как быть с сопровождающими и с их российскими, чисто рязанскими физиономиями.

На таможне в Нью-Йорке я убедилась, что наказ «косить» под иностранцев будет выполнить трудно и даже невозможно, т.к. МНЕ пришлось объяснять, что эти джентльмены со

мно́й (сопровождаящие, блин!), что мы у вас здесь просто для остановки, направляемся вот по этому адресу, вот на это время, которое, собственно, указано на билетах самолета. Американские таможенники, как впрочем и таможенники всех остальных стран – диагноз, туповатый народ. Видно им тоже было «наказано» своими такими же службами, как и у нас, обращать внимание на советских транзитников и по мере возможности «держат и не пущат». Убедившись, что небольшая группа «русских» с ребенком не собирается обременять американскую экономику, ни посягать на американскую свободу и не поселиться у них навеки, таможенники нас с миром отпустили.

Джентльмены, выпившие в самолете не один бесплатный «drink» притихли, как зайчики, но, приехав в гостиницу на нашем микроавтобусе, который встречал транзитников, тут же забыли, что они могут быть «объектом провокации», как им долго и нудно втолковывал в Рио консул из КГБ.

Они тут же решили идти по магазинам за покупками-гостинцами и для этой цели им нужен был проводник, т.е. я. В принципе, я и сама не собиралась выполнять нелепых требований консула – никто этого никогда не делал – и была не против прошвырнуться по уже знакомой Лексингтон-авеню, зайти в опять-таки знакомый по отпуску «Александрс», средний по ценам, но роскошный по нашим понятиям, кое-что прикупить и поглазеть на недосыгаемые витрины 5-й авеню. Единственное, о чём я их попросила, держаться в мага-

зине и на улице рядом со мной и, по возможности, разговаривать негромко. Мало ли, лучше перебдеть! Люке я тоже строго-настрого приказала говорить только по-португальски. К вожделенному торговому центру от гостиницы курсировали маленькие автобусики типа наших «рафиков». Когда мы выехали за ограду гостиницы ООН, мы убедились, что Вадим-консул владел ситуацией и недаром проводил с нами предупреждающую душеспасительную беседу... Вдоль ограды стояла кучка толстых неряшливых старух и несколько кривляющихся юнцов, им явно было интереснее шалаться на улице, чем сидеть в душном колледже. «Пикетчики» начали протестовать – лениво бросили в «комби» несколько помидоров, наверное, гнилых или очень-очень спелых, т.к. они противно размазались по стеклу. Старухи без малейшего акцента громко, но тоже лениво заматерились «по-русски» со знакомым горловым «л». Свой «родной» матерный русский язык они не забывали и при случае круто им пользовались.

Никто в автобусе не реагировал на «политическую акцию», все продолжали спокойно разговаривать друг с другом, привыкли уже. Я нарочито безразличным взглядом мазнула по одной старушенции, глянула в ее семитские, уже выцветшие, очи и равнодушно отвела глаза, не заметила, видишь ли! Это ее завело гораздо больше, чем, если бы я с испугом отшатнулась от стекла под прицелом помидора. По крайней мере, она судорожно стала искать в пакете «снаря-

ды», и ее жабья морда стала еще более жабее и противнее. Отъехав несколько метров от толпы, водитель вышел и специально подготовленной тряпочкой протер стекло, он, видимо, трепетно относился к своему «рафику». Все занимались своим делом: «пикетчики» бросили, мы – не обратили внимания, шофер выполнял свои профессиональные обязанности – держать транспортное средство в чистоте. Люка вообще не заметила антисоветской вылазки, поехали дальше. «Вылазка» не тянула на демонстрацию и даже на «протест», явно надоела самим демонстрантам, но что поделаешь? Надо, надо защищать от произвола гоев своих братьев-евреев, вот и «кину помидорку, на тебе!», тем более подбросили долларешников: так что будь любезен – отработай! Все же я не решилась испытывать судьбу, ограничилась одним знакомым и испытанным магазином «Александрс», «до Яши» в Даун-Таун не ездить. Вот вам!!! Не буду я теперь поддерживать еврейский бизнес, раз вы швыряетесь помидорами! Бедный богатенький Яша! Из-за каких-то неведомых, мелких и не ненужных ему политических игр он терял определенный процент прибыли.

Честно сказать, после этого инцидента у гостиницы было неприятно и тревожно. Я первый раз столкнулась с такой открытой расовой неприязнью. Ну что? Какая уж такая неприязнь?! Разве что анекдоты про евреев. Так они и сами рассказывают подобные смешинки, и в таких анекдотах еврей всегда умница, ловкий и предприимчивый – что, правда и на

самом деле -, а русский чаще всего дурачок и тормоз. Самое интересное, что русские не обижаются на «дурачка и тормоза» и охотно хохочут вместе с рассказчиком. Замечено, что интеллигентные и независимые люди – интернационалисты. Им не надо цепляться за расовое превосходство, искусственно созданное «охотнорядцами», тупыми краснорожими недоумками. Это судорожное цепляние в иудейском варианте – за богоизбранность, существует в каждой нации, но только у бездарных, зажатых людей, людей с комплексами, непонятно от чего всегда трусливо ожидающих пинка в зад. Именно у тех, кого политики презрительно именуют «плебс, жлобье, толпа» и другими некрасивыми словами. Политики при случае и пользуются этой толпой в своих целях. Самые натуральные представители такого фашиствующего люда и стояли с гнилыми овощами у советского представительства. Хорошо, что с овощами... Что им еще может торкнуть в голову? Я решила, что лучше не отвечивать и меньше шататься по городу.

В магазине же я сразу поняла, что все мои просьбы держаться вместе, громко не разговаривать напрасны. Мои попутчики мужчины разбрелись в стороны, одурев от изобилия красивых и добротных вещей по вполне приемлемым ценам. Мужики заработали на строительстве Посольства малую толику валюты и теперь им хотелось порадовать себя, своих родных и немного похвастаться успешной жизнью. Барахло лежало и висело свободно, открыто и навалом, что еще бо-

лее усугубляло желание захватить ВСЕ!

Мои телохранители-сопровождающие из разных концов зала стали громогласно спрашивать, какой галстук, рубашка, джемпер, цвет, фасон лучше, куда пройти и как примерить это изобилие. Видя явно денежных потенциальных покупателей, их окружили предупредительные американские продавцы и горели желанием понять, угодить, показать, принести, поменять что угодно, не взирая на их, покупателей, советскую враждебную западному миру сущность. Убедившись, что моей помощи соотечественникам не потребуются, я сделала вид, что не слышу их... «Vamos, vamos, ¡hania!» (Пойдем, пойдем, доченька!) – и отправилась искать себе давно желаемые длинные лайковые перчатки, черные и бежевые. Продавщица, видя, что мы с ребенком смуглые, красивые, загорелые и в чалме, конечно, поинтересовалась, не из Бразилии ли мы. Неопределенно покачав головой и улыбнувшись, я расплатилась за покупку наличными (какое счастье для магазина!) и решила дочке тоже купить обновку: очень миленький брючный костюмчик, платьице и уже по ее просьбе автомат, стреляющий оглушительными пулеметными очередями с красными всполохами огня под прозрачным пластмассовым колпаком. Странное сочетание: миленькое платьице и автомат, не правда ли?

Потом я уже не помню, как мы соединились с моими «охранниками» и решили просто прогуляться по авеню, людей посмотреть, но себя не показывать. И тут я вижу, что

мужчины как-то вдруг засуетились и чуточку застеснялись («советико туристо высоко моралико!») и почти год без жен), увидев кинотеатрик с афишей «Эротика». Ну, эротика, она на всех языках понятна! Ребята замедлили шаг, засмущались, но потом все-таки сказали, что хотели бы в кино заглянуть, глазком взглянуть, что это там за такая ерунда-чепуха такая «эротика»... А вы, мол, Галина, идите себе, идите! Мы дорогу найдем, расписание автобуса помним и остановку тоже. Идите! Да идите уже, пожалуйста! Ну и, Ради Бога, ухажу! Разлагаться так, разлагаться! Надо же было мужикам в Союзе, рассказать, что они не только вкалывали Бог весть как на стройке, но еще кое-что, знаете ли, повидали! Таковую, братцы, клубничку, что ах!!! Вам и не снилось! Напоминаю, что такого разгула порнушки ни в фильмах, ни на кассетах тогда не было.

Ну, а мы с Люкой на улицах долго не отсвечивали и не гуляли, прикупили еще мне элегантную широкополую шляпу из черной соломки (вот ведь, до сих пор помню – как стресс снимает прекрасно!) и отправились восвояси. Ни старых, ни молодых пикетчиков у отеля уже не было, их рабочий день закончился. Въехали без эксцессов, поели, приняли душ, тут уже и вечер, вернулись наши киноманы. Я не преминула спросить: «Как? Понравилась «parte-erotica»? Тот, что помоложе промолчал, а постарше стал плевать и возмущаться, что, мол, ужасно-ужасно! и как эту дрянь можно показывать?! На такое явное лицемерие я коварно и не без

ехидства поинтересовалась: «А что же вы не ушли с киносеанса?» Наступила продолжительная пауза, но они так мне и не ответили. Что здесь ответить... Ясно, почему не ушли.

Вылетели мы из Нью-Йорка вовремя и долетели тоже вполне благополучно, если не считать, что мои подопечные опять напились на халяву (надеюсь им снились сны из «*parte erotica*») и благополучно проспали до самой Москвы, где вылезли из самолета с послойно-помятыми физиономиями.

МОСКВА

Мы были на родине. Мой муж удачно остался в Рио еще на два месяца передавать дела новому собрату-шпиону. Я же добиралась до дому самостоятельно, а вот получать контейнер мне помогли друзья, инженер и переводчик из Торгпредства Костя Аргир и Валера. Они оформили все документы на складе, договорились с грузчиками-амбалами, довели до квартиры, очень удивились нашим однокомнатным апартаментам, наверное, считали, что такой сотрудник, как мой супруг, обязательно по своему статусу, военный разведчик все-таки!, должен жить в более достойных условиях, сами разгрузили и внесли вещи в комнату. Мне одной это было бы не под силу. С Аргирами, Таней и Костей, у нас были дружеские отношения. У них не было детишек, а Костя обожал нашу Люданьку, в выходные дни они часто ездили с нами на пляж, там Костя ползал с Люкой в песке, строил куличики, замки и всячески потворствовал причудам малышки. Потом они стали больше проводить время с нашим «кофейником»,

представителем «Кофеимпорт», все же у них было больше общих интересов, но теплые отношения и у нас остались.

Валера-переводчик, в принципе, сначала ото всех держался особняком, это он уже потом присоединился к Аргирам и к «кофейнику», мы никогда особо с ним не сдруживались, поэтому я удивилась его искреннему желанию помочь мне с доставкой багажа. Но Таня вдруг мне напомнила, как я одна из всего Торгпредства не забыла мальчика, когда он вдруг заболел и лежал один-одинешенек в своей комнате и трясся от озноба при высокой температуре. По-моему, это была лихорадка. Врач уехал с Посольством в Бразилиа, а местного врача по такому пустяковому поводу, как температура под сорок у какого-то мальчишки-переводчика, не посчитали необходимым вызывать. Больной был никому не нужен, кроме сердобольной Курьяновой: я принесла ему кисленькое обильное питье, аспирин «Упса» на ночь, не пожалела новый плед, потому что ему было то холодно, то жарко, и забегала проведывать его в течение дня. Потом подкормила вкуснятиной по выздоровлению. Честно говоря, я уже об этом и забыла, а вот Валера не забыл и уже в Москве нашел время мне помочь. Так что вывод прост: не всегда хорошая инициатива наказывается, чаще всего хорошее дело становится адекватным – контейнер привезли и втиснули в наше двадцатиметровое пространство. Ребята мне реально помогли. Казалось, что вещи загромождали всю комнату, но после того, как мы раздали подарки и сувениры многочисленным родствен-

никам и знакомым, место почти полностью освободилось. В нашем многострадальном разборном шкафу из Щучина даже остались пустующие полочки. Сейчас этот шкаф в прихожей в урезанном виде служит нам закрытой вешалкой. Советское – значит качественное!

Еще мне надо было съездить в Пермь к сестре за старшей дочкой, по которой я безумно скучала.

Почему-то Алена слыла в семье и боюсь, что и за ее пределами, любительницей покушать и чуть ли не обжорой. Так она себя вела. Судя по тому, как она изящна, никогда не скажешь, что Алена – любительница поесть. Вообще, подросткового периода «гадкого утенка» у нее не наблюдалось или она быстро перешагнула через этот порог – не знаю. Всегда вижу ее очаровательной: подросток, девушка, женщина. Кроме того, уже, будучи подростком и даже ребенком, она всегда следила за своей осанкой, правда, сначала под моим нажимом и наблюдением, а потом сама подавала нам пример. Репутация же или как теперь говорят имидж обжоры сложился в Перми у тети Люси, где Алена обреталась 2 года, а мы доживали свою командировку в Рио. Ну, слово «доживать» в Рио-де-Жанейро не совсем подходящее к этому необыкновенному городу. Жаль, что «Алена-обжора» пробыла там только 2 года, хорошо, что вполне сознательных – от 9 до 11 лет, что-то помнит. И потом летние каникулы в 12-13 лет, наверное, тоже запомнились. Образ же любителя много покушать сохранила. И возник он в Перми, у тетуш-

ки. Почему же в Перми? Во-первых, конечно из-за конфет, а, во-вторых, Алене просто, как глупому подростку, нравилось, когда о ней говорили, шутливо подсмеивались и вообще обращали внимание. Что же происходило на самом деле? Я приехала за Леночкой: встреча заграничной тетушки, радость, подарки, опять радость, большой гостеприимный стол с закусками и обильной едой. Все мы сидим, в том числе и Люсины знакомые, прибывшие посмотреть на «вашу тетю из Бразилии, где много диких обезьян». Алена рада, что приехали мама, сестричка, всё хорошо, на неё тоже обращено много внимания. Она возбуждена, ёрзает на стуле, вертится, глупо хихикает и повторяет: «Ой! Как я есть хочу! Ну, сейчас и наемся! Ого! Курочка! И ветчинка! Ну, я и икорки поем, и ветчинки. Вон там салатик. Я и салатикую возьму!» Ведет себя смешно и невообразимо трогательно. Не подряд, конечно, все эти потребительские мысли выкладывает, а вперемишку с шутливыми возгласами гостей. Причем в это время все уже и поют, и едят, а Алена егозит и обкусывает единственный тостик. А тетя Люся сострадательно-вежливо и покровительственно говорит: «Да, Алenuшка у нас любит покушать».

В это время двоюродная сестричка Галочка молча, сосредоточенно и умело препарирует вилочкой и ножичком уже второй кусочек курочки с салатиком и время от времени невероятно культурным тихим голоском произносит: «Пожалуйста, передайте мне кусочек свининки. Да, лучше

с соусом. Спасибо. И положите чуть-чуть картофеля. Достаточно. Что Вы! Нет-нет. Это много – больше трех не надо. Я вообще мало ем». Через небольшой промежуток времени: «Будьте любезны, подвиньте буженину. Да. Можно. Колбаски? Ну, если только пару кусочков сырокопченой. Любительской? Да, любительскую тоже люблю. Ха-ха! Шутка. Но можно и любительской совсем немного. Только небольшие ломтики. Пожалуйста, добавьте горчицы. Спасибо!» Все это тщательно и тихо пережевывается, добавляются мелкие закуски в виде грибочков, икорки, маслица, маслинок, корншончиков. Стол-то накрывали в период застоя. Да... Все это кушается, потом молча заедается пироженцами, фруктиками и на закуску пару конфеток что ли скушать? «Скушай, скушай, Галочка!» А Леночка духарится, сообщает в очередной раз, что она именно сейчас, прямо-таки вот сию минуточку, съест, что съест потом, а потом еще, а после будет пить чай с пирожным. Ага!!! А в это время она все время мусолит ножку курицы и вещает, как она, в конце концов, объест всех. Все довольны: на тетю, посмотрели, тетю послушали, выпили, покушали, стол украшен объедками, а Лена до сих пор не уgomонится и продолжает вещать о своем огромном аппетите. Теперь она грызет мосольчик от свиного ребрышка. Тетя предлагает убрать со стола и помыть посуду. На это откликается только обжора-Лена, любительница поговорить о том, как она всех объест.

В 1975 г. мы получили трехкомнатную квартиру на Сире-

невом бульваре в «хрущобе» на 5-м этаже без лифта. Были счастливы безмерно, несказанно! Неудивительно – после одноконнатной-то! Даже по нынешним меркам, более-менее, ничего: комнаты отдельные, ванная и туалет раздельные, слава Богу, кухня 9,5 кв. м. Нормально! Там даже был хороший дубовый паркет, который я сначала не заметила, до такой степени он был зачухан многими слоями грязи от прежних жильцов-алкоголиков. Прихожая маленькая и узкая, но шкаф, ура! все же там поместился – ура!, хоть и в обрезанном виде Единственно, что мне не нравилось уже тогда, а сейчас и подавно: в ванной не полежишь, не вытянешься, достойно не помоешься – согнешься коленках – много не належишься, ноги закрутятся штопором. Когда я увидела нашу новую жилплощадь, то немного прибалдела: конюшня не конюшня, сарай не сарай... Оказывается там долго была коммунальная квартира для дворников, сантехников, слесарей, которым потом предоставили отдельную жилплощадь, а такую, за выездом, не отремонтированную, нам и всучили. Офицер, подумаешь! Из ГРУ? Тем более подумаешь! Сам приведет в порядок! Но заниматься ею пришлось не офицеру, а его жене, уже заграничной даме, которая, к счастью, не растеряла за легким зарубежным житьем своих навыков боевой гарнизонной подруги. Подруга рьяно принялась за дело: тогда довольно ответственно работала фирма «Заря», где можно было заказать «нужных работников столяров и плотников». И все равно попадались ханыги из этих же самых

работников, которых нужно было все время проверять, подгонять, заставлять переделывать полную «мастырку» и каждый день ездить в другой конец Москвы.

Многое я в их «работе» не доглядела, но через месяц мы уже могли въехать в новую отремонтированную квартиру и распределиться более свободно уже в 3-х комнатах. Наконец, у нас и в Москве была отдельная спальня, комната для дочек, общая комната. Как мы радовались! Дети пошли в школу, я – на работу (а как же! такие подвижки накопления стажа у меня были постоянно) ст. экономистом в Клинику для старых большевиков на полставки. Все стаж для пенсии! Опять пришлось осваивать новую профессию, но работа была почти рядом и взяли меня на полставки, слава Богу. Это тогда не приветствовалось, но мне надо было быть дома во второй половине суток, чтобы быть с детьми и встречать мужа с работы, он становился все более требовательным к обслуживанию себя. Нервная и ответственная работа и его делала все более нервным и возбудимым.

Я постепенно устраняла небольшие неполадки, оставшиеся после мастеров «Зари», вызывая по очереди то слесаря, то электрика, то сантехника теперь уже из ЖЭКа.

И вот тут-то ох! как пригодилось наличие бразильского «Alcool». Моя небрежная невостребованность в этой жидкости быстро исчезла-испарилась в реальных житейских условиях в Москве. Первое время обыкновение мыть питьевым спиртом кухонные стены осталась, о чём я впоследствии по-

жалела, когда от небольшого запаса осталась последняя литрочка. Я и кафель им протираю, сантехнику, раздаривала, ну, просто разбазаривала, безалаберная женщина, дорогую жидкость. Мне такая привычка в первое время по приезде в советскую действительность казалась такой же обыкновенной, как и употребление стирального порошка «ОМО», мыла «Сапун», что сейчас через 40 с лишним лет выдается нашей рекламой за последние изобретения химико-парфюмерной промышленности. Через 4 года командировки при отъезде из Рио мы положили в контейнер и энное количество бутылочек спирта вместе с остальными вещами. Вес нас не смущал, даже свободного места оказалось много, напихивали уже и чужие вещи. Собственно, ничто нас не удерживало: контейнер-ящик шел морем до Одессы, потом на центральный вокзальный склад в Москве, потом просто сообщалось владельцу: берите, мол, чего там!

И вот приходит очередной водопроводчик прочистить слив в кухонной раковине, согнулся под ней в три погибели и гремит железяками. А я, вот, понимаете ли, заграничная штучка, решила в это время протереть кухонный кафель и, конечно же, по укоренившейся барской привычке, питьевым спиртом. Легко напевая себе что-то под нос, начинаю чистить плитки и вдруг слышу, что гроыхание под раковиной резко прекратилось, наступила подозрительная тишина. Потом из-под мойки высовывается голова, усиленно тянет носом воздух и недоуменно-недоверчиво спрашивает: «Что

это вы делаете?». Я, продолжая водить губкой по стене, безмятежно отвечаю: «Кафель протираю...» «Чем???!», – полустон-полувздых-полувопрос из-под мойки. «Спиртом», – говорю все так же безмятежно. Наступает довольно длительная пауза, а потом, видимо, вовсе не находя слов для моего вопиющего поведения, сантехник возмущенно и порицательно-раздраженно произносит: «Ну-у-у, Вы ващще!» Если бы можно было перевести это высказывание в слова, которыми он квалифицировал мое поведение на данный момент, мне бы мало не показалось. Но я утихомирила бурю негодования в его душе, налив в плоскую стеклянную фляжку 250 гр спирта. Слесарь удалился довольный-предовольный. Даже фляжечка была оригинальным подарком, т.к. он обрадовано повертел ее, любовно огладил и сказал, что ее очень удобно носить в заднем кармане брюк или вообще возле сердца. В дальнейшем он стал моим «лучшим сябром» – лучшим другом. Молодым приехал в Москву из моей любимой Белоруссии учиться, не поступил, да так и остался в столице. Имея золотые руки, пристроился в ЖЭК ведомственных домов Министерства Обороны, пил умеренно, получил квартиру из этого же ведомства, а потом через определенное количество лет уволился и открыл уже свою частную контору по обслуживанию домов. Умный и трудолюбивый человек найдет, где заработать. Тогда же Паша являлся по моему первому свистку и даже без него. Встречаясь возле домов, уже просто по-родственному спрашивал, все ли в порядке,

не надо ли чего посмотреть по линии канализации или водопровода. Прямо как персонаж из «Аристократки» Зощенко, только что в театр по контрамарке не приглашал!

Хорошо, что в доме не было рояля, а то я слышала очень забавный анекдот: к пианистке привезли рояль. Лифт, естественно, не работал. Когда грузчики подняли инструмент на верхотуру и, потирая руки, были в предвкушении ожидания «горючего», она вышла к ним, стеснительно извинилась и сказала: «Ой, ребята! У меня ничего выпить нет. Хотите я вам сыграю Баха?».

Я же совершенно не умею музицировать и хорошо, что у меня тогда «всё с собой было».

В Москве Люка, ещё на старой квартире на Шоссейной улице, стала героиней в глазах местных мальчишек. Одета в очень милое платьице из «Александрса», кокетливо выглядывающими из-под него пышно-кружевными трусиками, с бантами на пышных кудрях, в вышитых носочках, в изящных лакированных туфельках с бантиками и с автоматом в руках наперевес продиралась сквозь густые колючие кусты у дома и, изображая партизанскую вылазку, оглушительно палила из американского оружия. За ней, очарованные автоматом и его владелицей, через эти чересчур загущенные посадки, ломился хвост кавалеров такого же возраста. Иногда она по очереди милостиво разрешала им погрохотать из американского автомата.

На следующий год Люке предстояло пойти в первый

класс...